

Библиотека Всемирной Литературы

Александр Грибоедов

Пьесы. Стихотворения

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ГРИБОЕДОВ

Пьесы
Стихотворения

Серия основана издательством
ЭКСМО в 2002 году

Москва

2007

Вступительная статья и комментарии С. А. Фомичева

Разработка оформления серии А. Бондаренко

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты картин Ф. Толстого, И. Айвазовского

Г 75 **Грибоедов А. С.**
Пьесы. Стихотворения: Избранное / А. С. Грибое-
дов; [вступ. ст. и коммент. С. А. Фомичева]. — М.: Эксмо,
2007. — 800 с. — (Библиотека Всемирной Литературы).

ISBN 978-5-699-25332-6

Александр Сергеевич Грибоедов (1790 или 1795—1829) — русский писатель и дипломат, погибший от рук религиозных фанатиков. Современному читателю он известен скорее как «автор одного произведения» — комедии «Горе от ума». Этот сборник дает возможность лучше узнать творчество Грибоедова, в нем представлены его драматические произведения, стихотворения, статьи и путевые заметки, написанные во время дипломатических поездок.

УДК 82-1/-2
ББК 84(2Рос-Рус)

© Вступительная статья и комментарии.
С. А. Фомичев, 2007
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-25332-6

Содержание

С. Фомичев.
ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА ГРИБОЕДОВА 9

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Горе от ума 41
Молодые супруги 155
Студент 197
Отрывок из комедии «Своя семья,
или Замужняя невеста» 305
Притворная неверность 318
Проба интермедии 365
Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом 373

СТИХОТВОРЕНИЯ

От Аполлона 427
Лубочный театр 427
Кальянчи 429
Восток 432
Юность вещего 434
Давид 435
“Крылами порхая, стрелами звеня...” 436
Романс 436
Эпиграммы
“И сочиняют — врут, и переводят — врут!..” 437
“Как располагаются журнальные побранки!..” 437
Отрывок из Гёте 438
Телешовой 443
Хищники на Чегеме 444
“По духу времени и вкусу...” 447
А. О <доевскому> 447
<Освобожденный> 447
Домовой 449
Прости, Отечество! 449
Душа 450

СТАТЬИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ, ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

Письмо из Бреста-Литовска к издателю "Вестника Европы"	453
О кавалерийских резервах	460
О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады "Ленора"	465
Письмо к издателю "Сына Отечества" из Тифлиса	478
Заметка по поводу "Горя от ума"	482
Частные случаи Петербургского наводнения	483
Характер моего дяди	487
Загородная поездка	488

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Моздок-Тифлис. <13-22 октября 1818>	493
Тифлис-Тегеран. <29 января - 9 марта 1819>	498
Тегеран-Султанея. <8-28 июля 1819>	521
Рассказ Вагина. 10 июля <1819>	524
Миана-Тавриз-Гаргары. <17 августа - 7 сентября 1819>	525
Ананурский карантин. 29-го ноября <1819>	530
Тифлис-Тавриз. <10 января - февраль 1820>	531
Отдельные заметки	533
Крым. <24 июня - 12 июля 1825>	534
Эриванский поход. <12 мая - 1 июля 1827>	549

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

И.Д. Щербатову. <1808>	559
С.Н. Бегичеву. 9 ноября 1816	559
С.Н. Бегичеву. 5 декабря 1816	560
С.Н. Бегичеву. 4 сентября 1817	562
П.А. Катенину. 19 октября <1817>	563
С.Н. Бегичеву. 15 апреля 1818	565
С.Н. Бегичеву. 30 августа <1818>	567
С.Н. Бегичеву. 5 сентября <1818>	567
С.Н. Бегичеву. 9 сентября 1818	569
С.Н. Бегичеву. 18 сентября 1818	570
С.И. Мазаровичу. 12 октября <1818>	572
Я.Н. Толстому и Н.В. Всеволожскому. 27 января <1819>	574

С.И. Мазаровичу. 6 сентября 1819	575
С.И. Мазаровичу. 11-13 сентября 1819	576
С.И. Мазаровичу. 6 октября 1819	583
П.А. Катенину. Февраль 1820	587
А.И. Рыхлевскому. Февраль 1820	590
Н.А. Каховскому. 3 мая 1820	591
Н.А. Каховскому. 25 июня 1820	594
А.И. Рыхлевскому. 25 июня 1820	595
Н.А. Каховскому. 19 октября 1820	597
А.И. Рыхлевскому. 24 октября 1820	597
А.И. Рыхлевскому. 3 ноября 1820	598
Неизвестной. 17 ноября 1820	599
Неизвестному. <Ноябрь 1820>	600
Н.А. Каховскому. 27 декабря <1820>	601
В.К. Кюхельбекеру. <1 октября 1822 - конец января 1823>	602
Ю.К. Глинке. 26 января 1823	604
А.В. Всеволожскому. 8 августа <1823>	606
С.Н. Бегичеву. <10 июня 1824>	607
С.Н. Бегичеву. <Июнь 1824>	609
П.А. Вяземскому. 21 июня <1824>	612
П.А. Вяземскому. 11 июля <1824>	614
С.Н. Бегичеву. 31 августа <1824>	615
Ф.В. Булгарину. <Начало октября 1824>	616
П.А. Катенину. 17 октября <1824>	617
С.Н. Бегичеву. 4 января <1825>	620
С.Н. Бегичеву. <25 января 1825>	622
П.А. Катенину. <Первая половина января - 14 февраля 1825>	623
С.Н. Бегичеву. Февраль 1825	626
С.Н. Бегичеву. 4 июня 1825	627
В.Ф. Одоевскому. 10 июня 1825	628
С.Н. Бегичеву. 9 июля <1825>	630
С.Н. Бегичеву. 9 сентября 1825	631
С.Н. Бегичеву. 12 сентября <1825>	633
А.А. Бестужеву. 22 ноября 1825	635
В.К. Кюхельбекеру. 27 ноября 1825	637

С.Н. Бегичеву. 7 декабря 1825	639
А.А. Жандру и В.С. Миклашевич. 12 декабря 1825	642
Николаю I. 15 февраля 1826	644
Ф.В. Булгарину. 17 февраля – апрель <1826>	645
Н.А. Муханову. <Апрель – июнь 1826>	648
С.И. Алексееву. 3 июня <1826>	649
В.С. Миклашевич. <6 июня 1826>	650
А.А. Добринскому. 9 ноября <1826>	650
С.Н. Бегичеву. 9 декабря 1826	652
А.В. Всеволожскому. 19 марта 1827	654
Ф.В. Булгарину. 16 апреля 1827	655
П.Н. Ахвердовой. 28 июня 1827	657
П.Н. Ахвердовой. 3 июля 1827	659
И.Ф. Паскевичу. 26 июля 1827	661
И.Ф. Паскевичу. 30 июля 1827	662
И.Ф. Паскевичу. 16 марта 1828	679
И.Ф. Паскевичу. <Конец марта – начало апреля 1828>	681
А.И. Одоевскому. <Начало июня 1828>	684
Ф.В. Булгарину. 12 июня <1828>	685
Ф.В. Булгарину. 27 июня 1828	687
А.К. Амбургеру. 18 июля – 7 августа 1828	689
П.Н. Ахвердовой. 29 июля <1828>	692
П.Н. Ахвердовой. <Середина августа 1828>	692
А.К. Амбургеру. <Середина августа 1828>	693
Ф.В. Булгарину. 24 июля – <начало сентября 1828>	695
К.В. Нессельроде. Деша. 20 октября 1828	697
К.В. Нессельроде. 23 октября 1828	701
П.М. Сахно-Устимовичу. 30 октября 1828	703
Ф.В. Булгарину. <Конец ноября 1828>	705
К.К. Родофиникину. <Начало декабря 1828>	705
В.С. Миклашевич. <17 сентября – 3 декабря 1828>	708
И.Ф. Паскевичу. <3 декабря 1828>	711
Н.А. Грибоедовой. 24 декабря 1828	716
Дж. Макдональдсу. <Около 24 января 1829>	718
КОММЕНТАРИИ	721

ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА ГРИБОЕДОВА

Судьба! О, как тверды твои уставы!
 Великим средь Австралии зыбей
 Иль в Севера снегах – везде одно ли
 Присуждено? – Искать желанной доли
 Путем вражды, препятствий и скорбей!
А. С. Грибоедов, Юность вещего

1

В памяти последующих поколений Грибоедов остался автором одного произведения. Столь необычная, редкая, хотя повторяющаяся время от времени, писательская судьба всегда связана с выдающимся, из ряда вон выходящим, дотоле невиданным успехом “единственного” произведения.

Комедию “Горе от ума” воскресили к жизни нетерпеливые читатели. Не дождавшись ее публикации, подобно трудолюбивым древнерусским книжникам, они вновь и вновь переписывали для себя и своих друзей строки-откровения в заветные тетради. Надо ли говорить о том, что текст рукописный, в котором каждая буква – твоя, читается иначе, нежели размноженный “типографским снарядом”. Да и позже такая тетрадь читается особым – пусть это не автограф, но автор – вот он, где-то рядом... Не с его ли рукописи был переписан некогда этот текст?

Нам, то ли избалованным, то ли раздраженным “книжным бумом”, кажутся ничтожными обычные тиражи книг в эпоху, которая уже в ту пору была названа пушкинской. Необходимо немалое волевое усилие, чтобы представить, поверить, что новые произведения самого Пушкина расходились подчас лишь в сотнях экземпляров. А “Горе от ума” переписывалось тысячи и

тысячи раз. И этот процесс неустанный чтения-сотворчества не был остановлен появлением — после гибели писателя — первых изданий комедии. Читатель желал иметь текст, не искаженный цензурными купюрами. Замечателен в этом отношении один из списков “Горя от ума”, хранящийся ныне в Пушкинском Доме, выполненный в малом формате и со следующей резолюцией на обороте титульного листа: “Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании представлено было в Цензурный комитет узаконенное число экземпляров. С.-Петербург, 14 декабря 1838 года. Цензор А. Фрейганг”. Однако здесь же помечено: “помощник его А. Грибоедов”, и действительно, скопированное из второго издания комедии цензурное разрешение помещено с явной издевкой: текст в списке лишен цензурных изъятий. Выводя своей рукой день цензурного разрешения, почувствовал ли неведомый нам книжник “странное сближение дат”? Ровно 13 лет назад (чертова дюжина!) произошло восстание декабристов. Наиболее проникательные читатели это сближение наверняка оценили. А. И. Герцену к этому времени было 26 лет, позже он скажет о Грибоедове и его пьесе: “У автора есть задняя мысль, и герой комедии представляет лишь воплощение этой задней мысли. Образ Чацкого, меланхолический, ушедший в свою иронию, трепещущий от негодования и полный мечтательных идеалов, является в последний момент царствования Александра I, накануне восстания на Исаакиевской площади; это — декабрист, это — человек, который завершает эпоху Петра I и силится разглядеть, по крайней мере на горизонте, обетованную землю... которую он не увидит”¹.

Конечно, не каждый читатель грибоедовской комедии был так проникателен. Но можно ли сомневаться в том, что, переписывая пыльные тирады Чацкого, почти всякий ощущал себя подобным ему. Так, на титуле одного из списков помечено: “Из библиотеки артиллерии поручика Александра Сергеевича Чацкого” (точную владельческую надпись мы находим, впрочем, на последней странице того же списка, принадлежавшего, оказывается, некоему А. Чуносову)². Характерен в этом отношении и часто встречающийся в списках эпиграф к комедии:

Судьба, проказница-шалунья,
Определила так сама:
Всем глупым счастье от безумья,
Всем умным — горе от ума.

По происхождению это четверостишие имеет довольно далекое отношение к Грибоедову, являясь перифразой куплета (Вяземского) из оперы-водевиля Грибоедова и Вяземского “Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом”¹. Однако помещенный в списке эпиграф по-своему типизировал (через самого читателя) судьбу грибоедовского героя: “Всем умным — горе от ума”.

Это личное, особо доверительное отношение к комедии нескольких поколений не иссякло и после прекращения массовой рукописной традиции “Горя от ума”, вышедшего в свет в полном виде через год после реформы об отмене крепостного права. Произведение Грибоедова было не только литературным, но и сценическим; оно стало самым репертуарным спектаклем русского театра. И не смолкавшие на протяжении всей второй половины XIX века споры о том, в каких костюмах надлежит играть грибоедовских героев — современных или исторически достоверных, — только на первый взгляд могут показаться курьезами старой критики. За этим спором чувствуется та же пристрастность русской публики в восприятии “Горя от ума” — заветную пьесу никак не хотели отдавать прошедшей эпохе, спор Чацкого с фамусовщиной осознавался живым и неисчерпанным. Недаром в своем великолепном критическом этюде “Миллион терзаний” (1872) И.А. Гончаров предостерегал: “Некоторые критики возлагают на обязанность артистов исполнять и историческую верность лиц, с колоритом времени во всех деталях, даже до костюмов... Но при исполнении “Горя от ума” дело не в костюмах. Мы повторяем, что в игре вообще нельзя претендовать на историческую верность, так как живой след почти пропал, а историческая даль еще близка. Поэтому необходимо артисту прибегать к творчеству, к созданию идеалов по степени своего понимания эпохи и произведений Грибоедова. Это первое, то есть главное сценическое условие”².

Было бы странным, если бы такая пьеса, как “Горе от ума”, встречалась только с восторгом. Нет, реальные Фамусовы и Мол-

1 Герцен А.И. Сочинения в девяти томах, т. 8. М., 1958, с. 386.

2 Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина. Рукописный отдел, № 136796-86.

1 См. с. 373 наст. изд.

2 Гончаров И.А. Собрание сочинений, т. 8. М., 1955, с. 35.

чалины были возмущены. Чего, например, стоит отзыв о "Горе от ума" Д.П. Рунича, члена пресловутого Ученого комитета, затронутого в комедии: "Это не комедия, ибо в ней нет ни плана, ни завязки, ни развязки... Это просто поговорка в действии, в которой воскрешен Фигаро, но, как копия, далек от оригинала... В самой пьесе нет другой цели, чтобы сделать презрительным не порок, а возбудить презрение к одному только классу общества... Ему хотелось высказать свои философско-политические понятия, а о прочем он не думал"¹. С другой стороны, слишком личное, массовое, бытовое, не лишенное веяния моды восприятие комедии подчас снижало ее политическую остроту. Это особенно заметно в многочисленных стилизаторских перелицовках "Горя от ума". В подвалах русской литературы накопилось огромное количество "переделок" грибоедовской пьесы — прежде всего комедий и комедийных сцен в вольных стихах, стилизованных под грибоедовские. Герой их, обычно неслужащий дворянин, изливался в пылких филиппиках, но был начисто лишен политического свободомыслия и исповедовал либо тощие моральные прописи, либо прямо обскурантистские взгляды. "Грибоедовские котурны" лишь обнаруживали мелочность этих "пророков", выступающих — в противовес авторским замыслам — в окарикатуренном виде. Литература в данном случае своеобразно сближалась с жизнью, наглядно демонстрируя либеральное опошление идей дворянской революционности. Однако на протяжении XIX века сатирическое содержание "Горя от ума" не теряло своей злободневности. Его не только переписывали, не только постоянно цитировали, но образным его масштабом мерили иные исторические времена. Герои Грибоедова впоследствии свободно перешагивали порог фамусовского особняка и продолжали жить по новым законам, старея с годами (как стареют живые люди) и возрождаясь в новых поколениях, в потомках Фамусовых, Скалозубов, Молчалина, Репетилова. Были сатиры Курочкина, в которых поэт на лбах пореформенных "деятелей" обнаруживал клеймо грибоедовских героев. Были "Господа Молчалины" Салтыкова-Щедрина, полемически воссоздававшего возможную эволюцию этих типов в условиях иной исторической эпохи. В начале XX века особо близкой русским по-

этам оказалась лирико-трагическая тема "Горя от ума". Блок почувствовал в нем скрытый драматизм судьбы, необратимость рокового исхода — и вместе с тем гениальные прозрения, постоянную неуспокоенность и искания новых путей в искусстве¹.

Такова была судьба "главной книги" Грибоедова. Вполне естественно, что остальные его произведения — и те, которые некогда шли на сцене, и те, что были опубликованы при его жизни и позже, и те, о которых дошли лишь глухие воспоминания современников, — казались несоразмерными с великой комедией. Крайним выражением литературоведческого недоумения в этом смысле можно считать "мысль" петербургского профессора И.А. Шляпкина, который на лекциях в университете (конспект их за 1894—1895 годы сохранился в Пушкинском Доме) предполагал: "Невольно возникает мысль, не принадлежит ли эта пьеса кавказским сослуживцам и только пущена Грибоедовым в обращение". Печальный парадокс такого "откровения" оттенялся тем, что именно И.А. Шляпкин в 1889 году издал хорошо подготовленное полное собрание сочинений Грибоедова в двух томах, сопровождаемое хронологической канвой писателя и солидной грибоедовской библиографией. Это была, конечно, крайняя точка зрения (не столь уж и оригинальная, в принципе; вспомним, что нечто подобное говорили о Шекспире, да и не только о нем). В литературоведческом же обиходе утвердилась в качестве несомненной истины мысль о "литературном однодумстве" Грибоедова, "Горе от ума" было объявлено в творчестве писателя случайным откровением, не обещанным его заурядными ранними литературными опытами и не развившимся в поздних его замыслах. Так ли это?

2

А.С. Грибоедов в юности получил редкое по тем временам глубокое, разнообразное и основательное образование — сначала под руководством домашних гувернеров, затем в Благородном пансионе (1803). В 1808 году он закончил словесное отделение Московского университета, получив звание кандидата словесности, и в качестве вольнослушателя, вплоть до войны 1812 года, посещал

1 Письмо Д.П. Рунича к П.И. Сумарокову от 23 января 1832 г. (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, ф. 263, оп. 1, № 592). Неполностью опубликовано в "Русской старине" (1892, октябрь, с. 216—217).

1 Долгополов Л.К., Лавров А.В. Грибоедов в литературе и литературной критике конца XIX — начала XX в. — В кн.: А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977, с. 126.

лекции профессоров этико-политического отделения. Свободно владея основными европейскими языками и зная латынь, Грибоедов с юности приобрел склонность к серьезному чтению. Нередко читал он товарищам стихи своего сочинения, большую часть сатиры и эпиграммы. Вероятно, о каком-то литературном сообществе свидетельствует записка Грибоедова к И.Д. Щербатову от 1808 года¹, недаром здесь упоминается московский поэт, много обещавший, но рано умерший, — З.А. Буринский.

От этих литературных занятий до нас, к сожалению, ничего не дошло. Вернее, почти ничего — кроме содержания написанной в 1809 году пьесы: «Он написал в стихах пародию на трагедию «Дмитрий Донской», под названием «Дмитрий Дрянской», по случаю ссоры русских профессоров с немецкими за залу аудитории, в которой и русские и немецкий профессора хотели иметь кафедру. — Начинается так же, как и в трагедии, советом русских, которые хотят изгнать из университета немцев, потом так же кстати, как в трагедии явилась в стан княжна Ксения, пришла в университет Аксиния и т.п. Все приготовились к бою, но русские одержали победу. Профессор Дмитрий Дрянской, издававший журнал, вышел вперед, начал читать первый номер своего журнала, и немцы все заснули»².

Таково первое из известных нам произведений Грибоедова, которое требует пристального анализа, позволяющего понять реальную и литературно-пародийную направленность пьесы. Нельзя не отметить в этой связи, что с подобных пародий, перелицовывающих высокие сюжеты, начинали и другие русские поэты его поколения. Десятилетний А. Пушкин тогда же, пародируя «Генриаду» Вольтера, «написал целую героикокомическую поэму, песня в шести, под названием «Toliade», в которой героем был карла царя-туеядца Дагоберта, а содержанием — война между карлами и карлицами»³. Что порождало подобные опыты? Вероятно, прежде всего отталкивание от классицистических высоких образцов, пока еще интуитивное, но в высшей степени перспективное и упрочившееся в дальнейшей литературной практике. Существенно и то, что юность поэтов грибоедовского поколения совпала с периодом наполеоновских войн, которые в 1807 году вылились в

позорный для России Тильзитский мир, породивший широкое общественное недовольство. Не так ли возникла возможность трактовки военной темы — как пародийной? Поставленная на сцене в начале 1807 года трагедия В.А. Озерова «Дмитрий Донской» была восторженно принята зрителями, воспринимавшими патристические тирады героев как живой отклик на события войны с французами. Но наступило тильзитское отрезвление, и вместе с ним возросло критическое отношение к озеровской пьесе. В лекциях университетского профессора А.Ф. Мерзлякова подвергались критике исторические несообразности пьесы, сентиментально-элегические мотивы, столь противоречащие высокой героике сюжета, сами стихи, которые прямо объявлялись «дрянными» (не отсюда ли заглавие грибоедовской комедии?). Недаром почти одновременно с Грибоедовым пародию на трагедию Озерова написал другой университетский воспитанник, П.Н. Семенов, под названием «Митюха Валдайский» (1808), — в комедии драматизировался и соотносился с сюжетными перипетиями озеровской пьесы рассказ ямщика из третьей песни ироикокомической поэмы В.И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» о побоище зимгорцев с валдаками. Судя по сохранившемуся пересказу, ранняя комедия Грибоедова также была сориентирована на популярный литературный образец, на шутотрагедию И.А. Крылова «Трумп», широко распространенную в ту пору в списках: концовка комедии Грибоедова прямо соотнесена с финалом первого действия крыловской пьесы, кончающегося всеобщим храпом.

Любопытна и реальная основа «Дмитрия Дрянского»: как выясняется, здесь были осмеяны интриги магистра философии М.Т. Каченовского против профессора И.Т. Буле, приглашенного в 1804 году в Московский университет из Геттенгена. Буле был серьезным ученым и человеком независимых взглядов, что вызвало доносы попечителя Московского университетского округа П.И. Голенищева-Кутузова, который считал, что «государство должно быть очищено от моровой язвы лжеучения безбожных профессоров, коих не протезировать, а высылать за границу должно, и все университеты для спокойствия отечества от таких явных плевел очистить»¹. М.Т. Качиковский же, напротив, пользо-

1 См. с. 559 наст. изд.

2 А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 24.

3 А.С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 47.

1 См.: Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880, т. 2, с. 362; Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры. Ш., 1892, с. 159–162.

вался покровительством попечителя и при его протекции в конечном счете вытеснил Буле с занимаемой им кафедры.

Грибоедов высоко почитал Буле. Вместе с братьями Чаадаевыми в 1808 году он слушал его приватные лекции по истории философии. Позже, во время заключения на гауптвахте Главного штаба, Грибоедов вспоминал о книге “Сравнительная история системы философии”, подаренной профессором в университетские годы. Трудно судить, конечно, о литературных достоинствах не дошедшей до нас комедии Грибоедова, но по своей направленности она, во всяком случае, не была пустячком, свидетельствовала о перспективной литературной позиции начинающего автора и, пожалуй, о его оппозиционных взглядах.

Можно не сомневаться, что и эстетические воззрения передовой московской профессуры Грибоедовым усваивались глубоко и творчески. С.Н. Бегичев, подружившийся с драматургом в 1813 году, свидетельствовал: “...при первом знакомстве нашем вкус и мнение Грибоедова о литературе были уже сформированы... Из иностранной литературы я знал только французскую и в творениях Корнеля, Расина и Мольера видел верх совершенства. Но Грибоедов, отдавая полную справедливость их великим талантам, повторял мне: “Да зачем же они вклеили свои дарования в узенькую рамочку трех единств? И не дали воли своему воображению расхотиться по широкому полю”. Он первый познакомил меня с “Фаустом” Гете и тогда уже знал наизусть Шиллера, Гете и Шекспира”¹,

Случайна ли явственная переключка суждений Грибоедова с университетским курсом профессора П.А. Сохацкого, внушавшего своим слушателям: “Корнель хорошо знал древних, но подражал им слишком раболепно. Наблюдение трех единств поставлял он за величайшее достоинство трагедии и приучил французов всем жертвовать сей правильности и отвергать величайшие красоты, когда токмо они несходны с оными своенравными правилами... Шекспировы образцовые творения научают нас лучше, нежели оставшиеся в сем роде памятники древних, какое действие должна производить трагедия в наше время, при нынешних обстоятельствах правления и при нынешнем просвещении и нравах”².

Большим почитателем Шекспира был и Буле, считавший, что английский драматург был “великим знатоком и удачным живописцем человеческого сердца”, отмечавший его “отважный полет мысли”, “глубокую чувствительность”, “богатство воображения”, “оригинальность ума и веселость нрава”¹.

Нет, вовсе не неожиданно впоследствии Грибоедов выступит инициатором перевода на русский язык драмы Шиллера “Семела”, прямо обратится к гетевскому “Фаусту”, будет восхищаться красотами шекспировских “Ромео и Джульетты” и “Бури”, а в трагедийных своих замыслах стремиться вслед за Шекспиром “разгуляться по широкому полю воображения”. Об этом следует специально напомнить, ибо, забывая о московском периоде творчества Грибоедова, до сих пор некоторые авторы статей и книг об авторе “Торя от ума” не перестают удивляться, как мог перейти драматург от опытов камерной “легкой комедии” к широкому полотну “Торя от ума”.

И еще один пример, свидетельствующий, насколько основательно и глубоко были усвоены Грибоедовым почерпнутые в университете знания, в качестве вольнослушателя он посещал лекции по естественному праву университетского профессора Шлецера-сына. “Источником сего первобытного общественого образования народов, — внушал профессор, — почитаю неограниченное чувство свободы, избыток телесных и духовных сил, которые, в свою очередь, им поддержаны, усилены, возвышены... — в пример дикий обитатель Северной Америки, которого нравственное мужество и гордый дух возвышается мыслию, что он выходит на бой наряду с друзьями, действующими в виду равных, имеет врагов, непримиримых в ненависти и мщении, что слава его неотъемлема, что никакое неправосудие не похитит у него награды и не спасет от посрамления, что он будет судим без пристрастия и пощады; чувство собственного достоинства дает ему неограниченную гордость и силу, а мысль, что вместе с ним и сограждане его воспламенены единым духом, единою волею, усиливает в нем любовь к отечеству...”² Строки эти могут служить превосходным комментарием к произведениям

1 А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 26.

2 Главное начертание теории и история изящных наук Майнерса. Переведено с немецкого П. Сохацким. М., 1803, с. 47, 97.

1 Московские ученые новости, 1805, № 4, с. 32.

2 Шлецер. Взгляд на прошедшее, настоящее и будущее. — Вестник Европы, 1808, ч. 37, февраль, № 3, с. 245–246; см. возражение на эту статью в “Русском вестнике”, 1808, ч. 1, март, с. 398–407.

Грибоедова середины 1820-х годов: к драматической сцене “Серчак и Итляр”, к стихотворению “Хищники на Чегеме”.

Поэтические занятия юного Грибоедова отнюдь не поощрялись в семье. Матушка его, Настасья Федоровна Грибоедова, крутая и властная, ожидала для него служебных успехов и с презрением отзывалась о сочинительстве. Возможно, какие-то из ранних произведений Грибоедова были поэтому опубликованы анонимно и, может быть, не вполне потеряны для нас. С.Н. Бегичев писал впоследствии о своем друге: “...на пятнадцатом году его жизни обозначилось уже, что решительное его призвание — поэзия”¹. Можно ли сомневаться в том, что, осознав это, Грибоедов стремился увидеть свои стихи в печати в ту пору, когда авторское самолюбие столь велико и нетерпеливо?

3

Между тем наступил 1812 год. С началом военных действий Грибоедов вступает добровольцем в Московский гусарский полк. В боевых кампаниях ему участвовать не довелось. Неукомплектованный полк из Москвы был отправлен маршем в Казань, на марше Грибоедов серьезно заболел. В самом конце 1813-го он оказался в Брест-Литовске на службе в Кавалерийских резервах. Оттуда было послано в “Вестник Европы” “Письмо издателя”, впервые открывшее русскому читателю новое литературное имя: Грибоедов.

Статья посвящена описанию праздника в честь награждения начальника Кавалерийских резервов высоким орденом. Стихи, перемежающиеся здесь прозой, были написаны, по-видимому, второпях, “на случай”, но они по-своему декларативны, выражают мироощущение Грибоедова в те годы:

Философы в ученом заточенье,
Защитники уединенья,
Наш посетите стан, когда вам есть досуг.
Здесь узрите вы дружный, братский круг...
От книг пойдете вы на час,
Минута дорога для вас;
А мы на дней не ропщем скоротечность;
Они не истекут, доколе мы живем;
А там настанет вечность,
Так дней не перечтем.

1 А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 24.

С детства приверженный к серьезным занятиям, не с самим ли собой спорит автор? Конечно, здесь многое идет от поэты, от упоения гусарством, от молодецкой отваги “пасынка здорового рассудка”, по самохарактеристике Грибоедова. Но нельзя не заметить и другого: упоения радостями жизни, поэтизации ее простых, естественных проявлений, эпикуреизма, порыва к дружескому общению — все эти мотивы возобладали в русской литературе в послевоенную пору. Это было проявлением особого стиля в искусстве, стиля рококо, до сих пор еще не получившего “прав гражданства” в научных работах, что существенно обедняет наши представления об историко-литературном процессе в России первых десятилетий XIX века. Наиболее полно рокайльный стиль воплотился в поэзии Батюшкова, но редкий писатель того времени не прошел через школу легкой поэзии, артистически преобразующей быт, ценящей счастья миг. А.С. Пушкин в одной из поздних своих статей, процитировав изящное стихотворение Вольтера “на случай”, замечал: “Признаемся в *гососо* нашего запоздалого вкуса: в этих семи стихах мы находим более *слога*, более жизни, более мысли, нежели в подложине длинных французских стихотворений, писанных в нынешнем вкусе, где мысль заменяется исковерканным выражением, ясный язык Вольтера — напыщенным языком Ронсара, живость его — несносным однообразием, а остроумие — площадным цинизмом или вялой меланхолией”¹.

В беглом пушкинском замечании для нас ценно его живое ощущение стиля рококо, столь близкого ему по собственным юношеским стихам.

В том же стиле написана комедия Грибоедова “Молодые супруги”, которой он дебютировал на петербургской сцене в конце 1815 года.

Это было переделкой пьесы Крезе де Лессера “Семейный секрет” (1807), хотя и французский драматург, в свою очередь, был не вполне оригинален и в предисловии к своей пьесе указывал: “Сюжет этой комедии, взятый из старого сборника “Развлечения ума и сердца”, появился впервые в 1758 году под названием “Новая школа жен”. Муаси, автор этой пьесы, которую играли итальянские комедианты, имел шумный успех и показал в ней приятный талант”². Успех Муаси объяснялся тем, что в своей пьесе он

1 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, т. 7. Л., 1978, с. 284—285.

2 Crezé de Lesser. Secret du ménage. Paris, 1809, p. 5.

продолжил линию французской “чувствительной” комедии, выступившей против сословных предрассудков в вопросах брака¹. Изображение нравственного влияния любящей женщины, прославление семейных устоев, противопоставленных развращающему влиянию света, — все это было первыми проблесками отражения в литературе “третьесословных идей”, среди которых не последнее место занимала поэтизация семейного очага. Появившаяся во времена Империи переделка де Лессера существенно меняла акценты произведения. Содержание его становится более фривольным, но вместе с тем, в духе характерного для того времени ханжества, писатель облагородил сюжет, изгнав из него куртизанку (которая у Муаси учила кокетству молодую супругу), заменив ее кухней главного героя. Французский историк театра так определяет “идею” пьесы К. де Лессера: “Каков этот секрет? Вот он. Когда у вас ветреный муж, подобный г-ну д’Орбейлю, у которого в голове некая Аглая, особа не слишком большой добродетели, а также милая кузина г-жа д’Эркур, надо стараться кокетничать из всех сил для хорошей цели: вернуть своего мужа. Вот этот урок и получает бедная женщина от своей кузины, когда приходит сдавать свое оружие и спрашивает у нее совета”².

Почему Грибоедов обратился к жанру салонной комедии?

Это можно объяснить причинами вполне случайными: знакомство молодого автора с фактическим главой петербургского театра кн. А. А. Шаховским, посоветовавшим ему перевести пьесу, в которой некогда в Комеди Франсез блистала знаменитая актриса Марс. Однако отнюдь не случаен был благожелательный прием комедии Грибоедова русским зрителем, который до того не был знаком с оригинальной (написанной русскими стихами) легкой, или салонной, комедией. Опыт Грибоедова пришелся ко времени и не остался без продолжения. Вскоре одна за другой на русской сцене появятся пьесы Н.И. Хмельницкого, который доводит рокайльный драматургический жанр до возможной степени совершенства настолько, что Пушкин не шутя собирает “поместить в честь его целый куплет в 1-ую песнь Онегина”³ и сам задумывает

вслед Хмельницкому комедию “Насилу выехать решилась из Москвы”. Правда, строфа так и не была написана, а комедийный замысел остался одним явлением, которое, однако, несет в себе все признаки салонной комедии: светский флирт как основу содержания, ловко закрученную интригу — в данном случае при помощи переадресованного письма, — сулящую много забавных недоразумений, разговорную легкость афористического языка.

Пора салонной комедии на русской сцене была недолговечна (может быть, потому и осталась не отмеченной историками театра), но в конце 1810 — начале 1820-х годов эти пьесы имели своего благодарного зрителя, прежде всего в партере. Там собирався народ в основном молодой и — даже если служащий — предпочитавший разговорам о службе легкую беседу обо всем на свете, понимающий острое словцо и ради него подчас не щадящий ни моральных, ни государственных устоев; тон был ироничный и неуважительный — и именно здесь среди массы светских острословов находились будущие героини Сенатской площади. В салонной комедии зритель из партера увидел себя в качестве действующего лица. Не случайно автором первой из них стал “пасынок здравого рассудка” Грибоедов, не случайно его комедию высоко оценили в кружке “Зеленая лампа”.

А. Слонимский, сравнивший “Горе от ума” с русской комедией начала XIX века, справедливо заметил: “Грибоедов первый произвел реальную перестановку в традиционном сюжете, решительно став на сторону “ума”; “злым”, “гордецом” и “насмешником” кажется Чацкий только Софье и всему фамусовскому кругу”¹. Но “неожиданная перемена ситуации” в “Горе от ума” была подготовлена ранними комедийными опытами Грибоедова в жанре салонной комедии. Продуктивность этого жанра и его кратковременность одинаково закономерны. В нем своеобразно отразились широкие оппозиционные настроения дворянской интеллигенции, накануне 1825 года начинавшей с недоверием относиться к официальному славословию, которое прикрывало усиление реакции. Это и порождало скептицизм, ироническую позицию в жизни, нежелание заниматься “серьезными делами”, стремление всячески рассеять скуку, предаваясь “науке страсти нежной”. Онегин стал героем времени. Но в пушкинском романе в стихах

1 См.: Иванов И. Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века. М., 1895, с. 440.

2 Lintilhas E. Histoire générale du Théâtre en France, t. 5. Paris, 1910, p. 219.

3 Пушкин А.С. Полн. собр. соч., т. 10, с. 112.

1 Слонимский А. Пушкин и комедия 1815—1820 годов. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, т. 2. М. — Л., 1936, с. 41.

автор иронически отстранен от него. В салонной же комедии Онегинскими любовались.

Рамки салонной комедии, при всей ее стиховой культуре, эпиграмматическом языке, остроте бытовых зарисовок и психологизме, были все же узки и ограничены, но и в этих рамках Грибоедов совершает определенную эволюцию, подготавливающую создание его шедевра. В 1817 году он обращается к переделке комедии Барта “Ложные неверные”. Это тоже история забавных недоразумений у влюбленных, но манера письма Грибоедова в “Притворной неверности” становится более экспрессивной. Иронически настроенный Ленский (подобный Аристу в “Молодых супругах”) уже не несет в себе авторского мироощущения, он даже оценен достойным представителем светской толпы “без правил, без стыда, без чувств и без ума”; симпатии писателя отданы довольно рискованному для легкой комедии герою, серьезному и пылкому Рославлеву. Переделывая пьесу Грибоедов отчасти защищает Рославлева (во французской комедии — Дормильи) от авторской насмешки: страстность молодого человека там трактуется как черта комическая. Иначе у Грибоедова. Первый же монолог Рославлева “Кто ж говорит об них?..” предвосхищает страстные, обличающие “общественное мнение” речи Чацкого. Тем самым драматург исчерпывает возможности салонной комедии — дальше невозможно было двигаться, не разрушая этого жанра.

Еще круче и непримиримей порывает он с литературным стилем рококо в других своих комедийных опытах.

В те годы Грибоедов обратился к жанру бытовой комедии — комедии характеров, имеющей в русской драматургии богатую традицию. По общему признанию, в колоритных зарисовках провинциального быта в пьесе “Своя семья, или Замужняя невеста” (1817) уже угадывается будущий автор “Горя от ума”. Следует только напомнить, что сцены той же комедии, написанные его соавторами — Шаховским и Хмельницким, не менее колоритны, что само по себе подчеркивает значение национальной традиции, подготовившей появление великой комедии Грибоедова.

Не менее перспективна для него была и прозаическая пьеса “Студент” (1817, совместно с П. А. Катениным), осмеивающая бездарного стихотворца. Несомненно, образ Евлампия Беневоляского имел конкретную памфлетную цель: в его нелепо восторженных речах и неуклюжих виршах осмеивалось батюшковское направление в поэзии, то есть тот поэтический стиль ро-

коко, которому и сам Грибоедов был не чужд. Собственно, тип Беневоляского — в то время еще с сочувственной иронией — был намечен Грибоедовым в “Письме из Бреста Литовского” (1814):

Пииты же, как искони доселе,
Всех более шумели,
Не от вина, нет — на беду,
Всегда они в чаду:
Им голову кружит иное упоенье —
Сестер парнасских вдохновенье.

Теперь же подобный “пиит” подвергается безжалостному, уничижительному осмеянию. Мало того, что над ним открыто издеваются другие герои пьесы, сами по себе не вызывающие сочувствия, в какой-то мере предвосхищающие и Фамусова, и Молчалина, и Скалозуба, — к этому добавляется еще и авторский сарказм, превышающий, пожалуй, всякую меру.

А.А. Шаховской так вспоминал о первых своих шагах на литературном поприще: “Дядюшка мне сказал: “Похвально и с твоим именем писать стишки для удовольствия общества; но неприлично сделаться записным стихотворцем, как какому-нибудь студенту без всякого родства и протекции”¹. Возможно, он как-то рассказал об этом Грибоедову. Впрочем, и сам Грибоедов слышал нечто подобное от своей матери, еще будучи студентом и осознав уже тогда на всю жизнь “свое решительное призвание”.

Поставленная на сцене единственный раз, уже в начале XX века, комедия “Студент” вызвала возмущенную отповедь рецензента: “Грибоедов и Катенин унижают самое звание литератора, то звание, про которое М.Е. Салтыков уже холодеющей рукой писал своему сыну: “Паче же всего уважай звание литератора и предпочитай его всем прочим”... Кому принесен в жертву казанский студент Беневоляский, изображенный дурак дураком, выгнанный из дома, лишенный собственного достоинства, годный только для должности корректора и не приемлемый даже на государственную службу. Подумаешь, какой избыток образованных и просвещенных чиновников наполнял в то время канцелярии!..”²

1 Шаховской А. Вступление в мое неземное поприще. — Маяк, 1840, ч. 6, с. 43.

2 Русь, 1904, № 140.

Такая оценка не совсем справедлива, наверное, по единственной причине: комедия “Студент” самими авторами никогда не была обнародована. Для Грибоедова же она была во многом преодолением самого себя. Легкая поэзия, которой он отдал дань, не исчерпывала вполне его эстетических идеалов, она не была единственным направлением его творческих исканий, в какой-то мере была даже временным отступлением от юношеских заветов. Не потому ли так резко ополчается на нее Грибоедов? И удивительная вещь! Когда шут Беневольский патетически восклицает: “Вы, сударь, спрашивали, какие мои виды вдаль? Вот они: жизнь свободная, усмешка Музы — вот все мои желанья. Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они в сравнении с поэзией?”, нам, знающим наизусть “Горе от ума”, невольно приходят на память слова внешне похожие, но противоположные по тону:

Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется — враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам Бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным, —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем опасным!!

И здесь поэзия объявляется главным назначением, но — поэзия высоких общественных идеалов. Они недоступны Беневольскому, их предал забвению в салонной комедии и сам Грибоедов.

Любопытно, что перелицовка навыворот коллизии “Горя от ума” неизбежно возвращает к проблематике “Студента”. В 1831 году на сцене была впервые поставлена (она ставилась и позже) комедия-водевиль П.А. Каратыгина “Горе без ума”¹. Героем ее стал горе-рифмоплет, подобный Беневольскому, Яшуткин-младший (возможно, П. Каратыгин, по знакомству с авторами, читал “Студента”). Отрезвляет его от поэтического безумия дядя, Яшуткин-старший. Между прочим, стихи своего племянника расчетливый купец использует в качестве оберточной бумаги.

¹ Гос. центральный театральный музей. Рукописный отдел, № 13616.

Трудно отделаться от мысли, что И.А. Гончаров знал этот водевиль, приступая к работе над романом “Обыкновенная история”, первые главы которого кажутся даже пересыпанными цитатами из комедии “Студент”. Конечно, это не больше чем совпадение, но совпадение все-таки закономерное: в литературном развитии ничто, в общем-то, не пропадает. Рождение великих произведений всегда подготовлено многими усилиями так называемых “второстепенных писателей”, одним из которых до поры до времени был и Грибоедов.

4

В 1818 году образ жизни его снова круто меняется. Вопреки желанию, чиновник коллегии иностранных дел назначается секретарем персидской миссии и вынужден покинуть Петербург, где так удачно начала складываться его писательская судьба. “Музыканту и поэту нужны слушатели; их нет в Персии”, — пытался Грибоедов возражать министру иностранных дел, объявившему о назначении. Тщетно...

По пути к месту новой службы Грибоедов, впервые после шестилетнего отсутствия, попадает в Москву. Впечатления от старой столицы были безрадостны.

“В Москве все не по мне, — делится вскоре он своими впечатлениями с Бегичевым. — Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему... ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному, а притом “несть пророк без чести, токмо в отечестве своем, в сродстве своем и в дому своем”. Отечество, сродство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребенка, который теперь вырос, много повесничал, наконец становится к чему-то годен, определен в миссию и может со временем попасть в статские советники, а больше во мне ничего видеть не хотят”.

Может быть, именно здесь таится зерно замысла, которое потом разовьется в “Горе от ума”. Казалось бы, в творчестве Грибоедова наступил длительный перерыв. Нескончаемые путешествия по казенной надобности, утомительные и порой опасные, не давали возможности сосредоточиться, отдаться любимому делу, поэзии. Правда, в те годы задумана была какая-то поэма — о страннике, открывающем для себя неведомый, экзотический Восток. Но именно здесь, на Востоке, Грибоедов близко соприкасается с народной жизнью, остро осознает свой долг патрио-

та. Одной из главных задач персидской миссии он считает возвращение на родину русских солдат. “Хлопоты за пленных, — помечает в августе 1819 года Грибоедов в путевом дневнике. — Бешенство и печаль...”, а 6 сентября того же года так описывает выступление из Персии:

“Шум, брань, деньги. Отправляемся; камнями в нас швыряют, трех человек зашибли. Песни: “Как за реченькой слободушка”, “В поле дороженька”, “Солдатская душенька, задушевный друг”. Воспоминания. Невольно слезы накатились на глаза.

“Спевались ли вы в батальоне?” — “Какие, ваше благородие, песни? Бывало, пьяные без голоса, трезвые об России тужат...”

Разнообразные группы моего племени, я Авраам”.

Обилие ярких впечатлений, резкий контраст восточного быта с незатухающими в памяти сердца воспоминаниями о родине, частое одиночество, предрасполагающее к размышлениям, неустанная, столь обычная для него работа мысли подготавливали творческий взлет. 17 ноября 1820 года, в час пополуночи, в далеком персидском городе Тавризе Грибоедову привиделось во сне возвращение на родину, в дом любимой женщины, в круг давних знакомых, и обещание, данное им, — через год написать новую пьесу.

Он начал писать ее через год, в Тифлисе, а закончил еще три года спустя, получив длительный отпуск в Россию.

Ритм стремительного движения подчинит все действие в “Горе от ума”. Герой ее ворвется в застоялый быт не остывшим от дороги и вскоре вырвется оттуда, воскликнув: “Карету мне, карету!”

Все действие пьесы происходит в московском особняке, но он — лишь сценическая площадка, ничуть не ограничивающая необъятного художественного пространства произведения: мысль писателя объемлет всю Россию.

Все события комедии происходят в течение одних суток. Но день этот предстает мгновением эпохи. Сама намеченная автором драматическая коллизия требовала жесткого ограничения сценического времени. Лишь один день понадобился возвратившемуся на родину Чацкому, чтобы “отрезвиться сполна от слезоты своей, от смутнейшего сна”.

Дух анализа современной жизни пронизывает содержание “Горя от ума”. Большая, сложная жизнь постоянно разлагается Грибоедовым на ряды простых, выразительных, конкретных примет, что давало как бы срезы действительности в различных плоскостях. Перечисление при этом становится выразительным ху-

дожественным образом (“И впрямь с ума сойдешь от этих от одних // От пансионеров, школов, лицеев, как бишь их, // Да от ланкарточных взаимных обучений”), а разбросанные по всей комедии точные детали слагались в эпохальные картины — достаточно вспомнить постоянные в устах фамусовского общества ругательства (“фармазон”, “карбонари”, “якобинец”, “вольтерьянец”, “завиральные идеи”), которые напоминали об идейной атмосфере времени.

Насыщенность пьесы Грибоедова реалиями быта, жанровыми сценами, лицами предопределяла ее реалистическое качество. В сущности, здесь впервые с такой глубиной предстала панорама социального бытия России, во всей его иерархии, и каждому персонажу было определено точное место на социальной лестнице:

Не тот ли вы, к кому меня еще с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь, и жизнь его спасали: вдруг
На них он выменил борзые три собаки!!!

В этой мгновенной картине есть центр — “Нестор”, определенный сначала кругом ему подобных, а также лиц, раболепно ищущих у него покровительства, но тут же возникает образ слуг, равных по своему бесправию животным. Есть в этой клетке художественной структуры и особая психологическая глубина, в которой будто мерцает неразвернувшийся, одним словом (“усердствуя”) намеченный сюжет, по-русски трагический.

Слово в комедии не просто предельно значимо — оно всегда психологически точно. Так, “мы” в устах Фамусова (“Мы, например, или покойник дядя”) и “мы” Молчалина (“в чинах мы небольших”) звучат как антонимы. Языковая емкость в комедии Грибоедова обусловлена живым, сиюминутным рождением слова, свежесть которого не притупилась, не стерлась. Стихи “Горя от ума” потому и разошлись в пословицах, что в грибоедовских речениях спрессован мощный пласт культурной традиции. Скажем, “смесь французского с нижегородским” — что это? Невольно пришедший на ум Чацкому каламбур? Отчасти так, но за Чацким стоит Гри-

боедов, который помнит события 1812 года, когда московские баре, спасаясь от наполеоновского нашествия, бежали в приволжские по преимуществу города. В то время было широко известно стихотворение В.Л. Пушкина “К жителям Нижнего Новгорода” с жалобным рефреном: “Примите нас под свой покров // Питомцы волжских берегов”. Но вот что писал о тех же событиях в своем “Рославлеве” А.С. Пушкин, пародировавший кваснопатриотические рассуждения Загоскина: “Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Раstopчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр; кто отказался от лафита и принял за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни”¹. По возвращении в Москву и такой “патриотизм” быстро слинял. В “Письмах из Москвы в Нижний Новгород” И.М. Муравьев-Апостол, отец будущих декабристов, писал: “Войди в любое общество: презабавное смешение языков. Тут услышишь нормандское и русское пополам с вышесказанными. Уши вянут”². Воспользовавшись этим наблюдением, Грибоедов по-своему — еще саркастичнее, нежели Муравьев-Апостол, — отгенил трагикомическую ситуацию: от недавних невзгод московских бар остался лишь провинциальный диалект.

Принципиальным в комедии становится завет-пророчество Чацкого:

Воскреснем ли от чужевластья мод,
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя б по языку нас не считал за немцев!

Здесь важно, что умными в пьесе Грибоедова названы всерьез лишь Чацкий — и народ. И “Горе уму” (так первоначально называлась комедия) обжигает не только героя. Народ за рамками сюжета “Горя от ума”, но в оценке явлений жизни Грибоедов исходит из народных представлений.

1 Пушкин А.С. Полн. собр. соч., т. 6, с. 136.
2 Сын отечества, 1814, ч. XII, № 7, с. 24.

“Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его”, — замечал Грибоедов.

Годы создания “Горя от ума” были временем глубоких раздумий писателя о назначении искусства, о трагической судьбе поэта. В стихотворениях “Давид”, “Юность вещего”, “Телешовой”, в “Отрывке из Гете” намечена та же тема, которая будет раскрыта в духовных исканиях Чацкого. Земной, не чуждый светской суеты, он легко уязвим, но в своих откровениях, истину которых не может заглушить ропот глупцов, он возвышается над суетой дня, вершит суд будущего. Близкий к Грибоедову В.Ф. Одоевский указывал, что автор изображает в Чацком человека, к которому можно отнести стих поэта “Не терпит сердце немоты”¹. Комментарий к этому стиху Кюхельбекера отчетливо раскрывает, каким представлялся в грибоедовском кругу “высший смысл” его комедии: “...стих, которым бы должны руководствоваться все пишущие. Говори в печати, перед лицом стольких тебе незнакомых, только тогда, когда твое сердце не терпит немоты, и ты облагородишь звание писателя, твое авторство уже не будет ремеслом, твои слова, озаменованные вдохновением, будут живы, увлекательны, истинны”².

Чацкий представлен в комедии пророком, который “вопит в пустыне”, ибо для фамусовского общества нет пророка в отечестве своем. В столкновении пылкого правдолюбца с миром “бессловесных” обнажилась пропасть, отделившая вольнолюбивую дворянскую интеллигенцию от основной массы крепостнического дворянства. Личная драма героя подчеркнула бескомпромиссную принципиальность конфликта, отречение честного человека не только от расхожих “истин” и лицемерной “морали” общества, но и от самых кровных, интимных связей с ним.

Герой пьесы пережил “миллион терзаний”, он бежит прочь из Москвы в поисках, “где оскорбленному есть чувству уголок”. И все же произведение Грибоедова — комедия, выносящая окончательный приговор фамусовщине, вбивающая в нее осиновый кол. Это сплоченное низменными интересами общество может еще торжествовать, философствовать, важничать и клеветать, но “в высшем смысле” оно нежизнеспособно, неразумно, призрачно и

1 Московский телеграф, 1825, ч. 3, № 10. Антикритика, с. 4.
2 Сын отечества, 1825, ч. 102, с. 357.

лживо. Над драматической коллизией пьесы, оканчивающейся трагически для Чацкого, господствует оптимистический, победительный тон, который, по любимой пословице Грибоедова, и делает музыку...

5

В мае 1825 года Грибоедов покинул Петербург, направляясь к месту службы — в Тифлис. Впрочем, туда не нужно было спешить: А.П. Ермолов продлил отпуск. Почему же заторопился из столицы Грибоедов? Надоела суета? Тогда отчего же не укрылся он в тульском имении С. Бегичева, где его ждали? Зачем направился он по другой дороге, задержался в Киеве на несколько дней, а потом на три месяца скрылся в Крыму?

Эту тайну до некоторой степени раскрывает тетрадошка, озаглавленная "Desiderata" ("Пожелания"), первая запись в которой такова:

"В "Историческом исследовании о местоположении древне-го Тмутараканя" говорят под статью "Суздаль" (стр. VIII) о замечательной надписи, которая находится в храме Успения богородицы. Эта надпись существует ли еще? — Имеет ли признаки древности?"

И далее еще несколько десятков подобных заметок, открывающих серьезное изучение летописей и других памятников древнерусской письменности, а также научной литературы, касающейся истории Древней Руси. У всех этих заметок есть одна общая особенность: Грибоедов не просто читал книги — он готовился сам проверить почерпнутые в них сведения, уточнить на месте.

Можно не сомневаться, что это — след серьезной подготовки писателя к дальнейшей творческой работе. Со слов мемуаристов мы знаем, что в это время Грибоедов обдумывал планы двух, по крайней мере, трагедийных замыслов: о крещении Руси при великом князе Владимире и о князе Федоре Рязанском, который пал первой жертвой татаро-монгольского нашествия. Выписки в "Desidarata" тяготеют к этим сюжетам.

Вероятно, прежде всего решил он писать о князе Владимире и потому отправился по его следам. В крымском дневнике мы находим следы этого замысла: "NB. Воспоминание о великом князе Владимире", "Не здесь ли Владимир построил свою церковь?.. Может, великий князь стоял на том самом месте, где я теперь, между Песочной и Стрелецкой бухты... Впереди все вид-

но, что происходит в древнем Корсуне, и приступ легок..." Но и серьезная научная подготовка, и проверка почерпнутых сведений на месте оказались втуне.

9 сентября Грибоедов напишет из Феодосии Бегичеву: "... вот уже почти три месяца я провел в Тавриде, а результат нуль. Ничего не написал. Не знаю, не слишком ли я от себя требую? умею ли писать? право, для меня еще все загадка. — Что у меня с избытком найдется, что сказать, — за это ручаюсь, отчего же я нем? Нем как гроб!!" И чуть ниже: "Подожду, авось придут в равновесие мои замыслы беспредельные и ограниченные способности".

Последние годы Грибоедова сложились так, что времени на литературные занятия почти не оставалось. И все эти годы он жил надеждой оставить со временем службу и отдаться целиком своему призванию. В нем до конца дней своих Грибоедов видел смысл жизни: "Поэзия!! Люблю ее без памяти страстно, но любовь достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконец, что слава? По словам Пушкина:

Лишь яркая заплата
На ветхом рубище певца.

Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов? Все-таки Шереметев у нас затмил бы Омира, скот, но вельможа и крез. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов. Холод до костей проникает, равнодушные к людям с дарованием..."

Планы обступали: тревожили творческое воображение то события 1812 года, то разговор вельмож против армянского царя в первом веке, то современная грузинская жизнь. Почему же после "Горя от ума" почти ничего не удалось воплотить Грибоедову из его грандиозных замыслов?

На этот вопрос, очевидно, нельзя дать однозначного ответа. Да, времени для литературной работы почти не оставалось. Да, к каждому новому сюжету писатель подходил с высшими требованиями, стремясь в "просвещении стать с веком наравне", и, может быть, перегорал, тщательно обдумывая новый замысел, и остывал к нему. Мемуарист вспомнил, что во время последнего посещения Петербурга вестником Туркманчайского мира Грибоедов, между прочим, заметил: "Многие слишком долго пригото-

ляются, собираясь написать что-нибудь, и часто все оканчивается у них сборами. Надобно так, чтобы *вздумал и написал*¹. Не о себе ли самом говорил писатель?

Важной причиной постоянной неудовлетворенности своими замыслами была, конечно, оторванность Грибоедова от живой литературной жизни. В конце 1810 — начале 1820-х годов это было не так важно. Комедия “Горе от ума” подводила итоги предшествующего развития русской литературы, и потому драматург, по собственному признанию, мог писать “свободно и свободно”, чувствуя себя уверенно, зная, как и что нужно говорить. К середине же 1820-х годов литературная ситуация изменилась, каждое новое пушкинское произведение открывало новые дали, а плестись в хвосте у кого-либо Грибоедов не мог. Недаром так настойчиво он просит в письмах прислать трагедию “Борис Годунов”, лишь заслышав о ней, прочтя в журнальной публикации одну ее сцену. В мае 1828 года он услышит пушкинское произведение в исполнении автора, и не это ли остановит публикацию собственной трагедии “Грузинская ночь”, которая к тому времени была завершена? Он откажется прочесть всю ее даже другу, заметив: “Я теперь еще к ней страстен и дал себе слово не читать ее пять лет, а тогда, сделавшись равнодушнее, прочту, как чужое сочинение, и если буду доволен, то отдам в печать”². Дошедшие до нас две сцены последней грибоедовской трагедии не позволяют узнать в самой фактуре стиха автора “Горя от ума” — могучего владыку вольных ямбов. “Грузинская ночь” читается с напряжением, как и другие поздние стихотворения Грибоедова. Вероятно, в этом надо увидеть осознанную им потребность в реформе стихотворной речи, попытку прямо проникнуть в суть вещей. К созданию каждого своего стихотворения Грибоедов, кажется, подходит со стремлением воссоздать обобщенную картину мира и человечества, и поэтические строки утяжеляются, на них печать своеобразного теоретизирования, противопоставленного будто бы самой сути поэзии. Было бы наивно считать, что автор “Горя от ума” вдруг разучился писать стихи, перестал владеть раскованным, живым русским словом, потерял слух, рождающий стремительные, вольные ритмы. Нет, он учился писать по-новому, но еще не выработал законченной новой системы. Что-то в поздних стихах Григо-

едова напоминает зрелую лирику Баратынского, с ее напряженным биением трагической мысли, острым ощущением жестких ритмов “века железного”. В сюжете “Грузинской ночи” (он также известен в пересказе мемуариста) открывается неожиданное сходство с “Кавказским пленником”, но не Пушкина, а юного Лермонтова, трагически углубившего пушкинскую коллизию. Вероятно, такого рода совпадения лучше всего свидетельствуют о том, что Грибоедов не остановился в своем развитии, не сбился с пути, а шел в русле движения русской литературы.

Анализируя дошедший до нас план грибоедовского замысла о 1812 году, Б.М. Эйхенбаум отказывается видеть в нем набросок произведения драматического, отмечая черты чистой эпики¹.

Несомненно, Грибоедов обдумывал все же драму, но намеченный им план действительно поражает эпическим размахом. “История начала войны, взятие Смоленска, народные черты, приезд государя, обзор раненых, рассказ о битве Бородинской”, “Зимние сцены преследования неприятеля и ужасных смертей” — как собирался сценически оформить Грибоедов эти пункты плана? Не в монотонных монологах же, которые неизбежно разрушили бы драматургическое действие. Очевидно, здесь необходимо была цепь коротких, стремительных сцен, но сколько понадобилось бы их для полноты картины? Вместились ли бы они в сценическое время, всегда ограниченное рамками одного спектакля?

Та же широта и подлинно эпическая проработка деталей в плане “Родамиста и Зенобии”: “Дебрь, лай, звук рогов, гром бубен”, “По-восточному прямолинейная аллея чинаров, миндальных деревьев, которые все примыкают к большой пурпурной ставке”, “В 3-м уже действии возмущение делается народным, но совсем не по тем причинам, которыми движимы вельможи; восстав сама собою, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похищениями у граждан жен и имуществ восстанавливает их против себя”.

Эти планы оставляют впечатление однородных с “Путевыми заметками” Грибоедова, которые он вел конспективно, собираясь позже, для Бегичева, развернуть их в подробный рассказ устно или письменно, как придется. Вот, например, запись от 24 авгу-

1 А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 164.

2 Там же, с. 31.

1 Труды Отдела древнерусской литературы, т. 14. М.—Л., 1958, с. 546; см. также: Гозенпуд А. Музыкальный театр в России. Л., 1959, с. 352: «...у нас нет решительно никаких оснований считать «1812 год» замыслом драматического произведения».

ста 1819 года: "Подметные письма. Голову мою положу за несчастных соотечественников. Мое положение. Два пути, куда Бог приведет... Верещагин и шах-зада Ширазский. Поутру тьсяча туман чрезвычайной подати... Забит до смерти, четырем человекам руки переломали, 60 захватили. Резаные уши и багоги при мне".

Вспомним теперь снова недоуменное признание Грибоедова: "Что у меня с избытком найдется что сказать — за это ручаюсь, отчего же я нем?", вспомним его определение своих замыслов как "необъятных". Пожалуй, в этом не было метафорического преувеличения. Все-таки что сказать — для писателя главное, мучительные же поиски формы (как сказать) — также обычны.

Гибель подстерегла Грибоедова в период напряженного творческого кризиса, за которым, при свободном развитии, должно было наступить творческое прозрение. Нет задачи более неблагодарной, чем пытаться математически точно вычислить, во что могли бы вылиться замыслы гениального писателя. Они обязательно, в процессе работы, оказались бы непредсказуемыми, развились бы "свободно и свободно".

Но само эпическое качество грибоедовских планов, пожалуй, свидетельствовало о чуткости художника к задачам грядущего дня. В русской литературе заканчивалась эпоха поэзии. Сам Пушкин все настойчивее осваивал прозаические жанры. Пройдет несколько лет, и Белинский объявит о гоголевском, прозаическом периоде русской литературы. Не к этому ли подспудно шел и Грибоедов? Он, несомненно, владел языком прозы, порукой тому не столько немногие его статьи, но прежде всего путевые дневники и письма, особенно письма к друзьям. "Проза требует мыслей и мыслей", — заметил Пушкин. Можно ли сомневаться в том, что — развернись планы грибоедовских хроник в эпические полотна — они соответствовали бы гению Грибоедова.

И здесь следует вспомнить, что первым словом всех современников о Грибоедове было всегда — о его уме. Это поразительно! Интеллектуальный уровень общества (а он всегда оценивается не по статистически среднему, а по высшим проявлениям) был в то время чрезвычайно высок. И все же ни об одном современнике Грибоедова не говорили так, как о нем, его прежде всего выделяли из далеко не среднего уровня. Конечно, в понятие "ум Грибоедова" входила и поразительная эрудиция его, основанная на глубоком, систематическом образовании и развитая постоянными занятиями. Несомненно, ум Грибоедова был не только систематический, но и пылкий, дерзающий, проникающий в суть вещей.

Но только ли это восхищало в Грибоедове современников? Вслушаемся в их оценки. Пушкин: "Это один из самых умных людей в России. Любопытно послушать его"¹. Д.В. Давыдов (в письме к Ермолову от 12 мая 1824 года): "Я сейчас от вашего Грибоедова, с которым познакомился по приезду его сюда, и каждый день с ним вижусь. Мало людей мне по сердцу, как этот урод ума, чувств, познаний и дарования! Завтра я еду в деревню, и если о ком сожалею, так это о нем; истинно могу сказать, что еще не довольно насладился его беседою!"² С.Н. Бегичев: "Не имею довольно слов объяснить, до чего приятны были для меня частые (а особливо по вечерам) беседы наши вдвоем. Сколько сведений он имел по всем предметам!!! Как увлекателен и одушевлен он был, когда открывал мне, так сказать, нараспашку свои мечты и тайны будущих своих творений или когда разбирал творения гениальных поэтов!"³

Вполне очевидно, Грибоедов был гениальным рассказчиком, что мы почти не ощущаем в его произведениях, так как это естественное дарование он не считал еще искусством, а потому почти не доверял свои свободные импровизации перу и бумаге. В письме к Кюхельбекеру он даже как-то обмолвился: "...у меня дарование вроде мельничного колеса; и коли дать ему волю, так оно вздор замелет".

Кажется, лишь однажды он дал себе волю: представив, по собственному признанию, "в суетном наряде" то, что должно было, по сокровенной мысли, стать "сценической поэмой". Так было создано "Горе от ума".

К сожалению, собеседники почти не донесли до нас устных рассказов Грибоедова. Вероятно, потому, что записывать их было затруднительно: в простом пересказе, не воодушевленные живой и пылкой мыслью писателя, они многое теряли.

Поэтому стоит решиться на одну длинную цитату — из романа Булгарина, в котором была потревожена тень Грибоедова. Потревожена втуне, так как булгаринский А.С. Световидов холдулен и неинтересен, кроме одного размышления вслух, которое кажется записанным сразу же, чуть ли не стенографически:

"Женщина умная, с твердым характером есть олицетворение нравственной силы, которою управляется человечество. Греческая мифология есть не что иное, как философия природы

1 А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 160.

2 Щукинский сборник, вып. 9. М., 1910, с. 325.

3 А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 29.

(Naturphilosophie) в лицах, роман нравственного мира. Греческая мифология объяснила эту великую истину! Представляя физическую власть над землею мужчинам, мифология подчиняет нравственный мир женщинам. Венера, то есть красота, Минерва, то есть мудрость, Юнона, или женская твердость и постоянство, — господствуют на Олимпе. Музы тоже женщины. Древние поэты, перед началом своего труда, приносили жертву Грациям, и оттого творения их восхищают род человеческий в течение веков! Кто никогда не любил, кто не подчинился влиянию женщин, тот не произвел и не произведет ничего великого, потому что сам мал душою. Исполни нашего века, Наполеон, до тех пор был счастлив, пока очарование Иозефины действовало на него. Это народное предание, может быть, не согласное с историей, но я люблю народные предания, потому что они основываются всегда на нравственной истине, а история весьма часто разведена на лжи, на догадках и предположениях мудрецов, которым мир представляется вверх ногами, чрез стекло их испорченности или кабинетной недогадливости... У женщин, братец, есть особое чувство, которое французы называют такт (tact). Этого слова нельзя перевести не только буквально, но даже перифразой ни на один язык. Немцы перевели его: Gefühlssinn — это почти то же, что мысль или разум чувствований. Этот перевод кажется мне довольно близок к смыслу подлинника. Такт есть то же, что гений или дух Сократа: внутренний оракул. Следуя внушению этого оракула, женщина редко ошибается, но оракул этот действует только в сердце, которое любит. Мать, сестра, жена, любовница видят в будущем и постигают внутренним чувством лучше, нежели мужчина чувствованием, что полезно, что вредно для сына, брата, мужа, любовника. Азиатцы до тех пор останутся варварами, невеждами, а следовательно, и бессильными в политическом мире, пока не признают власти женщин и не подчинятся их нравственной силе. Петр Великий начал с того, что растворил терема. Те между нами, которые не признают этой нравственной власти и силы женщин, — те же азиатцы, те же варвары!¹

Грибоедов был, как известно, прекрасным музыкантом-импровизатором, и кто из его близких приятелей не слушал, как часами он играл на фортепьяно? Записанными оказались лишь два

1 Булгарин Ф.В. Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни. СПб., 1835, 41—44.

вальса Грибоедова, остальное, как говорится, кануло в вечность. Но так ли бесследно кануло? Существует предание, что в некоторых романсах Алябьева сохранились грибоедовские темы. Есть и вполне определенное свидетельство на этот счет: в 1828 году, в Петербурге, Грибоедов наиграл М.И. Глинке мелодию грузинской песни, которая композитором была положена в основу его романса; позже на эту музыку Пушкин сочинил стихи “Не пой, красавица, при мне...”. В поэтической практике Пушкина это был беспрецедентный случай. Прослышав в конце 1823 года, что Вяземский сочиняет с Грибоедовым водевиль на музыку Верстовского, Пушкин заметит укоризненно: “Что тебе пришло в голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чин чина почитай. Я бы и для России не пошевелился”². Спустя пять лет он нарушил правило. Для юного Глинки? Скорее все же для Грибоедова.

Если музыкальные импровизации Грибоедова, несмотря на их сиюминутную мимолетность, все же остались в истории русской культуры, неужели его вдохновенные беседы пропали без следа? Невозможно поверить в это. Не воплощенные в литературную форму, они будили ответную мысль. Александр и Владимир Одоевские, Бестужевы и Рылеев, Кюхельбекер и Пушкин — разве их творчество не стало в чем-то богаче, соприкоснувшись с грибоедовским гением?

Об этом нужно помнить, говоря о литературной судьбе Грибоедова, до конца не свершившейся, но отнюдь не исчерпанной все же его “Горем от ума”.

И еще об одном застаревшем недоразумении необходимо сказать под конец.

В июне 1828 года, во время последнего свидания с Бегичевым, отправляясь в свою последнюю поездку на Восток, Грибоедов оставил другу пухлую пачку черновых бумаг, которые тот потом тщательно переплел, а позже передал Черновую тетрадь Грибоедова почитателю и дальнему родственнику драматурга, Д.А. Смирнову. Последний успел напечатать (к сожалению, с пропусками) эти бумаги в 1859 году, в журнале “Русское слово”. Впоследствии тетрадь погибла при пожаре имения Смирнова.

Трудно переоценить значение этих материалов для творческой биографии Грибоедова, ставших нам известными из публикации. Здесь черновики стихов и драматических сцен, планы

1 Пушкин А.С. Полн. собр. соч., т. 10, с. 57.

произведений, путевые записки, исторические заметки Грибоедова, о которых частично упоминалось выше. Не будь всего этого, наши знания о его творчестве были бы значительно беднее. Все это так.

Вместе с тем наброски, сохранившиеся в Черновой, кажутся зачастую бледным подобием опубликованных произведений Грибоедова. Это-то и создает впечатление, что в конце своего творческого пути драматург писал "хуже", чем в начале.

Нельзя вполне доверять такому впечатлению. Нужно помнить, что у Бегичева писателем — за исключением "Путевых заметок", которые и адресованы другу, — оставлены бумаги именно черновые, которые ему уже были не нужны. Вовсе не потому, что он решительно расставался с поэзией, которую любил "без памяти, страстно". Все необходимое, более обработанное, может быть, даже и кое-что завершенное он захватил с собой.

После разгрома российского посольства в Тегеране 30 января 1829 года юной вдове Грибоедова возвратили и личные вещи, и даже книги покойного. Ни одной бумаги из его архива возвращено не было. Этот факт, между прочим, наглядней всего свидетельствует, что фанатичная толпа, возбужденная призывами к "священной войне" с гяурами, выполнила в чьих-то руках роль слепого орудия. Кто-то ведь собрал до листка все бумаги русского полномочного министра в Персии? Где они, эти бумаги? Уничтожены ли они позже, после внимательного просмотра, или же хранятся до сих пор в каком-то секретном архиве? Дипломатические депеши и инструкции сейчас уже не столь интересны, хотя и имеют, конечно, определенное историческое значение. Но где авторский экземпляр гениального "Торя от ума", с которым едва ли расставался Грибоедов? Где трагедия "Грузинская ночь"? Где тетрадь с последними путевыми письмами к Бегичеву, которые, по обусловленной еще в 1818 году договоренности со своим другом, не переставал никогда набрасывать Грибоедов, предвкушая новую встречу с ним, когда, заглядывая в свой конспект, он собирался вновь рассказать о том, что пережил и перечувствовал на чужбине? Где письма Нины, писавшей мужу чуть ли не ежедневно? А может быть, и другие произведения автора "Торя от ума", нам доселе неведомые?

Кто знает, возможно, когда-нибудь мы их и прочтем.

Сергей Фомичев

КОМЕДИИ. ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ

ГОРЕ ОТ УМА

Комедия в четырех действиях в стихах

Действующие лица

ПАВЕЛ АФАНАСЬЕВИЧ ФАМУСОВ, управляющий
в казенном месте.

СОФЬЯ ПАВЛОВНА, его дочь.

ЛИЗАНЬКА, служанка.

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ МОЛЧАЛИН, секретарь
Фамусова, живущий у него в доме.

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ЧАЦКИЙ.

ПОЛКОВНИК СКАЛОЗУБ, Сергей Сергеевич.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА, молодая дама } Горичи.

ПЛАТОН МИХАИЛОВИЧ, муж ее

КНЯЗЬ ТУГОУХОВСКИЙ и

КНЯГИНЯ, жена его, с шестью дочерьми.

ГРАФИНЯ БАБУШКА } Хрюмины.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА

АНТОН АНТОНОВИЧ ЗАГОРЕЦКИЙ.

СТАРУХА ХЛЁСТОВА, свояченица Фамусова.

Г. N.

Г. D.

РЕПЕТИЛОВ.

ПЕТРУШКА и несколько говорящих слуг.

Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.

Официанты Фамусова.

Действие в Москве в доме Фамусова.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ I

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откуда слышно фортопьяно с флейтою, которые потом умолкают.

Лизанька *среди комнаты спит, свесившись с кресел.*
(*Утро, чуть день брежжится.*)

Лизанька

(*вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается*)

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!

Вчера просилась спать — отказ,

“Ждем друга”. — Нужен глаз да глаз,

Не спи, покудова не скатись со стула.

Теперь вот только что вздремнула,

Уж день!.. сказать им...

(*Стучится к Софии.*)

Господа,

Эй! Софья Павловна, беда:

Зашла беседа ваша за ночь;

Вы глухи? — Алексей Степаныч!

Сударыня!.. — И страх их не берет!

(*Отходит от дверей.*)

Ну, гость неприглашенный,

Быть может, батюшка войдет!

Прошу служить у барышни влюбленной!

(*Опять к дверям.*)

Да расходитесь. Утро. — Что-с?

(*Голос Софии*)

Который час?

Лизанька

Всё в доме поднялось.

София

(*из своей комнаты*)

Который час?

Лизанька

Седьмой, осьмой, девятый.

София

(*оттуда же*)

Неправда.

Лизанька

(*прочь от дверей*)

Ах! амур проклятый!

И слышат, не хотят понять,

Ну что бы ставни им отнять?

Переведу часы, хоть знаю: будет гонка,

Заставлю их играть.

(*Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.*)

ЯВЛЕНИЕ 2

Лиза и Фамусов.

Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.

(*Останавливает часовую музыку.*)

Ведь экая шалунья ты, девчонка.

Не мог придумать я, что это за беда!

То флейта слышится, то будто фортопьяно;

Для Софии слишком было б рано??

ЛИЗА

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

ФАМУСОВ

Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так, верно, с умыслом.

(Жметя к ней и заигрывает.)

Ой! зелье, баловница.

ЛИЗА

Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

ФАМУСОВ

Скромна, а ничего кроме
Проказ и ветру на уме.

ЛИЗА

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

ФАМУСОВ

Почти.

ЛИЗА

Ну, кто придет, куда мы с вами?

ФАМУСОВ

Кому сюда придти?
Ведь Софья спит?

ЛИЗА

Сейчас започивала.

ФАМУСОВ

Сейчас! А ночь?

ЛИЗА

Ночь целую читала.

ФАМУСОВ

Вишь, прихоти какие завелись!

ЛИЗА

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

ФАМУСОВ

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-от не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

ЛИЗА

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти, разбудите, боюсь.

ФАМУСОВ

Чего будить? Сама часы заводись,
На весь квартал симфонию гремишь.

ЛИЗА

(как можно громче)

Да полноте-с!

ФАМУСОВ

(зажимает ей рот)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь?

ЛИЗА

Боюсь, чтобы не вышло из того...

ФАМУСОВ

Чего?

ЛИЗА

Пора, сударь, вам знать, вы не ребенок;
У девушек сон утренний так тонок;

Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:
Всё слышат...

ФАМУСОВ
Все ты лжешь.

Голос Софии
Эй, Лиза!

ФАМУСОВ
(торопливо)
Тс!
(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)

ЛИЗА
(одна)
Ушел... Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

ЯВЛЕНИЕ 3
Лиза, София со свечкою, за ней Молчалин.

София
Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза
Конечно, вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

София
Ах, в самом деле рассвело!
(Тушит свечу.)
И свет и грусть. Как быстры ночи!

Лиза
Тужите, знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню что врала;
Ну что же стали вы? поклон, сударь, отвесьте.
Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:
Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

София
Счастливые часов не наблюдают.

Лиза
Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

София
(Молчалину)
Идите; целый день еще потерпим скуку.

Лиза
Бог с вами-с; прочь возьмите руку.
(Разводит их,
Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

ЯВЛЕНИЕ 4
София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

ФАМУСОВ
Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

МОЛЧАЛИН
Я-с.

ФАМУСОВ
Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты

Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас Бог не в пору вместе свел?

София

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг. Нельзя ли для прогулок

Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Заняты для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок! —

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевозу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испугал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристает, другой, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут...

София

(сквозь слезы)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,

Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоём ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин...
Монашеским известен поведением!..

Лиза

Осмелюсь я, сударь...

Фамусов

Молчать!

Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по лётам,
А пуще дочери, да сами добряки.
Дались нам эти языки!
Берем же побродяг, и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.

Ты, посетитель, что? ты здесь, сударь, к чему?
 Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
 Дал чин ассессора и взял в секретари;
 В Москву переведен через мое содействие;
 И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
 Он в доме здесь живет, великая напасть!
 Шел в комнату, попал в другую.

ФАМУСОВ

Попал или хотел попасть?
 Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно.

София

Вот в чем, однако, случай весь:
 Как давиче вы с Лизой были здесь,
 Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
 И бросилась сюда я со всех ног.

ФАМУСОВ

Пожалуй, на меня всю суматоху сложит.
 Не в пору голос мой наделал им тревог!

София

По смутном сне безделица тревожит;
 Сказать вам сон: поймете вы тогда.

ФАМУСОВ

Что за история?

София

Вам рассказать?

ФАМУСОВ

Ну да.
 (Садится.)

София

Позвольте... видите ль... сначала
 Цветистый луг; и я искала
 Траву
 Какую-то, не вспомню наяву.
 Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
 Увидим — будто век знакомы,
 Явился тут со мной; и вкрадчив, и умен,
 Но робок... Знаете, кто в бедности рожден...

ФАМУСОВ

Ах! матушка, не доверяй удара!
 Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало всё: луга и небеса. —
 Мы в темной комнате. Для довершенья чуда
 Раскрылся пол — и вы оттуда,
 Бледны, как смерть, и дыбом волоса!
 Тут с громом распахнули двери
 Какие-то не люди и не звери,
 Нас врознь — и мучили сидевшего со мной.
 Он будто мне дороже всех сокровищ,
 Хочу к нему — вы тащите с собой:
 Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
 Он вслед кричит!.. —
 Проснулась. — Кто-то говорит, —
 Ваш голос был; что, думаю, так рано?
 Бегу сюда — и вас обоих нахожу.

ФАМУСОВ

Да, дурен сон, как погляжу,
 Тут всё есть, коли нет обмана:
 И черти и любовь, и страхи и цветы.
 Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

ФАМУСОВ

Забавно.

Дался им голос мой, и как себе исправно
 Всем слышится, и всех сзывает до зари!
 На голос мой спешил, за чем же? — говори.

МОЛЧАЛИН

С бумагами-с.

ФАМУСОВ

Да! их недоставало.

Помилуйте, что это вдруг припало
 Усердье к письменным делам!

(Встает.)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
 Бывают странны сны, а наяву страннее;

Искала ты себе травы,
 На друга набрела скорее;
 Повыкинь вздор из головы;
 Где чудеса, там мало склада. —
 Поди-ка, ляг, усни опять.

(Молчалину.)

Идем бумаги разбирать.

МОЛЧАЛИН

Я только нес их для доклада,
 Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
 Противоречья есть, и многое не дельно.

ФАМУСОВ

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
 Чтоб множество не накопилось их;
 Дай волю вам, оно бы и засело;
 А у меня, что дело, что не дело,
 Обычай мой такой:

Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.)

ЯВЛЕНИЕ 5

София, Лиза.

Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
 Однако нет, теперь уж не до смеха;
 В глазах темно, и замерла душа;
 Грех не беда, молва не хороша.

София

Что мне молва? Кто хочет, так и судит,
 Да батюшка задуматься принудит:
 Брюзглив, неугомонен, скор,
 Таков всегда, а с этих пор...
 Ты можешь посудить...

Лиза

Сужу-с не по рассказам;
 Запрет он вас, — добро еще со мной;
 А то, помилуй Бог, как разом
 Меня, Молчалина и всех с двора долой.

София

Подумаешь, как счастье своенравно!
 Бывает хуже, с рук сойдет;
 Когда ж печальное ничто на ум не идет,
 Забылись музыкой, и время шло так плавно;
 Судьба нас будто берегла;
 Ни беспокойства, ни сомненья...
 А горе ждет из-за угла.

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
 Не жалуете никогда:
 Ан вот беда.
 На что вам лучшего пророка?
 Твердила я: в любви не будет в этой прока
 Ни во веки веков.

Как все московские, ваш батюшка таков:
 Желал бы зятя он с звездами, да с чинами,
 А при звездах не все богаты, между нами;
 Ну разумеется, к тому б
 И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он балы;
 Вот, например, полковник Скалозуб:
 И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
 Выслушивать о фрунте и рядах;
 Он слова умного не выговорил сроду, —
 Мне всё равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать речист, а больно не хитер;
 Но будь военный, будь он статский,
 Кто так чувствителен, и весел, и остер,
 Как Александр Андреич Чацкий!
 Не для того, чтоб вас смутить;
 Давно прошло, не воротить,
 А помнится...

София

Что помнится? Он славно
 Пересмеять умеет всех;
 Болтает, шутит, мне забавно;
 Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы? — Слезами обливался,
 Я помню, бедный он, как с вами расставался. —
 Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь...
 А он в ответ: “Недаром, Лиза, плачу,
 Кому известно, что найду я воротясь?
 И сколько, может быть, утрачу!” —
 Бедняжка будто знал, что года через три...

София

Послушай, вольности ты лишней не бери.
 Я очень ветрено, быть может, поступила,
 И знаю, и винюсь; но где же изменила?
 Кому? чтоб укорять неверностью могли.
 Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли:
 Привычка вместе быть день каждый неразлучно
 Связала детскою нас дружбой; но потом
 Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
 И редко посещал наш дом;
 Потом опять прикинулся влюбленным,
 Взыскательным и огорченным!!
 Остер, умен, красноречив,
 В друзьях особенно счастлив,
 Вот об себе задумал он высоко —
 Охота странствовать напала на него,
 Ах! если любит кто кого,
 Зачем ума искать и ездить так далёко?

Лиза

Где носится? в каких краях?
 Лечился, говорят, на кислых он водах,
 Не от болезни, чай, от скуки, — повольнее.

София

И, верно, счастлив там, где люди посмешнее.
 Кого люблю я, не таков:
 Молчалин за других себя забыть готов,
 Враг дерзости, — всегда застенчиво, несмело
 Ночь целую с кем можно так провести!
 Сидим, а на дворе давно уж побелело,
 Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
 Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Из глубины души вздохнет,
Ни слова вольного, и так вся ночь проходит,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит. —
Смеешься! можно ли! чем повод подала
Тебе я к хохоту такому!

Лиза

Мне-с?.. ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодой француз сбежал у ней из дому.
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить
И через три дни поседела.
(Продолжает хохотать.)

София

(с огорчением)

Вот так же обо мне потом заговорят.

Лиза

Простите, право, как Бог свят,
Хотела я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

Явление 6

София, Лиза, слуга, за ним Чацкий.

Слуга

К вам Александр Андреич Чацкий.
(Уходит.)

Явление 7

София, Лиза, Чацкий.

Чацкий

Чуть свет — уж на ногах! и я у ваших ног.
(С жаром целует руку.)

Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!

Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите.

Удивлены? и только? вот прием!

Как будто не прошло недели;

Как будто бы вчера вдвоем

Мы мочи нет друг другу надоели;

Ни на́волос любви! куда как хороши!

И между тем, не вспомнюсь, без души,

Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,

Верст больше седьмисот пронесся, — ветер, буря;

И растерялся весь, и падал сколько раз —

И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы ради? в добрый час.

Однако искренно кто ж радуется эдак?

Мне кажется, так напоследок

Людей и лошадей знобя,

Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,

Ей-Богу, нет пяти минут,

Как поминали вас мы тут.

Сударыня, скажите сами.

София

Всегда, не только что теперь. —

Не можете мне сделать вы упрека.

Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужа, из далёка —

С вопросом я, хоть будь моряк:

Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.

Блажен, кто верует, тепло ему на свете! —
 Ах! Боже мой! ужли я здесь опять,
 В Москве! у вас! да как же вас узнать!
 Где время то? где возраст тот невинный,
 Когда, бывало, в вечер длинный
 Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
 Играем и шумим по стульям и столам.
 А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом;
 Мы в темном уголке, и кажется, что в этом!
 Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик,
 дверь...

София
 Ребячество!

Чацкий
 Да-с, а теперь,
 В семнадцать лет вы расцвели прелестно,
 Неподражаемо, и это вам известно,
 И потому скромны, не смотрите на свет.
 Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
 Без думы, полноте смущаться.

София
 Да хоть кого смутят
 Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

Чацкий
 Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
 Что нового покажет мне Москва?
 Вчера был бал, а завтра будет два.
 Тот сватался — успел, а тот дал промах.
 Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София
 Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
 Где ж лучше?

Чацкий
 Где нас нет.
 Ну что ваш батюшка? всё Английского клоба
 Старинный, верный член до гроба?
 Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
 А этот, как его, он турок или грек?
 Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
 Не знаю, как его зовут,
 Куда ни сунься: тут как тут,
 В столовых и в гостиных.
 А трое из бульварных лиц,
 Которые с полвека молодятся?
 Родных мильон у них, и с помощью сестриц
 Со всей Европой породнятся.
 А наше солнышко? наш клад?
 На лбу написано: Театр и Маскерад;
 Дом зеленью раскрашен в виде рожи,
 Сам толст, его артисты тощи.
 На бале, помните, открыли мы вдвоем
 За ширмами, в одной из комнат посекретней,
 Был спрятан человек и щелкал соловьем,
 Певец зимой погоды летней.
 А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
 В ученый комитет который поселился
 И с криком требовал присяг,
 Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
 Опять увидеть их мне суждено судьбой!
 Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
 Когда ж постранствуешь, воротисься домой,
 И дым Отечества нам сладок и приятен!

София
 Вот вас бы с тетушкой свесть,
 Чтоб всех знакомых перечесть.

Чацкий
 А тетушка? всё девушкой, Минервой?
 Всё фрейлиной Екатерины Первой?

Воспитанниц и мосек полон дом?
 Ах! к воспитанью перейдем.
 Что нынче, так же, как издревле,
 Хлопочут набирать учителей полки,
 Числом поболее, ценою подешевле?
 Не то, чтобы в науке далеки;
 В России, под великим штрафом,
 Нам каждого признать велят
 Историком и географом!
 Наш ментор, помните колпак его, халат,
 Перст указательный, все признаки ученья
 Как наши робкие тревожили умы,
 Как с ранних пор привыкли верить мы,
 Что нам без немцев нет спасенья! —
 А Гильоме, француз, подбитый ветерком?
 Он не женат еще?

София
 На ком?

Чацкий
 Хоть на какой-нибудь княгине
 Пульхерии Андревне, например?

София
 Танцмейстер! можно ли!

Чацкий
 Что ж, он и кавалер.
 От нас потребуют с именем быть и в чине,
 А Гильоме!.. — Здесь нынче тон каков
 На съездах, на больших, по праздникам приходским?
 Господствует еще смешенье языков:
 Французского с нижегородским?

София
 Смесь языков?

Чацкий
 Да, двух, без этого нельзя ж.

София
 Но мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий
 По крайней мере не надутый.
 Вот новости! — я пользуюсь минутой,
 Свиданьем с вами оживлен,
 И говорлив; а разве нет времен,
 Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?
 Еще ли не сломил безмолвия печати?
 Бывало песенок где новеньких тетрадь
 Увидит, пристаёт: пожалуйста списать.
 А впрочем, он дойдет до степеней известных,
 Ведь нынче любят *бессловесных*.

София
 (в сторону)
 Не человек, змея!

(Громко и принужденно.)
 Хочу у вас спросить:
 Случалось ли, чтоб вы смеясь? или в печали?
 Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
 Хоть не теперь, а в детстве, может быть.

Чацкий
 Когда всё мягко так? и нежно, и незрело?
 На что же так давно? вот доброе вам дело:
 Звонками только что гремя
 И день и ночь по снеговой пустыне,
 Спешу к вам, голову сломя.
 И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
 Вот полчаса холодности терплю!
 Лицо святейшей богомолки!.. —
 И всё-таки я вас без памяти люблю.
 (Минутное молчанье.)

Послушайте, ужли слова мои все колки?
 И клонятся к чьему-нибудь вреду?
 Но если так: ум с сердцем не в ладу.
 Я в чудаках иному чуду
 Раз посмеюсь, потом забуду.
 Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София

Да, хорошо — сгорите, если ж нет?

ЯВЛЕНИЕ 8

София, Лиза, Чацкий, Фамусов.

ФАМУСОВ

Вот и другой!

София

Ах, батюшка, сон в руку.
(Уходит.)

ФАМУСОВ

(ей вслед вполголоса)

Проклятый сон.

ЯВЛЕНИЕ 9

ФАМУСОВ, ЧАЦКИЙ *(смотрит на дверь,
 в которую София вышла).*

ФАМУСОВ

Ну выкинул ты штуку!

Три года не писал двух слов!
 И грянул вдруг как с облаков.
(Обнимаются.)

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
 Рассказывай, чай у тебя готово

Собрание важное вестей?
 Садись-ка, объяви скорей.
(Садятся.)

Чацкий

(рассеянно)

Как Софья Павловна у вас похорошела!

ФАМУСОВ

Вам, людям молодым, другого нету дела,
 Как замечать девичьи красоты:
 Сказала что-то вскользь, а ты,
 Я чай, надеждами занесся, заколдован.

Чацкий

Ах! нет, надеждами я мало избалован.

ФАМУСОВ

“Сон в руку” — мне она изволила шепнуть,
 Вот ты задумал...

Чацкий

Я? — Ничуть.

ФАМУСОВ

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

ФАМУСОВ

Не верь ей, всё пустое.

Чацкий

Я верю собственным глазам;
 Век не встречал, подписку дам,
 Что б было ей хоть несколько подобно!

А.С. ГРИБОЕДОВ

ФАМУСОВ

Он всё свое. Да расскажи подробно,
Где был? Скитался столько лет!
Откудова теперь?

ЧАЦКИЙ

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет
И не объехал сотой доли.

(Встает поспешно.)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! Через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях.)

Как хороша!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

ФАМУСОВ

(один)

Который же из двух?

“Ах! батюшка, сон в руку!”

И говорит мне это вслух!

Ну, виноват! Какого ж дал я крюку!

Молчалин давиче в сомненье ввел меня.

Теперь... да в полмя из огня:

Тот нищий, этот франт-приятель;

Отъявлен мотом, сорванцом;

Что за комиссия, создатель,

Быть взрослой дочери отцом! —

(Уходит.)

Конец I действия

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

ФАМУСОВ, СЛУГА.

ФАМУСОВ

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь,
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же. — На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
*К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.*
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй — ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день... Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни статья, ни сесть.
Но память по себе намерен кто оставить
Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить;
Богат, и на богатой был женат;
Переженил детей, внучат;
Скончался; все о нем прискорбно поминают.

Кузьма Петрович! Мир ему! —
 Что за тузы в Москве живут и умирают! —
 Пиши: в четверг, одно уж к одному,
 А может, в пятницу, а может, и в субботу,
 Я должен у вдовы, у докторши, крестить.
 Она не родила, но по расчету
 По моему: должна родить.

ЯВЛЕНИЕ 2

ФАМУСОВ, СЛУГА, ЧАЦКИЙ.

ФАМУСОВ

А! Александр Андреич, просим,
 Садитесь-ка.

ЧАЦКИЙ

Вы заняты?

ФАМУСОВ

(Слуге)

Поди.

(Слуга уходит.)

Да, разные дела на память в книгу вносим,
 Забудется, того гляди.

ЧАЦКИЙ

Вы что-то не весёлы стали;
 Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
 Уж Софье Павловне какой
 Не приключилось ли печали?
 У вас в лице, в движеньях суета.

ФАМУСОВ

Ах! батюшка, нашел загадку,
 Не весел я!.. В мои лета
 Не можно же пускаться мне вприсядку!

ЧАЦКИЙ

Никто не приглашает вас;
 Я только что спросил два слова
 Об Софье Павловне, быть может, нездорова?

ФАМУСОВ

Тьфу, Господи прости! Пять тысяч раз
 Твердит одно и то же!
 То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
 То Софья Павловна больна.
 Скажи, тебе понравилась она?
 Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

ЧАЦКИЙ

А вам на что?

ФАМУСОВ

Меня не худо бы спроситься,
 Ведь я ей несколько сродни;
 По крайней мере искони
 Отцом недаром называли.

ЧАЦКИЙ

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

ФАМУСОВ

Сказал бы я, во-первых: не блажи,
 Именьем, брат, не управляй оплошно,
 А, главное, поди-тка послужи.

ЧАЦКИЙ

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

ФАМУСОВ

Вот то-то, все вы гордецы!
 Спросили бы, как делали отцы?
 Учились бы, на старших глядя:

Мы, например, или покойник дядя,
 Максим Петрович: он не то на серебре,
 На золоте едал; сто человек к услугам;
 Весь в орденах; езжал-то вечно цугом;
 Век при дворе, да при каком дворе!
 Тогда не то, что ныне,
 При государыне служил Екатерине.
 А в те поры все важны! в сорок пуд...
 Раскланяйся — тупеем не кивнут.
 Вельможа в случае — тем паче:
 Не как другой, и пил и ел иначе.
 А дядя! что твой князь? что граф?
 Сурьезный взгляд, надменный нрав.
 Когда же надо подслужиться,
 И он сгибался вперегиб:
 На кúrтаге ему случилось обступиться;
 Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
 Старик захохотал, голос хрипкой;
 Был высочайшею пожалован улыбкой;
 Изволили смеяться; как же он?
 Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
 Упал вдругóрядь — уж нарочно,
 А хохот пуще, он и в третий так же точно.
 А? как по-вашему? по-нашему — смьшлен.
 Упал он больно, встал здорово.
 Зато, бывало, в вист кто чаще приглашен?
 Кто слышит при дворе приветливое слово?
 Максим Петрович! Кто пред всеми знал почет?
 Максим Петрович! Шутка!
 В чины выводит кто и пенсии дает?
 Максим Петрович. Да! Вы, нынешние, — нутка!

Чацкий

И точно, начал свет глупеть,
 Сказать вы можете вздохнувши;
 Как посравнить да посмотреть
 Век нынешний и век минувший:

Свежо предание, а верится с трудом;
 Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
 Как не в войне, а в мире брали лбом,
 Стучали об пол не жалея!
 Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,
 А тем, кто выше, лесть, как кружево, плели.
 Прямой был век покорности и страха,
 Всё под личиною усердия к царю.
 Я не об дядюшке об вашем говору;
 Его не возмутим мы праха:
 Но между тем кого охота заберет,
 Хоть в раболепстве самом пылком,
 Теперь, чтобы смешить народ,
 Отважно жертвовать затылком?
 А сверстничек, а старичок
 Иной, глядя на тот скачок
 И разрушаясь в ветхой коже,
 Чай, приговаривал: "Ах! если бы мне тоже!"
 Хоть есть охотники поподличать везде,
 Да нынче смех страшит и держит стыд в узде;
 Недаром жалуют их скупо государи.

ФАМУСОВ

Ах! Боже мой! он карбонари!

ЧАЦКИЙ

Нет, нынче свет уж не таков.

ФАМУСОВ

Опасный человек!

ЧАЦКИЙ

Вольнее всякий дышит
 И не торопится вписаться в полк шутов.

ФАМУСОВ

Что говорит! и говорит, как пишет!

ЧАЦКИЙ

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

ФАМУСОВ

Он вольность хочет проповедать!

ЧАЦКИЙ

Кто путешествует, в деревне кто живет...

ФАМУСОВ

Да он властей не признает!

ЧАЦКИЙ

Кто служит делу, а не лицам...

ФАМУСОВ

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

ЧАЦКИЙ

Я наконец вам отдых дам...

ФАМУСОВ

Терпенья, мочи нет, досадно.

ЧАЦКИЙ

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу;
Уж так и быть, я не поплачу.

ФАМУСОВ

И знать вас не хочу, разврата не терплю.

ЧАЦКИЙ

Я досказал.

ФАМУСОВ

Добро, заткнул я уши.

ЧАЦКИЙ

На что ж? я их не оскорблю.

ФАМУСОВ

(скороговоркой)

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них порядка жди.

ЧАЦКИЙ

Я перестал...

ФАМУСОВ

Пожалуй, пощади.

ЧАЦКИЙ

Длить споры не мое желанье.

ФАМУСОВ

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНИЕ 3

СЛУГА

(входит)

Полковник Скалозуб.

ФАМУСОВ

(ничего не видит и не слышит)

Тебя уж упекут

Под суд, как пить дадут.

ЧАЦКИЙ

Пожаловал к вам кто-то на́ дом.

ФАМУСОВ

Не слушаю, под суд!

ЧАЦКИЙ

К вам человек с докладом.

ФАМУСОВ

Не слушаю, под суд! под суд!

ЧАЦКИЙ

Да обратитесь, вас зовут.

ФАМУСОВ

(оборачивается)

А? бунт? ну так и жду содома.

СЛУГА

Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

ФАМУСОВ

(встает)

Ослы! сто раз вам повторять?

Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,

Что очень рад. Пошел же, торопись.

(Слуга уходит.)

Пожало-ста, сударь, при нем остерегись:

Известный человек, солидный,

И знаков тьму отличья нахватал;

Не по летам и чин завидный,

Не нынче завтра генерал.

Пожало-ста при нем веди себя скромненько...

Эх! Александр Андреич, дурно, брат!

Ко мне он жалует частенько;

Я всякому, ты знаешь, рад,

В Москве прибавят вечно втрое:

Вот будто женится на Сонюшке. Пустое!

Он, может быть, и рад бы был душой,

Да надобности сам не вижу я большой

Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;

Ведь Софья молода. А впрочем, власть Господня.

Пожало-ста при нем не спорь ты вкривь и вкось
И завиральные идеи эти брось.

Однако нет его! какую бы причину...

А! знать, ко мне пошел в другую половину.

(Поспешно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

ЧАЦКИЙ

Как суетится! что за прыть!

А Софья? — Нет ли впрямь тут жениха какого?

С которых пор меня дичатся, как чужого!

Как здесь бы ей не быть!!.

Кто этот Скалозуб? отец им сильно бредит,

А может быть, не только что отец...

Ах! тот скажи любви конец,

Кто на три года вдаль уедет.

ЯВЛЕНИЕ 5

ЧАЦКИЙ, ФАМУСОВ, СКАЛОЗУБ.

ФАМУСОВ

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.

Прошу покорно, здесь теплее;

Прозябли вы, согреем вас;

Отдушничек отвернем поскорее.

СКАЛОЗУБ

(густым басом)

Зачем же лазить, например,

Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

ФАМУСОВ

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,

Сергей Сергеич дорогой!

Кладите шляпу, сденьте шпагу;
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.
(*Садятся все трое.*
Чацкий поодаль.)

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальними, — наследства не делить;
Не знали вы, а я подавно, —
Спасибо научил двоюродный ваш брат, —
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служащие чужие очень редки;
Всё больше сестрины, свояченицы детки;
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к креститишку ли,
к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да, счастье, у кого есть эдакий сынок!
Имеет, кажется, в петличке орденок?

Скалозуб

За третье августа; засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть — так хват.
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость!.. — читать!.. а после хват!..
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты;
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

Фамусов

Да, чем кого Господь поищет, вознесет!

Скалозуб

Бывает, моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале.

Фамусов

Помилуйте, а вам чего недостает?

СКАЛОЗУБ

Не жалуясь, не обходили,
Однако за полком два года поводили.

ФАМУСОВ

В погонь ли за полком?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

СКАЛОЗУБ

Нет-с, старее меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;
Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу:
Мне только бы досталось в генералы.

ФАМУСОВ

И славно судите, дай Бог здоровья вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше
Речь завести об генеральше?

СКАЛОЗУБ

Жениться? Я ничуть не прочь.

ФАМУСОВ

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь;
В Москве ведь нет невестам перевода;
Чего? плодятся год от года;
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

СКАЛОЗУБ

Дистанции огромного размера.

ФАМУСОВ

Вкус, батюшка, отменная манера;
На всё свои законы есть:

Вот, например, у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь:
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячки две родовых, —
Тот и жених.

Другой хоть прытче будь, надутый всяким
чванством,

Пускай себе разумником слыви,
А в семью не включат. На нас не подиви.
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать, — изволь;
Дверь отперта для званых и незваных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей — сынков и внучат.
Журим мы их, а если разберешь, —
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? — Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово — приговор, —
Ведь столбовые все, в ус никого не дуют;
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их... беда!
Не то чтоб новизны вводили, — никогда,
Спаси нас Боже! Нет. А придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и... разойдутся.
Прямые канцлеры в отставке — по уму!
Я вам скажу, знать, время не приспело,
Но что без них не обойдется дело. —
А дамы? — сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай Бог терпение, — ведь сам я был женат.

Скомандовать велите перед фрунтом!
 Присутствовать пошлите их в Сенат!
 Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
 Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
 А дочек кто видал, всяк голову повесь...
 Его величество король был прусский здесь,
 Дивился не путем московским он девицам,
 Их благодатью, а не лицам;
 И точно, можно ли воспитаннее быть!
 Умеют же себя принарядить
 Тафтицей, бархатцем и дымкой,
 Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой;
 Французские романсы вам поют
 И верхние выводят нотки,
 К военным людям так и льнут,
 А потому, что патриотки.
 Решительно скажу: едва
 Другая сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

По моему сужденье,
 Пожар способствовал ей много к украшенью.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли крехтят!
 С тех пор дороги, тротуары,
 Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома новы, но предрассудки стары.
 Порадуйтесь, не истребят
 Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов

(Чацкому)

Эй, завяжи на память узелок;
 Просил я помолчать, не велика услуга.

(Скалозубу.)

Позвольте, батюшка. Вот-с — Чацкого, мне друга,
 Андрея Ильича покойного сынок:
 Не служит, то есть в том он пользы не находит,
 Но захоти — так был бы деловой.
 Жаль, очень жаль, он малый с головой,
 И славно пишет, переводит.
 Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
 И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все также осуждают.

Чацкий

А судьи кто? — За древностию лет
 К свободной жизни их вражда непримирима,
 Сужденья черпают из забытых газет
 Времен Очаковских и покоренья Крыма;
 Всегда готовые к журьбе,
 Поют всё песнь одну и ту же,
 Не замечая об себе:
 Что старее, то хуже.

Где, укажите нам, отечества отцы,
 Которых мы должны принять за образцы?

Не эти ли, грабительством богаты?
 Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
 Великолепные соорудя палаты,
 Где разливаются в пирах и мотовстве,
 И где не воскресят клиенты-иностранцы
 Прошедшего житья подлеишие черты.
 Да и кому в Москве не зажимали рты
 Обеды, ужины и танцы?

Не тот ли вы, к кому меня еще с пелён,
 Для замыслов каких-то непонятных,

Дитёй возили на поклон?
 Тот Нестор негодяев знатных,
 Толпою окруженный слуг;
 Усердствуя, они в часы вина и драки
 И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
 На них он выменил борзые три собаки!!!
 Или вон тот еще, который для затей
 На крепостной балет согнал на многих фурах
 От матерей, отцов отторженных детей?!
 Сам погружен умом в Зефирах и в Амурах,
 Заставил всю Москву дивиться их красе!
 Но должников не согласил к отсрочке:
 Амуры и Зефиры все
 Распроданы поодиночке!!!
 Вот те, которые дожили до седин!
 Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
 Вот наши строгие ценители и судьи!
 Теперь пускай из нас один,
 Из молодых людей, найдется — враг исканий,
 Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
 В науки он вперит ум, алчущий познаний;
 Или в душе его сам Бог возбудит жар
 К искусствам творческим, высоким

и прекрасным, —

Они тотчас: разбой! пожар!
 И прослышет у них мечтателем! опасным!! —
 Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
 Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
 Их слабодушие, рассудка нищету;
 И нам за ними в путь счастливый!
 И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!
 Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
 Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
 Но кто б тогда за всеми не повлекся?
 Когда из гвардии, иные от двора
 Сюда на время приезжали, —
 Кричали женщины: ура!
 И в воздух чепчики бросали!

ФАМУСОВ
(про себя)
 Уж втянет он меня в беду.
(Громко.)
 Сергей Сергеич, я пойду
 И буду ждать вас в кабинете.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6
 Скалозуб, Чацкий.

СКАЛОЗУБ
 Мне нравится, при этой смете
 Искусно как коснулись вы
 Предубеждения Москвы
 К любимцам, к гвардии, к гвардейским,
 к гвардионцам;
 Их золоту, шитью дивятся, будто солнцам!
 А в Первой армии когда отстали? в чем?
 Всё так прилажено, и тальи все так узки,
 И офицеров вам начтём,
 Что даже говорят, иные, по-французски.

ЯВЛЕНИЕ 7
 Скалозуб, Чацкий, София, Лиза.

СОФИЯ
(бежит к окну)
 Ах! Боже мой! упал, убилися!
(Теряет чувства.)

ЧАЦКИЙ
 Кто?
 Кто это?

СКАЛОЗУБ
 С кем беда?

Чацкий
Она мертва со страху!

Скалозуб
Да кто? откуда?

Чацкий
Ушибся обо что?

Скалозуб
Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза
(хлопочет около барышни)
Кому назначено-с, не миновать судьбы:
Молчалин на лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он об землю и прямо в темя.

Скалозуб
Поводья затянул. Ну, жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он — грудью или в бок?
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8
Те же, без Скалозуба.

Чацкий
Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза
Там в комнате вода стоит.
(Чацкий бежит и приносит.)
Всё следующее — вполголоса, — до того, как София очнется.)
Стакан налейте.

Чацкий
Уж налит.

Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. — Смотри:
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза
Вот опахало.

Чацкий
Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Лиза
Да-с, барышнин несчастен нрав:
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чацкий
Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София
(с глубоким вздохом)
Кто здесь со мною?

Я точно как во сне.
(Торопко и громко.)
Где он? что с ним? Скажите мне.

Чацкий
Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София
Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чацкий

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чацкий

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?

Да, правда: не свои беды — для вас забавы,
Отец родной убейся — всё равно.

(Лизе)

Пойдем туда, бежим.

Лиза

(отводит ее в сторону)

Опомнитесь! куда вы?

Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

(София в окошко высовывается.)

Чацкий

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!

Так можно только ощущать,

Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.

Чацкий

Желал бы с ним убиться...

Лиза

Для компаньи?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНИЕ 9

София, Лиза, Чацкий, Скалозуб,
Молчалин *(с подвязанною рукою)*.

Скалозуб

Воскрес и невредим, рука

Ушиблена слегка,

И впрочем, всё фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради Бога.

Скалозуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опрометью вбежали. —
Мы вздрогнули! — Вы в обморок упали,
И что ж? — весь страх из ничего.

София

(не глядя ни на кого)

Ах! очень вижу: из пустого,

А вся еще теперь дрожу.

Чацкий

(про себя)

С Молчалиным ни слова!

София

Однако о себе скажу,

Что не труслива. Так, бывает,

Карета свалится, — подымут: я опять

Готова сызнова скакать;

Но все малейшее в других меня пугает,

Хоть нет великого несчастья от того,

Хоть незнакомый мне, — до этого нет дела.

Чацкий

(про себя)

Прощенья просит у него,

Что раз о ком-то пожалела!

СКАЛОЗУБ

Позвольте, расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.

На днях расшиблась в пух, —
Жокé не поддержал, считал он, видно, мух. —
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

СОФИЯ

Ах, Александр Андреич, вот —
Явитесь, вы вполне великодушны:
К несчастью ближнего вы так неравнодушны.

ЧАЦКИЙ

Да-с, это я сейчас явил
Моим усерднейшим стараньем,
И прысканьем, и оттираньем;
Не знаю для кого, но вас я воскресил!
(*Берет шляпу и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же, кроме Чацкого.

СОФИЯ

Вы вечером к нам будете?

СКАЛОЗУБ

Как рано?

СОФИЯ

Пораньше; съедутся домашние друзья
Потанцевать под фортопияно, —
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

СКАЛОЗУБ

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

СОФИЯ

Прощайте.

СКАЛОЗУБ

(*жмет руку Молчалину*)

Ваш слуга.

(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 11

София, Лиза, Молчалин.

СОФИЯ

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

МОЛЧАЛИН

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

ЛИЗА

Ударюсь об заклад, что вздор;
И если б не к лицу, не нужно перевязки;
А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех, того гляди, подымет Чацкий вас;
И Скалозуб, как свой хохол закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

СОФИЯ

А кем из них я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу.

Молчалин! будто я себя не принуждала?
 Вошли вы, слова не сказала,
 При них не смела я дохнуть,
 У вас спросить, на вас взглянуть.

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть!
 Готова я была в окошко, к вам прыгнуть.
 Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
 Смешно? — пусть шутят их; досадно? — пусть бранят.

Молчалин

Не повредила бы нам откровенность эта.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
 Вот кабы вы порхнули в дверь
 С лицом веселым, беззаботно:
 Когда нам скажут, что хотим —
 Куда как верится охотно!
 И Александр Андреич, — с ним
 О прежних днях, о тех проказах
 Поразвернитеесь-ка в рассказах:
 Улыбочка и пара слов,
 И кто влюблен — на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.
(Целует ей руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слез;
 Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
 Зачем сюда Бог Чацкого принес!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 12

Молчалин, Лиза.

Молчалин

Веселое создание ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
 Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее
 По должности, тебя...
(Хочет ее обнять.)

Лиза

От скуки.

Прошу подальше руки!

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
 Есть туалет, прехитрая работа —
 Снаружи зеркальцо, и зеркальцо внутри,
 Кругом всё прорезь, позолота;
 Подушечка, из бисера узор;

И перламутровый прибор —
Игольничек и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ, и для других причин,
С духами скляночка: резéда и жасмин.

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не снимаю;
Приди в обед, побудь со мною;
Я правду всю тебе открою.
(Уходит в боковую дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 13
София, Лиза.

София

Была у батюшки, там нету никого.
Сегодня я больна и не пойду обедать,
Скажи Молчалину и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.
(Уходит к себе.)

ЯВЛЕНИЕ 14

Лиза

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви до смерти трушу. —
А как не полюбить буфетчика Петрушу!

Конец II действия

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ I

Чацкий, потом София.

Чацкий

Дождусь ее и вынужу признание:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее создание!
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипун, удушенник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки!
Судьба любви — играть ей в жмурки.
А мне...

(Входит София.)

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал.

София
(про себя)

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно, не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, нужды нет:
Кого вы любите?

София

Ах! Боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие, родные.

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острога готова,
А сами вы...

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин, например...

София

Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий

(держит ее)

Постойте же.

(В сторону.)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко.)

Оставимте мы эти пренья.

Перед Молчалиным не прав я, виноват;
Быть может, он не то, что три года назад:

Есть на земле такие превращения
Правлений, климатов, и нравов, и умов;
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иной по армии, иной плохим поэтом,
Иной... Боюсь назвать, но признано всем светом,

Особенно в последние года,

Что стали умны хоть куда.

Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый,
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?

Чтоб, кроме вас, ему мир целый

Казался прах и суета?

Чтоб сердца каждое биенье

Любовью ускорилось к вам?

Чтоб мыслям были всем, и всем его делам

Душою — вы, вам угожденье?..

Сам это чувствую, сказать я не могу,

Но что теперь во мне кипит; волнует, бесит,

Не пожелал бы я и личному врагу,

А он?.. смолчит и голову повесит.
 Конечно, смирен, все такие не резвы;
 Бог знает, в нем какая тайна скрыта;
 Бог знает, за него что выдумали вы,
 Чем голова его ввек не была набита.
 Быть может, качеств ваших тьму,
 Любуясь им, вы придали ему;
 Не грешен он ни в чем, вы во сто раз грешнее.
 Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее,
 Но вас он стóит ли? вот вам один вопрос.
 Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
 Как человеку вы, который с вами взрос,
 Как другу вашему, как брату,
 Мне дайте убедиться в том;

Потом

От сумасшествия могу я остеречься;
 Пушусь подальше простыть, охолодеть.
 Не думать о любви, но буду я уметь
 Теряться по свету, забыться и развлечься.

София
(про себя)

Вот нехотя с ума свела!
(Вслух.)

Что притворяться?

Молчалин давиче мог без руки остаться,
 Я живо в нем участие приняла;
 А вы, случась на эту пору,
 Не позаботились расчесть,
 Что можно доброй быть ко всем и без разбору;
 Но, может, истина в догадках ваших есть,
 И горячо его беру я под защиту;
 Зачем же быть, скажу вам напрямик,
 Так невоздержну на язык?
 В презренье к людям так нескрыту?
 Что и смиреннейшему пощады нет!.. чего?

Случись кому назвать его:
 Град колкостей и шуток ваших грянет.
 Шутить! и век шутить! как вас на это станет!

Чацкий

Ах! Боже мой! неужли я из тех,
 Которым цель всей жизни — смех?
 Мне весело, когда смешных встречаю,
 А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это всё относится к другим,
 Молчалин вам наскучил бы едва ли,
 Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий
(с жаром)

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, Бог нас свел.
 Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел:
 При батюшке три года служит,
 Тот часто без толку сердит,
 А он безмолвием его обезоружит,
 От доброты души простит.
 И, между прочим,
 Веселостей искать бы мог;
 Ничуть: от старичков не ступит за порог;
 Мы резвимся, хохочем,
 Он с ними целый день засядет, рад не рад,
 Играет...

Чацкий

Целый день играет!
 Молчит, когда его бранят!

(В сторону.)
Она его не уважает.

София
Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий
Сатира и мораль — смысл этого всего?
(В сторону.)
Она не ставит в грош его.

София
Чудеснейшего свойства
Он наконец: уступчив, скромн, тих,
В лице ни тени беспокойства,
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит, —
Вот я за что его люблю.

Чацкий
(В сторону.)
Шалит, она его не любит.
(Вслух.)
Докончить я вам пособлю
Молчалина изображение.
Но Скалозуб? вот загляденье:
За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой...

София
Не моего романа.

Чацкий
Не вашего? кто разгадает вас?

ЯВЛЕНИЕ 2
Чацкий, София, Лиза.

Лиза
(шепотом)
Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаныч будет.

София
Простите, надобно идти мне поскорей.

Чацкий
Куда?

София
К прихмахеру.

Чацкий
Бог с ним.

София
Щипцы простудит.

Чацкий
Пускай себе...

София
Нельзя, ждем навечер гостей.

Чацкий
Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой.
Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,
К вам в комнату на несколько минут;
Там стены, воздух — всё приятно!

Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
 Воспоминания об том, что невозвратно!
 Не засижусь, войду, всего минуты две,
 Потом, подумайте, член Английского клуба,
 Я там дни целые пожертвую молве
 Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.
*(София пожимает плечами, уходит к себе и запирается,
 за нею и Лиза.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий, *потом* Молчалин.

Чацкий

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
 А чем не муж? Ума в нем только мало;
 Но чтоб иметь детей,
 Кому ума недоставало?
 Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.
(Входит Молчалин.)
 Вон он на цыпочках и не богат словами;
 Какою ворожкой умел к ней в сердце влезть!
(Обращается к нему.)
 Нам, Алексей Степаныч, с вами
 Не удалось сказать двух слов.
 Ну, образ жизни ваш каков?
 Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за день, нынче, как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
 И положенный час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
 С тех пор, как числюсь по Архивам,
 Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
 Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются,
 А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы

не встречались;

Слышал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?

Татьяна Юрьевна!!! Известная, — притом
Чиновные и должностные —
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там

Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!

Балы дает нельзя богаче.

От Рождества и до поста,

И летом праздники на даче.

Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?

И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах — я от веселий прячусь,

Когда дурачиться — дурачусь,

А смешивать два эти ремесла

Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите, впрочем тут не вижу преступления;

Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделения.

Переведен сюда...

Чацкий

Хорош!

Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец!

Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнести.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребята,
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий

(почти громко)

С такими чувствами, с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

ЯВЛЕНИЕ 4

*Вечер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии.
В перспективе раскрывается ряд освещенных комнат,
слуги суетятся; один из них, главный, говорит:*

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!

Столы для карт, мел, щеток и свечей!

(Стучится к Софии в дверь.)

Скажите барышне скорее, Лизавета:

Наталья Дмитриевна, и с мужем, и к крыльцу

Еще подъехала карета.

(Расходятся, остается один Чацкий.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Наталья Дмитриевна, молодая дама.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу...

Ах! Александр Андреевич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы,

Неужли так меня три года изменили?

Молчалин

Я полагала вас далёко от Москвы.

Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Молчалин

Надолго?

Чацкий

Как случится.

Однако, кто, смотря на вас, не подивится?

Полнее прежнего, похорошели страх;
Моложе вы, свежее стали;
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА
Я замужем.

ЧАЦКИЙ
Давно бы вы сказали!

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА
Мой муж — прелестный муж, вот он сейчас войдет.
Я познакомлю вас, хотите?

ЧАЦКИЙ
Прошу.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА
И знаю наперед,
Что вам понравится. Взгляните и судите!

ЧАЦКИЙ
Я верю, он вам муж.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА
О нет-с, не потому;
Сам по себе, по нраву, по уму.
Платон Михайлыч мой единственный, бесценный!
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно, был бы он московским комендантом.

ЯВЛЕНИЕ 6
ЧАЦКИЙ, НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА, ПЛАТОН МИХАЙЛОВИЧ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА
Вот мой Платон Михайлыч.

ЧАЦКИЙ
Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба!

ПЛАТОН МИХАЙЛОВИЧ
Здорово, Чацкий, брат!

ЧАЦКИЙ
Платон любезный, славно,
Похвальный лист тебе: ведешь себя исправно.

ПЛАТОН МИХАЙЛОВИЧ
Как видишь, брат:
Московский житель и женат.

ЧАЦКИЙ
Забыв шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

ПЛАТОН МИХАЙЛОВИЧ
Нет, есть-таки занятия:
На флейте я твержу дуэт
А-мольный...

ЧАЦКИЙ
Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус в мужьях всего дороже!

ПЛАТОН МИХАЙЛОВИЧ
Брат, женишься, тогда меня вспомнянь!
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

ЧАЦКИЙ
От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

МОЛЧАЛИН
Платон Михайлыч мой к занятиям склонен разным,
Которых нет теперь, — к ученьям и смотрам,
К манежу... иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб?

Молчалин

Платон Михайлыч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здоровьем слаб! Давно ли?

Наталья Дмитриевна

Всё рюматизм и головные боли.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Будь чаще на коне. Деревня летом — рай.

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч город любит,
Москву; за что в глуши он дни свои погубит!

Чацкий

Москву и город ... Ты чужак!
А помнишь преждее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так...

Наталья Дмитриевна

Ах, мой дружок!
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

Платон Михайлович

(хладнокровно)

Сейчас.

Наталья Дмитриевна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозной там ветер дует сзади!

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, Бога ради
От двери дальше отойди.

Платон Михайлович

(глаза к небу)

Ах! матушка!

Чацкий

Ну, Бог тебя суди;
Уж точно, стал не тот в короткое ты время;
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй, хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович

(со вздохом)

Эх! братец! славное тогда житье-то было.

Явление 7

Те же, Князь Тугоуховский и Княгиня с шестью дочерьми.

Наталья Дмитриевна

(тоненьким голоском)

Князь Петр Ильич, княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

*(Громкие лобызания, потом усаживаются и осматривают
одна другую с головы до ног.)*

1-я КНЯЖНА
Какой фасон прекрасный!

2-я КНЯЖНА
Какие складочки!

1-я КНЯЖНА
Обшито бахромой.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА
Нет, если б видели мой тюрлюрю атласный!

3-я КНЯЖНА
Какой эшарп cousin мне подарил!

4-я КНЯЖНА
Ах! да, бережевый!

5-я КНЯЖНА
Ах! прелесть!

6-я КНЯЖНА
Ах! как мил!

КНЯГИНЯ
Сс! — Кто это в углу, взошли мы, поклонился?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА
Приезжий, Чацкий.

КНЯГИНЯ
От-став-ной?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА
Да, путешествовал, недавно воротился.

КНЯГИНЯ
И хо-ло-стой?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА
Да, не женат.

КНЯГИНЯ
Князь, князь, сюда. — Живее.

КНЯЗЬ
(к ней оборачивает слуховую трубку)
О-хм!

КНЯГИНЯ
К нам на́ вечер, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитриевны знакомого: вон он!

КНЯЗЬ
И-хм!
(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает.)

КНЯГИНЯ
Вот то-то детки:
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА
Нет.

КНЯГИНЯ
Бо-гат?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА
О, нет!

КНЯГИНЯ
(громко, что есть мочи)
Князь, князь! Назад!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Графини Хрюмины: БАБУШКА и Внучка.

Графиня внучка

Ах! grand'maman! Ну, кто так рано приезжает?

Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату.)

Княгиня

Вот нас честит!

Вот первая, и нас за никого считает!

Зла, в девках целый век, уж Бог ее простит.

Графиня внучка

(вернувшись, направляет на Чацкого двойной лорнет)

Мсье Чацкий! вы в Москве! как были, всё такие?

Чацкий

На что меняться мне?

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком?

О! наших тьма, без дальних справок,

Там женятся и нас дарят родством

С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть

От подражательниц модисткам?

За то, что смели предпочесть

Оригиналы спискам?

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и множество других гостей. Между прочими Загорецкий.

Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч. София от себя выходит;

все к ней навстречу.

Графиня внучка

Eh! bon soir! vous voila! Jamais trop diligente,

Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente¹.

Загорецкий

(Софье)

На завтрашний спектакль имеете билет?

София

Нет.

Загорецкий

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся

Другой вам услужить, зато

Куда я ни кидался!

В контору — всё взято,

К директору, — он мне приятель, —

С зарей в шестом часу, и кстати ль!

Уж с вечера никто достать не мог;

К тому, к сему, всех сбил я с ног,

И этот наконец похитил уже силой

У одного, старик он хилый,

Мне друг, известный домосед;

Пусть дома просидит в покое.

София

Благодарю вас за билет,

А за старанье вдвое.

(Являются еще кое-какие, тем временем Загорецкий отходит к мужчинам.)

¹ А, добрый вечер! Наконец-то вы! Вы не спешите и всегда доставляете нам удовольствие ожидания. — Ред.

ЗАГОРЕЦКИЙ

Платон Михайлыч...

Платон Михайлович

Прочь!

Поди ты к женщинам, лги им и их морочь;
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат,

(Чацкому.)

рекомендую!

Как эдаких людей учтивее зовут?
Нежнее? — человек он светский,
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоныч Загорецкий.

При нем остерегись: переносить горазд,
И в карты не садись: продаст.

ЗАГОРЕЦКИЙ

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы;
Окроме честности, есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох, нет, братец! у нас ругают
Везде, а всюду принимают.

(Загорецкий мешается в толпу.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Хлестова.

Хлестова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Ташиться мне к тебе, племянница?.. — Мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;

Ночь — светапреставленья!

От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку; —
Вели их накормить ужо, дружок мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!

(Села.)

Ну, Софьюшка, мой друг,

Какая у меня арапка для услуг:
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все кошачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же Господь такое племя!
Черт суший; в девичьей она;
Позвать ли?

София

Нет-с, в другое время.

Хлестова

Представь: их, как зверей, выводят напоказ...
Я слушала, там... город есть турецкий...
А знаешь ли, кто мне припас? —
Антон Антоныч Загорецкий.

(Загорецкий выставляется вперед.)

Лгунишка он, картежник, вор.

(Загорецкий исчезает.)

Я от него было и двери на замок;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих арапченков на ярмарке достал;
Купил, он говорит, чай в карты сплутовал;
А мне подарочек, дай Бог ему здоровье!

Чацкий

(с хохотом Платону Михайловичу)

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загорецкий сам не выдержал, пропал.

Хлѐстова

Кто этот весельчак? Из звания какого?

София

Вон этот? Чацкий.

Хлѐстова

Ну? а что нашел смешного?

Чему он рад? Какой тут смех?

Над старостью смеяться грех.

Я помню, ты дитѣй с ним часто танцевала,

Я за уши его дирала, только мало.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Фамусов.

Фамусов

(громко)

Ждем князя Пѣтра Ильича,

А князь уж здесь! А я забился там, в портретной!

Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?

Нет; кажется, что нет. — Он человек заметный —

Сергей Сергеич Скалозуб.

Хлѐстова

Творец мой! оглушил, звончее всяких труб!

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и Скалозуб, потом Молчалин.

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали;

А мы вас ждали, ждали, ждали.

(Подводит к Хлѐстовой.)

Моя невестушка, которой уж давно

Об вас говорено.

Хлѐстова

(сидя)

Вы прежде были здесь... в полку... в том...

в гренадерском?

Скалозуб

(басом)

В его высочества, хотите вы сказать,

Ново-землянском мушкетерском.

Хлѐстова

Не мастерица я полки-та различать.

Скалозуб

А форменные есть отлички:

В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу;

Курьезный вист у нас. За нами, князь! прошу.

(Его и князя уводит с собою.)

Хлѐстова

(Софии)

Ух! я точнѣхонько избавилась от петли;

Ведь полоумный твой отец:

Дался ему трех сажень удалец, —

Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

Молчалин

(подает ей карту)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,

Фома Фомич и я.

Хлѐстова

Спасибо, мой дружок.

(Встает.)

Молчалин

Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более наперстка,
Я гладил всё его; как шелковая шерстка!

Хлѣстова

Спасибо, мой родной.
(Уходит, за нею Молчалин и многие другие.)

ЯВЛЕНИЕ 13

Чацкий, София и несколько посторонних,
которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я напугал?

За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все — народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник знаменитый
Тут был, как громовой отвод.
Молчалин! — Кто другой так мирно всё уладит!
Там моську вовремя погладит!
Тут в пору карточку вотрет!
В нем Загорецкий не умрет!
Вы давиче его мне исчисляли свойства,
Но многие забыли? — да?
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 14

София, потом Г.Н.

София

(про себя)

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть, завистлив, горд и зол!

Г.Н.

(подходит)

Вы в размышленьи.

София

Об Чацком.

Г.Н.

Как его нашли по возвращеньи?

София

Он не в своем уме.

Г.Н.

Ужли с ума сошел?

София

(помолчавши)

Не то, чтобы совсем...

Г.Н.

Однако есть приметы?

София

(смотрит на него пристально)

Мне кажется.

Г.Н.

Как можно, в эти леты!

А.С. Грибоедов

София
Как быть!
(В сторону)
Готов он верить!
А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себя примерить?
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 15
Г.Н., потом Г.Д.

Г.Н.
С ума сошел!.. Ей кажется!.. вот на!
Недаром? Стало быть... с чего б взяла она?
Ты слышал?

Г.Д.
Что?

Г.Н.
Об Чацком?

Г.Д.
Что такое?

Г.Н.
С ума сошел!

Г.Д.
Пустое.

Г.Н.
Не я сказал, другие говорят.

Г.Д.
А ты расславить это рад?

Г.Н.
Пойду, осведомлюсь; чай, кто-нибудь да знает.
(Уходит.)

118

ГОРЕ ОТ УМА

ЯВЛЕНИЕ 16
Г.Д., потом Загорецкий.

Г.Д.
Верь болтуну!
Услышит вздор, и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

ЗАГОРЕЦКИЙ
Ну?

Г.Д.
С ума сошел!

ЗАГОРЕЦКИЙ
А! знаю, помню, слышал.
Как мне не знать? примерный случай вышел;
Его в безумные упрятал дядя-плут...
Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили.

Г.Д.
Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

ЗАГОРЕЦКИЙ
Так с цепи, стало быть, спустили.

Г.Д.
Ну, милый друг, с тобой не надобно газет.
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако — чур! — секрет.

ЯВЛЕНИЕ 17
Загорецкий, потом Графиня внучка.

ЗАГОРЕЦКИЙ
Который Чацкий тут? — Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком. —
Вы слышали об нем?

119

А.С. ГРИБОЕДОВ

ГРАФИНЯ ВНУЧКА
Об ком?

ЗАГОРЕЦКИЙ
Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА
Знаю.
Я говорила с ним.

ЗАГОРЕЦКИЙ
Так я вас поздравляю!
Он сумасшедший...

ГРАФИНЯ ВНУЧКА
Что?

ЗАГОРЕЦКИЙ
Да, он сошел с ума.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА
Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в одно вы слово.

ЯВЛЕНИЕ 18
Те же и Графиня бабушка.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА
Ah! grand'папа, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот мило!..

ГРАФИНЯ БАБУШКА
Мой друг, мне уши заложило;
Скажи погромче...

ГОРЕ ОТ УМА

ГРАФИНЯ ВНУЧКА
Время нет!

(Указывает на Загорецкого.)
Il vous dira toute l'histoire...¹
Пойду, спрошу...
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 19
ЗАГОРЕЦКИЙ, ГРАФИНЯ БАБУШКА.

ГРАФИНЯ БАБУШКА
Что? что? уж нет ли здесь пошара?

ЗАГОРЕЦКИЙ
Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

ГРАФИНЯ БАБУШКА
Как, Чацкого? Кто свел в тюрьму?

ЗАГОРЕЦКИЙ
В горах изранен в лоб, сошел с ума от раны.

ГРАФИНЯ БАБУШКА
Что? к фармазонам в клоб? Пошел он в тусурманы?

ЗАГОРЕЦКИЙ
Ее не вразумишь.
(Уходит.)

ГРАФИНЯ БАБУШКА
Антон Антоныч! Ах!
И он не шит, все в страхе, впопыхах.

¹ Он расскажет вам всю историю. — *Ред.*

ЯВЛЕНИЕ 20

Графиня бабушка и Князь Тугоуховский.

Графиня бабушка

Князь, князь! ох, этот князь, по палам, сам чуть
тышит!

Князь, слышали?

Князь
А-хм?

Графиня бабушка

Он ничего не слышит!
Хоть, мошет, видели, здесь полицмейстер тыл?

Князь
Э-хм?

Графиня бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил?

Князь
И-хм?

Графиня бабушка

Тесак ему да ранец,
В солтаты! Шутка ли! переменил закон!

Князь
У-хм?

Графиня бабушка

Да!.. в турсурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? глух, мой отец; достаньте свой рожок.
Ох! глухота большой порок.

ЯВЛЕНИЕ 21

Те же и Хлестова, София, Молчалин,
Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна,
Графиня внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий,
Скалозуб, потом Фамусов и многие другие.

Хлестова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна

Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович

Ну все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов

(входя)

О чем? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл!
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях — и нивесть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлестова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я — он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.

А.С. Грибоедов

Графиня внучка
Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитриевна
А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий
Безумный по всему.

Графиня внучка
Я видела из глаз.

Фамусов
По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.

Хлѣстова
На свете дивные бывают приключения!
В его лета с ума спрыгнул!
Чай, пил не по летам.

Княгиня
О! верно...

Графиня внучка
Без сомненья.

Хлѣстова
Шампанское стаканами тянул.

Молчалин
Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий
(с жаром)
Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов
Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!

Горе от ума

Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлѣстова
И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионеров, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкарточных взаимных обучений.

Княгиня
Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!! — у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегают, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб
Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по нашему: раз, два;
А книги сохраняют так: для больших okazji.

Фамусов
Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы да сжечь.

Загорецкий
(с кротостью)
Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а всё-таки цари.

ХЛЁСТОВА

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так; он жалости достоин;
Был острый человек, имел душ сотни три.

ФАМУСОВ

Четыре.

ХЛЁСТОВА

Три, сударь.

ФАМУСОВ

Четыреста.

ХЛЁСТОВА

Нет! триста.

ФАМУСОВ

В моем календаре...

ХЛЁСТОВА

Всё врут календари.

ФАМУСОВ

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

ХЛЁСТОВА

Нет! Триста! — уж чужих имений мне не знать!

ФАМУСОВ

Четыреста, прошу понять.

ХЛЁСТОВА

Нет! триста, триста, триста.

ЯВЛЕНИЕ 22

Те же все и Чацкий.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА

Вот он.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА

Шш!

ВСЕ

Шш!

(Пятыся от него в противную сторону.)

ХЛЁСТОВА

Ну, как с безумных глаз
Затеет драться он, потребует к разделке!

ФАМУСОВ

О Господи! помилуй грешных нас!

(Опасливо.)

Любезнейший! Ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс... Ты нездоров.

ЧАЦКИЙ

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.

(Подходит к Софье.)

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.

Нет! недоволен я Москвой.

ХЛЁСТОВА

Москва, вишь, виновата.

ФАМУСОВ

Подальше от него.

(Делает знаки Софье.)

Гм, Софья! — Не глядит!

София
(Чацкому)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначащая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал — и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. — Посмотришь, вечером
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...
Он рад, но мы не рады.
Умолк. И тут со всех сторон
Тоска, и оханье, и стон.
Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержён.
Куда деваться от княжон! —
Я одаль воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат —
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад —
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,

Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?

Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
“Как европейское поставить в параллель
С национальным — странно что-то!
Ну как перевести *мадам и мадмуазель?*
Ужли *сударыня!*” — забормотал мне кто-то...

Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
“*Сударыня!* Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Ха! Ха! ха! ха! ужасно!” —
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовой;
Но все оставили меня. —
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург — во всей России то,
Что человек из города Бордо,
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжон вселять участие;
И в Петербурге и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей по несчастью голове
Пять, шесть найдется мыслей здравых
И он осмелится их гласно объявлять, —
Глядь...

(Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием.
Старушки разбрелись к карточным столам.)

Конец III действия

ДЕЙСТВИЕ IV

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева, на одном же плане, комната Молчалина.

Ночь. Слабое освещение. Лакеи иные суетятся, иные спят в ожидании господ своих.

ЯВЛЕНИЕ I

Графиня бабушка, Графиня внучка, *впереди их лакей.*

Лакей

Графини Хрюминой карета!

Графиня внучка

(покуда ее укутывают)

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!

Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцевать.

Графиня бабушка

Поедем, матушка, мне, прабо, не под силу,

Когда-нибудь я с пала та в могилу.

(Обе уезжают.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна.
Один лакей окало их хлопочет, другой у подъезда кричит:

Карета Горича!

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, Попош, что так уныло?
(Целует мужа в лоб.)
Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на балах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за полночь, подчас
Тебе в угодность, как ни грустно,
Пускаюсь по команде в пляс.

Наталья Дмитриевна

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.
(Уходит с лакеем.)

Платон Михайлович

(хладнокровно)

Бал вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж, иному на роду...

Лакей

(с крыльца)

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович

(со вздохом)

Иду, иду.

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий и лакей *его впереди.*

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

(Лакей уходит.)

Ну вот и день прошел, и с ним

Все призраки, весь чад и дым

Надежд, которые мне душу наполняли.

Чего я ждал? что думал здесь найти?

Где прелесть эта встреч? участие в ком живое?

Крик! радость! обнялись! — Пустое.

В повозке так-то на пути

Необозримою равниной, сидя праздно,

Всё что-то видно впереди

Светло, синё, разнообразно;

И едешь час, и два, день целый; вот резво

Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,

Всё та же гладь и степь, и пусто и мертво...

Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

(Лакей возвращается.)

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошел, ищи, не ночевать же тут.

(Лакей опять уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий, Репетилов *(вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).*

Репетилов

ТЬфу! оплошал. — Ах, мой Создатель!

Дай протереть глаза; откуда? приятель!..

Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher!¹

Вот фарсы мне как часто были петы,

Что пустомеля я, что глуп, что суевер,

Что у меня на все предчувствия, приметы;

Сейчас... растолковать прошу,

Как будто знал, сюда спешу,

Хвать, об порог задел ногою

И растянулся во весь рост.

Пожалуй, смейся надо мною,

Что Репетилов врет, что Репетилов прост,

А у меня к тебе влечение, род недуга,

Любовь какая-то и страсть,

Готов я душу прозакласть,

Что в мире не найдешь себе такого друга,

Такого верного, ей-ей;

Пускай лишусь жены, детей,

Оставлен буду целым светом,

Пускай умру на месте этом,

Да разразит меня Господь...

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:

С другими я и так и смяк,

С тобою говорю несмело,

Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам клянусь свое рождение,

Когда подумаю, как время убивал!

Скажи, который час?

1 Мой милый. — Ред.

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга...

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцовщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье придти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! — всю ночь не рыщу напролет.

Чацкий

Вот нынче, например?

РЕПЕТИЛОВ

Что ночь одна, — не в счет,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай, в клубе?

РЕПЕТИЛОВ

В Английском. Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседания.
Пожало-ста молчи, я слово дал молчать;
У нас есть общество, и тайные собрания
По четвергам. Секретнейший союз...

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?

РЕПЕТИЛОВ

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взашей прогнать и вас, и ваши тайны.

РЕПЕТИЛОВ

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало;
Поедем-ка сейчас; мы, благо, на ходу;
С какими я тебя сведу

Людьми!!! Уж на меня нисколько не похожи!
Что за люди, mon cher! Сок умной молодежи!

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поспкачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно, без прелюдий,
Решись, а мы!.. у нас... решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим — подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим!

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых, князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со смеху морит!
Век с англичанами, вся английская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другой — Воркулов Евдоким;
Ты не слышал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:

“A! non lasciar mi, no, no, no”¹.

Еще у нас два брата:

Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь, что сказать;
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелыч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты, однако, отыскать
Его *отрывок, взгляд и нечто*.
Об чем бишь *нечто?* — обо всем;
Всё знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? Навряд...
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Немногок поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик спелят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.

1 “A! non lasciar mi, no, no, no” — “Ах, не оставь меня, нет, нет, нет!” — *Ред.*

Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями Бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру — простят...

ЛАКЕЙ
(у подвезда)
Карета Скалозуба!

РЕПЕТИЛОВ
Чья?

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Скалозуб, спускается с лестницы.

РЕПЕТИЛОВ
(к нему навстречу)
Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.
(*Душит его в объятиях.*)

ЧАЦКИЙ
Куда деваться мне от них!
(*Входит в швейцарскую.*)

РЕПЕТИЛОВ
(*Скалозубу*)
Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу.
Знакомы вы?
(*Ищет Чацкого глазами.*)
Упрямец! ускакал!
Нет нужды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас без отговорок:
У князь-Григория теперь народу тьма,
Увидишь, человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,

Во-первых, напоят шампанским на убой,
А во-вторых, таким вещам научат,
Каких, конечно, нам не выдумать с тобой.

СКАЛОЗУБ
Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикните, так мигом успокоит.

РЕПЕТИЛОВ
Всё служба на уме! Mon cher, гляди сюда:
И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как, может быть, никто и никогда;
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я —
К нему в зятя.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что Боже упаси!
Он на Фонтанке жил, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку?
Боялся, видишь, он упреку
За слабость будто бы к родне!
Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?
Секретари его все хамы, все продажны,
Людишки, пишушая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.
ТЬФУ! служба и чины, кресты — души мытарства;
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,

А.С. ГРИБОЕДОВ

Что радикальные потребны тут лекарства,
Желудок дольше не варит.
(*Останаавливается, увидя, что Загорецкий заступил место
Скалозуба, который покуда уехал.*)

ЯВЛЕНИЕ 6
РЕПЕТИЛОВ, ЗАГОРЕЦКИЙ.

ЗАГОРЕЦКИЙ
Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
Такой же я, как вы, ужасный либерал!
И от того, что прям и смело объясняюсь,
Куда как много потерял!..

РЕПЕТИЛОВ
(*с досадой*)
Все врознь, не говоря ни слова;
Чуть из виду один, гляди уж нет другого.
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.

ЗАГОРЕЦКИЙ
Как думаете вы об Чацком?

РЕПЕТИЛОВ
Он не глуп,
Сейчас столкнулись мы, тут всякие турусы,
И дельный разговор зашел про водевиль.
Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль.
Мы с ним... у нас... одни и те же вкусы.

ЗАГОРЕЦКИЙ
А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

РЕПЕТИЛОВ
Какая чепуха!

ГОРЕ ОТ УМА

ЗАГОРЕЦКИЙ
Об нем все этой веры.

РЕПЕТИЛОВ
Вранье.

ЗАГОРЕЦКИЙ
Спросите всех!

РЕПЕТИЛОВ
Химеры.

ЗАГОРЕЦКИЙ
А кстати, вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

РЕПЕТИЛОВ
Дичь.

ЯВЛЕНИЕ 7
РЕПЕТИЛОВ, ЗАГОРЕЦКИЙ, КНЯЗЬ и КНЯГИНЯ с шестью
ДОЧЕРЯМИ; *немного погодя* Хлестова спускается с парадной
лестницы. Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах.

ЗАГОРЕЦКИЙ
Княжны, пожалуйста, скажите ваше мнение,
Безумный Чацкий или нет?

1-я КНЯЖНА
Какое ж в этом есть сомненье?

2-я КНЯЖНА
Про это знает целый свет.

3-я КНЯЖНА
Дрянские, Хворовы, Варляньские, Скачковы.

4-я КНЯЖНА
Ах! вести старые, кому они новы?

5-я КНЯЖНА
Кто сомневается?

ЗАГОРЕЦКИЙ
Да вот не верит...

6-я КНЯЖНА
Вы!

ВСЕ ВМЕСТЕ
Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов! что вы!
Да как вы! Можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

РЕПЕТИЛОВ
(затыкает себе уши)
Простите, я не знал, что это слишком гласно.

КНЯГИНЯ
Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора.
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чацкий!!! Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

ХЛЁСТОВА
(с лестницы)
Княгиня, карточный должок.

КНЯГИНЯ
За мною, матушка.

ВСЕ
(друг к другу)
Прощайте.
(Княжеская фамилия уезжает, и Загорецкий тоже.)

ЯВЛЕНИЕ 8
РЕПЕТИЛОВ, ХЛЁСТОВА, МОЛЧАЛИН.

РЕПЕТИЛОВ
Царь небесный!
Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Что наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

ХЛЁСТОВА
Так Бог ему судил; а впрочем,
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, не исцелим, хоть брось.
Изволил вовремя явиться! —
Молчалин, вон чуланчик твой,
Не нужны проводы; поди, Господь с тобой.
(Молчалин уходит к себе в комнату.)
Прощайте, батюшка; пора перебеситься.
(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 9
РЕПЕТИЛОВ со своим ЛАКЕЕМ.

РЕПЕТИЛОВ
Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.
(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Последняя лампа гаснет.

Чацкий

(выходит из швейцарской)

Что это? слышал ли моими я ушами!
 Не смех, а явно злость. Какими чудесами?
 Через какое колдовство
 Нелепость обо мне все в голос повторяют!
 И для иных как словно торжество,
 Другие будто сострадают...
 О! если б кто в людей проник:
 Что хуже в них? душа или язык?
 Чье это сочиненье!
 Поверили глупцы, другим передают,
 Старухи вмиг тревогу бьют —
 И вот общественное мненье!
 И вот та родина... Нет, в нынешний приезд,
 Я вижу, что она мне скоро надоест.
 А Софья знает ли? — Конечно, рассказали,
 Она не то, чтобы мне именно во вред
 Потешилась, и правда или нет —
 Ей всё равно, другой ли, я ли,
 Никем по совести она не дорожит.
 Но этот обморок, беспмятство откуда?? —
 Нерв, избалованность, причуда, —
 Возбудит малость их, и малость утишит, —
 Я признаком почел живых страстей. — Ни крошки:
 Она конечно бы лишилась так же сил,
 Когда бы кто-нибудь ступил
 На хвост собачки или кошки.

София

(над лестницей во втором этаже, со свечкою)

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!
 Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
 Явилась! нет ее! неужели в виденьи?
 Не впрямь ли я сошел с ума?
 К необычности я точно приготовлен;
 Но не виденье тут, свиданья час условлен.
 К чему обманывать себя мне самого?
 Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его

(с крыльца)

Каре...

Чацкий

Сс!

(Выталкивает его вон.)

Буду здесь, и не смыкаю глазу
 Хоть до утра. Уж коли горе пить,
 Так лучше сразу,
 Чем медлить, — а беды медленьем не избыть.
 Дверь отворяется.
(Прячется за колонну.)

ЯВЛЕНИЕ 11

Чацкий *спрятан*, Лиза *со свечкою*.

Лиза

Ах! мочи нет! робею.
 В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
 Боишься и людей живых.
 Мучительница-барышня, Бог с нею,
 И Чацкий, как бельмо в глазу;
 Вишь, показался ей он где-то здесь внизу.
(Осматривается.)
 Да! как же! по сеням бродить ему охота!

Он, чай, давно уж за ворота,
 Любовь на завтра поберег,
 Домой, и спать залег.
 Однако велено к сердечному толкнуться.
 (*Стучится к Молчалину.*)
 Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
 Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
 Да поскорей, чтоб не застали.

ЯВЛЕНИЕ 12

Чацкий *за колонною*, Лиза, Молчалин (*потягивается и зевает*), София (*крадется сверху*).

Лиза
 Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин
 Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза
 От барышни-с.

Молчалин
 Кто б отгадал,
 Что в этих щечках, в этих жилках
 Любви еще румянец не играл!
 Охота быть тебе лишь только на посылках?

Лиза
 А вам, искателям невест,
 Не нежиться и не зевать бы;
 Пригож и мил, кто не доест
 И не доспит до свадьбы.

Молчалин
 Какая свадьба? с кем?

Лиза
 А с барышней?

Молчалин
 Поди,

Надежды много впереди,
 Без свадьбы время проволóчим.

Лиза
 Что вы, сударь! да мы кого ж
 Себе в мужья другого прочим?

Молчалин
 Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
 И при одной я мысли трушу,
 Что Павел Афанасьич раз
 Когда-нибудь поймает нас,
 Разгонит, проклянёт!.. Да что? открыть ли душу?
 Я в Софье Павловне не вижу ничего
 Завидного. Дай Бог ей век прожить богато,
 Любила Чацкого когда-то,
 Меня разлюбит, как его.
 Мой ангельчик, желал бы вполонину
 К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
 Да нет, как ни твержу себе,
 Готовлюсь нежным быть, а свижусь — и простыну.

София
 (*в сторону*)
 Какие низости!

Чацкий
 (*за колонною*)
 Подлец!

Лиза
 И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:

Во-первых, угождать всем людям без изъятия —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежания зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, сударь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалин

Пойдем любовь делить плачевной нашей крали.
Дай обниму тебя от сердца полноты.

(Лиза не дается.)

Зачем она не ты!

(Хочет идти, София не пускает.)

София

(почти шепотом; вся сцена вполголоса)
Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

Молчалин

Как! Софья Павловна...

София

Ни слова, ради Бога,
Молчите, я на всё решусь.

Молчалин

(бросается на колена, София отталкивает его)
Ах! вспомните! не гневайтесь, взгляните!..

София

Не помню ничего, не докучайте мне.
Воспоминания! как острый нож оне.

Молчалин

(ползает у ног ее)

Помилуйте...

София

Не подличайте, встаньте.
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
Солжете...

Молчалин

Сделайте мне милость...

София

Нет. Нет. Нет.

Молчалин

Шутил, и не сказал я ничего окроме...

София

Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбуду всех в доме
И погублю себя и вас.

(Молчалин встает.)

Я с этих пор вас будто не знавала.

Упреков, жалоб, слез моих

Не смейте ожидать, не стойте вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете.

София

Иначе расскажу

Всю правду батюшке, с досады.

Вы знаете, что я собой не дорожу.

Подите. — Стойте, будьте рады,

Что при свиданиях со мной в ночной тиши

Держались более вы робости во нраве,

Чем даже днем, и при людях, и въяве;

В вас меньше дерзости, чем кривизны души.

Сама довольна тем, что ночью всё узнала:

Нет укоряющих свидетелей в глазах,

Как давича, когда я в обморок упала,

Здесь Чацкий был...

Чацкий

(бросается между ними)

Он здесь, притворщица!

Лиза и София

Ах! Ах!

*(Лиза свечку роняет с испугу;**Молчалин скрывается к себе в комнату.)*

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же, кроме Молчалина.

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,

Важнее давишной причина есть тому,

Вот наконец решение загадки!

Вот я пожертвован кому!

Не знаю, как в себе я бешенство умерил!

Глядел, и видел, и не верил!

А милый, для кого забыт

И прежний друг, и женский страх, и стыд, —

За двери прячется, боится быть в ответе.

Ах! как игру судьбы постичь?

Людей с душой гонительница, бич! —

Молчалины блаженствуют на свете!

София

(вся в слезах)

Не продолжайте, я виню себя кругом.

Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! Боже мой! сюда бежит весь дом.

Ваш батюшка вот будет благодарен.

ЯВЛЕНИЕ 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, *толпа слуг со свечами.*

Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей!

Свечей побольше, фонарей!

Где домовые? Ба! знакомые всё лица!

Дочь, Софья Павловна! страмница!

Бесстыдница! где! с кем! Ни дать ни взять она,

Как мать ее, покойница жена.

Бывало, я с дражайшей половиной

Чуть врознь — уж где-нибудь с женщиной!

Побойся Бога, как? чем он тебя прельстил?

Сама его безумным называла!

Нет! глупость на меня и слепота напала!

Всё это заговор, и в заговоре был

Он сам, и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий

(Софии)

Так этим вымыслом я вам еще обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,

Хоть подеретесь, не поверю.

Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.

Где был? куда ты вышел?

Сеней не запер для чего?

И как не досмотрел? и как ты не дослышал?

В работу вас, на поселенье вас:

За грош продать меня готовы.

Ты, быстроглазая, все от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обнови;
Там выучилась ты любовников сводить,

Постой же, я тебя исправлю:

Изволь-ка в избу, марш, за птицами ходить;

Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю,

Еще дни два терпение возьми:

Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми;

Подалее от этих хватов,

В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,

Там будешь горе горевать,

За пальцами сидеть, за святцами зевать.

А вас, сударь, прошу я толком

Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;

И ваша такова последняя черта,

Что, чай, ко всякому дверь будет заперта:

Я постараюсь, я, в набат я приударю,

По городу всему наделаю хлопот

И оглашу во весь народ:

В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий

(после некоторого молчания)

Не образумлюсь... виноват,

И слушаю, не понимаю,

Как будто все еще мне объяснить хотят

Растерян мыслями... чего-то ожидаю.

(С жаром.)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!

Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал,
близко.

Пред кем я давиче так страстно и так низко

Был расточитель нежных слов!

А вы! о Боже мой! кого себе избрали?

Когда подумаю, кого вы предпочли!

Зачем меня надеждой завлекли?

Зачем мне прямо не сказали,

Что всё прошедшее вы обратили в смех?!

Что память даже вам постыла

Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,

Которые во мне ни даль не охладила,

Ни развлечения, ни перемена мест.

Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!

Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,

Мой вид, мои слова, поступки — всё противно, —

Я с вами тотчас бы сношения пресек

И перед тем, как навсегда расстаться,

Не стал бы очень добираться,

Кто этот вам любезный человек?..

(Насмешливо.)

Вы помиритеcь с ним, по размышленьи зрелом.

Себя крушить, и для чего!

Подумайте, всегда вы можете его

Беречь, и пеленать, и спсылать за делом.

Муж-мальчик, муж-Слуга, из жениных пажей —

Высокий идеал московских всех мужей. —

Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.

А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:

Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,

Я сватаньем моим не угрожаю вам.

Другой найдется, благонравный,

Низкопоклонник и делец,

Достоинствами, наконец,

Он будущему тестю равный.

Так! отрезвился я сполна,

Мечтанья с глаз долой — и спала пелена;

А.С. ГРИБОЕДОВ

Теперь не худо б было сряду
На дочь и на отца
И на любовника-глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором, —
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!..
Карету мне, карету!
(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 15
Кроме Чацкого.

ФАМУСОВ

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:
Безумный! что он тут за чепуху молот!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решила уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! Боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Конец

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ

Комедия в одном действии в стихах

Действующие лица

АРИСТ.
ЭЛЬМИРА.
САФИР.

Гостиная в Аристовом доме.

ЯВЛЕНИЕ 1

АРИСТ
(входит)

Сегодня завернул некстати я домой:
Придется утро всё беседовать с женой.
Какие странности! люблю ее по чести,
Меж тем приятнее, когда мы с ней не вместе.
Однако, впервые не мною найдено,
Что вскоре надоест одно и всё одно.

ЯВЛЕНИЕ 2

АРИСТ и ЭЛЬМИРА, в простом утреннем платье.

ЭЛЬМИРА

А! здравствуй, милый мой, здоров ли?

АРИСТ

Понемногу.

А ты здорова ли, мой друг?

ЭЛЬМИРА

Я слава Богу.

АРИСТ
(в сторону)

Веселый разговор.

(Вслух.)

Скажи, ужли опять
Ты не намерена сегодня выезжать?
Как взаперти пробить весь день — не понимаю.

ЭЛЬМИРА

Свой дом всем прочим я домам предпочитаю,

АРИСТ

Но прежде отчего езжала всюду ты?
И ныне способы к тому не отняты.

ЭЛЬМИРА

Веселость светская меня к себе манила,
Когда я дней моих тебе не посвятила;
Большой же ныне свет мне стал казаться мал,

АРИСТ

Но отчего же я от света не отстал,
А дорожу тобой всё более и боле?

ЭЛЬМИРА

Пожалуй, выезжать я буду поневоле.

АРИСТ

Притом и не видать в тебе талантов тех,
Которыми сперва обворожала всех.
Поверь, со стороны об этом думать можно,
Что светских девушек образование ложно,
Невинный вымысел, уловка матерей,
Чтобы избавиться от зрелых дочерей;
Без мыслей матушка проронит два, три слова,
Что дочка будто ей дарит рисунок новый;
Едва льзя выпросить на диво посмотреть.
Выносят наконец ландшафт или портрет,
С восторгом все кричат: возможно ль, как вы
скромны! —

А, чай, работали художники наемны.
Потом красавица захочет слух прельщать, —
За фортопьяны; тут не смеют и дышать,
Дивятся, ахают руке столь беглой, гибкой,
Меж тем учитель ей подлаживает скрипкой;
Потом влюбленного как в сети завлекли,

В загоне живопись, а инструмент в пыли.
Всё это сказано меж нами не для ссоры.

Эльмира
Заслуживаю ль я подобные укоры?
Я думала, к пенью́ прошла моя пора;
В угодность же тебе я буду петь с утра,
На бале проведу всю ночь.

Арист
Забудем это,
Помыслим о другом. — Уже подходит лето,
Какие меры брать располагаешь ты?

Эльмира
Какие могут быть тобою приняты.

Арист
Оставим городской шум вечный, пыль и сплетни,
На даче проведем мы ясные дни летни.

Эльмира
Пожалуй.

Арист
Но боюсь, нескромен сей приют:
Непрошенные нас близь города найдут;
При том соседство там ужасно как наскучит.

Эльмира
Куда ж поедем мы?

Арист
Меня страх это мучит.
В скитаньях провести нам лето как-нибудь.

Эльмира
На всё согласна я.

Арист
Куда ж направим путь, —
В Крым или на Кавказ?

Эльмира
Куда тебе угодно.

Арист
Куда угодно мне — вот это бесподобно!
Я мнение твое желаю знать давно,
Чего б хотела ты?

Эльмира
Мне, право, всё равно.

Арист
Так, видно, далее не ехать нам заставы,

Эльмира
Везде, где вместе мы, мне радость и забавы!
Я, право, всегда стараюсь угадать
Всё то, что мысленно ты можешь пожелать.

Арист
И я признателен.

Эльмира
Нет! я так замечала,
Что скучно всё тебе.

Арист
Мне скучно?

Эльмира
Да.

Арист
Нимало.

ЭЛЬМИРА

По крайней мере, мне казалось иногда,
Что, сидя ты со мной, не в духе...

АРИСТ

Никогда.

ЭЛЬМИРА

О, если б ложные мне виделись приметы!

АРИСТ

Я рад с тобою быть.... однако, где газеты?

(В сторону.)

Над ними всё-таки пристойнее зевать.

ЭЛЬМИРА

Он занят чтением, — мне тоже книгу взять.

ЯВЛЕНИЕ 3

Прежние и САФИР.

САФИР

За чтением муж с женой, — вид важный
и степенный!

Примерная чета! боюсь, не оцененно.

АРИСТ

Ах! как ты мил, Сафир, что вспомнил обо мне:
Мы утро целое с женой наедине.

САФИР

Не позволительно и утренней порою
Скучать, любезный мой, с супругой молодою.

ЭЛЬМИРА

Мой муж ведомостями был занят, а не мной.

АРИСТ

Что рано с балу так уехал ты домой?
Досадно, по тебе мы поздно спохватились.

САФИР

Я крепко задремал.

АРИСТ

А мы так всё резвились.

В Аглаю, знаешь, как Сердаликов влюблен?

Я настоял на том, чтобы взбесился он:

С Аглаей всё шептал и танцевал нарочно;

А он краснел, бледнел, дрожал, ворчал, ну точно

Не раз обманутый ревнивый на часах.

САФИР

С Аглаей всякому легко быть в дураках.

АРИСТ

Везде, где только бал, она необходима.

ЭЛЬМИРА

(в сторону)

А я здесь лишняя.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

АРИСТ и САФИР.

САФИР

Теперь об этом мимо;

В присутствии жены поосторожней будь.

Ба! да она ушла.

АРИСТ

Бог с ней, счастливый путь.

Однако до тех пор хотел бы я в Эльмире
 Все видеть способы искусства, средства в мире,
 Рядиться, нравиться, приятной, ловкой быть,
 А более еще, чтоб таковой прослыть;
 Чтоб рой любовников при ней был ежечасно,
 Но ею презренный, рой жалкий и несчастный!
 А я бы думать мог, на этот рой смотря:
 Старайтесь круг ее, а наслаждаюсь я!

САФИР

Ребячество, мой друг, ребячество большое;
 И скрашивать на что суждение пустое?
 Скажи, что молод ты супругом путным быть,
 Не в силах качества жены своей ценить.

АРИСТ

Любовь моя к жене род страсти, обожанье!..
 Постой, да ныне мне назначено свиданье.
 Прощай, любезный мой.

САФИР

С Аглаей?

АРИСТ

Точно так.

САФИР

Ну можно ль предпочесть ее жене?

АРИСТ

Никак.
 Я знаю, что жене супруги должность свята,
 А у вертушки той я может быть десятый;
 Но с нею в забытья я время провожу,
 С женою ж разговор едва ли нахожу;
 И наконец тебе доверить можно смело,
 Что ныне, как в суде мое решают дело.

И, может, приберут имение к рукам,
 Я, вместо чтоб скакать по стряпчим, по судам,
 Платить и кланяться, — к прелестнице поеду,
 А ты куда здесь останься, проповедуй!
 (Уходит.)

САФИР

Поди, сударь, к жене. — Вот сущий ветрогон!
 Чему ж дивиться нам, что мало верных жен.

ЯВЛЕНИЕ 5

САФИР и ЭЛЬМИРА, одетая с бальшим вкусом, чем прежде.

ЭЛЬМИРА

Мне споры ваши все из спальни были слышны.
 К увещеванию слова, труды излишни,
 И горести мои известны вам одним.
 Я опасалась в них довериться родным,
 Чтоб не доставить тем худой Аристу славы.

САФИР

Он виноват кругом, но вовсе ли вы правы?

ЭЛЬМИРА

Уж вы всё знаете, судите вы меня.
 С тех пор, как я за ним, доселе, несмотря
 На частые его отсутствия, холодность,
 Я делаю ли что Аристу в неугодность?
 Противоречу ли, мешаю ль в чем-нибудь?
 Иль жалуясь когда, ропщу? Ах! нет, отнюдь:
 Я одобряю всё, что нужным он находит,
 Не спрашиваю, где он дни свои проводит;
 Что б ни задумал он, я перед ним молчу
 И воли собственной иметь я не хочу.
 Вот все вины мои.

САФИР

И что же? очень худо.
Где нет взаимности, рождается остуда;
Ее же претворит один мертвящий взор
Любовь в раскаянье, согласие в раздор
И цепь цветочную в железные оковы;
Примеры этому и многи и не новы,

Эльмира

Итак, не должно мне покорной мужу быть?

САФИР

Нет, дайте мне сполна вам это объяснить.
Тот муж, мы, например, каким Ариста знаем,
Уверенный, что он женою обожаем,
Что ясных дней его ничто не помрачит,
В беспечности благой живет как сибарит;
Вседневны ласки он с холодностью приемлет;
Взаимность райская утихнет и задремлет;
Ему ничто не впрок, и чужд сердечный страх.
Нет! постарайтесь быть хотя в его глазах
Вы легкомысленней и больше прихотливы;
Увидите, какой он будет боязливый.
Едва опомнится, что может потерять
Блаженство, коим стал он так пренебрегать,
С супругой-ангелом в любви минутах тайных,
Он в заблуждениях раскается случайных
И, образуясь, вам покорен будет вновь.

Эльмира

Не послушание мне нужно, а любовь.

САФИР

Но возвратить ее нет способа другого.

Эльмира

Хоть ныне умереть я за него готова.

САФИР

Не надо умирать; приличней средство есть,
Чтоб чувства прежние Ариста вам обрести.

Эльмира

И способ случай мне давно к тому доставил:
Мой муж в рассеяньи, дела свои оставил,
Но я за них взялась, радела как могла,
У должностных людей по целым дням была,
На малу опытность мою с прискорбьем глядя,
Мне руку помощи в том подавал мой дядя.
У мужа тяжба есть по делу одному,
И производится неведомо ему.
Хотя на стороне его и справедливость,
В неправоту ему вменили б нерадивость.
Я не щадила просьб, подарков и хлопот.
Сегодня жданный день решенья настает.
Я еду, чтоб узнать, успешно ль окончанье;
Увидит пусть Арист мое об нем старанье.

САФИР

Возможно ль, чтоб он был неблагодарен вам?
Вы более об нем печетесь, чем он сам,
Но, ах!..

Эльмира

Докончите, я вам охотно верю.

САФИР

Вы возвратите ль сим любви его потерю?
Конечно, скажет он, и скажет целый свет:
Что дивных качеств вы, что вам подобной нет,
Что делаете честь вы редких жен сословью.
Почтенье не всегда сопряжено с любовью.

Эльмира

Или намерены меня вы убедить,
Что нет возможности мне мужу угодить;

Что сердца я его лишаюсь невозвратно.
 Так! должно верить мне сему, хоть неприятно.
 Он вовсе действует тем чувствам вопреки,
 Являл которые, искав моей руки.
 В те дни, что для меня так памятны, так сладки,
 Он всё любил во мне — и даже недостатки.

САФИР

О! в этом нечего меня вам уверять!
 Как вас не полюбить? вам суждено пленять.
 Но узников своих чтоб приучить к неволе,
 На то потребно средств еще гораздо боле;
 Они, сударыня, для вас не мудрены;
 Зачем отбросили свои таланты вы?
 Искусством нравиться пренебрегать не надо.
 Вы хороши собой хотя и без наряда,
 Но что вы, как теперь, одеты не всегда?
 Зачем не ездите в собранья иногда,
 Которых можете быть первым украшеньем?
 Там возбужденные правдивым восхищеньем
 Хвалы, с которыми к вам всякий поспешит, —
 Ручаюсь, что Арист их дорого ценит.

ЭЛЬМИРА

Ужели кисея, надетая удачно,
 Ему заменит взор мой ласковый, безбрачный?
 Ужель неискренний восторг, похвальный бред,
 Который так легко всем уделяет свет,
 Захочет он сравнять с горячностью тою,
 С которой может он быть мной любим одною?

САФИР

О, нет! конечно, нет; но видя каждый раз
 Везде угодников, вздыхателей круг вас,
 Сам будет угождать, к своему привыкнет дому,
 Чтоб сердца вашего не уступить другому.

ЭЛЬМИРА

Довольно; верьте мне, что до минуты сей
 Скрывалась дома я, таилась от людей
 Не для того, чтоб быть мне от других отличной, —
 Любить веселье мне подобно всем прилично:
 Утехи, счастье, всех радостей собор,
 В Аристе мне одном мечтались до сих пор.
 Он насмехается над чувствами моими.
 С теперешней поры и я прощаюсь с ними:
 Род жизни я моей переменяю весь;
 И съездов ежели у нас не будет здесь,
 То целый день и ночь искать их буду в чуже.

САФИР

Вот удивите вы весь свет!

ЭЛЬМИРА

Так удивлю же.

САФИР

И сим поддержите честь пола своего.
 Я знаю, женщинам нет легче ничего,
 Как пременять свой вид, и даже свойства, мненья...
 Но, кстати, вы теперь начните превращенья:
 Сыграйте что-нибудь и спойте в добрый час;
 Пусть Музы, Аполлон и, словом, весь Парнас
 Благоприятствуют успешному началу.

ЭЛЬМИРА

Давно не пела я.

САФИР

Попробуйте.

ЭЛЬМИРА

Пожалуй.

(Садится за фортепиано и поет.)

1

Боги! Лида, унывая,
В грусти вопиет своей:
Ах! красавица какая
В мирной есть долине сей,
Что, от жалкой Лиды кроясь,
Разлучает с милым нас!
Иль она Венерин пояс
Получила в дар от вас?

Пристойнее бы мне совсем не начинать.

САФИР

И таковой талант вы можете скрывать?
Как дурно скромничать не к месту! — Продолжайте.

ЭЛЬМИРА

Смотрите ж, за глаза меня не осуждайте.

2

Вдруг, как ветерок привяя,
Лель ей на ушко шепнул:
Ты пастушек всех милее!
Но Филон, едва вздохнул, —
От тебя всё получает;
Для того не ищет вновь:
Где желанье умолкает,
Умолкает и любовь.

Что, ежели Арист пришел бы сей порой?

САФИР

Не знаю, что бы он, а я уж сам не свой!

ЯВЛЕНИЕ 6

ЭЛЬМИРА, САФИР и АРИСТ, *входит и останавливается в дверях.*

3

И подшел Филон к прекрасной,
Ей не встречен в первый раз;
Просит поцелуй напрасно,
За отказом вслед отказ;
В просьбах и сопротивленьи
Длится неги сладкий час.
И любовник в упоеньи
Счастлив — будто в первый раз.

Ей-богу, ваше мне суждение опасно.

АРИСТ

Неподражаемо! божественно! прекрасно!

ЭЛЬМИРА

Я не заметила тебя; давно ль ты здесь?

АРИСТ

Что ж делать: где талант, бывает также спесь.
Но чьим обязан я всеильным убеждениям?
Кто приманил тебя к забытым упражненьям?
Ты думала ль меня приятно удивить?

ЭЛЬМИРА

О! благодарностью ты можешь не спешить:
Вот упросил меня.

АРИСТ

Сафир?

ЭЛЬМИРА

Да, он.

АРИСТ

Измена!

Я сколько приставал и падал на колена,
И всё не мог тебя на это преклонить.

ЭЛЬМИРА

Как будто бы мужья умеют попросить;
Их просьба на приказ ужасно как походит,
А повеление до сердца не доходит.

САФИР

Арист! тебе урок.

АРИСТ

Старательный убор;

А принуждения не замечает взор;
Платочек на груди как ветерок навеян.

ЭЛЬМИРА

Я ехать собралась.

АРИСТ

Ты едешь?

ЭЛЬМИРА

В магазейн.

АРИСТ

И в магазейн?

ЭЛЬМИРА

Да.

АРИСТ

Не верю я ушам.

ЭЛЬМИРА

Тьму разных мелочей я заказала там,
И надо кое-что для нынешнего балу.

АРИСТ

Для балу?

ЭЛЬМИРА

Точно так.

АРИСТ

Но объяснись пожалуй,
Пустыннический дух ужели впрямь исчез?
Тебя ли слушаю? Давно ли до небес
Уединение ты мне превозносила?

ЭЛЬМИРА

И это помнишь ты? я, право, позабыла.

АРИСТ

Забыла правила любимы через час?
И вот, о женщины! не обижая вас,
Вот та, которая из самых постоянных!

ЭЛЬМИРА

Ты первый недруг был всех этих правил странных;
Сафир противу их меня охолодил.

АРИСТ

И всё-таки Сафир.

ЭЛЬМИРА

Тебе он угодил:
Он сделал, что твои уважила я мненья;
Ты верно очень рад?

АРИСТ,

(сухо)

Я нем от восхищенья.

Да как послушалась Сафириных ты слов
Так скоро, — невзначай?

Эльмира

И без больших трудов.
Мне перестали быть те общества противны,
Где предвещает он веселья непрерывны;
Где можно нравиться легко в моих летах.
Нет! больше не сию я в четырех стенах.
Пусть к рассеяню кто нову страсть осудит:
Сафир ее внушил и отвечать он будет.

Сафир

За что такая честь! Я, право, уж боюсь,
Что красноречием невольно возгоржусь.

Эльмира

Недаром — в полчаса вы совершить умели
То, в чем бы во сто лет другие не успели.

Арист

Завиден тот, кому дар слова дан такой.
Так вместе на вечер поедем мы с тобой.

Эльмира

И нет! там многие, в сужденьи торопливы,
Безвинно посвятят тебя в мужья ревнивы
Или найдут, что мы как пара голубков;
Я ж от двусмысленных шептаний, полуслов
Старалась до сих пор быть сколько можно дале,

Арист

Как! если вместе мы покажемся на бале,
Двусмысленно о том свет будет говорить?
Мне всё двусмысленным уж начинает быть.

Эльмира

Сафир! еще совет: какого лучше цвету
Купить бы шляпку мне?

Сафир

Малинового.

Арист

Нету,

По мне небесного.

Эльмира

Нет, нет!

Арист

А почему?

Эльмира

Не верю иногда я вкусу твоему.

Арист

Подписан приговор! мой вкус уже порочен!

Эльмира

Порочен не скажу, а переменчив очень.
Но с вами нехотя я время упушу,
Прощайте; ежели найду, чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафир! желайте мне успеха.
(Уходит.)

Явление 7

Арист и Сафир.

Арист

Что за диво!

Сафир

Каков с Аглаей ты? — Она тебя нашла,
Иль ты ее сыскал?

АРИСТ
(не принимая ему)
При всем том как мила!

САФИР
Надеюсь, для тебя всего милее света.
Увы! надолго ли?

АРИСТ
Как хорошо одета!

САФИР
О! этим славится не без причин она;
Что более в ней есть?

АРИСТ
Жива, ловка, умна!

САФИР
Приятно сладостных часов воспоминанье!
А где произошло с любезною свиданье?
Что сделалось с тобой! как ты задумчив.

АРИСТ
Да,
Я таковой ее не видел никогда!

САФИР
Вскружила голову тебе совсем Аглая,
Скажи по совести?

АРИСТ
Ох, братец, нет, другая.

САФИР
Другая уже? я как вкопанный стою!

АРИСТ
Да, я влюбился вновь.

САФИР
В кого?

АРИСТ
В жену мою.

САФИР
Вот новости еще!

ЯВЛЕНИЕ 8
Презжие и Эльмира.

ЭЛЬМИРА
Как будто это надо,
Чтоб именно со мной тут встретилась досада.

АРИСТ
А что случилось?

ЭЛЬМИРА
Что? вы б это не снесли.

АРИСТ
Быть может; но скажи....

ЭЛЬМИРА
Вы бы с ума сошли.

АРИСТ
Я верю, но скажи, в чем происходит дело?

ЭЛЬМИРА
Ужели о пустом я так бы зашумела?

АРИСТ

Печальное пришло известье?

ЭЛЬМИРА

Ох, не то!

Мне плакать хочется.

АРИСТ

Не умер ли уж кто?

ЭЛЬМИРА

Не может разве быть несчастья иного?

АРИСТ

Да что же случилось?

ЭЛЬМИРА

Карета не готова.

АРИСТ

Загадки этой я не разрешил бы ввек.

ЭЛЬМИРА

Вас это веселит, счастливый человек!
 В забаву для себя всё обратить умеет.
 Но если новое мне платье не поспеет,
 То я не знаю, в чем уже на бале быть.

АРИСТ

Уже? так перестань, мой друг, себя крушить:
 Едва ты явишься, и, позабыв наряды,
 На красоту твою все обратятся взгляды.

ЭЛЬМИРА

Удачно мадригал вы, сударь, мне сплели;
 Аглае лучше бы его поберегли.

АРИСТ

Как! что это?

ЭЛЬМИРА

Сафир! пожалуй подойдите.

САФИР

Чего изволите?

ЭЛЬМИРА

Рукавчик завяжите.
 Послушайте меня.

(Тихо ему.)

Арист не должен знать,
 Что по его делам я еду хлопотать,

САФИР

Я умолчал о том.

ЭЛЬМИРА

Я этого страшилась
 И только для того сюда к вам воротилась.

АРИСТ,

(в сторону)

Они с ней шепчутся.

ЭЛЬМИРА

(громко)

Благодарю.

САФИР

За что ж?

АРИСТ

У вас таинственность; а я на что похож?

Эльмира

И тайну чтоб узнать, догадки надо много.

Арист

Сафир! прошу сказать.

Эльмира

Сафир! ах! ради бога!

Сафир

Не бойтесь, не скажу.

Арист

Я угадаю сам.

Эльмира

Ломайте голову, я позволяю вам;
А вы не делайте, Сафир, ему рассказы.
Пора уж отомстить мне за его проказы.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 9

Арист и Сафир.

Арист

Конечно, ежели сего лишь захотят,
И ангела с пути прямого совратят,
Не правда ли, Сафир?

Сафир

Мне это непонятно.

Арист

Не ждал от дружбы я услуги столь приятной.

Сафир

Пожалуй объяснись.

Арист

Иль славно поступил
Ты, что жене мою с Аглаей связь открыл?

Сафир

Кто, я?

Арист

Да, ты.

Сафир

Арист!

Арист

Сознайся, что некстати
Уведомлять жену о мужнином разврате?
Коль ветренность мою так можно называть.

Сафир

Арист!

Арист

Когда же мнишь любовь ее снискать,
То лучше отложи все ковы в долгий ящик.
Такой ли женщине приятен пересказчик?

Сафир

Уж это чересчур! – Вот на – рука моя,
Что ей не говорил о том ни слова я.

Арист

Да кто же ей сказал?

Сафир

Кто! – мне какое дело!
Но только что не я, могу уверить смело.

Арист

Ужели у меня есть скрытные враги,
Привыкшие мои изведывать шаги?..

САФИР

Ты всё колеблешься? Я повторяю снова:
Не я о том сказал, даю честное слово.

АРИСТ

Довольно; извини, прости меня, Сафир.

САФИР

Как мог подумать ты?

АРИСТ

Ну, мир.

САФИР

Пожалуй, мир.

АРИСТ

Я очень чувствую, что это быть не может.
Не знаю, ныне что весь день меня тревожит?

САФИР

А повод к этому?

АРИСТ

Эльмира. — Посуди:
Блаженство обретал я на ее груди;
Смиренный, тихий нрав, испытанный во многом,
Любви достаточным казался мне залогом.
Я так уверен был, беспечен, что, ей-ей,
В объятиях ее не помышлял об ней.
Внезапно кротость та пожертвована вздору;
Эльмира вне себя от шляпки, от убору:
Она собирается на бал, а я — сказать стыжусь! —
И в провожатые уж боле не гожусь.

САФИР

Ну, что ж? ей, может быть, единообразие скушно,
И ты на то глядеть обязан равнодушно.

АРИСТ

Я это говорил, я точно не был прав:
Еще не знал тогда я ревности отрав.

САФИР

А ныне чувствуешь?

АРИСТ

Не точно ревность...

САФИР

Что же?

АРИСТ

А что-то, на нее ужасно как похоже.

САФИР

Мой друг, не вовсе ль ты рассудок потерял?
Когда жена твоя, чего ты сам желал,
К приманкам светскости не столько хладнокровна,
Уже ты вне себя, уже она виновна.

АРИСТ

Премчивости тень убийственна тому,
Кто вверился, как я, блаженству своему. —
Постой, что давича она тебе шептала?

САФИР

Вот, видно, на меня опять сомнение пало.
Весь толк о шляпке был; ты верно слышал сам?

АРИСТ

Неправда, выдумка, я вижу по глазам.
Скажи мне истину сейчас — или ни слова.

САФИР

По крайней мере, нет тут ничего такого,
Что неприятность бы могло тебе подать.

АРИСТ
К чему ж таинственность?

САФИР
Я обещал молчать.

АРИСТ
Довольно.

САФИР
Что с тобой? в лице весь изменился.

АРИСТ
Тебе знать, чудится.

САФИР
Ну, право; рассердился.

АРИСТ
Я... ничего.

САФИР
Постой, куда же ты пошел?

АРИСТ
Я так...

САФИР
Куда, скажи?

АРИСТ
Здесь воздух мне тяжел.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10
САФИР, *один*.

САФИР
И это был Арист! он может быть ревнивым!
Так! вертопрахам он пример велеречивым;
Блаженства сущностью они не дорожат:
Его утративши, по нем же загрустят.

ЯВЛЕНИЕ 11
САФИР и ЭЛЬМИРА.

САФИР
Вы скоро съездили.

ЭЛЬМИРА
Неправда ль, торопливо?
Не менее того мой выезд пресчастливым;
И в сей записочке еще подтверждено,
Что в пользу дело всё Ариста решено.
Прочтите, — с сим письмом слуга мне повстречался.
Успехом наконец мой поиск увенчался.

САФИР
Я поздравляю вас.

ЭЛЬМИРА
А что Арист?

САФИР
Пропал.
Отчаянно брюзглив и недоверчив стал;
Любезные черты ревнивца он являет.

ЭЛЬМИРА
Что неожиданно его переменяет?

САФИР

Что хочет женщина, то сбудется всегда.

ЭЛЬМИРА

Какие случаи бывают иногда:
Я радуюсь тому, о чем иная плачет;
Мой муж ревнив!

САФИР
И как!

ЭЛЬМИРА

Сафир? что это значит?

САФИР

То значит, что ему досталось унывать.

ЭЛЬМИРА

О! я берусь его достойно наказать:
От дядюшки письмо я утаю до срока,
Его промучаю весь день.

САФИР

Ах! как жестоко!

ЭЛЬМИРА

Мной чувства жалости совсем отдалены;
С ума его сведу.

САФИР

По милости жены,
Не первый попадет в число он сумасшедших.

ЭЛЬМИРА

Нет! а раскается он в шалостях прошедших,
Ручаюсь вам за то.

ЯВЛЕНИЕ 12

Прежние и Арист, в дверях.

САФИР

Признаться, что Арист
Пред вами совестью своей не очень чист
И наказания примерного достоин.

ЭЛЬМИРА

И накажу его, он может быть покоен.

САФИР

А чем? не этим ли письмом?

ЭЛЬМИРА

Чем Бог послал.
Отдайте мне его, чтоб он не увидал.

АРИСТ

И так сбылись мои правдивые сомненья!
Скажи, бессовестный, еще в недоуменьи
Не знаю, как судить мне по твоим словам:
Помощник, что ли ты, иль обольститель сам?

САФИР

К кому такая речь?

ЭЛЬМИРА

Замешаны мы оба.

АРИСТ

Уж боле не к лицу невинною особой
Прикидываться вам: сей день вас обличил;
Довольно времени я легковерен был.

САФИР

Обдумайся, Арист.

Эльмира

Он в полном ли рассудке?

Арист

О! бросьте наконец безвременные шутки.
Скажи, сударь!.. Иль нет, оставь покуда нас;
Мы лучше свидимся с тобою через час,
Тогда произойдет короче объясненье.

Сафир

Но что ввело тебя в такое исступление,
Скажи причину нам?

Арист

Оно у ней в руках.

Сафир и Эльмира

Письмо!

Арист

Неужели вы ощутили страх?

Сафир

Дай мне тебе сказать...

Арист

Мне слушать не досужно.

Сафир

Одно...

Арист

Не надобно.

Сафир

Лишь слово дай...

Арист

Не нужно.

Эльмира

Вы видите, Сафир, он, кажется, в бреду;
Подите, пусть его упрямится.

Сафир

Иду.

Он, право, жалок мне!

Арист

Ужимки бросьте эти!
Еще ль вам повторять, что нам не нужен третий?
(Сафир уходит.)

Явление 13

Арист и Эльмира.

Эльмира

Чего хотите вы? вот мы наедине.

Арист

Не вам расспрашивать, сударыня, а мне.

Эльмира

Чего хотите вы?

Арист

Чего? вопрос забавный!

Подайте мне письмо, где я увижу явно,
Как женской честности вы презрели закон,
Как вами я забыт, поруган, оскорблен!

Эльмира

Поруган! оскорблен! — какие выраженья!
Но ваши не хочу я разрешать сомненья
И не отдам письма.

Арист

Должны его отдать.

Иль бешенство мое хотите испытать?

Эльмира

Подумайте — читать письмо чужое низко,
И хлопотен надзор над женской перепиской.

Арист

Я, кажется, вам муж.

Эльмира

Я, сударь, вам жена;
И любопытством я большим одарена
Но ваши тайны мне всегда казались святы.

Арист

Вам свято что-нибудь! не я ль уж виноватый?
Подайте мне письмо.

Эльмира

Нет право, не отдам.
Читаю ль я когда, что пишет часто вам
Любезная для вас, прелестная Аглая,
И может быть еще прелестница другая?

Арист

Как заблуждения дерзаете равнять
Мои вы с вашими? Иль вам растолковать:
Мои суть шалости, а ваши преступленья.

Эльмира

Где эти ветхие нашли вы наставленья?

Арист

Но и погрешности мои вам не покров;
Я вам не верен был на несколько часов;
А в доказательство, здесь для моей очистки,
Вот как я берегу любовные записки.

(Вынимает записки из бумажника и флет.)

Эльмира

Ах! доказательства не служат ни к чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И бесполезнее, когда я к вам остыла.

Арист

В глаза мне говорит, что точно изменила!
Простительно ль сему бесстыдству мне внимать?
Не думайте, чтоб я вас мог подозревать
По недостаточной какой-нибудь причине;
Нет! повод вы к сему мне подали не ныне,
А перемену в вас заметил я давно.

Эльмира

Что вы заметили?

Арист

То, что.... Но всё равно,
Я тысячу могу вам случаев исчислить,
По коим должен был об вас я худо мыслить;
Довольно было бы смешно не замечать
Мне на лице у вас уныния печать,
Когда наедине мы оставались с вами;
И часто думал я, что кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вам выезжать со мной. —
Сегодня поутру, на что искать мне дале,
В смятенья были вы, погружены в печали,
Когда напомнул я об деревне вам;
Конечно скоро бы прибегнули к слезам,
К упрекам, жалобам! — на дело не похоже!..
Является Сафир, я ухожу — и что же?
Откуда всё взялось на бедствие мое:
Веселость, острота, наряды и пеньё,
Все, словом, женские чертовские приманки.
Я в дверь, вы со двора, и очень спозаранки.
Не ведаю, какой злой дух в меня вдохнул,

Чтобы Сафиру я об этом намекнул?
 Изменник! над моим ругался как несчастьем!
 Как утешал меня притворным соучастьем!
 Непринужденно как смеялся, ободрял!
 От горькой истины как хитро отвращал!
 Как другом и женой жестоко я обманут!
 Но более меня обманывать не станут.
 Что вы потупили глаза? вы смущены?
 Подайте ж мне письмо.

Эльмира
 Мой Бог! как вы смешны!

Арист
 Я очень чувствую; однако непристойно
 Вам это замечать.

Эльмира
 Нрав самый беспокойный.
 Мне, право, кажется, что вы больны — в жару.
 Не сами ль ныне вы твердили поутру,
 Чтоб одевалась я нарядней, выезжала,
 Чтоб дарованьями не столь пренебрегала?
 По воле вашей я за это принялась,
 И вышло невпопад; — как угодить на вас?
 Откуда прихотей вы набрались?

Арист
 Откуда?
 Я впрямь несправедлив, и был, и есмь, и буду!
 Подайте мне письмо.

Эльмира
 Пора об нем забыть.

Арист
 Как можете еще такой спокойной быть?

Эльмира
 Да это оттого, что нрав имею ровный.

Арист
 Пожалуй, говорить я стану хладнокровно.
 Письмо я требую; прошу его от вас
 Не для того, чтобы с сей вывеской тотчас
 Повсюду разглашать ваш стыд, мое бесчестье,
 И вскоре без меня о том пройдет известье;
 Над этим случаем свет едкость изострит,
 Печальну истину раскрасит, распестрит;
 Еще похвалит вас, что мужа обманули,
 Нет! лучше припасу две роковые пули:
 Одну бездельнику, другую для себя.

Эльмира
 Как хладнокровно!

Арист
 Нет! вас сверх всего любя,
 Скажите, — я могу ль так вдруг возненавидеть?
 Подайте мне письмо, — ах! дайте мне увидеть,
 Вам точно ли всегда другой казался мил,
 Всё притворялись вы, я всё обманут был.
 Вы смехаетесь; — кто смеху здесь предметом?

Эльмира
 Я думала теперь, ей-богу, не об этом.

Арист
 Не будем долее комедию играть;
 Подайте мне письмо, — ведь надобно ж отдать?
 Подайте, — право, я за вас боюсь.

Эльмира
 Не бойтесь.

АРИСТ
Подайте.

ЭЛЬМИРА
Полноте.

АРИСТ
Подайте.

ЭЛЬМИРА
Успокойтесь;
Возьмите, вот оно.

АРИСТ
Что буду я читать?
(Читает.)
“Не надлежало б так Ариста баловать,
Эльмира, милый друг! но так и быть; и дело
Он ныне выиграл, — ты этого хотела.
Прощай, я остаюсь усердный дядя твой.
N.”

Эльмира! я дурак! прости мне, ангел мой!

ЭЛЬМИРА
Насилу сделались опять вы справедливы.

АРИСТ
Я недоверчивый, неистовый, строптивый!
Какие клеветы произносил с сердцов?
Для оправдания мне неостанет слов.

ЯВЛЕНИЕ 14
Презжие и САФИР.

САФИР
Вот неожиданность! хоть бы в волшебных тѣнях;
Супруга нежная в слезах, муж на коленях!
Раскаянье, любовь, согласие! — что, брат?

АРИСТ
Пред ней я, пред тобой, пред всеми виноват.
Прости, Эльмира, мне сомненье безрассудно;
Конечно, мне к тебе его питать бы трудно;
Но мой неправый гнев.... но и проступок сей —
Не есть ли верный знак к тебе любви моей?

ЭЛЬМИРА
Нет, беспорочной мне была холодность платой,
И ревность, я когда казалась виноватой.

АРИСТ
Что требуешь, скажи: чтоб удалился я
В леса дремучие, в безлюдные края?
Мой друг, изволь, и там забуду я с тобою
Веселья бурные, утраченные мною.

ЭЛЬМИРА
Такие жертвы я, конечно, откажу:
Приятность в городе сама я нахожу.

АРИСТ
Как хочешь; но теперь в столице иль в пустыне
С тобою дома я всегда сажу отныне —
Днем, утром, вечером, и в полдень, и в полночь;
Все вертопрашества и суетности прочь!

ЭЛЬМИРА
Но дома не всегда меня ты видеть будешь.

АРИСТ
Иль долго ты мою вину не позабудешь?..

САФИР
Или прикажете мне к вашим пасть ногам?

ЭЛЬМИРА
Прощаю — пусть он всем обязан будет вам.

А.С. ГРИБОЕДОВ

(Аристу.)

Так, если несколько тебя сей день исправил,
Его благодаря: он и меня наставил,
Чтоб вкусам я твоим старалась снисходить,
Затем, чтоб от других приманок отвратить,
Чтоб иногда твоей противилась я воле,
Затем, чтоб ты ценил мое смиренство боле.
Так! он любовь твою мне возвратить хотел,
Старался, сколько мог, — и, может быть, успел.

Конец

СТУДЕНТ

Комедия в трех действиях

Действующие лица

ЕВЛАМПИЙ АРИСТАРХОВИЧ БЕНЕВЕЛЬСКИЙ,
студент из Казани.

ФЕДЬКА, его слуга.

ЗВЁЗДОВ.

ЗВЁЗДОВА, жена его.

САБЛИН, брат ее, гусарский ротмистр.

ВАРИНЬКА, воспитанница Звёздовых.

ПОЛЮБИН, влюбленный в Вариньку.

ПРОХОРОВ.

ИВАН, слуга.

ШВЕЙЦАР.

ТРОЕ СЛУГ.

МАЛЬЧИК ИЗ РЕСТОРАЦИИ.

Действие в Петербурге, в доме Звёздова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

БЕНЕВОЛЬСКИЙ, ФЕДЬКА, ИВАН.

ИВАН

Кого вам надобно-с?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я уж отвечал на этот вопрос неоднократно, внизу, человеку, вооруженному длинным жезлом, так называемому швейцару, а тебе повторяю: мне надобно господина здешнего дому.

ИВАН

Барина самого?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Да, да, барина твоего, Звёздова, его превосходительство Александра Петровича Звёздова. Ведь это дом его?

ИВАН

Его-с.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

А я его гость.

ИВАН

Разумею-с. Да ваши пожитки и повозку куда же девать? Штукарев, что за домом смотрит, вышел куда-то, барин во дворце, барыня еще почивает, а если изволит проснуться, как прикажете доложить о себе?

СТУДЕНТ

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Без доклада, любезный, без доклада. А впрочем, имя мое Беневольский: я здесь свой человек, меня ждут давно. Его превосходительство в бытность свою в Казани познакомился с покойным моим отцом, который предложил ему свои услуги, имел хождение за его делами; с тех пор они друг другу дали клятву в дружбе неизменной и утвердили между прочим вот что... Барин твой сказывал, что его супруга воспитывает прелюбезную девицу.

ИВАН

Барвару Николаевну? Красавица, нечего сказать.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Невинность, ангел, существо небесное, так ли? И мне назначил он ее спутницею жизни: это было положено между им и покойным батюшкой, также и то, чтоб мне, когда приеду в Петербург, остановиться у его превосходительства. Я тогда возрастал еще в Минервином храме, в университете. С тех пор батюшка скончался, и я, сказав прости казанскому рассаднику просвещения, поскакал сюда, чтоб воспользоваться приглашением твоего барина. В нем, конечно, найду я друга, отца, покровителя, одним словом всё. Ну, понял ли?

ИВАН

Понял-с. Так вашей повозке с пожитками постоять покамест на улице?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Всё равно. Вели ей стоять на улице или въезжать на двор. Мне не до того: в голове моей, в сердце такое что-то неизъяснимое, мир неизвестный, смутная будущность!

ИВАН

(отходя, говорит Федьке)

Барин-то у тебя, видно, большой искусник.

ЯВЛЕНИЕ 2

БЕНЕВОЛЬСКИЙ, ФЕДЬКА.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Что он тебе сказал?

ФЕДЬКА

Барин-де твой, видно, большой искусник.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Искусник... Так простолюдины называют артистов. Да, я артист; где мой журнал дорожный?

(Федька вынимает из сумки, что у него за плечами, кучу бумаг и медный карандаш.)

Подавай сюда! Записать, непременно записать первые чувства при въезде в столицу.

(Пишет.)

Мирюсь с Тобою, Провидение! я в желанной пристани...

ФЕДЬКА

Ох, кабы перекусить что-нибудь! Да у кого здесь попросишь? все и люди-то смотрят на тебя такими тузами, как будто сами господа; а позывает, ой! позывает: кибитчонка-то всё вытрясла, проклятая.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Вступаю в новый для меня свет. Ну, однако, какой же новый? Я его знаю, очень хорошо знаю: я прилежал особенно к наблюдениям практической философии, читал Мармонтеля, Жанлис, пленительные повести новых наших журналов; и кто их не читал? кто не восхищался Эльмирой и Вольнисом, Бедной Молочницей? Они будут водители мои в этом блуждалище, которое называют большим светом.

ФЕДЬКА

Посидел бы он шесть дней да шесть ночей на облучке, не взбрела бы всякая всячина на ум; попросил бы съестно-

го да завалился бы спать. Правду сказать, ведь и ему не малина была: сидячей частью об книжный сундук, головой об плетеную будку простукался, сердечный, во всю дорогу. Ну, да что им, грамотеям, делается? не давай ни пить, ни есть; дай перо да бумаги, — и сытехоньки, и горя половина.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Не говори вслух, ты мне мешаешь.

ФЕДЬКА

Неужто вы впрямь с дороги да и за дело?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(не слушая его)

Здесь увижу я эти блестящие собрания, где вкус дружится с роскошью; в них найду женщин милых, любительниц талантов, какую-нибудь Нинону, Севинье, им стану посвящать стишки маленькие, легкие; их окружают вертопрахи, модники — я их устрашу сатирами, они станут уважать меня; тут же встретятся мне авторы, стихотворцы, которые уже стяжали себе громкую славу, признаны бессмертными в двадцати, в тридцати из лучших домов; я к ним буду писать послания, они ко мне, мы будем хвалить друг друга. О, бесподобно! Звёздов ездит во дворец, — он будет моим Меценатом, мне дают пенсию, как всем подобным мне талантам, я наживусь, разбогатею. Федька! Федька! поди сюда, обойми меня.

ФЕДЬКА

Что с вами, сударь?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Сколько ты от меня получаешь жалованья?

ФЕДЬКА

Да вашей милости, я чай, самым известно.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Жалкий человек! ты думаешь, что я занимаюсь этой малостью.

ФЕДЬКА

Ну вот видите, сударь, теперь сами признаетесь, что малость; а как нанимали в Казани, еще торговались: всего сорок рублей на месяц.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ты будешь получать пятьсот, тысячу.

ФЕДЬКА

С нами крестная сила! рехнулся он. Попросите-ка, сударь, чтоб вам отвели комнату в стороне, да лягте-ка отдохнуть.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Тысячу, тысячу.

ФЕДЬКА

Да где же вы, сударь, возьмете? Вы, помнится, говорили, что у вас всего на всё тысяча рублей взято из Казани, да вышло на прогоны двести сорок рублей с полтиною, да покупок в разных городах на восемьдесят рублей, да мне изволили выдать в зачет жалованья два целковых: вот у меня здесь всё записано.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Тысячу, говорю я, тысячу получишь; дай мне разбогатеть.

ФЕДЬКА

Вот оно что; ну, барин, так богатейте же скорее.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Эту тысячу, что я взял с собой, получил я в награду дарованый от преосвященного, от вице-губернатора, от самого губернатора за стихи поздравительные в разные времена;

если в губернском городе дали тысячу, здесь дадут десять, здесь могу я напечатать все мои творения, а как их все раскупят... Что ты качаешь головой? думаешь, не раскупят? Врешь: у Звёздова тьма знакомых, он человек знатный, из угождения к нему все подпишутся: чего это стоит? один экземпляр дрянь, а за всё придется важная сумма.

ФЕДЬКА

(смотря в окно)

Кто-то, сударь, подъехал в коляске.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Сюда взойдут. Выйди в переднюю.

ФЕДЬКА

Да там народ такой неласковый, к тому же, право, я голоден, быка бы съел. Пожалуйте, сударь, полтинник: я схожу в харчевню.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

На, убирайся. Ах! досадно, на мне дорожная куртка. Еще подумают: новичок, смешной, необразованный... Воротись, Федор! Федька! вынь из чемодана платье, поновее которое.

ФЕДЬКА

Да там всего, сударь, фрак лиловый, да жилет пике, и то, чай, дорогой поизмялось,

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Подавай его.

ФЕДЬКА

К чему вам переодеваться!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Какое тебе дело?

А.С. Грибоедов

ФЕДЬКА

С вас не взыщут: вы человек приезжий.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Молчи!

ФЕДЬКА

Образумьтесь, где теперь выкладывать из чемодана: вам и комнаты еще не отвели,

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Не умничай!

ФЕДЬКА

Притом власть ваша: есть хочется, ей-богу! мочи нет.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Прозаик!

ФЕДЬКА

Вот еще ругаетесь... Нет, барин, мне таким способом служить будет не в охоту.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Олух! приברי эту тетрадь и карандаш да ступай за мной: я сам вытащу чемодан и выну платье. Скорей! Скорей!

(Уходит с Федькой и в дверях встречается с Полюбиным.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Полюбин и Иван.

Полюбин

Стало, никого нельзя видеть; а это кто вышел?

Иван

Приезжий, сударь, из Казани.

Студент

Полюбин

Из Казани! и зовут его?

Иван

Беневольский.

Полюбин

Ах! Боже мой!

ЯВЛЕНИЕ 4

Полюбин и Варинька.

Варинька

Здравствуйте, Полюбин; как умно сделали вы, что приехали! Знаете ли, кто здесь?

Полюбин

Да, этот жених из Казани, выбранный Звёздовым и который, натурально, никогда не будет вашим мужем.

Варинька

О, конечно нет. Представьте, я давеча сажу перед окном у себя в комнате, только что встала, вижу: подъезжает к крыльцу повозка, из нее выходит... вы еще его не видали?

Полюбин

Он мелькнул в дверь, только что я вошел.

Варинька

Ни на что не похож; я вскочила со стула, послала спросить, кто? Говорят, Беневольский; я онемела от испугу. Ведь это может только Александру Петровичу притти в голову назначить мне женихом человека, которого хуже, по крайней мере на взгляд, сыскать нельзя.

Полюбин

Поверьте, он об нем давно забыл.

Варинька

Нет нужды: он, конечно, ни об чем не помнит, но за вас меня не выдает потому, что его жена этого хочет; он в пятьдесят лет настоящий ребенок, всё любит делать наперекор всем и, вы увидите, начнет меня принуждать, чтобы я вышла за этого шута, которого он давно забыл, но вспомнит, коль скоро он ему попадется на глаза. Боже мой! как тяжело зависеть от таких людей, которые за свои благодеяния располагают вами, как собственностью! Теперь я чувствую, каково быть сиротой.

Полюбин

Я еще надеюсь: если Звёздов не совсем так поступает, как бы должно, жена его женщина редкая; принявши вас в дом, полюбила и продолжает любить, как дочь. Ей, как нежной матери, обязаны вы всеми приятностями, которые всех заставляют вас любить.

Варинька

Ах, перестаньте! до того ли мне?

Полюбин

Хотя муж ее всегда хочет поступать в противность другим, всё-таки жена его, милая, ловкая, наконец ставит на своем; и не мудрено: ему пятьдесят лет, а ей с небольшим двадцать.

Варинька

Пойду, брошусь перед ней на колени; пусть что хотят со мной делают, а я ни за кого, кроме вас, не выйду.

(Полюбин целует у нее руку.)

Она еще спит, а то я бы сейчас пошла, пока муж ее не воротился из дворца.

Полюбин

Вы напрасно огорчаетесь: у вас нет родителей, — кто вас может приневолить? Вы выбрали человека по сердцу, от вас зависит его счастье.

Варинька

Без согласия моих покровителей! чтоб меня после называли неблагодарной! ни за что в свете.

(Подходя к окну.)

Посмотрите, посмотрите, он же на улице переодевается.

Полюбин

Кто? Беневольский?

(Смотрит в окно и хохочет.)

Варинька

Нет, не только теперь, — если б я и вас не знала, ни под каким видом не вышла бы замуж за этого безумного. Хорошо вам смеяться: вы сами себе господин. Ах! он сюда идет; прощайте! пойду в спальню к Настасье Ивановне. Может быть, она встала. Приезжайте ужю, простите.

(В дверях.)

Будьте же здесь ужю непременно, а то мы нынче съезжаем на дачу. Бог знает, когда увидимся.

Явление 5

Полюбин, *вскоре после* Беневольский.

Полюбин

(смотря на часы)

Теперь половина одиннадцатого, во дворце еще не вышли к обедне, — Звёздов не так скоро воротится. Можно полюбопытствовать, что за человек этот Беневольский. Вот он сам и в пух расфранчен.

Беневольский

(шафкая)

Ваш покорнейший слуга-с.

Полюбин

Здравствуйте!

А.С. ГРИБОЕДОВ

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Позвольте с вами познакомиться.

ПОЛЮБИН

Очень рад вас видеть.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Что-с? так точно-с.

(В сторону.)

Непостижимо. Я, верно, в сорок раз его умнее: отчего я робею, а он нет?

ПОЛЮБИН

(в сторону)

Бесценный. И это мой соперник.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Позвольте спросить: я, кажется, если не ошибаюсь, имею честь говорить с вами?

ПОЛЮБИН

Вы не ошибаетесь.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(в сторону)

Как краткословен! Он меня убивает.

ПОЛЮБИН

Вы недавно сюда приехали?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

С час будет.

ПОЛЮБИН

Из Казани?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я сын волжских берегов.

СТУДЕНТ

ПОЛЮБИН

Вам здесь всё должно быть ново?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ничто не ново под солнцем.

ПОЛЮБИН

Но приезжего из Казани многое кое-что должно здесь удивить.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Меня ничего. Признаюсь вам, я столько читал, что ничем не удивлен. Это мое несчастье.

ПОЛЮБИН

Может, не успели еще видеть ничего удивительного?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Помилуйте. Эти воды, пересекающие во всех местах прекраснейшую из столиц и вогражденные в берега гранитные, эта спокойная неизмеримость Невы, эти бесчисленные мачты, как молнией опаленный лес — вы это называете удивительным?

ПОЛЮБИН

Не я, а вы: вы сказали, что ничем уже не удивляетесь.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я разумел моральные явления,

ПОЛЮБИН

Когда ж вы могли их видеть? Вы сейчас из повозки. — Что ж вы располагаете вдаль? Какой род жизни вы намерены выбрать?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(приосанившись)

Вы знаете, как меня зовут?

Полюбин

Беневольский, кажется.

Беневольский

Да-с.

Полюбин

Так что ж?

Беневольский

Вы, конечно, читали “Сына Отечества”? там эти безделицы, я их, ей-богу, полагаю безделицами, так... опыты, конечно, часто счастливые, удачные, они подписаны литерами Е.А. Б. и несколько точек, вместо имени — Евлампий Аристархович Беневольский.

Полюбин

Имени вашего не забуду; но я не читаю “Сына Отечества”.

Беневольский

Нет! Ну, так “Вестника Европы”?

Полюбин

Тоже нет.

Беневольский

Помилуйте, а “Музеум”? Вы, конечно, любите “Музеум”? Московский “Музеум”?

Полюбин

Я даже не знаю, есть ли он на свете.

Беневольский

Нет, его уж нет больше, но он был. Помилуйте, что ж вы читаете?

Полюбин

Мало ли что? Только не то именно, что вы назвали, и не то, что на это похоже.

Беневольский

(смотрит на него с презрением и отходит в сторону)

Не читал ни “Сына Отечества”, ни “Музеума”, ха! ха! ха! Этакое невежество в девятнадцатом столетии! в Петербурге! — Я перед ним робел! и я перед ним скромничал!

(Садится на стул.)

Вы, сударь, спрашивали, какие мои виды вдаль? Вот они: жизнь свободная, усмешка Музы — вот все мои желанья... Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они в сравнении с поэзией?

Полюбин

(в сторону)

Каков же! Однако, вы дурно делаете, что не хотите служить. С вашими способностями, с вашими познаниями не мудрено, что вы со временем попадете...

Беневольский

(с восторгом)

В чины?

Полюбин

В государственные люди... каких, конечно, у нас немного.

Беневольский

(вскакивая со стула)

Ась? Возможно ли! Быть полезным государству! Это превосходно, это именно мое дело. Я прошел полный курс этико-политических наук, политическую историю, политическую экономию, политику в строгом смысле, право естественное, право народное, право гражданское, право уголовное, право римское, право...

Полюбин

Право, не надобно столько прав, ни столько политики; я, как видите, ничего этого не проходил, а статский советник.

А.С. ГРИБОЕДОВ

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

В ваши лета?

ПОЛЮБИН

Представьте, чем вы можете сделаться!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Как вы благородно судите! Жаль только, что слишком пренебрегаете изящной словесностью.

ПОЛЮБИН

Я? нисколько!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Как же? не читаете "Сына Отечества".

ПОЛЮБИН

Что ж делать?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Зачните его читать, сделайте одолжение, зачните; право это вам не будет бесполезно, особливо при вашем здравом рассудке. — Но быть государственным человеком, министром, чрезвычайно приятно! Не почести, с этим сопряженные: это дым, мечта, но слава прочная, незыблемый памятник в потомстве! — О, поприще государственного человека завидно; да как бы на него попасть?

ПОЛЮБИН

А поэзия?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Прелестная игра воображения, отрада в скуке; но дело министра существеннее, решает задачи народов. Я себе представляю не для того, чтоб я в этом был уверен; но если бы оно случилось, чтобы я был министром...

(Задумывается.)

СТУДЕНТ

ЯВЛЕНИЕ 6

БЕНЕВОЛЬСКИЙ, ПОЛЮБИН, САБЛИН.

САБЛИН

Здорово, Полюбин! как ты рано здесь нынче дежуришь!

(Взглянув на Беневольского, отводит Полюбина в сторону.)

Скажи, пожалуй, давно ли сестра пускает к себе в дом таких куриозов? Это чорт знает, что такое!

ПОЛЮБИН

Это тот жених, об котором, помнишь, Звёздов прожужжал Вариньке.

САБЛИН

Казанский?

ПОЛЮБИН

Как видишь, налицо.

САБЛИН

Чудо!

ПОЛЮБИН

Хочешь ли, я вас познакомлю.

(Саблин делает знак согласия.)

Евламий Аристархович! позвольте представить вам моего друга, Евгения Ивановича Саблина.

(Беневольский раскланивается.)

САБЛИН

(Беневольскому)

Для первого знакомства, скажите-ко, батюшка, чем вы на белом свету промышляете?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Как ваш вопрос? извините.

(Тихо Полюбину.)

Я не понимаю его.

Полюбин

(тихо Беневольскому)

Человек военный, говорит просто; хотите ли, я за вас ему отвечу?

Беневольский

(Полубину)

Вы меня обяжете.

Полюбин

(Саблину)

Господин Беневольский, честь и краса казанского Парнаса, донныне занимался только изящной словесностью, и с таким успехом, что стихи его печатались даже в "Сыне Отечества".

Беневольский

(Полубину)

Помилуйте, вы меня в краску вводите вашей похвалою.

Полюбин

В ней нет ничего лишнего.

Беневольский

Вы так думаете?

Полюбин

Присягнуть готов.

(Саблину)

И сверх того в "Вестнике Европы".

Беневольский

Пощадите скромность поэта.

Полюбин

И где бишь еще?

Беневольский

В "Музеуме". — Да перестаньте. Хоть это всё очень лестно, но может показаться, что я самолюбив; а я ничьих похвал не ищу.

Саблин

И хорошо делаете. Кто вас так похвалит, как вы сами себя?

Полюбин

Везде рассыпаны счастливые опыты Евлампия Аристарховича Беневольского: после этого подумай...

Саблин

Я об этом никогда ничего не думаю и сочинителей терпеть не могу.

(Беневольскому.)

Это до вас не касается.

Полюбин

Кроме, что сочинитель, господин Беневольский ужасный законник и метит вдаль. Я его уговаривал, а он почти согласен сделаться со временем государственным человеком.

Саблин

Чем чорт не шутит! — Так вы метите в министры? а?

Беневольский

Отчего ж не стремиться вслед за Сюллиями, за Кольбертами, за Питтами, за боярином Матвеевым?

Саблин

Послушайте, подите-ка к нам, в полк, в юнкера. Смотри, пожалуй! он еще дуется!.. Ведь я не виноват, что вас иначе не примут; мне бы, напротив, во сто раз было веселее, кабы вы попали прямо в полковники: вы так сухощавы, по всему судить, проживете недолго, скорей бы вакансия очистилась.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(в сторону)

Житель Виотии в Афинах! ни малейшего колорита воспитания!

САБЛИН

(Полубину)

Неужели ты полагаешь, что есть возможность этому шуту жениться на Вариньке?

ПОЛЮБИН

Э, братец! от твоего зятя всё возможно.

САБЛИН

Я за это в состоянии сказать ему дурака в глаза, хоть он и думает, что вдвое меня умнее от того, что вдвое старше. Здесь неловко говорить; идем завтракать на бульвар.

ПОЛЮБИН

Пойдем.

САБЛИН

А ужо как вернемся, настроим хорошенько сестру, чтоб она мужа на ум навела. Я, право, люблю тебя как душу, и Вариньку тоже, смерть досадно, если она достанется этому уроду... Ха! ха! ха! как можно этаким выродиться! Я бы сам себя на его месте обраковал и пристрелил.

(Беневольскому.)

Мы, сударь, оставляем вас одних: рассуждайте на досуге. Вот вам, как Ивану Царевичу, три пути: на одном лошадь ваша будет сыта, а вы голодны, — это наш полк; на другом и лошадь, коли она у вас есть, и сами вы умрете с голоду, — это стихотворство; а на третьем и вы, и лошадь ваша, и за вами еще куча людей и скотов будут сыты и жирны, — это статская служба. Во всяком случае вы пойдете далеко; а мы, брат, пойдем к Бордерону, вели своей коляске за собой ехать.

ЯВЛЕНИЕ 7

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(один)

Ха! ха! ха! Какой сюжет для комедии богатый! Как они смешны. Тот статский советник, в порядочных людях, и не читал ни “Сына Отечества”, ни “Музеума”; но, по крайней мере, видно, что ему это совестно, больно: он мне после угождал взорами, речью, нарочно, чтоб изгладить дурное впечатление, которое надо мной сделало его невежество. А этот гусар, об котором Вергилий говорит: *Barbarus has segetes*,¹ — еще хвастается своею глупостью. Однако он мне дал мысль; ступайте к нам в полк... Нет, не в их полк, а в военную: отчего мне не быть военным? О! ремесло Цесаря! сына Филиппова! Быть вождем полмиллиона героев! Самому воспевать свои победы! воин-поэт! Но быть министром! тоже значительно, завидно. Ну, что ж? разве нельзя всё это сдружить вместе? Так, я буду законодателем-полководцем и стихотворцем, и вы меня одобрите, существа кротости!.. Существа очаровательные! всё в жертву вам!.. Но, боже мой! как здесь долго таятся в неге! Я так давно снедаем ожиданием. Ах! если б теперь мог увидеть ту, которая давно живет здесь, в моем сердце, знакомую незнакомку, которая часто появлялась мне в сновидениях, светла, как Ора, легка, как Ириса, — величественный стан, сафирные глаза, русые, льну подобные, волосы, черты... Кто-то идет — две женщины!.. Сердце, ты вешун! — это она с субреткою... Мой идеал!.. Она!..

ЯВЛЕНИЕ 8

ЗВЁЗДОВА, ВАРИНЬКА, БЕНЕВОЛЬСКИЙ.

ЗВЁЗДОВА

Я теперь только узнала, что вы приехали, и очень жалею, что не могла прежде... Что с вами сделалось? Не дурно ли вам?

1 Варвар эти нивы... (Вергилий. Эклога первая, ст. 70–71). — *Ред.*

А.С. Грибоедов

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
(*клянясь*)

Нет-с, ничего-с. Честь имею себя рекомендовать.

Звёздова
Вы долго ехали из Казани?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
Счетом времени только неделю, а счетом сердца целый век.

Звёздова
Видно, что-нибудь вас сюда торопило?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
Ах! сударыня, вы не знаете любви!

Звёздова
Это очень лестно для вашей невесты. Но вы ее видите в первый раз.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
В первый раз! Нет, я ее вижу не в первый раз.

Звёздова
Разве вы бывали прежде в Петербурге?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
Никак нет-с.

Звёздова
Когда ж вы могли ее видеть?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
Всегда: в часы уединенного труда, в минуты деятельной чувствительности, досуга шутиwego, крылатой фантазии.

Звёздова
Да где же?

СТУДЕНТ

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
Везде: образ ее носился в облаках воздушных, выглядывал из ручейка долинного, отражался в каплях росы на листочках утренних...

Звёздова
Теперь я понимаю: вы шутите.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
Одни сердца холодные могут шутить.

Звёздова
(*тихо Вариньке*)
Он говорит так странно...

Варинька
(*тихо Звёздовой*)
Странно, просто вздор; и за него хотят меня выдать. Ах! сжальтесь хоть вы.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
(*в сторону*)
Она в смущении! Еще слово, и я счастлив.

Звёздова
Вы, кажется, поэт?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
Так! Я не ошибся! Я счастлив! Я любим!

Звёздова
Что такое?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
Вы меня узнали?

Звёздова
Узнала ли я?..

А.С. ГРИБОЕДОВ

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Вы меня поняли?

ЗВЁЗДОВА

Нет, право...

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Трепещут ли в вас те струны, которые издали голос в моем сердце?

ЗВЁЗДОВА
(Вариньке)

Он с ума сходит.

ВАРИНЬКА
(Звёздовой)

Помилуйте, с чего ему сойти?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я желал, и свершилось; я искал бессмертия в любви, божества в природе, — и ангел возвышенных мыслей предстал мне во всем велелепии.

ЗВЁЗДОВА

Что вы говорите? опомнитесь.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Сердце имеет свою память. Вы заметили тот восторг, который не в силах был я удержать при первой нашей встрече? — в нем слышали вы голос пиитической совести.

ЗВЁЗДОВА

Я, сударь, в жизнь мою ничего подобного не видала и не слыхала.

(Вариньке.)

Побудь с ним, ради бога, мне сил недостает его слушать.

(Уходит.)

СТУДЕНТ

ЯВЛЕНИЕ 9

БЕНЕВОЛЬСКИЙ, ВАРИНЬКА *(она все время печальна и сердита).*

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(не примечая, что Звёздова ушла)

Не удивляйтесь моим словам, в языке любви запасся я жатвою слов... Боже мой! Она ушла?

ВАРИНЬКА

Ушла.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Краска стыдливой скромности, конечно, разыграла на лице невинности. Она, верно, хотела скрыть смятение первой любви. Зачем я не удержал ее? не досказал всего того, что теснится здесь, в этой груди?

ВАРИНЬКА

Нужды нет; вообразите себе, что я ваша невеста, и доканчивайте, как начали. Оно в своем роде, право, хорошо.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Верю, милая.

ВАРИНЬКА

Милая! Как он смеет!..

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Но ты не моя невеста, ты не она.

ВАРИНЬКА

Дай бог!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Что, красавица?

ВАРИНЬКА

Я думала, каково вашей невесте!

А.С. Грибоедов

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Положение ее должно быть...

ВАРИНЬКА

Несносно.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Стрелы любви, конечно, язвительны, богатыри могучие по три дня не едали и не спали от них. Илья Муромец... Но ты не читала, ты не поймешь. Стрелы любви, подобно копью Ахиллову, исцеляют собственную рану... Ох! я опять забыл, что ты не поймешь.

ВАРИНЬКА

Авось, пойму: продолжайте.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Если б ты, красавица, взялась мне помочь, поговорить своей барышне...

ВАРИНЬКА
(в сторону)

А! я служанка.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Если б ты растолковала ей, как выгодно быть подругою стихотворца!..

ВАРИНЬКА

К чему это? Невеста ваша всё сама от вас слышала.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

В самом деле! С каким жаром я изъяснялся! Как ты думаешь?

ВАРИНЬКА

О! чрезвычайно... Только жаль...

СТУДЕНТ

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Что жаль?

ВАРИНЬКА

Вы трудились понапрасну.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Понапрасну! Поверь, что нет. Я примечал всё время, и приметил, что она...

ВАРИНЬКА

А кто она?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Вот вопрос забавный: она, что вдруг явилась и наполнила душу радостью, а потом исчезла как призрак, невеста, избранная мне рукою тайного Провидения, словом, она.

ВАРИНЬКА

Ах, сударь, она — не она.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Как не она?

ВАРИНЬКА

Вы говорили не с нею.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Не с нею! С кем же?

ВАРИНЬКА

С хозяйкою здешнего дома, с женою вашего покровителя.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

С женою... Невозможно! Нет, нет... Какое тут правдоподобие!

ЯВЛЕНИЕ 10

Варинька, Беневольский, Иван.

ИВАН

(*Вариньке*)

Барыня вас спрашивает.

ВАРИНЬКА

Слава богу!

(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 11

Беневольский, Иван.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(*ей вслед*)

Минуту! Одну минуту!.. Никакого правдоподобия, это шуточный вымысел субретки.

(*Ивану.*)

Постой хоть ты.

ИВАН

Что прикажете?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Представьте себе, что мне сказала горничная.

ИВАН

Какая, сударь, горничная?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ну, вот, что сейчас отсюда вышла.

ИВАН

Помилуйте, сударь, что это за горничная? Это барышня, здесь в доме, воспитывается, Варвара Николаевна.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Моя невеста! Я погиб. Зловещий человек! Что ты сказал?

ИВАН

Сущую правду-с.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Но как же мне не ошибиться? Входит женщина молодая, ни дать, ни взять мой идеал, Кому же взойдет в голову, что она жена старика Александра Петровича Звёздова? С ней другая должна была показаться мне горничною.

ИВАН

Станет ли, сударь, горничная растабарывать с молодым незнакомым господином, глаз на глаз, среди бела дня, где все люди ходят? Довольно, что и урывкою пошаливают.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Полно, братец, нынче горничные везде, всегда и со всеми разговаривают. Я это читал во всех новых комедиях, а комедия зеркало света.

ИВАН

Как вам угодно,

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(*в размышлении*)

Из тысячи книг собирал я познания о свете, и вдруг одна нечаянность всё превращает в ничто. О fatum! — Нет, не виню тебя, ученье! Так, догадываюсь, понимаю, я сам виноват, я читал же... как забыть? как не вспомнить? Это одно и то же положение; они хотели испытать меня: одна притворилась горничной, другая моей невестой, а я не угадал. Но — не дам им торжествовать, оборочу им же в обиду, скажу им, что я знал всё и нарочно притворялся, чтоб помучить хитрую, Эту развязку я читал, очень помню.

ИВАН

Еще ничего не прикажете?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(в сторону)

Этот человек может мне послужить. Он так хорошо одет; верно много значит в доме. Я читал, что у знатных есть слуги, которые в доме всё делают и даже управляют господами.

(Громко.)

Послушай, мой друг, полюби меня, делай, что я тебе скажу.

ИВАН

Что будет угодно?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(дает ему деньги)

Вот тебе для знакомства. Не откажись...

ИВАН

Кто, сударь, от денег отказывается?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Не откажись подать мне те сведения, что я от тебя требую. Ты верно всё в доме знаешь до утонченности... все тайны тебе известны.

ИВАН

Виноват, сударь, я вчера только поступил сюда в услужение. Александр Петрович изволил меня выпросить у своей тетушки, княжны Дарьи Савишны Невкушаевой. Про нее расскажу вам, что хотите; почтенная, целомудренная девица, шестидесяти лет; я у ней исправлял должность буфетчика.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Какое мне до нее дело? — Судьба меня преследует. По крайней мере впредь, братец, старайся всё видеть, всё слышать, всё знать, что здесь происходит.

ИВАН

О! вперед, сударь, будьте уверены, всю подноготную выведу.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Под завесой тайны слушай всё: где, что, кто кому тихо станет шептать.

ИВАН

Да, сударь, коли очень тихо будут шептаться, и не услышишь.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Лови малейшие намеки, наблюдай за телодвижениями, за выражением лиц, из того выводи свои заключения, сшей себе тетрадку, всё записывай; вот тебе карандаш.

ЯВЛЕНИЕ 12

ЗВЁЗДОВ, БЕНЕВОЛЬСКИЙ, ИВАН (Звёздов вбегает в мундире).

ЗВЁЗДОВ

Фрак! поскорее фрак! Ох! устал до смерти. — А! Иван, ты здесь! Целое утро тебя давеча искали, и говорят, ночью был бог знает где... Нет, брат, у меня своих шатунов куча; поди, откуда пришел, живи опять у своей княжны, ты мне не надобен.

(Садится перед зеркалом, задом к Беневольскому и не примечая его.)

ИВАН

Да, ваше превосходительство, сами меня изволили услать с вечера на дачу.

ЗВЁЗДОВ

Ты мне не надобен.

ИВАН

Власть ваша, а я с тех пор как воротился, один только и сидел в передней.

(Показывая на Беневольского.)

Вот извольте спросить.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я действительно могу засвидетельствовать...

ЗВЁЗДОВ

(не слушаясь и не оборачиваясь)

Чтоб его духу здесь не было. — Фрак! поскорее фрак! — А! хорошо. — Да отнести назад картины этому шельме итальянцу, вот что всегда ко мне ходит, сказать ему, что он плут, вор; я кому ни показывал картины, все говорят — мерзость, а он с меня сдул вексель в двенадцать тысяч. Чтоб взял назад свою дрянь хоть за половинную цену, а то подождет же денег лет десять, не у него одного есть вексель на мне. — Да отправить старосту из жениной деревни, наказать ему крепко-накрепко, чтоб Фомка, плотник не отлынивал от оброку и внес бы 25 рублей, непременно, слышите ль: 25 рублей до копейки. Какое мне дело, что у него сын в рекруты отдан, — то рекрут для царя, а оброк для господина: так чтоб 25 рублей были наготове. Он, видно, шутит 25-ю рублями; прошу покорно, да где их сыщешь? Кто мне их подарит? на улице, что ли, валяются? 25 рублей очень делают счет в нынешнее время, очень, очень... Говорят, всё подешевеет, а между тем всё вздорожало; так чтоб Фомка внес 25 рублей, слышите ль, сполна 25 рублей; хоть роди, да подай.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(подкрадывается униженно)

Ваше превосходительство...

ЗВЁЗДОВ

(вскакивая со стула)

Ах! извините, откуда вы? как? с кем я имею честь говорить?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Моя фамилия Беневольский.

ЗВЁЗДОВ

А чем я могу вам служить?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я сюда приехал... вы изволили обещать...

ЗВЁЗДОВ

А! да, да, помню, помню; будьте покойны, всё будет исполнено. — Какая толкотня была нынче во дворце! Какая куча народу! Я ужасно устал, насилу хожу: пойду, немножко прилягу. Не взыщите, пожалуйста, я человек старый, во всякое другое время вы мой гость, и я буду вам очень рад.

(Хочет уйти.)

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ваше превосходительство, верно изволили забыть...

ЗВЁЗДОВ

Нет, батюшка, всё помню, всё; вам сказал, что всё будет исполнено. А между тем напишите мне в четырех строках об вашем деле, да воткните здесь к зеркалу.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Мне-с ничего такого не надобно...

ЗВЁЗДОВ

(в дверях)

Помилуйте, батюшка, да коли вам ничего не надобно, так что ж вам надобно?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я из Казани.

ЗВЁЗДОВ

(возвращаясь)

Как из Казани?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Так точно-с. Я сейчас приехал сюда из Казани: вы там очень знакомы были с моим батюшкой, он имел хождения по вашим делам.

Звёздов

А, помню, помню... Какое было я сделал дурачество! Извини, дружище, здесь такая путаница, себя забудешь; зато и еду скорее в деревню на покой. — Да как тебя узнать? вырос, постарел, помолодел. — Ну, здравствуй в Петербурге. Что твой делает отец? здоров ли?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Его уж нет на свете, он отошел к лучшей жизни.

Звёздов

Умер! Ах, какое несчастье! Давно ли? от какой болезни? какой был толстый! Да в этой Казани, чай, доктора дурные, хоть кого так уморят. — Ходи ко мне почаще, мой милый, обедай, сиди здесь по целым дням, у меня народу бывает много всякого; можешь сделать знакомство. — Где ты остановился?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Покамест под синевой небесной. — Ваше превосходительство обещали покойному батюшке, что по приезде моем в Петербург...

Звёздов

Пристрою тебя к месту? помню, помню, не заботься, всё сделаем.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ваше превосходительство обещали также мне дать приют в вашем доме.

Звёздов

Точно! помню, помню, и ты очень умен, что это помнишь. Погоди немного, я пошлю за дворецким, тотчас отведут

комнату; ничего не мудрено, дом большой, весь к твоим услугам, располагай им, как своим.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ваше превосходительство обещали мне также в сердце моем заместить ту пустоту, которая...

Звёздов

Что такое, батюшка? переведи, пожалуй, на простонародный язык. Ты, я вижу, человек ученый, говоришь всё фигурно; а я простой человек, люблю, чтоб было всё ясно.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

У вас воспитывается прелестное создание.

Звёздов

А! да, да, помню: я тебе обещал Вариньку. Ну, брат, я сдержал слово, ни за кого не выдал, она еще теперь в девушках; а сватались многие, и теперь еще сватается... да я люблю держаться своих слов. Всё ждал тебя.

(Беневольский всё время кланяется.)

1-й СЛУГА

(входит)

Анна Васильевна Растабарова прислала напомнить вашему превосходительству о том, о чем она вас просила.

Звёздов

Хорошо, хорошо. Скажи, что хорошо,

2-й СЛУГА

(входит)

Княгиня Дарья Савишна прислала спросить, изволили ли вы постараться об ее деле.

Звёздов

Какое дело? когда она мне говорила?

А.С. ГРИБОЕДОВ

2-й СЛУГА

Вчерашний день.

ЗВЁЗДОВ

Всё будет исполнено; вели ей доложить, что всё будет исполнено.

3-й СЛУГА

(входит)

Лев Иванович Недосугов прислал просить ваше превосходительство...

Звёздов

Чего у меня просить! Убирайся к чорту, Мне ни до кого нет дела, а до меня всем; вели отвечать, что всё будет сделано, непременно всё, всё, всё.

3-й СЛУГА

Да он сам приказал вам сказать, что он всё уж сделал по вашему делу, только просит вас к себе.

Звёздов

А!.. ну так вели благодарить: очень-де, батюшка, благодарен. Да никого ко мне не пускать; слышите ль? меня нет дома, я как уехал во дворец, так еще не воротился и не ворочусь во весь день. Слышишь ли? — Тоска в этом городе; нет, скорее в деревню от здешней суматохи. Пойдем, брат, ко мне в кабинет; я немного посплю, а ты мне расскажешь кое-что об Казани,

(Уходят оба.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Полюбин, Саблин.

САБЛИН

Говорят тебе: дай волю и не мешайся не в свое дело.

ПОЛЮБИН

Как не в свое дело! чье же оно? кто же из нас хочет жениться?

САБЛИН

С чем приступил! верно не я. Вот тебе рука моя, что я женюсь разве лет в шестьдесят на какой-нибудь богатой купчихе.

ПОЛЮБИН

Которая заплатит долги твои, повеса!

САБЛИН

Как догадлив и мил! Однако, убирайся!

ПОЛЮБИН

Не хочу, мне надобно самому повидаться с Настасией Ивановной и попросить ее.

САБЛИН

Вздор. Звёздов узнает, что ты просил его жену, и нарочно пойдет наперекор, а я, как брат родной, могу с ней говорить, что хочу, и взялся за это.

Полюбин
 Хорош ходатай!
 Саблин
 Ничуть не дурен.
 Полюбин
 Ты всё забудешь.
 Саблин
 Не забуду, коли обещал.
 Полюбин
 Ничего не скажешь путем.
 Саблин
 Всё скажу лучше тебя.
 Полюбин
 Например, что?
 Саблин
 То, что ты славный малый, что Беневольский скот, что его надобно вытолкать взащей, а тебя женить на Вариньке.
 Полюбин
 А там?
 Саблин
 Чего тебе еще?
 Полюбин
 Нет, братец, это совсем не то; я сам поговорю, я скажу сестре твоей...
 Саблин
 Ну, говори.

Полюбин
 Я докажу сестре твоей, что она погубит свою воспитанницу, если откажет мне. Мы друг друга любим и, верно, будем счастливы; состояние мое хоть небольшое, но достаточное; служба моя дает мне право надеяться вдаль, — ты знаешь, что я заслужил несколько отличий; что же касается до счастья домашнего, и сестра твоя, к горю своему, должна знать его цену, — я уверен, что доставлю его жене моей; ты знаешь меня и скажешь сам...

Саблин
 Ну да, ты славный малый.

Полюбин
 С другой стороны, я постараюсь усостыжить Настасью Ивановну. Ей стыдно будет выдать Вариньку за студента, в котором нет ни ума, ни души, словом ничего; недоученный педант, одет как шут, говорит как дурная книга, ничего не знает, думает о себе, что он осьмое чудо.

Саблин
 Скот, одним словом.

Полюбин
 И что они в нем нашли? Если Звёздов, как приятель отца, взялся ему что-нибудь доставить, неужели кроме Вариньки у него ничего нет? Надобно ему приискать по способностям место переписчика у Глазуновых или учителя в уездном городе, — и отправить с богом.

Саблин
 Его надо прогнать к чорту.

Полюбин
 Коль скоро его не будет здесь и Звёздов о нем забудет, я уверен, что мне не откажут, и теперь я знаю, почему...

САБЛИН
Ха! ха! ха!

ПОЛЮБИН
Что ж так смешного?

САБЛИН
Прямой ты шут, наговорил с три короба, и сказал всё то же.

ПОЛЮБИН
(смеясь)
В самом деле.

САБЛИН
Ну, прощай же.

ПОЛЮБИН
Разве лучше?

САБЛИН
Гораздо лучше, если ты уйдешь.

ПОЛЮБИН
Знаешь ли что? Я пойду и постараюсь как-нибудь поладить с Звёздовым: авось он...

САБЛИН
Ступай и подличай.

ПОЛЮБИН
Я надеюсь, что ты хоть этот раз сделаешь дело и поговоришь благоразумнее обыкновенного; полно тебе ветренничать.

САБЛИН
Полно тебе проповедывать, надоел; ступай: вот и сестра.

ЯВЛЕНИЕ 2
Звёздова, Саблин.

Звёздова
Куда же Полюбин убежал? Мне сказали, что он хочет со мной поговорить. Я насилу отделалась от хлопот: ведь мы сегодня переезжаем, пришла будто за делом, а он исчез.

САБЛИН
Я его усла в кабинет растабарывать и всё тебе за него скажу. Да наперед растолкуй мне, что с тобой сделалось?

Звёздова
Со мной ничего не сделалось.

САБЛИН
Помилуй, матушка: ты мне век свой читаешь проповеди за всё про всё, а сама сегодня изволила спать до полудни. Я тебя и дожидаться не мог.

Звёздова
Я вчера поздно приехала, часу в четвертом; у княжны Дарьи Савишны на даче был детский бал.

САБЛИН
Ты что за дитя?

Звёздова
Нельзя же не ехать, если зовут.

САБЛИН
Слыханное ли дело! и ты тут же с ребяташками расплясалась! Жаль, что меня не было, нахохотался бы.

Звёздова
Хохотать вовсе нечему; гораздо лучше забавляться с детьми, нежели делать то, что вы все, господа военные. Со сто-

роны смотреть и смешно и стыдно: приедут на вечер, обойдут все комнаты, иной тут же и уедет. И как ему остаться: он зван еще в три дома, куда тоже гораздо бы лучше совсем не ехать, если только за тем же; другие рассядутся стариками, кто за бостон, кто за крепе, толкуют об лошадях, об мундирах, спорят в игре, кричат во всё горло, или, что еще хуже, при людях шепчутся. Хозяйка хочет занять гостей, музыканты целый час играют по-пустому, никто и не встает: тот не танцует, у того нога болит, а всё вздор; наконец иного упроят, он удостоит выбором какую-нибудь счастливую девушку, прокружится раз по зале — и устал до ужина; тут, правда, усталых нет; наедятся, напьются, и уедут спать.

САБЛИН

А я тебе коротко скажу, что кроме ужина нет ничего хорошего ни на одном бале; я их терпеть не могу еще с десяти лет: как дядюшка заставлял меня насильно прыгать со всеми уродами.

ЗВЁЗДОВА

Боже мой! как вы разборчивы!

САБЛИН

Нет, вы не разбираете... Ты ведь никому не отказывала: подослал бы я к тебе какого-нибудь Евлампия Аристарховича, да... Кстати, что вы с ума сошли с мужем вдвоем? неужели вы в самом деле хотите выдать Вариньку за эту чучелу?

ЗВЁЗДОВА

Я вовсе не хочу, да Александр Петрович обещал его отцу.

САБЛИН

Вольно ему было дурачиться!.. Я тебе напрямки говорю, что если ты не выдашь ее за Полюбина, моя нога у вас в доме не будет. Это срам сравнивать честного человека, каков Полюбин, с Евлампом Аристарховичем.

СТУДЕНТ

ЗВЁЗДОВА

Я бы рада всей душой...

САБЛИН

Это будет курам насмех.

ЗВЁЗДОВА

Я, право, не знаю, что делать.

САБЛИН

Хочешь ли, я дело сделаю? Скажу просто этому студенту, чтоб он со своей кибиткой, с чемоданом и с лиловым фракком убирался вон, пока без греха.

ЗВЁЗДОВА

Хуже этого нельзя придумать: Александр Петрович рассердится, и тогда его никак не уговоришь.

САБЛИН

Пусть его сердится, что мне за дело?

ЗВЁЗДОВА

Тебе ничего, но Вариньке тогда не бывать за Полюбиным. А я не хочу заводить шуму в доме, Я придумала гораздо лучше: соглашусь притворно на свадьбу Беневольского и так напугаю моего мужа приятным обществом казанского студента, что тогда он на всё согласится.

ЯВЛЕНИЕ 3

ЗВЁЗДОВА, САБЛИН, БЕНЕВОЛЬСКИЙ.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Что я вижу! tête-à-tête!

САБЛИН

Выдумка хороша.

А.С. ГРИБОЕДОВ

Выдумка!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

САБЛИН

И ты думаешь, что твой муж не догадается?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Муж! и ты! Это так, точно так.

ЗВЁЗДОВА

Мы постараемся от него скрыть.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

O tempora! o mores!¹

САБЛИН

Смотри же, надеюсь на твое обещание.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Мармонтель, ты прав! вот свет!

ЗВЁЗДОВА

Ты можешь быть во мне уверен.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Надобно воспользоваться открытием. Я столько читал об этих вещах...

САБЛИН

Как я тебя люблю за это!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Он любим; всё ясно, вот причина, ее равнодушия, когда сегодня утром...

¹ О времена! о нравы! — Ред.

СТУДЕНТ

САБЛИН

(приметив Беневольского, Звёздовой)

Смотри пожалуй, оглянись.

ЗВЁЗДОВА

Уж не слышал ли он?

(шепчется с Саблиным.)

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Они меня приметили. Нечего делать: успокою их, сделаю их поверенным, наперсником; они за то постараются о моей женитьбе. Благодарность...

САБЛИН

(Звёздовой)

Э! что за беда?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(Звёздовой)

Не опасайтесь ничего, сударыня; вы меня извините: нечаянный случай заставил меня вам помешать.

САБЛИН

Догадался, батюшка!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Но поверьте, что я знаю свет, и моя скромность...

САБЛИН

Что тут скромничать?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Времена патриархальные были почтенны, но они были.

ЗВЁЗДОВА

Что вы хотите сказать?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

С успехами просвещения, с развитием людкости всё пришло в новый порядок, природа должна бороться с предрассудками; но предрассудки временны, а природа вечна.

ЗВЁЗДОВА

Я вас прошу, сударь, объяснить мне, что вы хотите сказать?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я проник вашу тайну, но я сам имею сердце; законы вас осуждают, но какой закон святее любви?

ЗВЁЗДОВА

Если б это я слышала от другого... но на вас я не должна и не могу сердиться.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

САБЛИН, БЕНЕВОЛЬСКИЙ.

САБЛИН

Скажите, батюшка, что вы наговорили?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Вы меня поняли, довольно.

САБЛИН

Я человек военный и, к стыду моему признаюсь, в стихах ничего не понимаю.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Он думает, что это стихи, ха! ха! ха!

САБЛИН

(в сторону)

Дурак меня взбесит.

(Беневольскому.)

Нельзя ли, шутки в сторону, сказать мне просто, что вы ей такое сказали?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Поверьте, слова мои были столько не невинны, как и мое намерение.

САБЛИН

За что же она как будто рассердилась?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Или вы не знаете женщин?

САБЛИН

Знаю или не знаю, это не ваше дело. Я спрашиваю, чем вы ее рассердили?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Может быть, ей показалось неприятно, что незнакомец узнал то, что она хотела бы скрыть от всех, от самой себя. Она слаба, но добродетельна. Мне даже жаль, что это случилось. В наше время как быть иначе. Одна ли взаимность располагает сердцами? Родители жертвуют судьбой детей своему корыстолюбию, выдают молодую девушку за человека знатного и богатого, но старого и немилого, в оковы супружества вплетает она розы любви, ищет друга и счастлива, если найдет достойного.

САБЛИН

Как вы смеете думать о почтенной женщине?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Помилуйте, разве маркиза дю-Шателе не была другом Вольтера, разве Жан-Жак?..

САБЛИН

Знаете ли вы, господин студент, что вы мне надоели до смерти? Я слушал ваш вздор целый час и думал, авось, уйме-

тесь; но вижу, что молчать, то хуже, и теперь скажу вам наотрез: вы целый час бред или как во сне, и только помешали мне с сестрой об деле говорить.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ваша сестрица! Нет, скажите, вы не шутите?

САБЛИН

Стану я с ним шутить.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Сделайте милость, извините.

(В сторону.)

Ну, в чем я виноват?

САБЛИН

Мне, батюшка, ваши извинения, право, не нужны.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я пойду к вашей сестрице и оправдаюсь перед ней...

САБЛИН

Прошу не беспокоиться; слышите ли? я вам говорю, оставьте ее в покое.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Она может подумать обо мне...

САБЛИН

Она об вас и думать не хочет.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я надеюсь, что вы никому не скажете.

САБЛИН

Молчите только сами, слышите ли вы?.. Да вот и все.

ЯВЛЕНИЕ 5

Звёздов, Звёздова, Варинька, Полюбин,
Саблин, Беневольский.

Звёздова

Не ездите, Александр Петрович, оставайтесь с нами.

Звёздов

Э, матушка, и рад бы остаться, да нельзя: дел беремья, а на кого положиться? всё сам ездите да хлопочи.

Звёздова

И дома дела не меньше, ничто не устроено.

Звёздов

Ну, матушка, сама потрудись, не всё же мне одному. В старину, право, жилали лучше нашего, а хозяйка сама всем домом заведывала и не ходила к мужу за всякой дрянью.

Звёздова

Ты сам запретил, чтоб без тебя ничего не делали.

Звёздов

Поневоле запретишь, как никто ни за что взяться не умеет. Да что я заговорился? женщин не переспоришь, потерянный труд и время. — Не правда ли, Полюбин?

Полюбин

Я с вами согласен, с ними спорить не должно.

Звёздова

Давно ли вы против нас?

Варинька

(тихо Звёздовой)

Не мешайте ему.

САБЛИН
(тихо Звёздовой)

Из чего вступилась?

ЗВЁЗДОВ

Что вы там все плечьюми пожимаете? Вам досадно, что он со мной согласен, а он прав, совершенно прав. Мы с ним целый час разговаривали обо всем, и он обо многом так судит, как нельзя лучше.

ПОЛЮБИН

Я только придерживался вашего мнения.

ЗВЁЗДОВ

Нет, не в том сила; а что дело, то дело. Который час?

ПОЛЮБИН

Третий в начале.

ЗВЁЗДОВ

Ну вот, а я еще никуда не поспел. — Кто там! готова ли карета?

СЛУГА
(входит)

Подана уж, у крыльца-с.

ЗВЁЗДОВ

Ну, тотчас; что ты торопишь? — Прошу покорно пятнадцать мест объездить: тетка хочет определить бедняка в корпус — надобно просить директора; Взяткин векселя не переписывает за то, что я ему за год не отдал процентов. Дерет кожу, проценты безбожные, да я еще их стану платить! — пусть припишет. Итальянец-плут надавал дрянных картин, я впотьмах не разглядел, всё копии, и назад не берет; а я нарочно взял на уговоре отдать за половинную

цену, если не понравятся: всё же лучше. — А визитов на прощаньи сколько!.. да у меня и карточки все вышли, куплю мимоездом... Скука смертная в свете жить! И что это все на меня навязались? чего они хотят? — Однако прощайте, пора.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ваше превосходительство...

ЗВЁЗДОВ

А! любезный, что ты в углу притаился? каково дела идут?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ваше превосходительство, я надеюсь на вас, не изволите ли заехать и обо мне...

ЗВЁЗДОВ

Будь уверен, всё делается.

(К прочим, кланяясь.)

До свиданья, господа.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Если б вы позволили поговорить...

ЗВЁЗДОВ

Поговорю... Да что я! чуть не забыл: я уж говорил одному человеку, он обещался прийти ужо, так вы с ним и перемолвите.

(Кличет.)

Человек! если без меня приедет Прохоров, доложить тотчас.

(показывает на Беневольского)

Слышишь ли?

СЛУГА

Слушаю-с.

А.С. Грибоедов

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Но позвольте узнать, с кем?..

Звёздов

Ты его разве не знаешь? Прохоров? его все знают. Человек очень умный, со всеми авторами знаком, славный человек, вот сам увидишь.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Но, ваше превосходительство...

Звёздов

Извини, любезный, ей! ей! теперь некогда; еще успеем, время не ушло, всё будет. — Да я еще тебя и домашним своим не отрекомендовал, голова кружится от забот. Вот жена моя; прошу любить и жаловать.

Звёздова

Твой гость меня давно знает и любит.

Звёздов

Что за вздор! разве ты с ним виделась?

Звёздова

Он меня видел всегда и везде.

Звёздов

Помилуй, матушка, что ты загадками говоришь?

Звёздова

Он на мне жениться хочет.

Звёздов

Как, на тебе жениться!

Звёздова

Он во мне узнал свою невесту, открылся в любви и так хорошо, что я почти сама влюбилась.

СТУДЕНТ

Звёздов

(помирая со смеху)

Ха, ха, ха, Евлампий Аристархович! Что это на тебя выдумывают? — Неужели в самом деле?..

(Общий смех.)

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Позвольте изъяснить...

Звёздов

(хохочет)

Извини, милый, я с природы смешлив... И что ты против меня затеял? ха! ха! ха! легко ли бедному мужу? ха! ха! ха!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Смею уверить...

Звёздов

Верю, верю, что за беда? Не смотри на них, пусть себе смеются, ошибка в грех не ставится. Чтоб в другой раз то же не случилось, — вот твоя невеста

(подводит его к Вариньке)

Знакомьтесь, как бы ни в чем не бывало.

ВАРИНЬКА

Мы тоже знакомы и очень коротко; господин Беневольский меня иначе не зовет, как милая.

Звёздов

Вот еще! какой бойкий! — Однако я уж ничего не понимаю, в пень стал да и только. —

(Звёздовой.)

Тебе он изъяснился в любви?

Звёздова

В любви.

Звёздов

(Вариньке)

А тебе говорил: милая?

Милая.

ВАРИНЬКА

Звёздов
(Беневольскому)

Как же это, любезный? растолкуй, ради бога, в кого ты влюблен? на ком хочешь жениться? неужели на обеих?
(Продолжает смеяться.)

ВАРИНЬКА

Он не захочет жениться на служанке.

Звёздов

На служанке!

ВАРИНЬКА

Да, меня он счел за служанку, оттого только мы и знакомы.

Звёздов

Ну, Евлампий Аристархович, отчасу не легче. Этого бы я ввек не выдумал. — Да как ты, человек умный, человек ученый, а свою невесту счел за служанку. Ха! ха! ха!
(Все смеются.)

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Одно слово...

Звёздов

Да взгляни, братец, похожа ли она хоть чем-нибудь на горничную?

ВАРИНЬКА
(с досадой)

Может быть, в глазах господина Беневольского я и в самом деле на это похожа.

Звёздов
(Вариньке)

Ну, вот и сердится. Как тебе не стыдно! ты бы смеялась этому.

ВАРИНЬКА

Хорошо вам смеяться.

Звёздов

Будто я смеюсь! — Полноте, господа, я вижу, что вы все сговорились против одного, и меня, старика, засмешили. Вот нынче свет каков! рады придраться ко всему, чтоб на чужой счет позабавиться, а, право, не хорошо.

ПОЛЮБИН

Нельзя с вами не согласиться.

Звёздов

И зачем было рассказывать? к чему мне это знать? женщины не утерпят, если что смешно.

Звёздова

Кажется, ты смеялся больше всех.

Звёздов

Поневоле, когда все хохочут.

ВАРИНЬКА

Я и не улыбнулась.

Звёздов

Ведь ты здесь не одна: вот, например, первый мой шурин любезный, — ему уж не житье, а масляница.

САБЛИН
(в сторону)

Несносный человек! сам затевает, а складывает на других.

А.С. ГРИБОЕДОВ

ЗВЁЗДОВ
(*Саблину*)

Не сердись, милый, у всякого свой нрав: я насмешек терпеть не могу, а ты охотник. Скажи по совести, многим ли сегодня расскажешь? я, чай, ни встречному, ни поперечному спуску не будет, всем проблаговестишь.

САБЛИН

Вы очень ошиблись, я даже вам не расскажу ничего, что еще знаю о вашем... приятеле.

ЗВЁЗДОВ

А есть еще?.. ха! ха! ха!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
(*Саблину*)

Будьте скромны.

САБЛИН
(*Беневольскому*)

Теперь уж верно не скажу.

(*В сторону.*)

Звёздов как на огне горит.

ЗВЁЗДОВ

Что уж греха таить? Евлампий Аристархович, признавайся.

САБЛИН

Зачем вам это знать?

ЗВЁЗДОВ

Зачем! так, хочется, право; если ты что знаешь, и мне сказать можно, я уж верно поскромнее тебя.

САБЛИН

Бог весть.

ЗВЁЗДОВ

Без шуток, что еще?

СТУДЕНТ

ЗВЁЗДОВА

И я знаю...

БЕНЕВОЛЬСКИЙ
(*Звёздовой*)

Ради бога!

ЗВЁЗДОВА

Но тоже не скажу, чтоб ты не укорял беспрестанно женщин в болтливости.

ЗВЁЗДОВ

Коли раз начала, зачем после скромничать?

ЗВЁЗДОВА

Ты насмешек терпеть не можешь.

ЗВЁЗДОВ
(*с досадой*)

А всё мой шурин дорогой, всё он; изволил рассердиться, что я ему шутя правду сказал, и вышло по пословице: говорить правду — терять дружбу. Только в этом, брат, извини, я на правду чорт, и хоть ты сердись, хоть нет, а я всегда скажу, что гораздо лучше смотреть побольше за собой, а поменьше за другими. Право, будет труда довольно, никто не без греха; то лишь плохо, что в чужом глазу иглу видим, а в своем нам и бревна не видать. — Не так ли, Полюбин?

ПОЛЮБИН

Ваши слова могут служить наставленьем.

ЗВЁЗДОВ
(*Саблину*)

Видишь ли, милый? и друг твой так же думает. Правда, он гораздо порассудительнее тебя. — Стало, ты не скажешь?

САБЛИН

Не скажу.

ЗВЁЗДОВ
(Звёздовой)

А ты?

ЗВЁЗДОВА

Не скажу.

ЗВЁЗДОВ

Дети вы оба: и брат и сестра. Они, право, думают, что мне очень жаль будет, если я не узнаю; а я и знать не хотел. — Беневольский! ты тоже не скажешь, разумеется?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я прошу вас...

ЗВЁЗДОВ

Бог с тобой, братец, твоя воля; беды нет, а не хочешь, как хочешь. Мне же ехать пора, и то заговорился. Который час?

ПОЛЮБИН

Без четверти три.

ЗВЁЗДОВ

Ну куда же я поспею? всюду опоздал: а кто виноват? всё вы с пустыми рассказами, да еще и недоговаривают.

ЗВЁЗДОВА

Ты, стало быть, остаешься дома?

ЗВЁЗДОВ

Нечего делать, а нужда крайняя была. Пойду хоть к себе, напишу письмо по делу к прокурору; я было и то забыл.

ЗВЁЗДОВА

Так мы пойдем в сад до обеда. А гостя своего взял бы ты с собой, он бы помог тебе написать получше; ты же сам признаешься, что на это ленив.

ЗВЁЗДОВ
(в сторону)

Она к нему что-то благоволит. Как ни говори, а женщине любовное признание, чье бы ни было, всегда хорошо.

ВАРИНЬКА
(Звёздову)

Господин Беневольский, может быть, сам откроет вам наедине то, чего другие не хотят говорить.

ЗВЁЗДОВ
(в сторону)

А Варинька его сживает с рук. Сделаю же обеим на зло.
(Звёздовой.)

Нет, матушка, я не хочу приезжего гостя беспокоить своими делами, как-нибудь сам справлюсь. Ему надобно познакомиться с невестой, так вот мы так и сделаем: вы себе гуляйте, коли хотите, я пойду письмо писать, а их мы оставим вдвоем, пусть попривыкнут друг к дружке.

ВАРИНЬКА
(Полубину)

Ради бога! не уходите далеко, не оставьте меня наедине с несносным человеком.

(Она садится с досадой в стороне. Звёздова, Саблин и Полубин уходят. Звёздов, смотря на них, улыбается.)

ЯВЛЕНИЕ 6

ЗВЁЗДОВ, ВАРИНЬКА, БЕНЕВОЛЬСКИЙ.

ЗВЁЗДОВ
(подходя к Беневольскому)

Что ты, братец, не весел? чем огорчился? Полно, милый, не крушись; молодежь веселится, вот и всё.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Однако, ваше превосходительство...

ЗВЁЗДОВ

Да, да, да, всё неприятно, правда, я этого сам не люблю. Ты видел, как я за тебя заступился? Все перестали: у меня чтоб этого не было, у меня кто гость, тот гость, кто друг, тот друг, а ты у меня первый.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Вы слишком изволите...

ЗВЁЗДОВ

Первый, я тебе говорю: уж коли я тебя, а не другого женю на Вариньке, стало всё тут.

(Беневольский кланяется.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и ФЕДЬКА.

ФЕДЬКА

(Беневольскому)

Поговорите же, сударь, поскорее, а то вашу повозку совсем угонят.

ЗВЁЗДОВ

С чем он пришел?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я не смею сказать...

ЗВЁЗДОВ

(Федьке)

Говори, братец, говори, что тебе надобно?

ФЕДЬКА

А вот сами видеть изволите, ваше превосходительство, что случилась оказия.

ЗВЁЗДОВ

Смелее говори, что такое?

ФЕДЬКА

Повозка моего барина стояла с приезде на улице, так по той самой причине ее и гонят.

ЗВЁЗДОВ

Как гонят! кто гонят? куда гонят?

ФЕДЬКА

Да вот... как их?.. Господь знает, бутюшники что ли, али полиция, говорят-де, не велено на больших улицах дорожным становиться.

ЗВЁЗДОВ

Ну, брат, я не полицеймейстер, это не мое дело.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Если бы вы приказали назначить мне небольшой приют...

ФЕДЬКА

Кабы милость была повозку хоть на двор, а для пожитков чулан опростать.

ЗВЁЗДОВ

Как! что это я слышу? разве еще ни комнаты, ни сарая, ничего вам не отведено?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Еще нет.

ЗВЁЗДОВ

Э, братец! что ж ты давно не скажешь? возьми комнату, две, что хочешь.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Но где?

ЗВЁЗДОВ

Где хочешь, любую. — Это твой, что ли, человек?

ФЕДЬКА

Ихний-с.

(Во всё время разговора Звёздова с Федькой Беневольский ухаживает за Вафинькой, которая от него отворачивается.)

ЗВЁЗДОВ

Сходи же, приятель; ты знаешь здесь Штукарева?

ФЕДЬКА

Как не знать-с.

ЗВЁЗДОВ

Скажи ему от меня, чтоб он вам сейчас отвел, что надобно, да комнату бы выбрал где получше; слышишь, я-де приказал.

ФЕДЬКА

Я к нему уж и толкнулся было, изволите видеть; да смею доложить, он не дает.

ЗВЁЗДОВ

Какой вздор! не дает! — даст, коли я приказываю.

ФЕДЬКА

Смею доложить, он говорит так: что, мол, у нас все-де покой теперь заняты, а пустопорожних не имеется.

ЗВЁЗДОВ

Врет он; как не быть пустой комнаты? верно есть. Скажи ему, что он врет.

ФЕДЬКА

Слушаю-с. Да смею доложить, коли он опосле комнаты всё не отведет, а повозку, не в гнев милости вашей... то бишь вашего превосходительства, сгонят на съезжую.

ЗВЁЗДОВ

Не угонят из моего дома. Делай, что тебе говорят, и не бойся ничего.

ФЕДЬКА

Смею доложить...

ЗВЁЗДОВ

Тьфу, пропасть! какой неотвязчивый! Не дают тебе, что ли, комнаты?

ФЕДЬКА

Так истинно, что не дают-с.

ЗВЁЗДОВ

Позови сюда Штукарева; его, кажется, лома нет.

ФЕДЬКА

Никак нет-с, он дома, я его как раз кликну.

ЗВЁЗДОВ

Постой! не бегай! ну, что его звать? всё-то же.

(В сторону.)

Как быть, чем бы отвязаться?

(Громко.)

Беневольский! да ты, брат, уж и приволакиваешься, а по мне твой...

(указывая на Федьку)

как его?..

ФЕДЬКА

Федор Емельянов, смею доложить.

ЗВЁЗДОВ

Ну вот, он с ножом к горлу пристал, а всё за тебя.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Простодушное усердие...

ЗВЁЗДОВ

А я не знаю, что делать. Теперь я вспомнил, комнаты у нас теперь, точно, ни одной нет, разве вот эту возьмешь.

А.С. ГРИБОЕДОВ

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Но как же в зале, где все ходят?

ЗВЁЗДОВ

Никого не пускай, да и только. Ведь у тебя есть чемодан, сундук, что-нибудь такое?

ФЕДЬКА

Чемодан с бельем-с и сундук с книгами-с.

ЗВЁЗДОВ

Ну вот, чего тебе лучше? и загоридись со всех сторон, никто не войдет. — Доволен ли теперь? всё сделано? прощай, пойду письмо писать.

(Уходит.)

ФЕДЬКА

(Беневолюскому)

Прикажете что ли нести пожитки?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(Федьке)

Внеси в переднюю, да подожди, я тебя позову, когда следует; видишь, здесь люди.

(Федька уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

БЕНЕВОЛЬСКИЙ, ВАРИНЬКА.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Давно сердце мое билось желанием изъяснить вам, как единственной своей владычице.

ВАРИНЬКА

Я удивляюсь, как вы можете со мной говорить!

СТУДЕНТ

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Милый гнев! как ты драгоценен влюбленному!

ВАРИНЬКА

(в сторону)

Что это Полюбин нейдет!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Выслушай меня, прелестная, и тогда, если можешь, скажи...

(Полюбин входит.)

ВАРИНЬКА

(увидя Полюбина)

Я ни слушать вас, ни говорить с вами не намерена. Вот кто вам за меня все скажет.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ 9

БЕНЕВОЛЬСКИЙ, ПОЛЮБИН.

ПОЛЮБИН

Я намерен вам сказать два слова.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Два слова! и в них заключается всё мое блаженство! слова красноречивые! слова бесценные! говорите, прошу вас, говорите.

ПОЛЮБИН

Вы любите Варвару Николаевну!..

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ах! кто может видеть и не любить ее!

ПОЛЮБИН

И так как я сам ее люблю...

А.С. ГРИБОЕДОВ

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

И вы ее любите! Вы, конечно, ее брат или друг с младенчества: полюбите же и счастливица, кому суждена рука ее, обоймите его, как друга, как брата...

ПОЛЮБИН

Потише, господин Беневольский, не горячитесь. Варвара Николаевна с первого разу, как вас увидела...

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Предалась чувству симпатии, которое от мест отдаленных невольно увлекало нас друг к другу?..

ПОЛЮБИН

Напротив, она вас терпеть не может.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ха! ха! ха!

ПОЛЮБИН

Что вы смеетесь без пути?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Кто вам сказал, что она меня терпеть не может?

ПОЛЮБИН

Она сама.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Она! и просила вас мне это сказать?

ПОЛЮБИН

Да, она поручила мне поговорить с вами, и я...

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Не трудитесь понапрасну, я давно всё знаю, всё понял.

СТУДЕНТ

ПОЛЮБИН

Вы ничего не понимаете.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Всё, я говорю вам, всё; вот в чем дело...

ПОЛЮБИН

Совсем нет, дайте мне сказать одно слово.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Нет, позвольте уж мне наперед, и вы согласитесь, что я всё знаю.

ПОЛЮБИН

(в сторону)

Что делать с дураком, который свое несет?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Вот изволите видеть: Варинька...

ПОЛЮБИН

Прошу вас: Варвара Николаевна.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Помилуйте, не всё ли равно? мы можем...

ПОЛЮБИН

Вы никак не можете.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Пожалуй, хоть Варвара Николаевна, — слышала, как я при ней изъяснялся в любви ее превосходительству...

ПОЛЮБИН

Что ж вы твердите о своих проказах? их без того все знают.

А.С. Грибоедов

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Как вы это назвали?

ПОЛЮБИН

Проказы.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Вы сказали точно так, как оно и есть, и увидите почему. — Ей, напротив, не говорил я ни слова о любви, обошелся с нею, как со служанкою...

ПОЛЮБИН

Какая дерзость!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Терпенье, прошу вас, терпенье! Всё это вместе должно было поразить сердце юное, нежное, едва начинающее любить; она на меня рассердилась и, верно, называет меня чудовищем...

ПОЛЮБИН

Уродом.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Так должно быть, я это всё знаю. Вы видите ли теперь, что вам нечего было мне говорить?

ПОЛЮБИН

С вами точно говорить напрасно.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

И так, слушайте: я догадался, что они нарочно взяли на себя каждая не свою роль, я притворился, будто обманут; но меня обмануть трудно, я всё приметил и внутренно смеялся, смотря на смущение одной и досаду другой. — Вам самим смешно?

ПОЛЮБИН

Вы имеете дар всякого рассмешить.

СТУДЕНТ

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Но сделайте одолжение, выведите ее из заблужденья; я ее довольно помучил, пора перестать, не правда ли?

ПОЛЮБИН

Давно пора.

(В сторону.)

С ним говорить нечего.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и САБЛИН.

(Во время разговора Саблина с Полубинным Беневольский открывает дверь, Федька вносит пожитки, они расставляют их по местам.)

САБЛИН

(Полубину)

А, ты здесь! а там по тебе стосковались. Уж я жалился да пришел за тобой. Ты с приятелем о стихах, что ли, толкуешь?

ПОЛЮБИН

Какие, братец, стихи! я целые полчаса бьюсь с ним понапрасну, хочу ему сказать, чтоб он Вариньку оставил в покое, если не хочет, чтоб я его самого обеспокоил.

САБЛИН

Ну что ж он? когда вы деретесь? я секундант, что ли?

ПОЛЮБИН

Чего, братец! он ни слова не понимает либо не хочет понять. Возьмись хоть ты его вразумить.

САБЛИН

Я? Нет, брат, я стихами говорить не мастер. — Да что ты к нему приступил, из чего бьешься? разве тебе честь будет убить студента? Оставь это и ложись во всем на Настасью Ивановну.

А.С. ГРИБОЕДОВ

Полюбин

Пожалуй; мне, право, его смерти не хочется.

Саблин

Ступай же туда, тебя ждут к обеду.

Полюбин

А ты?

Саблин

Нет, я иду в ресторан: Звёздов мне надоел, как собака.

Полюбин

Уведи с собой Беневольского, если можно.

Саблин

Хорошо.

Полюбин

Прощай.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 11

БЕНЕВОЛЬСКИЙ, САБЛИН.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(любясь на посетки)

О Лары и Пенаты!

Вы пестуны мои!

Вы златом не богаты;

Но любите свои

Углы и темны кельи,

Где я на новосельи

Вас мирно тут и там

Расставил по местам.

САБЛИН

Полно возиться с чемоданом, хорошо и так. Скажи мне, где ты обедаешь сегодня?

СТУДЕНТ

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я думал, что здесь.

САБЛИН

Нет, что здесь? скука; Звёздов еще пустится хохотать да расспрашивать.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Это правда; но где же?

САБЛИН

Душа моя, мы кажется в Петербурге, — здесь рестораций тьма; жаль только, что все никуда не годятся. Всё же вино есть. Ты любишь вино?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Кто не любит его? О, всемогущее вино! веселие героя!

САБЛИН

Мы с тобой хоть не герои, а выпьем по стакану, я тебя попотчиваю.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Нет, уж позвольте мне: я столько виноват, что хоть чем-нибудь хочу изгладить ту ошибку...

САБЛИН

Сугвором: ни об ней, ни об стихах не говорить ни слова.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ни слова.

И стукнем в чашу чашей,

И выпьем всё до дна:

Будь верной дружбе нашей

Дань первого вина.

(Уходят вместе.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Звёздова, Варинька, Полюбин.

Варинька

Насилу отобедали. Я как на иголках была во весь стол. Александр Петрович нарочно всё хвалил своего несносного студента, а сам, верно, иначе думает; так только, чтоб огорчить других, знает, как это всем противно.

Звёздова

Всё бы ничего, да как быть таким ветреником в пятьдесят лет: теперь вдруг без всякой нужды, не подумавши хорошенько ни одной секунды, послал за подорожной, за лошадыми, скачет в деревню бог знает зачем.

Полюбин

Неужели это ему сегодня пришло в голову?

Звёздова

Нет, он и прежде говорил, да нерешительно. Я всегда полагаю, что коли это сбудется, так через два-три года или никогда, как все другие его замыслы; у него их тысяча. — Любя вас, меня его отъезд не очень огорчает. Без него Беневоольского можно будет уговорить, достать ему место где-нибудь в дальнем университете, отправить его туда, и даже женить, если сыщется ему подобная.

Варинька

Ах, как бы счастливо! Какие вы добрые!

СТУДЕНТ

Звёздова

Хорошо, милая, да надо подумать и о себе. Муж мой едет в деревню, а я с чем здесь останусь? в доме расстройка ужасная, денег нет, всем должны, всё по его милости.

Полюбин

Ах, сударыня, пусть он едет, и позвольте мне быть вам полезным.

Звёздова

Я в вас всегда была уверена, Полюбин. Итак, вашему попечению препоручаю себя, мое хозяйство и всех домашних. Между ними есть кое-кто, об ком вы и без того давно печетесь. Знаете ли что? нельзя ли бы как-нибудь сделать, чтоб муж мой сам собою захотел Вариньку за вас выдать? Сперва я хотела было напугать его тем, чтоб Беневоольский после женитьбы остался у нас в доме, но теперь он едет и, пожалуй, еще мне его навяжет: это уж не годится.

Полюбин

Теперь я никак не смею надеяться.

Звёздова

Есть способ очень простой: уверить его, что я вашей свадьбы не хочу, и вы уж больше не хотите, и Варинька не хочет, вот три причины, чтобы ему того захотеть. Вам известно, что он любит делать всё по-своему,

Полюбин

Но не всегда ему удается.

Звёздова

Со мною всегда: есть ли кто меня сговорчивее? Теперь только в первый раз желаю поставить на своем, пускаюсь на тонкости, и то, чтоб составить ваше счастье. — Однако, ведь он в состоянии уехать не простившись, Пойду, посмотрю; дождитесь меня здесь.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 2
ВАРИНЬКА и ПОЛЮБИН.

ПОЛЮБИН

Когда бы она успела!.. Но чего не сделает умная женщина, если примется хорошенько, особливо где надобно хитрить!

ВАРИНЬКА

Не знаю, может быть я не умна, а ручаюсь, что век свой проживу без хитростей.

ПОЛЮБИН

Не ручайтесь, все так говорят до замужества. Впрочем, вы на других не похожи. — И надобно отдать справедливость, вас воспитала женщина редкая; какой пример! на ее месте всякая другая с меньшим умом и с большим лукавством делала бы из своего мужа что хотела, а она пять лет замужем, и в первый раз намерена поступать с ним нечисто-сердечно, и то не для себя.

ВАРИНЬКА

В первый! Вольно ей говорить, — в сотый раз! Да какое нам дело? лишь бы теперь ей удалось.

ЯВЛЕНИЕ 3
Те же и ЗВЁЗДОВА.

ЗВЁЗДОВА

Он внизу, торопится, распоряжается, велит укладывать. Я послала его звать сюда. — Вы не будете при нашем разговоре; однако, Полюбин, не уезжайте: вам надо же знать, чем это кончится. Да если Беневольский придет, нельзя ли брату поручить, чтоб он его опять увел куда-нибудь: без него всё ловчее может обделаться.

ПОЛЮБИН

Не беспокойтесь: братец ваш с ним, так не скоро воротятся.

ВАРИНЬКА

Ах! как я стану дрожать, пока вы будете за нас стараться. Дай бог, чтоб вам удалось! боюсь до смерти.

(Звёздова ее целует.)

Пойдемте, пойдемте.

(Уводит с собою Полюбина.)

ЯВЛЕНИЕ 4

ЗВЁЗДОВА

(одна)

Бойтся, что я не успею; я никак не боюсь. Эти мужчины уморительны: мой муж, например, дожил до пятидесяти лет и, кажется, насмотрелся, наслышался всего того, что обыкновенно говорят насчет лукавства нашего пола, сам поминутно о нем твердит и никак от него не отделается, когда надобно. Он еще должен образ мой выменять, что я так бережно на это отваживаюсь.

ЯВЛЕНИЕ 5

ЗВЁЗДОВА, ЗВЁЗДОВ.

(Он бегаёт через боковую дверь и чуть не падает, наткнувшись на сундук и чемодан Беневольского.)

ЗВЁЗДОВ

Ох! чорт возьми! лоб было расшиб! Люди! люди!

(Входит слуга.)

Есть ли в вас смысл человеческий? что вы за беспутные? про что вас держат в доме, такую, ораву? подлый народ! зачем эта дрянь тут стоит?

СЛУГА

Ваше превосходительство сами приказали тут поставить; это добро Евлампия Аристарховича Беневольского.

ЗВЁЗДОВ

Провались ты и со своим дураком Аристарховичем! зачем перед дверью?

СЛУГА

Вы приказали никому в нее не ходить.

ЗВЁЗДОВ

Я! чего? когда? все на меня, как на мертвого, клепают. Отставь это к стороне да пошел вон.

(Слуга, исполнив приказание, уходит.)

ЗВЁЗДОВА

И что за мысль поселить этого студента в зале, где все ходят?

ЗВЁЗДОВ

А зачем тут ходить? разве мало других комнат?

ЗВЁЗДОВА

Да вот ты первый вошел.

ЗВЁЗДОВ

Ты же позвала. Тебе всегда до меня дело, когда у меня другие дела. Ну, что надобно?

ЗВЁЗДОВА

А вот что. Неужли ты в самом деле отправляешься в деревню?

ЗВЁЗДОВ

Неужли!.. Сейчас лошадей приведут.

ЗВЁЗДОВА

А я здесь остаюсь?

ЗВЁЗДОВ

Здесь.

ЗВЁЗДОВА

Как же я останусь?

ЗВЁЗДОВ

Так же, как останешься.

ЗВЁЗДОВА

С чем?

ЗВЁЗДОВ

Как с чем?

ЗВЁЗДОВА

Да у меня ничего нет.

ЗВЁЗДОВ

Как ничего? всё есть.

ЗВЁЗДОВА

Ничего.

ЗВЁЗДОВ

Всё.

ЗВЁЗДОВА

Ах, бог мой! ничего, говорят тебе.

ЗВЁЗДОВ

Да чего ничего? например?

ЗВЁЗДОВА

Первое, у меня нет денег.

ЗВЁЗДОВ

У тебя нет, у других есть, можно занять.

ЗВЁЗДОВА

Коли дадут.

ЗВЁЗДОВ

Еще мы, кажется, не совсем обеднели, в состоянии заплатить.

Звёздова

Ты платить в состоянии, да не платишь, — оттого мало верят. Впрочем, это еще не всё; у меня на руках остается твой Беневольский: что мне с ним делать?

Звёздов

А вот еще стану я много об нем думать! Дурак этакой! ставит свои сундуки перед дверьми; того гляди рассержусь, велю всё на двор выкинуть.

Звёздова

(в сторону)

Счастливая минута! он на него сердит.

(Громко.)

Знаешь ли что? перед твоим отъездом выдадим Вариньку замуж.

Звёздов

За кого?

Звёздова

За Беневольского, разумеется.

Звёздов

Как, разумеется? я думал, что ты этого не хотела.

Звёздова

Я не хотела прежде, мне казалось, что это Вариньке противно.

Звёздов

Так стало, Варинька не против этого?

Звёздова

Нисколько: на зло Полюбину.

Звёздов

Отчего же на зло ему?

Студент

Звёздова

Разве ты не знаешь, — что он женится?

Звёздов

Откуда мне знать?

Звёздова

Да, намерен жениться на другой с тех пор, как заметил, что здесь в доме ищет понапрасну.

Звёздов

Почему понапрасну? ведь еще он не сватался настоящим образом.

Звёздова

Избегал явного отказа, который не мудрено было ему предвидеть: ты при нем Вариньку обещал другому; а впрочем видно, он не очень был влюблен.

Звёздов

На ком же он женится?

Звёздова

Как бишь ее?

Звёздов

(в сторону)

Что за бестолочь! сейчас я шел коридором, а Полюбин у Вариньки руку целует.

Звёздова

Варинька очень умно рассуждает: коли Беневольский смешон и очень смешон, так это не беда, его можно будет исправить.

Звёздов

(в сторону)

Да зачем же она дает Полюбину руку целовать?

Звёздова

Для молодой девушки главное выйти замуж, а там, если муж только странен, а не совсем дурак, ее дело иным его странностям снисходить, насчет других стараться вразумить его.

Звёздов

(в сторону)

Тут есть какие-нибудь плутни.

Звёздова

Притом страстное желание отплатить Полюбину, показать, что она им больше не дорожит, всё это вовсе переменило ее мысли.

Звёздов

(в сторону)

Плутни, чистые плутни; да к чему бы это?

Звёздова

Я с моей стороны страх рада, за кого бы она ни вышла: надзор над восемнадцатилетней девушкой очень трудная обязанность.

Звёздов

(в сторону)

Из чего она бьется?

Звёздова

(в сторону)

Ничего не отвечает, верно раздумал.

(Громко.)

Право, Александр Петрович, послушайся меня хоть раз в жизни, погоди ездить в деревню, и выдадим Вариньку за Беневольского.

Звёздов

(в сторону)

А! а! насилу-то понял: не хочет, чтоб я ехал в деревню, и выдумывает разные тонкости. Постой-ка, госпожа хитрая особа.

(Громко.)

Стало, ты хочешь, чтоб Варинька вышла за этого студента?

Звёздова

Очень хочу.

Звёздов

И она тоже?

Звёздова

Тоже.

Звёздов

А Полюбин женится на другой?

Звёздова

На другой.

Звёздов

Жаль, очень жаль.

Звёздова

Что?

Звёздов

Беневольский этот не по мне. Как Полюбина с ним сравнить? — я бы охотно передумал.

Звёздова

(в сторону)

Попался.

Звёздов

Ну, да если нельзя иначе, так пусть останется все попрежнему.

Звёздова

Как?

Звёздов

Нельзя же насильно женить Полюбина на той, об которой он перестал думать.

Звёздова

Но ведь он больше от того перестал думать, что ты, казалось, никогда не согласишься.

Звёздов

Нет, нет, ты очень умно делаешь, что советуешь Вариньку выдать за Беневольского.

Звёздова

Мне, право, всё равно, за кого бы она ни вышла, ведь не я замуж выхожу.

Звёздов

Нет, против этого нечего спорить; Беневольский, конечно, шут, ни на что не похож, безалаберная голова; ну да если муж только странен, а не совсем дурак... как бишь ты говорила? точно дело. Пусть он женится на Вариньке: быть по-твоему. Человек! человек!

(Слуга входит.)

Позвать Вариньку да Полюбина, коли еще здесь.

(Слуга уходит.)

Звёздова

Зачем?

Звёздов

Вариньке объявить, чтоб она была готова нынешний же день к свадьбе.

Звёздова

Помилуй, ведь она не крепостная твоя; что за презрение ко всему роду человеческому? надо же сделать помолвку, подумать о приданом, как везде водится.

СТУДЕНТ

Звёздов

Ты же меня торопила.

Звёздова

(в сторону)

Какой сумасбродный!

(Громко.)

Зачем же ты послал за Полюбиным?

Звёздов

Хочется узнать, на ком он женится. — Ну, матушка, ты должна быть предовольна: чего хотела, то и сбудется. Не говори вперед, что я люблю всё делать всем наперекор.

Звёздова

(в сторону)

Надо же быть такому несчастью! в первый раз отроду соглашается со мною без отговорок и на мою же беду.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, Полюбин, Варинька.

Полюбин

Вы меня звали?

Звёздов

Да, любезный; ты, говорят, женишься?

Полюбин

Я, ваше превосходительство? как вы это разумеете?

Звёздов

Ах, батюшка, да ты, я чай, знаешь, как женятся, — все на один манер. Хорошо, что ты за ум взялся, право, славно; а я ведь выдаю Вариньку сегодня же, если можно, поскорее, перед моим отъездом.

ВАРИНЬКА

Сегодня? меня? за кого же-с?

ЗВЁЗДОВ

За того, за кого ты хочешь, милая.

ВАРИНЬКА

Ах! как вы милостивы!

ЗВЁЗДОВ

Жаль только, что жених твой запропал. Этот повеса, шурин мой, хоть кого так развратит, затащил его бог знает куда. Ну! да воротится, и тогда по рукам и к венцу; я вправду думал, что этому не бывать так скоро, авось ли, мол, как приеду назад из деревни; да вот Настасья Ивановна поторопила: ее благодари.

ВАРИНЬКА

(Звёздовой)

Ах! растолкуйте, что это значит?

ЗВЁЗДОВ

(в сторону)

Какие у всех длинные лица!

(Полюбину.)

Ну, любезный, на ком же ты женишься?

ПОЛЮБИН

Вы слишком жестоко шутите.

ЗВЁЗДОВ

Бог с тобой! не только не жестоко, вовсе не шучу. Я, признаюсь, всегда полагал, что ты ищешь в Вариньке; да вот жена разуверила, говорит, что ты на какой-то другой намерен жениться. Спроси у нее.

ПОЛЮБИН

(Звёздовой)

Неужли, сударыня?

ВАРИНЬКА

Воля ваша, а я за Беневольского ни за что не выйду.

ЗВЁЗДОВ

Это что за новость?

ВАРИНЬКА

Зачем же вы сейчас сказали, что выдадите меня за того, за кого я хочу?

ЗВЁЗДОВ

А разве ты за него не хочешь?

ВАРИНЬКА

Будто вы не знаете, что он мне противнее смерти!

ЗВЁЗДОВ

Кто ж вас поймет! Вот она мне сказала, что ты только и думаешь о Беневольском и радехонька за него выйти оттого, видишь ты, чтоб отплатить вот ему. Вольно ж ей было всё это говорить. — Что? разве ты мне этого не говорила?

ЗВЁЗДОВА

Я тебе всегда говорила и теперь повторяю, что ты несносен.

ЗВЁЗДОВ

Прошу покорно! она же разгневалась! Сама бог знает что сочинила, никакого толку не доберешься; теперь она же изволит сердиться. Ха! ха! ха! что? каков урок? хорошо? будешь помнить вперед, не станешь хитрить со мной? Нет, моя душа, молода меня проводить, я уж пятьдесят лет на свете живу, все твои умыслы тотчас смекнул. Вы ничего не понимаете? слушайте: ей смерть хочется, чтоб я не ездил в деревню, вот она и затеяла. Он-де, то есть я, очень желает Вариньку выдать за Беневольского, сем уверю его, что Варинька на это согласна, что Полюбин от нее отказался. Вот, мол, — как он увидит, что всё близко к тому,

чего ему хочется, авось ли останется, потом дело-то продлится и вовсе, может, не сбудется, а он покамест раздумает ехать в деревню. — Не так ли?

ЗВЁЗДОВА
(обрадовавшись)

Ах! как ты догадлив!

ЗВЁЗДОВ

Ан вышло всё напротив. Об Беневольском я и думать не хочу. Вариньку отдаю за Полюбина, да, да; а в деревню еду сейчас.

ПОЛЮБИН И ВАРИНЬКА

Как счастливо!

ЗВЁЗДОВ

Ну, любезный, я давича как шел сюда коридором, вы меня не видали, ты у нее украдкой руку целовал.

ЗВЁЗДОВА
(в сторону)

Вот что!

ЗВЁЗДОВ
(берет у Вариньки руку)

Теперь дай сюда. Можешь ее целовать при всех и не советиться. Живите-ко счастливо. Ты, душенька, с будущим твоим мужем, пожалуйста, не хитри, поступай по-нашему просто, реже будешь промаха давать; а ты, брат, бери пример с меня, в обман не вдавайся.

(Жене.)

Ты что, моя душа! не сердись? а? неужели еще сердись? Дай щечку.

ЗВЁЗДОВА

С твоей легкостью в нраве недостает одного, чтоб ты имел не более двадцати лет, — ты был бы бесценный человек.

ЗВЁЗДОВ

О! я понимаю, что для тебя это в ином случае гораздо было бы приятнее; ну, да что ж делать, мой ангел! Будь довольна, чем бог послал. — Однако нечего из пустого в порожнее переливать. — Готовы ли лошади?

СЛУГА
(входит)

Впряжены-с.

ЗВЁЗДОВА

Постой! как же нам быть с Беневольским?

ВАРИНЬКА

Ах! не поминайте об нем.

ЗВЁЗДОВ

Я об нем уж говорил одному, Прохорову, давича со мной встретился. Ну! да что об нем много думать! дураки в Петербурге не бывают без места. Кабы поскорее поспеть в деревню! Шутка ли, я там не был с тех пор, как женился, и мне оттуда пишут такие небылицы, доходов не высылают. Прощайте, прощайте, прощайте. Свадьбу сыграйте без меня. Эй! коляску подавать скорее! дорожный колпак! трость!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 7

ЗВЁЗДОВА, ВАРИНЬКА, ПОЛЮБИН, *немного погодя* ФЕДЬКА.

ЗВЁЗДОВА

Поедемте его провожать, и кстату сейчас можем переехать на дачу, я почти всё туда отправила. Полюбин, вы с нами?

ФЕДЬКА
(вбегает)

Ох! прости, господи! какая тяжелая рука!

ЗВЁЗДОВА

Что ты?

ФЕДЬКА

Попался его превосходительству навстречу, он мне второпях дать изволил такого толчка, что в голове завертелось.

ЗВЁЗДОВА

Кто ты таков?

ФЕДЬКА

Я слуга-с Евлампия Аристарховича.

ЗВЁЗДОВА

А! кланяйся ему от меня, скажи, что я уехала на дачу за двадцать верст отсюда на всё лето.

(Уходит.)

ВАРИНЬКА

И от меня поклонись своему барину; я бывшая его невеста, и выхожу замуж, только не за него, — скажи ему это.

(Уходит.)

ПОЛЮБИН

И от меня поклонись ему; я Полюбин и женюсь на его невесте, — можешь ему донести об этом.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

ФЕДЬКА

(один)

Эк, что поклонов! знать, мы с барином-то у праздника! видно, ему здесь житье от господ, что мне от своей братьи! За что, подумаешь, превосходительный на меня приокрысил-

ся! У этих больших бар, кто им первый пырь в глаза, да не во-время, тот и виноват. Хорошо, что мой-то барин не великий господин; будет ли только исправно платить? — Ну, да что! Я ведь в Питере понавострился: за месяц вперед, а не то прощай. Денег нет, — слуги нет, сам себе сапоги чисти!

ЯВЛЕНИЕ 9

ФЕДЬКА; БЕНЕВОЛЬСКИЙ, САБЛИН *(входят рука об руку, оба несколько шатаются; Саблин поет песню).*

ФЕДЬКА

Видно, наши-то навеселе.

САБЛИН

Вот мы и у тебя в комнате. Ну что? по-твоему, каково едят у этого француза?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Амброзия!

(Садится в кресло и задумывается.)

САБЛИН

Мерзость! избаловался, прежде лучше кормил.

ФЕДЬКА

Вам, барин, приказано сказать...

САБЛИН

Поди вон, после скажешь.

ФЕДЬКА

Чего после, сударь! нужда прекрайняя. Ее превосходительство...

САБЛИНЕ

Убирайся, знаешь куда. — Беневольский! выгони его.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Оставь нас.

САБЛИН

Кстати, там пришел с нами мальчик из ресторации, у него за пазухой бутылка; подавай сюда штопор и стаканов достань в буфете, да чтоб никто в доме не видал, слышишь ли?

ФЕДЬКА

Позвольте наперед вымолвить два словца... мне приказано...

САБЛИН

Вон! сейчас! не то пятьсот палок!

(Выталкивает его и ложится на сундук.)

Пришли его ко мне в эскадрон, братец, я его научу послушанию. — Ну, что задумался? деньги проиграл! я бы тебе охотно помог, да, ей-богу! никогда копейки нет за душой, То уж здесь, брат, на это хваты, лучше не принимайся за карты; кабы не сестра, я бы от них давно без мундира шатался. Да и ты что за простяк! читал, читал, учился, пишешь стихи, а на четвертую ставишь! ну где это видано?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Своенравие судьбы! ее железная рука...

САБЛИН

Нет, брат, разве у того, кто банк метал, лоб железный! Жаль, что не знаю довольно игры, не к чему придраться.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Как его имя?

САБЛИН

Кто его знает? я сам впервые отроду его вижу.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Но я по вашему приглашению зашел к нему.

САБЛИН

Он обедал подле той комнаты, где мы с тобой сидели; я за чем-то вышел, он стал со мной говорить, познакомился, позвал к себе, — а меня куда хочешь позови, я всюду пойду. — Хорошо живет; какая куча народу к нему нашла! я чай, такие же плуты, как он сам.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Музы! я изменил вам, погнался за окрыленной фортуной...

САБЛИН

(зевает)

Полно бредить.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я опять ваш, я опять с вами, мечты уединенья!

САБЛИН

Шутишь, брат; когда со мной, так не один. Куда глупо, что здесь в доме не позволяют трубок курить! я умно делаю, что к сестре не переезжаю жить.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(вынимает бумагу и читает)

Дружись, мой друг, с мечтой...

САБЛИН

(вырывает бумагу и кидает на пол)

Брось свой вздор, и без того скучно.

(Федька входит с бутылкой и стаканами.)

А! вот оно! повеселее будет, ставь сюда. Э! Санхо-Панса! ты вензеля пишешь.

ФЕДЬКА

С горя, право, с горя; сходил неодадь, дай-де поравняюсь с господами.

(Прислоняясь к стенке, поет.)

Ах ты козлик, мой козлик! дедули мои! гей!

А.С. ГРИБОЕДОВ

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Шш! что ты, с ума сошел?

САБЛИН

(трудясь за бутылкой)

Экой пьяница!

ФЕДЬКА

А сами-то что? лежу в грязи, кричу: не брызжи.

САБЛИН

(наливает и поет)

Vive Henri quatre!

Vive ce roi vaillant!¹

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

О! умолчите! что за охота петь французскую песню? У нас столько своих пленительных мелодий певцов своей печали.

САБЛИН

Пусть они сами свою печаль поют, — а я стану петь “Vive Henri IV”, оттого именно, что это вовсе не печально.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Но есть ли тут хоть малейшее воспоминание для души русского?

САБЛИН

Преславное: наш вход в Париж, мы первые заставили петь эту песню. Вот было житье! Выпьем скорее в память этого счастливого дня! Пей же, ну, без гримас!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(с стаканом в руке)

Вахх!.. тебе!

¹ Да здравствует Генрих Четвертый!
Да здравствует храбрый король! — *Ред.*

СТУДЕНТ

САБЛИН

(вливает в него весь стакан)

Без рассказней!

ФЕДЬКА

Пей, да про себя разумей.

САБЛИН

(выпивши)

Что за бургонское! стакан было проглотил.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(сморщившись)

Нектар.

САБЛИН

Беневольский! душа моя! выпьем еще по стаканчику.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Нет, никак; я еще с обеда отуманен этими парами.

САБЛИН

Беневольский! не будь хоть теперь Беневольский: выпей, не заставляй себя просить. Беневольский, знаешь? я тоже когда-то учился по-латыни и очень помню одну пословицу... постой! кажется: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

In vino veritas¹.

САБЛИН

Ну, а ведь ты теперь не трезвый. — Скажи мне, любишь ли ты меня?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Люблю.

¹ В вине — истина. — *Ред.*

САБЛИН

А я тебя не люблю, да всё равно: ты любишь, так докажи, выпей! на! Да полно, я не в шутку рассержусь; бери же, вот так, поцелуй меня! стукнем!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Чашу в чашу.

ФЕДЬКА

(подкрадывается)

Подойду поближе хоть понюхать.

(Саблин пьет, а Беневольский ловит эту минуту, чтоб вылить стакан, и попадает прямо Федьке в лицо и на платье.)

Что за обливание, сударь? еще я покамест свое платье ношу, когда-то сошьете!

САБЛИН

Выплеснул! не выпил! Поделом не терплю я этих марателей: всякий из них, последний, презирает всех, думает, что он всех умнее, ничем не дорожит.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Именем дружбы...

САБЛИН

Плевать я хотел на твою дружбу и знаться с тобой не хочу. — Поеду домой.

(Смотрится в зеркало.)

Раскраснелся, досадно! никуда нельзя показаться: про меня и так бог знает что говорят.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

БЕНЕВОЛЬСКИЙ, ФЕДЬКА.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(не вставая с кресел)

Презрение буйным чадам Арея! бесчувственные враги изящного! — Федька! стань сюда! На каждой черте лица твоего

дикая природа наложила печать свою; но ты имеешь душу!.. И не обделана душа твоя резцом образованности, и закослела она в коре невежества; но ты имеешь душу!.. подыми!

(Федька подымает бумагу, брошенную Саблиным на пол.)

Слушай!

(Читает.)

Дружись, о друг, с мечтой.

ФЕДЬКА

Ах! барин, только было я подружился с Алексеем лакеем, да, вишь, и увезли его.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Шш.

Дружись, о друг, с мечтой.

Таинственный покой

Сопутствует нам с нею;

И Грация — печаль,

И сумрачная даль,

И будущность зарею

С ней будут нам сиять!

Счастливое вступление! эта неопределенность будущего, сумрак дальний приготавливают сердце к тихому, сладостному мечтанью.

(Федьке.)

А? что ты думаешь?

ФЕДЬКА

Ничего-с.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ты врешь.

С ней будут нам сиять,

Дни мирны ублажать

Души и чувств прельщением,

Как легким сновиденьем...

(Федьке.)

Понимаешь ли ты? сновиденье?

ФЕДЬКА

А кто их поймет? мне давеча такая дурь во сне привиделась! что ваши вирши!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Хочешь ты слушать или нет?

ФЕДЬКА

Как вы приказать изволите.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Так слушай же и молчи!

(Продолжает читать.)

И мрачных мыслей сын
С мечтою не один;
Он преплывает море
Туманных бурных дум,
От коих взор и ум
Смущеньем цепенеют.

(Федьке.)

Скажи правду: страшно ли это?

ФЕДЬКА

Страшно-с.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ты понял что-нибудь?

ФЕДЬКА

Ничего не понял-с.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(с радостью)

И этот дар возбуждать ужас самой незначущей, часто непонятной мыслию, — он неизвестен был донныне: это свежий листок, вплетенный в венец поэзии.

(Продолжает.)

Ах! скоро ли приспеют
Те дня, златой тот час,
Когда любовь отрадой
Появится для нас
С надеждою-услადой!

Надежда! ты осталась со мною, прелестная!

ФЕДЬКА

Нет, барин, надежда плоха. Дайте рассказать, что здесь без вас приключилось.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Молчанье, повторяю я, не раскрывай рта, пока тебя не спросят.

(Продолжает.)

Как обновленный свет
Собой украсит роза?
Гвоздика, милый цвет,
Тюльпан и тубероза
Узорчатым ковром
Блеснут пред томным взором?

(Федьке.)

Сколько цветов поэзии! А?

ФЕДЬКА

Нечего сказать, что много цветов-с.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Цветы поэзии! Кто вас не чувствует?

(Федьке.)

Не прерывай же меня. Где, бишь, я остановился? да... "пред томным взором..."

Как чистых муз собором
Восторженный в эфир,
Я беспредельный мир
Слито с непостижимым?

(Федьке.)

Ты зеваешь, бесчувственный?

ФЕДЬКА

Виноват, сударь, у меня обычай такой: как мне зачнут сказки читать, так и задремлется, — еще бывало смолода, как наш дьячок, слово в слово такой же мастер, как и ваша милость...

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Прочь со своими сравнениями, в пыли таящаяся душа! Прочь, пока гнев не совсем овладел мною.

(Федька отходит, садится на сундук и засыпает.

Беневольский продолжает читать.)

Дотоль, рука с рукой,

Мы по стезям незримым

Спешим, о друг! с тобой

К бессмертью, в бесконечность!

А там! — награда... вечность!

И это я написал! это излилось из моего пера! — Федька!.. Он спит, жалкий человек! вместилище физических потребностей!.. И все люди почти таковы! с кем я ни встречался здесь в столице, ни один не чувствует этого стремления, этого позыва души — туда! к чему-то высшему, неизвестному! — Но тем лучше: как велик между ими всеми тот один, кто, как я, вознесен ввысь из среды обыкновенности! — Рука фортуны отяготела надо мною, я проиграл мои деньги, но дары фантазии всегда при мне, они всё поправят. Вельможи, цари будут внимать строю моей лиры, и золото и почести рекою польются на певца. Но я ими не дорожу, я доволен одною славою, уделом великим.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Швейцар.

ШВЕЙЦАР

Скоро ли, сударь, опростаете квартиру?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Что такое?

СТУДЕНТ

ШВЕЙЦАР

Скоро ли вы изволите отселе выбраться!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Пожар? неужли пожар? Федька! мои бумаги! спаси мои бумаги! в них всё мое богатство.

ШВЕЙЦАР

Нет, сударь, бог милостив, еще ничто не горит.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Нет? что ж ты сказал?

ШВЕЙЦАР

Я спрашивал, скоро ли вы отселе съезжаете?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Разве тебе Александр Петрович велел?

ШВЕЙЦАР

Нет, он об вас ничего не приказывал; а уж как он изволил отправиться в деревню, а барыня съехала на дачу, так когда вы опростаете комнату? я бы запер.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Не может быть. Как это? давно ли? так скоро? будто Александр Петрович уехал?

ШВЕЙЦАР

Изволил уехать.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

В деревню? далеко ли?

ШВЕЙЦАР

Вотчина его Прилиповка в Костромской губернии, верст отселе девятьсот с десятком, да в Рязанской село Потешное, верст будет побольше тысячи, да около Нижнего ба-

рынина деревня Березовка, деревня большая, тоже душ
тысячи с полторы.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

В которую же он теперь уехал?

ШВЕЙЦАР

Да бог весть, люди надвое говорили.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Неужли он ничего не приказывал перед отъездом?

ШВЕЙЦАР

Изволил крепко наказывать, чтоб штучные полы везде по-
чинить, где расклеились, да люстру из галдарей вынести...

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Да обо мне что?

ШВЕЙЦАР

Об вас он ничего не приказывал.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Верно, ты не знаешь; кто еще в доме есть, кроме тебя?

ШВЕЙЦАР

Ни одного живого человека: барыня шестерых людей заб-
рала с собою на дачу, а остальные кое-куда разбрелись.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Что ж мне делать?

ШВЕЙЦАР

Как станете перевозиться, дайте мне знать с вашим чело-
веком: надо будет здесь убрать после вас.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Зачем же мне переезжать?

ШВЕЙЦАР

Барин крепко наказывал, чтоб здесь никому не оставать-
ся, что-де комнаты все станут заново расписывать.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

И мне велел переезжать?

ШВЕЙЦАР

Об вас он ничего не приказывал.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 12

БЕНЕВОЛЬСКИЙ, ФЕДЬКА.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Федька! Федька! беспросыпный! негодяй!.. вставай! про-
снись!

ФЕДЬКА

(вфросонках)

Левей, Алёха...

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Несносная тварь! вставай! вставай!

ФЕДЬКА

(протягиваясь)

Что, сударь? ась?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ты спишь, мерзавец! и не говоришь мне, что все отсюда
уехали и мы с тобою одни остались в опустелом доме!..

ФЕДЬКА

Вишь, сударь, я не раз принимался вам докладывать, да
поди-ко вы с вашими виршами не давали слова вымолвить.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Говори, что здесь без меня было? что ты видел? Александр Петрович не приказывал ли тебе чего-нибудь?

ФЕДЬКА

Он второпях дал мне толчка, что в ушах зазвенело; только я от него добра и видел.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Но другие что? жена его?

ФЕДЬКА

Барыня и барышня велели вам кланяться.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Только?

ФЕДЬКА

Нет-с; еще что, бишь, они велели вам сказать?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Почему я знаю, мучитель? Не мори меня, договаривай.

ФЕДЬКА

Да, право, всё из головы вон вышло. — Что, бишь, они велели вам сказать?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Терпенья! дайте мне терпенья!

ФЕДЬКА

Да, что барышня-то, ваша невеста, — уж не ваша невеста, а выходит замуж за его милость, забыл, как зовут.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

О судьба! ужасны твои потаенные громы! За что схватиться мне в этом кораблекрушении? — Ты не знаешь всех моих бедствий; у меня ни копейки нет денег.

ФЕДЬКА

Ах, создатель! ужли потеряли?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Проиграл.

ФЕДЬКА

В картёж! вот-те благодарствуй!

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Без денег! без друзей!

ФЕДЬКА

А еще разумник! грамотник! вот-те разживусь да разбога-тею. — “Что ты от меня получаешь жалованья? малость! будешь получать тысячу, слышишь? тысячу!” — Ан вышел сам без гроша: я видел, что тебе не сдобровать.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Как ты смеешь говорить со мною во втором лице единственного числа?

ФЕДЬКА

Вишь, всё хорохорится: “я-де всех разумнее, мне здесь дадут денег с три пропаста!” — ан, лучше бы помнить пословицу: еду — не свищу, а наеду — не спущу.

(Треплет Беневольского по плечу, тот его отталкивает.)

Эка дворянска амбиць! без денег, а спесивится! Пойду, возьму свои пожитки да уберусь, поищу себе барина потолковее.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 13

БЕНЕВОЛЬСКИЙ, ПРОХОРОВ.

ПРОХОРОВ

(читает записку)

Евламий Аристархович Беневольский, недавно приехавший в Санкт-Петербург, обучался в Казанском университете разным языкам и наукам, знает грамматику.

А.С. Грибоедов

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Это я. Что вам нужды до меня, вам, чуждым моей скорби?

ПРОХОРОВ

Вы без места, как мне довелось слышать, находитесь?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Я всеми отвержен, душа моя подавлена под гнетом огорчений.

ПРОХОРОВ

(садится)

Позвольте присесть. Я некоторое такое место имею, недавно упразднившееся, вам особенно свойственное.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(в сторону)

Он для меня имеет место! стало, слышал обо мне, я здесь известен.

(Громко.)

Что побудило вас подать мне руку помощи? кого я в вас вижу?

ПРОХОРОВ

Мое прозвание Прохоров, говорил мне об вас его превосходительство Александр Петрович, у которого вы жительство имеете.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ах, сударь! я об вас от него столько наслышался, — вы, кажется, близки его сердцу.

ПРОХОРОВ

Я только с давишной поры имею честь быть включенным в число его знакомых.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Как, сударь! не прежде?

СТУДЕНТ

ПРОХОРОВ

Действительно так. Мы встретились в милютинских лавках, в 9 номере. Его превосходительство кушать изволили фрукты, а я кое к чему приторговывался.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Он мне сказывал, что ваше имя пользуется большой известностью.

ПРОХОРОВ

Справедливо так. Вы мое имя на заглавных листках многих книг помещенным видеть можете.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(в сторону)

Ему посвящают книги!

(Громко.)

Позвольте, сударь, и мне поднести вам мои опыты в прозе и стихах, досуги моей беспечной музыки; они, конечно, будут приняты публикою с большею благосклонностью, если украсятся вашим именем.

ПРОХОРОВ

О! государь мой, сие для меня слишком много, я не более, как честный содержатель типографии; но вы хорошо делаете, если оные ваши труды нашему директору посвятите, он человек достопочтенный и надворный советник.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Как! вы содержатель типографии?

ПРОХОРОВ

Истинно так. Не соизвольно ли вам будет дать мне на образец ваше некое рукописание? — Сие весьма необходимо.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

К чему ж это? Если вы хотите видеть мой почерк, то я уверяю вас, что он самый плохой, — отрисовка моих идей

обнаруживается не в красивых литерах. Если же вы хотите знать мой слог, то можете найти кучу моих произведений во многих известных наших журналах, в "Сыне Отечества", например.

ПРОХОРОВ

Сие периодическое издание из лучших, нумера выходят всегда аккуратно, буквы отменно четкие, бумага вообще хорошая.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

О! сударь, с какой точки зрения вы смотрите на вещи!

ПРОХОРОВ

Вы, вероятно, переводите?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

И сочиняю.

ПРОХОРОВ

Весьма похвально. Знаете ли вы правописание?

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Помилуйте, я, кажется, сказал вам, что многие мои сочинения помещены в журналах.

ПРОХОРОВ

Бесспорно так. Но я скажу вам, государь мой, что многие из наших, впрочем весьма почтенных словесников, коих сочинениями журналы наполняются, устаивают меня своими посещениями: из них большая часть не весьма тверды в правописании. Оно же, правописание, разумею я, главное есть для той должности, которую я предлагаю вашему благоуважению.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Какая ж это должность?

ПРОХОРОВ

Должность сия в том состоит, дабы с неусыпным бдением за ошибками, встречаться могущими при книгопечатании, надсматривать.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(в сторону)

Скорее влачить за собою котомку нищеты, чем взять на себя эту прозаическую, неблагодарную должность.

ПРОХОРОВ

Вы имеете ежегодно получать в определенные сроки чептыреста пятьдесят рублей, и за прочтение печатаемых книг задельная плата с каждого листа по пяти копеек вам без задержки производиться будет.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

(в сторону)

Он мне душу раздирает.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и Мальчик.

МАЛЬЧИК

Мне, сударь, пора домой идти.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Что тебе надобно?

МАЛЬЧИК

Я за вами бутылку с вином давеча принес, этот офицер сказал, что вы заплатите, а меня хозяин наш мусье побьет, коли я промешкаю.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Ах, братец! у меня человек вышел, унес ключ от шкапулки. Милостивый государь! я согласен быть у вас кор-

А.С. ГРИБОЕДОВ

ректором; между тем заплатите за меня небольшой этот долг.

Прохоров

С превеликим удовольствием, в зачет будущего вашего жалованья.

БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Мечты моей юности! мечты, сопровождавшие меня из Казани сюда! сопутницы неизменные! куда вы исчезли, заманчивые?..

Конец комедии

Отрывок из комедии

“СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА”

Любим, молодой человек, в бытность свою в Петербурге, женился по страсти, без согласия своих родственников. Он привозит жену в тот город, где живут все его тетки и дяди: Мавра Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карп Савич, Максим Меркулович. Все думают, что он сговорен; никто не знает, что он женат, кроме Варвары Савишны, которая всех добрее и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тем Наташа, жена его, под чужим именем, знакомится со всею мужниною роднёю, старается каждому из них угодить и понравиться, и в том успеваеет. — Это содержание одной комедии кн. А.А. Шаховского, в которой я взялся сделать несколько сцен из второго акта. Вот они.

ЯВЛЕНИЕ I

ВАРВАРА САВИШНА, ЛЮБИМ, НАТАША.

Любим

Да! я обегал всю почтенную родню
И счастья своего покамест не виню:
Где ни был, никого найти не удавалось,
Кроме одной. — Зато уж от нее досталось!
К Раисе Савишне, как следует, зашел;
Глядь, у себя. Слуга тотчас меня повел
К ней в образную, — там в очках она читала,
Вспрыгнула, ахнула и в обморок упала.
Оттерли. — Боже мой! тут только что держись:
Увещевания рекою полились;
И всё печатное, что только вышло внове,
Всё знает наизусть, не ошибется в слове;
Ну, так и сыплет вздор. Речь о тебе зашла:
Тут длинную она статью о том прочла,
Как, верно, в девушке, вертушке новомодной,
Нет пламенной души, ни нежности природной,
Ни сердца простоты... А я без дальних слов,
Не выслушав всего, взял шляпу, был таков.
Наташа, как я глуп! зачем, не понимаю,
Привез тебя сюда?

ВАРВАРА САВИШНА

Вот так-то! поздравляю!

Все виноваты мы...

Любим

Ах, нет! всегда жене

Твердил я, что у нас порядочных в родне
Есть двое: вы, да я.

ВАРВАРА САВИШНА

Поверь мне: помаленьку

На свой поставишь лад ты всю свою роденьку.

Наш опыт удался с секунд-майором. Ну,
Полюбят также все они твою жену, —
Дай срок.

НАТАША

А с дядюшкой сдружились мы

случайно!..

Он на тебя похож, Любим, да чрезвычайно!
И видно по всему, что смолоду он был
Такой же ветренный, и так же добр и мил.
Максим Меркулович — тот не того разбора,
Да и две тетушки! Не сладишь с ними скоро!
Ну, если не пойдут никак они на лад,
Я, пусть они меня расценят, как хотят,
Скажу им наотрез: пожалуй, мной гнушайтесь,
Для мужа всё стерплю.

Любим

(обращаясь к Варваре Савишне)

А! какова! признайтесь.

Что будьте сами вы женщиной... вы как раз
Женились бы на ней. — Все перед нею пас.

ВАРВАРА САВИШНА

(посмотрев в окошко)

Ах! Мавра Савишна куда идет!

НАТАША

Какая?

Что свáрливая?

ВАРВАРА САВИШНА

Да, крикуша!

Любим

И скупая,

И тем упрямее, что денег тьма у ней.

НАТАША

Ах! нет ли, тетушка, здесь в доме попростей
Какого платица, чтоб мне пришлось по тальи?

ВАРВАРА САВИШНА

У Груньки в девичьей спросить... Нет! у Натальи
Передничек ее да шемизетку взять,
Что в праздничные дни велю ей надевать.
Уйдите же... она уж подошла к порогу.

НАТАША

(уходя)

Любим!

ЛЮБИМ

Я за тобой.

(Уходят вместе.)

ЯВЛЕНИЕ 2

МАВРА САВИШНА, ВАРВАРА САВИШНА.

МАВРА САВИШНА

Скажи-ка: слава богу!

Ведь наш Любим сюда изволил прикатить!
Хоть, правда, поспешил меня он навестить,
Да вишь пожаловал в тот самый час, в который
К вечерне я хожу. Ох! эти мне проворы!
Я чай, разведывал, когда-де побывать?
Когда потрафить так, чтоб дома не застать?

ВАРВАРА САВИШНА

Ну, можно ли...

МАВРА САВИШНА

Чего? Он разве малый путный?
Я одному дивлюсь, что карточкой визютной
Меня не наградил; а то ведь таковой
Обычай водится в столицах, об Святой

И в Рождество. Да что? там вечно наглость та же;
Знатнейшие дома — и родственников даже —
Вот посещают как: сам барин дома спит,
Карету и пошлет, а в ней холоп сидит,
Как будто господин; обрыскает край света,
Швыряет карточки!.. Спасибо! мерзость эта
Что не дошла до нас: помиловал господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть,
Не подражает в том столичному он краю,
А всё-таки спесив! увижу — разругаю.
Ведь нет, чтоб подождать полчасика... беда,
Никак нельзя: спешит. Спроси его: куда?
Небось не думает удобность сделать тетке;
А кабы в Питере, к какой-нибудь красотке...

ЯВЛЕНИЕ 3

МАВРА САВИШНА, ВАРВАРА САВИШНА, НАТАША.

НАТАША

Ах, вы здесь не одни! простите!

ВАРВАРА САВИШНА

Ничего.

МАВРА САВИШНА

Кто это? здешняя?

ВАРВАРА САВИШНА

Нет! мужа моего

Покойного родня, приехала недавно.
Знакома вам была Федосья Николавна?

МАВРА САВИШНА

Твоя золовка?

ВАРВАРА САВИШНА

Да, ее в живых уж нет.

Вот дочь ее.

А.С. ГРИБОЕДОВ

МАВРА САВИШНА

Она? — Прошу! каких уж лет!
Невеста хоть куда! — Мы вместе выросли
С твоею матушкой, дружныхонько живали,
И батюшка в Москве к нам часто в дом ходил,
При мне он сватался, при мне помолвлен был.
Ах, на сем свете я куды давно таскаюсь!
Ты с нами долго ли пробудешь? а?

НАТАША

Не знаю-с.
Как будет тетушке угодно...

ВАРВАРА САВИШНА

Мне, друг мой?
Весь век радехонька я вместе жить с тобой.
(Обращаясь к Мавре Савишне.)
В глаза и за глаза скажу: неприхотлива
И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь иметь.

НАТАША

Угодно, тетушка, вам будет посмотреть?
Там приготовила для вас одно я блюдо.

ВАРВАРА САВИШНА

А! знаю, хорошо. — Останься здесь покуда.
Сестрица, кажется, не гости вы у нас,
Не взыщете, а я назад приду сейчас.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

МАВРА САВИШНА, НАТАША.

МАВРА САВИШНА

Что это, матушка? неслыханное дело!
Кто стряпает теперь?

СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА

НАТАША

К обеду не поспело;
Хватились поздно мы, так, как-то не пришлось.

МАВРА САВИШНА

Какое ж кушанье?

НАТАША

Пирожное одно-с,
И выдумки моей.

МАВРА САВИШНА

Твоей? — Оно б не худо,
Да ведь пирожное затейливое блюдо.
Насущный хлеб теперь один составит счет,
Так лакомство, ей-ей! на ум уж не пойдет.

НАТАША

Да-с, у меня зато всё снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимонного чуть-чуть.

МАВРА САВИШНА

Ну, сахар входит же?
(Наташа качает головой.)
Хоть крошечка?

НАТАША

Отнюдь!
Как, сахар? шутка ли? что вы? побойтесь бога!
Нет! и без сахару расходов нынче много.

МАВРА САВИШНА

Да! согрешили мы, крутые времена!

НАТАША

Я как-то с малых лет к тому приучена,
Что дорогой кусок мне видеть даже грустно:
Я так люблю поесть, чтоб дешево и вкусно.

А.С. ГРИБОЕДОВ

МАВРА САВИШНА

Как судишь ты умно! не по летам, мой свет;
В иной и в пожилой такого смысла нет.

НАТАША

Помилуйте...

МАВРА САВИШНА

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная ль улика,
Что прожила весь век, не нажила ума?
Расчету ни на грош, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней, — зачем? кому на диво?

НАТАША

А будто трудно жить, как надо, бережливо?
Я вот и не в нужде воспитана была,
Хоть матушка моя покойница жила
Куда не роскошно, я чай, и вам известно.

МАВРА САВИШНА

Умна была, — дай бог ей царствие небесно!

НАТАША

Однако странность я одну вам расскажу.

МАВРА САВИШНА

Как, друг мой? что? — Садись.

НАТАША

Вот что...

МАВРА САВИШНА

Да сядь!

НАТАША

(севши на краешке стула)

Сижу.

СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА

Вот что... спросить у вас позвольте: вы давно ли
Расстались с матушкой?

МАВРА САВИШНА

Лет двадцать пять, поболее;
Мы молоды тогда, невесты были с ней,
(со вздохом)
И схоронила я с тех пор уж трех мужей!

НАТАША

Так, может, никогда вам слышать не случилось
Об том, что к Ладовой, к графине, я попалась
На воспитание?

МАВРА САВИШНА

Нет, не слыхала я.

НАТАША

Уж странность подлинно! — Она и мать моя
Век были по всему противных свойств и правил.
Не знаю, между их как случай связь составил,
А только матушка с ней так дружна была,
Что на руки меня к ней вовсе отдала!
Представьте же себе: я в дом попала знатный,
У Ладовой на всё расход невероятный!
И шляпкам, и шалям, и платьям счету нет,
И собирается у ней весь модный свет:
Вчера концертный день, а нынче танцевальный,
А завтра что-нибудь другое. — Натурально,
Вы можете судить, что в этаком дому
До бережливости нет дела никому.

МАВРА САВИШНА

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортит жизнь такая.

НАТАША

Позвольте досказать. Мне скоро щегольство
И весь графинин быт: шум, пышность, мотовство

И давка вечная в передней за долгами —
 Так опротивели, что рада, между нами,
 Была я убежать бог ведает куда!
 Так опротивели! что лучше бы всегда
 Я ела черный хлеб, в серпанке бы ходила,
 Да лишь бы суетно так время не губила.

МАВРА САВИШНА

Ужли, голубушка! да как же это ты?
 Я, я свертелась бы от этой суеты!
 Вот ум не девичий! — К чему ты наклонилась?
 Что потеряла?

НАТАША

Здесь булавочка светилась,
 Сейчас я видела. Вот тут она была,
 На этом месте, здесь. — А! вот она! нашла.
(Поднявши, прикалывает к косынке.)
 Ведь, и булавочка нам может пригодиться.

МАВРА САВИШНА

Как? из булавки ты изволила трудиться?
 Чем больше думаю и на тебя гляжу,
 И слушаю тебя, ума не приложу.
 Диковина, мой свет! Уж ты ли не водилась
 С большими барами? а всё с пути не сбилась!

НАТАША

Напротив, многим я обязана тому,
 Что столько времени жила в большом дому.
 Когда к французенкам поедем мы, бывало,
 Графине только бы купить что ни попало;
 А я тихохонько высматриваю всё,
 Как там работают, кроят и то и сё,
 И выпрошу себе остатков, лоскуточков,
 Отрезочков от лент, материцы кусочков,
 И дома, запершись, крою себе, крою.

Теперь же, верите ль, я что угодно шью,
 Вы не увидите на мне чужой работы —
 Вот ни на эстолько.

(Показывает на кончик шемизетки или фартука.)

МАВРА САВИШНА

Помилуй, друг мой, что ты?
 Клад суций, — и тебе подобной не сыскать!

НАТАША

Я шелком, золотом умею выпивать.
 Бывало, прочие лишь заняты весельем,
 На балах день и ночь, а я за рукодельем;
 Что вышью, продаю; работою своей
 Скопила наконец до тысячи рублей.

МАВРА САВИШНА

Теперь на свете нет вещей невероятных.
 Скопила! — Чем? — Трудом! воспитана у знатных!
 Свершилась над тобой господня благодать.
 Дай, радость, дай скорей себя расцеловать!

(Обнимаются.)

Вот, если б был Любим степенный и толковый,
 Вот счастье! вот оно! вот! случай здесь готовый!
 И услужил бы всем, родным бы и себе,
 Когда женился бы он, друг мой, на тебе.
 Уму бы разуму его ты научала,
 Любила бы его, мотать бы не давала;
 А то, слышь, в Питере он сватанье завел!
 Там русскую мамзель какую-то нашел!
 Преаккуратная головушка, я чаю.

НАТАША

А почему же знать?

МАВРА САВИШНА

Как почему? — Я знаю.

НАТАША

Конечно, это вам известнее, чем мне.

МАВРА САВИШНА

Вот то-то, видишь ли, что всей его родне
Она не по нутру. — Не может, чай, дожидаться,
Когда Любимовы родные все свалятся,
Чтоб поскорей по ним наследство получить;
Того не думает, чтобы самой нажать.
Хоть об себе скажу: не без труда скопила
Я кое-что. Нет! трем мужьям, трем угодила!
Легко ли вытерпеть от них мне довелось —
При жизни что хлопот! по смерти сколько слез!

(Останавливается от избытка чувств.)

Я, друг мой, кажется, в тебе не обманулась.
По воле божией, когда б ты приглянулась
Любиму нашему и вышла б за него,
Не расточила бы наследства моего.
Да и полюбишься ему ты, вероятно:
Свежа как маков цвет, ведешь себя опрятно,
А франтов нынешних не мудрено прельстить.
Ты по-французскому умеешь говорить?

НАТАША

Умею несколько.

МАВРА САВИШНА

И! верно мастерица.
Им только надобно...

ЯВЛЕНИЕ 5

ВАРВАРА САВИШНА, МАВРА САВИШНА, НАТАША.

МАВРА САВИШНА

Послушай-ка, сестрица!
Вот толк об чем у нас: не правда ли, она
Любиму нашему ведь по всему жена?

ВАРВАРА САВИШНА

Я то же говорю.

МАВРА САВИШНА

Ты говоришь... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этом настою. Как хочет он, Любим,
Я вразумлю его, и, по словам моим,
Он петербургские все шашни позабудет.
Пожалуй-ка, сестра, когда к тебе он будет.
Пришли его ко мне. — А между тем, прощай!
К тебе, признаться, я попала невзначай;
Шла к тетке Звонкиной, с ней перемолвить нужно
Так кой об чем. — Прости!

(Обращаясь к Наташе.)

Ах! жаль, что

недосужно,

А то бы мы с тобой... прошу нас навещать.
Ты говорила мне, что любишь вышивать;
На это мастерство у нас есть заведенье,
Туда свожу тебя, увидишь: загляденье,
Отцу Пафнутию какие ризы шьют!

(Варваре Савишне)

Скажи ж Любимушке, чтоб на себя взял труд,
Заехал бы ко мне. — Быть может, и без брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заране.
Авось!.. не ведает никто, что впереди.
Сестра! без проводов! останься! не ходи!

ПРИТВОРНАЯ НЕВЕРНОСТЬ

Комедия в одном действии в стихах

Действующие лица

Эледина, молодая вдова.

Лиза, сестра ее.

Рославлев.

Ленский.

Блестов.

Комната в доме Элединой.

ЯВЛЕНИЕ I

Ленский, Рославлев.

Ленский

Ну, нет! любить, как ты, на бешенство похоже.

Рославлев

А так любить, как ты, и не любить — всё то же.

Ленский

Кто с Лизою твои все ссоры перечтет?

Рославлев

Зато с ее сестрой ты холоден, как лед.

Ленский

Подумай, как вчера ты с нею обходился.
Ты дулся и молчал, бесился и бранился;
Бог знает из чего, кричал, уж так кричал,
Что я со стороны, куда уйти, не знал.
Как Лиза ни добра, ей это надоело,
Она рассорилась с тобою — и за дело.

Рославлев

Она же ссорится! и я же виноват!
И мне приятели признаться в том велят!
От этих женщин мы чего не переносим?
А кончится одним: что мы прощенья просим.

ЛЕНСКИЙ

При всяком случае готов ты их бранить.
Они несносны? — Да? — Зачем же их любить?
Нет, право, за тебя становится мне стыдно:
Ты знаешь, что прослыть ревнивым незavidно;
А многие куда как резко говорят
И громко...

РОСЛАВЛЕВ

На мой счет?

ЛЕНСКИЙ

На твой.

РОСЛАВЛЕВ

Я очень рад!

ЛЕНСКИЙ

Всем кажется, что ты брюзглив и своенравен,
И нежностью смешон, и ревностью забавен;
А в свете толковать о странностях других
Везде охотники.

РОСЛАВЛЕВ

Кто ж говорит об них?

Прелестницы, с толпой вздыхателей послушных,
И общество мужей, к измене равнодушных,
И те любезники, которых нынче тьма:
Без правил, без стыда, без чувств и без ума,
И в дружбе, и в любви равно непостоянны.
Вот люди!.. И для них мои поступки странны,
Я не похож на них, так чуден всем кажусь.
Да, я пустых людей насмешками горжусь;
А ты б, я чай, хотел, чтоб им я был угодным,
Чтоб также следовал суждениям новомодным
И переделался на их бы образец,
Или на твой — ведь ты таков же наконец!

ЛЕНСКИЙ

Ты хочешь, чтоб и я на женщин ворутился;
Однако ж я пока на это не решился.
Мне с ними весело, им весело со мной.
А сверх того еще, вот веры я какой,
Что в добродетелях нам должно брать уроки
У них. — Мы сами же заводим их в пороки.
Немножко ветрены, неверны иногда, —
Ну что ж?

РОСЛАВЛЕВ

Как иногда! — Всегда, сударь, всегда!

ЛЕНСКИЙ

Всегда, ты говоришь, и нет невиноватых?
Как это мнение приятно для женатых!
А, впрочем, нас с тобой никто не согласит:
Меня вот, например, всё в свете веселит,
А ты не можешь жить без горести и муки.

РОСЛАВЛЕВ

Ты рассудителен! и если бы от скуки
Твоей Элединой понравился другой,
Ты восхищался бы находкою такой.

ЛЕНСКИЙ

А ты как думаешь? мне надо бы терзаться?
Ни день, ни ночь не спать? С любезною расстаться,
И всё-таки потом везде ее следить
И всех бояться?

РОСЛАВЛЕВ

Всех. — Все могут милы быть.

ЛЕНСКИЙ

А пуще, кто умом и прелестями украшен.
Я признаюсь тебе, мне Блестов очень страшен.

РОСЛАВЛЕВ

Шути, а этот франт — я не терплю его!

ЛЕНСКИЙ

И дельно; он собой затмит хоть бы кого.

РОСЛАВЛЕВ

Пустая голова! Что шаг, то принужденье!
А здесь, у двух сестриц, об нем иное мнение.
Вчера же с ними он весь вечер проболтал:
Ты видел... Я сперва совсем не ревновал,
Да Блестовым они так много занимались,
Что нас забыли. — С ним всё время просмеялись.

ЛЕНСКИЙ

Они смеялись и слушали его.
Не равнодушно же смотреть им на того,
Кто в обществах всегда всех женщин забавляет.
И как ты думать мог, что он их завлекает?
Кто ж Блестов? Старый франт! Он слишком в
сорок лет
Везде волочится, прельщает целый свет,
Острится надо всем, а сам всего смешнее;
Не вовсе без ума, и от того глупее;
Охотно в дураки отца бы посвятил,
Лишь бы с улыбкою сказали: как он мил!

РОСЛАВЛЕВ

И несмотря на то, как это мне ни больно,
Я бьюся об заклад, что женщин есть довольно,
Кому он нравится.

ЛЕНСКИЙ

Конечно, для иных

Не без достоинства такой, как он, жених:
Богат и всем родня.

РОСЛАВЛЕВ

(с досадой)

Ну, так они и правы!

ЛЕНСКИЙ

Э, полно! здесь его лишь любят для забавы.

РОСЛАВЛЕВ

Насмешки их над ним — уловки против нас!
Видал насмешниц я, как ладили подчас
С людьми, которые казались им противны.
Да что и говорить? — Мне в женщинах не дивны
Увертки, хитрости, лукавство против всех,
Обманы вечные, притворный плач и смех;
И только одному нельзя не подивиться,
Как люди до сих пор имеют дух жениться!

ЛЕНСКИЙ

Да успокойся.

РОСЛАВЛЕВ

(с сердцем)

Я спокоен.

ЛЕНСКИЙ

Так поди

К своей возлюбленной. — Клянися ей, тверди,
Что ты навек у ней в слепом повиновенье.

РОСЛАВЛЕВ

Я? к ней пойду?

ЛЕНСКИЙ

Да, ты.

РОСЛАВЛЕВ

Хорош! — я в огорченьи, —

А ты... Из дружбы он смеется надо мной.

ЛЕНСКИЙ
(хохочет)

Тебе же в пользу я стараюсь...

РОСЛАВЛЕВ

Бог с тобой!

Вот каковы друзья: — хоть плачь я, хоть бесися,
Он будет хохотать!

ЛЕНСКИЙ
Эй, с Лизой помирися.

Поди! у ног ее ты должен обещать,
Что ей хотя дни два не станешь докучать;
Ну, отправляйся же.

(Рославлев, увидя Блестова,
отворачивается и поспешно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 2

ЛЕНСКИЙ, БЛЁСТОВ.

БЛЁСТОВ

(вслед Рославлеву)

Эк он заторопился!
Я в двери, он бежать, — ушел, не поклонился.
Ах, Ленский, здравствуйте! — Ваш друг не в духе?

ЛЕНСКИЙ

Да.

Престранный человек. Заметьте, что всегда
Он тотчас убежит, где только вас завидит.

БЛЁСТОВ

Скажите мне, за что меня он ненавидит?

ЛЕНСКИЙ

Причина ясная: он вас боится.

БЛЁСТОВ

Что?

Вот вздор!

ЛЕНСКИЙ

Вы женщинам так милы, как никто;
И милы так давно.

БЛЁСТОВ

Зло! очень зло! — Однако,

Кто ж нынче им не мил? без исключения всякой:
Сначала все они как будто далеки,
А после...

ЛЕНСКИЙ

Да, для вас успехи в них легки.
Назвать до дюжины... до сотни можно смело...
Да что и называть? — победы ваше дело.

БЛЁСТОВ

Помилуйте!

ЛЕНСКИЙ

И вот, недалеко искать:
Рославлеву и мне нельзя не ревновать;
У вас с обеими на что-то уж похоже,

БЛЁСТОВ

Вы думаете?

ЛЕНСКИЙ

Да.

БЛЁСТОВ

Вы друг ему?

ЛЕНСКИЙ

Ну, что же?

Блѣстов

Скажите искренно, как поступил бы он,
Когда бы кто ему был Лизой предпочтен?

Ленский

А разве?

Блѣстов

Ничего, — одно предположенье;
Клянусь вам, ничего. — Ну, вот и подозренье!

Ленский

Я и не думал.

Блѣстов

Нет? — Где вам меня провесть! —
(*рассеянно*)

А впрочем, хоть и я пленяю как ни есть,
Хоть Лизе нравиться и нет большого чуда,
Но всё, я вам божусь, что с ней еще покуда
Мы на учтивостях — и более никак.

Ленский

Я верю без божбы.

Блѣстов

(*значительно*)

А если бы не так,
На что б решился он?

Ленский

Он с Лизой бы простился;
А там и с вами бы, конечно, объяснился.

Блѣстов

Стреляться бы он стал? — Стреляться не беда!
Но быть ревнивым? — о! в нем вовсе нет стыда.

Отстаньте от него и будемте друзьями:
Давно заметил я тьму сходства между нами.

Ленский

Я не таков, как он, а вас боюсь; — ужли
Вы баловнем любви невинно прослыли?

Блѣстов

Кто счастлив не бывал? — Но я вам дам присягу,
Что в жизнь для этого не делывал ни шагу.

Ленский

Бесчувственный! и вот пленяете вы чем!

Блѣстов

Ба! — Не пленяется в наш век никто, никем, —
Всё дело прихоти и случая слепого;
А люди есть еще: не скажут вам ни слова,
Чтобы удач своих в любви не приплести.
Признаться, этого я не могу снести!
И как рассказывать о том, что так ничтожно?
С одной я, например, едва поверить можно,
Совсем не думавши, не знаю как успел;
Я даже говорить с ней вовсе не хотел;
И всячески она завлечь меня старалась,
Чтоб только отомстить — и ах! сама попалась.
Другой понравился с таким же я трудом,
Ну, отгадайте, чем? — любезностью, умом?
Нет! — бледностью лица! — Я был жестоко болен.
Зато болезнию потом как был доволен!
Одну имел я связь серьезную, — в нее
Вмешалось несколько достоинство мое;
Вот это было как...

Ленский

Простите, поневоле
Я с вами расстаюсь, — мне здесь нельзя быть боле;

Хозяйки милые так долго никогда
Не заставляли ждать. — Вы остаетесь?..

Блестов

Да.

Ленский

Так дружбу мне свою на деле докажите,
И хоть Эледину, жестокий, пощадите.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Блестов

(один)

Шути, мой друг, острись! — Я, в очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебью;
Да и Рославлев твой порядочной ценою
За неучтивости поплатится со мною,
И дельно. — В дураки попасть им легче всех:
Один всё хмурится, другому же всё смех.
Нет! женщин надо знать, — так знать, как я их
знаю.

Однако ж я и сам неловко поступаю:
К обеим вдруг сестрам я письма написал;
К обеим об любви? — Ну, как в беду попал?
Да что? — Развязка тут не самая ль плохая,
Что от одной отказ, — не та, так всё другая;
Вот дурно, ежели они одна другой
Хвалиться вздумают короткостью со мной?
Да нет! не может быть: они не разболтают,
В любви и женщины, что надобно, скрывают.
А вот они идут! — Однако ж не могу
С обеими теперь быть вместе, — убегу!

ЯВЛЕНИЕ 4

Эледина, Лиза.

Лиза

Как можно целый час смеяться до упада?

Эледина

(хохочет)

Нет сил!

Лиза

Да что с тобой? Скажи, чему ты рада?

Эледина

(хохочет)

Ах, что за милое письмо мне принесли!

Лиза

Письмо?

Эледина

От Блестова. — Как нежно!

Лиза

Неужли!

Он и ко мне писал сегодня же.

Эледина

Забавно!

Да где ж твое письмо? — Дай посмотреть...

Вот славно!

Прочти, пожалуйста: он любит нас равно,
Из слова в слово в них написано одно.
Каков?

Лиза

(прочитав)

Ну что ж, так нам обеим незавидно.

Эледина

Уж Блестов вздумал нас обманывать; обидно!
Нет, баловать его не надо, — и к чему?
Садись, пиши.

Лиза

Зачем?

Эледина

Чтоб отомстить ему.
Повеса в сорок лет! — Ах, друг мой! как счастливо!
Тебе нередко ведь скучает твой ревнивый;
А мой возлюбленный, что б он ни говорил,
Своей холодностью нимало мне не мил;
Твой слишком любит, мой почти любви не знает;
А это нам в мужьях добра не обещает,

Лиза

Ну что же?

Эледина

К Блестову напишешь ты ответ,
Для шутки, так, чтобы он был ни да, ни нет.

Лиза

Как можно?

Эледина

Напиши; ты страх меня обяжешь!

Лиза

А если все потом узнают, что ты скажешь?

Эледина

Пусть знают. Я сама хочу к нему писать,
Вот тут-то он начнет мечтать, мечтать, мечтать,
Знается, — и вдруг глаза ему откроем.

Представь себе, как мы Рославлева расстроим?
Услышит, взбесится, взревнует, а потом,
Как ты сама ему признаешься во всем,
Немного надобно иметь ему рассудка,
Чтобы увериться, что это просто шутка.
Ну, если шалостью исправим мы его?
А мне не сделать уж ревнивым своего,
Так я хочу его заставить рассердиться,
Чтоб он хоть раз узнал, как весело мириться.
Ну, милая, решишь, — пиши; я посиблю.

Лиза

Нет, я не напишу, что я его люблю.

Эледина

Вот, как теперь гляжу, как Блестов будет славить.

Лиза

Ревнивца обмануть?

Эледина

Да, чтоб его исправить;
Теперь же случай есть... Пиши, не будь дитя.

Лиза

Да как?

Эледина

Ах! полно.

Лиза

Я боюсь не шутя.

Эледина

А время между тем уходит. — Ну, скорее!

Лиза

Что будет?

ЭЛЕДИНА

Ничего.

(Лиза садится.)

Вот так, начни смелее.

ЛИЗА

Ах! что я делаю!

ЭЛЕДИНА

Поверь мне, не тужи.

ЛИЗА

Что он подумает?

ЭЛЕДИНА

Пусть думает. — Пиши:

*(Диктует.)**“Не знаю, хорошо ль, что я вам отвечаю...”*

ЛИЗА

Уж как не хорошо, я это очень знаю.

ЭЛЕДИНА

*(продолжая)**“И не решилась бы я долго, — но со мной**“Рославлев, как на зло, несносный стал такой...”*

ЛИЗА

Несносный, что за вздор?

ЭЛЕДИНА

Ну, беспокойный...

ЛИЗА

Точно.

ЭЛЕДИНА

Пиши: *“Он ревностью, как будто бы нарочно,
“Надоедает мне”.*

ЛИЗА

И всё не надоест!

ЭЛЕДИНА

*“Надоедает мне. — Пусть ищет же невест
Потерпеливее; а я не в силах боле
Сносить все странности его; — я век в неволе;
Его мученья...”**(Лиза бросает перо)*

Ну?

ЛИЗА

Помилуй, отчего

Ты рада выдумать всё злое на него?

ЭЛЕДИНА

А не сама ли ты сто раз мне повторяла,
Что даже часто с ним терпение теряла?

ЛИЗА

Какая разница! то было на словах;
А это я пишу к другому.

ЭЛЕДИНА

Дурно страх!

Ну, да пожалуй я смягчу из сожаленья;
Прочти, что у тебя?

ЛИЗА

Сейчас
(Читает.)

“Его мученья...”

ЭЛЕДИНА

*(диктует)**“Так надоemi мне, что, словом, хоть кого
Готова я любить, да только не его...”*

Лиза

Нет! Этого писать я век не соглашуся.

Эледина

Что за ребячество!

Лиза

Ну, право, не решуся.

Эледина

Ты шутишь; — да скажи, чего бояться тут?
Ведь этого письма лишь двое не поймут,
Рославлев с Блестовым, Рославлев как ревнивый,
А Блестов как дурак.

Лиза

(дописавши)

Ответ красноречивый.

Неужли он теперь поверит, что в него
Влюбилась я!

Эледина

Кто? он? Он верил до того.

Как знаю я мужчин! Ах, все без исключения
Какого об себе они большого мнения!
Самолюбивы как! почти не меньше нас!
Давай свое письмо, я отошлю сейчас.
А между тем тебе уж надо притворяться,
Что ты с Рославлевым не хочешь вовсе знать. —
Пусти ж меня.

(Садится.)

Теперь мне очередь писать.
Представь, как будем мы над ними хохотать!
Ах! вдруг троих мужчин помучить так приятно!

Лиза

Что тут приятного, мне, право, не понятно!

ЯВЛЕНИЕ 5

ЛЕНСКИЙ, РОСЛАВЛЕВ, ЭЛЕДИНА, ЛИЗА.

Лиза

Ах! вот они! — Куда всё это нам девать?
Спрячь эти глупости.

Эледина

(нарочно громко)

Вот стану я скрывать;
Ты знаешь, что во всем я скрытность ненавижу.

РОСЛАВЛЕВ

Смотри, что так она прилежно пишет!

ЛЕНСКИЙ

Вижу.

РОСЛАВЛЕВ

(Лизе)

Я ждал вас давеча до половины дня;
Или решились вы бегать от меня?

Лиза

Да, сударь, с вами я все ссоры прекращаю;
Вы не ошиблись; я — вас точно убегаю.

РОСЛАВЛЕВ

Не убежите же: я вас везде найду.
(Лиза перебегает и становится за Элединою.)

Эледина

(в сторону)

Вот любит истинно! а на мою беду,
Мой Ленский самая холодная особа.

(Ленскому)

Ах! да вы здесь. Давно?

ЛЕНСКИЙ

Сейчас вошли мы оба.

Не помешаю ли я вам?

ЭЛЕДИНА

(продолжая писать)

Нет, ничего.

РОСЛАВЛЕВ

Конечно, нечего бояться вам его.

Вы можете при нем всегда писать свободно,

Хоть бы к соперникам его, — к кому угодно;

Он из учтивости не будет вам мешать.

ЭЛЕДИНА

Хоть бы к соперникам его, — почем же знать?

Я точно нежное письмо пишу.

ЛЕНСКИЙ

Прекрасно!

Да я скажу, к кому.

ЭЛЕДИНА

К кому ж?

ЛЕНСКИЙ

Ко мне.

ЭЛЕДИНА

Напрасно.

(В сторону.)

Как можно столько быть уверенным в себе!

ЛЕНСКИЙ

Ах! позавидует весь свет того судьбе,

(показывая на письмо)

Кто нежности от вас такие получает!

Я вижу по глазам, что чувство вам внушает.

(Эледина складывает письмо.)

И будто кончили! не лучше ль продолжать?

Расположения такого долго ждать.

ЭЛЕДИНА

(в сторону)

Смеется? — Если б я в сердцах не рассуждала,

Любовное письмо не в шутку б написала.

(Кличет.)

Кто тут?

(Лакей входит.)

На, вот письмо: поди, отдай тому,

Кому надписано...

ЛЕНСКИЙ

Куда ж идти ему?

Я здесь покамест.

ЭЛЕДИНА

Нет, уж вы домой подите;

Там лучше прочитать.

(Уходит.)

ЛЕНСКИЙ

(с улыбкой)

Вы этого хотите.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

ЛИЗА, РОСЛАВЛЕВ.

(Лиза хочет уйти.)

РОСЛАВЛЕВ

И вы?

ЛИЗА

Позвольте.

РОСЛАВЛЕВ

Нет.

Лиза

Я вздоров не терплю.

Рославлев

Вы сердитесь за то, что я вас так люблю!

Лиза

Всё это лишнее; на что нам объясняться!
Конечно, прежде в вас могла я ошибаться;
Я всё надеялась ваш нрав переменить;
Но больше не хочу игрушкой вашей быть?
Вчера еще...

Рославлев

Вчера... да будьте беспристрастны!
Я жду, вы входите: вы были так прекрасны!
Я видел вас одних; — опять, какой же след
Вам замечать меня, где тьма народу? — нет!
Вы милы! веселы! — для всякого другого;
Со всеми ласковы, со мною — ни полслова.
Вдруг Блестов с значущей улыбкой к вам пристал,
Болтал, болтал, и так собою заслонял,
Что долго я за ним не мог вас видеть после.
Макао начался; вы сели, Блестов возле, —
Меня упрятали покамест за бостон:
Бостон ли на уме! я без того взбешен;
Играю скверно; все другие, что играют,
Кричат и сердятся, бранят меня, ругают;
А вы хохочете — и вы, и ваш чудак.

Лиза

Да не одна я, все смеялись.

Рославлев

Точно так!
Не вы одни, весь свет смеется из пустого.
Зато же сыщете вы где меня другого?

Кто чувствует, как я? Кто нынче есть с душой?
Кто любит истинно?.. Я, право, сам не свой:
Твержу в наш век, чтобы кокетство позабыли,
Хочу, чтоб женщины не женщинами были.

Лиза

Вот оправдание ревнивца! — Признаюсь!
Нет, как хотите вы, я с вами расстаюсь.
Да и чего мне ждать? При вас неосторожно
Ни слова вымолвить, ни замолчать не можно;
Нельзя ни встать, ни сесть, ни выйти, ни войти;
Всему вы толк иной умеете найти.
Письмо читаю я... тотчас уж подозренье;
Танцую ли с другим... и тут вам огорченье;
Получше ли к кому оденусь... всё беда!
Всё виновата я, — и с вами брань всегда;
Хоть с Блестовым когда я говорю учтиво,
Уж слышу там ногой стучат нетерпеливо;
Нет, лучше вовсе бы меня вам не любить.
Вот радость! замужем невольницей мне быть.

Рославлев

Невольницей! — Тогда! — Ах! нет! избави боже,
Чтоб я осмелился...

Лиза

Тогда всё будет то же,
И точно то терпеть я буду, что терплю:
Мы не поладим век.

Рославлев

Зачем я вас люблю?

Без этой глупости я вас бы ненавидел!
Мы не поладим век! — Да, я давно уж видел,
Что есть другой, с кем вы поладите скорей!
Ну, что ж? так я пойду дорогою своей:
Знакомы с Вельской вы? — добра, умна, прекрасна.

Так знайте ж: за меня идти она согласна;
А с нею век могу я счастливо прожить.
И — вы принудите меня ее любить.

Лиза

Извольте ж к ней сейчас отправиться, — подите!

РОСЛАВЛЕВ
(хочет идти)

Я вас послушаюсь, — иду сейчас.
(Воротясь.)

Скажите,

Кто этот счастливый, что вами предпочтен?

Лиза

Зачем вам имя знать его?

РОСЛАВЛЕВ

Затем, что он

Заплатит дорого... да!

Лиза

Что вы? успокойтесь;

Вы что-то страшны.

РОСЛАВЛЕВ
Как?

Лиза

Я вас боюсь...

(Убегает.)

РОСЛАВЛЕВ

Не бойтесь!

Какая мне нужда до вас и до него,
И как его зовут...

ЯВЛЕНИЕ 7

РОСЛАВЛЕВ
(один)

Вот, взбесит хоть кого!

Да и меня ж потом ревнивым называют!

(Ходит взад и вперед.)

Но в самом деле, мне кого предпочитают?

(В это время Блестов показывается.)

Кто знает, может быть, и он соперник мой?

И точно! — нынче он доволен так собой!

ЯВЛЕНИЕ 8

РОСЛАВЛЕВ, БЛЁСТОВ.

БЛЁСТОВ

Вы здесь, Рославлев? — Ну, опять сердит? Скажите:

За что? — Вы влюблены, любимы.

РОСЛАВЛЕВ

Извините!

Вы шутите, а я... я вовсе не шучу.

Да кстати, я давно просить у вас хочу;

Прошу покорно мне сказать чистосердечно,

Как честный человек.

БЛЁСТОВ

Вы спросите, конечно,

Что не намерен ли у вас я перебить?

РОСЛАВЛЕВ

Однажды навсегда прошу мне объявить,

С какими видами так часто, постоянно

Сюда вы ездите?

Блѣстов

С какими? — Очень странно!

Я видов не имел ни на кого отнюдь;
А если...

Рославлев

Их на вас имеет кто-нибудь...

Ну, кто ж?

Блѣстов

Когда б от вас хотели допытаться,

Вы не сказали бы конечно?

Рославлев

Может статься.

Но вы? вы скажете? — не правда ли?

Блѣстов

Бог мой!

Как этак приставать? Вот человек какой!

И даже помолчать он не дает свободы!

Пусть так; вы смущены, я — жалостлив с природы.

Рославлев

Без предисловия.

Блѣстов

Прошу же скромным быть.

(Забавляется вниманием его.)

Однако, этого не должно б говорить.

Рославлев

(с бешенством)

Теперь всё говорят, — ну, говорите ж.

Блѣстов

Милый!

Вы слишком горячи! А если б что и было,

И если даже есть, так вам нет нужды в том;
Ну, понимаете, что вы тут ни при чем.

Рославлев

Ужли Эледина? — Вот это будет ново!

Блѣстов

А что ж?

Рославлев

Вы шутите.

Блѣстов

Да нет.

Рославлев

Честное слово?

Блѣстов

Честное слово. — Вот: всегда бедам чужим
Смеялся Ленский ваш! Ну, смейтесь же над ним.
Я от Элединой давно терплю нападки;
Да, да!

Рославлев

Но, может быть, всё это лишь догадки,
Без основания.

Блѣстов

Одни догадки? Вот!

А если дело-то серьезнее пойдет,
На доказательства... Что? это вас тревожит?

Рославлев

Нет! потому что их и быть у вас не может.

Блѣстов

Не может, точно так. Да как у нас и быть?

(Вынимает бумажник и ищет в нем.)

А если, например, здесь можем мы найти,
Между такими же другими письмецами...

Оно? — Нет, не оно. — А, вот! — прочтите сами.
(Показывает Рославлеву письмо. Тот хочет схватить его,
но Блестов не дает, и Рославлев читает с жадностью.)

Заметьте, что Амур лукавое дитя:
Всё это писано как будто бы шутя;
Всегда ведь женщины с насмешек начинают,
А там привяжутся, а там и обожают,
А там...

(Хохочет.)

Ну, мочи нет, как Ленский мне смешон!
Я рад до крайности, что так обманут он!
Нет, вы — вы смотрите за Лизой осторожно,
Вы очень знаете, что женщине всё можно.

(Хохочет.)

А он без милости уверен был в себе.

РОСЛАВЛЕВ

Что ж? Все мы этой же подвержены судьбе.
Вот, Ленский! наконец слова мои сбылись!
Я говорил тебе...

БЛЁСТОВ

Когда? — как завелися
У нас свидания почаще с нею?

РОСЛАВЛЕВ

(сердито)

Нет!

Гораздо прежде. — Ах! и мне таких же бед
От Лизы можно ждать.

БЛЁСТОВ

Да, да, — я уверяю.

РОСЛАВЛЕВ

Прошу не уверять...

БЛЁСТОВ

(с значущей гримасой)

Нельзя; когда я знаю...

И в том, что к грусти вам причину подает,
Никто участия такого не берет,
Как я... Прощай же.

(Уходя, поет из "Жоконда".)

"В печали, в огорченьи,

Всегда любовники грустят в уединеньи".

ЯВЛЕНИЕ 9

РОСЛАВЛЕВ

(один)

Он весел и поет! он счастлив и любим!
А Ленский между тем смиряйся перед ним!
А с Лизой в ссоре я? — Хоть тем могу я льститься,
Что Лизе вряд ли он успеет полюбиться.
Вот женщины, мой друг! — Что?..

ЯВЛЕНИЕ 10

РОСЛАВЛЕВ, ЛЕНСКИЙ.

РОСЛАВЛЕВ

(увидя Ленского)

А! да вот и он

И что-то невесел!

ЛЕНСКИЙ

(увидя Рославлева)

Опять уж рассержён!

РОСЛАВЛЕВ

(понамочав)

Ну, Ленский, в женщинах ничто мне не понятно!

ЛЕНСКИЙ

Мне тоже, признаюсь.

РОСЛАВЛЕВ

Они... невероятно!

Как хитры, скрытны! — в них обманется хоть кто.

ЛЕНСКИЙ

Как ветрены!

РОСЛАВЛЕВ

(в сторону)

Да он заговорил не то; —

Неужли угадал?

ЛЕНСКИЙ

(в сторону)

Таить немного прока;

Узнает без меня, — а рассказать жестоко.

(Оба сходятся с двух сторон.)

РОСЛАВЛЕВ

(подходя к Ленскому)

С чего бы мне начать?

(Ленскому.)

Послушай, милый мой!

Мы с Лизой разговор имели преживой,

Да с ней не сговоришь: совсем другая стала!

И неуступчива, как сроду не бывала!

Тут что-нибудь да есть. — Так! Бог уж ей судья,

А что душой кривит Эледина твоя.

ЛЕНСКИЙ

Нет! за Эледину, как за себя, ручаюсь;

А в Лизе, виноват, я что-то сомневаюсь;

Однако ж, не сердись, ведь это ни к чему,

Будь рассудителен. — А видно по всему,

Что вряд ли ты любим.

РОСЛАВЛЕВ

Так! обо мне заботы;

А об самом себе подумать нет охоты?

ЛЕНСКИЙ

А что?

РОСЛАВЛЕВ

Не бойсь, — скажи про Лизу, что она

И точно не шутя в кого-то влюблена,

Что пишет к этому кому-то; — это мало,

Что он письмо ее везде, где ни попало,

Показывает всем; и, словом, что ты сам

Письмо ее читал?

ЛЕНСКИЙ

Да по твоим словам

Тебе известно всё, — а я сказать боялся.

Так точно: Блестов здесь со мною повстречался;

И тотчас показал мне, к горю твоему,

Письмо руки ее; и писано к нему.

Теперь, прошу сказать, у женщин что же прочно?

РОСЛАВЛЕВ

Письмо от Лизы?

ЛЕНСКИЙ

Да.

РОСЛАВЛЕВ

Сам видел ты?

ЛЕНСКИЙ

Сам точно...

У Блестова... Его он носит напоказ.

РОСЛАВЛЕВ

Ты сам читал его?

ЛЕНСКИЙ
И перечел не раз;
Я верить не хотел.

РОСЛАВЛЕВ
Возможно ли? Так, стало,
Всё кончено теперь! Всё для меня пропало!
Как глупо вверился и как обманут я!
И кем же? — Решена судьба теперь моя.
Утешимся, мой друг. — Оставим их в покое.
Откажемся навек от женщин, будем двое,
Как братья, жить.

ЛЕНСКИЙ
Оно всё так, я очень рад!
Однако ж, посуди и то, любезный брат,
Что мне моя верна.

РОСЛАВЛЕВ
Верна? — да, дожидайся!
Верна! — Нет, женщинам ты лучше удивляйся,
Твоей, моей и всем! — Все верны, хоть куда!
Да что я? Для тебя не велика беда;
И станешь ли тужить ты об своей потере?

ЛЕНСКИЙ
(очень хладнокровно)
В чем дело, расскажи?

РОСЛАВЛЕВ
Она... По крайней мере,
Ты это заслужил холодностью своей.

ЛЕНСКИЙ
Да что же?

РОСЛАВЛЕВ
Ничего. От верной-то твоей

Показывал письмо мне Блестов, — в оба глаза
Смотрел я и читал, и перечел два раза.

ЛЕНСКИЙ
(особо)
От каждой по письму!
(Ему.)
Как ты сказал? — моя?

РОСЛАВЛЕВ
Писала к Блестову письмо, — сам видел я.

ЛЕНСКИЙ
Ты шутишь?

РОСЛАВЛЕВ
(усиливая голос)
Не шучу.

ЛЕНСКИЙ
Она к нему писала?

РОСЛАВЛЕВ
Да сударь!

ЛЕНСКИЙ
К Блестову??

РОСЛАВЛЕВ
Да, сударь.

ЛЕНСКИЙ
Изъясняла
В письме любовь свою без всякого стыда?

РОСЛАВЛЕВ
Да, сударь, да, сударь, я говорю вам: да!
К чему спрашивать? для вас ведь это малость.

ЛЕНСКИЙ
(в сторону)

Так обе к Блестову они писали? — Шалость!

РОСЛАВЛЕВ

Никак не вслушались, — велите повторить?

ЛЕНСКИЙ
(с улыбкой)

Нет, вслушался, и вас хотел благодарить.

РОСЛАВЛЕВ

Что? женщин я не знал? — “Нам братъ у них уроки?
И только сами мы заводим их в пороки?”
Что? прав ты?

ЛЕНСКИЙ
Может быть.

РОСЛАВЛЕВ

Как? Лиза мне верна?
И в шута, в Блестова, покамест влюблена!

ЛЕНСКИЙ

Я думаю, теперь он должен восхищаться.

РОСЛАВЛЕВ

Вот думает об чем!

ЛЕНСКИЙ

Нельзя ль тебе дождаться?
Я вмиг приду назад.

РОСЛАВЛЕВ

Их надо в стыд привести;
Пойдем.

ЛЕНСКИЙ

Что мне до них? другое дело есть.
(Хочет идти.)

РОСЛАВЛЕВ

(его держит)

Эледина сама, ты помнишь, нам сказала,
Что нежности она к кому-то сочиняла...
Да что? при нас самих записка послана.

ЛЕНСКИЙ

Хоть то в ней хорошо, что искренна она.

РОСЛАВЛЕВ

Как входит в голову такое рассужденье!
Подумай хоть об том, холодное творенье:
Письмо Элединой мне Блестов показал,
Письмо от Лизы он тебе читать давал. —
Неужли позволять над нами так ругаться?

ЛЕНСКИЙ

У всякого свой вкус; он любит забавляться.

РОСЛАВЛЕВ

Ах, Лиза! Ах! на что от Вельской я отстал?
Послушай, ты письмо... проклятое читал,
Не помнишь ли, что в нем? Сказать ты можешь,
смело; —

Уж я не рассержусь.

ЛЕНСКИЙ

Зачем? не к спеху дело;
Мне Блестов обещал их письма выдать в свет.

РОСЛАВЛЕВ

Прощай же, коли так; в тебе надежды нет;
Я Блестова сыщу.
(Хочет идти.)

ЛЕНСКИЙ
(удерживает его)

Постой; какой ты вздорный!
Ну, есть ли из чего шуметь?

РОСЛАВЛЕВ
(хочет уйти)

Слуга покорный!

ЛЕНСКИЙ
(держит его)

Постой; — поверь же мне, что Блёстов не любим.

РОСЛАВЛЕВ
Как?

ЛЕНСКИЙ
Забавляются над нами и над ним.

РОСЛАВЛЕВ
С чего ты взял?

ЛЕНСКИЙ
С того, что я наверно знаю.

РОСЛАВЛЕВ
А письма?

ЛЕНСКИЙ
Их себе я очень объясняю.
Вдруг обе к Блёстову послали два письма?
Нельзя, чтоб обе вдруг сошли они с ума,
Ну, сам ты рассуди.

РОСЛАВЛЕВ
Так точно. — Нет! вернее
Узнать бы. Растворку всё это мне яснее.

ЛЕНСКИЙ
Да всё объяснено. Одна из них скромна,
Другая меньше, но... обманщица ль она?
Ты веришь письмам их, а я их чувствам верю.
Лишь Блёстов сделал тут неважную потерю,
Рассудок потерял, и то не нынче...

РОСЛАВЛЕВ
Так!
Ты жизнь мне возвратил! — Какой же я дурак!
Я сомневаться мог! — Что значит быть ревнивым!
Сто раз уж перед ней я был несправедливым!
Как до сих пор не знать ума ее, души?
Однако ж ведь они и сами хороши:
Сидят и про себя, чай, думают: авось ли
Над легковерьем их мы похочоchem, — после.
Нет! не умели мы их хитрость угадать?
Нет! очередь не нам над ними хохотать?
Тебе обязан я всем, друг мой!
(Обнимает его.)

ЛЕНСКИЙ
И, как другу,
Мне окажи теперь бездельную услугу.

РОСЛАВЛЕВ
(с живостью)
Вели; приказывай; что хочешь ты, чего?

ЛЕНСКИЙ
Дай Блёстову пожить, не вызывай его.

РОСЛАВЛЕВ
Не вызову.

ЛЕНСКИЙ
Ну вот, насилу усмирился.

РОСЛАВЛЕВ

Однако ж если ты судить поторопился?

ЛЕНСКИЙ

Опять за ревность!

РОСЛАВЛЕВ

Нет; да ты подумай сам;
Без доказательства нельзя же верить нам.

ЛЕНСКИЙ

Всё та же песня.

РОСЛАВЛЕВ

Мне хотелось бы покуда...

ЛЕНСКИЙ

Покуда надобно уйти тебе отсюда;
Отчаянного роль я стану здесь играть;
Ты только не мешай.

РОСЛАВЛЕВ

Да надо бы узнать.

ЛЕНСКИЙ

Я всё узнаю,
(почти толкает его)
всё; ну, что же, убирайся.

РОСЛАВЛЕВ

А если...

ЛЕНСКИЙ

Ах, поди!
(толкает его)

РОСЛАВЛЕВ

Смотри, в обман не вдайся.

ЛЕНСКИЙ

(выталкивает)

Да, ну, поди скорей!

(Рославлев тихонько входит опять и, не быв примечен Ленским, прячется через другие двери в кабинет.)

ЯВЛЕНИЕ 11

ЛЕНСКИЙ

(один)

Довольно покричал!
Не мудрено: я сам уж верить начинал,
А Блестову его соперники достались
В поверенные! — Как? все трое мы попались,
Чтобы Эледину и Лизу забавлять?
Пустое! — Не люблю я женщин баловать.
Нет хуже, как прощать насмешки их над нами;
Их поздно в руки брать, как будут нам женами...
Они? я очень рад!

ЯВЛЕНИЕ 12

ЛЕНСКИЙ, ЭЛЕДИНА, ЛИЗА.

ЭЛЕДИНА

(Лизе в глубине комнаты)

Печален! — Неужли

Уж Блестов рассказал?

ЛИЗА

Спроси.

ЭЛЕДИНА

(Ленскому)

Куда вы шли?

ЛЕНСКИЙ

(печально)

Не знаю.

ЭЛЕДИНА

Что за грусть? — Ведь вы смеетесь вечно.

ЛЕНСКИЙ

(ходя взад и вперед)

Когда обманывал кто так бесчеловечно!
Мужчину завести, уверить, уловить,
Дать слово, — и потом, как насмех, изменить.
В досаде этакой от смерти недалеко!

ЭЛЕДИНА

Зачем же от меня так мучиться жестоко?

ЛЕНСКИЙ

(остановясь)

Поступок ваш меня конечно оскорбил;
Однакож не об нем теперь я говорил.
Отчаянный мой друг мне в голове вертится...

(Лизе.)

Представьте, он совсем хотел уж застрелиться...
Всё проклинал: любовь, друзей и целый свет;
Решил, что для него ни в ком надежды нет.
Что в свете всё обман, что женщины все ровно
Лукавы, злы...

ЭЛЕДИНА

(перебивая)

А вы, как должно, хладнокровно,
Утешили его?

ЛЕНСКИЙ

Как тут попали вы.

Я, правда, ждал всего от этой головы;
Он застрелился бы; но выдумкой счастливой
Я спас его.

ЛИЗА

(испугавшись)

Какой?

ЛЕНСКИЙ

Известно, что ревнивый,
В любви обманутый, тотчас на всё готов;
Так убедить его мне стоило двух слов:
Наталью Вельскую вы знаете?

ЭЛЕДИНА

Ну, что же?

ЛЕНСКИЙ

(Лизе)

Так точно; вас она немного помоложе, —
(Элединой.)
Брюнетка! острая! живая!.. Словом, он...

ЭЛЕДИНА

(перебивая и показывая на Лизу)

С досады на нее уж в Вельскую влюблен.

ЛЕНСКИЙ

Вхожу я: в комнате почти не видно света;
Он в горе; на столе лежат два пистолета;
Я начал утешать, он слушать не хотел;
Об Вельской речь зашла...

ЭЛЕДИНА

(перебивая)

И к ней он полетел.

ЛЕНСКИЙ

Нет, я отвез его. — А впрочем, долго бился;
Он спорил, ссорился, но после — согласился.

ЭЛЕДИНА

(в сторону)

Злодей!

ЛИЗА

(в сторону)

Ах!

ЛЕНСКИЙ
(Элединой)

И теперь они в глазах моих!
Представьте в нежности и в восхищенье их!
Не могут говорить, хоть говорить хотели,
Зато с каким огнем друг на друга глядели!

(Лизе.)

А более меня ее пленял восторг!
Скажите! я без слез смотреть на них не мог.

(Элединой.)

И что ж приятнее, как видеть двух счастливых?

(Лизе.)

В желаниях любви, всегда нетерпеливых,
При мне клялись они друг друга обожать;
И... скоро свадьба их.

(Элединой.)

А мне пришлось искать
Такую милую (хоть, правда, это странно),
Чтоб одного меня любила постоянно;
Не то, чтоб Блестову я подражать хотел,
Сегодня двух невест он вдруг сыскать умел.

(Ленский смеется и раскланивается с ними; они с досады на него не смотрят, и он уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 13
Эледина, Лиза.

Эледина

(долго молчит, не смея взглянуть на Лизу; наконец говорит)

Какой же человек! — и я его любила!

Лиза

А я себя, скажи! за что же погубила?
Твоя же выдумка, чтоб письма нам писать!
И подлинно умно, уж нечего сказать! —
Ах! я от этого Рославлева теряю.

РОСЛАВЛЕВ

(выходя из кабинета, в котором он прятался)

Дай их послушаю.

(В этой сцене он несколько раз хочет подойти к Лизе.)

Эледина

Да, я еще не знаю,
Печалиться ли нам? — И есть ли из чего?
Хоть Ленский мой? Скажи, ну где ж любовь его?
Ведь он же не шутя любить меня божился.
А твой? — С отчаянья почти что уж женился.
Они...

Лиза

То сделали, что должно было им,
Что сделала бы я, с терпением моим.
Как? на дурацкие мы письма отвечаем!
Кого же? Блестова мы им предпочитаем.

Эледина

Что ж? Из учтивости должны бы хоть они
Поплакать, пострадать каких-нибудь два дни.
Я видела, как здесь ревнивец твой божился,
Что вмиг бы умер он, когда б тебя лишился.
Зачем же не сдержал он слова своего?

Лиза

Зачем? — Ах, боже мой!

Эледина

Да, это роль его.
Роль Ленского теперь веселым притворяться,
А наша, им назло, ничуть не огорчаться.
Поддержим честь свою и позабудем их.

Лиза

(почти плачет)

Честь? — Разве честь велит обманывать других?

РОСЛАВЛЕВ

(тихо в глубине комнаты)

Прелестна!

(Хочет к ней подойти.)

ЛИЗА

(плачет)

Как любил! Как думал быть счастливым!
Ну вот! ты Ленского не сделала ревнивым,
А я с Рославлевым лишаюсь всего;
Мне даже жаль теперь и ревности его!
Ах! если б слышал он, как я себе пеняю!
Когда бы знал...

ЯВЛЕНИЕ 14

РОСЛАВЛЕВ, ЭЛЕДИНА, ЛИЗА.

РОСЛАВЛЕВ

(с радостью)

Я здесь: всё слышал и всё знаю.

ЛИЗА

Рославлев, это вы?

РОСЛАВЛЕВ

Так я еще любим?

И сказкам обо мне вы верите пустым?

ЭЛЕДИНА

Так вздор он нам сказал про Вельскую Наташу?
Обманщик Ленский!

РОСЛАВЛЕВ

Да, он понял шутку вашу
И отплатить хотел.

ЛИЗА

А вы с ним заодно!

РОСЛАВЛЕВ

Кто?.. я?.. Нет, не совсем... Ведь было мудрено
Не усомниться мне — такой я сумасшедший.
Да что уж толковать о глупости прошедшей?

(Элединой.)

Не ссорьтесь с Ленским; он бесценен! — Без него
Не знал бы никогда я счастья своего.

(Лизе.)

Когда бы удалось услышать мне, как мило
Жалели обо мне? — Как мне приятно было!
За это вы меня решитесь ли простить?

ЛИЗА

Вы сами слышали, так что тут говорить.

РОСЛАВЛЕВ

Ах! сроду никогда я так не восхищался!

ЭЛЕДИНА

(увидя Ленского)

Тс! — тише!

ЯВЛЕНИЕ 15

ЛЕНСКИЙ, РОСЛАВЛЕВ, ЭЛЕДИНА, ЛИЗА.

ЛЕНСКИЙ

(будто ищет кого-то)

Точно здесь. — Что если б догадался
И он помучить их?

(Посмотрев на всех.)

Нет, всё известно...

ЭЛЕДИНА

Да!

Известно всем, что в вас нет совести, стыда;
Всех рады осмеять вы для своей забавы

И непростительно как злы и как лукавы.
Ужасный человек!

ЛЕНСКИЙ

Что ж делать? — виноват!

А вот несносен кто, всё выболтать он рад!
Нет, милый мой, теперь мы сговорились двое;
А если что-нибудь вперед затею злое,
Так, верно, без тебя.

РОСЛАВЛЕВ

(с довальным видом)

Пожалуй.

ЭЛЕДИНА

Боже мой!

Вот извиняется он как передо мной!

ЛЕНСКИЙ

Что ж, хитрость мне моя, — признаться я обязан, —
Не вовсе удалась; довольно я наказан,

(Рославлев целует руку у Лизы; Ленский с тем же подходит к Эледине; она от него отворачивается. В эту минуту является

Блестов и помирает со смеху.)

ЯВЛЕНИЕ 16

Блестов, Эледина, Ленский, Рославлев, Лиза.

БЛЁСТОВ

(в сторону)

Забавны взапуски один перед другим!

(На ухо Эледине.)

Зачем обходитесь вы так жестоко с ним?

Он догадается.

(Эледина смеется.)

Блестов становится между Ленским и Рославлевым.)

(Ленскому.)

Ваш друг в веселом нраве.

Что, если б он узнал? Нет, боже нас избави!

(Ленский смеется.)

(Рославлеву.)

Каков вам кажется ваш Ленский? — право, клад!

Ведь за Эледину он побожиться рад,

Что всё ему верна!

(Все смеются.)

Да кто ж над кем смеется?

ЛЕНСКИЙ

Над вами, сударь, все; мне так оно сдается.

(Эледине.)

А чтоб уверился он в торжестве своем,

День нашей свадьбы мы назначимте при нем.

ЭЛЕДИНА

Ты понял мастерски, хитрец, мою науку;

За это за одно мою получишь руку.

ЛЕНСКИЙ

Вы шутки не должны так к сердцу принимать:

Я вас в неверности не смел подозревать,

Хоть Блестов, слова нет, соперник преопасный...

Рославлев ревновал... Ну! он любовник страстный,

А я — почтительный, — тут нет других причин;

И несогласиям конец теперь один.

(Показывая на Блестова.)

За наши ссоры он пусть Богу отвечает.

РОСЛАВЛЕВ

(самым насмешливым тоном)

Вот Блестов разом как двух женщин обольщает!

(Каждый в свою очередь подходит к Блестову

с ироническим поклоном, и потом все уходят.)

А.С. ГРИБОЕДОВ

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Блѣстов

(один)

Красавицы мои! Кто растолкует вас?
Да правда, ведь и мы не лучше в добрый час;
Сегодня любим их, а завтра ненавидим,
(Подумавши.)

Как будут замужем они, — тогда увидим!

Конец

ПРОБА ИНТЕРМЕДИИ

Интермедия в одном действии

Действующие лица

Фёколков

Алегрин

Резвущков

Припрыжкин

Свисталова

Бемольская

Машинист.

Суфлер.

АКТЕРЫ И АКТРИСЫ.

} актеры.

Действие происходит в провинциальном театре.

Театр представляет сцену в беспорядке.

АЛЕГРИН

Поскорее? — Так за дело!
Взяться надлежит с умом!

ФЁКОЛКОВ

В этом затрудненья мало,
Делайте, как ни попало.

Прочие

Хорошо, — да должно знать,
Что мы будем представлять?
Оперу?

ФЁКОЛКОВ

О, нет!

АЛЕГРИН

Балет?

ФЁКОЛКОВ

Нет! Нет!

Припрыжкин

Комедию?

ФЁКОЛКОВ

Интермедью!

Все

(краме его)

Интермедью! — Боже сохрани!
Интермедью! — Нет, уж искони
Солоны достались нам они!
И какая вам охота?
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота!

ФЁКОЛКОВ

Много вас, актеров и актрис.
Батюшки, мне нужен бенефис!
Матушки, мне нужен бенефис!

Прочие актеры и актрисы

Расскажите,
Что хотите
Вы от нас?

ФЁКОЛКОВ

Вот как раз:
В бенефис меня вы не оставьте,
Мне чтоб не попасть впросак,
Публику вы позабавьте
Кое-чем и кое-как.

Прочие

Вам помочь
Мы непрочь.

ФЁКОЛКОВ

Вас, друзья мои, так много, —
Помолчите, ради бога!

Прочие

Правда, много нас числом.
Да какая польза в том?

ФЁКОЛКОВ

Надо, чтоб скорей поспело.

ФЁКОЛКОВ

Неужто, господа, мне быть без бенефису?

АЛЕГРИН

Дайте в свой бенефис что хотите, да только не интермедию.

ВСЕ

(повторяют)

И какая вам охота? —
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота.

ФЁКОЛКОВ

Да, господа, дело праздничное; серьезное надоест, не худо бы затеять какую-нибудь потеху, ярмонку.

РЕЗВУШКОВ

(обращаясь к прочим)

Ну, уж выведемте его из хлопот; делать так делать. Здесь, однако, не Петербург, автора не скоро сыщешь; разве наш Суфлер примется, — человек он грамотный. Ну-тка, батюшка, вылезай из своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вот и случай есть, отличись.

ФЁКОЛКОВ

Вылезай, отец родной, я сам услужу в другое время.

СУФЛЕР

Извольте, располагайте моим умом, моим пером и моим языком.

ВСЕ

(кроме его)

Браво! Фор! —
У суфлера

Всё кипит!

Кто коль скоро
Что проспит,
Не затвердит,
Кто собьется,
Заикнется,
Наш суфлер лишь встрепенется,
И лишь голос он подаст,
Всякий кто во что горазд.

СУФЛЕР

Смейтесь, смейтесь, господа, а без меня иному бы из вас плохо пришлось. Да не о том речь. — Вам нужна новая пьеса. Для сего нужно многое, а самое нужное: декорации, актеры, слова, музыка и танцы... танцы и пляски.

РЕЗВУШКОВ

Верховой, спускай декорацию. Вот тебе лес и вода.

СВИСТАЛОВА

Актеры все налицо, в костюмах и без костюма.

БЕМОЛЬСКАЯ

Слов чем меньше, тем лучше.

АЛЕГРИН

Музыки у нас вволю, выбирай любую.

ПРИПРЫЖКИН

За танцами дело не станет.

ФЁКОЛКОВ

Так, стало, самое нужное есть, стоит только к нему присочинить кое-что.

СУФЛЕР

Это ничего не составляет...

Свисталова

Особливо для суфлера.

Бемольская

Он всякую всячину наизусть знает.

Резвущков

Он весь свой век чужое говорит.

Алегрин

Пусть его крадет, откуда хочет, была бы пиеса готова.

Свисталова

Не беспокойтесь, он на нашу беду, пожалуй, столько сочинит, что нам ввек не выучить.

Суфлеру нашему хвала,
Природа коему дала
Писать охоту и уменье!
Его ж такие сочиненья,
Что сам едва ль он их поймет,
Да и никто не разберет;
А дело всё на лад идет.

Суфлёр

Прошу вас, господа,
Не говорить ни слова!
Вот лес и вот вода, —
Так главное готово,
На завесе река...
Пусть будет же: Ока.
Готово и название,
Благодаря реке:
Пирушка на Оке,
Иль: *За Окой гулянье;*
И песнями начать,
И плясками кончать!

АЛЕГРИН

Что же нам петь?

ПРИПРЫЖКИН

Какие пляски?

СУФЛЕР

Пойте и скачите, сколько душе угодно, только не все вдруг.

ФЁКОЛКОВ

Однако нельзя без пробы.

СУФЛЕР

Ну, так пробуйте. — Г [осподин] певец, выступайте. Что подтверже, то и пойте. А прочих прошу изготавиться для последующего; я же между тем займусь сочинением куплетов, которые пропоет наша певица тогда, как будут готовы. — За дело! скорей! а не то я перестану сочинять.

ВСЕ

Хорошо, хорошо.

Пение и танцы. По окончании Суфлер говорит.

СУФЛЕР

Довольно, довольно. Куплеты готовы! Угодно ли мне сделать честь их пропеть в заключенье?

ФЁКОЛКОВ

Неужли заключенье?

БЕМОЛЬСКАЯ

Что ж вы еще хотите?

(Берет куплеты и поет их.)

КУПЛЕТЫ

Довольно все плясали, пели!
Покуда вам не надоели,

А.С. ГРИБОЕДОВ

Всего умнее разойтись.
Кто хочет, тот пускай сердись,
Над нашей шалостью острись.
А мы не с авторским умишком —
Хоть пошалили, да не слишком.
Притом, кто осуждать нас станет,
Не худо, ежели вспомянет,
Что позабавиться насчет
Кто интермедии идет,
Не много умного он ждет,
И в этой вздору много тоже,
Да всё на прочих не похоже.
На свете же всегда водилось:
Как зрителям что полюбилось
Никто не спросит: как оно —
Бессмысленно, или умно,
Или плачевно, иль смешно?
Лишь только бы новее было;
Всегда что ново, то и мило.

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

Новая опера-водевиль в одном действии

Действующие лица

Пан Чижевский, содержатель почтового двора.
Антося } его дочери.
Лудвися }
Рославлев младший, гусарский офицер.
Юлия, жена его.
Рославлев старший.
Андрей, слуга его.
Вациус, писарж почтовый.
Передовой Рославлева-старшего.
Слуга проезжающих.

Действие происходит в польском местечке в почтовом доме.
Комната: справа от зрителя стол, на нем шнуровые книги, бумага и проч., с левой клавиорды, на стене гитара, в середине открытый вид в цветник.

ЯВЛЕНИЕ 1

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ и ЮЛИЯ (*сидят за столом в цветнике и пьют чай*). АНТОСЯ и ЛУДВИСЯ (*одна за клавирами, а другая с гитарой, и поют*). РОСЛАВЛЕВЫ СЛУГИ (*увязывают чемодан и проч.*).

ПИСАРЖ (*пишет за столом*).

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ (*читает варшавскую газету*).

<Краковяк>

АНТОСЯ и ЛУДВИСЯ
Молодость, как струйка! Молодость, как цвет!
Пробежит украдкой, процветет — и нет!

“Милая Магдуся!”

Янек говорил:

“Злых людей не труся,

Молви: ты мне мил!”

Что ж на то Магдуся

Молвила ему? —

“Сердцем отдаюся

Другу моему!”

Завтра — гость неверный! прошлый гость — вчера!
На любовь и радость нам одна пора!

Слышу ли, как зыбкий

Крадется ручей,

Как на ветке гибкой

Стонет соловей,

В розу ли всмотрюся,

Что цветет на срок,

Вспомнится Магдуся

И ее урок.

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, или ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

Завтра — гость неверный! прошлый гость — вчера!
На любовь и радость нам одна пора!

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ и ЮЛИЯ *входят в комнату*.

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

В дороге чай и песни всегда кстати, но и лошади не лишнее. Мы теперь отдохнули, освежились; отправьте нас скорее, пан почтмистрж!

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

Зараз, яснесовершенно! кони готовы.

ПИСАРЖ

(*между тем показывает ему дорожную и тихо говорит*)

Позвольте только расспросить о имени вашем: мы никак не разберем.

(*Читает.*)

“Следующему из Санкт-Петербурга в Варшаву...”

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

“Гвардии ротмистру Рославлеву”.

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

(*читает про себя*)

“...С будущими...”

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

И слава богу! не только с будущими, но и с настоящим назло всем препятствиям.

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

А, понимаю, понимаю.

Жизнь скучным трактом вам казалась!
Так, взяв любовь в проводники,

Желали вы, чтобы досталась
И радость с легкой вам руки!
Так! к счастью пристани надёжной
Всем мил открытый лист в жене...

Антося

Ах! как хотелось бы и мне
Скорей быть также подорожной.

Пан Чижевский

Любовь и брак!

Рославлев младший

Одно и то же,
Они родные брат с сестрой!

Пан Чижевский

Согласен! но сестра моложе.
Ах, братец — барин пожилой, —
В дороге спутник ненадёжный:
Сестра на вольных навострит,
А брат отстанет и сидит
Один, с законной подорожной.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Передовой старшего Рославлева.

Передовой

Скорее! скорее! восемь лошадей! две мне, а шесть его вы-
сокородию, который скачет по пятам моим.

Пан Чижевский

(читает подорожную)

“Из Варшавы в Санкт-Петербург майору Рославлеву”.

(Отходит к письменному столу.)

Рославлев младший

Вот неожиданный гость! Это брат мой!

Юлия

Куда нам деваться?

Пан Чижевский

Рославлев из Петербурга в Варшаву — Рославлев из Вар-
шавы в Петербург.

Рославлев младший

(отводя его в сторону)

Тс! Ни слова обо мне! нам надо с тобою уговориться, лю-
безный, драгоценный пан почтмистрж.

Передовой

(писаржу)

Пока нельзя ли мне с дороги и на дорогу выпить стакан вина?

Писарж

Хоть два, только вместе со мною.

(Слуга и он уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Рославлев младший, Юлия, пан Чижевский,
Антося и Лудвися.

Юлия

Сделайте одолжение, пан почтмистрж, не давайте лоша-
дей проезжающему!

Пан Чижевский

Да не беспокойтесь! вас не обидим! В лошадях, благодаря
бога, здесь недостатка нет. Моя станция первая по всему
тракту..

Рославлев младший

Верю, но не в том дело! мы и сами останемся здесь, да и его нужно нам задержать.

Пан Чижевский

Змилуйтесь, ясновельможный пане! За кого вы нас принимаете! Я знаю всю важность своей обязанности, облеченный доверенностью правительства, — как пойду против постановлений!..

Рославлев младший

За другими... дорога наезжена.

Пан Чижевский

Что скажут обо мне начальники?

Рославлев младший

Что говорят о других.

Пан Чижевский

Знать ложен толк в вас о почтмистрже польском:
Кривнуть душой нас Бог оборони!
Век не споткнутся в месте скользком
Ни гонор мой, ни лошади мои!
Нет! польских почт историю прочтите
И с норовом почтмистржа в Посполитей
Не сыщите, ручаюсь вам!
Присяга в нас непобедима,
И Нарушевич скажет сам,
Что наша честь ненарушима!

Юлия

Троньтесь хоть тем, что Нарушевич как вам, так и мне земляк, что и я полька...

Рославлев младший

(впуская в руку несколько червонцев)

Да троньтесь хоть этим... За упокой Нарушевича.

Юлия

(снимает с себя цепочку и кольцо и отдает сестрам)

Вот, мои милые, носите это на память обо мне.

Антося

Какая милая цепочка,
Какой пленительный наряд!
И самого маршалка дочка
Такой имеет ли наряд.

Лудвися

Колечко, я тебя в гостинец
Дружку готовлю своему,
А кто дружок?
(надевая кольцо)
Смотри ж, мизинец,
Не проболтайся никому!

Пан Чижевский

Делать нечего! Вы побеждаете мою непреклонность! добрый поляк умеет сострадать ясновельможному ближнему и сам готов страдать за ясновельможную ближнюю. Что ни было бы, а кому вы не прикажете, тому лошадей и не будет.

Кровь польская сказалась в сердце польском!
Не устою на роковой черте!
И, спотыкаясь в месте скользком,
Я падаю, но в ноги красоте!
Я не легко пускаюсь на измену,
Нет, ваших просьб признал и вес и цену,
Вы заглушили ложный стыд,
В мою прокрались вы душу,
И Нарушевич мне простит,
Что клятву раз свою нарушу.

Юлия

Как мы вам благодарны!

А.С. ГРИБОЕДОВ

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

Оно благодарности не стоит!

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

Нет, стоит-то стоит, да не в счете дело.

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

Но растолкуйте мне теперь, зачем вы непременно хотите задержать однофамильца. Тут есть тайна, а я недаром почт-мистрж: много тайн перебивает у меня в руках.

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

Не мало и останется!

ЮЛИЯ

Муж мой всё вам расскажет.

(Сестрам.)

А вы, милые, подите со мною. Надобно нам обдумать и привести в исполнение план нашей комедии на скорую руку.

(Они уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 4

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ и ПАН ЧИЖЕВСКИЙ.

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

Узнайте же, что едущий из Варшавы в Петербург Рославлев — мой родной брат. Лишившись родителя своего в ребячестве, видел я в брате другого отца; выросши, вижу в нем лучшего своего друга. Долго не имели мы между собою ни тайного поступка, ни тайной мысли; нравы скромности, образ мыслей — всё сближало нас день ото дня более и более. Но вдруг согласие наше разрывается. Я начинаю признавать власть любви: он, любви постоянный данник, как нарочно, отрекается от нее. Я полюбил одну женщину, — он всех женщин возненавидел. Я пишу к нему, что хочу жениться и прошу его согласия, — он отвечает, что

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

если не обещаюсь остаться с ним холостым на всю жизнь, то он отказывается от меня навсегда. — Я женился и еду к нему с женою: он скачет, чтобы помешать нашей свадьбе и докончить лично то, что без успеха начал письменно. Вот наша история.

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

Но каким способом надеетесь вы переупрямить его и довести до согласия?

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

Я сам еще порядочно не знаю, но есть надежда; брат — человек пламенный, и вообще постоянства в любви к женщинам мало, но постоянства в ненависти к ним еще менее.

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

И то правда! Я смолоду и сам не охотник был до женщин, но покойная жена однако же принудила меня обвенчаться с нею. Помнится мне, читал и в Красицком, что богачей и барынь все злословят, и все в них ищут.

Бар и барынь все бранят

Под рукою,

Презирать их каждый рад

За спиною;

Но столкнися с мудрецом

Барин знатный,

Иль красotka брось тайком

Взор приятный:

Вдруг начнет иное петь

Наш Сенека,

Переменится медведь

В человека;

Смотришь, — он, как и другой,

Гибок, тонок,

Мастер кстати делать свой

Падам-до-ног.

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

Стук! коляска подъехала. Прощай, благодетель, и смотри же скромнее и осторожнее.

(Уходит в боковую комнату.)

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

(пересчитывая деньги из руки в руку)

Скромнее и осторожнее!

ЯВЛЕНИЕ 5

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ, РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

(в фуражке и не снимает ее).

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Лошади готовы? Впрягать скорее.

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

Ясновельможный...

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Готовы, я спрашиваю?

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

Ясноосвещенный, извольте взять терпенье.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Терпенье? — Лошадей, я говорю. Где ж мой передовой?

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

Гм! Здесь!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

А лошади?

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

(нерешительно и боязливо)

Будут.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Ну, сейчас, сию минуту!

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

(приободряется и откланивается, не трогаясь и начинает петь, Рославлев с первого стиха зажимает ему рот)

Могу сказать вам о почтмистрже польском...

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

До песней ли мне теперь! Тьфу, какой безмозглый народ! послать ко мне курьера! Сам беги, вели, кричи! Живо! мигом!

(Выталкивает его.)

ЯВЛЕНИЕ 6

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

(один)

Петь хочет! Сумасшедший! Теперь, может быть, у брата на свадьбе поют и пляшут... Странная судьба! Скачу сломя голову, чтобы брата отговорить от дурачества, которое сам хотел было сделать три месяца тому назад; но вы, красавицы, меня вылечили от залетного воображения, от всяких попыток на супружеское счастье, от веры в вашу любовь, — вы, которые никого, кроме себя, не любите. Я долго гонялся по следам вашим, долго; но поумнеть никогда не поздно.

(Берет гитару, прислоняется к фортепьяно, пробует несколько аккордов и напевает куплет.)

<Рондо>

Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам
И на обман не дался вновь.
Из ваших рук довольно пил отраву,
Довольно я, красавицы, страдал;

Моя тоска была вам на забаву,
Смеялись вы, — я слезы проливал, —
Но слез моих вам более не видеть,
Я в школе был и с горя поумнел.
Как я вас обождать умел —
Так вас умею ненавидеть!
Готовьте другим
Оковы и розы,
Обеты, угрозы,
Улыбки и слезы, —
Я стал невредим.
Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам
И на обман не дался вновь.

ЯВЛЕНИЕ 7

Рославлев старший, Антося и Лудвися.

Антося

Ах, как вы приятно поете!

Лудвися

С каким выражением вы арпеджио делаете на гитаре!

Антося

Продолжайте, сударь.

(Рославлев старший бросает гитару.)

Антося

Вы не хотите, чтоб мы вас слышали?

Лудвися

Мы вам помешали?

Антося

Пожалуй, мы уйдем.

Рославлев старший

Уйдите или оставайтесь: мне решительно всё равно.

Антося

Может быть, вам угодно нас послушать?

Рославлев старший

Я терпеть не могу женского голоса!

Антося

Как? Неприятно вам, когда женщины поют?

Рославлев старший

И даже когда говорят!

Лудвися

Это почти что очень неучтиво!

Рославлев старший

Я предупреждаю вас, я ужасный грубиян.

Лудвися

Сестрица, он шутит.

Антося

Вы шутите, сударь, мне кажется: вам наш пол не так противен.

Лудвися

И я тоже думаю, что он вам мил!

Антося

Вы еще, того гляди, здесь влюбитесь.

Рославлев старший

В вас?

Антося

Коли не в нас, так у нас по крайней мере!

А.С. Грибоедов

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

В здешнем городе?

Лудвися

Хоть и в здешнем доме, как узнать?

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Не худо на дорогу.

АНТОСЯ

Ни за что не ручайтесь! кто истинно до женщин неохотник, тот не говорит им этого в глаза и вовсе с ними в разговор не вступает, берет шляпу и уходит.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Именно так, прощайте,

(Кричит при выходе.)

Что ж, готово? Нет еще? Это разбойство! Это неслыханно, что за мешкотня!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Антося, Лудвися, Юлия *(в мужском платье, приделанные бакенбарды, сапоги со шпорами).*

Юлия

Ну, каков наш нелюдим?

АНТОСЯ

Очень забавен!

Чудак он, право, своенравный!

Его ввести не можно в толк:

На разговор он рыбе равный,

А вежлив, как сердитый волк.

На шутки гневом отвечает

И дуется...

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

Лудвися

Нет дива тут:

Предчувствием он, верно, знает,

Что нами будет он надут.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ, пан ЧИЖЕВСКИЙ, писарж, курьер и слуга РОСЛАВЛЕВА.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

(держит пана Чижевского за ворот)

Ты, бездельник! Не может быть, чтобы все лошади были в разгоне.

(Рославлев старший и курьер с одной стороны, Юлия с другой тормозят пана Чижевского.)

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Скорей, скорей

Лошадей, лошадей.

АНТОСЯ и ЛУДВИСЯ

Смелей, смелей

Вы откажите лошадей.

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

Я рад вам дать бы лошадей,

Но с час последня пара вышла.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Как вышла!

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

Есть лошади, да не для вас!

Здесь сверхкомплектных пять у нас;

Из них не ходят две у дышла,

А три не ходят уж никак!

Рославлев старший
Я не терплю докучных врак!
Твоей я спеси поубавлю,
И, если станешь врать пустяк,
Тебя — тебя ходить заставлю!

Антося и Лудвися
Вы забываетесь, никак, —
Наш папенька и сам из шляхты.
Прошу понизить голосок.

Рославлев старший
Мне дела нет до вашей шляхты!
Скачи от Питера до Кяхты,
От Кяхты поскочи в Моздок,
Но верно хуже этой почты
Нигде по трактам не найдешь.

Антося и Лудвися
Как дела нет до нашей шляхты!
Наш герб — подкова и рожок.

Пан Чижевский
Да говорят же вам не ложь!
Всех подорожных не сочтешь!
Коляска скачет за каретой!
За городскою эстафетой
Летит из армии курьер,
Тут подкоморжий за курьером,
Тут арендарж и офицер!
Тут панна вслед за офицером!

Антося и Лудвися
И день и ночь, судите вы,
Мы не выходим из упряжки;
И наши лошади, бедняжки,
И мы — совсем без головы.

Юлия
(вслух)

Несносный упрямец! с ним не стоворишь; я уже моих людей разослал, чтобы как-нибудь на вольных убраться. Представьте с самого утра он меня проводит. То лошадей вовсе нет, а когда сказывают ему, что есть точно, видели их в стойлах, отговоркам конца нет: одна будто бы охромела, другая крива, третья вовсе бессильна, при последнем издыхании, упряжки не в порядке, почтари в разброде! Между тем дочери его оглушают страстными плаксивыми песнями... Верьте мне, он с ними в заговоре. Нас здесь женить хотят.

Рославлев старший
(расхохотавшись)

Какая мысль! а что? может быть.

Тесть любезный, не быть бы тебе...

(Антося и Лудвися, будто обиженные, подходят к нему и, приседая, поют.)

Антося
Нет, это слишком, признаюсь,
И оставаться здесь напрасно.
(Уходит, приседая.)

Лудвися
Я бешеных, сударь, боюсь!
И с вами быть, ей-ей, опасно.
(Также уходит.)

Пан Чижевский
Сердитесь вы наедине,
Но гнев сносить ваш нет мне следу!
(Уходит.)

Рославлев старший
Иль тотчас дайте ехать мне,
Иль всех я вас путем доеду!

А.С. Грибоедов

ЯВЛЕНИЕ 10
Рославлев и Юлия.

Юлия

Успокойтесь! мои люди всё сделают, всё достанут мне и вам. Я рад, что могу служить собрату в равном горе, и через полчаса мы покатаемся каждый по своей дороге, а, может быть, по одной и той же. — Вы куда?

Рославлев старший

В Петербург.

Юлия

А я оттуда.

Рославлев старший

Тамошний житель? Всегда или временно?

Юлия

Я там служу в гусарах.

Рославлев старший

Ах, боже мой, так вы знаете Александра Рославлева, — он в них же служит?

Юлия

Товарищ, друг мой неразлучный, мы с ним живем в одной комнате.

Рославлев старший

Он мой брат родной.

Юлия

Неужели? как счастливо! Следовательно, вы и мне родной, — дайте обнять себя. — А знаете, какую было он глупость сделал? мой друг, ваш братец чуть было не женился.

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

Рославлев старший

Чуть было? стало, миновалась опасность?

Юлия

Совершенно. Он уже вовсе об этом не думает!

Рославлев старший

(в сторону)

Мои письма подействовали.

(Громко.)

Как я рад встрече с вами, и даже прощаю почтовому смотрителю, что задержал меня. Эй! Кто-нибудь!

Антося и Лудвися

(Сестры входят.)

Что вам надобно?

Рославлев старший

Шампанского!

Антося

И! Какие прихоти! в нашем местечке этакое вина не водится. Венгерского, коли угодно?

Рославлев старший

Чего-нибудь! Что душу располагает к веселью! Скорее!

Юлия

Туда, в цветничок.

(Сестры уходят.)

Рославлев старший

Расскажите мне о брате, пожалуйста, всё, что знаете.

Юлия

Представьте себе — в его лета жениться.

Рославлев старший

И на польке, это всего опаснее.

Юлия

Почему же! Я сам поляк.

Рославлев старший

Нет! будьте справедливы, любовь к отечеству в сторону.
Наши кокетки — ученицы перед здешними.

Юлия

Быть так, но братец ваш... ему совсем было голову вскружили, подговорили, заговорили, он уже готов был под венец, но я заклинал именем вашим, не зная вас, и моею дружбою... он образумился; вы видите во мне закоренелого мизогина.

Рославлев старший

Закоренелого! Вы еще очень молоды!

Юлия

Со дня моего рождения тверд, как кремь, и не изменяю моим правилам. Враг отъявленный свадеб и волокитства, томных вздохов и нежных поцелуев. Если бы все женщины какой-нибудь благодетельной чумою исчезли с лица земли...

Рославлев старший

Я бы не охнул.

Юлия

Я также.

Рославлев старший

Я их терпеть не могу!

Юлия

Я их ненавижу.

Рославлев старший

Вечные прихотницы без толку, ни капли здравого смысла, ни шагу без видов, любезны сначала, но под конец докучливы.

Юлия

Самые ничтожные, бесполезные! Дайте мне руку, передадим такие же правила нашим детям.

Рославлев старший

Я надеюсь, что у меня их никогда не будет!

Юлия

Тем лучше, забот меньше.

*(Антося и Лудвися входят
и подносят напитки.)*

Юлия

Стократ счастлив, кто разум свой
Не помрачил еще любовью,
Но век проводит холостой, —
Я выпью за его здоровье.
Поверьте мне, жена для нас
Есть вечное почти мученье.
Женись лишь только — и как раз
Родятся ревность, подозренье.
Ах, то ли дело одному:
Его не мучит неизвестность,
Душе покой, простор уму,
И вечная почти беспечность!
Нрав женщины имеют злой,
Капризны, что не сладишь с ними,
Чтоб избежать судьбы такой,
Останемся мы холостыми!

*(Антося и Лудвися устанавливают поднос с бутылками
в цветнике и уходят.)*

Юлия

Одна есть женщина в свете, которую я люблю по самой родственной связи.

Рославлев старший

Одна уже нашлась; найдутся и более!

Юлия

Нет! двух таких не бывает; она — сердца ангельского, примерной добродетели.

Рославлев старший

О! они все ангелы! все чудесно добродетельны! где же твердость ваша? правила неизменные?

Юлия

Не ошибайтесь. Речь идет об моей сестре. Кроткое, невинное существо, и так же мало заботится об нас, как мы с вами об их. Брат, отец, мать — вот кто ей наполняют душу. Здесь, например, давно ли мы остановились, и то неохотно, она уже отыскала какого-то безгласного, разбитого параличом, дряхлого старика, всеми брошенного, ухаживает за ним, бережет его и благословляет случай, который задержал нас здесь, подавая ей добро творить, между тем как мы с вами от этого случая готовы лопнуть с досады.

(Антося вбегает.)

Антося

Вас сестрица зовет, крайняя нужда.

Юлия

Сейчас.

Антося

(ей на ухо)

Ваш муж что-то по вас беспокоится.

Юлия

Иду, я скоро ворочусь к вам.

ЯВЛЕНИЕ 11

Рославлев старший

(один)

Брат сестру хвалит, видит в ней совершенство! Почтенное чувство! Но кто ручается, что тут нет пристрастия? Однако, он поселил во мне сильное любопытство... Что, кабы попытаться познакомиться с пригожей незнакомкой?.. Пригожею? — это еще неизвестно, но то верно, что между мною и старым паралитиком она бы недолго колебалась. Разумеется, всё бы кончилось шуткою, потому что я отныне впредь и навсегда, благодаря принятому намерению, об женщинах слышать не хочу. Спешить некуда, повеса Александр не женится, что ж — попробуем. И я многим нравился...

(охорашивается перед зеркалом)

конечно не столько, сколько бы хотелось, а пуще всего недолго!

Зачем теперь не вспомнить мне,
Как резво, счастливо и смело
Сердечны шалости одне
Имел за главное я дело.
Я у красавиц был в чести!
Шутил собой, шутил и ими.
Как быть!.. был проведен иными, —
Зато, отмщаясь над другими,
Успел я многих провести.

ЯВЛЕНИЕ 12

Рославлев старший и Юлия *(в женском платье)*

Юлия

Пан почтмистрж, пан почтмистрж!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Это она! прехорошенькая! и как на брата похожа!

Юлия

(между тем бежит к дверям, в цветник и в окно смотрит)

Пан почтмистрж!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Кого вы ищете? кого вам надобно? Хотите, я позову?

Юлия

Здесьний хозяин обещал мне достать шалфея и не идет до сих пор.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Лекарство для вас? чем вы нездоровы?

Юлия

Нет-с, не для меня, здесь больной есть, и опасно больной.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Ближний вашему сердцу?

Юлия

Ах, сударь, помогите ему, — вы, верно, лекарь.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Почему вы это думаете?

Юлия

Вы с таким участием расспрашиваете о болезни и больном.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Признаюсь, на этот раз я в отчаянии, что неискусен в медицине.

Юлия

Так я ошиблась, извините.

(Уходит.)

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Ошиблась, и не любопытствует знать, кто я! В самом деле это редко... Молоденькая, личико миленькое, чувствительное — и не любопытна!

(Юлия возвращается.)

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Нашли, кого искали?

Юлия

(среди комнаты, печально)

Нет-с, нешла.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Позвольте же, я за вас пойду, разведая, отыщу и приведу.

Юлия

Пожалуйста, я вам много обязана буду.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Сию минуту.

(Ворочается.)

Какое в вас небесное добродушие и как непритворно! Как вы для других себя забываете! Клянусь вам... что я не видывал ничего подобного.

Юлия

Перестаньте, сударь!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Вы рассердились?

Юлия

Нет-с, я вам благодарна, я, право, не сержусь, вы мне говорите приятные вещи, только простите мне, они не у места. Вспомните, что ваши услуги, помощь ваша нужна бедному старику, изнеможенному страданиями. Идите, спешите и пуще всего не думайте, чтобы я была сердита.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Бегу, лечу.

(В дверях.)

Не оскорбляется похвалами, а не любит их.

(Ворочается.)

Ах! ах! кстати вспомнил, что со мною есть маленькая до-
рожная аптека, — я вам сейчас принесу ее.

Юлия

Очень кстати! пожалуйста, скорее!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

(ворочается)

Боже мой! Печатное наставление, как употреблять ее, на
английском языке!

Юлия

Я умею по-английски.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

А название составов и способов составления и мера при-
емов по-латыни.

Юлия

Я умею по-латыни.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

А драхмы, унции и их дробь?

Юлия

Вес, как вес, я по необходимости его знаю: матушка це-
лый год была больна; впрочем, это знание так не трудно,
что нечем хвастать. Пожалуйста, пришлите ваш ящик.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Сию минуту.

(В дверях.)

Сколько познаний, и не выказывает их и не дорожит ими!

(Ворочается.)

Я готов не только быть у вас в полном подданстве на услу-
гах, рассыпаться всюду и за всякой всячиной вам в угод-
ность, только...

Юлия

Что вы хотите сказать?

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

(в сторону)

Куда девалась моя дерзость?

(Вслух.)

Не теперь, но когда удастся мне вам сделать угодное, ког-
да вы убедитесь, что и я не без добродушия, не без состра-
дания; осмелюсь ли я просить у вас...

Юлия

Чего? скажите!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Поцеловать вас в знак дружбы.

Восторгов бурных и непрочных
Во мне простыл горячий след,
И поцелуев непорочных
Теперь мне сладостнее нет.
Меня не страсти пыл волнует —
Умел я чувства обуздать,
И вас хочу поцеловать,
Как брат сестру свою целует.

Юлия

На такой поцелуй и я согласна. Идите, сударь, торопитесь,
не теряйте времени... почему мне не поцеловать вас?
Я готова обнять доброго человека, только не мешкайте,
бегите, принесите. Почему не обнять вас за доброе дело!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ
Невинна как ребенок!

(Уходит.)

Юлия
(смотрит вслед ему, потом в окно)
Ушел! Войдите!

ЯВЛЕНИЕ 13

Юлия, Антося и Лудвися *(ведут Юлии мужа, укутанного в виде больного, зонтик на глазах, все лицо почти закрыто полотенцами, жена около его старается, поправляет и любит).*

Антося
Каков, скажите, наш больной?
Больной он нового покроя!

Лудвися
Кто в этой смерти подвижной
Найдет гусарского героя?

Антося
Болезней всех образчик он!

Лудвися
Вот предисловье похорон!

Антося
Слепой, расслабленный, недужный,
Он дышит будто сгоряча...

Лудвися
Но тем болезнь ему с плеча,
Что в ней врачи ему не нужны.

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ
(слабеющим голосом)
Капель, микстуру, сироп! Смотрите на часы, не пора ли принимать?

Юлия
Шалун, ты уже не забудься при любезном братце! Пожалуйста, будь смирен и не подавай ни малейшего знака жизни.

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ
Уговор лучше денег: я не гожусь в параличные; хочешь, лучше напущу на себя белую горячку, выскочу, зарублю, развоююсь, брата в сторону, тебя в другую, сам на стену...

Юлия
Не дурачься, мой милый, ты всё испортишь, а коли тебе непременно движение нужно, видел ты здесь креслицы? Хочешь, я тебя усажу в них и стану прокатывать из комнаты в комнату?

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ
Сажай, вези!

Юлия
Ну, пойдем.
(Уводит его.)

ЯВЛЕНИЕ 14
Антося, Лудвися, Рославлев старший
и пан Чижевский.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ
А, милые, вы здесь, как я рад, что вас вижу!

Антося
(в сторону)

Наш дикарь становится, кажется, обходительнее.

Лудвися

Мы от вас бегали, боялись вам в глаза попасть; вы такие сердитые!

Рославлев старший

А уж вы и приняли за строгую истину мои тогдашние шутки! Как вам не стыдно? а скажите мне, где проезжая дама?

Антося

Она тотчас будет.

Пан Чижевский

У нее нет минуты свободной! всё время посвящено у нее на разумные дела.

Рославлев старший

Да, кажется мне, что вы об ней знаете: известны ль вам обстоятельства ее жизни?

Лудвися

Мы и сами много сказать вам не можем о ней. Всё, что знаем, слушайте!

Она друг сирым и убогим!

Антося

Она благотворит шутя!

Лудвися

Она мудрец рассудком строгим!

Антося

Она невинностью дитя!

Пан Чижевский

Она благое существо,
В ней человеческого мало...

Рославлев старший

Да, в этом женском диве, стало,
Уж женского нет ничего!

Явление 15

Те же и Юлия (в мужском костюме).

Рославлев старший

А! любезный мизогин, откуда? а я без вас сделал здесь приятнейшее знакомство!

Юлия

Поздравляю с доброй вестью: мало-помалу лошади собираются, и мы скоро отправимся.

Рославлев старший

Поздравьте лучше меня с тем, что я видел вашу сестрицу и говорил с ней.

Юлия

Правду сказать, слуга у меня препроворный и в дороге — клад: в минуту избéгал местечко, переколотил всех жи- дов...

Рославлев старший

Как сестрица ваша похожа на вас; но, признаюсь, не сердитесь — черты одни, а миловидности в ней гораздо более.

Юлия

Уступаю охотно! Я право не приревную к ней! Пан Чижевский, посмотрите, верно уже всё изготовлено?

А.С. ГРИБОЕДОВ

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ
Зараз, ясновельможный капитане!
(Уходит.)

Юлия
Что у вас за ларчик? не казна ли ваша?

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ
Нет! но на эту пору дороже всякого сокровища: сестре вашей нужны лекарства, и я принес ей свою дорожную аптеку.

(Хочет идти.)
Нельзя ли мне с вами пойти к ней и отнести?

Юлия
О нет, подождите. Вы знаете, что к молодым барышням и знатным барам входить без доклада не можно; дайте мне предварить ее.

(В сторону.)
Победа наша!
РОСЛАВЛЕВ-СТАРШИЙ отпирает ящик
и осматривает его внутри.

АНТОСЯ
Как любовь бывала лекарь,
Свет уж видывал не раз, —
А теперь она аптекарь:
Часа нет ей без проказ!

ЛУДВИСЯ
Но от нас он не уйдет:
Мы, его подкарауля,
Скажем также в свой черед:
Вот и вам, сударь, пилюля!

(Обе уходят.)

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

ЯВЛЕНИЕ 16

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ
(один)

Однако я с своим ларчиком в ожидании ее прихода очень похож становлюсь на дамского угодника. Было время, и это не так давно, прежде, нежели я отказался от любви навсегда... но, признаюсь, три месяца тому назад встреча с нею могла бы сильно на меня подействовать. Теперь я безопасен, хладнокровен, решился ничего не чувствовать. Но где же она и что так долго медлит? и отчего мне так хочется опять ее видеть? Это ничего не значит: заманчивость, новость, приключение. — Ах! Вот она!

ЯВЛЕНИЕ 17

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ, РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ (в виде больного в тележке), ЮЛИЯ (развозит его по цветнику).

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ
Какие заботы! Как она усердно хлопочет около этого бездушного, недвижимого старика.
(Обращаясь к ней.)
Я принес обещанное и давно жду вас.

ЮЛИЯ
(прибегая к нему из цветника)
Дайте сюда, разберемте вместе, я вам много обязана, я вам очень много благодарна.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ
Я вам во сто раз более... Нынешний день, например, думал ли быть на что-нибудь годным, но вы вдохнули в меня ту же страсть к добру, которая вас одушевляет, и я на всё хорошее способен.

Юлия

Коли так, повозите больного, сударь, я устала, привезите его сюда.

Рославлев старший

О! хоть отсюда до Петербурга на себе, на моих плечах.
(Идет и останавливается, задумавшись.)

Ручаться можно ли за что?
Наш ум — ужасный своенравец;
Давно ль мной было принято
Намеренье — не знать красавиц?
Нельзя ручаться ни за что!
Нельзя ручаться ни за что!

(Бежит в цветник и везет тележку с больным.)

Юлия

(смотря на него)

Чего ж мы с мужем пугались! Он очень послушлив, возит и не жалуется.

Рославлев старший

*(довезши до Юлии, останавливается;
она оттирает аптеку, он поет)*

Ваш лазарет я прикатил;
Пусть опять, коли то надо,
Лишь только бы уверен был,
Что не замедлите наградой!
Что не замедлите наградой!
Лишь только б я вам угодил!
Лишь только б я вам угодил!

Юлия

Лишь только... что вы говорите?

Рославлев старший

Лишь только б я вам угодил. Скажите, что вам нужно, я достаточно имею навык в этих травах, порошках, элексирах, и, может быть, скорее выберу то, что требуется.

Юлия

Какое-нибудь легкое средство к возбуждению испарины.

Рославлев старший

Дайте, примусь за дело.

*(Что-то высыпает, растворяет водою, мешает ложкою
в стакане, между тем продолжает разговор.)*

Давно ли вы посвятили ваши нежные старания этому старику?

Юлия

Недавно.

Рославлев старший

Он вам родственник?

Юлия

Несколько.

Рославлев старший

Нет, от меня не кройтесь, я всё знаю, он вам чужой, совершенно чужой. Вы нынче в первый раз его увидели, здесь нашли нечаянно, и ваши заботы об нем тем более заставляют удивляться.

Юлия

Не дивитесь, это делается не по рассудку, но по быстрому чувству сострадания; оно скоро вспыхнет и скорей того остывает. Завтра, может быть, я не с таким рвением попечусь об этом недужном, и, видите ли, нынешний мой подвиг превратится в ничто. Изведайте постоянство в доб-

рых делах, и тогда только называйте человека добродетельным.

(Между тем отправляет больного.)

Рославлев старший

Как мило она отклоняет от себя всё, что на лесть похоже. Вот раствор, он готов, мне всегда был целебен. Ужасно противен вкусу, но во всяком случае безвреден.

(Подносит Рославлеву младшему, тот фужером машет, что не хочет.)

Юлия

Не понуждайте его, он не хочет, будет время после.

Рославлев старший

Как вам угодно; однако, какая у него здоровая жилистая рука!

Юлия

Это идропическая пухлость, в лице он совершенно иссох.

Рославлев старший

Лицо его слишком увязано, ему душно, я его немного освобожу от этих свивальников.

Юлия

(торопливо удерживая его)

Оборони боже, не делайте того; малейшее неосторожное прикосновение произведет в нем жестокую боль. Один луч дневного света, как острие ножа, глаза ему колет.

Рославлев старший

(отшедши, смотрит на больного издали)

Передвижная мумия, одною ногою уже в гробе, а придет-ся позавидовать жребию подобных ему жалких существ! Для них только вы имеете душу пламенную, все прочие вам чужды.

Когда в вас сердце признает
Права священные несчастья,
Когда к страдальцу вас влечет
Порыв нежнейшего участия, —
Ужель могли б вы не внимать
Души тоскующей взыванью?
Ужель могли б не сострадать
От вас рожденному страданью?
Ах нет! Несчастливей не тот,
Кто бедность получил в наследство,
Недужным помощь подает
Искусства быстрое посредство;
Но нам дано мученье знать,
Где след один есть к упованью,
Где тот лишь может сострадать,
Кто сам виною был страданью.

Будьте искренны, — если бы человек, не старик, не тягчимый болезнями, но добрый, в цвете лет, полюбил вас всем сердцем, преданный во власть вашу безусловно, в вас бы поставил одну свою отраду, цель жизни и всё свое блаженство, неужли бы вы ему в пользу не склонились ниже к малейшей взаимности?

Юлия

Отчего же нет; но, во-первых, он бы не должен быть русским!

Рославлев старший

Не русским? кем же, ради бога!

Юлия

Нас, выезжих из Польши, не любят в вашей России!

Рославлев старший

Напротив: мужчины, мы все боготворим вас.

Юлия

Свет не из одних мужчин составлен, ваши дамы...

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

О! Не думайте об них. Разумеется, вы у нас явитесь, и участь их будет из-за угла вам завидовать! Вы единственны, не бойтесь моих слов, верьте им, дайте им полную веру, они отсюда, из глубины сердца невольно вырвались; но бесполезно вам высказать всё то, что я теперь чувствую!

(Осыпает ее поцелуями.)

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

Он не путем пристаёт!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Больной простонал что-то.

Юлия

Он просится к себе, ему назад пора.

(Юлия идет к больному.)

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Неужели мы расстаемся? О! я за вами всюду! Не правда ли, вы позволите мне за вами следовать?

Юлия

Я вам не запрещаю!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

(отнимает у нее колясочку)

Нет, уж это мое дело; куда мы вместе, я буду возить больного; любовь села на козлы и правит.

(За кулисами слышен хор.)

Любит обновы

Мальчик Эрот!

(В цветнике появляются дочери почтмейстера, писарь, люди графские и сам хозяин. Шумят, поют и пляшут, все бегут навстречу везущему графу.)

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Какая ярмонка! Что вы, с ума сошли?

Юлия

Пусть их тешатся, оставьте их повольничать, пожалуйста, для меня! — У них нынче праздник!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

(уходит с Юлией и увозит больного)

Веселитесь, и я весел.

ЯВЛЕНИЕ 18

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ, ПИСАРЖ, АНТОСЯ, ЛУДВИСЯ,
АНДРЕЙ — слуга Рославлева старшего (и прочие).

Хор

Мазурка краковская

Любит обновы
Мальчик Эрот,
Стрелке перёной,
Знать, не черед, —
Вожжи шелковы
В руки берет,
Плеткой ременной
Хлещет и бьет.

АНДРЕЙ

Эк, барин-та у меня не путем развоzilся!

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

Не он первый, не он последний!

Судьба проказница в насмешку
Дает нам часто напрегай,
Чему ж дивиться, что в тележку
Впряжен твой барин невзначай? (2)
Имея счастье на примете,
Век целый возится народ, (2)
Везде возня на этом свете:
Кто возит, а кому везет! (3)

Антося и Лудвися
Пускай шумиху с возу счастья
Глупец хватает, вздернув нос,
И после с лихвой, в день ненастья,
Он, плача, платит за провоз! (2)
Фортуна нас и на запятки
В свою повозку не берет, (2)
Но и без ней пути нам гладки,
Пока нас молодость везет! (3)

ЯВЛЕНИЕ 19

Те же и РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ
(Андрей между тем заснул на столе).

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Сделайте милость, уплетайтесь куда-нибудь подальше с
вашею веселостью: у меня и без того голова кругом идет!
(Они уходят. Он будит Андрея, который просыпается,
зевая, и потягивается.)
Так и есть, только и умеешь пить и спать без просыпа, а
в промежутках зевать!

АНДРЕЙ

(зевая и шатаясь)

Да помилуйте! Что же другое делать?
Жизнь наша сон...

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Молчать, пьяница! куда девался тот, — как его зовут!..

АНДРЕЙ

Как его зовут?

(Опять принимается петь.)

Жизнь наша сон...

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Дурак! не разевай мне никогда так широко глупого своего
рта.

(Про себя.)

Куда девался брат ее? мне непременно нужно видиться и
объясниться с ним. Пойду, отыщу его.

(Андрею.)

А тебя я знаю, как протрезвить.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 20

АНДРЕЙ

(один)

В песне-то не то сказано, как, бишь, я ее наладил:

Жизнь наша сон! всё песнь одна:

Или ко сну, или со сна!

Одно всё водится издавна:

Родятся люди, люди мрут,

И кое-как пока живут;

Куда как это всё забавно!

Как не зевать? всё — песнь одна:

Или ко сну, или со сна.

Иной зевает от безделья,

Зевают многие от дел,

Иной зевает, что не ел,

Другой зевает, что с похмелья!
Как не зевать *и проч.*

Актер в своей зевает роле,
Зевотой зритель давит свист,
Зевая пишет журналист,
А сускрибент зевает боле!
Как не зевать *и проч.*

Я холост был, зевал без счета,
Подумал завестись домком
И взял жену, чтоб жить вдвоем,
И вдвое забрала зевота!
Как не зевать *и проч.*

ЯВЛЕНИЕ 21

АНДРЕЙ *и* ЮЛИЯ *в мужском платье.*

Юлия
Где твой барин?

АНДРЕЙ
Мой барин... а вот он!

ЯВЛЕНИЕ 22

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ *и* ЮЛИЯ, *потом вся компания.*

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ
(входя, толкает Андрея вон)
Прочь! Ах, любезный, новый знакомец, я вас ждал с невероятным желанием.
(Андрей уходит.)

Юлия
Я пришел проститься с вами.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ
Куда вы? как, уже в дорогу?

Юлия
У нас все готово, идти сестру кликнуть, потом пожать вам дружески руку и скорее отсель во всю конскую мочь.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ
Ваша сестрица... постойте, погодите... у вас сестра — существо необыкновенное!

Юлия
Я вам сказывал.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ
Вы мне ничего не сказали, она свыше всего, что об ней сказать можно!

Юлия
Это для меня очень лестно; однако хорошо, что мы с вами оградились против нежных впечатлений пылких страстей.

Любви туман и сумасбродство
Не посетят меня и вас!
Признавших красоты господство
Мильон страдают и без нас.
Они нас не прельстят собою,
Их красота пред нами дым, —
Мы, дорожа своей душою,
Поклон прелестным отдадим.

Смеюсь я над Амуром смело
И рад уверить целый свет,
Что сердце наше будет цело,
Хоть стрел его опасней нет!
Пускай летает он, где хочет,

Чтобы поранить как-нибудь!
Для нас напрасно он хлопочет —
Ему мы скажем: добрый путь!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Стойте, я ни за что не отвечаю. Добрый путь! Вы великий импровизатор! Я ни за что не ручаюсь, полчаса бывают иногда важнее года в судьбе человека, решают ее на всю жизнь, и самые твердые, неломкие намерения разбиваются вдребезги, как детские игрушки. Прах и дым — всё наше мужество. Еще два слова об вашей сестре!

Неужли никогда в ней кровь
В час мысли не была в волненьи?
Ужель не знает, что любовь,
Что сердца трепет, восхищенье?

Или в невинной простоте
Любовь по слуху только знает,
И в полной блеска красоте,
Как нежна роза, расцветает?

Ах, точно ль для ее души
Еще счастливцев не сыскался,
Который счастья б в тиши
Любви блаженством наслаждался?

Ах! нет, — он, верно, верно, есть,
Напрасно я влекусь мечтами;
Нет, не моей душе процветать:
Любовь, блаженство, радость с вами!

Юлия

Давеча я с первого свидания с вами не мог предаться совершенной искренности. Теперь выведу вас из заблуждения: сердце сестры моей давно уже неравнодушно.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

К кому? как? неравнодушно! и уже давно? Почтмейстер, лошадей!.. во всем обман и неудача! Под каким рожден я несчастным созвездием!

Юлия

Будьте терпеливы, дайте всё до конца открыть вам; но пуше не перебивайте меня ни в одном слове.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Ах, чем вы меня успокоите? Говорите!

Юлия

Не знаю, с чего начать вам рассказ, истинный, но едва вероятный; не знаю, как он на вас подействует, с трудом решаюсь; конечно, судьба этого хотела; мы не даром с вами здесь встретились.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Какое таинственное начало!

Юлия

На пути от Люблина в Краков стоит замок ветхий, брошенный богатыми владельцами; Юлия, девушка им сродни, оставалась дома с пожилою наставницею; здесь она провождала большую часть времени: посещала хижины поселян, пользовала недужных, утешала скорбных. Она сама рано познала сиротство и своею печалию научилась разделять ее вчуже. Так текли годы, наступила пора непреодолимого любопытства, желанья видеть свет; родственники, друзья покойных отца и матери, приглашали ее в Варшаву; она к ним отправилась. Столица королевства закипела тогда новою жизнью: в ней толпилось множество ваших соотечественников. Один из них, по крайней мере для приезжей Юлии, казался заметнее прочих, она его слишком заметила, он был приятен, имел очаро-

вательный голос. Он искусно играл на гитаре, а объяснял-
ся еще лучше.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Ах, боже мой! уж это не я ли?

Юлия
(в сторону)

Вот не самолюбив!

(Громко.)

Вы, конечно.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Продолжайте, продолжайте, да как же я об этом ничего
не знал.

Юлия

И как вам знать! Зачем, однако, вы меня перебили? я про-
сил вас дотерпеть до развязки.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Мог ли я выдержать? Продолжайте ради бога, продолжайте!

Юлия
(в сторону)

Потеряла всю нить, как сведу, сама не знаю.

(Громко.)

Вы тогда кружились в шумных веселостях, могли ли заме-
тить смиренную провинциальную девушку, и которая,
может быть, не смела равняться красотой с вашими зна-
комыми, в обществах старалась отдаляться, боялась быть
отличной? Вы предпочитали тех, которые вперед себя вы-
ставляли, — она была стыдлива, следственно, по-вашему,
робкая невинность вас бы самих обречь заставила. На-
конец, она вас любила, а вы без примечания проходили
мимо той, в чьей груди единственно вами билось сердце
живейшим бескорыстнейшим чувством.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Ах! это самая истина; я только теми и занимался, которые
обманывали меня. — Но почему всё это вам известно, не-
ужели эта Юлия, ангел на земле, сестра ваша?

Юлия

(сбрасывает с себя конфедератку и шинель)

Я сама.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Боже мой! Какое превращение!

Юлия

Вот уже месяц, как я из Варшавы от вас и от самой себя
бежала. Здесь мне понравилось, здесь, где я никому не из-
вестна, старалась припомнить то время, когда душевное
свое спокойствие употребляла на успокоение других. — Ах!
другим хорошо; но мне где найти утешение? Прочих тайн
моих вам, кажется, открывать нечего: я от вашего передо-
вого узнала, что вы сюда будете, схватилась за первый спо-
соб, который мне вообразился, чтобы видеть вас и гово-
рить с вами под чужим именем. Теперь я всё объяснила, что
сердце мое обременяло; прощайте и помните, это был —
последний наш разговор, последнее свидание.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Как! чтоб мне с вами расстаться! едва верю всему, что слы-
шу... иногда в романах начитывал что-то подобное... Я вне
себя, я в восторге; нет, нет, я вас не пушу, сударыня!

Слуга
(входит)

Лошади готовы.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Убирайся! пошел вон! Ах! повторите... мне еще раз об
любви вашей, мною вовсе не заслуженной, и не говорите
о расставаньи.

А.С. ГРИБОЕДОВ

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

(входит)

Ясновельможный...

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Будь проклят, и оставь нас одних!

Юлия

Я вам повторяю: мы более не увидимся. Иначе, какое же вам ручательство, что я не одна из тех кокеток, которые на всё отваживаются для достижения цели?

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Я... чтоб смел приравнять вас...

(Входят жиды-музыканты и гудят какой-то танец.)

Тс! Вот вам деньги; после, после я вас позову, а теперь проваливайтесь сквозь землю!

(Бросает им червонец.)

Нет, прекрасная Юлия, мы теперь соединимся навсегда.

(Юлия старается от него освободиться.)

Он бросается на колени и в таком положении следует за нею до самого цветника.)

Юлия

Или вы поезжайте, или я скроюсь отсюда туда, где никто меня не сыщет.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Нет! нет!

(Антося и Лудвися входят.)

АНТОСЯ

Этакое презрение к нашему полу!

ЛУДВИСЯ

На коленях всю комнату изъездил!

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Оставьте нас; вам будет праздник, только после, идите!

(Рославлев младший, в виде больного, треплет его сзади по плечу.)

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

(вскрикивает)

Что это! больной на ногах! мертвецы воскресают.

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

(сбрасывает с себя одежду)

Узнаешь ли?

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Брат?

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

Как видишь, и вот моя жена, рекомендую!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Какое дьявольское сплетение!

АНТОСЯ

Что, каково свели концы?

Вот с польками быть в ссоре!

ЛУДВИСЯ

Напрашиваясь в мудрецы,

Вы назвались на смех и горе.

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

(кланяясь)

Позвольте ль и мне при том

Сказать, ясновельможный, слово:

Как вас доехали путем, —

И вам в путь ехать всё готово!

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Как я глуп был! о, как я был глуп! Однако, если дался ей в обман на полчаса, любезный брат, тебе эта участь предоставлена на всю жизнь, мужайся.

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

Не беспокойся, я сам хотел, сам и отвечаю. Куда же мы? В Варшаву? или в Петербург?

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

К вам и как можно скорей, с прекрасной Юлией!.. А может быть, имя вымышленное, всё равно: с твоей женой! Знакомиться нам нечего, мы, кажется, довольно подружились.

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

Ясновельможный! позвольте нам позвать наших музыкантов и плясунов, которых вы давеча прогнали? Мы хотим окончить наше веселье.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

Делайте, что хотите, теперь я готов ждать лошадей хоть трое суток!

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

Прекрасно: теперь мы все довольны, виват!

РОСЛАВЛЕВ МЛАДШИЙ

Наши замыслы все шатки,
Наша мудрость всё туман,
Вечно люди будут падки
И к обманам и в обман.
Если ж и с женой моею
Мне обман в участок дан,
То признайтесь, что имею
В ней хорошенький обман.

ЛУДВИСЯ

Бойтесь, — нам твердят из детства, —
Бойтесь вы сердечных ран,
От мужчины ждите бедства, —
Он обманщик и тиран!
Знать обманы — жребий жалкий!
Но влачить девичий сан
Для стареющей весталки —
Вот несноснейший обман!

ПАН ЧИЖЕВСКИЙ

Ян, как брат наш, без талана
Стал спесив, как богдыхан;
Если верить басням Яна,
То с умом и с дёнгой Ян!
Но поверь его заране,
Взвесь и мозг в нем и жупан,
То в болване и кармане
Ты найдешь пустой обман.

АНДРЕЙ

Я в зевалах мастер ловкий,
Я зеваю трезв и пьян;
Но, зевая без сноровки,
Можно вызевать изьян.
Раз на винах и на жлудях
Прозевал я свой карман...
Зазевайся в добрых людях —
И тотчас попал в обман.

РОСЛАВЛЕВ СТАРШИЙ

“Заживо гляжу в потомки!
Я на пир бессмертья зван!”
Вопит Вралькин, так же громкий
И пустой, как барабан.
Счастлив он, пока с ним бродит

А.С. ГРИБОЕДОВ

Самолюбия дурман;
Но вралей одних ли вводит
Самолюбие в обман?

Юлия

(к зрителям)

Хоть невинный и безвредный
Мною выдуман роман,
Но сколь часто — автор бедный
Для ушей чужих тиран!
Вечно горд, самолюбивый,
Всем доволен шарлатан! —
Суд же публики правдивый
Не впадет никак в обман.

Антося

Бедным авторам к успеху
Путь ухабист и песчан,
С публикою не до смеху;
С ней пропал ты или пан!
Что, как скажет зритель едкий,
Мненья общего орган:
“Нас поддели, но напредки
Не заманите в обман!”

*(Входят музыканты — жиды, мазуры, поляки и русские,
и начинается дивертисмент.)*

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОТ АПОЛЛОНА

На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Парнасский весь его народ
Кастальских не вкушает,
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких водах
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

<Ноябрь 1815>

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТР

Comptable de l'ennui, dont sa muse
m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut
qu'on le nomme?

*Gilbert**

Эй! Господа!
Сюда! сюда!

* Беря в расчет скуку, которою его муза меня убивает, спрашивается, зачем он назвал себя, если не хочет быть названным? *Жильбер (фр.)*.

Для деловых людей и праздных
 Есть тьма у нас okazji разных:
 Есть дикий человек, безрукая мадам!
 Взойдите к нам!
 Добро пожаловать, кто барин тороватый,
 Извольте видеть — вот
 Рогатый, нерогатый
 И всякий скот:
 Вот вам Михайло Моськин,
 Вот весь его причет:
 Княгини и
 Княжны,
 Князь Фольгин и
 Князь Блесткин;
 Они хоть не смешны, да сам зато уж он
 Куда смешон!
 Водиться с ним, ей-богу! праздник.
 Вот вам его Проказник.
 Спроказил он неловко — раз упал
 Да и не встал.
 Но автор таковым примером
 Не научен — грешит перед партером,
 Проказит до сих пор:
 Что видит и что слышит,
 Он обо всем исправно вздор
 И говорит и пишет.
 Вот Богатонов вам — особенно он мил,
 Богат чужим добром — все крадет, что находит,
 С Транжирина кафтан стащил,
 Да в нем и ходит.
 А светский тон
 Не только он —
 И вся его беседа
 Переняли у Буйного Соседа.
 Что вы? Неужто по домам?
 Уж надоело вам?
 И кстати ль?

Вот Моськин — Наблюдатель;
 Вот С<ын> О<течества>, с ним вечный состязатель,
 Один напишет вздор,
 Другой на то разбор,
 А разобрать труднее,
 Кто из двоих глупее?..
 Что вы смеетесь, господа?
 Писцу насмешка не беда.
 Он знает многое смешное за собою,
 Да уж давно махнул рукою,
 Махнул пером, отдал сыграть,
 А вы, пожалуй, рассуждайте,
 Махнул пером, отдал в печать,
 А вы читайте.

<16 октября 1817>

КАЛЪЯНЧИ

Путешественник в Персии встречается прекрасного отрока, который подает ему кальян. Странник спрашивает, кто он, откуда. Отрок рассказывает ему свои похождения, объясняет, что он грузин, некогда житель Кахетии.

В каком раю ты, стройный, насажден?
 Какую влагу пил? Какой весной обвеян?
 Эйзедом ли ты светлым порожден,
 Питомец Пери, или Джиннием взлелеян?
 Когда, заботам вверенный твоим,
 Приносишь ты сосуд водовмещальный
 И сквозь него проводишь легкий дым,—
 Воздушной пеною темнеет ток кристальный
 И ропотом манит к забвенью, как ручья
 Гремучего поток в зеленой чаше!
 Чинара трость творит жасминной длань твоя
 И сахарныя трости слаще,

Когда палимого Ширазского листа
Глодают чрез нее мглу алые уста,
Густеет воздух, напоенный
Алоэ запахом и амброй драгоценной!

Когда ж чарующей наружностью своей
Собрание ты осветишь людей, —
Во всех любовь!.. Дервиш отбросил четки,
Примрачный вид на радость обменял:
Не ты ли в нем возжег огонь потухших сил?
Не от твоей ли от походки
Его распрявлены морщины на лице
И заиграла жизнь на бывшем мертвце?
Властитель твой — он стал лишь самозванцем.
Он уловлен стыдливости румянцем,
И кудрей кольцами, по высоте рамен
Влекущихся, связавших душу в плен,
И груди нежной белизною,
И жилоч, шелком свитых, бирюзою,
Твоими взглядами, под свесом темных вежд,
Движеньем уст твоих невинным, миловидным,
Твоей, не скрытою покровами одежд,
Джейрана легкостью и станом пальмовидным.
В каком раю ты, стройный, насажден?
Эдема ль влагу пил, дыханьем роз обвеян?
Скажи: или от Пери ты рожден,
Иль благодатным Джиннием взлелеян?

“На Иоры берегах,
В дальних я рожден пределах,
Где горит огонь в сердцах,
Тверже скал окаменелых;
Рос — едва не из пелен,
Матерью, отцом, безвинный,
В чужу продан, обменен
За сосуд ценинный!
Чужой человек! скажи: ты отец?”

Имел ли ты чадо от милой подруги?
Корысть ли дороже нам с сыном разлуки?
Отвержен ли враном невинный птенец?

Караван с шелками шел,
С ним ага мой. Я, рабочий,
Глаз я долго не отвел
С мест, виднелся где кров отчий;
С кровом он слился небес;
Вечерело. Сном боримы,
Стали станом. Темен лес.
Вкруг огня легли мы.

Курись, огонек! светись, огонек!
Так светит надежда огнем нам горящим!
Пылай ты весельем окрест приседающим,
Покуда спалишь ты последний пенек!

Спал я. Вдруг зывают: “бой!”
В ста местах сверкает зелье;
Сечей, свистом пуль, пальбой
Огласилось все ущелье.
Притаился в глубь межи
Я, и все туда ж влекутся.
Слышно — кинулись в ножи —
Безотвязно бьются!

Затихло смятенье — сече конец.
Вблизи огня брошен был труп, обезглавлен,
На взор его мертвый был взор мой уставлен,
И чья же глава та?.. О, горе!.. Отец!..

Но могучею рукой
Был оторван я от тела.
“Будь он проклят, кровный твой! —
В слух мне клятва загремела. —
Твой отец разбойник был...”

И в бодце, ремнем увитом,
Казнь сулят, чтоб слез не лил
По отце убитом!

Заря занялась. Я в путь увлечен.
Родитель, ударом погибший бесславным,
Лежать остается — он вепрям дубравным,
Орлам плотоядным на снесь обречен!

Вышли мы на широту
Из теснин, где шли доселе,
Всю творенья красоту
В пышной обрели Картвеле.
Вкруг излучистой Куры
Ясным днем страна согрета,
Все рассыпаны цветы
Щедростию лета...”

<До 1822>

ВОСТОК

Из Заволжья, из родного края,
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки переметны,
Долги гривы заплетая;
На конях ретивых посадились,
На отъезд перекрестились,
Выезжали на широкий путь.
Что замолкли? в тишине
Что волнует молодецку грудь?
Мысль о дальней стороне?
Ах, не там ли воздух чудотворный,
Тот Восток и те сады,
Где не тихнет ветерок проворный.
Бьют ключи живой воды;

Рай-весна цветет, не увядает,
Нега, роскошь, пир в лесах,
Солнышко горит, не догорает
На высоких небесах!
Терем злат, а в нем душа-девица,
Красота, княжая дочь;
Блещет взор, как яркая зарница
Раздирает черну ночь;
Если ж кровь ее зажжется,
Если вспыхнет на лице, —
То забудь о матери, отце,
С кем душой она сольется.
Станом гибким, гибкими руками
Друга мила обвивает,
Крепко жмет, румяными устами
Жизнь до капли испытывает!
Путники! от дочери княжой
Отбегите неоглядкой!
Молодые! к стороне чужой
Не влекитесь думой сладкой,
Не мечтайте чародейных снов!
Тех земель неправославных
Дивна прелесть и краса лугов,
Сладки капли роз медвяных,
Злак шелковый, жемчуги в зерне.
Что же видно в стороне?
Столб белеет на степи широкой,
Будто сторож одинокий,
Камень! Он без надписи стоит:
Темная под ним могила,
Сирый им зашельца прах покрыт.
И его любовь манила;
Чаял: “Тут весельем разольюсь,
Дни навеки удолжатся!”
Грешный позабыл святую Русь...
Дни темнеют, вновь зарятся;
Но ему лучом не позлатятся

Из-за утренних паров
 Божьи церкви, град родимый, отчий кров!
 Буйно пожил век, а ныне —
 Мир ему! один лежит в пустыне,
 И никто не искал,
 Не нарезал имени, прозванья
 На отломке диких скал;
 Не творят молитвы, поминанья;
 Персть забвенью предана;
 У одра больного пожилая
 Не корпела мать родная,
 Не рыдала молода жена...

ЮНОСТЬ ВЕЩЕГО

(Куростров. Ищут Михаила. Находят его. Ночь перед отплы-
 тием в дальний путь.)

Орел, едва лишь пухом оперенный,
 Едва в себе почуял дерзость сил,
 Рассек эфир, с размаху воспарил;
 Хор птиц, его явленьем изумленный,
 Неспорный крик ему навстречу шлет.
 Нет! Дерзость тех очей и тот полет
 Не зрит себе ни равных, ни преслушных
 И властвует в селеньях он воздушных.
 Не так между людьми: ах! от пелен
 Томится столько лет ревнитель славы!
 Еще томится возмужалый он,
 Отвержен и не признан, угнетен...
 Судьба! О, как тверды твои уставы!
 Великим — средь Австралии зыбей
 Иль в Севера снегах, везде одно ли
 Присуждено? — Искать желанной доли
 Путем вражды, препятствий и скорбей!
 И тот певец, кому никто не смеет

Вослед ступить из бардов сих времен,
 Пред кем святая Русь благоговееет,
 Он отроком, безвестен и презрен,
 Сын рыбака, чудовищ земноводных
 Ловитвой жил; в пучинах ледяных,
 Душой алкая стран и дел иных,
 Изнемогал в усилиях бесплодных!..

<1823>

ДАВИД

Не славен в братии измлада,
 Юнейший у отца я был,
 Пастух родительского стада;
 И се! внезапно богу сил
 Орган мой создали руки,
 Псалтырь устроили персты.
 О, кто до горней высоты
 Ко господу воскресит звуки?..

Услышал сам господь-творец,
 Шлет ангела; и светлозрачный
 С высот летит на доли злачны,
 Взял от родительских овец,
 Елеем благодати небесной
 Меня помазал.

Что ж сии
 Велики братия мои?
 Кичливы крепостью телесной!
 Но в них дух божий, бога сил,
 Господень дух не предпочил.

Иноплеменнику не с ними,
 Далече страх я отгоня,
 Во сретенье ишел: меня
 Он проклял идолами своими;

Но я мечом над ним взыграл,
Сразил его и обезглавил,
И стыд отечества отъял,
Сынов Израиля прославил.

<1823>

* * *

Крылами порхая, стрелами звеня,
Любовь вопрошала кого-то:
Ах! есть ли что легче на свете меня?
Решите задачу Эрота.

Любовь и любовь, решу я как раз,
Сама себя легче бывает подчас.

Есть песня такая:
Легко себе друга сыскала Аглая
И легче того
Забыла его.

<Декабрь 1823 – январь 1824>

РОМАНС

Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не сведала тоски, томлений нежных?
Еще не знает про любовь?
Ах! точно ли никто, счастливцев, не сыскался,
Ей друг? по сердцу ей? который бы сгорал
В объятиях ее? в них негой упивался,
Роскошествовал и обмирал?..
Нет! Нет! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный: он где-нибудь, он есть.

Любви волшебство! рай! восторги! трепет! – Вами,
Нет! – не моей душе процвествуй.

<Декабрь 1823 – январь 1824>

ЭПИГРАММЫ

* * *

И сочиняют – врут, и переводят – врут!
Зачем же врете вы, о дети? Детям прут!
Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть, – но вы ругаться удалцы!
Студенческая кровь! Казенные бойцы!
Холопы “Вестника Европы”!

<1824?>

* * *

Как распложаются журнальные побранки!
Гласит предание, что Фауст ворожил
Над банкой, полною волшебных, чудных сил –
И вылез черт из банки;
И будто Фаусту вложил
Он первый умысел развратный –
Создать станок книгопечатный.

С тех пор, о мокрые тряпичные листы,
Вы полем сделались журналам для их браней,
Их мыслей нищеты, их скудости познаний!
Уж наложил на вас школярные персты
Михайло Дмитриев с друзьями,
Переплетясь они хвостами,
То в прозе жились над вами,
То усыряют вас водяными стихами.

<1825?>

ОТРЫВОК ИЗ ГЕТЕ

ДИРЕКТОР ТЕАТРА

По дружбе мне вы, господа,
 При случае посильно иногда
 И деятельно помогали;
 Сегодня, милые, нельзя ли
 Воображению дать смелый вам полет?
 Парите вверх и вниз спускайтесь произвольно,
 Чтоб большинство людей осталось мной довольным,
 Которое живет и жить дает.
 Дом зрелища устроен пребогатый,
 И бревняной накат, и пол дощатый,
 И все по зву: один свисток —
 Храм вздымет до небес, раскинется лесок.
 Лишь то беда: ума нам где добиться?
 Смотрите вы на брови знатоков:
 Они — и всякий кто каков —
 Чему-нибудь хотели б удивиться;
 А я испуган, встал в тупик;
 Не то чтобы у нас к хорошему привыкли,
 Да начитались столько книг!
 Всю подноготную проникли!
 Увы!
 И слушают, и ловят все так жадно!
 Чтоб были вещи им новы,
 И складно для ума, и для души отратно.
 Люблю толпящийся народ
 Я — при раздаче лож и кресел;
 Кому терпенье — труден вход,
 Тот получил себе — и весел,
 Но вот ему возврата нет!
 Стеной густеют непроломной,
 Толпа растет, и рокот громный,
 И голоса: билет! билет!
 Как будто их рождает преисподня.

А это чудо кто творит? — Поэт.
 Нельзя ли, милый друг, сегодня?

Поэт

О, не тревожь, не мучь сует картиной.
 Задерни, скрой от глаз народ,
 Толпу, которая пестреющей пучиной
 С собой противувольно нас влечет.
 Туда веди, где под небес равниной
 Поэту радость чистая цветет,
 Где дружба и любовь его к покою
 Обвеют, освежат божественной рукою.
 Ах! часто, что отраду в душу льет,
 Что робко нам уста пролепетали,
 Мечты неспелые... — и вот —
 Их крылья бурного мгновения умчали.
 Едва искупленных трудами многих лет,
 Их в полноте красоты увидит свет.
 Обманчив блеск: он не продлится;
 Но истинный — потомству сохранится.

ВЕСЕЛЬЧАК

Потомству? да; и слышно только то,
 Что духом все парят к потомкам отдаленным;
 Неужто наконец никто
 Не порадеет современным?
 Неужто холодом мертвит, как чародей,
 Присутствие порядочных людей!
 Кто бредит лаврами на сцене и в печати,
 Кому ниспосланы кисть, лира иль резец
 Изгибы обнажать сердец,
 Тот поробееет ли? — Толпа ему и кстати;
 Желает он побольше круг,
 Чтоб действовать на многих вдруг.
 Скорей фантазию, глас скорби безотрадной,

Движенье, пыл страстей, весь хор ее нарядный
 К себе зовите на чердак.
 Дурачеству откройте дверцу,
 Не настежь, вполовину, так,
 Чтоб всякому пришло по сердцу.

ДИРЕКТОР

Побольше действия! — Что зрителей манит?
 Им видеть хочется — ну, живо
 Представить им дела на вид!
 Как хочешь, жар души излей красноречиво;
 Иной уловкою успех себе упрочь;
 Побольше действия, сплетений и развитий!
 Лишь силой можно силу превозмочь,
 Число людей — числом событий.
 Где приключений тьма — никто не перечтет,
 На каждого по несколько придется;
 Народ доволен разойдется,
 И всякий что-нибудь с собою понесет.
 Слияние частей измучит вас смертельно;
 Давайте нам подробности отдельно.
 Что целое? какая прибыль вам?
 И ваше целое вниманье в ком пробудит?
 Его расхитят по долям,
 И публика по мелочи осудит.

ПОЭТ

Ах! это ли иметь художнику в виду!
 Обречь себя в веках укорам и стыду! —
 Не чувствует, как душу мне терзает.

ДИРЕКТОР

Размыслите вы сами наперед:
 Кто сильно потрясти людей желает,
 Способнее оружие изберет;

Но время ваши призраки развеять,
 О гордые искатели молвы!
 Опомнитесь! — кому творите вы?
 Влечется к нам иной, чтоб скуку порассеять,
 И скука вместе с ним ввалилась — дремлет он;
 Другой явился — отягчен
 Парами пенистых бокалов;
 Иной небрежный ловит стих —
 Сотрудник глупых он журналов.
 На святочные игры их
 Чистейшее желанье окривляет,
 Невежество им зренье затемняет,
 И на устах бездушия печать;
 Красавицы под бременем уборов
 Тишком желают расточать
 Обман улыбки, негу взоров.
 Что возмечтали вы на вашей высоте?
 Смотрите им в лицо! — вот те
 Окаменевшие толпы живым утесом;
 Здесь озираются во мраке подлецы,
 Чтоб слово подстеречь и погубить доносом;
 Там мыслят дань обрести картежные ловцы;
 Тот буйно ночь провести в объятиях бесчестных;
 И для кого хотите вы, слепцы,
 Вымучивать внушенья Муз прелестных!
 Побольше пестроты, побольше новизны —
 Вот правило, и непреложно.
 Легко мы всем изумлены,
 Но угодить на нас не можно.
 Что? гордости порыв утих?
 Рассудок превозмог..

ПОЭТ

Нет! нет! — негодование.
 Поди ищи служников других.
 Тебе ль отдам святейшее стяжанье,
 Свободу — в жертву прихотей твоих?

Чем равны небожителям поэты?
 Что силой неудержною влечет
 К их жребию сердца и все обеты,
 Стихии все во власть им предает?
 Не сладкозвучие ль? — которое теснится
 Из их груди, вливает ту любовь,
 И к ним она, отзывная, стремится
 И в них восторг рождает вновь и вновь.
 Когда природой равнодушно
 Крутится длинновьющаяся прядь,
 Кому она так делится послушно?
 Когда созданыя все — слаба их мысль обнять —
 Одни другим звучат противугласно,
 Кто соединяет их в приятный слуху гром
 Так величаво! так прекрасно!
 И кто виновник их потом
 Спокойного и пышного теченья?
 Кто стройно размеряет их движенья
 И бури, вопли, крик страстей
 Меняет вдруг на дивные аккорды?
 Кем славны имена и памятники тверды?
 Превыше всех земных и суетных частей,
 Из бранных листвиев кто чудно соплетает
 С веками более нетленно и свежей
 То знаменье величия мужей,
 Которым он их чёла украшает?
 Пред чьей возлюбленной весна не увядает?
 Цветы роскошные родит пред нею перст
 Того, кто спутник ей отрад, любви стезею;
 По смерти им Олимп отверст
 И невечернею венчается зарею.
 Кто не коснел в бездействии немом,
 Но в гимн единый слил красу небес с зарею?
 Ты постигаешь ли умом
 Создавшего миры и лета?
 Его престол — душа Поэта.

<1824>

ТЕЛЕШОВОЙ

В балете "Руслан и Людмила",
 где она является оболщать витязя

О, кто она? — Любовь, Харита,
 Иль Пери, для страны иной
 Эдем покинула родной,
 Тончайшим облаком обвита?
 И вдруг — как ветер ее полет!
 Звездой рассыплется, мгновенно
 Блеснет, исчезнет, воздух вьет
 Стопою, свыше окриленной...
 Не так ли наш лелеет дух
 Отрадное во сне виденье,
 Когда задремлет взор и слух,
 Но бодро в нас воображенье! —
 Улыбка внятная без слов,
 Небрежно спущенный покров,
 Как будто влаги облиянье;
 Прерывно персей волнованье,
 И томной думы полон взор:
 Созданье выпренного мира
 Скользит, как по зыбьм эфира
 Несется легкий метеор.
 Зачем манишь рукою нежной?
 Зачем влечешь из дальних стран
 Пришельца в плен твой неизбежный,
 К страданью неисцельных ран?
 Уже не тверды заклиняем
 Броня, и щит его, и шлем;
 Не истомляй его желаньем,
 Не сожигай его огнем
 В лице, в груди горячей страсти
 И негой распаленных чувств!
 Ах, этих игр, утех искусств
 Один ли не признает власти!
 Изнеможенный он в борьбе,

До капли в душу влил отраву,
 Себя, и честь, и долг, и славу —
 Все в жертву он отдал тебе.
 Но сердце! Кто твой восхищенный
 Внушает отзыв? для кого
 Порыв восторга твоего,
 Звучанье лиры оживленной?
 Властительницы южных стран,
 Чье царство — роз и пальм обитель,
 Которым Эльф-обворожитель
 В спутники природой дан,
 О, нимфы, девы легкокрылы!
 Здесь жаждут прелестей иных:
 Рабы корыстных польз унылы,
 И безрассветны души их.
 Певцу красавиц что в награду?
 Пожнет он скуку и досаду,
 Роптаньем струн не пробудив
 Любви в пустыне сей печальной,
 Где сном покрыто лоно нив
 И небо ризой погребальной.

<Декабрь 1824>

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЕ

1

Окопайтесь рвами, рвами,
 Отрадите смерть и плен —
 Блеском ружей, твержей стен!
 Как ни крепки вы стенами,
 Мы над вами, мы над вами,
 Будто быстрые орлы
 Над челом крутой скалы.

2

Мрак за нас ночей безлунных,
 Шум потока, выси гор,

Дождь и мгла, и вихрей спор.
 На угон коней табунных,
 На овец золоторунных,
 Где витают вепрь и волк,
 Наш залег отважный полк.

3

Живы в нас отцов обряды,
 Кровь их буйная жива.
 Та же в небе синева!
 Те же лдяные громады,
 Те же с ревом водопады,
 Та же дикость, красота
 По ущельям разлита!

4

Наши — камни, наши — кручи!
 Русь! зачем воюешь ты
 Вековые высоты?
 Досягнешь ли? — Вон над тучей —
 Двувершинный и могучий
 Режется из облаков
 Над главой твоих полков.

5

Пар из бездны отдаленной
 Вьется по его плечам,
 Вот невидим он очам!..
 Той же тканию свиенной,
 Так же скрыты мы мгновенно,
 Вмиг явились, мигом нет,
 Выстрел, два, и сгинул след.

6

Двиньтесь узкою тропкою!
 Не в краю вы сел и нив.
 Здесь стремнина, там обрыв,
 Тут утес — берите с бою.
 Камень, сорванный стопою,

Вглубь летит, разбитый в прах,
Риньтесь с ним, откиньте страх!

7

Ждем. — Готовы к новой сече...
Но и слух о них исчез!..
Загорайся, древний лес!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядем в дружном вече
И по ряду, дележом
Делим взятое ножом.

8

Доли лучшие отложим
Нашим панцирным князьям
И джигитам, узденям
Юных пленниц приумножим.
И кадиям, людям божьим,
Красных отроков дадим
(Верой стан наш невредим).

9

Узникам удел обычный,
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы — жребий им приличный
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома — цепи! вчуже — плен!

10

Делим женам ожерелье.
Вот обломки хрусталя!
Пьем бузу! Стони, земля!
Кликом огласись, ущелье!
Падшим мир, живым веселье.

Раз еще увидел взор
Вольный край родимых гор!

*Каменный мост на Малке
Октябрь 1825*

* * *

По духу времени и вкусу
Я ненавидел слово “раб”:
Меня позвали в Главный штаб
И потянули к Иисусу.

<1826>

А. О<ДОЕВСКОМУ>

Я дружбу пел... когда струнам касался,
Твой гений над главой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя любил,
И призывал, и о тебе терзался!..
О, мой творец! Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла?..

<ОСВОБОЖДЕННЫЙ>

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах собирают дань
Пурпурного винограда,
Свѣтло светит луч дневной,

Рано ищут, любят друга...
 Ты знаком ли с той страной,
 Где земля не знает плуга,
 Вечно юная бестит
 Пышно яркими цветами
 И садителя дарит
 Золотистыми плодами?..
 Странник, знаешь ли любовь —
 Не подругу снам покойным,
 Страшную под небом знойным?
 Как пылает ею кровь?
 Ей живут и ею дышат,
 Страждут и падают в боях
 С ней в душе и на устах.
 Так самумы с юга пышат,
 Раскаляют степь...
 Что́ судьба, разлука, смерть!..

* * *

Луг шелко́вый, мирный лес!
 Сквозь колеблемые своды
 Ясная лазурь небес!
 Тихо плещущие воды!
 Мне ль возвращены назад
 Все очарованья ваши?
 Снова ль черпаю из чаши
 Нескудеющих отрад?
 Будто сладостно-душистой
 В воздух пролилась струя;
 Снова упиваюсь я
 Вольностью и негой чистой.
 Но где друг?.. но я один!..
 Но давно ль, как привиденье,
 Предстоял очам моим
 Вестник зла? Я мчался с ним
 В дальний край на заточенье.

Окрест дикие места,
 Снег пушился под ногами,
 Горем скованы уста,
 Руки тяжкими цепями.

<1826>

ДОМОВОЙ

Детушки матушке жаловались,
 Спать ложиться закаивались:
 Больно тревожит нас дед-непосед,
 Зла творит много и множество бед,
 Ступней топочет, столами ворочит,
 Душит, навалится, щиплет, щекочет.

ПРОСТИ, ОТЕЧЕСТВО!

Не наслажденье жизни цель,
 Не утешенье наша жизнь.
 О! не обманывайся, сердце.
 О! призраки, не увлекайте!..
 Нас цепь угрюмых должностей
 Опутывает неразрывно.
 Когда же в уголок проник
 Свет счастья на единый миг,
 Как неожиданно! как дивно! —

Мы молоды и верим в рай —
 И гонимся и вслед и вдаль
 За слабо брезжущим виденьем.
 Постой же! нет его! угасло! —
 Обмануты, утомлены.
 И что ж с тех пор? — Мы мудры стали,
 Ногой отмерили пять стоп,

А.С. ГРИБОЕДОВ

Соорудили темный гроб
И в нем живых себя заклали.

Премудрость! вот урок ее:
Чужих законов несть ярмо,
Свободу схоронить в могилу
И веру в собственную силу,
В отвагу, дружбу, честь, любовь!!! —
Займемся болью стародавней,
Как люди весело шли в бой,
Когда пленяло их собой
Что так обманчиво и славно!

ДУША

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что за чудное виденье!
Надзвездный дом,
Зари кругом,
Рождало мир мое веленье!
И вот от сна
Привлечена
К земле ветшающей и тесной.
Где рой подруг,
Тьма резвых слуг?
О, хор воздушный и прелестный!
Нет, поживу
И наяву
Я лучшей жизнью, беспечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Где надышусь свободой вечной!

СТАТЬИ

ПИСЬМО ИЗ БРЕСТА ЛИТОВСКОГО
К ИЗДАТЕЛЮ <“ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ”>

Июня 26-го дня 1814 г. Брест.

Позвольте доставить вам некоторое сведение о празднике, который давали командующему кавалерийскими резервами, генералу Кологривову, его офицеры. Издатель “Вестника Европы” должен в нем принять участие; ибо ручаюсь, что в Европе не много начальников, которых столько любят, сколько здешние кавалеристы своего.

Поводом к празднеству было награждение, полученное генералом Кологривовым: ему пожалован орден святого Владимира I степени. Неподражаемый государь наш на высочайшей степени славы, среди торжества своего в Париже, среди восторгов удивленного света, среди бесчисленных и беспримерных трофеев, помнит о ревностных, достойных чиновниках и щедро их награждает. При первом объявлении о монаршей милости любимому начальнику приближенные генерала условились торжествовать радостное происшествие и назначили на то день 22 июня. День был прекрасный, утро, смею сказать, пиитическое.

Так день желанный воссиял,
И к генералу строй предстал
Пиитов всякого сословья;
Один стихи ему кладет

В карман, другой под изголовье;
 А он — о доброта! какой примеров нет —
 Все оды принимает,
 Читает их и не зевает. —

Нет; он был тронут до глубины сердца и, подобно всем, дивился, сколько стихотворцев образовала искренняя радость. Вот приглашение, которое он получил ото всего дежурства:

Вождь, избранный царем
 К трудам, Отечеству полезным!
 Се новым грудь твою лучом
 Монарх наш озаряет звездным.
 Державный сей герой,
 Смирив крамолу
 И меч склоняя долу,
 Являет благость над тобой,
 Воспомянув твои заслуги неисчетны:
 Тогда как разрушал он замыслы наветны
 И ты перуны закаляя,
 От коих мир весь трепетал;
 Тобою внушены кентавры,
 Что ныне пожинали лавры
 И в вихре смерть несли врагам.
 Царь помнит то — и радость нам!
 Скорее осушим, друзья, заздравны чаши!
 А ты приди, узри, вкуси веселья наши
 Меж окружающих сподвижников твоих,
 Не подчиненных зри — друзей, сынов родных.
 В кругу приверженцев, в кругу необозримом,
 Ты радость обретешь в сердцах,
 Во взорах, на устах,
 Блаженно славным быть, блаженней быть любимым!

Все это происходило в версте от Бреста, на даче, где генерал имеет обыкновенное пребывание. Множество офицерства явилось с поздравлениями; потом поехали

на место, где давали праздник, — одни, чтобы посмотреть, другие, чтоб закончить нужные приготовления.

Есть в Буге остров одинокой;
 Его восточный мыс
 Горою над рекой навис,
 Заглох в траве высокой
 (Преданья глас такой,
 Что взрыты нашими отцами
 Окопы, видные там нынешней порой;
 Преданье кажется мне сказкой, между нами,
 Хоть верю набожно я древности седой;
 Нет, для окопов сих отцы не знали места,
 Сражались, били, шли вперед,
 А впрочем, летописи Бреста
 Пусть <Каченовский>* разберет);
 Усадьбы, города, и селы,
 И возвышенности, и доли
 С горы рисуются округ,
 И стелется внизу меж вод прекрасный луг.
 На сем избранном месте,
 При первой ликованья вести,
 Подъялись сотни рук;
 Секир и заступов везде был слышен стук.
 Едва ль румянила два раза свод небесный
 Аврора утренней порой —
 Все восприяло вид иной,
 Вид новый, вид прелестный,
 Творенье феиной руки.
 Где были насыпи — пестрелись цветники,
 А где темнелись кущи —
 Явились просеки, к веселию ведущи,

* В первопечатном тексте вместо фамилии стоит многоточие, к которому относится следующее примечание издателя "Вестника Европы": "Мы выпустили здесь нечто, не хотел оскорбить одного собрата нашего журналиста. Издатель".

К красивым убранным шатрам,
 Раскинутым небрежно по холмам.
 В середине их, на возвышеньях,
 Стояли светлые чертоги угощенья;
 Из окон виден их
 В лугу разбитый стан для воинов простых.
 На теме острова был к небу флаг возвышен,
 Чтоб знак веселия узреть со всех сторон,
 И жерлов ряд постановлѣн,
 Чтоб радости отзыв везде был слышен.
 На скате ж, где приступен вал,
 Один лишь вход удобный,
 И город где являл
 Картине вид подобный,
 Воздвигнули врата искусною рукой
 Из копий, связанных цветами,
 И укрепили их в полкруге над столпами,
 Унизанными осокѣй.
 Любовь врата соорудила;
 Сама природа убрала;
 Подзорами оружие снабдило;
 Потом веселость в них вошла.

В три часа пополудни все приглашенные на праздник офицеры съехались; все с нетерпением ожидали прибытия генерала. Наконец вздернутый кверху флаг и пушечные залпы возвестили приближение его. Он ехал верхом, сопровождаемый более 50 офицеров. Мне было весьма хотелось описать вам в стихах блеск сего шествия, блеск воинских нарядов; к несчастью, никак не мог прибрать рифмы для лядунок и киверов; итак, пусть будет это в прозе. Но то, чего не в силах выразить никакая поэзия, была встреча генерала на мосту, нарочно для сего дня наведенном, где он, при громе пушек и нескольких оркестров, при радостных восклицаниях, с восторгом был принят военными хозяевами и гостями. Слезы душевного удовольствия полились из глаз его и всех предстоящих. Он несколько времени стоял безмолвен, удив-

лен, обрадован, растроган, потом взошел или, лучше сказать, внесен был окружающею толпою в триумфальные врата.

Сей вход отличиям условным был рубѣж;
 Но случай подшутил, и что ж? —
 Кто чином высшим украшался,
 И доблестями тот отличней всех являлся. —

Взошед в галерею, он был еще приветствуем стихами; но я их здесь не помешу оттого, что не спросился у кавалериста — сочинителя. Потом генерал пошел на возвышение и несколько времени восхищался редкими живописными видами. — На валу шатры, кои белелись между березками; у подошвы горы луг, где разбит был лагерь; река Буг, обтекающая все место празднества; местечко Тересполь и другие селения в отдаленности; толпа народа на мостах и на берегу, взирающего с удивлением на пышный, невиданный им праздник, — все пленяло взор наблюдателя, все приводило в изумление. Вдруг запели на сей случай сочиненную солдатскую песнь, и разгласилось на лугу троекратно ура! После чего все были созваны к обеду: столы в галерее и в палатках были накрыты на 300 кувертов.

Уж запахом к себе манили яства,
 Литавры грянули! — и новые приятства,
 Обед сближает всех,
 С ним водворяется в собранье сто утех,
 Веселость, откровенность,
 Любезность, острота, приязнь, непринужденность —
 И, словом вам сказать,
 Все радости соплись нас угощать.
 Когда ж при трубах, барабанах
 Заискрилось шампанское в стаканах,
 Венгерское густое полилось,
 Бургонское зарделось, —
 У всякого лицо от нектара краснелось;
 Но стихотворец тут перо свое хоть брось.

Признаться, моя логика велит лучше пить вино, чем описывать, как пьют, и кажется, что она хоть гусарская, но справедливая. Не буду также вам говорить о различных сластях и пышностях стола, который, само собою разумеется, был весьма великолепен; 300 человек генералов, штаб и обер-офицеров были угощены нельзя лучше, нельзя роскошнее, нельзя веселее.

И гости все едва ли
Из-за обеда встали,
Взялись за песни, остроты;
Тут излияния сердечны
Рекою полились: все в радости беспечны!
Болтливость пьяного есть признак доброты;
Пииты же, как искони доселе,
Всех более шумели,
Не от вина, нет, — на беду,
Всегда они в чаду:
Им голову кружит другое упоенье —
Сестер парнасских вдохновенье.

Не думайте, однако ж, чтоб забвение всего овладело шумным обществом; нет, забывали важные дела, скуку, горести, неприятности, но не забывали добродетель; она сопутница чистой радости; и в сии часы, когда сердце всякого было на языке и душа отверзта для добрых впечатлений, открылась подписка в пользу гошпиталя и бедных всякого звания. На сей предмет собрано 6500 рублей.

Так посвящали мы — честь нашему собранью! —
Забавам час, другой же состраданью.

Время было тихое, благоприятное для прогулки. Серая мгла, нависшая на небе, предохранила от летнего жара; все рассыпалось по валу. Между тем пушечная пальба, хоры музыкантов и песельников не умолкали ни на пять минут. Мало-помалу стало смеркаться, и под вечер пригласили всех на

противуположную сторону острова; зрители были чрезвычайно удивлены, когда, проходя не весьма большое расстояние, все в глазах их переменялось: исчезли за кустами и пригорками шатры, галерея и все место празднества; явилась природа в дикости: грозные утесы, глубокие рвы, по ту сторону реки сельская картина, дуга и рощи возбуждали приятное удивление, прежние сцены казались призраком. К общей радости, нашли там множество дам, которых присутствие, конечно, есть первое украшение всякого праздника.

Их взоры нежные шумливость укрощают
И грустные сердца к веселью возбуждают.

Несколько ракет известили начало фейерверка. Он был прекрасный и продолжительный. Между многими разнообразиями искусственного огня горело вензелевое имя генерала и Владимирская звезда. Амфитеатр, где сидели зрители, сделан был из уступов горы. При выходе оттуда весь остров был уже иллюминирован. Дамы и офицеры смешались вместе; в галерее начались танцы; в полночь был ужин. Генерал до рассвета принимал участие в празднике; потом возвратился домой, сопровождаемый теми же чувствами, теми же отголосками любви и приверженности, с какими был встречен. Он в сей день являл любезного начальника, приятного гостя и чувствительного человека. Есть праздники, которые на другой же день забывают оттого, что даются без цели или цель их пустая. В столицах виден блеск, в городах полубоярские затеи; но праздник, в коем участвует сердце, который украшали приязнь, благотворительность и другие душевные наслаждения, — такой праздник оставляет по себе надолго неизгладимые воспоминания.

Философы в ученом заточеньи,
Защитники уединенья,
Наш посетите стан, когда вам есть досуг.
Здесь узрите вы дружный, братский круг,
Начальника, отца обширного семейства.

Коль надобно — на смерть идут;
 Не нужно — праздники дают.
 У вас как будто чародейство:
 От книг нейдете вы на час,
 Минута дорога для вас;
 А мы на дней не ропщем скоротечность;
 Они не истекут, доколе мы живем;
 А там настанет вечность,
 Так дней не перечтем.

Моя одна забота, чтобы праздники чаще давались. Нам стоит 10 000 рублей, кроме фейерверка. Кончая мою реляцию, желаю вам так же веселиться, как я веселился 22-го июня.

С истинным почтением честь имею и проч.

Александр Грибоедов.

P. S. Посылаю вам 1000 рублей для бедных, которых так много после пожара Москвы. В отдаленности от любезного отечественного края нам неизвестно, какие частные лица наиболее терпят от бедности. Полагаемся на вас. Конечно, заступник неимущих лучше всех знает, кому нужна помощь.

О КАВАЛЕРИЙСКИХ РЕЗЕРВАХ

Блистательные события прошедшей войны обращали на себя всеобщее внимание и не давали публике времени для наблюдений побочных, но между тем важных причин, кои способствовали к успехам нашего оружия. К оным, конечно, принадлежат резервы, сие мудрое учреждение венценосного нашего героя, сей рассадник юных воинов, который единственно делал, что войско наше, после кровопролитных кампаний 1812 и 1813 годов, после дорого купленных побед, как феникс, восставало из пепла своего, дабы пожать новые, неувядаемые лавры на зарейнских полях и явить грозное лицо свое в столице неприятеля. Буду говорить только о формировании кавалерии; ибо сам был оче-

видцем, дивился быстроте хода его, трудностям, с коими оно сопряжено, и неусыпным стараниям командующего сею частью, который в точности оправдал слова великого нашего государя, изъявившего ему во всемилостивейшем рескрипте*, что не нашел иного, коему бы можно было верить столь важную часть. Все сие усмотрит читатель из обозрения кавалерийских резервов, которое я постараюсь сделать как можно внятнее и короче, не входя в излишние подробности.

18 октября 1812 года получил генерал от кавалерии Кологривов рескрипт о принятии его в службу и повеление приготовить в Муроме 9000 кавалерии и по два эскадрона для каждого гвардейского полку. Формирование, возложенное прежде на генерала графа Толстого, не было еще начато по многим важным причинам. — Ни людей, ни лошадей, ни материалов для обмундировки, ниже каких необходимых пособий не было. Едва начали собираться толпы рекрут, как был сказан поход в Новгород-Северск, а не доходя до места получено повеление идти на Могилев Белорусский. Между тем план формирования переменен и сделан гораздо обширнее. — Повелено было сформировать для каждого армейского полку по два эскадрона из 200 нижних чинов. В Могилеве, однако, все более и более приходило в устройство; зачали поступать рекруты и лошади, начали съезжаться офицеры, которые все, подстрекаемые духом достойного их начальника, пылали благородным соревнованием, чтобы споспешествовать к славе действующей армии, и доказательство сему не двусмысленно. В начале марта 813 года зачали поступать рекруты и лошади, в исходе того же месяца седла и ружья, а в начале апреля выступили в армию 14-ть и вслед за сими 32 эскадрона, готовые в строгом смысле. Потом вся резервная кавалерия двинулась к Слониму, и едва успела туда вступить, как уже выслано 10 гвардейских эскадронов, являющих вид всадников ис-

* 14 июня 1813 года из деревни Петерсвальде, в Силезии. (Примеч. А.С. Грибоедова.)

пытанных, закоснелых в военном ремесле и кои вскоре сделались ужасными неприятелю. Так! в толь скорое время, когда самый взыскательный военноискусник не был бы вправе ничего требовать, кроме некоторого навыка в обращении с лошадьми, возникли сии с блестящей наружностью, искусные в построениях и всем отличные, достойные телохранители великого! — Но что? одобрение его величества по прибытии их во Франкфурт есть несомненный знак их достоинства.

Из Слонима перешли все кавалерийские резервы в Брест Литовский и оттоле отправлялись ежемесячно в действующую армию по десяти, двенадцати, двадцати, а в разные времена от августа до января пошло в армию 113, ныне же в готовности 150 эскадронов. И так в пятнадцать, а с настоящего формирования в двенадцать месяцев образовалось 65 000 кавалерии.

Кто когда-либо служил в кавалерии, кто хоть малейшее имеет понятие о трудностях сей службы; кто приведет себе на память, что прежде сего один конный полк формировался целыми годами; кто вспомнит, в какое смутное время кавалерийские резервы восприяли свое начало; кто расчислит, какие запутанности встречаются при начале всякого важного и огромного государственного дела; кто взвесит обстоятельства, коих не в силах отворотить никакая предусмотрительность, например: отдаленность губерний, из коих приводятся лошади, порча их на дороге, неопытность иных гражданских чиновников, коим поручено было в губерниях принимать, разбирать, отводить ремонты и так далее; кто притом знает, чего стоит в кроткого земледельца внушить дух бранный, чего стоит заставить забыть его мирную, безмятежную жизнь, дабы приучить к непреклонным воинским уставам, — тот, конечно, подивится многочисленной и отборной коннице, образованной в столь короткое время, в беспрестанных переменах места, на походе от Оки до Буга (2000 верст) по краям, опустошенным неприятелем; подивится войску, ополченному в случайностях войны, как бы в тишине мира, под сению которого

редко что требуется к спеху и дается времени столько, сколько потребно для совершения нужного дела.

К вящему доказательству, как успешно формировалась кавалерия, служит конница Польской армии, стоявшая под Гамбургом, равно как и большая часть бывшей во Франции, которая вся составлена генералом Кологривовым; притом эскадроны из новообразованных, которые принимали участие в военных действиях, почти все отличились. Для примера упомянем о Павлоградском гусарском, который, составленный весь из рекрут и не доходя еще до своего назначения, в одной сшибке с неприятелем разбил его наголову и взял 200 нижних чинов в плен; также и Сумской ударил один на два эскадрона и обратил их в бегство, имея в виду сильное неприятельское подкрепление. Теперь, обозрев быстрое и успешное формирование, займемся другим не менее важным предметом.

Утихла буря на политическом горизонте; уже не отзываются громаы ее, и мир, как благотворный луч солнца, озаряет гражданскую деятельность; истинный патриот, не помышлявший о своем стяжании тогда, когда отечество, удрученное бедствиями, взывало к нему, ныне в мирном досуге рассчитывает убытки, претерпенные государством. Убытки сии неизбежны в военное время. Но скажем, к успокоению людей, пекущихся о народном благосостоянии, что кавалерийские резервы, относительно к огромности сего учреждения, весьма мало стоили казне не по одному только бескорыстию командующего сею частию (я не хочу верить, чтобы какой-нибудь российский чиновник помыслил о личных своих выгодах, особенно в то время, как дымилась еще кровь его собратий на отеческих полях); нет! не мудрено* было бы ему, единственно занятому важным поручением, и простительно даже не иметь внимания к экономическим расчетам, по-видимому несовместным с пылким духом ревностного военачальника. Отдадим справедливость генералу Кологривову, что он во всякое время

* В первопечатном тексте явная опечатка: "Но мудрено".

умел сливать воинскую деятельность с соблюдением государственной экономики, и покажем это на опыте.

В Муроме делались заготовки провианта и фуража на 12 000 человек и 90 812 лошадей. Генерал Кологривов, по прибытии своем туда, прекратил сие, соображаясь, что такое число людей и лошадей не могло прийти в одно время и содержаться в одном месте. Последствия оправдали принятые им меры, ибо резервы переменили квартиры, а бесполезные заготовки продались бы с публичного торгу гораздо дешевле, чем стоили казне; таким образом, сбережено более полумиллиона казенной суммы.

Военным министерством назначено было употребить вольных ремесленников для скорейшего обмундирования нижних чинов и для делания конского прибора. Сие оказалось ненужным: хозяйственными распоряжениями, употреблением своих мастеров и приучением наиболее к ремеслу рекрут все сделано равно поспешно, а казенные издержки уменьшены более чем на 200 000 рублей.

С самого начала формирования приводились лошади не только в изнурении, но и в болезнях; должно было продавать их с публичного торгу. Но генерал Кологривов, почитая всегда священнейшею обязанностью пещись о сохранении государственной пользы, завел на свой счет конский лазарет, в коем лошади по большей части вылечиваются и обращаются на службу. Основание и содержание сего заведения не стоит казне ничего, кроме корма лошадям.

Скажу еще одно слово о продовольствии войска, об этой необозримой части государственных расходов. Везде, где только стояла резервная кавалерия, не только не допускали возвышаться справочным ценам, но и значительно понижали их, даже в местах, где после неприятеля сами жители во всем нуждались. Польза, проистекавшая от того для казны, можно сказать, неисчислима, ибо только во время пребывания кавалерийских резервов в Брестском и соседственных поветах уменьшение казенных издержек простирается до нескольких миллионов.

Впрочем, нельзя упомянуть всех случаев, в коих генерал Кологривов отвращал по возможности ущерб, который

могла претерпеть казна. Конечно, должно бы более сказать о ревности его к службе, об известной опытности, о невероятных его стараниях и о чудесной деятельности; но он, сколько я знаю, не любит небрежные, хотя правдивые хвалы; касательно ж до читателей, верно, всякий благоразумный человек, который приложил внимание к сей статье, со мною вместе скажет: хвала чиновнику, точному исполнителю своих должностей, радеющему о благе общем, заслуживающему признательность соотечественников и милость государя! Хвала мудрому государю, умеющему избирать и ценить достойных чиновников!

<1814>

О РАЗБОРЕ ВОЛЬНОГО ПЕРЕВОДА БЮРГЕРОВОЙ БАЛЛАДЫ "ЛЕНОРА"

*Iniquitas partis adversae
justum bellum ingerit*.*

Я читал в "Сыне отечества" балладу "Ольга" и на нее критику, на которую сделал свои замечания.

Г-ну рецензенту не понравилась "Ольга": это еще не беда, но он находит в ней беспрестанные ошибки против грамматики и логики, — это очень важно, если только справедливо; сомневаюсь, подлинно ли оно так, дерзость меня увлекает еще далее: посмотрю, каков логик и грамотей сам сочинитель рецензии!

Г. Жуковски й, говорит он, пишет баллады, другие тоже; следовательно, эти другие или подражатели его, или завистники. Вот образчик логики г. рецензента. Может быть, иные не одобряют оскорбительной личности его заключения; но в литературном быту то ли делается? — Г. рецензент читает новое стихотворение; оно не так написа-

* Несправедливость противной стороны вызывает справедливую войну (лат.).

но, как бы ему хотелось; за то он бранит автора, как ему хочется, называет его завистником и это печатает в журнале и не подписывает своего имени. — Все это очень обыкновенно и уже никого не удивляет.

Грамматика у г. рецензента своя, новая и сродни его логике; она, например, никак не допускает, чтоб

Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Вступать в город под звон колоколов, плясать под музыку. — Так говорится и пишется и утверждено постоянным употреблением, но г. рецензенту это не нравится: стало быть, грамматически неправильно.

Между тем уважим прихоти рецензента, рассмотрим по порядку все, что ему не нравится.

Во-первых, он не жалуется баллад и повторяет сказанное в одной комедии, что “одни только красоты поэзии могли до сих пор извинить в сем роде сочинений странный выбор предметов”. Странный выбор предметов, т. е. чудесное, которым наполнены баллады, — признаюсь в моем невежестве: я не знал до сих пор, что чудесное в поэзии требует извинения.

В “Ольге” г. рецензенту не нравится, между прочим, выражение *рано поутру*; он его ссылает в прозу: для стихов есть слова гораздо кудрявее*.

* Он вообще непримиримый враг простоты; не знаю, как ускользнули от его критики дышащие пиятической простотою стихи:

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.

(Примеч. А.С. Грибоедова.)

Также ему не по сердцу восклицание *ах!*, когда оно вырывается от души в стихах:

Изменил ли друг любезный!
Умер ли, ах! я умру.

В строфе, в которой так живо описано возвращение воинов-победителей в отеческую страну:

На сраженье пали шведы,
Турк без брани побежден,
И, желанный плод победы,
Мир России возвращен,
И на родину с венками,
С песнями, с бубнами, с трубами
Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Слово *турк*, которое часто встречается и в образцовых одах Ломоносова, и в простонародных песнях, несносно для верного слуха г. рецензента, также и сокращенное: *спесньми*. Этому горю можно бы помочь, стоит только растянуть слова; но тогда должно будет растянуть и целое; тогда исчезнет краткость, чрез которую описание делается живее; и вот что нужно г. рецензенту: его длинная рецензия доказывает, что он не из краткости бьется.

Далее он изволит забавляться над выражением: *слушай, дочь* — “подумаешь, — замечает он, — что мать хочет бить дочь”. Я так полагаю, и, верно, не один, что мать просто хочет говорить с дочерью.

Еще не нравятся г. рецензенту стихи:

...В Украине дальней
Если клятв не чтя своих,
Обошел налой венчалной
Уж с другою твой жених.

Он находит, что проза его гораздо лучше:

Может быть, неверный
В чужой земле Венгерской
Отрекся от своей веры
Для нового брака.

Так переводит он из Бюргера; не видно между тем, почему это хорошо, а русские стихи дурны. Притом г. рецензенту никак не хочется, чтобы налож, при котором венчаются, назывался налоем венчальным. Но он час от часу прихотливее: в ином месте эпитет с л е з н ы й ему кажется слишком сухим, в другом тон мертвеца слишком грубым. В этом, однако, и я с ним согласен; поэт не прав; в наш слезливый век и мертвецы должны говорить языком романтическим. Nous avons tout changé, nous faisons maintenant la médecine d'une méthode toute nouvelle*. Вот как в балладе любовник-мертвец говорит с Ольгой:

“Мы лишь ночью скачем в поле;
Я с Украины за тобой:
Поздно выехал оттоле,
Чтобы взять тебя с собой”.
“Ах, войди, мой ненаглядный!
В поле свищет ветер хладный;
Здесь в объятиях моих
Обогрейся, мой жених!”

“Пусть он свищет пусть колышет,
Что до ветру мне? Пора!
Ворон конь мой к бегу пышет,
Мне нельзя здесь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Ворон конь домчит стрелюю,
Нам сто верст еще: пора
В путь до брачного одра”.

* Мы все изменили, мы лечим теперь по совершенно новому методу (фр.).

“Где живешь? скажи нелестно:
Что твой дом? велик? высок?”
“Дом землянка”. — “Как в ней?” — “Тесно”.
“А кровать нам?” — “Шесть досок”.
“В ней уляжется ль невеста?”
“Нам двоим довольно места”.

Стих: “В ней уляжется ль невеста?” заставил рецензента стыдливо потупить взоры; в ночном мраке, когда робость любви обыкновенно исчезает, Ольга не должна делать такого вопроса любовнику, с которым готовится разделить брачное ложе? — Что же ей? предаться тощим мечтаньям любви идеальной? — Бог с ними, с мечтаньями; ныне в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтанья, а природы ни на волос.

Ольга встала, вышла, села
На коня за женихом,
Обвила ему вокруг тела
Руки белые кольцом.
Мчатся всадник и девица
Как стрела, как пращ, как птица,
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Эта прекрасная строфа, сверх чаяния, понравилась и г. рецензенту; он только замечает, что поэт дал слову пращ значение ему несвойственное; — наконец, исписав 17 страниц, г. рецензент дописался до замечания справедливого. Скажу только, что слово пращ в таком смысле, как оно принято в “Ольге”, находится также в одном месте у г. Жуковского:

От стука палиц, свиста пращей
Далече слышен гул дрожащий.

Стихотворения Жуковского,
т. 1, стр. 107.

Потом г. рецензент от нечего делать предлагает несколько вопросов для решения, — от нечего делать, говорю я: потому что он мог легко бы сам себе на них отвечать, например, в стихах:

Наскакал в стремленье яром
Конь на каменный забор.
С двери вдруг, хлыста ударом,
Спали петли и запор.

Он спрашивает: что такое *на скакал на забор*? Всякий грамотный и неграмотный русский человек знает, что *на скакал на забор* значит: примчался во всю прыть к забору. — “С какой двери (продолжает он) спали петли” и пр. — С той же, на которую в переводе у г. рецензента: *седок поскакал, опустив узду*. Далее в стихах:

На дыбы конь ворон взвился,
Диким голосом заржал,
Стукнул в землю — провалился
И навеки с глаз пропал.

Рецензент спрашивает: с чьих глаз? — Такие вопросы заставляют сомневаться, точно ли русский человек их делает. Он свою рецензию прислал из Тентелевой деревни Санкт-Петербургской губернии; нет ли там колонистов? не колонист ли он сам? — В таком случае, прошу сто раз извинения. — Для переселенца из Немечины он еще очень много знает наш язык. Но к концу рецензент делается чрезвычайно весел. Ему не нравится, что

Ольга в страхе, без ума,
Неподвижна и нема,

и он хочет ее уронить. — Да, да! — ведь у Бюргера, — говорит он, — могла же она упасть и лежать. Надобно ее непременно уронить. Куда девалась ваша стыдливость, г. рецензент. Но за этим следует замечание, кото-

рое похоже на дело. В балладе адские духи припевают погибшей Ольге:

С богом в суд нейди крамольно,
Скорбь терпи, хоть сердцу больно,
Казнена ты во плоти.
Грешну душу бог прости.

Точно, не шло бы адским духам просить бога о помиловании грешной души, хотя это и у Бюргера так, однако три первые стиха, по-моему, более походят на злобные укоризны, на иронию, чем на проповедь, вопреки г. рецензенту; но, видно, участь моя ни в чем с ним не соглашаться. Его суждения мне не кажутся довольно основательными, а у меня есть маленький предрассудок, над которым он, верно, будет смеяться: например, я думаю, что тот, кто взял на себя труд сверять русский перевод с немецким подлинником, должен, между прочим, хорошо знать и тот и другой язык. Конечно, г. рецензент признает это излишним, ибо кто же сведущий в русском языке переведет с немецкого:

Rasch auf ein eisern Gitterthor
Gings mit verhängtem Zügel,

т. е. “пустился во весь опор на железные решетчатые ворота”.

Кто переведет это таким образом, как г. рецензент: “быстро на железную решетчатую дверь поскакал (седок), опустив узду”. Так точно французское: *ventre à terre** можно перевести *брюхом по земле*.

У Бюргера Ленора говорит:

Verloren ist verloren**.

А Ольга в русской балладе:

* во весь опор (*фр.*).

** Утрачено — значит утрачено (*нем.*).

Нет надежды, нет как нет!

Рецензент кричит: Нет! не то! не то! не то! Надлежало сказать: то, то, именно то, не может быть проще и вернее, не может быть иначе. Но если верить г. рецензенту, он сам по себе не вооружился бы против Ольги, взыскательные неотвязчивые читатели его окружают. Они заставили его написать длинную критику. Жалею я его читателей; но не клевет ли он на них? — В противном случае, зачем было говорить с ними так темно: “Что касается до меня, то я, право, ничего бы не нашел сказать против этих стихов, кроме того, что, так сказать, нейдут в душу”. Такой нескладный ответ, натурально, никого не удовлетворит: с неутомимыми читателями надобно было поступить простее; надобно было сказать им однажды навсегда: “Государь мой! не будем толковать о поэзии! она для нас мудреная грамота, а примитесь за газеты”. Читатели бы отстали, а бесполезная и оскорбительная критика в журнале не наполнила бы 22-х страниц.

Но нет! г. рецензент не мог отговориться: судить криво, бранить — какое невинное удовольствие! Как отказать себе в этом? притом же писать для того, чтобы находить одно дурное в каком-либо творении, — подвиг немного трудный: стоит только запастись бумагой, присесть и писать до тех пор, доколе не наскучит; надоело: кончить, и выйдет рецензия вроде той, которая сделана на “Ольгу”. — Может быть, иные мне не вдруг поверят; для таких опыт — лучшее доказательство.

Переносю в Тентелеву деревню и на минуту принимаю на себя вид рецензента, на минуту, и то, конечно, за свои грехи. Около меня лежат разные сочинения в стихах и в прозе, ко мне, будто невзначай, попалась в руки “Людмила”. Читаю и на первом стихе второго куплета останавливаюсь:

Пыль туманит *отдаленье*.

Можно сказать: пыль туманит даль, отдаленность, но и то слишком фигурно, а отдаление просто значит, что предмет удаляется; если принять, что пыль туманит отдаленье,

можно будет сказать, что она туманит удаление и приближенье. Но засим следует:

Светит ратных ополченье.

Теперь я догадываюсь: отдаленье поставлено для рифмы. О, рифма!* Далее:

Где ж, Людмила, твой герой?

Слишком напыщенно.

Где твоя, Людмила, радость?

Ах! прости, *надежда-сладость*.

Надежда-сладость. — Опять-таки для рифмы! Одно существенное сливают с другим для того, чтоб придать ему понятие, которое не заключается в нем необходимо. Например, девица-краса, любовник-воин, но надежда — всегда сладость. — Далее мать говорит дочери:

Мертвых стон не воскресит.

А дочь отвечает:

.....
Не призвать минувших дней;

.....
Что прошло — невозвратно.

.....
Возвращу ль невозвратимых?

Мне кажется, что они говорят одно и то же, а намерение поэта — заставить одну говорить дело, а другую то, что ей внушает отчаяние. Вообще, как хорошенько разобрать сло-

* Читатели не должны быть в заблуждении насчет сих резких замечаний: они сделаны только в подражание рецензенту “Ольги”. (Примеч. А. С. Грибоедова.)

ва Людмилы, они почти все дышат кротостью и смирением, за что ж бы, кажется, ее так жестоко наказывать? Должно думать, что за безрассудные слова, ибо под концом усопших хор ей завывает:

Смертных ропот безрассуден,
Час твой бил — и пр.

Но где же этот ужасный ропот, который навлек на нее гнев всевышнего? Самая богобоязненная девушка скажет то же, когда узнает о смерти своего любезного. Ц а р ь н е б е с н ы й н а с з а б ы л — вот самое сильное, что у ней вырывается в горести, но при первом призраке счастья, когда она мертвеца принимает за своего жениха, ее первое движение благодарить за то бога, и вот ее слова:

Знать *тронулся* царь небесный
Бедной девицы тоской!

Неужели это так у Бюргера? Раскрываю “Ленору”. Вот как она говорит с матерью:

O Mutter! Mutter! was mich brennt,
Das lindert mir kein Sakrament.
Kein Sakrament mag Leben
Den Todten wieder geben*.

Извините, г-н Бюргер, вы не виноваты! Но возвратимся к нашей Людмиле. Она довольно погоревала, довольно плакала, наступает вечер.

И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак *облеченны*.

* О мать, мать! То, что жжет меня,
Никакая святыня не может утолить,
Никакая святыня не может жизнь
Вернуть мертвецу (*нем.*).

Облеченны вместо облечены нельзя сказать; это маленькая ошибка против грамматики. О, грамматика, и ты тиранка поэтов! Но чу! бьет полночь! К Людмиле крадется мертвец на цыпочках, конечно, чтоб никого не испугать.

Тихо брякнуло кольцо,
Тихим шепотом сказали:
Все в ней жилки задрожали,
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:
“Спит иль нет моя Людмила,
Помнит друга иль забыла?” и так далее.

Этот мертвец слишком мил; живому человеку нельзя быть любезнее.

После он спохватился и перестал говорить человеческим языком, но все-таки говорит много лишнего, особенно, когда подумаешь, что ему дан краткий, краткий срок и миг страшен замедленья.

Мы коней своих *седлаем*,
Темны кельи *покидаем*.

Такие стихи

Хотя и не варяго-росски,
Но истинно немного плоски.

И не прощаются в хорошем стихотворении.

Поздно я пустился в путь,
Ты моя — мою будь!

К чему приплетен последний стих?

Способ, который употребляет мертвец, чтоб уговорить Людмилу за собою следовать, очень оригинален:

Чу! совы пустынной крики!
.....
Едем, едем.....

Кажется, что крик сов вовсе не заманчив и он должен бы удержать Людмилу от ночной поездки. И это *чу!* слишком часто повторяется:

Чу! совы пустынной крики!

 Чу! полночный час звучит.

 Чу! в лесу потрясся лист!
 Чу! в глуши раздался свист!

Такие восклицания надобно употреблять гораздо бережнее; иначе они теряют всю силу. Но в "Людмиле" есть слова, которые преимущественно перед другими повторяются. Мертвец говорит:

Слышишь! пенье, брачны лики!
Слышишь! борзый конь заржал,

Слышишь! конь грызет бразды!

А Людмила отвечает:

Слышишь? колокол гудит!

Наконец, когда они всего уже наслушались, мнимый жених Людмилы признается ей, что дом его гроб и путь к нему далек. Я бы, например, после этого ни минуты с ним не остался; но не все видят вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нежною рукой и помчалась с ним:

Скоком, лётom по долинам. —

Дорогой спутник ее ворчит сквозь зубы, что он мертвый и что:

Путь их к келье гробовой.

Эта несообразность замечена уже рецензентом "Ольги". Но что ж? Людмила, верно, вскрикнула, обмерла со страху? Она спокойно отвечает:

Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом — земли утроба.

Впрочем, дорогой Людмиле довольно весело: ей встречаются приятные тени, которые

Легким, светлым хороводом
 В цепь воздушную свились.

И вокруг ее:

Поют воздушны лики,
 Будто в листьях повилики
 Вьется легкий ветерок,
 Будто плещет ручеек.

Потом мертвец опять сбивается на тон аркадского пастушка и говорит своему коню:

Чую *ранний ветерок.*

Но пусть Людмила мчится на погибель; не будем далее за нею следовать.

Чтоб не нагнать скуки на себя, ни на читателя, сбрасываю с себя маску привязчивого рецензента и в заключение скажу два слова о критике вообще. Если разбирать творение для того, чтобы определить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать в нем красот. Если их нет — не стоит того, чтобы писать критику; если ж есть, то рассмотреть, какого они рода? много ли их или мало? Соображаясь с этим только, можно определить достоинство творения. Вот чего рецензент "Ольги" не знает или знать не хочет.

<Июль 1816>

Письмо к издателю <“Сына Отечества”>
из Тифлиса от 21 января <1819 г.>

Вот уже полгода, как я расстался с Петербургом; в несколько дней от севера перенесся к полуденным краям, прилежащим к Кавказу (не мысленно, а по почте: одно другого побеспокойнее!); вдоль по гремучему Тереку вступил в скопище громад, на которые, по словам Ломоносова, Россией локтем возлегла, но теперь его подвинула уже гораздо далее. Округ меня неплодные скалы, над головою царь-птица и ястреба, потомки Прометея терзателя; впереди светлелись снежные верхи гор, куда я вскоре потом взобрался и нашел сугробы, стужу, все признаки глубокой зимы; но на расстоянии нескольких верст суровость ее миновалась: крутой спуск с Кашаура ведет прямо к весенним берегам Арагвы; отсюда один шаг до Тифлиса, и я уже четвертый месяц как засел в нем, и никто из моих коротких знакомых обо мне не хватится, всеми забыт, ни от кого ни строчки! Стало быть, стоит только заехать за три тысячи верст, чтобы быть как мертвым для прежних друзей! Я не плачу им таким же равнодушием, тем, которых любил, бывши с ними в одном городе; люблю и теперь вспоминать проведенное с ними приятное время, всегда об них думаю, навещаю у приезжих обо всем, что происходит под вашим 60 градусом северной широты; все, что отсюда здесь узнать можно, самые незначачие мелочи сильно действуют на меня, и даже газетные ваши вести я читаю с жадностью.

Теперь представьте мое удивление: между тем как я воображал себя на краю света, в уголке, пренебреженном просвещенными жителями столицы, на днях, перебиравши листки “Русского инвалида” в № 284 прошедшего декабря, между важными известиями об американском жарком воскресенье, о бесконечном процессе Фуальдеса, о докторе Верлинге, Бонапартовом лейб-медике, вдруг попадаю на статью о Грузии: стало быть, эта сторона не совсем еще забыта, думал я; иногда и ею занимаются, а следовательно, и теми, которые в ней живут... И было пора-

довался, но что ж прочел? Пишут из Константинополя от 26 октября, будто бы в Грузии произошло возмущение, коего главным виновником почитают одного богатого татарского князя. Это меня и опечалило, и рассмешило.

Скажите, не печально ли видеть, как у нас о том, что полагают происшедшим в народе нам подвластном, и о происшествии столько значащем, не затрудняются заимствовать известия из иностранных ведомостей и не обинуясь выдают их по крайней мере за правдоподобные, потому что ни в малейшей отметке не изъявляют сомнения, а можно бы было, кажется, усомниться, тем более что этот слух вздорный, не имеет никакого основания: вероятно, что об истинном бунте узнали бы в Петербурге официально, не чрез Константинополь. Возмущение народа не то что возмущение в театре против дирекции, когда она дает дурной спектакль: оно отзывается во всех концах империи, сколько, впрочем, ни обширна наша Россия. И какие есть татарские князья в Грузии? Их нет, во-первых, да если бы и были: здесь что татарский князь, что немецкий граф — одно и то же: ни тот, ни другой не имеют никакого голоса. Я, как очевидец и пребывая в Тифлисе уж с некоторого времени, могу вас смело уверить, что здесь не только давно уже не было и нет ничего похожего на бунт, но при твердых и мудрых мерах, принятых ныне правительством, все так спокойно и смиренно, как бы в земле издавна уже подчиненной гражданскому благоустройству. Вместо прежнего самоуправства ныне каждый по своей тяжбе идет покорно в дом суда и расправы, и русские гражданские чиновники, оберегатели частных прав, каждого удовлетворят сообразно с правосудием. На крытых улицах базара промышленность скопляет множество людей, одних для продажи, других для покупок; иные брадатые политики, окутанные бурками, в меховых шапках, под вечер сообщают друг другу рамбавии (новости) о том, например, как недавно здешние войска в горах туда проложили себе путь, куда, конечно, из наших никто прежде не заходил. На плоских здешних кровлях красавицы выставляют перед прохожими свои нарумяненные

лица, которые без того были бы гораздо красивее, и лениво греются на солнышке, нисколько не подозревая, что отцы их и мужья бунтуют в “Инвалиде”. В караван-сарай привозятся предметы трудолюбия, плоды роскоши, получаемые через Черное море, с которым ныне новое ближайшее открыто сообщение сквозь Имеретию. В окрестностях города виртембергские переселенцы бестревожно обстраиваются; зажиточные исчисляют, сколько веков, годов и месяцев составят время, времена и полвремени, проповедуют Штиллингов золотой Иерусалим с жемчужными воротами, недостаточные работают; дети их каждое утро являются на улицах и в домах с духовными виршами механика К***, которых никто не слушает, и с коврижками, которые все раскупают, и щедро платят себе за лакомство, им на пропитание. Вечером в порядочных домах танцуют, на с а к л я х (террасах) звучат бубны и завывают песни, очень приятные для п о ю щ и х. Между тем город приметно украшается новыми зданиями. Все это, согласитесь, не могло бы так быть в смутное время, когда богатым татарским князьям пришлось бы в голову возмущать всеобщее спокойствие.

Не думаю, чтобы повод к распространению таких слухов подала прошлогодняя экспедиция командующего Грузинским отдельным корпусом генерала от инфантерии Ермолова. Вот что было: заложена крепость на Сунже с намерением пресечь шатания чеченцев, которые часто слезают с лесистых вершин своих, чтобы хищничать в низменной Кабарде. Крепостные работы окончены успешно и беспрепятственно. Имея притом в виду во всех направлениях расчистить пути среди гор, в которых многие места по сие время для нас были непроходимым блуждалищем, и разрыть во множестве сокровенные в них богатства природы, дано им было предписание генерал-майору Пестелю занять Башлы в Дагестане. Акушинцы и другие народы, не уразумев истинных его намерений, испуганные, обсели соседственные высоты; когда туда же приступил от крепости Грозной сам генерал Ермолов, они мгновенно рассеялись; возбудителям этого скопления дарована пощада, и, одним словом, никогда в тамошних странах державная власть нашего государя

не опиралась столь надежно на покорстве народов, как ныне. Еще нужны труды и подвиги, подобные тем, которые подъяты здешним главноначальствующим с тех пор, как он вступил в управление земель и народов, ему вверенных, — и необузданность горцев останется только в рассказах о прошедшем. Впрочем, если и принять в уважение, что экспедиция, о которой я сейчас упомянул, причину толков о мнимом грузинском бунте, на что же нам даны ландкарты, коли в них никогда не заглядывать? Они ясно показывают, что события с Кавказской линии также не годится переносить в Грузию, как в Литву то, что случается в Финляндии.

Я бы, впрочем, не взял на себя неблагодарного труда исправлять газетные ошибки, если бы обстоятельство, о котором дело идет, не было чрезвычайно важно для меня собственно по месту, которое мне повелено занимать при одном азиатском дворе. Российская империя обхватила пространство земли в трех частях света. Что не сделает никакого впечатления на германских ее соседей, легко может взволновать сопредельную с нею восточную державу. Англичанин в Персии прочтет ту же новость, уже выписанную из русских официальных ведомостей, и очень невинно расскажет ее кому угодно в Тавризе или Тейране. Всякому предоставляю обсудить последствия, которые это за собою повлечь может.

А где настоящий источник таких вымыслов? Кто первый их выпускает в свет? Какой-нибудь армянин, недовольный своим торгом в Грузии, приезжает в Царьград и с пасмурным лицом говорит товарищу, что там плохо дела идут. Приятельское известие передается другому, который частный ропот толкует общим целому народу. Третьему не трудно мечтательный ропот превратить в возмущение! Такая догадка скоро приобретает газетную достоверность и доходит до “Гамбургского Корреспондента”, от которого ничто не укроется, а у нас привыкли его от доски до доски переводить, так как же не выписать оттуда статью из К о н с т а н т и н о п о л я?

Потрудитесь заметить почтенному редактору “Инвалида”, что не всяким турецким слухам надлежит верить,

что если здешний край в отношении к вам, господам петербуржцам, по справедливости может назваться к р а е м з а б в е н и я, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о нем нелепости не должно.

<Заметка по поводу комедии "Горе от ума">

Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишет для сцены: Расин и Шекспир подвергались той же участи, — так мне ли роптать? — В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, — но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной — дар, искусство; с другой — восприимчивость, внимание. Но как же требовать его от толпы народа, более занятого собственной личностью, нежели автором и его произведением? Притом сколько привычек и условий, нисколько не связанных с эстетической частью творения, — однако надобно с ними сообразоваться. Суетное желание рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка после каждых трех-четырех сот стихов; необходимость побегать по коридорам, душу отвести в поучительных разговорах о дожде и снеге, — и все движутся, входят и выходят, и встают и садятся. Все таковы, и я сам таков, и вот что называется публикой! Есть род познания (которым многие кичатся) — искусство угождать ей, то есть делать глупости.

<1824–1825>

Частные случаи Петербургского наводнения

Я проснулся за час перед полднем; говорят, что вода чрезвычайно велика, давно уже три раза выпалили с крепости, зато пила всю нашу Коломну. Подхожу к окошку и вижу быстрый проток; волны пришибают к возвышенным тротуарам; скоро их захлестнуло; еще несколько минут — и черные пристенные столбики исчезли в грозной новорожденной реке. Она посекундно прибывала. Я закричал, чтобы выносили что поужнее в верхние жилища (это было на Торговой, в доме В.В. Погодина). Люди, несмотря на очевидную опасность, полагали, что до нас нескоро дойдет; бегаю, распоряжаюсь — и вот уже из-под полу выступают ручьи, в одно мгновение все мои комнаты потоплены; вынесли, что могли, в приспешную, которая на полтора аршина выше остальных покоев; еще полчаса — и тут воды со всех сторон нахлынули, люди с частию вещей перебрались на чердак; сам я нашел убежище во 2-м ярусе, у Н. П. — Его спокойствие меня не обмануло: отцу семейства не хотелось показать домашним, чего надлежало страшиться от свирепой, беспощадной стихии. В окна вид ужасный: где за час пролегла оживленная, проезжая улица, катились ярые волны с ревом и с пеною, вихри не умолкали. К театральной площади, от конца Торговой и со взморья, горизонт приметно понижается; оттуда бугры и холмы один на другом ложились в виде неудержимого водоската.

Свирепые ветры дули прямо по протяжению улицы, порывом коих скоро воздымается бурная река. Она мгновенно мелким дождем прыщет в воздухе, и выше растет, и быстрее мчится. Между тем в людях мертвое молчание; конопать и двойные рамы не допускают слышать дальних отголосков, а вблизи ни одного звука ежедневного человеческого; ни одна лодка не появилась, чтобы воскресить упавшую надежду. Первая — гобвахта какая-то, сорванная с места, пронеслась к Кашину мосту, который тоже был сломлен и опрокинут; лошадь с дрожками долго боролась со смертью, наконец уступила напору и увлечена была из виду вон; потом поплыли беспрерывно связи, отломки от строений, дрова, бревна и дос-

ки — от судов ли разбитых, от домов ли разрушенных, различить было невозможно. Вид стеснен был противустоящими домами; я через смежную квартиру П. побегал и взобрался под самую кровлю, раскрыл все слуховые окна. Ветер сильнейший, и в панораме — пространное зрелище бедствий. С правой стороны (стоя задом к Торговой) поперечный рукав наместо улицы между Офицерской и Торговой; далее часть площади в виде широкого залива, прямо и слева Офицерская и Английский проспект и множество перекрестков, где водоворот сносил громады мостовых развалин; они плотно спиральсь, их с тротуаров вскоре отбивало; в самой отдаленности хаос, океан, смутное смещение хлябей, которые отвсюду обтекали видимую часть города, а в соседних дворах примечал я, как вода приступала к дровяным запасам, разбирала по частям, по кускам и их, и бочки, ушаты, повозки и уносила в общую пучину, где ветры не давали им запружать каналы: все изломанное в щепки несло, влеклось неудержимым, неотразимым стремлением. Гибнущих людей я не видал, но, сошедши несколько ступеней, узнал, что пятнадцать детей, цепляясь, перелезли по кровлям и еще не опрокинутым загородам, спаслись в людскую, к хозяину дома, в форточку, также одна <калека>, которая на этот раз одарена была необыкновенною упругостью членов. Все это осиротело. Где отцы их, матери!!! Возвратясь в залу к Столыпину, я уже нашел, по сравнению с прежним наблюдением, что вода нижние этажи иные совершенно залила, а в других поднялась до вторых косяков 3-х стекольных больших окончин, вообще до 4-х аршин уличной поверхности. Был третий час пополудни; погода не утихала, но иногда солнце освещало влажное пространство, потом снова повлекалось тучами. Между тем вода с четверть часа остановилась на той же высоте, вдали появились два катера, наконец волны улеглись и потоп не далее простер смерть и опустошение: вода начала сбывать.

Между тем (и это узнали мы после) сама Нева против дворца и адмиралтейства горами скопившихся вод сдвинула и расчленила огромные мосты Исакиевский, Троицкий и иные. Вихри буйно ими играли по широкому разливу, суда

гибли, и с ними люди, иные истощавшие последние силы поверх зыбей, другие на деревьях бульвара висели над kloчущей бездною. В эту роковую минуту государь явился на балконе. Из окружавших его один сбросил с себя мундир, сбежал вниз, по горло вошел в воду, потом на катере поплыл спасать несчастных. Это был генерал-адъютант Бенкендорф. Он многих избавил от утопления, но вскоре исчез из виду, и во весь этот день о нем не было вести. Граф Милорадович в начале наводнения пронесся к Екатерингофу, но его поутру не было, и колеса его кареты, как пароходные крылья, рыли бездну, и он едва мог добраться до дворца, откудова, взявши катер, спас нескольких.

Все, по сю сторону Фонтанки до Литейной и Владимирской, было наводнено. Невский проспект превращен был в бурный пролив; все запасы в подвалах погибли; из нижних магазинов выписные изделия быстро поплыли к Аничковому мосту; набережные различных каналов исчезали, и все каналы соединились в одно. Столетние деревья в Летнем саду лежали грядками, исторгнутые, вверх корнями. Ограда Ломбарда на Мещанской и другие, кирпичные и деревянные, подмытые в основании, обрушивались с треском и грохотом.

На другой день поутру я пошел осматривать следствия стихийного разрушения. Кашин и Поцелуев мосты были сдвинуты с места. Я поворотил вдоль Пряжки. Набережные, железные перилы и гранитные пиластры лежали лоском. Храповицкий — отторгнут от мостовых укреплений, неспособный к проезду. Я перешел через него, и возле дома графини Бобринской, среди улицы очутился мост с Галерного канала; на Большой Галерной раздутые трупы коров и лошадей. Я воротился опять к Храповицкому мосту и вдоль Пряжки и ее изрытой набережной дошел до другого моста, который накануне отправило вдоль по Офицерской. Бертов мост тоже исчез. По плававшему лесу и по наваленным поленам, погружаясь в воду то одной ногою, то другую, добрался я до Матисовых тоней. Вид открыт был на Васильевский остров. Тут, в окрестности, не существовало уже нескольких сот домов; один — и то безобразная груда, в которой фундамент и кры-

ша — все было перемешано; я подивился, как и это уцелело. — Это не здешние; отсюда строения бог ведает куда унесло, а это прибило сюда с Ивановской гавани. — Между тем подошло несколько любопытных; иные, завлеченные сильным спиртовым запахом, начали разбирать кровельные доски; под ними скот домашний и люди мертвые и всякие вещи. Далее нельзя было идти по развалинам; я приговорил ялик и пустился в Неву; мы поплыли в Галерную гавань; но сильный ветер прибил меня к Сальным буянам, где, на возвышенном гранитном берегу, стояло двухмачтовое чухонское судно, необыкновенной силою так высоко взмощенное; крутом поврежденные огромные суда, издавек туда заброшенные. Я взобрался вверх; тут огромное кирпичное здание, вся его лицевая сторона была в нескольких местах проломлена как бы десятком стенобитных орудий; бочки с салом разметало повсюду; у ног моих черепки, луковица, капуста и толстая связанная кипа бумаг с надписью: “№ 16. февр. 20. Дела казенные”.

Возвращаясь по Мясной, во втором доме от Екатерингофского проспекта заглянул я в нижние окна. Три покойника лежало уже, обвитые простиралами, на трех столах. Я вошел во внутренний двор, — ни души живой. Проникнул в тот покой, где были усопшие, раскрыл лица двоих; пожилая женщина и девочка с открытыми глазами, с оскаленными белыми зубами; ни малейшего признака насильственной смерти. До третьего тела я не мог добраться от ужаснейшей наносной грязи. Не знаю, трупы ли это утопленников или скончавшихся иною смертию. На Торговой, недалеко от моей квартиры, стоял пароход на суше.

Необыкновенные события придают духу сильную внешнюю деятельность; я не мог оставаться на месте и поехал на Английскую набережную. Большая часть ее загромождена была частями развалившихся судов и их груза. На дрожках нельзя было пробраться; перешед с половину версты, я воротился; вид стольких различных предметов, беспорядочно разметанных, становился однообразным; повсюду странная смесь раздробленных <...>*

* Не дописано.

Я наскоро собрал некоторые черты, поразившие меня наиболее в картине гнева расщепившей природы и гибели человек. Тут не было места ни краскам витийственности, от рассуждений я также воздерживался: дать им волю — значило бы поставить собственную личность на место великого события. Другие могут добавить несовершенство моего сказания тем, что сами знают; г-да Греч и Булгарин берутся его дополнить всем, что окажется истинно замечательным, при втором издании этой тетрадки, если первое скоро разойдется и меня здесь уже не будет.

Теперь прошло несколько времени со дня грозного происшествия. Река возвратилась в предписанные ей пределы; душевные силы не так скоро могут прийти в спокойное равновесие. Но бедствия народа уже получают возможное утешение; впечатления ужаса мало помалу ослабевают, и я на сем останавливаюсь. В общественных скорбях утешен мыслю, что посредством сих листков друзья мои в отдаленной Грузии узнают о моем сохранении в минувшей опасности, и где ныне нахожусь, и чему был очевидцем.

<Ноябрь 1824>

ХАРАКТЕР МОЕГО ДЯДИ

Вот характер, который почти исчез в наше время, но двадцать лет тому назад был господствующим, характер моего дяди. Историк предоставляю объяснить, отчего в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне рыцарство в нравах, а в сердцах отсутствие всякого чувства. Тогда уже многие дуэлировались, но всякий пылал непреодолимою страстью обманывать женщин в любви, мужчин в карты или иначе; по службе начальник уловлял подчиненного в разные подлости обещаниями, которых не мог исполнить, покровительством, не основанным ни на какой истине; но зато как и платили их светлостям мелкие чиновники, верные рабы-спутники до первого затмения! Объяснимся круглее: у всякого была в душе бесче-

стность и лживость на языке. Кажется, нынче этого нет, а может быть, и есть; но дядя мой принадлежит к той эпохе. Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями. Образец его нравоучений: “я, брат!..”

ЗАГОРОДНАЯ ПОЕЗДКА
(Отрывок из письма южного жителя)

На высоты! на высоты! Подальше от шума, пыли, от душного однообразия наших площадей и улиц. Куда-нибудь, где воздух реже, откуда груды зданий в неясной дали слились бы в одну точку, весь бы город представил из себя центр отменно мелкой, ничтожной деятельности, кипящий муравейник. Ну куда же вознестись так высоко, так свободно из Петербурга? — в Парголово.

В полдень, 21-го июня, мы пустились по известной дороге из Выборгской заставы. Не роскошные окрестности! Природа с великим усилием в болоте насадила печальные ели; жители их выжигают. Дымный запах, бледное небо, скрипучий песок, все это не располагает странников к приятным впечатлениям. Подымаемся на пригорок и на другой (кажется, на шестой версте); лошадям тяжело, но душе легче, просторнее. Отсюда взор блуждает по бесконечной поверхности лесной чащи. Те же ели, но под скудной тенью их редких ветвей, в их тощей зелени, в бездушных иглах нет отрады, теперь же, с крутизны холма, пирамидальные верхи их сглажены, особенности исчезли; под нашими ногами засинелся лес одной полосой, далеко протяженной, и вид неизмеримости сообщает душе гордые помышления. — В сообществе равных нам, высших нас так точно мы, ни ими, ни собою не довольные, возносимся иногда парением ума над целым человечеством, и как величественна эта зыбь вековых истин и заблуждений, которая отовсюду простирается далеко за горизонт нашего зрения!

Другого рода мысли и чувства возбуждает, несколько верст далее, влево от большой дороги, простота деревен-

ского храма. Одинок, и построен на разложистом мысе, которого подножие омывает тихое озеро; справа ряд хижин, но в них не поселяне. Нежная белизна красавиц и торопливость их услужников напоминают... не знаю именно, о чем; но здесь они менее озабочены чинами всякого рода.

Вот и край наших желаний. Все выше и выше, места картинные: мирные рощи, дубы, липы, красивые сосны, то по несколько вместе стоят среди спеющей нивы, то над прудом, то опоясывают собою ряд холмов; под их густою сению дорога завивается до самой вершины, — доехали.

Тут всякий спешит на дерновую площадку, на которую взбегают ступами, со стороны сада. Сквозь расчищенный просек виднеются вдали верхи башен петербургских. Так рассказывают, но мы ничего не видали. Наше зрелище ограничивалось тем живописным озером, мимо которого сюда ехали; далее все было подернуто сизыми парами; и вот одно ожидание рушилось, как идея поэта часто тускнеет при неудачном исполнении. В замену изящной отдаленности мы любовались тем, что было ближе. Под нами, на берегах тихих вод, в перелесках, в прямизнах аллея, мелькали группы девушек; мы пустились за ними, бродили час, два; вдруг слышались нам звучные плясовые напевы, голоса женские и мужские с того же возвышения, где мы прежде были. Родные песни! Куда занесены вы с священных берегов Днепра и Волги? — Приходим назад: то место было уже наполнено белокуроыми крестьяночками в лентах и бусах; другой хор из мальчиков; мне более всего понравились двух из них смелые черты и вольные движения. Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот — поврежденный класс полуевропейцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико все, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невяжны, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством делались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской

истории за целое столетие, он, конечно бы, заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами.

Песни не умолкали; затянули; “Вниз по матушке по Волге”; молодые певцы присели на дерн и дружно грянули в ладоши, подражая мерным ударам весел; двое на ногах оставались: Атаман и Есаул. Былые времена как живо воскрешает вас в моей памяти эта народная игра: тот век необузданной вольности, в который несколько удальцов бросались в легкие струги, спускались вниз по протоку Ахтубе, по Бузан-реке, дерзали в открытое море, брали дань с прибрежных городов и селений, не щадили ни красоты девичьей, ни седины старческой, а, по словам Шардена, в роскошном Фируз-Абате угрожали блестящему двору шаха Аббаса. Потом, обогатясь корыстями, несметным числом тканей узорчатых, серебра и золота и жемчуга скатного, возвращались домой, где ожидали их любовь и дружба; их встречали с шумною радостью и славили в песнях.

Время длилось. Северное летнее солнце, как всегда перед закатом, казалось неподвижно; мой товарищ предложил мне пуститься верхом, еще подальше, к другой цепи возвышений. Сели на лошадей, которые здесь сродни горным мулам, но из нашей поездки ничего не вышло, кроме благотворного утомления для здоровья. Дым от выжженных и курившихся корней носился по дороге. Солнце в этом мраке походило на ночное светило. Возвратились опять в Парголово; оттуда в город. Прежнюю дорогою, прежнее уныние. К тому же суровость климата! При спуске с одного пригорка мы разом погрузились в погребной, влажный воздух; сырость проникала нас до костей. И чем ближе к Петербургу, тем хуже: по сторонам предательская трава; если своротить туда, тинистые хляби вместо суши. На пути не было никакой встречи, кроме туземцев финнов: белые волосы, мертвые взгляды, сонные лица!

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Моздок—Тифлис

<13 октября 1818.>

1-й переход

Светлый день. Верхи снежных гор иногда просвечивают из-за туч; цвет их светло-облачный, перемешанный с лазурью. Быстрина Терека, переправа, караван ждет долго. Кусты. Убитый в виду главнокомандующего¹. Караван, описание, странствующие 600 [человек]: ружейные армяне, пушки, пехота, конные рекогносцируют. Приближаемся к ландшафту: верхи в снегу, но еще не снежные горы, которые скрыты; слои, кустарники, вышины. Погода меняется, ветер, небо обложилось; вступаем в царство непогод. Взгляд назад — темно, смятение, обозы, барабанный бой для сбора, огни в редуте. Приезд в редут Кабардинский.

<14 октября.>

2-й переход

Свежее утро. Выступаем из редута. Он на нижнем склоне горы. Против ворот бивуаки, дым, греются. Поднимаемся в гору более и более, путь скользкий, грязный, излучистый, с крутизны на крутизну, час от часу теснее от густеющих кустов, которые наконец преобразуются в дубраву. Смешение времен года; тепло, и я открываюсь; затем стужа, на верхних, замерзших листьях иней, смешение зелени. Пускаю лошадь наудачу в сторону; приятное одиночество; лошадь ушла, возвращается к верховым. Едем

гусем, все круче, зов товарища, скачу, прискакиваю, картина. Гальт. На ближнем холме расположим приют.

Отъезд далее. Мы вперед едем. Орлы и ястреба, потомки Прометеевых терзателей². Приезжаем к Кумбале-евке; редут. Вечером иллюминация.

<15 октября.>

3-й переход

Пускаемся вперед с десятью казаками. Пасмурно, разные виды на горах. Снег, как полотно, навешен в складки, золотистые холмы по временам. Шум от Терека, от низвержений в горах. Едем по берегу, он течет между диких и зеленых круглых камушков; тьма обломков, которые за собой влечет из гор. Дубняк. Судбище птиц: как отца и мать не почтет — сослать. Владикавказ³ на плоском месте; красота долины. Контраст зеленых огород с седыми верхами гор. Ворота, надпись; оно тут не глупо. Фазаны, вепри, серны (различные названия), да негде их поест в Владикавказе.

<16 октября.>

4-й переход

Аул на главе горы налево. Подробная история убитых на сенокосе. Редут направо⁴. Замок осетинский. Кривизна дороги между утесов, которые более и более высятся и сближаются. Облака между гор. Замок и конические башни налево⁵. Подъем на гору, направо оброшенный замок. Шум Терека. Нападение на Огарева. Извилистая дорога; не видать ни восхода, ни исхода. Пролом от пороха. Дариель⁶. Копны, стога, лошаки на вершине*.

Ночь в Дариеле. Ужас от необычайно высоких утесов, шум от Терека, ночлег в казармах.

<17 октября.>

5-й переход

Руины на скале. Выезд из Дариеля. Непроходимость от множества камней; иные из них огромны, один разде-

* Сбоку приписано: "Товарищи порываются вперед, я за ними не следую".

лен надвое, служит вратами; такой же перед въездом в Дариель. Под иными осетинцы варят, как в пещере. Тьма арбов и артиллерийский снаряд заграждают путь на завале. Остаток завала теперь необъятен, — каков же был прежде⁷. Терек сквозь его промыл себе проток, будто искусственный. Большой объезд по причине завала: несколько переправ через Терек, множество селений, pittoresque*. Селение Казбек, вид огромного замка, тюрьма внутри, церковь из гранита⁸, покрыта плитой, монастырь посреди горы Казбека. Сама гора в 25-ти верстах.

Сион. Множество других, будто висящих на скалах, башен и селений, иные руины, иные новопостроенные, точно руины⁹. Поднимаемся выше и выше. Постепенность видов до снегов, холод, зима, снеговые горы внизу и сверху, между ними Коби в диком краю, подобном Дариелю. Множество народу встречается на дороге.

<18 октября.>

6-й переход

Ужасное положение Коби¹⁰ — ветер, снег кругом, вышина и пропасть. Идем все по косогору; узкая, скользкая дорога, сбоку Терек; поминутно все падают, и всё камни и снега, солнца не видать. Всё вверх, часто проходим через быструю воду, верхом почти не можно, более пешком. Усталость, никакого селения, кроме трех, четырех осетинских лачужек, еще выше и выше, наконец добираемся до Крестовой горы. Немного не доходя дотудова истоки гор уже к югу. Вид с Крестовой, крутой спуск, с лишком две версты. Встречаем персидский караван с лошадьми. От усталости падаю несколько раз.

Подъем на Гуд-гору по косогору преузкому; пропасть неизмеримая сбоку. По ту сторону ее горы превысокие, внизу речка: едва можно различить на крутой уединенной горке осетинские жилища. Дорога вьется через Гуд-гору кругом; несколько верховых встречаются. Не знаю, как не па-

* Живописное зрелище (*фр.*).

дают в пропасть кибитка и наши дрожки. Еще спуск большой и несколько других спусков. Башни оброшенные; на самом верху столб и руины. Наконец приходим в Кашаур, навьючиваем, берем других лошадей, отправляемся далее, снег мало-помалу пропадает, все начинает зеленеться, спускаемся с Кашаура, неожиданная веселая картина: Арагва внизу вся в кустарниках, тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен, хат, селений, стад овец и коз (по камням всё ходят), руин замков, церквей и монастырей разнообразных, иные дики, как в американских плантациях, иные среди деревьев, другие в лесу, которые как привешены к горам, другие над Арагвой. Мостик. Арагва течет быстро и шумно, как Терек. Дорога как в саду — грушевые деревья, мелоны, яблони.

И самая часть Кашаура, по которой спустились, зелена. Много ручьев и речек из гор стремится в Арагву. Смерклось; длинная тень монастыря на снежном верху. Чувствуем в темноте, что иногда по мостикам проезжаем. Утесы, воспоминание о прежних, — горы востока, а не страшны, как прежние. Впереди румяные облака. Посананур.

Мы в дрожках; один из нас правит.

<19 октября.>

7-й переход

Вдоль по берегу Арагвы, которая вся в зелени. Бук, яблонь, груши, сливы, тополи, клен; на скале руины, много замков. Ананур, карантин¹¹. Удаляемся вправо от Ананура. Душет. Замок и замки. Наша квартира как <.....>*

<20 октября.>

8-й переход

Отъезд вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя песнь грузинцев.

Я лег между обгорелым пнем и лесистым буком, позади меня речка под горою, кругом кустарник, между ними

* Не дописано.

большие деревья. Холмы из-за деревьев, фазан в роще; лошади, козлики мимо меня проходят. Товарищ на солнышке. Наши лошади кормятся.

Изгибистый Терек обсажен лесом от Моздока до Шелкозаводска. В станицах старообрядцы и жены на службе у гробенцев, дети вооружены. От 15 — до 100 лет. Из 1600 — 1400 служат.

Даданиурт, Андреевская, окруженная лесом. Кумычка. Жиды, армяне, чеченцы. Там, на базаре, прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей, — нынче самих продавцов вешают.

Телава и Сигнах взбунтовались в 1812 г. В Сигнахе русских загнали в крепость. Потом они заперлись в монастырь. Их выпустили на переговорах, раздели голыми, пустили бежать в разные стороны и перестреляли, как дичь. Команданту отрезали часть языка и дали ему же отведать. Потом искрошили всего в мелкие куски.

Исправник Соколовский не берет взяток и не имеет жены, которая, из низкого состояния вышедши в классные дамы, поощряла бы мужа к лихоимству.

Казачи бежали. Цицианов спросил, подобно царю Ираклию: “Горы их на том же месте? Ну, так и они воротятся”.

На мудрое уничтожение стряпчих Цициановым — мерзость провиантских комиссаров. Не скупают вовремя хлеб, все хотят дешевле. Время уходит, и они, в зимнюю пору и в отдаленных местах, подряжают несколько тысяч арб; волы падают без корма. За отпуск пыли деньги выморжают. Жители обременяются, и войска не довольствуются вовремя.

Амилахваров в башне.

Внизу сторожа, в среднем этаже он сам, в верхнем его казна. Вместо окон скважины. Начальствовал в Кахетии.

Смененный, получил 2000 руб. серебром пенсии, которую и сберегает. "Русские даром ничего не дают. Коли придутся: вот им за 14-ть лет пенсия обратно"*.

ТИФЛИС — ТЕГЕРАН

<29 января 1819.>

Прелюбезный Степан Никитич!¹

Ты ко мне пишешь слишком мало, я к тебе вовсе не пишу, что того хуже. С нынешнего дня не то будет. Однако не постигаю, как вы все меня хорошо знаете, еще бы ты один, что бы очень естественно, а то все, все. Неужели я такой обыкновенный человек! И Катенин, и даже князь², который почти не живет в вещественном мире, а все с своими идеальными Холминскими и Ольгиными, — и угадали, что я вряд ли в Тифлисе найду время писать; и точно, временем моим завладели слишком важные вещи: дуэль, карты и болезнь.

Ты мне пеняешь, зачем я не уведомляю тебя о простреленной моей руке³. Стоит ли того, друг мой! Еще бы мне удалось раздробить ему плечо, в которое метил! А то я же заплатил за свое дурачество. Судьба... В тот самый день, в который... Ну, да бог с ним! Пусть стреляют в других, моя прошла очередь.

Иные славят Александра,
Иных прельщает Геркулес
И храбрость Конона, Лизандра,
Еще других Мильтиадес.
Есть мужества пример,
Рау, рау, рау, рау,
Рау, рау, рау, рау,
Британский гренадер.

* Сбоку приписано: "Детям ничего не дает".

Князю напоминай обо мне почаще. Это одно из самых приятных для меня созданий. Не могу довольно нарадоваться, что он в числе тех, которые меня любят и к кому я сам душевно привязан. Его статура, чтение, сочинения, горячность в спорах о стопах и рифмах, кротость с Катериною Ивановной⁴, — не поверишь, как память об этом обо всем иногда развеселяет меня в одиночестве, в котором теперь нахожусь. Досадно, что на этот раз некогда к нему писать. Матушке сказать два слова я еще не принимался, а Осип Мазарович торопит; это брат нашего поверенного, отправляется в Россию. Товарищ Амбургер тоже не выдержал, поехал к водам, а может быть, не воротится. Что ж ты скажешь, мое золото, коли я вытерплю здесь два года?

А начальная причина все-таки ты. Вечно попрекаешь меня малодушием. Не попрекнешь же вперед; право, нет: музам я уже не ленивый служитель. Пишу, мой друг, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть⁵. Прощай, не расстался бы с тобой! Обнимаю тебя крепко-накрепко. Однако как мне горько бывает!..

<30 января.>

Теперь на втором переходе от Тифлиса я как-то опять сошелся с здравым смыслом и берусь за перо, чтобы передать тебе два дня моей верховой езды. Журнал из Моздока в Тифлис⁶ получишь после, потому что он еще не существует, а воспоминаний много; жаль, что я ленился, рассеялся или просто никуда не годился в Тифлисе. Представь себе, что и Алексей Петрович⁷, прощавшись со мною, объявил, что я повеса, однако прибавил, что со всем тем прекрасный человек. Увы, ни в том, ни в другом [не] сомневаюсь. Кажется, что он меня полюбил, а впрочем, в этих тризвездных особах нетрудно ошибиться; в глазах у них всякому хорошо, кто им сказками прогоняет скуку; что-то вперед будет! Есть одно обстоятельство, которое покажет, дорожит ли он людьми. Я перед тем, как садиться на лошадь, сказал ему: "Ne nous sacrifiez pas, Excellence, si jamais vous faites la guerre

à la Perse"*. Он рассмеялся, сказал, что это странная мысль. Ничуть не странная! Ему дано право объявлять войну и мир заключать; вдруг придет в голову, что наши границы не довольно определены со стороны Персии, и пойдет их расширять по Аракс! — А с нами что тогда будет? Кстати об нем, — что это за славный человек! Мало того, что умен, нынче все умны, но, совершенно по-русски, на все годен, не на одни великие дела, не на одни мелочи, заметь это. Притом тьма красноречия, а не нынешнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчас положить на бумагу. Любит много говорить; однако позволяет говорить и другим; иногда (кто без греха?) много толкует о вещах, которые мало понимает, однако и тогда, если не убедится, все-таки заставляет себя слушать. Эти случаи мне очень памяты, потому что я с ним часто спорил, разумеется, о том, в чем я твердо был уверен, иначе бы так не было; однако ни разу не переспорил; может быть, исправил. Я его видел каждый день, по несколько часов проводил с ним вместе, и в удобное время его отдыха, чтобы его несколько узнать. Он в Тифлис приехал отдохнуть после своей экспедиции против горцев, которую в марте снова предпринимает, следовательно — менее был озабочен трудами.

Что ты читал или прочтешь до сих пор, мною было писано давеча, в два часа пополудни, но червадар, как у нас называют, а по-вашему подводчик, с обозом тогда пришел, стали развьючивать, шуметь и не дали быть пристальным; теперь, в глубокою ночь, когда все улеглись, я хоть очень устал, а не спится. Стану опять с тобой беседовать.

Об Ермолове мы говорили. В нем нет этой глупости, которую нынче выдают за что-то умное, а именно, что поутру или, как говорится, по <...> неприступен, а впрочем, готов к услугам; он всегда одинаков, всегда приятен, и вот странность: тех даже, кого не уважает, умеет к себе привлечь...

* Не обрекайте нас в жертву, ваше превосходительство, если когда-нибудь будете воевать в Персии (фр.).

Якубович, на которого он сердит за меня и на глаза к себе не пускает, без ума от него. Об бунте писали в "Инвалиде" вздор, на который я в "Сыне отечества" отвечал таким же вздором⁸. Нет, не при нем здесь быть бунту. Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей; при помощи наметанных драгоманов, которые слова его не смеют пророчить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием ослушников, вешает, жжет их села — что же делать? — По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, — здесь ребенок хватается за нож. А право, добр; сколько мне кажется, пряминых чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а кажется, меня в этом нельзя упрекнуть: я Измайлову, Храповицкому не писал стихов.

В последний раз на бале у Мадатова я ему рассказывал петербургские слухи о том, что горцы у нас вырезали полк. И он, впрочем, рад, чтобы это так случилось: "Чего, братец, им хочется от меня? Я забрался в такую даль и глушь; предоставляю им все почести, себе одни труды, никому не мешаю, никому не завидую. Montrez-moi mon vainqueur et je cours l'embrasser**".

Однако свечка догорает, а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; все храпят, а секретарь странствующей миссии по Азии на полу, в безобразной хате, на ковре, однако возле огонька, который более дымит, чем греет; кругом воронье и ястреба с погрешками привязаны к столбам: того гляди, шинели расклюют. Вчера мы ночевали вместе с лошадьми: по крайней мере ночлег был.

31-го января.

Мой милый, я третьего дня принялся писать с намерением исправно уведомлять тебя о моем быту, но Ермоллов еще так

* Укажите мне моего победителя, и я брошусь его обнимать (фр.).

живо представляется перед моими глазами, я только накануне с ним распростился, это увлекло меня говорить об нем; теперь обратить внимание от такого отличного человека к ничтожному странствователю было бы несколько не занимательно для читателей, если бы я хотел их иметь, но я пишу к другу и сужу по себе: ты для меня занимательнее всех Плутарховых героев.

28-го, после приятельского завтрака, мы оставили Тифлис; я везде нахожу приятелей или воображаю себе это; дело в том, что многие нас провожали, в том числе Якубович, и жалели, кажется, о моем отъезде. Мы расстались. Не доезжая до первого поста, Саганлука, где только третья доля была предлежавшего нам переезда, солнце светило очень ярко, снег слепил еще более, по левую руку, со стороны, Дагестанские горы, перемешанные с облаками, образовали прекрасную даль, притом же не суховидную. Путь здесь не ровный, как в наших плоских краях; каждый всход, каждый спуск дарит новой картиной. Впрочем, зимние пути самые лучшие; по крайней мере воздух кроткий, а во всякое другое время года зной и пыль утомили бы едущих; итак, в замену изящного, мы наслаждаемся покойной ездой. Но первый переход был для меня ужасно труден: мы считаем 7-мь агачей, по-вашему 40 с лишком верст; я поутру обскакал весь город, прощальные визиты и весь перегон сделал на дурном грузинском седле и к вечеру уморился; не доходя до ночлега, отстал от всех, несколько раз сходил с лошади и падал на снег, ел его; к счастью, у конвойного казака нашлась граната, я ей освежился. Так мы дошли до Демурчилама. Сон и не в мои лета обновляет ослабшие силы. На другой день, кроме головной боли, я еще кое-чем недомогал, не сильно однако. Тот же путь, что накануне, но день был пасмурен. На середине перехода дорога вилась вокруг горы и привела нас к реке Храме. Мы ехали по ее течению, а на склоне гора подалась влево и очистила нам вид на мост великолепный!.. В диких, снегом занесенных степях вдруг наехали на такое прекрасное произведение архитектуры, ей-богу. Утешно! и удивляет!.. Я долго им любовался, обозревал со всех

сторон; он из кирпича; как искусно сведен и огромен! Река обмывает только половину его, в другой половине каравансарай, верно, пристройка к полуразрушенному; меня в этом мнении укрепляет то, что остальная часть состоит из четырех арок, которые все сведены чрезвычайно легко и с отличным вкусом, — нельзя, чтобы строитель не знал симметрии; верхи остры; первая от караван-сарая, или средняя, самая большая, по моему счету 40 шагов в диаметре: я ее мерил шедши и параллельно там, где течение реки уклоняется; третья арка больше второй, но меньше первой, четвертая равна второй. Караван-сарай велик, но лучше бы его не было; при мне большой зал был занят овцами; не знаю, куда их гонит верховой, который с конем своим расположился в ближайшем покое. С середины моста сход по круглой, витой, ветхой и заледеневшей лестнице, по которой я было себе шею сломил; это ведет в открытую галерею, которая висит над рекою. Тут путешественники, кто углем, кто карандашом, записывают свои имена или врезают их в камень. Людское самолюбие любит марать бумаги и стены; однако и я, сошедши под большую арку, где эхо громогласное, учил его повторять мое имя. В нескольких саженьях от этого моста заложен был другой; начатки из плиты много обещали; не знаю — почему так близко к этому, почему не кончен, почему так роскошно пеклись о переправе чрез незначительную речку, между тем на Куре, древней Цирусе Страбона, нет ничего подобного этому. Как бы то ни было, Сенакюрпи, или, как русские его называют, Красный мост, свидетельствует в пользу лучшего времени если не для просвещения, потому что Беганкур⁹ мог быть выписной, то по крайней мере царствования какого-нибудь из здешних царей или одного из Софиев¹⁰, любителя изящного.

Съехавши с моста, я долго об нем думал; возле меня трясся рысцей наш переводчик Шемир-бек¹¹. Я принужден был ему признаться, что Петербург ничего такого в себе не вмещает, как он, впрочем, ни красив и ни великолепен, даже в описании Павла Петровича Свиньина¹². “Представьте, — сказал он мне, — 8 раз побывать в Персии и не видать Петер-

бурга, это не ужасно ли!” — “Не той дорогой мы взяли”, — отвечал я ему. Эта глупость меня рассмешила, не знаю — рассмешит ли тебя? Впрочем, такие ничтожности я часто буду позволять себе, потому что пишу для тебя собственно и для тех, которым позволишь заглянуть в нашу переписку, а не для печати, а не для пренумерантов “Сына отечества”, куда, впрочем, это мараение по дурному слогу и пустоте мыслей принадлежит. Извини, что делаю тебе это замечание: ты скромн и любишь мое дарование, не уступишь меня критике людей, которых я презираю; но письма мои к другим я нарочно наполняю личностями, чтобы они как-нибудь со столика нашего любезного князя¹³ не попали на станок театральной типографии. Ни строчки моего путешествия я не выдам в свет, даром что Катенин жалеет об этом и поощряет меня делать замечания, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умею разбалтывать ученость; книги мои в чемоданах, и некогда их разрывать; жмусь, когда холодно, расстегиваюсь, когда тепло, не справляюсь с термометром и не записываю, на сколько ртуть поднимается или опускается, не припадаю к земле, чтобы распознать ее свойство, не придумываю по обнаженным кустам — и к какому роду принадлежит их зелень.

Зовут обедать, прощай покудова. Если бы я мог перенести тебя на то место, где пишу теперь! Над рекою, возле остатков караван-сарая, куда мы прибыли после трудного пути, однако довольно рано, потому что встали давеча в 4 часа утра. Погода теплая, как уже в конце весны. В виду у меня скала с уступами, точно как та, к которой, по описанию, примыкают развалины Персеполя¹⁴; я через ветхий мост, что у меня под ногами, ходил туда; взлезал и, опершись на повисший мшистый камень, долго стоял подобно Грееву Барду; недоставало только бороды¹⁵.

Вечером.

Хочешь ли знать, как и с кем я странствую то по каменным кручам, то по пушистому снегу? Не жалею меня, однако: мне

хорошо, могло бы быть скучнее. Нас человек 25, лошадей с вьючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Ранним утром поднимаемся; шествие наше продолжается часа два-три; я, чтобы не струснулось, пою, как знаю, французские куплеты и наши плясовые песни, все мне вторят, и даже азиатские толмачи; доедешь до сухого места, до пригорка, оттуда вид отменный, отдыхаем, едим закуску, мимо нас тянутся наши вьюки с позвонками. Потом опять в путь. Народ веселый; при нас борзые собаки; пустимся за зайцем или за призраком зайца, потому что я ни одного еще не видал. Этим случаем наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство, — свернут вбок, по полянам несутся во всю прыть, по рвам, кустам, доскакивают до горы, стреляют вверх и исчезают в тумане, как царевич в 1001-й ночи, когда он невесту кашемирского султана взмахнул себе на коня и так взвился к облакам. А я, думаешь, назади остаюсь? Нет, это не в Бресте, где я был в “кавалерийском”¹⁶, — здесь скачу сломя голову; вчера купил себе нового жеребца; я так свыкся с лошадью, что по скользкому спуску, по гололедице, беззаботно курю из длинной трубки. Таков я во всем: в Петербурге, где всякий приглашал, поощрял меня писать и много было охотников до моей музыки, я молчал, а здесь, когда некому ничего и прочесть, потому что не знают по-русски, я не выпускаю пера из рук. Странность свойственна человеку. Одна беда: скудность познаний об этом крае бесит меня на каждом шагу. Но думал ли я, что поеду на Восток? Мысли мои никогда сюда не были обращены. Иногда делаю непростительные или невежественные ошибки, давеча, например, сколько верст сряду вижу кусты в хлопчатой бумаге и принял их за бамбак, между тем как это оброски от караванов, — в тесных излучинах здешние колючие отростки цепляют за хлопчатую бумагу, и ее бы с них можно собрать до нескольких пудов.

Дорого бы я дал за живописца; никакими словами нельзя изобразить вчерашних паров, которые во все утро круг горы стлались; солнце их позлащало, и они тогда как кипящее огненное море... потом свились в облака и улег-

лись у подножия дальних гор. Между ними черная скала Пепис плавала в виде башни; долго она то скрывалась от наших глаз, то появлялась по мере того, как мы переменяли направление; наконец подошли к ней — нет приступу, и в середине замо́к; не понимаю — как туда всходят. Мы ночевали в ***¹⁷, но не имели в виду страшилища <....>.

Ночлег здесь обыкновенно в хате, довольно высоко освещенной маленьким отверстием над входом, против которого в задней стене камин; по обеим сторонам сплочены доски на пол-аршина от земли и устланы коврами; около них стойла, ничем не заслоненные, не заставленные. Между этими нарами у нас обыкновенно ставится круглый стол дорожный, повар наш славный, кормит хорошо. [Ребята и взрослые глазекот на приезжих.] Мазарович покуда очень мил, много о нас заботится; и уважителен, и весел.

Нынче мы с трудом проработывались между камней, по гололедице, в царстве Жуковского¹⁸, над пропастями; туманы, туманы над горами.

Вчера я весь день как сурок проспал. Четыре дня, как мы из Тифлиса, три остается до Эривани; нас очень пугают Дилижанским ущельем.

2-го февраля.

От караван-сарая мы отправились по течению Автафы, встречь ее течению, и пошли ущельем, где около нас повторялись кавказские места — скалы лесистые, у их подножия, между ними шумит река, то делится на тонкие струи. Только то разница, что в прежних ущельях порохом и ломом боролись с преградными твержами, а здесь руками человекoв ничего не приспособлено к удобному проезду. Груды камней на каждом шагу как будто нарастают; отростки деревьев бьют в глаза; дорога почти непроходимая; вышли на открытое место — тут сильный ветер поднялся навстречу и не переставал нас продувать и пос-

ле, когда уже горы сузились, и мы возле, в лесу, выбрали себе у склона горы, упершись в речку, местечко для отдыха и ночлега. Тут мы расположились на временную пастырскую жизнь, склади себе из вьюков балаганы, обвешали их коврами, развели огни, около них иные согревались, другие, насадив на лучину куски сырого мяса, готовили себе кебаб. Лучше всех курился огонек на острове, поодаль от нас, около которого обсело странствующее купечество; лошади наши паслись на пригорках.

А хорошо было ночевать Мафусаилам и Ламехам; первый, кто молотом сгибал железо, первый, кто изобретал цевницу и гусли, — славой и любовью награждался в обширном своем семействе. С тех пор, как есть города и граждане, едем, едем от Финского залива дотудова, куда сын Товитов ходил за десятью талантами¹⁹, а все в надежде добыть похвальную знаменитость, и, может, век до нее не доедем...

Эривань, 4-го февраля.

Вот другой день пребываем в армянской столице, любезный мой. Худо ли, хорошо ли мы ехали, можешь судить по маршруту, но, для верности, на каждый переход прикладывая верст по пяти, на иной — и десять придется лишних, которые если не домерены межевщиками, то от того не менее ощутительны для усталых путешественников:

От Тифлиса	Версты
Демунчихассанлу	42
Инджа	24
Джогас	24
Караван-сарай	30
Биваки: Богас	42
Караван-сарай	36
Эривань	50

248 = 41 $\frac{1}{3}$ агачам

Не стану утомлять тебя описанием последнего нашего перехода до здешнего города; довольно того, что я сам чрезвычайно утомился: не больше и не меньше 60-ти верст по глубоким снегам проехали мы в шесть часов, — разумеется, порядочной рысью. Вот действительная служба: сочинение канцелярских бумаг не есть труд, особливо для того, кому письмо сделалось любимым упражнением. Вам, гиперборейцам, невероятно покажется, что есть другие края, и на юге, где можно себе отморозить щеки; однако это сбылось на одном из наших людей, и все мы ознобили себе лица. Еще теперь слышу, как хрупкий снег хрустит под ногами наших лошадей; во всякое другое время быстрая Занги в иных местах застыла, в других — медленно пробивается сквозь льды и снега под стены Эривани. Земля здесь гораздо возвышенной Грузии и гораздо жарче; один хребет гор, уже от Тифлиса или еще прежде, отделился влево, с другим мы расстаемся, — он уклоняется к западу; все вместе составляет ту цепь, которую древние называли Тавром. Но здешние равнины скучнее тех скатов и подъемов, которые мы позади себя оставили, — пустынное однообразие. Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходил из головы смешной трагический стих:

Du centre des déserts de l'antique Arménie*.

Въехавши на один пригорок, над мглою, которая носилась по необозримой долине, вдруг предстали перед нами в отдалении две горы — первая, сюда ближе, необычайной вышины. Ни Стефан-Цминд²⁰, ни другие колоссы кавказские не поразили меня такою огромностию; обе вместе завладели большею частью горизонта, — это двуххолмный Арарат, в семидесяти верстах от того места, где в первый раз являлся таким величественным. Еще накануне синелись верхи его. Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговееет перед священными предани-

* Из середины пустынь древней Армении (*фр.*).

ями, один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением. Я долго стоял неподвижен; мой златокопыт, по-видимому, не разделял чувств своего седока, двинулся, понесся и мигом погрузил меня с собою в влажную стихию; меня всего обдало сыростию, которая до костей проникает. Основание Арарата исчезло, середина тоже, но самая верхняя часть, как туча, висела над нами до Эривани.

Уже в нескольких верстах, в нескольких саженьях от города, догадались мы, что доезжаем до обетованного приюта; туман долго застилал его от наших глаз, наконец, на низком месте, между кустами, влево от дороги, по которой и мы своротили, пояснились две части зданий, одна с другой ничем не соединенные. Мы въехали в пригородок. Но — представь себе удар человеку, который в жестокую стужу протрясся полдня в надежде приютиться в укромной горнице; навстречу нам ни души; стало быть, не радели о нашем успокоении, не отвели еще квартир. Я бесился; притом неуважение к русским чиновникам всякого на моем месте, и с меньшим самолюбием, так же бы оскорбило. Миновали сады, высокие трикровные кладбища, длинные каменные ограды, за которыми стоят дома, башни и куполы мечетей, а навстречу нет никого! Мазарович кричит, что прямо ворвется к сардарю²¹ и сделает суматоху. Наконец выступаем на поле, что между крепостию и городом, и тут несется к нам посланный от сардаря чиновник в драгоценной шубе, на богато убранном коне и просит извинения, что адъютант, посланный нас принять, не по той поехал дороге; в самом деле, мы избрали путь кратчайший, но не тот, которым обыкновенно сюда прибывают. В ту же минуту фараши²², в высокой шапке, в желтом чекмене, в синем кафтане, с висячими на спине рукавами, длинным шестом своим указывал нам путь и бил без милосердия всякого, кто ему под руку попадался, мужчин и женщин. Женщины становились к нам задом, — это меня огорчало, но впереди хамы несли стулья в отведенный нам дом, — это меня веселило. Такое особенное предпочтение нам, русским; между тем как англичане смирен-

ногибают колена и садятся на пол, как бог велит, и разутые, — мы, на возвышенных седалищах, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчем персидские многоценные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уважения, на которой они справедливо удерживаются в здешнем народе.

Однако, прежде чем идти далее, позволь сообщить тебе замечание. Для дамской нежной разборчивости оно бы не годилось, но ты, военный человек, не взыщешь. При первом появлении посланного от сардаря и с ним двух фарашей, нашего обоняния коснулся самый чудный, тяжелый, неприятный запах. Не поверишь: избыток асфальдиты в наших аптеках — резеда в сравнении с этим. Не понимаю, как они, три злодея, так сильно и скоро умели заразить собою воздух!

Вслед за действующим посохом фараша, за толпою народа, им гонимого, мы въехали чрез широкие наружные ворота в дом Мегмед-бека; в круглом, крытом и немощеном подъезде слезли с лошадей и через другие ворота, над которыми возвышается большая надстройка, вступили во внутренний двор, обнесенный с одной стороны теремом, с другой — высокой и фигурной стеною; в нем замерзшие фонтаны и водометы; взошли на крыльцо, для входа перед нами отдернули тяжелую заполу, которою здесь завешивают все двери, и впустили в переднюю комнату. Справа зал, слева зал, и один как другой; множество впадин и простынь, и потолок лепной всякой всячиной; окна косячатые с резьбой, тьма симметрически расположенных четвероугольных из разноцветной слюды; однако свету достаточно, чтобы лба не расшибить. Мы расположились в обеих залах. Вмиг запылали каминны, на небольших амвонах расставили жаровни, подали кальяны. Вскоре нагрянула к нам тьма посетителей и затерянный адъютант. Нас очень забавляло это европейское наименование, которое придают человеку тем только отличающемуся от прочих, что он ближе к особе сардаря и, следовательно, чаще подвергается палочным ударам. Хозяин наш отбыл на охоту, брат засту-

пал его место и изъяснял, что дом, услуга и даже собственная его особа нам принадлежат. Тут же мы нашли английского указателя, не книжку, а человека. Во все мешается, все указывает; природа, кажется, обрекла его хлопать бичом возле кюррикеля или работать веслами в Темзе, — здесь он переводит альбионское строевое ученье на фарсийский язык, который для этого довольно плохо знает; ему вверяют целый баталион или меньше, — по крайней мере, он так говорит. Сарбазы²³ порядочные выйдут балансеры, если по нем образуются. Между тем он нам смерть надоедает; вот другой день не знаем, как от него отделаться; вообще неугомонное любопытство и неотвязчивость здесь в большом употреблении. Каждую минуту незнакомые лица наполняют комнату, смотрят в глаза, в бумагу, если пишешь, и в эту самую минуту какая-то необыкновенная рожа, прикрытая уродливой шапкой, уткнулась в мое письмо. Мне страшная охота припадает за это проучить ее.

Сардарь прислал нам дикого барана с своей охоты; пребольшей зверь, рога с олени, передняя часть преимущественно обросла тучным руном; за эти гостинцы надобно отдаривать; Мазарович щедро отплачивается калейдоскопами, которым пора прельщать Азию, потому что нам уже пригляделась.

Вечером озарило наши покои красное солнышко Эривани — лысый приветливый, веселый старик, любитель русских, почитатель Ермолова, хозяин наш Мегмед-бек, саранг, полковник — не в том значении, что за этим чином следует генерал-майор и проч., а просто военный начальник. Перед ним, за ним несли увесистые подсвечники, подносы с сладями и лакомства, которыми, если бы их описать, вряд ли бы я разлакомил твое воображение. Но в каком бы виде оно ни было, гостеприимство должно притупить стрелы насмешливых наблюдателей; лучше познакомиться тебя с персидскою учтивостью. Вот образчик: Мазаровичу сказал Мегмед-бек, что он до того обрадован его приездом, что, если бы такому дорогому гостю вздумалось позабавиться и отсечь голову всем его слугам и даже брату,

он бы чрез то великое удовольствие принес хозяину; а мне, первостепенному мирзе, когда я просил его велеть унести жаровни, чтобы от жару не переменить место и не отсесть от него далее, объявил, что место мое у него под правым глазом. Карамзин бы заплакал, Жуковский стукнул бы чашей в чашу²⁴, я отблагодарил янтарным гроздным соком, нектаром Эривани, и пурпурным кахетинским. Беседа наша продолжалась далеко за полночь. Разгоряченный тем, что видел и проглотил, я перенесся за двести лет назад в нашу родину. Хозяин представился мне в виде добродушного москвитянина, угощающего приезжих из немцев, фараши — его домочадцами, сам я — Олеарий. Крепкие напитки, сырые овощи и блюда с сахарными брашнями — все это способствовало к переселению моих мыслей в нашу седую старину, и даже увертливый красный человек, который хотя и называется англичанином, а, право, нельзя ручаться — из каких он, этот аноним, только рассыпался в нелепых рассказах о том, что делается за морем, — я видел в нем Маржерета, выходца при Дмитриии, прозванном Самозванцем, и всякого другого бродящего иностранца того времени, который в наших теремах пил, ел, разживался и, возвратясь к своим, ругательством платил русским за русское хлебосольство. И эриванский Маржерет, или Дурьгильбред, язвительно отзывается насчет персиян, которые не допускают его умереть с голоду.

Эривань, 5-го февраля.

Наутро, после нашей вечерней беседы, я встал с жестокою головною болью; надо было приодеться и ехать к сардарю. В передней ждал нас иасскул²⁵ его в красном длинном платье, при ужасной палке с позолоченным набалдашником для известного употребления.

Сардарь Гусейн-хан (из царствующего ныне поколения Каджаров) в здешнем краю первый по боге, третий человек в государстве; власть его надежнее, чем турецких пашей; он давно уже на этом месте; платит ежегодно в бей-

рам²⁶, не всегда одинаково, в виде подарка, а не государственных доходов, несколько тысяч червонцев, за которые имеет право взимать третью долю со всего, что земля производит, а распутится, так и все три доли его. Разумеется, что продавцы ждут, покуда он свою часть не сбудет с рук. Не только внутренняя торговля — им часто стесняется и внешняя, несмотря на трактаты, которые, так как и Адам-Смитова система, не при нем писаны. От себя содержит войско, но в военное время требует денег от двора. В судных делах его словесное приказание — закон, если истцы или ответчики не отнесутся к Шар — кодексу великого пророка, которого уставы неизменны.

Одевшись, мы отправились к его высокостепенству. Нам предшествовал иасскул и так же исправно отправлял свою должность, как фараши накануне. Дома здесь испещрены внутри, снаружи удерживают цвет природы, свойственный материалам, из которых выстроены, — по большей части дикие. В нашем отечестве роскошь гостиные и залы убирает с изящною простотою, а извне любит раскрашивать стены и приставлять к ним столбики.

Мы доехали зубчатой крепостной ограда, потом, через несколько скважен, которые называются улицами, протеснились до последнего двора сардаря. Не знаю — что тебе сказать об его хоромах? Нет ничего целого, притом столько кривизны, поворотов, переулков, пристроек, надстроек, входов, проходов, узких, сумрачных и вовсе мрачных, что толку не доберешься. В преддверии, род конуры, и на площадке перед ним толпилась тьма любопытных; их наружность, ужимки, платья — все это похоже на вход в маскарад. Возшли в приемную; она должна быть очень хороша для персидских глаз: велика, пол устлан дорогими узорчатыми коврами, и потолок, и весь зал расписан многими японскими узорами; слева ставни занимают всю продолговатую стену: в них цветная слюда перемешана с резьбою и с наклейными коймами — это окна. Прямо против входа камин; в правой, тоже длинной, стене выемка в полукруге, в котором выпуклый потолок представляет хаос из зер-

10-13 февраля.

кальных кусков, и там камин. На всех стенах, в два ряда, один над другим, картины — похождения Ростома, персидского великана сумраков, которого Малькольм вклеил в свою историю. Я имел время на все это уставить мой лорнет, потому что нашего сардаря еще не было. Хан, сын его, в красной шубе, подогнувшимися коленами сидел на отцовском особенном ковре возле камина, что против входа. Он делал нам обыкновенные вопросы о здоровье высоких особ. Потом все в пояс поклонились входящему сардарю. Тьма народу высыпала за ним. Он, взявши за руку Мазаровича, сказал ему, что познакомился с нами, его мирзами, потом с тремя детками уселся в угол на своем месте. Сын его стал у притолки с прочими приближенными чиновниками, брат сардаря сидел по другую сторону камина, мы к окну на приготовленных для нас стульях, все прочее благоговело, стоя в глубоком молчании. Он сделал те же вопросы, что сын его; подали кальян, чай с кардамоном²⁷. На головах несли огромные серебряные подносы с конфетами; несколько подносов со множеством сластей поставили перед нами. Сардарю прислуживали на коленях. Конфеты совсем для меня нового рода, однако превкусные; я около них постарался. Между тем разговор происходил о походе Алексея Петровича в Чечню и в Дагестан, о путешествиях нашего государя по Европе для утверждения повсеместного мира. Не помню, право, при каком случае он Вену перепутал с Венециею <...>.

Нахичевань, 9-го февраля.

Третьего дня, 7-го, мы отправились из Эривани, сегодня прибыли сюда; всего 133 $\frac{1}{2}$ версты. Не усталость меня губит — свирепость зимы нестерпимая; никто здесь не запомнит такой стужи, все южные растения померзли. При том как мне надоели все и всё! Прав Шаховской — скука водит моим пером; немудрено, что я тебе сообщу ее же! Нет! нынешний день не опасайся ничего: ложись спать с одним воспоминанием о тебе!

Сейчас думал, что бы со мною было, если бы я беседой с тобою не сокращал мучительных часов в темных, закопелых ночлегах! Твоя приязнь и в отдалении для меня благодеение. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь в то, что сам для себя не стал бы замечать, но мысль, что наброшу это на бумагу, которая у тебя будет в руках, делает меня внимательным, и все в глазах моих украшает надежда, что, бог даст, свидимся, прочтем это вместе, много добавлю словесно — и тогда сколько удовольствия! Право, мы счастливы созданы.

Как я тебе сказал, мы выехали из Эривани 7-го. Обстоятельно не могу изобразить его. Мы там всего пробыли три дня с половиной, и то задержали некоторые дела с сардарем. Думали также переждать холод, но напрасно: он не переставал свирепствовать. Я даже не отважился съездить в древний Эчмядзинский монастырь, в 18-ти верстах от Эривани в сторону, и вообще, кроме как для церемониального посещения сатрапу, не отходил от мангала²⁸ и от камина, который, по недостатку дров, довольно скудно отапливался. Сколько я мог видеть при въезде и выезде, город пространен, а некрасив, и длинные заборы и развалины, следы последней осады русскими, дают ему вид печального запустения. Об обычаях здешних и нравах мне еще труднее сказать мое мнение от недостатка времени и случая к наблюдениям. Если по одному позволено судить о многих, вот что видел в доме богатого и знатного эриванца. Фарши его в 18 градусов по Реомюру, с раскрытой шеей, без зипунов, не согреваются даже достаточною пищею, но господин иногда ущедряет: разделяет им подачки со своего стола из собственных рук, по кусочку пирожного, наиболее приближенным. Это домашние дела; в делах государственных здесь, кажется, не любят сокровенности кабинетов: они производятся в присутствии многочисленных слушателей. Я, в простоте моего сердца, сперва подумал, что, стало быть, редко во зло употребляется обширная власть,

которой облечены здешние высшие чиновники, но в том, в чем наш поверенный в делах объяснялся с сардаром, например о переманке и поселении у себя наших бродящих татар, о притеснении наших купцов, высокостепенный был кругом не прав, притом изложил, составленную им самим, такую теорию налогов, которая не думаю, чтобы самая сносная для шахских подданных, вверенных его управлению. И все это говорилось при многолюдном сборище, чье расстроенное достояние ясно доказывает, что польза сардаря не есть польза общая. — Рабы, мой любезный! И поделом им! Смеют ли они осуждать верховного их обладателя? Кто их боится? У них и историки панегиристы. И эта лестница слепого рабства и слепой власти здесь непрерывно восходит до бека²⁹, хана, беглер-бека³⁰ и каймакама³¹ и таким образом выше и выше. Недавно одного областного начальника, невзирая на его 30-тилетнюю службу, седую голову и алкоран в руках, били по пятам, — разумеется, без суда. В Европе, даже и в тех народах, которые еще не добыли себе конституции, общее мнение по крайней мере требует суда виноватому, который всегда наряжают. Криво ли, прямо ли судят, иногда не как хотят, а как велют, — подсудимый хоть имеет право предлагать свое оправдание. Всего несколько суток, как я переступил границу, и еще не в настоящей Персии, а имел случай видеть уже не один самовольный поступок. Ты это в свое время узнаешь. В заключение скажу тебе об эриванских жителях, что они летом, может быть, очень приятные люди, а зимой вымораживают своих гостей; это никуда не годится; я продрог у сардаря и окостенел у Мегмед-бека.

День нашего отъезда из Эривани был пасмурный и ненастный. Щедро обсыпанный снегом, я укутался буркою, обвертел себе лицо башлыком, пустил коня наудачу и не принимал участия ни в чем, что вокруг меня происходило. Потеря небольшая; сторона, благословенная летом в рассказах и описаниях, в это время и в эту погоду ничего не представляет изящного. Арарат, по здешней дороге, пять дней сряду в виду у путешественников, но теперь скрылся

от нас за снегом, за облаками. Подумай немножко, будь мною на минуту: каково странствовать молча, не сметь раскрыться, выглянуть на минуту, чтобы, хуже скуки, не подвергнуться простуде. И между ног беспрестанное движение животного, которое не дает ни о чем постоянно задуматься! Часто мы скользим по оледенелым протокам; иные живее прочих; незамерзшие — проезжали вброд. Их множество орошают здешние поля; вода нарочно проведена из горных источников и весною, усыряя пшеничные борозды, долго на них держится посредством ископанных для этого гряд, с которых мы каждый раз обрывались и вязнули в зыбучих глубях.

Нет! я не путешественник! Судьба, нужда, необходимость может меня со временем преобразить в исправники, в таможенные смотрители; она рукою железною закинула меня сюда и гонит далее, но по доброй воле, из одного любопытства, никогда бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блуждать в варварской земле в самое злое время года. С таким ропотом я добрался до Девалу, большого татарского селения, в 8 ¹/₄ агача от Эривани, бросился к камельку, не раздевался, не пил, не ел и спал как убитый.

На другой день, для перемены, опять в поле снег, опять тошное странствие! К счастью, отъехав с пол-агача, поравнялись с персидским барином, ханом каким-то, который на поклон отправлялся к шах-зиде³²! За ним фараши, — один вез кальян, у другого к седлу прикреплен жаровня со всегда готовыми углями для господской курьбы, у третьего огромная киста с табаком для той же потребности. Если бы вместо этой пустой роскоши собрать всех кальянщиков, подкальянщиков и самих страстных курителей кальяна и заставить их расчистить, утоптать, умять снег на дороге, чтоб как-нибудь можно было ехать в повозках, не гораздо ли бы лучше! Новый наш спутник в восхищении, что нашел случай познакомиться с российским поверенным в делах, начал отпускать ужасную нелепицу! Что за гиперболы! В Европе, которую моралисты вечно упрекают порчею нравов, никто не льстит так бесстыдно! Слова: душа, серд-

це, чувства повторялись чаще, нежели в покойных розовых книжечках "Для милых"³³! Любовь будто бы от одного слова, от одного взора нового почтенного знакомца заронила искру в сердце его (персидского хана) и раздула неутошимый пожар, и проч. Во всякое другое время я бы заткнул уши; но теперь этот восточный катаклизм пришелся очень кстати: едва заметно было, как мы сделали 6-ть агачей до ночлега. Мне пришло в голову — что, кабы воскресить древних спартанцев и послать к ним одного нынешнего персиянина велеречивого, — как бы они ему внимали, как бы приняли, как бы проводили?

<Февраль 1819.>

Таврис с его базаром и караван-сараями. Встреча, почести, Фетхалихан боится каймакама³⁴. Обед у англичан, визит каймакаму. Сир Роберт Портер. Приезд шах-зиды, церемониальное посещение, англичане, мое мнение насчет их и наших сношений с Персией. Бани и климат в сравнении с тифлисскими. Мерзлые плоды. Пляска и музыка.

21-го <февраля> выезд из Тавриса. Лошади шах-зиды славные; день кроткий, бессолнечный; с обеих сторон пригорки, слои белые, глинистые, из которой дома строятся. Возле самого Тавриса красные, пшеничные загоны, борозды под малым снегом похожи на овощные огороды. Место довольно гористое, 2¹/₂ станции. Раскинутые сады, тополи, славные квартиры в деревнях, лучше, чем в прежних.

Второй день. Путь вниз, возле гор; справа долина, за которой другая цепь гор. Возле караван-сарая много отдыхающих путешественников, верблюдов и ослов; и мы отдыхаем. Скидаю маску, новый свет для меня просиял. Из караван-сарая поднимаемся в гору по глубокому и рыхлому снегу, и так до самых Уджан.

В виду летний замок. После обеда отправляемся; тьма лисиц на дороге, пьют, играют по снегу и, при нашем приближении, убегают в горы. Юг, 20 ветров, красные облака и между ними синева; черные тучи сзади; между этим всем звезды, как палительные свечи.

Третий переход трудный, крутизны и страх снежно. Съезд на катерах. Долго еду, спускаюсь в селение, где ночлег. Вьюки падают, чуть не убивают людей каждый раз, когда объезжают их верховые стороной, где снег глубокий.

Четвертый переход приятный, однако много подъемов. Река Миана. Часто переезжаем вброд около красных утесов, которые похожи на обыкновенные здания. Приезд в Миану. Опасное насекомое, ковры.

Пятый. Туманы. Вступаем в ущелья самые узкие, пещеры, туман. Мост на Кизиль-агаче³⁵, оттуда же по горам, на каждом шагу падают лошади; тьма селений, но всё не те, где ночевать. Блужданье по полям, где нет дороги и снег преглубокий. Так застигает ночь. Приезд в замок.

Шестой. Трудный путь по зимней дороге; где проталины, там скользко и камни. Устаю. Солнышко садится чрезвычайно живописно и золотит верхи гор, которые, как волны, зыблются от переменчивого отлива. Местечко, славный замок. Хан. Много деревень.

Седьмой. Бесснежный путь. Славный издали Занган красиво представляется. Встреча. Перед Занганом в деревне — встреча. Множество народу. Сходим возле огромного дома. Описание его. Славные плоды. Явление весны. Музыка вечером.

Восьмой день там же. Накануне батоги и 5 туманов за лошадь.

Девятый. Горы простираются справа и слева. Между ними долина необозримая. Вот до которых пор доходило посольство. На кургане, окруженном деревьями, беседка приемная, другая тоже, башня четверугольная как в Зангане гарем, треугольник для евнухов, беседка для бани. Ямы на поле, замок, далее руины Султаней³⁶. Тьма верблюдов, ширванские купцы. Мечеть вся внутри изложена двойными изразцами. История Кодабенде. Лепные слова как кружево. 37 шагов в диаметре, 43 шага до 3-го этажа, от 2-го до 5-го 22; потом 60 шагов без ступеней, сход на платформу, где купол, 8 минаретов, в одном 40 шагов. Вид отсюда.

Десятый день холодный и дождливый. Целый день в маске и в тюрьме. Заезжаем в деревню, где хозяин желает

прихода русских. Вечером прояснилось. Дождь смыл снег, даже на горах. Скачем до Абгара. Сады в Абгаре, мечети; выезжаем из ворот, славная дорога, скачем друг перед другом и доскакиваем до ночлега. Уже горы чрезвычайно расширились. На другой день в 3 $\frac{1}{2}$ часа поспеваем в Казбин³⁷.

Казбин, древняя метрополия поэтов и ученых. Фисташковые деревья. Хозяин жалуется богу на Каджаров. Остатки древнего великолепия — мечети, мейданы и проч. Перед Казбином много деревень в стороне, принадлежат сардарю Эриванскому; им же выстроены училища в Казбине.

Из Казбина едем к юго-востоку; широкая равнина продолжается. Ночлег. На другой день большой переход; я отстаю. Утро слабое; мальчик с ослом плачет, что он вперед нейдет. Встреча с ханом, религиозное прение. Издали увеселительный замок шахов в местечке, стоит на террасах; большой двор, вправо жилья, конюшни, влево два царские жилья и башня. С другой стороны замок Алиа и горы. И теперь хороши, а летом еще лучше должно быть.

Переход похож на прогулку; много народу встречается на дороге. Мы то въезжаем на пригорки у склона горы, то опускаемся, но вскоре горы нас сами оставляют и уклоняются schreck übergüts* влево; открываются Негиристанские горы. Подъезжаем к руинам, направо Раги Мидийские, мечеть, и там возвышается Тагирань. Наш дом.

Тагирань.

Негиристанские горы влево. Демавенд за облаками, впереди равнина, справа развалины Рагов Мидийских и мечеть. Стены с башнями, ворота выложены изразцами, неуклюжие улицы (грязные и узкие) — это Тагирань.

Визит седер-азаму, бодрый старичок³⁸. Накануне бейрама, по знаку астронома, пушечный выстрел, подарки, форма принимания.

В навруз³⁹ мы, как революционные офицеры, перед нами церемониймейстер, проезжаем несколько улиц,

* Следует: schräg übergüts — вкось и назад (нем.).

въезжаем через крытые ворота; на обширной площади много народу; чисто, род бульвара. Слева башни разноцветные и стены; впереди мечеть, справа новая мечеть, первый позлащенный купол. Поворачиваем влево, через ворота в крытую улицу; еще площадь, усеяна народом, разные костюмы, песни, бимбаши, огромные пушки на помостах, фальконеты; доезжаем до внутреннего двора, где настоящий праздник. Ждем в комнате возле тронной. Потом и англичане. Перед окошками множество чиновников в богатых шалевых платьях, суетятся в промежуточных аллеях; перед троном бассейн с водометами, в ширину трона; уставлен искусственными цветами, как у нас вербы; сорбеты подносятся; далее, в продолговатости, другой такой же бассейн.

Взводят на наши места. Три зала фальконетов. Журавль. Шах-зиды, большие и малые. Царь в богатом убранстве и с лорнетом. Амлихово замечание⁴⁰. Муллы, стихи, God save the king*⁴¹, трубы, стихи, слон, деньги, представления, телодвижения короля⁴². Как длинна борода царя. Он также в гареме празднует бейрам.

Накануне, ночью и во весь день, все варварская музыка. Наш дипломатический монастырь.

ТЕГЕРАН — СУЛТАНЕЯ

<8–28 июля 1819.>

8-го июля целую ночь не сплю, изготовляемся в путь. Толпа женщин; раскрываются напоследях. Прощальное посещение седер-азаму¹. Он в холодке сидит во внутренних воротах, жалуется, что должен ехать по ночам с шахом, в его летá; упоминает об Румянцеве. — Откланиваемся. — Остановка за вьюками. Отправляемся в самый полдненный жар. Бесплодный вид Тегеранских окрестностей. Сады, как острова, уединенно зеленеют среди тощей равнины. Между

* “Боже, храни короля” (англ.)

гор Демавенд с снежным челом. Вдоль гор доходим до Кенда. Тьма разнообразных деревьев, черешен, шелковиц, орешников грецких, абрикосов и проч. Роскошествуем в свежей квартире под пологом, обедаемся фруктами.

9-го <июля> встаем в глубокую полночь; ни зги не видать, смятение. Спускаемся с горы, камни хрустят, вода плещет под ногами. Мы всё [едем] вдоль гор. К утру слышатся позвонки. Звезда. Небо проясняется. Выезжаем на большую дорогу. Тьма верблюдов, лошаков, коней. Уклоняемся в сторону. Завтракаем. Шах и всякие шах-зиды позади. “Откуда эти господа?” — “Со страхом повергаюсь в прах перед вашим величеством”. — “Усердие всегда водит нас истинным путем”. Залп в Сулейманге. Моя встреча с дочерью хана в трахтараване. — За Сулеймангой три деревни: самая последняя Сункур-Абид. Насилу доезжаем.

Высокий свесистый дуб, под ним помост. Тут мы располагаемся.

10-го <июля> ночью же встаем, перед утром свежо и приятно. Я часто отдаляюсь от других и сажусь отдохнуть возле воды, где тьма черепах. Поля кругом в хлебах; вообще вид обработанного и плодородного края. Несколько деревень. Наконец Сефир-Ходжа; кругом аллея, где располагаюсь спать. Ветер ужасный и знойный. Укрываюсь в деревню.

11-го <июля> жар и утром печет немилосердно, все с себя скидаю, скачу стремглав. Много колесил округ Казбина, срывал молодые фисташки. Наконец, на квартире тьма фруктов и отдых. Молитва хана на рассвете. *Pittoresque**.

Июля 11-го. Видим шахов стан круг его дворца. Приезжаем, разбиваем наши палатки. Луна не показывается, нет бейрама.

Июля 12. Бейрам. Жар. Барабаны, трубы, дудочки, красное знамя, фальконетные залпы... но что делает эффект на параде, не всегда еще полезно в деле, в сражении. Внутрен-

* Живописное зрелище (*фр.*).

ность палатки вся в коврах, а внешняя [сторона] так и поливается. Казбин. Посылается Эйвас к Хозров-хану.

<Июля> 13. Шахский дворец, как скотный двор, полуразрушенный. Сам он очень приветлив, только много томшится на своей подушке. Разговор о маскерадах, театрах и вообще о наших увеселениях. Шах дарит государю Аббас-Мирзу.

<Июля>. 14. Возле нашей палатки факир с утра до вечера кланяется к востоку и произносит: “Ей Али!”² и, обратившись в другую сторону, — “Имам-Риза”³. Поэт Фехт-Али-хан, лет около 60, кротость в обращении, приятность лица, тихий голос, любит рассказывать. Шах за одну оду положил ему горсть бриллиантов в рот.

<Июля> 15. Бунт в Реште, осажденный Хозровханом⁴. Эйвас не возвращается, Абдул-Вагиб посылается в Решт.

<Июля> 17. Шах с избранными из гарема отъезжает к прохладному роднику возле гор, где разбивает свой шатер и пользуется жизнью.

<Июля> 19. Юсуф-Хан-Спадар делал учение с пальбою.

<Июля> 20. Шах его потребовал к себе.

— К чему была вчерашняя пальба?

— Для обучения войск вашего величества.

— Что она стоила?

— 2000 р. из моих собственных.

— Заплатить столько же шаху за то, что палили без его спору.

Утром мы едем за агач от орды, в горы, к югу. Вдоль ручья дикий сад. Ручей проведен водоскатами. Все это местечко включено между гор полукружием. Живописный вид в Султанейскую долину. На дороге три арки — развалины моста. На возвратном пути между ними свистнула пуля по неосторожности персидского стрелка. Заезжаем в мечеть (остаток от древнего города); круглая, внутри стихи, между прочим: “да погубит бог того, кто выдумал сарбазов, а особенно...” Пословица о Каджарах.

<Июля> 25. Дожди беспрестанные; бумажные палатки протекают.

<Июля> 26. Приезд Аббас-Мирзы.

<Июля> 27. Вхожу на одну из дворцовых террас. Дальний вид Султанейского лагеря.

<Июля> 28. 10 000 отправляются к Багдату против турков.

Разговор с нагиб-султаном. Его видимая преданность нашему государю.

Зарю играют; каждый вечер дудочкам, пищалкам и литаврам созвучала вестовая.

Мирза⁵ потерял значительную сумму. Нашли воров и деньги, которые шах себе взял.

РАССКАЗ ВАГИНА

10 июля <1819>.

Шах меня подарил Гаджи-Мирзе-Магмед-Агвари. В их бога он не веровал, и в какого веровал, неизвестно, все ворожил; бывало, запретя у себя, сделает вощенного человека, произнесет над ним что[-то] и перерубит надвое, туловище в одну сторону, а исподнюю часть в другую. Так он в 40 дней доставил голову Цицианова. Шах ему писал неправду, что повоевал Россию, а мой хозяин ему отписал, что, коли так, иди возьми Тифлис; шах рассердился, хотел его порубить, а он, узнавши это, бежал с сыном, с женою и со всем домом, и я с ним, в Багдат. Там владел Гассад-паша. Мой хозяин ему несколько раз предлагал шахскую и Мегмед-Али-Мирзы голову, коли они на него пойдут войною. Шах по нем послал, его не выдали. Другой на место Гассад-паши был назначен из Царьграда, Давуд-Эффенди, и подступил к Багдату. Мой хозяин поднял такой ветер в его лагере, что свету божьего не видать, и качал несколько дней верблюжью голову; потом верблюжьи, лошачьи, собачьи головы зарывали возле Давудова лагеря, ночью. Этих людей поймали. Давуд-Эффенди спросил: по чьему приказанию? кто у вас ворюжит? Ему отвечали: Гаджи-Мирза etc. Потом мой хозяин

назначает, в который день еще вихрю подняться и ставке Давуд-Эффендия надвое разорваться. Так и вышло, и все его войско побежало. Наконец Давуд-Эффенди с помощью Мегмед-Али-Мирзы опять воротился к Багдату. Несколько в городе узнали, что он при себе ферман имеет владеть ему в Багдате, и без драки отворили ворота. Гассад-пашу казнили и моего хозяина с сыном, дом разграбили и после разломали. Несметное множество народу собралось и всяких степных арабов, когда кувшин с нефтью принесли к деревянным воротам дома, чтобы их поджечь, ни капли не нашли, из <...> его искры посыпались <...>.

МИАНА—ТАВРИЗ—ГАРГАРЫ

Вали Курдистанский; молитвы Фетали-шаха. В деспотическом правлении старшие всех подлее.

<17-24 августа 1819.>

17 <августа>. Жар в саду. Амлих плечо сжег. Мианские ковры, клопы. Хан с сарбазами, который к нам ушел. Отправляемся перед закатом солнца. Груды утесов, река Мианачай излучисто пересекает тесные ущелья; разные формы камней, особливо при месячном свете; спуски, всходы, один спуск ближе к Тюркменчаю¹, прекрутой.

18 <августа>. Ночью приезжаем к Тюркменчаю; не сплю; вьюк потерян. Походный декламатор. Тьма куропаatok. В 4 часа пополудни отправляемся. Тьма куропаatok; гористая дорога, снопы, арбузы с приветствием от жнецов и собирателей. Спуски, всходы, 2 караван-сарая; прежние разбой, ныне безопасно.

19 <августа>. Под вечер в Ужданах, в палатках, в виду дворец.

20 <августа>. Поутру едем во дворец — двукровный, весь открытый, по персидскому зодчеству; обсажен вет-

лами, между которыми трилиственник. Эриванское сражение, смотр войскам. Русские головы, как маковые, летят². В другой комнате красавицы, азиатки и мадамы; принадлежности — собачка, куропатка, утка.

22 <августа>. Ханский сынок умница. Песчаная, каменистая и холмистая дорога. Встреча. Таврис. Ханский певец. Ханский мирза.

23 <августа>.хлопоты за пленных. Бешенство и печаль.

24 <августа>. Idem. Подметные письма. Голову мою положу за несчастных соотечественников. Мое положение. Два пути, куда бог поведет... Верещагин и шах-зида Ширазский. Поутру тысячу туман чрезвычайной подати... Забит до смерти, 4-м человекуам руки переломали, 60 захватили. Резанные уши и батоги при мне.

30-е августа <1819>.

Во второй раз привожу солдат к шах-зиде, он их берет на исповедь поодиночке, подкупает, не имеет ни в чем успеха и бесится.

На и б - су л т а н. Зачем вы не делаете, как другие чиновники русские, которые сюда приезжали? Они мне просто объявляли свои порученности.

Я. Мы поступаем по трактату и оттого его вам не объявляем, что вы лучше нас должны его знать: он подписан вашим родителем.

На и б - су л т а н. Если Мазарович будет так продолжать, поезжайте в Тейрань.

Я. Мы не по доброй воле в Таврисе, а по вашему приказанию.

На и б - су л т а н. Видите ли этот водоем? Он полон, и ущерб ему невелик, если разольют из него несколько капель. Так и мои русские для России.

Я. Но если бы эти капли могли желать возвратиться в бассейн, зачем им мешать?

На и б - су л т а н. Я не мешаю русским возвратиться в отечество³.

Я. Я это очень вижу; между тем их запирают, мучат, до нас не допускают.

На и б - су л т а н. Что им у вас делать? Пусть мне скажут, и я желающих возвращаю вам.

Я. Может быть, ваше высочество так чувствуете, но ваши окружающие совсем иначе: они и тех, которые уже у нас во власти, снова приманивают в свои сети, обещают золото, подкидывают письма.

На и б - су л т а н. Неправда; вы бунтуете мой народ, а у меня все поступают порядочно.

Я. Угодно вашему высочеству видеть? Я подметные письма ваших чиновников имею при себе.

На и б - су л т а н. Это не тайна; это было сделано по моему приказанию.

Я. Очень жаль. Я думал, что так было делано без вашего ведения. Впрочем, вы нами недовольны за нашу неправду: где, какая, в чем она? Удостойте объявить.

На и б - су л т а н. Вы даете деньги, нашептываете всякие небылицы.

Я. Спросите, дали ли мы хоть червонец этим людям; нашептывать же им ни под каким видом не можем, потому что во всех переулках, примыкающих к нашим квартирам, расставлены караулы, которые нас взаперти содержат и не только нашептывать, но и громко ни с кем не дают говорить.

На и б - су л т а н. Зачем вы не делаете, как англичане? Они тихи, смирны. Я ими очень доволен.

Я. Англичане нам не пример, и никто не пример. Повременный в делах желает действовать так, чтобы вы были им довольны, но главное, чтобы быть правым перед нашим законным государем императором. Однако, ваше высочество, позвольте мне подойти к солдатам, чтобы я слышал, как ваши чиновники их спрашивают.

На и б - су л т а н. Мои чиновники дело делают, и вам до них нужды нет.

Я. Я имею большое подозрение, что они свое дело делают не чисто, как обыкновенно. Они, когда были от вас посланы в нашем присутствии спрашивать русских

об их желании, только что проповедовали им разврат, девками и пьянством их обольщали; когда же мы подошли, то убежали со стыдом. Между тем нам не позволено было ехать на мейдан и отобрать просящихся идти в отечество. Потом, когда вы велели, чтобы я своих людей привел сюда и чтобы прочих солдат привели из баталиона, которые по выходе из моей квартиры были захвачены, я сделал вам в удобность, своих привел третьего дня, их тщательно расспрашивали, никто из них обратно не перешел к вам; но людей, которых имена у меня записаны, которые объявили мне свое желание быть посланными в Россию, которые были захвачены и вы приказали их мне представить налицо, мне их вовсе не показали. Ныне я опять пришел согласно с вашею волею; вот — мои люди, а прочих мною требуемых нет. Притом же ваши четыре чиновника поодиночке каждого из солдат, что я привел, берут на сторону, уговаривают, и бог знает как уговаривают, а мне вы даже не позволяете быть к ним ближе.

Пришли доложить, что из 70-ти человек, мною приведенных, один только снова перешел на службу к его высочеству, но и этот ушел от них, бросился ко мне в ноги, просил, чтобы я его в куски изрубил, что он обеспамятовал, сам не знает, как его отсунули от своих, и проч.

Шах-зида поручал солдатам служить вперед верою и правдою их государю, так же, как они ему служили, между тем мне давал наставления о будущем их благе, чтобы им в России хорошо было.

Я. Я буду иметь честь донести вашему высочеству о поступлении с ними нашим правительством, когда, отведя их в Тифлис, ворочусь сюда. Между тем чрезвычайно приятно видеть, как вы, Наиб-султан, об их участи заботитесь. Ваше высочество, конечно, не знаете, что их уже за давнее время не удовлетворяли жалованьем в вашей службе, и, верно, прикажете выдать столько, сколько им следует.

Наиб-султан. Нет, нет, нет. За что это? Если бы они меня не покидали, продолжали бы мне служить, это бы разница.

Я. Я думал, что за прошедшую службу их ваше высочество не захотите их лишить платы.

Наиб-султан. Пусть Мазарович дает, они теперь его.

Я. Да, у него в руках будущая их участь. Впрочем, и за прошлое время, коли вы отказываетесь, поверенный в делах этот долг ваш им заплатит. Ожидаю от вашего высочества, что сдержите ваше слово и велите привести сюда прочих, желающих с товарищами идти в родину, тех, об которых я имел честь подать вам список.

Тут он позвал нашего беглеца Самсона Макинцева, я не вытерпел и объявил, что не только стыдно должно бы быть иметь этого шельму между своими окружающими, но еще стыднее показывать его благородному русскому офицеру, и что бы Наиб-султан сказал, кабы государь прислал с ним трактовать беглого из Персии армянина? — “Он мой ньюкер”. — “Хоть будь он вашим генералом, для меня он подлец, каналья, и я не должен его видеть”. Тут он рассердился, зачал мне говорить всякий вздор, я ему вдвое, он не захотел иметь больше со мною дела — и мы расстались.

<4-7 сентября 1819.>

4-го сентября.

По многим хлопотам выступление.

5-го сентября.

Ночь, поуостаю*, днем нахожу своих. Брошенный больной. Дыни, хлопчатая бумага. Возле Софийн у мельницы водопад, холодок, кусты, маленький вал, завтракаем. — Идем в ущелье, соляные воды и горы. Взбираемся на высочайшую гору, крутую; узкая тропинка между камнями. Вид отсюда. Вышли в 2 пополуночи, пришли в Маранд в 7-мь пополуночи. Виноградная беседка.

* Очевидно, неправильно прочитанное слово или опечатка в первопечатном тексте; по смыслу предложения следует: поотстаю.

6-го сентября.

Днюем в Маранде. Назаров, его положение. Известие о милостях государя к Маман-хану. Шум, брань, деньги. Отправляемся; камнями в нас швыряют, трех человек зашибли. Песни: “Как за реченькой слободушка”, “В поле дороженька”, “Солдатская душечка, задушевный друг”. Воспоминания. Невольно слезы накатились на глаза*.

“Спевались ли вы в батальоне?” — “Какие, ваше благородие, песни? Бывало, пьяные без голоса, трезвые об России тужат”. Сказка о Василье-царевиче — шелковые повода, конь золотогривый, золотохвостый, золотая сбруя, золотые кисти по земле волочатся, сам богатырь с молодецким по-свистом, с богатырским покриком, в вицмундире, с двумя кавалериями, генерал-стряпчий, пироги собирает, и проч., и проч. “Слышал, сказывает — кто?” — “Так сказывает Скворцов, что в книжке не сложится, человек письменный”.

Успокоение у разрушенного караван-сарая; отсюда равниной идем до ущелья; земля везде оголилась; потом сквозь ущелье, трещины, расселины. Водопроводы с шумом извергаются из ущельев. Около горы сворачиваем вправо до Гаргар.

Разнообразные группы моего племени, я Авраам. Выступили из Маранда в 8 1/2 часов вечера, в караван-сараяе 4 часа утра; отсюда в 7-м часу, в 11 часов в Гаргарах.

АНАНУРСКИЙ КАРАНТИН

29-го ноября <1819>.

Вползываем в странноприимную хату, где действительно очень странно принимают. Холод, спрашиваем дров. Нет, а кругом лес. У ветхого инвалида покупаем дорого охапку. Затапливаем, от дыма задыхаемся. Истопили, угар смертель-

* Справа приписано: “Каменисто”.

ный и морозно по-прежнему. Спрашиваем корму для себя и для лошадей, — ничего съестного. Наконец является маленький, глупенький доктор, с хлыстиком, вертится на одной ножке и объявляет, что мы в “политическом госпитале” (в мефитическом: от сырости запах претяжелый), что нашу комнату иногда заливают вода по колена, что срок сидения зависит от комиссара. Докторишка исчез, и я от угара проболел 24 часа. Явился комиссар, как смерть, курносый.

“Спасите. Карантин ваш очень мудро устроен, чтобы чумы далее не пропускать: потому что она с теми, которых постигнет здесь, непременно похоронится, потому что от холоду смерть, от дыму смерть, от угару смерть (да и сам комиссар, как смерть, курносый, — мы его наконец видели), но Бебутов и я не чумные, не прикажите морить...”

ТИФЛИС — ТАВРИЗ

<10 января — февраль 1820.>

10 января. Сады, влево Кура. Едем по склону горы, влево крепость Саганлук; поворачиваем вправо, кряж гор остается к северу. К югу Меднозаводская гора и хребет. Озеро. От Код Квеша на возвышении. Перед этим развалины на утесе, который как будто руками человека сложен из различных камней.

12-го (января). Через гору в Гергер. Казармы. Отсюда высочайший Безобдал...¹

1801. Омар-хан разбит пшевцами, хевсурцами, в кольчугах, в шишаках, в числе 5000. Русские только были зрителями².

Ad memorandum*. — При князе Цицианове Гуляков взял Чары и Беликаны и убит в Чарах в сражении против лезгин: обнадеялся на 15-й Егерский полк, который победил и смял прочих.

* Для памяти (лат.).

Цицианов армянам: “я и об живых об вас небрегу, стану ли возиться с вашими мертвыми”.

Возится с солдатами, бьет одного и после уверяет, что поссорились, награждает деньгами. Рубли превращает в медали после приказа, что гвардии за развод, а его солдатам за штурм дано по рублю*.

17-го <января>. В монастыре хорошая гостиница, услуга. Бедственное положение патриарха.

18 января, понедельник. Осматриваю монастырь. Рука св. Георгия, копьё, кусок от креста. Место — 4 столпа мраморные, — где было сошествие Христа по представлении, тому назад 1500 лет³. Ризница скрыта. Ковры. Типография на 3 станка. Патриарх ветхий, сетует о судьбе погибших монетчиков в Царьграде. Сам поплачивается за русских приезжих.

До Эривани 12 верст. Летняя беседка с витыми галереями в три этажа. Сам сардарь на балконе. Вода на улицах. Ad memorandum: Mehmour.

Патриаршее сравнение: Эчмедзин как роза между терниями. Портрет шахов гравирован в Париже.

С. Бегичев. Мать и сестра.

Огарев.

Шаховской.

Катенин.

А. О.

Шмидт.

Панин.

П*. Н.

Завадовский.

А. П. Огарева.

Бебутова⁴.

* Далее в первопечатном тексте опущены записи о горе близ Гумри (Алагезе), “где часто замерзают, хотя высота обыкновенная”, об Арарате (16 января), о приезде в Эчмиадзин (17 января).

19 <января>. Вода ночью замерзла в комнате. Отправляюсь. Арарат вправо, как преогромный белый шатер. Много деревьев, садов, речек. Маленькое ущелье Девалу*.

22 <января>. Медление в Нахичевани. Армяне живут хуже татар, — окно для света и дыму, без камина. Мирза-Мамиш, персидская лесть. Чем к ней кто доступнее, тем ее покрывало более рдеет**.

Февраль. От Гаргар к юго-западу, влево, через ущелье, занесенное снегом. Выехавши на широту — равнина до караван-сарая. — По пригоркам до Маранда. Маранд виднеется на высоте за три агача. — Из Маранда в горы подъем трудный. От караван-сарая спуск до Софиянки, ровно до Тавриза; влево и вправо делятся горы⁵.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

28 томов книг получил каймакам¹ из Италии, однако говорит, что там еще много осталось хороших.

Визирь, битый, по условию каймакама с шах-зидою², за финансы.

Где только персиянин может на словах отделаться без письма — он очень рад. В важнейших делах обсылаются через фарашей, которые словесно их производят, и это много способствует к усовершенствованию их природного витийства. В Москве тоже обычай есть с людьми многое приказывать, что гораздо заходит за сферу их деятельности.

Верзилище женщин. Мусульманов обличают в любви с христианками.

* Далее в первопечатном тексте опущена запись от 20 января о том, как Грибоедов дважды тонул в какой-то речке, которая “вздудась и нигде нет проезда”.

** Далее в первопечатном тексте опущена запись от 24 января о приезде в Гаргары.

5-го марта 1822. Тифлис.

Прихожу к Полю; бичё его, который тарелки чистит, принимает депутацию от крепостных своих мужиков. Они жалуются, что им есть нечего; он, князь, им уделяет рубль из своего жалованья. И мой бичё, конюх Иван, — князь, сын майорский. Прихожу домой, у моего Амлиха гости. “Кто у тебя?” — “Цари”. — “Как цари?” — “Да-с, царевнины сыновья, царевичи, нам соседи”.

К Р Ы М

<24 июня — 12 июля 1825.>

Июня 24. *Среда. Иванов день.* Вверх по Салгиру верхом. Сады, минареты, Перовского дачка¹ — приятной, легкой архитектуры домик. Облако столбом над Чатыр-Дагом, будто курится. Ручьи падают справа от нашей дороги в Салгир. Тополь, надгробные камни с чалмами. — Аянь², на восток от него в полуверсте источник Салгира в известковой каменной котловине. Пещера, вход с двух сторон; спереди с шумом извергается источник, слева род окошка; мы, разутые, лезем в него, цепляемся по голым камням, над нами свод, род пролома сверху, летучая мышь прилеплена к стене возле, и внутренняя продолговатая пещера позади нас. Мы сидим над самым о[брывом]м. М. Ш. называет его глазом. Вода холодная, как лед.

После обеда из Аяна косогором к западу, направо лесистая впадина к дороге между Чатыр-Дагом и Темирджи, склонение к северу Яйлы, под ним домик, тут дача Оффена, сзади подошва Чатыр-Дага, впереди ущелье Кизиль-Кобе, проезжаем чрез ущелье Альгар, деревня Човки³ (станция к Алуште), влево малый Джанкой, вправо речка Кизиль-Кобе, ущелье входит клином в гору⁴, там родник сперва наружу, потом отвесно под землю, потом снова широкою лентою падает на камни и течет в долину, кото-

рая позади нас; орлиные гнезда, орешник, кизиль, род ворот между двух самородных камней, пещеры, своды, коридоры, столбики, накипи.

Симферополь. Цыганская нынешняя музыка в Крыму — смесь татарского с польским и малороссийским.

Июня 25. *Дождливый день.* Берем несколько назад, потом левее, по северной подошве Чатыр-Дага до Буюк-Джанкой, оттудова вверх довольно отлогая дорога, лесистая, справа овраги, тесные и глубокие долины, бездны лесные, там течет Альма, ее исток между Чатыр-Дагом и Султан-горой, белые холмы Саблы в отдалении, еще далее горы Бахчисарая. Поднимаемся на террасу каменную, инде поросшую лесом, убежище чабанов внизу, а далее в равнине все еще туман. Шатаемся по овчарням.

После обеда. Наелись шашлыка, каймака⁵, на круглом столике, поселившись в каменной яме к северу от овчарного хлева. Зелень и климат северные. Низменная даль все еще подернута непроницаемою завесою, оттудова тучи поднимаются к нам, ползут по Чатыр-Дагу. Он совершенно дымится. Горизонт более и более сужается, наконец я весь увит облаками.

У здешних пастухов лица не монгольские и не турецкие. Паллас⁶ производит их от лигурийцев и греков, но они белокуры, черты северные, как у осетинов на Кавказе.

Гроты снеговые, стены покрыты мохом, над ними нависли дерева. Спускаюсь вглубь, впалзываю в узкое отверстие, и там снежное приятелище — родник замерзший. Скатываем камень, — продолжительный грохот означает непомерную глубину. Выхожу оттудова, — синее небо.

Поднимаемся на самую вершину. Встреча зайца. На иных зубцах самого верхнего шатра и на полянах ясно, но у самого верхнего зубца нас захватывают облака, — ничего не видать, ни спереди, ни сзади, мы мокрехоньки, отыскиваем пристанища. Розовая полоса над мрачными облаками, игра вечернего солнца; Судак синее вдали; корабль в Алуште будто на воздухе; море слито с небом. Попадаем в овчарню на восточной вершине, обращенной лицом к югу.

Сыворотка, холод, греюсь, ложусь на попону, седло в головах, бляение козлов и овец, нависших на стремнинах. Ночью встаю, луна плавает над морем между двух мысов. Звезда из-за черного облака. Другая скатилась надо мною. Какой гений подхватил ее?

Июня 26. Пятница. Кочуем в тумане и в облаках целое утро. Сажусь на восточный утес, вид на глубину к Темирджи. Два корабля в Алуште. Съезжаем до лучшей погоды в Корбек⁷, лесом ручьи. На квартире (крайнейверху) с балкона вид на море. Справа из-за Султан-горы высовывается Кафель. Балкон под сливою и грецким орешником. — Под вечер пешком в Алушту средними возвышениями, подошвою Чатыр-Дага. Замок Алустон в развалинах, налево Шумы, деревня Темирджи на воздухе; возвращаюсь низом, сперва садами, потом тропую, которая ведет в Бешуй, ногами растираю душистые травы, от которых весь воздух окурен. Татары любят земные плоды.

Ночью встаю, месячно.

27 <июня>. Опять в гору; сперва лесом, потом голые вершины уступами. Круча.

Панорама с Чатыр-Дага:

Впереди под ногами площадь, терраса Чатыр-Дага, первая под самым темем, шатром (чадирь), все негладкости будто стесаны, пониже дичь, густой лес, в нем источник Альмы между Султан-горой и Чатыр-Дагом. Далее дугую Севастополь, Бахчисарай, Саблы, белые меловые горы, правее Салгир, Акмечеть⁸, еще далее Козлов⁹ и море, между всем этим; ближе к месту, с которого смотрю, волнистые холмы, по ним солнце играет. — Справа Зуя, Карасубазар, над ним дымок, задняя пологая часть восточной Яйлы, часть Азовского моря голубою полосой окружает с востока степь и дол до Перекопа. — Слева западная часть задней Яйлы, Св. Нос к Балаклаве чернеется. — Обратясь назад — море, даль непомерная, с запада спускается к нему Яйла, из-за ней Кафель, прямо Алушта, к востоку берег изгибом до Судака, выдавшегося далеко в море, точно между Обсерваторией и Горным Корпусом. За Судаком Кара-

даг и проч. 3 корабля. На вершине (западном зубце, где мы стоим), между двух углов, шагов 50 стремительный спуск к югу, пологий к северу, обрыв к Альме, дебрь. — За Темирджи несколько слоев гор еще ее возвышеннее. — От Чатыр-Дага к северу площадь, терраса, будто укрепление с исходящими углами, с бойницами, из них иные красные, желтые, серые, и между ними зелень. Белизна меловых гор, которые тянутся, как лагерь.

Несколько орлов с закрюченными крыльями; их плавный и быстрый полет. Дождь, словно занавесь, постепенно закрывает предметы и близится к нам, наконец сечет нас. Прячемся. Новая картина. Улитки. Я над стремниной. Опять ведренно, выхожу из засады. Противуположность, — спереди был мрак, сзади ясно, теперь наоборот. — Следую направлению верхнего обреза от запада к востоку, смотрю на долгие картины из-за промежутков скал, как из-за зубцов Кремля. — Сперва Салгир был вправо, потом прямо против меня, теперь влево, по мере моего шествия. К западу картина становится уже и расширяется к востоку. С восточной оконечности вид на дебрь между Кизиль-Кобе (вчера казался так высок, а нынче через него гляжу), Темирджи и Чатыр-Даг. Ветер переменялся, облака назад пошли и, после дождя, разодранные, как после битвы, тянутся от Султан-горы серединою Чатыр-Дага в Темирджинское ущелье, словно оттудова пар воскуривают; позади всего море, пропасти под ногами и зубцы. Не понимаю, как меня ветер не снес! Прихожу к пастухам, волынки, рожки и барабаны.

Возвращаюсь в Корбек.

После обеда в Шуму; плутаю по оврагам; лошадь мне ногу зашибла. Новая большая дорога. Рысью в Алушту.

Алушта; древние развалины замка, около которого домики с плоскими кровлями прислонены к холму, образующему со многими другими подошву Чатыр-Дага; около него ручьи и сады в яминах. Все место окружено амфитеатром, к морю отрогами обоих Яйл и Чатыр-Дага, которого вершины господствуют над сей долиною.

Корабль нагружается лесом; другой от флота зашел за пресной водою. Разговор с офицерами о Чатыр-Даге. Морские ванны. Эфенди хвастает крепкою черешнею.

28 июня. Едем берегом. Узенькая тропа. Жар несносный. Вправо то голые утесы, то лес. Кафель. Иногда крутой въезд, потом опять спуск к морю. Мыс. Проехав, из-за него выказался Кучук-Ламбат¹⁰. С одной стороны голый и не самый высокий утес, с другой возвышенный и лесистый Аюдаг, далее выдавшийся в море, окружают приятнейший залив; волны дробятся о берег. Фонтан под фигою; вид благосостояния в селении. Дом. Воскресный день. Бороздин называет это "пользоваться премиею природы, не выезжая из отечества". Сад, розмарины, lauriers-roses, маслины, смоковницы, лилеи, дева утеса в Кизильташе. — Еще родник в саду; беседка к морю, затишие от бури, напоминает такую же в Выдубеце. Подводные камни, не доезжая до деревни. Бакланы, дельфины. Venite adoremus*.

29 <июня>. Парфенит¹¹, вправо Кизильташ, шелковицы, смоковницы, за Аюдагом дикие каменистые места, участок Олизара, шумное, однообразное плескание волн, мрачная погода, утес Юрзуфский, вид с галереи¹², кипарисники возле балкона; в мнимом саду гранатники, вправо море беспредельное, прямо против галереи Аю, и впереди его два голые белые камня.

Отобеда у Манто** (у жены его прекрасное греческое, задумчивое лицо и глаза черные, восточные), еду далее; Аю скрывается позади, сосны на Яйле, лесистые высокие места, впереди Гаспринский мыс¹³ ограничивает горизонт.

Подъезд к Никитскому саду лучше самого сада. Заглохшая тенистая тропа посреди одичалых остатков греческого садоводства, под гору, плющом увитые ясени и клен, грецкий орешник, акация, дикий виноград, смоковницы,

* Приидите, поклонимся (лат.).

** В первой публикации фамилия была прочитана неверно: Монта.

плачущие ивы. В саду *rus delphinus*, которого я давно домогался названия в Ширване.

Всегда ли лето бывает так прохладно? Дорога более возвышена. Род часовни, где лошадь привязана. Выезжая из сада и поднявшись кверху, в перелеске руины греческой церкви. Вообще до сих пор развалины не живописны, исключая алустонских торчащих трех обломанных башен.

Приятный запах листьев грецкого орешника, когда его в руках растираешь.

NB. Отъехав от Юрзуфа и посмотреть назад, вид берега расширяется через передовые отроги Яйлы, вид на долины к Ялте пространен, и пожелтевшие нивы разнообразят темную, многотенную картину.

Ночую в Дерекое¹⁴. Кладовая хозяйина. Один каштанник во всем краю. Сад Мордвинова в Ялте.

Округ Никиты. Запущенные и брошенные сады греков, выведенных в Мариуполь.

30 июня. Пространная долина, и плодоносная. Горы почти так же высоки, как около Алушты, и окружают допристани. Аутка¹⁵ — греческое селение в сторону от дороги, но в ней все по-татарски. От Аутки лесом прямо в гору, справа с Яйлы водопады Ялты¹⁶. Оборотясь назад, вид расширяется от верха Яйлы до Никиты-буруна; прелестная темная (fonsée) долина, усаженная лесом; пестрота нив, садов и деревьев, часть моря у Яйлы. Спустился на большую дорогу, опять лесом до Кушелева сада в Урьянда¹⁷. Нос Айтодор каменистый выдается в море; тут развалины монастыря. Выезжая из леса и поднявшись на высоту — пространный вид. Яйла, голая, дикою стеною господствует над Гаспри, Хурис¹⁸, Мускор¹⁹ и Алупкою. С пригорка над Гаспрою опять виден Аюдаг, который было исчез за Никитинским мысом. — Чрезвычайно каменисто; земляничный лес на Яйле, как кровь красный. Вчера высота Яйлы была осенена соснами, а ныне безлесна.

В Алупке обедаю, сижу под кровлею, которая с одной стороны опирается на стену, а с другой на камень; пол выходит на плоскую кровлю другого хозяйина, из-за нее

выглядывает башенка мечети. Муэдзин Селами-Эфенди, шелковицы, виноградные лозы, сюда впереди два кипарисника тонкие и высокие, возле них гранатовый куст; вообще здесь везде оливы, лавры и гранатники рдеют. Паллас говорит, что у Айтодора устрицы, но пора рабочая, теперь не ловят. Греки в Аутке.

После обеда. Из Алупки в Симеис, оливы, гранаты, коурме²⁰, роскошь прозябения в Симеисе; отсюда утес, обрушенный в море торчма, на нем развалины замка; проезжаем сквозь теснины частию нависших и в море обрушенных громад, другая на суше, над нею прямо обломанный утес, повсюду разрушение. Дождь, укрываемся к казакам (береговой кордон, далее содержит его балаклавский полк), от дождя быстрые потоки и водопады. Яйла совершенно обнажилась из-за передовых гор. Кукунейс; между ним и Кучук-коем²¹ обвал от землетрясения, будто свежевспаханная земля; отсюда вид на крайний мыс южного берега Форус, темный, зубцы и округлости отрисовываются позади светящим вечерним заревом. (На другой день я увидел, что это только зубчатая поперечная скала между Мшаткою и Кучук-коем.)

Лень и бедность татар. Нет народа, который бы так легко завоевывал и так плохо умел пользоваться завоеваниями, как русские.

1 июля. Из Кучук-коя косогором. Я задумался и не примечал местоположения; впрочем, те же обвалы, скалы справа, море слева, поперечные зубчатые скалы. Поднимаемся близ форусского утеса вверх лесом, похоже на подъем с моря на Чатыр-Даг, красноречивые страницы Муравьева²², перевалась через Мердвень. Паллас прав насчет лицеочертаний приморских татар трех последних деревень.

Байдарская долина — возвышенная плоскость, приятная, похожая на Куткашинскую. Кровли черепичные; кажется, хозяйство в лучшем порядке; хозяйский сын хорошенький. Тут я видел, что во всей Азии, как хлеб молотят: подсыпают под ноги лошадям, которых гоняют на корде.

После обеда в лес до Мискомии. Отсюда две трети долины заслонены выступающею с севера горою, так что тут делается особенная долина; отсюда в гору извивистой тропею спускаемся к хуторку, к морю (bergerie), где была разбита палатка для Екатерины во время ее путешествия; справа из-за плетня белеются меловые горы, между Узеном и Бельбеком. Поднимаюсь на гору. Панорама: вправо долина Узеня, под пригорком Комара, или Карловка, слева море разными бухтами входит, врезывается в берега. Прямо впереди тоже море окружает полуостров, которого две оконечности — Севастополь и Балаклава. Влево, в море флот из 9-ти кораблей; под ногами два мыса, как клавиши. Еще ниже островерхий пригорок, на нем замок и башни древнего Чемболо; на втором мысе (из двух параллельных) сады и обработанная поляна.

Объезжаем ближайшую гору, к северу Кадикой²³, бухта тихая, как пруд, и местечко балаклавское на подошве западной горы; бухта сжата продолговатыми мысами, на вид безвыходными. Школа, дом Ревельота, церковь, мечеть упраздненная, балконы на улицу. Ночью мало видно. Дежурный капитан. Готовится мне ялик для прогулки по бухте, на другой день, на рассвете. Комната моя в трактире с бильярдом. Морская рыба макрель, кефала.

2 июля. Поутру, бухтою, вниз к устью, — не видать никакого выхода; на протяжении до открытого моря на 1 1/2 версты заслонено утесами с обеих сторон; слева замок, полукруглый залив по выходе в море. Дельфины и бакланы. Плыдем в оба направления, к востоку Святой Нос, как будто развалины монастыря. Воротясь назад, приятный вид местечка — в церковной ограде кипарис, мечеть внизу, старая церковь в горе, школа — самое чистенькое здание. Настоящий грек, слуга в трактире, пылает желанием сразиться с греками и сдирает с меня втридорога за квартиру.

Уезжаем из Балаклавы назад к верху бухты, налево в гору, вправо внизу Кадикой, церковь беленькая, приятный вид после запачканных мечетей, еще в гору, мимо Корани (все 4 деревни греческие). Хорошо отстроенные домики.

Возвышение, с которого Гераклиевский полуостров как на ладони; окружен морем. Панорама: мы лицом прямо на запад, вправо белеются дома Севастополя и большая бухта, корабельные мачты, далее северная коса и еще далее козловский берег, впереди маяк и две бухты, как на чертеже. Хутор монастырский и другие, налево новая колокольня св. Георгия (напрасно выстроенная). Позади гористый вид, мыс Ай-Даг, Святая гора, отсюда виден; говорят, что он первый в Крыму представляется плывущим из Царь-града. Не это ли Кримутопон? Это похожее на дело, нежели “баранья голова” Муравьева²⁴. Долина Узенья, слева белый кряж гор известковых новейшего образования: вглубь всей картины верх Чатыр-Дага, нависшего как облако.

NB. Воспоминание о великом князе Владимире²⁵.

Едем в монастырь. Крутизна по входе в ворота; внезапности для меня нет, потому что слишком часто описано (так же, как и Байдарская долина: если бы безымянная, она бы мне более понравилась; слишком прославлена). Спускаюсь к морю, глаз меня обманул: гораздо глубочайший спуск, чем я думал. От церкви глядеть наверх, к колокольне, похоже на Киевскую Лавру, но вид из Лавры несравненно лучше. — В море справа два камня, как башни, между ними утес вогнутою дугою, слева скалы; под их тенью раздеваюсь и бросаюсь в море. Вода холодная, как лед. Красивые разноцветные камушки, прекрасно округленные. Назад подъем тяжел. Змея. Митрополит из Кефалоники.

Едем в Севастополь; жарко, сухо, мерзко и никакого виду. Город красив. Сначала виден с Артиллерийской бухты дом Снаксарева. Мы берем вправо, в заставу. Под вечер гуляю. Лучшее строение города — гошпиталь над южной, самой пространной бухтою. Огибаю Артиллерийскую бухту, базар, живопись, купаются, скверные испарения. Батарея, закат солнца, иду на Графскую пристань, отсюда большою улицею вверх, мимо двух церквей, домой. Ночь звездная, прекрасная, но безлунная. Маяки светятся в стороне к Инкерману²⁶.

3 июля. Севастополь лежит лицом к Ктенусу, одною стороною на южную военную (или Корабельную) бухту, а другою на Артиллерийскую. Несколько батарей на северной косе и на мысе военной гавани. Ктенусом плывем 7-мь верст; лес истреблен (жаль, а то бы прелестное гулянье по воде). В балках справа казенный сад, где гулянье 1-го мая, пороховой магазин, слева сухарный завод, справа и слева хутора. Выезжаем в камышовый Узень, струйка пресной воды, ясени и другие деревья; направо гора двойная, изрытая пещерами; коридор, полуразрушенная внутренность церкви (живопись: святой с ликом, стертый), точно арки гостиного двора или караван-сарая. Древний мост слывет Ханским; перейдя через него, наспротив прежних и выше их две другие горы, тоже пробитые пещерами, иные застроены и вымазаны, с окошечками, нашими артиллеристами, рабочими на селитренном заводе. Здесь церковь целее, фигурные украшения, горнее седалище. Из придела церкви обломанный свод без лестницы; Александр²⁷ туда, и я за ним. Вверху ступени в крепость, идет к южной крутизне, там пещеры ярусов в десять, иные раскрашенные, иные клетчатые, выдолбленные украшения.

Вид на луг и долину Узенья прелестный. Также, оборотясь вправо, на залив. Вероятно, когда напали на жителей, то они спасались на верхние жилья; если подламывали пилястры, то бросались в крепость. С севера и востока стены и башни довольно целы, так как эти обе стороны здесь приступнее и положе, то и был тут он укреплен тверже, двойною стеною. На север башня круглая и далее четырехсторонняя, на восток зубчатая стена, башня круглая, опять стена, четырехугольная башня и еще стены и круглая башня угловая.

Инкерман самый фантастический город; представляю себе его снизу доверху освещенным вечером. — Но где брали воду? — Отчего монахи? — Во всяком случае, ариане, ибо готфы сперва были ариане; таков был и переводчик их Библии епископ Ульфила.

С севера сход, крыльцо к роднику. Приятно умываться, когда сам божок или нимфа ручья подает воду из ручнойники. Панорама с крепости: к западу Ктенус и горы такие же, как та, на которой крепость и которые отделяют полуостров. К югу, за долиною Узеня, Байдарские горы; с востока и севера протяжение тех гор, на которых крепость.

После обеда. Часов в 5-ть после обеда еду к карантину. Стена, в которой пролом, прилежит к нынешним зданиям и тянется к заливу направо и по возвышениям югом, где обращается вдавшимися углами многоугольника к западу, возле песчаной бухты упирается в море, и тут пролом и части стен и башен. К сей стороне, внутри, насыпной холм. Не здесь ли Владимир построил церковь? ("Корсуняне подкопавше стену градскую крадяху сыплеую персть и ношаху себе в град, сыплюще посреде града, и воины Владимировы присыпаху более". Нестор.) — Может, великий князь стоял на том самом месте, где я теперь, между Песочной и Стрелецкой бухты. Тут, теперь, наравне с землею основание круглой башни и четверосторонней площади к Стрелецкой бухте. — Впереди все видно, что происходит в древнем Корсуне, и приступ легок. Через город видны холмы Инкермана и два его маяка и верхи западной Яйлы, очерчивающей горизонт как по обрезу; Чатыр-Даг левее и почти на одной черте с городом особится от всех, как облако, но фигура его явственна и правильна. Смотрящему назад видны два кургана, один прибрежный, другой средиземной. Я на этом был, — груда камней, и около него два основания древних зданий. Солнце заходит в море, и черное облако застывает часть его; остальная в виде багрового серпа месяца. Худое знамение для варягов. С насыпного холма, внутри города, виден маяк, а далее, по морю и кругом, не видать. — Пещеры к югу; их множество. Проводник уверяет, что они ведут к Инкерману, обложены огромными дикими квадратными камнями. — Колодезь, водопровод. — Лисица. — Два корабля и флот.

4 июля. Поутру однообразною дорогою, тою же заставою, в которую въехал. Надоело, велел своротить вправо, чтобы сблизиться с морем; едем рвом, множество четверо-

сторонников; поля разделены на клетки каменными основаниями; налево, над рвом, возвышение, на нем [] из огромных грубообтесанных камней, сложенных одни над другими в два ряда, к югу два круглые основания, в них ямины, далее параллелограмм; тут и кончится возвышение.

Подъехав к морю: позади осталась Стрелецкая бухта, круглая впереди; те же клетки и фундаменты параллельных оград. Паллас предоставил себе со временем внимательнее осмотреть остатки древностей около бухт Казацкой, Круглой и Стрелецкой, но при том и остался. Вот что я видел. В конце загиба Камышовой бухты два хутора, второй купца Сергеева "Екима Сергеевича покойного; сын его Левушка махынький, 22-й годочик". В одном из его огородов: [] один бок 16, другой 24 шага с одной стороны, в 4 ряда камни, и еще надделан неполный ряд; иной камень в $2\frac{1}{2}$ аршина длины и $\frac{3}{4}$ ширины; другие бока в три ряда. Обойдя загиб бухты и перевалиясь через пригорок, такой же [] и тут на холме, до самого маячного перешейка, груды огромных и средственных.

Маяк в 12 саженой вышины. Панорамный вид полуострова не так хорош, как с горы Карани: кроме двух возвышенных мысов с правой стороны, ничего не видать. Флот в море, идет к Николаеву на всех парусах. У берега свинки (дельфины) кувыркаются, фонтаном пушают воду из головных отдушин; столпили в стадо рыбу салтанку, которая от них не может отбиться, море наполнили кровью и насыщаются. Стая чаек реет округ их и подхватывает объедки трапезы. Бакланы, уже сытые, плывут впереди.

На возвратном пути, перейдя ров Стрелецкой бухты, на пологом возвышении к древнему Корсуню древние фундаменты, круглые огромные камни и площади. Не здесь ли витийствовали херсонцы, жилали на дачах и сюда сходились на совещания? А нынешний остаток стен может быть только Акрополь. Впрочем, я ужасный варвар насчет этих безмолвных свидетелей былых времен; не позволяю себе даже догадок. Что такое *bâtisses cyclopéennes**? Похоже на

* циклопические кладки (фр.).

турок и персиян, у которых Тезеев храм в Афинах и Персеполь приписываются построению Дивов. — С маяка и на здешнем полуострове видно то же направление земли, как во всем Крыму, — северные берега пологи, южные круты и обрывисты.

5 июля. Через Ахтиарский залив на северную косу; от туда вид на Севастополь, Корсунь и маяк. Едем вдоль берега, поворачиваем, миновав Учкуй, вдоль Бельбека. Берега в садах; справа горы положе и в зелени, слева крутые и голые, меловые. Вероятно, на Каче и на Альме то же. Дуван-кой²⁸, — долина расширяется, справа восточная часть Мангупской горы, прямо срезана, выглядывает из-за протяжения гор, что с правой стороны от дороги.

Сворачиваем еще правее, переезжаем через Бельбек и продолжаем путь вдоль речки Кара-Илаза. Примечательный и оригинальный вид гор, чрез которые прорывается Бельбек, — сахарные головы, верхушки бисквитные. Иной бок закруглен вперед или назад, наверху род теремов и замков или бельведеров, разноцветных от смешения зелени со слоями камней. Гора над Кара-Илазом тоже как будто сверху укреплена исходящими башенками. Оттуда уступами тополи высочайшие. Мельница, дом, гарем (желтенький, в ограде). Гостиница, прекрасное угощение.

Гроза великолепная.

Поднимаемся в верхний Кара-Илаз, ущельем вдоль Суук-Су, потом в Ходжа-сала, влево в ущелье, плуаем заглохшею тропею, въезд на Мангупскую гору с севера, ворота, стены, часть замка, окна с готическими украшениями.

В утесе высечены комнаты. Ходы, лестницы, галереи к северо-востоку вне крепости. На самом конце площад-

ка, под нею вторым уступом острый зубец утеса, направо долина, налево под ногами голое ущелье, где Ходжа-сала; далее море. Спуски, сходни в круглый зал, шесть комнат к западу, к востоку три, узкий ход по парапету, множество других развалин.

Башни и стены к востоку в маленьком промежутке, где не так отвесно. Большая, местами довольно целая, стена западная. Спускаемся заросшею стремниною. Жидовское кладбище. Не худо бы разобратъ надписи. Вид прямо на Кара-Илаз. Ночью в Бахчисарай. Музыка, кофейная, журчание фонтанов, мечети, тополи. Татарин мимо нас скачет вон из города, искры сыплются из трубки.

6 июля. Хан-сарай полуразвалившийся. Вид с минарета. Иду пешком вверх по нашему переулку, оттуда к мавзолею грузинки, от него вверх и опять вниз к мостику. В перспективе гаремная беседка, вид города: тополи, трубы, минареты. Азис, вниз по Чурук-Су базарною улицею, деревня, 6 мавзолеев, один осьмиугольный, карнизы обложены мрамором. Опять в Бахчисарай; от него на восток ущельем вверх по Чурук-Су. Дома под навесом утесов. Минареты, куполы развалившихся баней. Вправо лощина врезана в ту же гору, которая с юга господствует над Бахчисараем. Сворачиваем туда; проехав немного, справа монастырь навис под горою и прилеплен в горе; лестница и церковь и коридоры высечены в камне, балкон пристроен снаружи и келейка, где старик со старушкою. Внизу надгробный памятник неизвестного, надпись русская сглажена. Оттуда ложбиною вверх, везде фонтаны, дорога влево, клином наверху Иосафатова долина в дубовой роще. Налево отвесная гора Чуфут-Кале, туда ведет лестница. Та же система укрепления, что в Мангупе. Олень поле; на стремнине против монастыря остатки башни и стены.

Местоположение Чуфут-Кале: к северу ущелье, где протекает Чурук-Су и где Бахчисарайские горы; к западу ложбина монастырская; к югу лощина кладбищная; к востоку долина глубокая и лесистая между гор, где низ-

менная дорога от Альмы к Каче. Тут вид горный до самой Яйлы-западной. Промежуточные возвышения, холмы и долина погружены в тени, над ними природа разбила шатер, он светозарен от заходящего солнца, которое прямо в него ударяет; все прочее от нашедших с запада облаков покрыто темнотою. Эту картину я видел, проехав Иосафатову долину; к югу от нее и выше, над стремниною, за которой внезапно выставляется Тепе-Кермен с пещерным его венцом, — точно вышка, крепостца наверху. Тут я увидел почти все течение Качи, как она вьется из гор, а позади нас впадение ее в море, которое светится. Впадение в Качу Чурук-Су. Дождь в Бахчисарайском ущелье. Вправо горы Кара-Илаза. На Каче Татар-кой²⁹. Возвращаюсь к мавзолею грузинки³⁰.

Чуфут-гора одна из меловых белых гор между Салгиром и Касикли-Узеном, подобно как Тепе-Черкес-Инкерман и Мангуп, и все они пещеристы. Кто этот народ и против кого окапывался к югу? Раббин говорит: хазары, которые прежде назывались готфами.

9 июля. По двухдневном странствовании еду к М-те Hoffrène в Татар-кой. Из Ахмечета дорога влево от кладбища, вправо остается Лангов хутор и еще далее его же деревенька. Верстах в шести от города с высоты вид моря. Во всем Крыму, как бы долина глубока ни была, — подняться на ближайшую гору, и откуда-нибудь море непременно видно. Спуск к Саблам, где все зелено, между тем как в степи, позади меня, все желто. Чатыр-Даг. Сенные покосы. Крестьяне в Саблах выведенцы из России. Султан. Ирландский проповедник Джемс в Саблах, увидавши меня, рад, как медный грош. Школа плодовых деревьев; коли слишком растут в вышину, то это плохо для плодов. Столетнее алое. Переезжаем Алму у Карагача; ниже сад Чернова на Алме же; далее лесом, низеньким. Переезжаем Бодрак, налево Мангуш. Вступление вправо в ущелье Бахчисарайское с востока, наполнено садами, строениями, развалины дворца, влево, сверху, торчит Чуфут-Кале, ложбина вправо. — Баня в Бахчисарае хуже тифлисской; прежде я

там не был, потому что, когда прочел Муравьева, — как будто сам водою окатился.

10 июля. Утром в Татар-кой. Крутизна к Каче; прекрасная Качинская долина, милые хозяйки³¹. Султан о религии толковал очень порядочно в Бахчисарае, свое и чужое, но премудрость изливается иногда из уст юродивых.

11 июля. Кавалькада в Тепе-Кермен. Гора, нависшая над Татар-коем, верх которой в виде стены, стойма поставленной. Ораторство султана. Ходим по пещерам.

12 июля. Лунная ночь. Пускаюсь в путь между верхнею и нижнею дорогою. Приезжаю в Саблы³², ночью там и остаюсь утро. Теряюсь по садовым извилям и темным дорожкам. Один и счастлив. Джемс кормит, поит, пляшет и, от избытка усердия, лакомит лошадей, которая ему руку сломила. Возвращаюсь в город³³...

ЭРИВАНСКИЙ ПОХОД

<12 мая — 1 июля 1827.>

12 мая. Четверток. Прибытие Семптер-аги из Карса. Новости от Бенкендорфа, нахичеванцев переселяют. В виду у нас вход в пустыни знойные и беспитные. Выезжаем из Тифлиса, Вознесенье. В Сейд-Абаде многолюдно и весело. Толпа музыкантов на дереве, при проезде генерала¹ гремят в бубны. Обогнув последнюю оконечность мыса, вид к югу туманного Акзибеюка; вершина его поливается дождем. По дороге запоздалый инженерный инструмент и сломанные арбы с дребезгами искусственного моста, разметанные по дороге, производят на генерала дурное впечатление. Минуем Коди, верстах в двух от большой дороги сворачиваем в Серван, вдали лагерь у храма. Услужливость мусульман. Речь муллы.

13 <мая>. Пятница. Поутру прибыли к храму. Быстрота чрезвычайная, новое направление реки, мост снесен. Ночью Шулаверы, живописные ставки в садах. Казак линейс-

кий по-чеченски шашкою огонь вырубает и всегда наперед скажет, какой конь будет убит в сражении.

14 <мая>. *Суббота*. Драгунский полк проходит. Лошади навьючены продовольствием и фуражом; люди пешие.

15 <мая>. *Воскресенье*. Ущелье вверх по Шулаверке чрезвычайно похоже на Салгирскую долину². Лесистые, разнообразные горы; позади всего высовывается Лалавер, как Чатыр-Даг с каменистым, обнаженным челом.

Лагерь на приятном месте. Б а б и й м о с т, 4 версты от Симийского погоста, где расширение вида необыкновенно приятное. Генерал делается опасно болен. Беспокойная ночь.

16 <мая>. *Понедельник*. Вверх поднимаемся по ужасной, скверной, грязной дороге. Теснина иногда расширяется; вид с Аквибеюка обратно в Самийскую долину, на Кавказ и проч. Климат русский, Волчи ворота. Пишу на лугу и, забывшись, не чувствую сырости, похожей как на Крестовском острове³, покуда чернила не разлились по отсыревшей бумаге и сам я промок до костей. Ночую с генералом; он все болен. Тут и доктор, и блохи.

17 <мая>. Днёвка.

18 <мая>. В 4 часа меня будят; тащат с меня халат; сырость, холод, Лапландия, все больны. Еду вперед по верховой дороге; несколько руин справа и слева и селения. Крутой спуск в овраг каменной речки. Вся помпа воинственная, с которой ожидают прибытия главнокомандующего⁴.

19, 20 <мая>. Днёвка. Карапахцы поселились на турецкой границе, перехватывают и режут наших посланных. Как бы их оттуда вытеснить? Заботы о транспортах.

21 <мая>. Там же. Принятие турецкого посланца с музыкою. Толст, глуп и важен.

22 <мая>. Там же. Чем свет сажусь на жеребца, который ужасно упрямится. Пускаюсь к развалинам Лори⁵ в 3-х верстах от лагеря. Деревня, беру проводника. Слезая в овраг каменистый и крутобregий, где протекает Тебеде с шумом, с ревом и с пеной. Чистый водопад дробится о кам-

ни справа. Смелая арка из крупного, тесаного камня через него перекинута. Развалина другого моста через Тебеде. Стены и бойницы в несколько ярусов по противулежащему утесу, вползаю через малое отверстие в широкую зубчатую башню, где был водоем; вероятно, вода под землю была проведена из реки. Тут с востока вытекает другая речка, и в виду по сему новому ущелью водопад крутит пену, как будто млечный проток. Из тайника крутая и узкая стежка вьется над пропастью. Духом взбираюсь вверх. Развалины двух церквей, бань, замка с бойницами к северу, оттудова ворота, много резной работы; вообще положение развалин род Трапезонда. К югу два мыса над Тебедеою, к западу бок над нею же, к востоку над другою речкою, к северу замок и ров оборонял его от нападений с луговой плоскости. Прежде здесь царствовала сильная династия Таи, от 8 до 12-го столетия; храбрые, умные цари много обращались с византийцами, от которых заняли зодчество и другие искусства.

Ныне на развалинах в недавнем времени поселились бамбакские выходцы в малом количестве*.

— Письмо Игурлехана. Лишение надежды есть тоже покой.

Просьба, адрес поздравительный карабахцев. Роза расцвела в роще, с ее появлением все цветы получили новую жизнь.

Отъезд турецкого посланца. — Приезд Обрескова. Полная ночь. — Поход.

Июнь 1. Среда. В Гергеры, вдоль Тебеде. Налево руины Лори. Попы армянские на дороге в ризах подносят бога главнокомандующему, который его от них, как рапорт, принимает.

К востоку синеются дальние горы; один конус похож на Тепе-Кермен.

Приходим к лесистой подошве Безобдала; мой шатер над ручьем, приятное журчание.

* Далее в рукописи — перерыв; следующий текст — на других листах.

2-го <июня>. Днёвка. Обскакиваю окрестности. Поднимаюсь на верх горы над лагерем. Ароматический воздух лесной и луговой. Теряю лошадь.

3-го <июня>. Подъем на Безобдал. Трудность обозам. Я боковой стежкой дохожу до самого верха, где ветер порывистый. Спуск грязный на Кишлаки. Гвардейский лагерь прелестен.

Палатка Аббас-Кули над рекою. Заглухшие тропы к опустелым скалам.

Ночью от блох житья нет; в дождь ложусь на дворе.

4-го (июня). Приезд грузинского ополчения. Свалка на дороге. Пещеры. Мавзолей Монтрезора⁶. Дурной лагерь в Амамлах.

5-го <июня>. Воскресенье. Вдоль южной цепи гор переваливаемся через Памву. Вид Бамбахской долины вроде котловины. — Прекрасное лагерное место. Алагез к юго-западу.

Иду на пикет казачий. Табуны. Боюсь за них.

6-го <июня>. Завтрак у Раевского. Лагерное место у руины церкви в Судогенте.

Алагез к западу. Гром, убита лошадь. Арарат открывается.

7-го <июня>. Алагез к северо-востоку. Хорошо до привала. До сих пор в полдень жар несносный, ночью холод жестокий.

Кормы тучные. Артемий Араратский.

С пригорка вид на обширную и прелестную долину Аракса. Арарат бесподобен. Множество селений.

С привала местá, сожженные солнцем. Лагерь за версту от деревни Аштарак. Скорпионы, фаланги. Купол Арарата.

Прелестное селение Ашгараки — мост в три яруса на трех арках, под них река Абарень дробится о камни. Сады, город. Селение принадлежит матери Хосро-хана. Жара.

Ночью головы сняты с двух людей, солдата и маркизанта.

8-го <июня>. Приезд в Эчмядзин. Клир, духовное торжество. Главнокомандующий встречен с колокольным звоном.

Разбиваю палатку между двух деревьев; цветы, водопроводы. Большой обед у архiereя.

Гассан-хан — враг монастыря. Багдатский паша принял к себе жителей.

Султан Шадимский на нашей стороне и его 4 племени. Мехти-Кули-хан перешел к нам с 3000 семействами.

9-го <июня>. Четверг. Поездка в лагерь под Эриванью. После обеда генерал ходит рекогносцировать крепость. Где только завидят белые шапки, туда и целят. Шадимский султан и его подвластные народы нам сдались.

В четверг известие о замысле Гассан-хана с 3000 кутали и карапахами напасть на наши транспорты. Вечером гвардия отправляется в экспедицию; радость молодежи.

Вальховский с колокольной видит пыль вдали.

10-е <июня>. Пятница. 11-е <июня>. Суббота. Приезд посланного от Аббас-Мирзы.

12-е <июня>. Воскресенье. У обедни в монастыре.

Под вечером едем к Эривани. Арарат безоблачный возвышается до синевы во всей красе.

Ночь звездная на Гераклеевой горе. Генерал сходит в траншею. Выстрелы. Перепалка. Освещение крепости фальшфейером.

13-е <июня>. Из Эривани скачу обратно в Эчмядзин. Арарат опять прекрасен. Жар под Эриванью, в Эчмядзине прохладно.

С этого дня жары от 43 до 45⁰; в тени 37⁰. В 5-м часу поднимается регулярно ветер и пыль и продолжается до глубокой ночи.

18-е <июня>. Кто хочет истинно быть другом людей, должен сократить свои связи, как Адриан изрезал границы Римской империи, чтобы лучше охранять их.

Вот задача моей жизни в главной квартире. C'est encore une folie de vouloir étudier le monde en simple spectateur. Celui qui ne pretend qu'observer, n'observe rien, parce qu'étant inutile dans les affaires et importun dans les plaisirs, il n'est admis nulle part. On ne voit agir les autres, qu'autant qu'on agit soi-même, dans l'école du monde, comme dans

celle de l'amour. Il faut commencer par pratiquer ce qu'on veut apprendre*.

Поэтический вечер в галерее Эчмядзинской; в окна светит луна; архиерей как тень бродит. Известие о вырезанных лорийских жителях с 150 арбами транспортными, которые ушли не сказавшись.

19е <июня>. В Эривань. Переправа через Зангу. Обед у Красовского; спор генералов о бреши. Посылают Кольбелей-Султана, чтобы способствовал Курганову к выгону скота.

Каменисто, скверно, вечером ужасные ветер и пыль.

Лагерь на Гарнычае, тону в реке. Ночлег у Раевского. André Chénier.

20 <июня>. Днёвка. Являются с покорностью племянник и сын Вели-аги. Вечером переносим лагерь на противоположный берег реки. Степь ожила при свете огней. Месяц. Арарат. Ущелье Горнычая.

Курганов, ложное о нем известие. Сакен в моей палатке.

21 <июня>. Поутру известия опровергаются. Обработанный край: куда ни кинешь глазом, всё деревни; яркая зелень у подошвы вечных снегов Арарата. Лагерь на Ведичае, куда выгнан скот. Являются Аслан-Султан и другие. Курганов со скотом. Карапахцы.

Чудесная ночь. Известие о неприятеле за Араксом.

22 <июня>. Идем чрез Девалу. Два аиста на мечети стерегут опустелую деревню. Край безводный. Деревень не видать. Привал без воды. Генерал, по слуху о неприятеле, отправляется в авангард. Прокламация садакцам и миллинцам⁷. Садараки прекрасный ночлег.

23 <июня>. Проходим версты 4 в малое ущелье, как ворота Шарурских гор. Прекрасная открывается обработан-

* Вот еще одна нелепость — изучать свет в качестве простого зрителя. Тот, кто хочет только наблюдать, ничего не наблюдает, так как его никуда не пускают, как человека бесполезного в делах и докучливого в удовольствиях. Наблюдать деятельность других можно не иначе как лично участвуя в делах — одинаково при изучении света или любви. Нужно самому упражняться в том, что хочешь изучить (фр.).

ная страна; множество деревень и садов; хлеба поспели, некому снимать. Но осенью вид всего этого прескверный. Я бывал в сентябре — все сухо, вяло, желто, черно.

Лагерь на Арпачае.

24 <июня>. Днёвка. Термометр до 47⁰. Приезд карапахцев, Мехмет-аги, Гумбет-аги Бамбахского и других. Ночью не сплю. Рано, в 3 часа, поднимаемся.

25 <июня>. День хорошо начат, избавляем деревенских жителей от утеснения. Им платят на привале по 6-ти реалов лишних на быка; они благословляют неприятеля. Вообще, война самая человеколюбивая.

На привале отправление бумаги к Красовскому. Раздача энамов, подарков. Я открываю лавку царских милостей. Известие, что шарульцы и миллинцы гонят к нам скот. Безводно, но не чрезвычайно жарко.

Еду вдоль Аракса открывать неприятеля, но открываю родники пречудесные. Жатва не собрана, иные снопы начаты, но не довязаны; вид недавнего бегства. Прекрасная деревня над Араксом, Хоки. Заезжаю в авангард. Лагерь не доезжая до Хок. Тучи и дождь, потом луна всходит. Огни бивуак в ночи производят действие прекрасное.

26 <июня>. Рано поднимаемся; жар ужасный. Рассказ Аббас-Кули, что Елизаветпольское сражение дано на могиле поэта Низами⁸.

8 верст от Нахичевани пригорок. Оттуда пространный вид к Аббас-Абаду и за Аракс. Вид Нахичеванской долины, к северо-востоку Карабахские горы, каменистые, самого чудного очертания. Эйлан-даг и две другие ей подобные горы за Араксом, далее к западу Арарат. Сам Нахичеван стоит на длинном возвышении, которое также от Карабахских гор.

Вступление в Нахичеван. Ханский терем. Вид оттуда из моей комнаты.

Неприятель оставил город накануне. В Аббас-Абаде 4000 сарбазов и 500 конницы. Комендант сменен.

Змеиная гора — в увеличенном виде обожженный уродливый пенёк. Такие еще две.

27, 28 <июня>. Известие о шахе от Мекти-Кули-хана. Муравьев послан рекогносцировать крепость. С моего балкона следую в подзорную трубу за всеми его движениями.

29 <июня>. В 4 ¹/₂ часа кончаю почту, седлаю лошадь и еду к крепости, где 50 человек казаков в ста саженьях от стен заманивают неприятеля. Засада в деревне с восточной стороны. К 10 часам сильная рекогносцировка — 2 полка уланских, 1 драгунский, 2 казачьих, 22 конных орудий обступают крепость. Канонируют. Бенкендорф перебрасывает 2000 человек через Аракс, которые на противоположных высотах гонят перед собою неприятеля. Из крепости стреляют на переправу. Парламентер из крепости. Али-Наги сыновья, Исмиль и Мустафа-ага, переговариваются с нами с гласиса.

30 <июня>. Приезд иавера⁹. Отпущен с угрозами. Вечером поездка к Раевскому в лагерь. Водопады.

Июль 1-ое. Переносится лагерь к крепости. Начало работ не производится за недостатком материалов.

ПИСЬМА

И.Д. ЩЕРБАТОВУ
(Перевод с французского)

<Москва, 1808.>

Крайне огорчен, князь, быть лишенным удовольствия присутствовать на вашем собрании, тому причина мое недомогание. Рассчитываю на вашу любезность, надеюсь, что вы доставите мне удовольствие отужинать у нас сегодня вечером¹. Вы меня очень обяжете, согласившись на мое приглашение, так же как ваши кузены Чаадаевы, члены собрания и т. д., г. Буринский, который, конечно, доставит мне удовольствие своим присутствием.

Преданный вам *Александр Грибоедов.*

С.Н. БЕГИЧЕВУ

9 ноября 1816. Петербург.

Любезный Степан! где нынче изволите обретаться, Ваше флегмордие? Не знаю, что подумать об тебе; уверен, что меня любишь и, следовательно, помнишь, но как же таки ни строчки к твоему другу. С меня, что ли, пример берешь? и то неизвинительно: я не писал к тебе, потому что был болен, а теперь, что выздоровел, первое письмо к тебе. Если ты не намерен прежде месяца быть в С.-Петербургу, то, пожалуй, потрудись не быть ленивым, обрадуй меня хотя двумя словами.

Признаюсь тебе, мой милый, я такой же, какой был и прежде, пасынок здравого рассудка; в Дерпт не поехал и засел здесь, и очень доволен своей судьбой, одного тебя недостает. — Квартира у меня славная; как приедешь, прямо у меня остановись, на Екатерининском канале у Харламова мосту, угольный дом Валька¹. Да приезжай же скорее, неужели все заводчика корчишь, перед кем, скажи, пожалуйста, у тебя нет матери², которой ты обязан казаться основательным. Будь таким, каков есть. — Здесь круг друзей твоих увеличится; да и старые хороши, кроме того В-о-р-о-б-ь-е-в-а на днях спрашивала, скоро ли ты будешь, есть ли у тебя годовые кресла? — Было время, что я бы с завистью это слушал, но теперь прекрасный пол меня не занимает и по очень важной причине. Я ведаюсь с аптекой; какая занимательная часть фармакопия! Я на себе испытываю разные спасительные влияния мужжевеловых порошков, сасипареля, серных частиц и т. п.

Приезжай, приезжай, приезжай скорее. В воскресенье я с Истоминой и с Шереметевым еду в Шустер-клуб³; кабы ты был здесь, и ты бы с нами дурачился. — Сколько здесь портеру, и как дешево! —

Прощай, мой друг, пиши, коли не так скоро будешь, что это за мерзость — ничего не знать друг об друге, это только позволительно двум дуракам, как мы с тобою.

Прощай.

Доставила ли тебе К. Алекс. 500 р.?

Андрею Семеновичу⁴ усерднейший поклон.

С.Н. БЕГИЧЕВУ

С.-Петербург, 1816. Декабря 5.

Милый друг Степан. Спешу тебя уведомить, что я получил твое письмо, виделся с Дмитрием Николаевичем¹ и с Андреем Семеновичем. — А ты болен! видишь, какая у меня с тобою равная доля! Но теперь тебе лучше; смотри же, как оправишься, не мешкая приезжай сюда. Алексей Ивано-

вич Кологривов уверяет, что ты намерен переходить в армию; я уверяю, что ты слишком умен для этого. Кто любит службу и желает дослужиться до высшей степени, тот должен быть в Петербурге. Пожалуй, не воображай, что я это говорю в мою пользу. Конечно, я буду счастливее, живя с тобою вместе, но ты сам много выиграешь, если не выйдешь из гвардии. И что ж тебя в ней пугает? что многие поручики не бреют бороды, как говорит Алексей Иванович? Поэтому стыдно быть и генералом, потому что нынче большая часть генералов таких, у которых подбородок не опушился. Или ты боишься нести большие труды и часто излишние? De Ligne говорит: si l'exercice d'un seul bataillon ne vous transporte pas, si vous ne vous sentez pas la volonté de vous trouver partout, si vous êtes distrait, si vous ne redoutez pas que la pluie n'empêche votre regiment de manoeuvrer — donnez votre place à un jeune homme qui sera fou de l'art des Maurice et des Eugène, qui sera persuadé qu'il faut faire trois fois plus que son devoir pour le faire passablement*. — Притом здесь ты через 5 лет полковник верно. А часы, дни, в которые ты будешь свободен от службы, ты их проведешь весело, с друзьями. Там, в дрянном Иркутском полку², ты не можешь иметь друзей ни по сердцу, ни по уму.

Прощай, меня торопят, нынче вторник, письма отдаются рано на почту. — Не ленись, пожалуйста, писать. Коммуникация между нами открылась pour parler militairement**. Ты знаешь, где я, я знаю, где ты.

Прощай еще раз, целую тебя от всего сердца.

Усердный друг твой А. Г.

* если обучение даже одного батальона не восхищает вас, если вы не чувствуете желанья поспевать всюду, если вы рассеяны, если вы не волнуетесь из-за дождя, могущего помешать маневрам вашего полка, — уступите ваше место юноше, с ума сходящему от искусства Морица Саксонского и Евгения Савойского, убежденного, что нужно делать втрое больше, чем требует его долг, чтобы считать его исполненным сносно (фр.).

** говоря по-военному (фр.).

С.Н. БЕГИЧЕВУ

4 сентября 1817. Петербург.

Любезный друг Степан. Вот почти месяц, как мы с тобою расстались¹; я с тех пор в первый раз принимаюсь к тебе писать, и то второпях. — Прием на почте продолжается до 12 часов, теперь скоро одиннадцать. Нужды нет, если не узнаешь ничего подробного: по крайней мере не будешь надвое полагать, жив ли я или нет. Вот перечень всего того, что со мной происходило со дня, как мы распростились в Ижорах². Прежде всего прошу Поливанову сказать свинью. Он до того меня исковеркал, что я на другой день не мог владеть руками, а спины вовсе не чувствовал. Вот каково водиться с буйными юношами. Как не вспомнить псалмопевца: “Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых”. — Знаешь ли, с кем я теперь живу? Через два дня после Ижор встречаюсь я у Лареды³ с Кавериним. Он говорит мне: “Что? Бегичев уехал? Пошел с кавалергардами в Москву? Тебе, верно, скучно без него? Я к тебе переезжаю”. — Мы разошлись, я поехал, натурально, к Шаховскому; ночью являюсь домой и нахожу у себя чужих пенатов, Каверинских. Он все такой же, любит с друзьями и наедине подвыпить или, как он называет: *т р и н к е н у* за д а т ь.

Брат твой — Иркутский полковник⁴; поздравь его от меня, как увидишь. Неужто он явится в полк? Сделай одолжение, отговори его от этого. У него, кажется, перед глазами мой пример. Я в этой дружине всего побыл 4 месяца, а теперь 4-й год, как не могу попасть на путь истинный. Да нельзя ли тебе написать к Арсеньеву об Шмитовых деньгах? Ты бы через это большую пользу принес человечеству: для того что у меня нет ни копейки, а Шмит, верно бы, со мною поделился.

Прощай, бесценный друг мой, люби меня и помни; скоро ли свидимся, не знаю. — На днях ездил я к Кирховше⁵ гадать об том, что со мною будет; да она не больше меня об этом знает; такой вздор врет, хуже Загоскина комедий. — Кстати, Шаховской меня просит сделать несколько сцен стихами в комедии, которую он пишет для бене-

фиса Валберховой, и я их сделал довольно удачно. Спишу на днях и пришлю к тебе в Москву⁶.

Прощай, от души тебя целую. Пиши ко мне, непременно пиши. Стыдно тебе, коли меня забудешь. Поклонись Никите⁷.

Усердный поклон твоим спутникам Д.С. и А.С. Языковым, Кологривову и даже Поливанову — скомороху.

П.А. КАТЕНИНУ

19 октября <1817. Петербург>.

Что ты? душа моя Катенин, надеюсь, что не сердись на меня за письмо, а если сердись, так сделай одолжение, перестань. Ты знаешь, как я много, много тебя люблю. Согласись, что твои новости никак не могли мне быть по сердцу, а притом меня взбесило, что их читали те, кому бы вовсе не следовало про это знать. Впрочем, я вообще был не в духе, как писал, и пасмурная осенняя погода немало этому способствовала. Ты, может быть, не знаешь, как сильно хорошее и дурное время надо мной действуют, спроси у Бегичева. Ах! поклонись Алексею Скуратову, да сажай его чаще за фортепьяно: по-настоящему эти вещи пишутся в конце письма; но уж у меня однажды навсегда никто не на своем месте. А самое первое голова. — И смешно сказать от чего? — Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахинею¹. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этим оскорбляться, и я сперва, как прочел, рассмеялся, но после чем больше об этом думал, тем больше злился. Наконец не вытерпел, написал сам фасесию² и пустил по рукам, веришь ли? нынче четвертый день, как она сделана, а вчера в театре во всех углах ее читали, благодаря моим приятелям, которые очень усердно разносят и развозят копии этой шалости. Я тебе ее посылаю, покажи Бегичеву; — покажи кому хочешь, впрочем. Воля твоя, нельзя же молчаньем отделяваться, когда глупец жужжит об тебе дурачества. Этим ничего не возьмешь, доказательство Шаховской, который вечно хранит благородное молчание, и

вечно засыпан пасквилями. Ах! кстати он совершенно окончил свою комедию³, недостает только предисловия, развязка преаккуратная: граф женится на княжне, князь с княжной уезжают в деревню, дядя и тетка изъясняют моральную цель всего происшедшего, Машу и Ваньку устыжают, они хотят — стыдятся, хотят — нет, Цаплин в полиции, Инквартус и многие другие в дураках, в числе их будут и зрители, я думаю, ну да это не мое дело, я буду хлопать. — Хочешь ли кое-что узнать об других твоих приятелях. Изволь. — Об Чепегове, однако, я ничего не могу сказать, потому что не видал его с тех пор, как ты отправился в Москву. — А Андрей Андреевич⁴ последний вторник является на вечер к Шишкову, слушает Тасса в прозе⁵ и благополучно спит, потом приходит ко мне и бодрствует до третьего часа ночи. Я его как душу люблю и жалею, а сам я регулярно каждый вторник болен. Читал ты Жандров отрывок из Гофолии в “Наблюдателе”? — Бесподобная вещь, только одно слово, и к тому же рифма пребогомерзкая: г о в я д а. Видишь ты: в Библии это значит стадо, да какое мне дело?⁶ * Я теперь для него “Семелу” Шиллерову перевожу слово в слово, он из нее верно сделает прелестную вещь — это для бенефиса Семеновой⁷. А я ей же в бенефис отдаю *Les fausses infidélités*⁸. Для Валберховой я сделал четыре сцены, которыми Жандр очень доволен⁹. На будущей почте пришлю тебе. Скажи Бегичеву, что это бесстыдное дело, он мне еще ни строчки не писал. — И я ему буду платить тем же. Прощай, сейчас еду со двора: куда, ты думаешь? Учиться по-гречески. Я от этого языка с ума схожу, каждый божий день с 12-го часа до 4-го учусь, и уж делаю большие успехи. По мне он вовсе не труден¹⁰.

Как ты думаешь? “Вестник Европы” не согласится у себя напечатать. Бегичев с ним приятель. — Я бы подписал свое имя (коли нельзя иначе).

* Так в первопечатном тексте.

Вместо Загоскина:

Вот вам *Михайло Моськин*.

А в другом месте:

Вот *Моськин-Наблюдатель*.

А стих:

Княгини и пр. и пр.

Вот как раздробить:

Княгини и

Княжны,

Князь Фольгин и

Князь Блёткин.

Между тем обнимаю тебя.

С.Н. БЕГИЧЕВУ

15 апреля 1818. <Петербург>.

Христос воскрес, любезнейший Степан, а я со скуки умираю, и вряд ли воскресну. Сделай одолжение, не дурачься, не переходи в армию; там тебе бог знает когда достанется в полковники, а ты, надеюсь, как нынче всякий честный человек, служишь из чинов, а не из чести.

Посылаю тебе “Притворную неверность”, два экземпляра, один перешли Катенину. Вот, видишь ли, отчего делалось, что она переведена двумя. — При отъезде моем в Нарву, Семенова торопила меня, чтоб я не задержал ее бенефиса, а чтоб меня это не задержало в Петербурге, я с просьбой прибегнул к другу нашему Жандру. Возвратясь из Нарвы, я нашел, что у него только переведены сцены двенадцатая и XIII-я; остальное с того места, как Рославлев говорит: я здесь, все слышал и все знаю, я сам кончил. Впрочем и в его сценах есть иное мое, так как и в моих его перемены; ты знаешь, как я связно пишу; он без меня переписывал и многих стихов вовсе не мог разобрать и заменил их своими. Я иные уничтожил, а другие оставил: те, которые лучше моих. Эту комедию собираются играть на домашних театрах; ко мне присылали рукописные экзем-

пляры для поправки; много переврано, вот что заставило меня ее напечатать. Однако довольно поговорено о “Притворной неверности”; теперь объясню тебе непритворную мою печаль. Представь себе, что меня непременно хотят послать куда бы ты думал? — В Персию и чтоб жил там¹. Как я ни отнекиваюсь, ничто не помогает; однако я третьего дня, по приглашению нашего министра², был у него и объявил, что не решусь иначе (и то не наверно), как если мне дадут два чина, тотчас при назначении меня в Тейеран. Он поморщился, а я представлял ему со всевозможным французским красноречием, что жестоко бы было мне цветущие лета свои провести между дикообразными азиатцами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказаться от литературных успехов, которых я здесь вправе ожидать, от всякого общения с просвещенными людьми, с приятными женщинами, которым я сам могу быть приятен*. Словом, невозможно мне собою пожертвовать без хотя несколько соразмерного возмездия.

— Вы в уединении усовершенствуете ваши дарования.

— Нисколько, ваше сиятельство. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; их нет в Персии...

Мы еще с ним кое о чем поговорили; всего забавнее, что я ему твердил о том, как сроду не имел ни малейших видов честолюбия, а между тем за два чина предлагал себя в полное его распоряжение.

При лице шаха всего будут два чиновника: М а з а р о в и ч, любезное создание, умен и весел, а другой: я, либо NN. — Обещают тьму выгод, поощрений, знаков отличия по прибытии на место, да ведь дипломат на постуле, как на стуле. Кажется, однако, что не согласятся на мои требования. Как хотят, а я решился быть к о л л е ж с к и м а с с е с с о р о м или н и ч е м. Степан, милый мой, ты хоть штаб-ротмистр кавалергардский, а умный малый, как ты об этом судишь?

* Не смейся: я молод, музыкант, влюбчив и охотно говорю вздор, чего же им еще надобно? (Примеч. А. С. Грибоедова.)

С.Н. Бегичеву

30 августа <1818. Новгород>.

На этот раз ты обманулся в моем сердце, любезный, истинный друг мой Степан, грусть моя не проходит, не уменьшается. Вот и я в Новгороде, а мысли все в Петербурге. Там я многие имел огорчения, но иногда был и счастлив; теперь, как оттуда удаляюсь, кажется, что там всё хорошо было, всего жаль. — Представь себе, что я сделался преужасно слезлив, ничто веселое и в ум не входит, похоже ли это на меня? Нынче мои именины: благоверный князь, по имени которого я назван, здесь прославился; ты помнишь, что он на возвратном пути из Азии скончался; ¹ может, и соименно-го ему секретаря посольства та же участь ожидает, только вряд ли я попаду в святые!

Прощай, мой друг; сейчас опять в дорогу, и от этого одного беспрестанного противувольного движения в коляске есть от чего с ума сойти! — Увидишь кого из друзей моих, из знакомых, напоминай им обо мне; в тебе самом слишком уверен, что никогда не забудешь верного тебе друга.

А. Г.

Коли случай будет заслать или заехать к Гречу, подпишись за меня на получение его журнала². Ах! чуть было не забыл: подпишись на афишки³, присылай мне их, а когда уедешь из Петербурга, поручи кому-нибудь другому, Катенину или Жандру. — Прощай, от души тебя целую.

У нас нынче новый балет.⁴

С.Н. Бегичеву

5 сентября <1818. Москва>.

Мы сюда приехали третьего дня, а вчера я получил от тебя письмо, милый мой Степан; это меня утешило до крайности, и, однако, заставило опять вздохнуть по Петербурге. Здесь для меня все ново и, следовательно, все еще прият-

но; соскучиться не успею, потому что через три дни отправляюсь; ты уже пиши ко мне в Тифлис. Павлова я видел, и он у меня побывал, завтра познакомит с женою; Чебышева в тоске, Алексей Семенович Кологривов скоропостижно умер; мужа¹ ее здесь нет. Чипягова ждем не дождемся; осведомься, выехал ли он из Петербурга; я справлялся на многих станциях, в смотрительских книгах, имени его нет нигде. Брата твоего² тоже здесь нет, зато есть монумент Минину и Пожарскому³, и “Притворную неверность” играют⁴, и как играют! Кокошкин вчера передо мною униженно извинялся, что прелестные мои стихи так терзают, что он не виноват: его не слушают. Было бы что слушать. Вчера меня залобызали в театре миллион знакомых, которых ни лиц, ни имен не знаю. — Кстати, коли увидишь Семенову (Мельпомену)⁵, скажи, что ее неверный князь⁶ здесь, и я его за нее осыпал упреками и говорил, что, если он еще будет ей делать детей, то она для сцены погибнет. Он уверяет, что Святой Дух за него старается, что он при рождении последнего ребенка не при чем. Медведева здесь — прехорошенькая, я ей вчера в “Сандрильоне”⁷ много хлопал, здешние готентоты ничему не аплодируют, как будто наперекор петербургским, которые рады, что бог им дал ужасные ладони, и при всяком случае, готовы ими греметь; надо однако согласиться, что тот, кто у вас Льва играет, — Розций в сравнении с первейшими здешними актерами.

Ты жалуешься на домашних своих казарменных готентотов; это — участь умных людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить с дураками, а какая, их бездна у нас! чуть ли не больше, чем солдат; и этих тьма: здесь всё солдаты — и на дороге во всякой деревне, точно завоеванный край. Может и я скоро надену лямку: Павлов путем взялся похлопотать за меня при жене и при Ермолове, а если этот захочет перевести меня в военную, я не прочь. Что ты об этом скажешь? Пиши ко мне, почаще и побольше! Я поминутно об тебе думаю, и последние увещания очень помню, и ты можешь судить, сколько я сделался основателем; тотчас открыл Павлова и на другой день по при-

езде сюда отправился заказывать себе всё нужное для Персии. Эти благие намерения, однако, не исполнились: я заехал к приятелю, оттуда в ресторацию, плотно поел, выпил бутылку шампанского, и после театра слег в постель с чрезвычайною головою болью. Матушка мне приложила какую-то патку с одеколоном, которой мне весь лоб сожгло, нынче я, однако, свежее и, что встал, пошел поглазеть на молоденькую старую знакомку⁸, которая против нас живет, и уже успел с нею опять сдружиться и, побеседовавши с тобой, к ней отправлюсь. Ах, Персия! дурацкая земля! Гейер приехал с Кавказу, говорит, что проезду нет: недавно еще на какой-то транспорт напало 5000 черкесов; с меня и одного довольно будет, приятное путешествие.

Прощай, любезный друг, пиши же и справься еще о пашпортах и об <.....>*; благодарствуй, что позаботился об этом. Матушка тебе кланяется, сестра⁹ еще не приехала, Жандр у нас еще живет, только я не видал его, он спасается где-то с Варварой Семеновной¹⁰.

Перо прескверное, и вздор пишу, да много <.....>**
Верный друг твой.

С.Н. Бегичеву

9-го сентября 1818. Москва.

Любезнейший Степан! письмо это пишу у твоего брата, в присутствии Наумова и Павлова, которые уверены, что я если не в эту минуту, так ввек не успею отправить к тебе мое послание. Ты можешь представить, обрадовался ли я Дмитрию Никитичу. Супружницы его не имел удовольствия видеть: говорят, бесподобная женщина. Постой, надобно тебе вкратце сказать все прочее, что я здесь видел: 1) Андрея Семеновича¹, который у меня был; да правду сказать, вот и все интересное; завтрашний день я пускаюсь в путь

* Одно слово не разобрано.

** Два слова не разобраны.

далее. — Ужо дома побольше напишу, и это уж без меня доставится на почту.

Сто раз тебя целую.

Верный друг.

С.Н. Бегичеву

18 сентября 1818. Воронеж.

Сто раз благодарю тебя, любезнейший, дорогой мой Степан, и за что бы ты думал? Попробуй отгадай?.. За походную чернильницу: она мне очень кстати пришлась, за то чаще всего буду ее выкладывать, чтоб к тебе писать. Получил ли ты письмо мое из Навагорода, другое из Москвы и несколько строк через Наумова? Сделай одолжение, уведомь; а пашпорты ко мне доставлены в самый день моего отъезда из Москвы, в которой я пробыл неделю долее, чем предполагал¹. Наконец, однако, оттуда вырвался. Там я должен был повторить ту же плачевную, прощальную сцену, которую с тобою имел при отъезде из Петербурга, и нельзя иначе: мать и сестра так ко мне привязаны, что я был бы извергом, если бы не платил им такую же любовь: они точно не представляют себе иного утешения, как то, чтоб жить вместе со мною. Нет! я не буду эгоистом; до сих пор я был только сыном и братом по названию; возвратясь из Персии, буду таковым на деле, стану жить для моего семейства, переведу их с собою в Петербург. В Москве всё не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему. Прежде там любили музыку, нынче она в пренебрежении; ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному, а притом “несть пророк без чести, токмо в отечестве своем, в сродстве и в дому своем”². Отечество, сродство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребенка, который теперь вырос, много повесничал, наконец становится к чему-то годен, определен в миссию, и может со временем попасть в статские советники, а больше во мне ничего

видеть не хотят. В Петербурге я по крайней мере имею несколько таких людей, которые, не знаю, настолько ли меня ценят, сколько я думаю что стою; но, по крайней мере, судят обо мне и смотрят с той стороны, с которой хочу, чтоб на меня смотрели. В Москве совсем другое: спроси у Жандра, как однажды, за ужином, матушка с презрением говорила об моих стихотворных занятиях и еще заметила во мне зависть, свойственную мелким писателям, оттого, что я не восхищаюсь Кокошкиным и ему подобными. Я это ей от души прощаю, но впредь себе никогда не прощу, если позволю себе чем-нибудь ее огорчить. Ты, мой друг, поселил в меня, или, лучше сказать, развернул свойства, любовь к добру, я с тех пор только начал дорожить честностью и всем, что составляет истинную красоту души, с того времени, как с тобою познакомился и ей-богу! когда с тобою побываю вместе, становлюсь нравственно лучше, добрее. Мать моя тебя должна благодарить, если ей сделаюсь хорошим сыном. Кстати об родных, или некстати, все равно. В Туле я справлялся об Яблочковых, посылал к Варваре Ивановне Кологривовой, но мне велели сказать, что они в деревне, а если от тебя есть письмо, то чтобы прислал. Жаль, что не удалось, а время было с ними познакомиться: я в Туле пробыл целый день за недостатком в лошадях, и тем только разогнал скуку, что нашел в трактире на стенах тьму глупых стихов и прозы, целое годовое издание покойника “Музеума”³. Вообще везде на станциях остановки; к частию мой товарищ — особа прегорячая, бич на зрителей, хороший мальчик; я уже уверил его, что быть немцем очень глупая роль на сем свете, и он уже подписывается Амбургеv, а не — p и вместе со мною немцев ругает наповал, а мне это с руки. Один том Петровых акций⁴ у меня в бричке, и я зело на него и на его колбасников сержусь; коли найдешь что-нибудь чрезвычайно забавное в “Деяниях”, пожалуй напиши, я этим воспользуюсь. Еще моя к тебе просьба: справься через Аксинью, Амлихову любовницу, о моей Дидоне. Илья Огарев пришлет ей из Костромы деньги на твое имя,

а если уедешь в отпуск, препоручи это Жандру, да также заранее меня уведошь, куда к тебе адресовать письма. Прощай, мой милый, любезный друг; я уже от тебя за 1200 верст, скоро еще дальше буду; здесь однако пробудем два дни, ближе не берутся починить наших бричек. Катенина ты напрасно попрекаешь ко мне совершенную холодность, он был у меня на квартире на другой день после того, как я исчез из Петербурга, и очень жалел обо мне и досадовал. Так по крайней мере рапортует Аксинья Амлиху.

С.И. МАЗАРОВИЧУ
(Перевод с французского)

12 октября <1818>. Моздок.

Любезный и достойный Семен Иванович, вот мы и у подножья Кавказа, в сквернейшей дыре, где только и видишь, что грязь да туман, в которых сидим по уши. Было б отчего с ума сойти, если бы приветливость главнокомандующего¹ полностью нас не вознаградила за все напасти моздокские. Здешний комендант² передал нам ваше письмо, полное любезной заботливости о тех, кого вам угодно называть вашими товарищами, и кто, по существу, лишь подчиненные ваши. Правда, что с тех пор как я состою при вас в качестве секретаря, я не нахожу уже, чтобы зависимость бедного канцелярского чиновника так была тяжела, как прежде был в том уверен. Вздор истинный, в чем я еще более убедился в тот день, когда представлялся его высокопревосходительству господину проконсулу Иберии: невозможно быть более обаятельным. Было бы, конечно, безрассудством с моей стороны, если бы за два раза, что я его видел, я вздумал бы выносить оценку его достоинствам; но есть такие качества, которые в человеке необыкновенном видны сразу же, при чем в вещах на вид наименее значительных, например, своя манера особенная смотреть, и судить обо всем, с остроумием и изяществом, не поверхностно, но всегда становясь

выше предмета, о коем идет речь; нужно признать также, что говорит он чудесно, так что я часто в беседе с ним не нахожу что сказать, несмотря на уверенность, внушаемую мне самолюбием.

Что до вас, любезнейший мой начальник, очень бы хотелось мне пространнее и подробнее изложить здесь все, что я о вас думаю, но лучше об этом промолчать, чтобы не заслужить упрека в пошлости; не принято восхищаться людьми в письмах, к ним обращенных. Я вам скажу только, что мне не терпится поскорее сердечно вас обнять; зачем же вы, дипломат, проводите на лагерных бивуаках дни свои, которые должны были бы быть посвящены одному поддержанию мира? Как только будем вместе, расскажу вам пространно о всех дорожных наших бедствиях: об экипажах, сто раз ломавшихся, сто раз починяемых, о долгих стоянках, всем этим вынужденных, и об огромных расходах, которые довели нас до крайности. Вот рассказ, вам отложенный до Тифлиса; нынче мы направляемся к Кавказу, в ужасную погоду, и притом верхом, Как часто буду я иметь случай восклицать: о Coridon, Coridon, quae te dementia caepit!..^{*3}

Все это однако кончится, когда мы увидимся. Амбургер просит передать вам нижайшее почтение, он сам вам не пишет, так как не имеет ничего прибавить к тому, что я вам сообщил, поэтому благоволите читать *мы* всюду, где встретите *я, меня, мне* и проч.

С чувством совершенного уважения честь имею быть преданным вам⁴.

Тот, кого я попрошу передать вам это письмо, привезет вам и письма от матушки. Сверх того у меня много других писем для вас в багаже. Простите мне мое маранье, у нас перья плохо очинены, чернила сквернейшие, и к тому же я тороплюсь, сам, впрочем, не зная почему.

* О Коридон, Коридон, какое безумие тебя охватило! (лат.).

Я.Н. Толстому и Н.В. Всеволожскому

27 января <1819>. Тифлис.

Усердный поклон

любезным моим приятелям: Толстому, которому еще буду писать особенно из Тавриза, Никите Всеволожскому, коли они оба в Петербурге, двум Толстым Семеновским, Тургеневу Борису, — Александру Евграфовичу, которого сто раз благодарю за присылку писем от людей, близких к моему сердцу. Фридрихсу, au charmant capitaine Fridrichs, très chauve et très spirituel*. Сделайте одолжение, не забывайте странствующего Грибоедова, который завтра опять садится на лошадь, чтобы трястись за 1500 верст. Я здесь обжился, и смерть не хочется ехать, а нечего делать. Коли кого жаль в Тифлисе, так это Алексея Петровича¹. Бог знает, как этот человек умел всякого привязать к себе, и как умел...

Трубецкого целую от души.

Объявляю тем, которые во мне принимают участие, что меня здесь чуть было не лишили способности играть на фортепьяно, однако теперъ вылечился и опять задаю рулады².

Грибоедов.

Коли кто из вас часто бывает в театре, пускай посмотрит на 1-й бенуар с левой стороны и подарит меня воспоминанием³, может быть, это отзовется в моей душе, и заставит меня икать где-нибудь возле Арарата или на Араксе.

* очаровательному капитану Фридрихсу, очень лысому и очень остроумному (фр.).

С.И. Мазаровичу
(Перевод с французского)

№ 1

6 сентября 1819. Маранд.

Рапорт г. поверенному в русских делах в Персии
его секретаря Александра Грибоедова.

Милостивый государь!

Два перехода сделаны. Сегодня мы отдыхаем; припасов мне более не выдают, я их покупаю. Мехмендар¹ палач и вор, которого мне придали, я думаю, нарочно, чтоб я лопнул от бешенства. В Альваре² он хлебом выдал половину, а мясом одну треть того, что указано в фирмане³; вместо всего остального, он собрал контрибуцию телятами, но их не доставил. Когда я его как следует пробрал, он стал оправдываться незначительностью средств бедного селения Альвар, уверяя меня, что в Маранде найду я для людей моих Эльдрато⁴; я умолк. Вчера в 2 часа пополудни обоз мой тронулся в путь, я задержался минуты на три, чтобы попрощаться с Шемиром⁵, но буквально всего на три минуты. Я хочу следовать за моими людьми; мехмендар остается, видимо, чтобы пополнить вчерашний дефицит за счет местных поселян, а мне дает проводника, с которым я сбился с дороги; я проплутал всю ночь и часть утра; когда мехмендар появился, я чуть его не убил. Измученный усталостью, нашел я, наконец, свой отряд; один больной отстал в 2-х фарсангах⁶ отсюда, во время ночной моей поездки, багаж сильно обогнал пеших, ни одного осла, никакого вьючного животного под рукой. Спрашиваю у мехмендара мула и Софияне⁷, близ которого мы завтракали хлебом и водой. — “Мула!.. Зачем?” — “Чтобы привезти больного” и проч. “Боже меня сохрани! Если я буду вам помогать подбирать ваших отставших людей, Шахзаде⁸ мне голову отрубит!” В конце концов он мне начисто отказал и сказал мне, что человек, о коем идет речь, вероятно либо уже отведен в Тавриз, либо, в случае оказания им сопротивления, убит поселянами, что таковы точ-

ные веления правительства. Видали предателей! Однако все это, за счет пропавшего бедняги больного, произвело свое действие на моих людей, которым я все рассказал и повторил, в присутствии мехмендара, все что от него слышал. Они были возмущены, более не разбрелись, и несмотря на проделанный марш, на подъемы и спуски действительно очень тяжелые, каменные, еле проходимые, я их всех привел сюда в Маранд в 7 часов вечера. Благоволите сосчитать с 2 часов пополуночи до 7 часов пополудни. Сегодня я вынужден стать на отдых, как по всеобщему желанию, так и по состоянию моих солдат. Я бы не стал останавливаться, если б не знал, что они совсем разбиты от усталости.

Я потребовал от того, кто здесь распоряжается временно (ad interim) за Назр-Али-хана⁹, послать на розыски того больного (Левонтий Сарбов). Он оставил это без внимания. Здесь, как и в Альваре, недодали половину припасов, сегодня совсем ничего не дают, но я попрошу вас молчать о мошенничествах мехмендара до его возвращения в Тавриз; я его вам туда пришло с рекомендательным письмом, если только законное мое возмущение не перейдет за край ранее того и я по прибытии на границу не велю его выпороть, — единственный язык, который понимают в этой стране.

Примите чувства совершенного моего почтения,

милостивый государь,

от вашего покорнейшего

Александра Грибоедова.

С.И. Мазаровичу
(Перевод с французского)

11-13 сентября 1819. Казанчи-Пернаут.

Рапорт г. поверенному в русских делах в Персии.

Милостивый государь.

Я не знаю, получили ли вы два моих рапорта, № 1 и № 3, не откажите сообщить мне об этом через первого же чепара¹,

которого вы пошлете в Тифлис, чтобы я мог при случае повторить по пунктам все мои претензии против способа, которым со мной обращались. Пока что мехмендар имеет наглость просить у меня официальную бумагу для представления вам. После всех подлостей, которые я от него претерпел, он хочет еще получить свидетельство, и я от сего не отказываюсь. Милостивый государь, честь имею удостоверить вас, начальника моего, что мой мехмендар Махмед-бек выполнял должность свою при мне как мошенник самый отъявленный, с каким я когда-либо имел дело, бесчестный человек в самом обширном значении слова, и тавризское правительство если оно захочет в некотором роде оправдаться в том, что ко мне его приставила, должно по меньшей мере задать ему палками по пяткам, что в этой стране столь щедро раздается и столь привычно принимается. Да, я вполне серьезно должен жаловаться на него, как и на нескольких других персидских офицеров, начиная от Тавриза. Но ни единая живая душа здесь не сможет предъявить какую-либо жалобу на меня, если только не прибегнет к выдумкам. Если я и ответил с едкостью на глупости, которые мне велел передать Кельбель-хан в Нахичевани², то это еще было весьма деликатно по сравнению с его грубостями, если я несколько раз и обругал мехмендара, не бил же я его палкой, хотя он сотню раз заслуживал, чтобы его поколотить. В нас бросали камнями³, и я с сознательным молчанием скрывал перед моими собственными людьми ярость, меня душившую, и они вели себя спокойно. Мы проходили среди белого дня мимо огромных бахчей, которые постоянно подвергаются ограблению со стороны солдатни государя⁴, именем которого здесь совершаются вымогательства и поборы всякого рода, но никто из моих людей не смел сорвать ни одной дыни, не заплатив, или я платил за них, что я охотно делал и по часту, так как отказать усталому пешеходу в плоде, утоляющем жажду, в нынешнее время года было бы низменной скаредностью, мало способствующей тому, чтобы ободрить людей за мной следовать. Наконец, милостивый государь, я постоянно в мыслях моих имел пример вашей твердости, как равно и умеренности вашей при шах-

ском дворе и при дворе Наиб-Султана⁵. И сам я имел довольно выдержки, меня не могли провести, но даже будучи раздраженным, я не позволил себе переходить за черту того, что предписывается трезвым рассудком, и не оскорбил никого. И если бы вам об этом донесли бы иначе, это было бы чистой ложью, смею вас в том заверить моей честью.

Теперь, чтобы поставить вас в известность о том, что со мной происходит, расскажу вам про Нахичевань. Меня там пригвоздили, так сказать, на два мучительных дня. В первый день к вечеру еще принесли некоторые припасы, на следующий день не выдали ничего, отказали мне в лошадях и запретили строго-настрога червадарам⁶ поставлять их мне за деньги. Мехмендар оправдывался передо мной, что вся эта путаница происходит от Хана, а Хан возражал, что, поскольку срок действия фирмана истек в Нахичевани, он не обязан обо мне заботиться и даже что в его городе нам вообще не обеспечено законное покровительство, а косвенным путем меня предупредили, что меня вполне могут взять под арест впредь до нового приказа из Тавриза. По приезде моем Кельбель-хан отказался меня видеть, отговорившись делами гарема, куда он в тот момент запрятался. Он назначил мне свидание на другой день, я полтора часа его прождал, он так и не появился, и в конце концов велел меня отпустить, выставив поводья слишком пустые, чтобы здесь их повторять. А вы, милостивый государь, еще хорошо отзывались об этом грубияне. Я как следует не знаю, что именно персы замыслили, но вот как я поступил. В первый же день люди мои набросились на крепкий напиток, который готовят армяне; я был слишком занят, чтобы им помешать, но вечером, поняв, что моих людей рассеивают умышленно, чтобы напоить их, подкупить их несколькими томанами⁷ и затем отнять у меня, — я их всех собрал вокруг себя, поставил хорошую стражу у своей квартиры; ночью я внезапно поднялся и всех их лично проверил, некоторых, за шум незначительный, который они между собой подняли, велел связать, показывая себя более рассерженным, чем я был на самом деле; я их крепко отругал,

пригрозив, что с завтрашнего дня буду примерно наказывать тех, кто хлебнет хоть каплю водки или будет заводить беспорядок, и затем передам их связанными персидскому правительству, чье благосклонное отношение к себе они знают. Я дал им понять, что они-то во мне нуждаются, а что я собственно, не имею никакого серьезного интереса и ни малейшей ответственности за их сохранность. Все это весьма походило на речь Бонапарта к депутатам провинций в 1814 г.⁸ Тем не менее наполеонада эта всех привела в разум. Все утихло, на завтра никто не решился отпрашиваться на базар, никто не пил. Поскольку дороги отсюда до Карабага⁹ славятся как малонадежные во всех отношениях, а ждать охранного конвоя от правительства не приходилось, я велел сделать железные наконечники на полсотни пик, которые и роздал своему отряду. Оружие прескверное, но все же могущее послужить защитой против Абул-Фетх-хана или против этого грузинского разбойника Александра, который в здешних окрестностях всегда подстерегает всех наших, кто идет в город или возвращается.

Только благодаря Мирзе-Мамишу, служащему в чепархане, которому я обещал, что буду рекомендовать его вашему благоволению, я тайком раздобыл 6 лошадей на ночь, так как днем никто не отважился бы мне их доставить; этого мне едва хватало для больных, но дело не терпело отлагательства, и вчера около 10 ч. вечера я вывел всех своих людей. Строго говоря, мы удрали без ведома Хана и мехмендара; никто не знал дороги, какой я решил идти, за исключением одного проводника, которого удалось мне случайно достать. Но ночной этот отъезд оказался для меня злополучным. Первое злоключение случилось у моста, еще в самом городе. Из Тавриза вместе со всей толпой шел с нами некто Васильков, в свое время за преступления прогнанный в России сквозь строй. Он сказался больным ревматизмом в колене, и я о нем в особенности заботился, не заставлял его никогда спускаться с большого тюка мягких вещей, растирал регулярно ему колено ромом, укрывал его от ночной свежести. Теперь он спрыгнул с лошади и зая-

вил мне, что недуг его не позволяет ему ехать далее; я предложил устроить его на лошади поудобнее, отдавал ему свою собственную лошадь, хотел, чтобы его несли его товарищи, — все напрасно; с холодной решимостью он сказал мне, что он далее за мной не пойдет, что я, ежели хочу, вправе его убить. Конечно, я имел на то право, но подобный поступок, хотя бы и законом дозволенный, противен человеку чувствительному. Я успокоил остальных, маскировав дело перед ними, как мог, и он был предоставлен своей участи, — персы конечно, не преминут его прикончить. Мы перешли через три потока, довольно широкие и глубокие, и это каждый раз вызывало беспорядок. Я остановился, чтобы проверить, все ли на месте, — двоих не оказалось. Представьте себе беспокойство мое, это было приблизительно в 5 верстах от города. Я сделал привал, одним велел спать, другим караулить, а сам с Юсуфом (из Багдада) поспешил назад, на поиски их; я кричал, звал их по именам, Юсуф тоже, никакого ответа, кроме отзывов “Али” нескольких бродячих татар. Немое оцепенение мной овладело. Слава богу, мы не потеряли дороги, но вернулся я в отчаянии. Они, наверно, напились, сказал я себе, в суматохе отъезда, и разум их и силы им изменили, — и я послал за ними еще трех человек, верхом и вооруженных; так продолжалось до рассвета следующего дня. Одного мне привели; предположения мои подтвердились, он в городе запасся кувшином вина. Другой пропал, может быть, навсегда. Зовут его Ларин; красивый парень с лицом, располагающим к доверию, послушный, но любит выпить. Если Вы узнаете, что его приведут обратно в Тавриз, подумайте, как бы его освободить. Я за него очень огорчен.

Кстати, я смог проверить число тех, кого я веду, только на половине дороги, по выходе из Альвара. Накануне мне внесли в список имена тех, кто остался в заключении в Мейдане. Наличное число оказалось 158, без одного (о котором я имел честь вам упомянуть в моем донесении № 1); двое потеряны после Нахичевани, остается 155, помимо Вагина¹⁰, которого я не смешиваю с другими.

Сегодня, на рассвете, я установил, что нахожусь все в той же долине, которая простирается от ущелья вблизи Аракса до Нахичевани, но только несколько более к северо-востоку. Мы углубились в горы, и после нескольких часов марша, пройдя, я полагаю, около 4 с половиной фарсангов, мы оказались у знаменитой Змеиной скалы¹¹, отсюда поднялись в селение, именуемое Казанчи; отсюда я и пишу вам. Остается мне еще на завтра, как говорят, 8 фарсангов каменистой горной дороги до Пернаута, который принадлежит нам. И если мы дойдем туда целы и невредимы, скажу, что у персов ума нет даже и на то, чтобы гадить как им хотелось бы.

Представьте себе, я еще никого не нашел для того, чтобы послать к нашему пограничному коменданту. Вчера явился ко мне один человек из Гаруссы, где расположен первый русский пост. Он туда возвращался с караваном, я хотел поручить ему отвезти мое письмо, и за эту небольшую услугу он запросил с меня 50 телят! При таком чрезмерном запросе и не имея при том гарантии его верности, я рассудил за лучшее выгнать его, отметив имя его в моем журнале. Что за подлое отродье эти армяне! Никто из них и знать меня не хотел, а при этом всегда на ухо и шепчут, что мы их будущие (in spe) покровители. Хороши протеже? Они нас продают тем самым персам, которые готовы их распинать и варить под любым соусом; еще недавно они сожгли двоих армян в Нахичевани.

Я вам написал бы еще пространнее, милостивый государь, зная что вы принимаете участие в моем теперешнем положении, но я пишу на полу, облокотиться не на что; куча ядовитых насекомых, которые меня заставляют подпрыгивать каждый раз, как они приползают к моему письму, ветер, поминутно тушащий свечу, наконец, утомление и бессонная ночь, которую я провел сейчас, чтобы написать вам мое донесение, — все это не дает мне и двух мыслей связать, и вы мне извините мое маранье. Хотя я вам и высказал в начале настоящего письма мнение мое о фирмане Шахзаде, который привел к тому, что я остался без помощи в На-

хичевани, о злонамеренности Кельбель-хана и двоедушии Мехмед-бека, вы, милостивый государь, распорядитесь в отношении всего этого, как вы пожелаете, я не смею предугадывать суждение, которое вы об этом вынесете, и если даже вы сочтете необходимым не придавать этому делу огласки, я о том скорбеть не буду, так как в конце концов теперь я уж почти разделался со всеми тягостями. Я уже тем весьма доволен, что заставил мехмендара протрусить до Карабабы; не найдя меня там, он возвращается впопыхах сюда, весьма озадаченный тем, что я пошел не по той дороге, которую он мне указал. Я ему на то заметил, что, если бы он хоть немного заботился бы обо мне, он бы мог меня провести сюда прямо из Аракского ущелья и тем дал бы мне выиграть три дня, и от стольких докук меня бы это избавило! Он покидает меня, и я отнюдь не буду чувствовать себя обездоленным его отъездом. Совесть его, которая весьма редко в нем говорит, заставляет его бояться, что, если он последует за мной в Пернаут, я там, в отместку за все, велю поступить с ним круто. Мерзавец не может понять, что, как только я буду на нашей территории, никакое негодование не заставит меня нарушить долг гостеприимства, добродетели, столь свойственной всякому человеку в моем отечестве.

Примите, милостивый государь, чувства совершеннейшей преданности от вашего покорного слуги

Александра Грибоедова.

№ 4

11 сентября 1819. <Казанчи>.

P. S. Пернаут, 13 сентября.

Я воспользовался, милостивый государь, неотступными просьбами мехмендара, который во что бы то ни стало хотел получить от меня какую-нибудь бумагу как предлог, чтобы явиться к вам. Я не стал запечатывать этого письма в Казанчи, чтобы не оставлять вас в сомнении насчет прибытия моего на границу, и заставил одного из людей Мехмед-бека сопровождать меня. Все это не очень надежно, так как этот подлец уже вытянул из меня 2 дуката в Нахичева-

ни за почту в Тавриз, думаю, что монеты он присвоил, так как знаю от него самого, что пакет мой еще у него в руках. Он мне наплел тридцать сказок в свое оправдание, пусть-ка он вам их порасскажет! Однако позвольте уведомить вас, что я послал вам первый свой рапорт из Маранда № 1, 2-й из Нахичевани и этот третий отсюда, из Пернаута, армянского селения, вассального Мехте-Кули-хану, под Российским владычеством. Вчера, 12 сего месяца, по ущелью реки Алинджи мы дошли до горы¹², один склон которой принадлежит Ирану, а другой — нам. Казалось, что она поднимается до бесконечности, мы два часа должны были взбираться на нее и только на вершине добрались до места перехода на нашу сторону (*ad status, quod ad passatum*). Оттуда до сего места — раз перепрыгнуть. Благодаренье богу! Экспедиция моя наполовину уже выполнена. Хотелось бы, чтобы и вы могли бы сказать то же об управлении вашим, будущий исход которого еще слишком неясен, чтобы я вперед мог быть за вас спокоен. У вас теперь много русских поданных, которым вы всегда, когда захотите, можете поручить доставить ваши письма в Тифлис. Соболаговолите, пожалуйста, написать мне.

Из любви к справедливости, не похвалите ли вы перед Наиб-Султаном услуги, мне оказанные султаном сарбазов¹³ в Гаргаре, Мирзой-Мамишем в Нахичевани?

Вложенное письмо адресовано Шамиру¹⁴.

С.И. Мазаровичу
(Перевод с французского)

Милостивый государь, только 2-го числа или, лучше сказать, в ночь на 3-ье я прибыл в Тифлис здоровым и был прекрасно принят начальством. Для меня намечается уже заря спокойствия, но нужно говорить еще со многими лицами и еще многое пересказывать им относительно цели моей экспедиции сюда и о будущем моем путешествии.

Я должен был привести в порядок для генерала Вельяминова подробный список людей, приведенных мною. Все это, естественно, мешало мне приняться за работу, чтобы довести до вашего сведения подробности моего похода, начиная с границы, медленность его должна казаться вам необъяснимой. Я сообщу вам обстоятельства этого похода в самом сжатом виде, чтобы не задерживать Папа-Меликса, которого отправляют к вам завтра. Меня продержали один день в Сиссиане — в Гаруссе, 3 — в Шуше, откуда я съездил в Чиначи для личных переговоров с полковником Реутом, заменяющим Мадатова. Частые перерывы пути происходили из-за снабжения продовольствием. На том тракте, которым я следовал, не были предупреждены и не приготовились: то в магазинах была только одна мука и нужно было несколько дней, чтобы испечь хлеб, то останавливались потому, что надо было смолоть зерно. Что поделаешь? Не то чтобы мне создавали затруднения — тут не было ничьей вины. Что касается мяса, капусты и пр., обозных лошадей, все это было на мой счет; тем не менее издержки не превысили 300 рублей. Мои счета в порядке, и я жду только свободного времени, чтобы переписать их начисто и затем представить вам.

Из Шуши я поехал вперед до Елизаветполя, где меня задержали на 7 дней, прежде чем получилось приказание из Тифлиса отправить меня дальше. А здесь! Нечего говорить вам; деловые бумаги были посланы, из них видно, насколько приличия, законы и, наконец, причины очень важные противятся тому, чтобы было исполнено пунктуально торжественно данное мне вами обещание. Генерал Вельяминов делает все от него зависящее, чтобы на меня легло как можно меньше вины в глазах этих моих несчастных; однако перед 80-ью из них я все же буду виноват. Это очень горько, после стольких забот, стольких неприятностей, вынесенных ради единственной мысли, что это послужит их общему счастью. Однако с моей стороны было бы жестоко усиливать еще своими жалобами то огорчение, которое уже самый этот случай должен доставить вам,

милостивый государь. Неудержимый порыв доброты заслонил тогда от вас неизбежные последствия, развертывающиеся теперь, и вот я оказался дураком и обманщиком!

Чтобы смягчить немного печальное впечатление, которое, я думаю, причинил вам, я скажу вам, милостивый государь, что относительно обязательств, заключенных с перебежчиками, ваша манера действовать была всеми очень одобрена, и так как тут прекрасно осведомлены насчет персидских козней против вас, то вас хвалят, но вам не завидуют. Что касается персов, то Серхенг-Мехмет-Кули находится здесь со всей свитой; он прикинулся бодрым, несчастным, и вот вопрос о пенсии на очереди.

Четыреста семей, которые последовали за ним, будут размещены в окрестностях Елизаветполя... Не напишете ли вы мне два слова по поводу его жены?

Повсюду, где я проезжал, я уведомлял местные власти, что каждый человек, будь то сам шах, если он переезжает нашу границу без подписанного вами паспорта, должен будет подвергнуться суровому допросу на месте и быть задержан до окончательного решения, о котором вам будет сделан запрос. Так именно всегда смотрел на дело Елизаветпольский комендант¹, человек очень разумный, но у него нет на этот счет никакой положительной инструкции; он мне сказывал, что отныне он иначе и не будет действовать. Между тем был схвачен человек с письмами от Селим-хана к Могилевскому; мне казалось, что дело должно было бы быть выяснено перед моим приездом сюда, потому что я задержался на 7 суток в Гандже; я говорил об этом генералу В., и верите ли вы, что он ничего об этом не знает? Однако я не знаю, как мне истолковать этот случай.

Ходжа-бек, землевладелец (если таковые есть в Персии) между Казанче и нашей границей, при моем проезде по Алиндже, послал своего сына приветствовать меня. Мы говорили по-персидски; он жаловался на свое положение и выразил желание перейти в русское подданство. Но жалуются в Карабаге, а в Шемшедиде мечтают о покрови-

тельстве Ирана. И с нашей, и с их стороны только и слышны жалобы. Но на границе какое обоюдное шпионство и дезертирство! Оттуда бегут! Бегут и от нас, и, по-моему, это Харибда и Сцилла. Там и здесь чиновники отвратительны, насколько я мог наблюдать. Я буду иметь честь беседовать с вами об этом в более удобное время.

Мною получены 3 небольших бумаги из тех, что вы направили ко мне. Ларин пришел ко мне в Шушу. Он шел 4 дня без еды, не видя живой души, стараясь найти мои следы через леса и неприступные горы; наконец на него напали, но, молодой и сильный, он отбилсЯ от трех негодяев, которые хотели его связать. Таким образом после всех бедствий он присоединился ко мне. Удивительная воля и решимость. Благодарю вас за то, что вы были так внимательны к моей просьбе за двух единственных персов, которые не поступили со мной плохо. Терпение, скажете вы; да сохранит вам его господь, милостивый государь, без него нет спасения в Табризе. Генерал В. рассказал мне вкратце содержание ваших бумаг; кажется, что толпа бородачей² еще волнуется и так же глупа, как и в те времена, когда я с ней расстался. Продолжайте ласкать их и кормить пощечинами, смотря по требованию момента. Впрочем, простите мне мою рапсодию; в будущем буду готовить вам доклады заблаговременно, потому что я вижу, что нельзя нигде располагать своим временем по желанию.

С чувством совершеннейшего уважения имею честь быть вашим покорным слугой.

Александр Грибоедов.

№ 15

Тифлис, 6 октября 1819.

Завтра я отправляюсь дальше. Амбургер свидетельствует вам свое почтение; он бы очень желал вернуться к вам возможно скорей, но силы этому препятствуют. Поистине я нахожу его больным; свойство железистых вод не оказалось настолько действительным, чтобы улучшить его здоровье.

П.А. КАТЕНИНУ

Февраль 1820. Тавриз.

Любезный Павел Александрович. Я очень давно не писал к тебе. Не извиняюсь: потому что знаю, как это неизвинительно. — Прости, не пеняй в уважение прежней и, даст бог, всегдашней нашей дружбы. Мне дали известие о смерти Дарьи Андревны. Кому не жаль матери! Но, может статья, ты уже утешен. До меня известия из России доходят как лучи от Сириуса, через шесть лет; а потому не сообщу тебе своих размышлений, как бы я на твоём месте расположился в качестве помещика: ты вероятно давно уже зажил по-своему. Скажу об моем быту. Вот год с несколькими днями, как я сел на лошадь, из Тифлиса пустился в Иран, секретарь бродящей миссии. С тех пор не нахожу самого себя. Как это делается? Человек по 70-ти верст верхом скачет каждый день, весь день разумеется, и скачет по два месяца сряду, под знойным персидским небом, по снегам в Кавказе, и промежутки отдохновения, недели две, много три, на одном месте! — И этот человек будто я? Положим, однако, что еще я не совсем с ума сошел, различаю людей и предметы, между которыми движусь: прошедшим годом, как я действовал и что со мною судьба шутила, опишу коротко.

Весною мы прибыли в Тейран. Я не успел обозреться, только что раз поскитался в развалинах Рагов Мидийских¹, раза три в Каосе-Каджаре², в Негиристане и в других окрестностях Феталишаховой столицы... Жар выгнал нас в поле, на летнее кочевье в Султанейскую равнину, с Шааен-Шаа, Царем Царей и его двором. Ах! Царь-государь! Не по длинной бороде, а впрочем во всем точь-в-точь Ломоносова государыня Елисавет, Дщерь Петрова. Да вообще, что за люди вокруг его! что за нравы! Когда-нибудь от меня услышишь, коли не прочтешь. Теперь слишком запущено. Начать их обрисовывать, хоть слегка, завлекло бы слишком далеко: в год чего не насмотришься! Из Султаней мы в конце августа попали в Табрис. Не все еще. Перед Султаней в Абгаре ферсехов в двадцати по сю

сторону от Казбина пожили несколько во время Рамазана³, смотрели восточную трилогию: Страсти господнего угодника Алиа, слышали удары дланями в перси, вопли: “Ва Гуссейн! О! Фатмем!” и пр. Я на это глядел, об тебе думал. В Ахенде (за переход от Римского мосту на Кизиль-Озане, в горах Кафланку) тоже на недолго остановились, с тем, что дальше ехать или на месте остановиться казалось одинаково скучным, но последнее менее тягостным. Из Табриса, в начале сентября, я отправился в Чечню к Алексею Петровичу за новыми наставлениями. Нашел его, как прежде, необыкновенно умным, хотя недружелюбным. Он воюет, мы мир блюдем; если, однако, везде так мудро учреждены посольства от императора, как наше здесь: полки его опаснее, чем умы его дипломатов. Я наконец опять в Табризе. Владетельный Ша-Заде-Наиб-Султан-Аббас-Мирза, при котором мы честь имеем находиться, и, в скобках сказать, великий мне недоброжелатель, вызвал из Лондона оружейных мастеров, шорников и всяких рабочих; собирается заводить университеты. И у него есть министр духовных сил дервиш каймакам Мирза-Бюзрюк. Дайте нам Уварова. Ты видишь, что и здесь в умах потрясение. Землетрясение всего чаще. Хоть то хорошо, коли о здешнем городе сказать: провались он совсем; — так точно иной раз провалится.

Не воображай меня, однако, слишком жалким. К моей скуке я умел примешать разнообразие, распределил часы; скучаю попеременно то с лугатом⁴ персидским, за который не принимался с сентября, то с деловыми бездельями, то в разговорах с товарищами. Веселость утрачена, не пишу стихов, может и творились бы, да читать некому, сотруженики не русские. О любезном моем фортепяно, где оно, я совершенно неизвестен. Книги, посланные мною из Петербурга тем же путем, теряются. Довольно о себе. Вы как? Что происходит в вашем ученом и неученом мире? В мое время, если бы возможность была массу сведений наших литераторов, академиков, студийозов и профессоров разделить поровну нашим людям с т а л а н т о м, вряд ли бы на каждого пришлось по столько, чем Ланкас-

тер учит: читать и писать, и то плохо. Ты не в счету. Игруют ли твою “Андромаху”⁵? Напечатана ли? Как ее достать? Коли не ex dono Auctoris*, намекни по крайней мере, куда отнестись? Да во всяком случае пиши ко мне. Сколько я удовольствия лишаюсь от лени! Если бы любезные мне люди от меня имели письма, верно бы отвечали. По крайней мере я люблю нежиться этим воображением.

Князю почтенному⁶ низко поклонись за отсутствующего. Не могу довольно порадоваться, что и он в числе тех, которые хотят, не хотят, а должны меня помнить. Часто бывали вместе. Славный человек! Кроткий, ласковый нрав, приятный ум, статура его, чтение, сочинения, горячность в спорах об стопах и рифме, наш цензор всегдашний, и сам под ценсурою у Катерины Ивановны⁷... Не поверишь, как память обо всем этом мне весела в одиночестве! Жандрик мой как живет? в 1820-м году прежним ли святым молится? Об Чепягове ты мне писал. Скажи, кто бы думал, что его в чем ни есть И он у достанется заменить? Однако охота была нашему прозорливому другу петь свою феогонию⁸ такому человеку, который богов знать не хочет? Чепягов и Чебышев! Не знаю, почему при этих схожих именах мне пришли два другие: Гейнзиус и Гривиус⁹!

Прощай, дружески тебя обнимаю, крепко. Мой Шерасмин¹⁰ свидетельствует свое почтение...

Из всего надо пользу получать, и ты из моего письма научись чему-нибудь. Вот тебе арабский стих:

شاهزاده خان از صند

Шаруль-бело из кана ла садк.**

NB. C'est un peu de l'instruction de la veille, car je ne sais pas encore un mot d'Arabe, aussi vous n'aurez pas le vers traduit.***

* в подарок от автора. (лат.).

** Худшая из стран — место, где нет друга. (араб.)

*** Это немножко вчерашней учености; так как я еще не знаю ни слова по-арабски, то и вы не получите стиха в переводе (фр.).

А.И. Рыхлевскому

Февраль 1820. Тавриз.

Милостивый государь Андрей Иванович! Письмо ваше я уже давно получил, еще в Тифлисе, и только оттого позамедлил благодарить, что сперва хотел о Серебрякове посоветоваться с г. Мазаровичем. Нынче он об нем доносит начальству и между тем поручил мне вам свидетельствовать почтение и признательность за воспоминание в письме ко мне. Очень приятно не быть позабытым от того, кого уважаем. И потому без всяких дипломатических кудрявостей скажу, что для меня письмецо от вас хоть не велико, да дорого. Притом же знаю я, что по службе занятый у вас в Георгиевском много, а вечером бостон в употреблении. Тем похвальнее оторваться от такой деятельности и посвятить несколько минут прежнему спутнику. Мне досугу много, и, наоборот, должен бы писать вам целые листы; но из Персии о чем прикажете? Возвратитесь в благополучное отечество, и будет о чем побеседовать, на словах или на письме.

Напомните обо мне Василию Захарьичу. По ком теперь изволит томиться? На днях читал я в "Статистическом опыте о России", что в Кизляре есть много индейцев, но мы с ним (и с вами, в скобках сказано) кроме хорошенькой Ахвердовой никого не заметили. Спешите в Тифлис, не поверите, что за роскошь! В клубе балы, и с масками. И я однажды очень неудачно принарядился, не успел войти в зал, все закричали, что у г. маркиза Б шишка на лбу.

Прощайте, почтеннейший Андрей Иванович, прошу не оставлять меня дружеским расположением, которое всегда с признательностию будет ценить душою вам преданный

А. Грибоедов.

P. S. Кстати или некстати порадуйтесь моей радости. Я уже не тот бедный Ир¹, нищий, слуга государю из хлеба, как прежде. Меня уведомляют, что состояние мое поправля-

ется. Теперь при первом попутном ветре лечу. Лишь бы Алексей Петрович² позволил поднять паруса... Опять буду независим.

Н.А. Каховскому

3 мая 1820. Тавриз.

Любезный Николай Александрович! Благодарю за письмо с границы. Вы хорошо начали, дай вам бог стойкость в воспоминании о приятелях покинутых, это будет необычайно. Между тем от души радуюсь, что вы сохранены переступили за межу восточных абдеритов. Персияне пугали вас вооружением, все не так страшно, как моя судьба жить с ними и, может статься, многие дни! Как же вас взносили на неприступный status, quo ad praesentum* и как

Полком окружали
Военных теней?
В присошках пищали,
Курки без кремней?
Как ханы и беки
Пролили вам реки
Хвалы круговой?
С преклонной главой
Ньюкеры и дусты!
И головы их,
При шапках больших,
Под шапками пумсты.

Этой порубежной фарсы недоставало, чтоб в мыслях ваших утвердить без того уже выгодное мнение, которое вы приобрели об их Иране. Бог с вами, однако; вы теперь дома, или почти дома, с достойным Романом Ивановичем и с другими людьми, вам приятными. А мы! я! Со всем

* Положение, существующее в данное время. (лат.).

тем не воображайте меня зарытым в книгах; это остается до будущего времени. С вашего отъезда я дом мой верх дном поставил, расширил, надстроил, пристроил, и если бы вам воротиться, никак бы не узнали комнату, где так усердно упражнялись в бостон и асонас. И даже игре смена. Теперь в моде *vingt-un** с Алларом и Джибелли. Я выигрываю: Мазарович ругает, и еще больше, когда слышит, что маленькую *de la Fosse* я непременно к себе беру. Резвая, милая! Воля Симона, добрейшего человека, но виноват ли я, что он ударился в набожность и мораль глубокую! Скука чего не творит? а я еще не поврежден в моем рассудке. Хочу веселости. Он мне промеж нравоучительных разговоров объясняет, что дом свой запрет, если я в новоселье сдружусь с любовью. Шутит! может, и дело говорит, но я верно знаю, что если только залучу к себе мою радость, сам во двор к себе никого не пушу, и что вы думаете? На две недели, по крайней мере, запрюсь... В ту самую пору, как к вам мое письмо дойдет, это, может, так и сбудется.

У Мазаровича завелся поп, каплан, колдун домашний, римский епископ, халдей, потомок Балтазара. Где этакое миссионера открыли? Шахзада подарил его поверенному и братья коэфоры причащаются. На днях мы хоронили Кастальди, от которого *M-me La Marinière* овдовела. Вот вам чин погребения: покойник был неаполитанец, католик. Отпевали его на халдейском языке. Духовный клир: несторияне, арияне, макарияне, махинейцы предамиты, а плачевники, хоронильщики, зрители, полуравнодушные, полурасстроганные, мы были и наши товарищи европейцы, французы, англичане, итальянцы, и какое же разнообразие вер и безверия! Православные греки, реформаторы, пресбитерияне, сунни и шиа! А всего-навсего лиц с двадцать! всякого зверя два, два¹. Очень пестро, а право не лгу. Мазарович сочинил эпитафию полатыни, я русскую:

* Двадцать одно. (фр.).

Из стран Италии — отчизны
Рок неведомый сюда его привел.
Скиталец, здесь искал он лучшей жизни...
Далеко от своих смерть близкую обрел!

Длинно и дурно, но чтоб не вычеркивать, заменяю ее другою, в ней же заключается историческая истина.

Брыкнула лошадь вдруг, скользнула и упала, —
И доктора Кастальдия не стало!

Желаете ли государственных вестей? Аббас-Мирза халат от отца получил; мы не ездили глазеть на эту помпу. Третьего дни на Фет-Али-хана петлю накинули, и уже фараши готовились затянуть, но пророчествующий в Магомете Пиш-Намаз² спас будущего удавленника и укротил гнев Шахзады, который за то взбесился, что хлеб дорог. Скупщики всякого жита каймакам и визирь, а Фет-Али-хана давят. Фет-Али-хан в свою очередь, чтоб дешевле продавалась насущная пища, пошел всех бить на базаре, и именно тех, у которых ни ломтя нет хлеба. При таких обширных и мудрых мерах государственного хозяйства отдыхает наблюдатель, которому тошнит от их дел с нами, от наших с ними... резьба из вишневой косточки.

Разнесся слух о прибытии в Тифлис главнокомандующего³. Шахзада нам объявил и, если не бредит, думал я, так это новое доказательство, что он об Тифлисе больше нас знает, правда, и мы лучше его смыслим о том, что в его собственном городе происходит, но утешенье ли? особенно для людей, которые различны языком, нравами, и физикою, и моралью. Все, однако, согласно уважают Алексея Петровича, а от него награда — пренебрежение! Слух подтвердился, и вы, умолча обо всем прочем, засвидетельствуйте мою преданность eo, qui *Caucasei fastigia montis sua sub juga mittet**.

* Тому, кто поработил горные хребты Кавказа. (лат.).

Роману Ивановичу, Алексею Александровичу, Ивану Александровичу⁴ искреннее почтение, прочим по порядку тоже. Да вообще Кабардашке и другим придворным генерала низкий поклон.

Прощайте, мой любезный Николай Александрович. Удovолил я ваше терпение, жду 2-го номера от вас, а от меня еще то ли будет? Не извиняюсь, но где же позволено предаваться шутливости, коли не в том краю, где ее порывы так редки. Мои сотруженики обнимают вас прительски.

Покорнейший

А. Грибоедов.

Фортопьян еще нет. Катоптрик Леташинский постоянно мешкает.

Н.А. Каховскому

25 июня 1820. Тавриз.

Жду не дождусь письма от вас. Что вы мне такое намекнули об отъезде в Петербург? Как это? Когда? Официально? Или по догадке вашей? Выведите из сомнения, любезный Николай Александрович. Либо воскресите, либо добейте умирающего. Еще слушайте кое-что: было время, обольстил меня добрейший Роман Иванович, и я в Андреевской просил у главнокомандующего¹ быть переведенным в Тифлис судьбою или учителем. Коли вздумают опечалить меня исполнением этой отчаянной просьбы и пойдет речь об этом, вы уж как-нибудь отворачите от меня грозу: потому что я ни за сокровища Оранг-Зеба², нигде и никогда, ввек не жилец более по сю сторону Кавказа.

Lindsay и Mackintosh сперва много писали доброго о Грузии, потом жаловались на полицейский присмотр за ними. Мне непонятно, либо это собственно их неосновательное замечание, либо в самом деле неловкая шутка полицеймейстера. Кому два англичанина опасны? Они же

разобиженные расстались с Персией. Что касается до политических разведок, так для этого нет нужды Аббасу отряжать европейцев: по большей части тифлисцы сами продали свои души персиянам. Кажется, нам должны быть выгодны посещения людей денежных, и честь делает нынешнему управлению такой землею, которая оглашена была непроходимую от лезгинских ножей, а ныне Монтис говорит, что его соотечественники без числа покушаются туда путешествовать.

Как жаль однако, что вас теперь нет здесь. Мазарович отстроил Palais de Russie* великолепнейший. Мой домик, кабы не колебался так часто от землетрясений, загляденье на Востоке. И каких бы вы женщин у меня нашли! Именно не одну, а многих, и одна прелестнее другой. Кто бы это предвидел месяца два тому назад! Пути любви неисповедимы.

Прощайте, любезный мой; не взывайте на скорюпись и недостаток склада. Болен я жестоко и пишу с удивительным напряжением тела и души.

Алексею Александровичу мое почтение скажите.

Вам преданный и покорнейший

А. Грибоедов.

А.И. Рыхлевскому

25 июня 1820. Тавриз.

Милостивый государь,

любезнейший Андрей Иванович,

где вы теперь? В последнем письме вашем, которому я обязан превеселыми минутами, вы у Поля в клубе людей искали. Перед кем потушили фонарь?¹ Скажите искренно. Или ваш поиск намерены перенести в Петербург? Что главнокомандующий намерен делать, я не спрашиваю: потому что он сфинкс новейших времен. Вы не поверите,

* Русский дворец (*фр.*).

Н.А. Каховскому

19 октября 1820. Тавриз.

как здесь двусмысленно наше положение. От Алексея Петровича в целый год разу не узнаем, где его пребывание и каким оком он с высоты смотрит на дольную нашу деятельность. А в блуждалище персидских неправд и бессмыслицы едва лепится политическое существование Симона Мазаровича и его крестоносцев. Что за жизнь! В первый раз отроду вздумал подшутить, отведать статской службы. В огонь бы лучше бросился Нерчинских заводов и взываю с Иовом: да погибнет день, в который я облекся мундиром иностранной коллегии, и утро, в которое рекли: се титулярный советник. День тот да не взыщет его господь свыше, ниже да приидет на него свет, но да примет его тьма, и сень смертная, и сумрак. — Об моих делах ни слова более, не губить же мне вас моею скукою. Про ваш быт желал бы знать.

Отчего на генералов у вас безвременье? Один с ума сошел (Эристов). Другой (Пузыревский) пал от изменнической руки; Ахвердов от рук мирных, благодетельных, докторских, жаль его семейства, племянница в Кизляре всех жалче.

Отчего великий ваш генерал² махнул рукою на нас жалких, и ниже одним чином не хочет вперед толкнуть на просторном поле государевой службы? Что бы сказал он с своим дарованием, кабы век оставался капитаном артиллерии? Я хотя не осмелил еще моего мнения от того, чтобы с ним смеряться в способностях, но право дороже стою моего звания.

Вероятно, что на мои вопросы ответу от вас не получу, ну так хоть о чем-нибудь о другом, только не забудьте: отпишите и заставьте себя любить более и более.

Вам преданный

А. Грибоедов.

P.S. Семен Иванович³ несколько раз просил меня вам изъяснить постоянные его к вам чувства дружества и уважения, но он же виноват, коли я этого до сих пор не исполнил. В тот раз при отправлении курьера не дал времени ни с кем письмами побеседовать.

19 октября 1820. Тавриз.

Поздравляю вас с наступающим октябрем, любезнейший Николай Александрович, с тем самым октябрем, который, по вашим словам, должен свести нас в Тифлисе. Следовательно, для меня праздник. Не суетно ли ваше предсказание? Хоть неправда, да отрада. Валет мой¹ скажет вам, как я живу без Мазаровича: денег нет, ума нет.

Много благодарю вас за ваше письмо. Его привез мне политического свойства армянин, Казар, глупейшее создание, какое только есть в двух союзных государствах! Пишите мне о Мирзе-Массуде, как его главнокомандующий принял. Если велит его побить, так это много наши дела в Персии поправит.

В ваших вестях упоминается о будущей свадьбе. Поздравляю Коцебу, а не Елену Романовну. Стало быть, покойник Август фон Коцебу породнится с Романом Ивановичем и с Алексеем Петровичем! Следовательно, в Тифлисе нельзя будет откровенно говорить об его литературном пачканье? Нет нигде уже в Русском царстве свободы мнения! Прощайте. Завтра чем свет Амлик мой окажет курьерскую свою борзость. Ложусь спать.

Верный вам

Грибоедов.

Алексею Александровичу² засвидетельствуйте чувство глубочайшего и пр. Секретно от Романа Ивановича, которому скажите мое искреннее почтение.

А.И. Рыхлевскому

24 октября 1820. Тавриз.

Милостивый государь Андрей Иванович.

Я в шутку писал вам о своих делах. Вы в них приняли участие с дружескою заботливостью. Умею ли я это ценить, бог даст, увидите со временем, не век мне быть в Персии, а вам

в Грузии, сойдемся в отечестве, где и мне стать случай будет служить вам, сколько истинно желаю. До тех пор все-таки я у вас в долгу, и мало этого: прошу от вас еще одолжения. Отправляется в Тифлис наш Шамир Бегляр, чтобы кое-как склеить дела совершенно расстроенные. Не нужно мне его поручать в вашу благосклонность, он сам имеет честь вам быть лично знакомым. Однако, натерпевшись в Персии вместе со мною, получил полное право на мое ходатайство при всяком, кто мне добра желает, следовательно при вас особенно, чтобы вы в делах ему покровительствовали, послужили бы ему сильную защиту против недоброоходов, из которых, как вам известно, первый П.И. Могилевский к нему не благоволит. Он снабжен письмами к высоким властям. У вас немало власти, употребите ее на благо нашему товарищу, бог воздаст вам.

Простите, что мало пишу: по обыкновению дотянул до последней минуты, ни в чем не успеваю. Зато в другой раз подробнее побеседую, и коли наскучу, — на себя пеняйте. Зачем ласковым ответом поощряете на болтовство?

Сергею Александровичу Наумову скажите мое почтение, если он еще обо мне помнит.

С чувством отличного почтения и преданности,
милостивый государь,
ваш покорнейший

А. Грибоедов.

А.И. Рыхлевскому

3 ноября 1820. Тавриз.

Милостивый государь Андрей Иванович.

Неделю или немногим более назад писано мною было вам по оказии с отъезжающим в Тифлис для поправки дел расстроенных наших Шамиром Бегляровым, коего я поручал благосклонности вашей, распространяемой особливо вами и на меня: чтобы вы сильною защитой ему в сих делах, вам известных, стали противу недоброоходов наших, из коих первым считаю П.И. Могилевского. Пользуясь ныне сроч-

ною отправкою в Тифлис, решил я поделиться с вами мыслию моею, пришедшей ко мне уже после отъезда Беглярова, кою, надеюсь, примете вы снисходительно, — а именно: минуя всяческие пути окольные, обратиться с ходатайством и правдивым повествованием о всех мытарствах и несчастиях наших к самой высокой особе¹, но, впрочем, полагаюсь вполне на усмотрение ваше, ибо вам, человеку ближнему, виднее, как лучше поступать в сем деле нашем. За умолчание о себе не пеняйте очень, ибо я и вообще не охоч делами своими другим, хотя бы и друзьям близким, докучать, а по здешней суматошной жизни ныне и вовсе обленился писать. Вот когда увидимся — наговоримся полною мерою и по душам, а пока порадуйте меня ласковым ответом своим.

С отличной преданностью остаюсь,

милостивый государь,

ваш покорнейший

А. Грибоедов.

Неизвестной
(Черное)

17 ноября 1820 — час полуночи.

Тавриз.

Вхожу в дом, в нем праздничный вечер; я в этом доме не бывал прежде. Хозяин и хозяйка, Поль с женою, меня принимают в двери. Пробегаю первый зал и еще несколько других. Везде освещение; то тесно между людьми, то просторно. Попадаются многие лица, одно как будто моего дяди, другие тоже знакомые; дохожу до последней комнаты, толпа народу, кто за ужином, кто за разговором; вы там же сидели в углу, наклонившись к кому-то, шептали, и ваша возле вас. Необыкновенно приятное чувство и не новое, а по воспоминанию мелькнуло во мне, я повернулся и еще куда-то пошел, где-то был, воротился; вы из той же комнаты выходите ко мне навстречу. Первое ваше слово: вы ли это, Александр Сергеевич? Как переменялись! Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко от посторонних в уединен-

ную, длинную, боковую комнату, к широкому окошку, головой приклонились к моей щеке, щека у меня разгорелась, и подивитесь! вам труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда был выше вас гораздо. Но во сне величины искажаются, а все это сон, не забудьте.

Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? — Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет — вы досадовали. — Дайте мне обещание, что напишете. — Что же вам угодно? — Сами знаете. — Когда же должно быть готово? — Через год непременно. — Обязываюсь. — Через год, клятву дайте... И я дал ее с трепетом. В эту минуту малорослый человек, в близком от нас расстоянии, но которого я, давно слепой, невидел, внятно произнес эти слова: лень губит всякий талант... А вы, обернувшись к человеку: посмотрите кто здесь?.. Он поднял голову, ахнул, с визгом бросился мне на шею... дружески меня душил... Катенин!.. Я пробудился.

Хотелось опять позабыться тем же приятным сном. Не мог. Встав, вышел освежиться. Чудное небо! Нигде звезды не светят так ярко, как в этой скучной Персии! Муэдзин с высоты минара звонким голосом возвещал ранний час молитвы (— * ч. пополуночи), ему вторили со всех мечетей, наконец ветер подул сильнее, ночная стужа развеяла мое беспамятство, затеплил свечку в моей хранине, сажусь писать, и живо помню мое обещание; во сне дано, наяву исполнится¹.

Неизвестному

(Отрывок черного письма)

(Перевод с французского)

<Ноябрь 1820. Тавриз.>

Знания которыми я обладаю, сводятся к владению языками: славянским и русским; латинским, французским, англ-

* Так в первопечатном тексте.

лийским, немецким. В бытность мою Персии, изучал я персидский и арабский. Но для того, кто хочет быть полезен обществу, еще весьма недостаточно иметь несколько разных слов для одной идеи, как говорит Ривароль; чем больше имеешь знаний, тем лучше можешь служить своему отечеству. Именно для того, чтобы получить возможность их приобрести, я и прошу увольнения со службы или отозвания меня из унылой страны, где не только нельзя чему-либо научиться, но забываешь и то, что знал прежде. Я предпочел сказать вам правду, вместо того чтобы выставлять предлогом нездоровье или расстройство состояния, общие места, которым никто не верит.

Н.А. Каховскому

27 декабря <1820>. Тавриз.

Итак, вы в негодовании на меня, любезный Николай Александрович, за упрямство, с которым я как будто присягнул не писать вам, так мне Шамир¹ говорит. Непонятный человек, я бы на вашем месте радовался, что унялись скучать вам своею скукою: потому что во всех моих письмах одно и то же, как вчера, так и нынче. Процвetaем в пустыне, оброшенные людьми и богом отверженные. — Пришлите к нам Шамира скорее; авось оживит нас несколько, или нет! пусть его веселится, женится, песни поет: одним счастливецом больше на свете.

Продолжение впредь с Канумом, который через три дни отправляется².

Вложенный здесь конверт возьмите на себя труд передать Роману Ивановичу³; челом бью о пересылке по адресу.

Sérieusement, il y a quelque chose qui m'empêche de Vous continuer ma présente, mais Vous serez pleinement compensé par l'ennui que je m'apprête à Vous causer avec une epote longue de dix aunes.*

* Серьезно, есть нечто, мешающее мне продолжать это письмо, но вы будете сполна вознаграждены скукой, которую я собираюсь вам доставить посланием в десять аршин (фр.).

Попросите Романа Ивановича в скором времени переслать конверт матушке, потому что мне оно очень важно. Дружески вас обнимаю и прошу не сердиться.

В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

<1 октября 1822 – конец января 1823>

1 октября 1822. Тифлис.

Любезный Вильгельм. Пеняй на мою лень и прав будешь. Дивлюсь, коли сохранил ты ко мне хотя искру любви, признаю себя совершенно недостойным. Сколько времени уткло!¹ сколько всего накопилось! Сперва знай, что письмо из Харькова, об котором ты упоминаешь, до меня не дошло, следовательно, благодарю не читавши. Из последнего, от 22-го августа, вижу, что у тебя опять голова кругом пошла. На которую наметил неудачно? Назови. А я, в отраду, научу тебя преданию из книги, прежде всех век изданной: Эрут и Мерут² были два ангела, ниспосланные богом для отвращения человеков от соблазнов любви. Тогда же долу спустилась планета Венера в лице жены прелестной. Послы господни ее увидели, смутились в сердцах своих, к ней прилепились всею силою чувства... как вдруг взвилась она высоко от желателей и восприяла свое место в телах небесных. Два ангела – вслед за нею, но охватили мрак и пустоту. Вымысел стоит Иксионова³, а тебе дано их обоих оправдать своими опытами.

Согласись, мой друг, что, утративши теплое место в Тифлисе, где мы обогревали тебя дружбою, как умели, ты многого лишился для своего спокойствия. По крайней мере, здесь не столько было искушений: женщины у нас, коли поблагодивнее, укрыты плотностью чадера, а наших одностепок природа не вооружила черными волшебствами, которые души губят: любезностию и красотою. Ей-богу, тебе здесь хорошо было для себя. А для меня!... Теперь в поэтических моих занятиях доверяюсь одним стенам. Им

кое-что читаю изредка свое или чужое, а людям ничего, некому⁴. Кабы мог я предложить тебе нелюбимые надежды, силою бы вызвал обратно. Этому не сбыться; хочешь ли покудова слышать о приятелях обоого пола?

Граф Симонич женился на хорошенькой княгине Анне Атаровне. Грека, рыцаря промышленности, выгнали от Ахвердовых, и я при этом острацизме был очень деятелен.⁵

Генеральша Крабе по-прежнему родит детей, как печатает.

Умерли: Наумов, Юргенсон и мишхарбаш Бебутов, Шпренгель, etc., etc.

Только что было расписался, повестили мне об отъезде с г. Клендс в Кахетию; это третье путешествие с тех пор, как мы расстались...⁶

И сколько раз потом я еще куда-то ездил. Целые месяцы прошли, или, лучше сказать, протянулись в мучительной долготе. Оставляю начатые строки в свидетельство, что не теперь только ты присутствен в моих мыслях. Однако, куда девалось то, что мне душу наполняло какою-то спокойною ясностью, когда, напитанный древними сказаниями, я терялся в развалинах Берд, Шамхора и в памятниках арабов в Шемахе? Это было во время Рамазана, и после, с тех пор, налегла на меня необъяснимая мрачность. Алексей Петрович смеялся, другие тоже, и напрасно. Пожалей обо мне, добрый мой друг! помяни Амлиха, верного моего спутника в течении 15-ти лет. Его уже нет на свете. Потом Щербаков приехал из Персии и страдал на руках у меня; вышел я на несколько часов, вернулся, его уже в гроб клали. Кого еще скосит смерть из приятелей и знакомых? А весной, конечно, привлечется сюда cholera morbus*, которую прошлого года зимний холод остановил на нашей границе. Трезвые умы, Коцебу, например, обвиняют меня в малодушии, как будто сам я боюсь в землю лечь; других жаль сторицно пуще себя. Ах, эти избалованные дети тучности и пищеварения, которые забо-

* холера (лат.).

тятся только о разогретых кастрюльках etc., etc. Переселил бы я их в сокровенность моей души, для нее ничего нет чужого, страдает болезнию ближнего, кипит при слухе о чем-нибудь бедствии; чтоб раз потрясло их сильно, не от одних только собственных зол. Сокращу печальные мои выходы, а все легче, когда этак распишешься.

Объявляю тебе отъезд мой за тридевять земель, слово на мне отягчело пророчество: И будет ти всякое место в предвигении. Пиши ко мне в Москву, на Новинской площади, в мой дом. А там, авось ли еще хуже будет. Давича, например, приносили шубы на выбор: я, года четыре, совсем позабыл об них. Но как же без того отважиться в любезное отечество! Тяжелые. Плечи к земле гнетут. Точно трупы, запахом заражают комнату всякие лисицы, чекалки, волки... И вот первый искус желающим в Россию: надобно непременно растерзать зверя и окутать его кожу, чтоб потом роскошно черпать отечественный студеный воздух.

Прощай, мой друг.

Ю.К. Глинке
(Перевод с французского)

26 января 1823. Тифлис.

Милостивая государыня. Замедлив до бесконечности ответом на обязательное письмо, которое вы были так любезны мне прислать, напрасно стал бы я ломать себе голову, выдумывая какой-нибудь предлог, который хоть немного оправдал бы мою неучтивость, вы все равно им не были бы обмануты. Но, сударыня, подумайте, во-первых, о расстоянии, нас разделяющем, о частых разъездах, поглощающих пять шестых времени моего пребывания в этом краю; к тому ж еще, письма всех тех, кто меня не забывают, век целый томятся на почте, прежде чем доходят до меня. Одно меня успокаивает — что мой и вместе ваш друг отлично знает особенности, моему характеру свойственные. Он, должно

быть, вас предупредил, что во всех постоянных моих уклонениях от обычаев и условностей никогда нельзя винить ни сердце мое, ни недостаток чувства.

Прибегая к снисходительности вашей в том, что до меня касается, хочу побеседовать с вами немного о человеке, который лучше меня во всех отношениях и который так дорог вам, равно как и мне. Что поделявает любезный наш Вильгельм? Преследуемый несчастьем¹ прежде, чем успел он насладиться теми немногими действительными удовольствиями, которые дает нам общество, гонимый и непонятый людьми, в то время как сам он всякому встречному отдается со всей прямою, сердечностью и любовью... разве не должно бы все это привлечь к нему общую доброжелательность? Всегда боящийся быть в тягость другим и отягощающий лишь свою собственную чувствительность. Предполагаю, что теперь он вместе с вами (в деревне, в Смоленской губернии), окруженный любезными родственниками. Кто бы сказал полгода назад, что я буду ему завидовать, вплоть до неблагоприятной звезды его! Ах! Если причастность к несчастью приносит какое-то облегчение несчастливцам, передайте ему, сударыня, что вместо того, каким он меня здесь знал прежде — беззаботного, веселого, даже резвого, ныне я стал в тягость себе самому, одинок совершенно среди людей, полностью мне безразличных; еще несколько дней, и я покину этот город и ту скуку и отвращение, которые здесь меня преследуют, чтобы, может статься, найти их снова в другом месте. Скажите ему, что еще одно имя присоединилось к его имени в списке изгнанников, жертв несправедливости человеческой, имя Катенина, одного из друзей, воспоминание о котором придавало еще прелесть родной стороне, когда я думал о своем возвращении.² Вильгельм знает его и поймет, о ком идет речь. Убеждайте превосходнейшего вашего брата примириться с судьбой и смотреть на наши несчастья как на горнило нравственное, из которого мы выйдем менее пылкими, более хладнокровными, приобретшими несколько внушительности, как если бы мы всю жизнь свою благоденствовали; и

если судьба отсрочит конец наших дней, раздражительная старость, сухой кашель и вечно повторяемые наставления юношеству — вот та тихая гавань, куда в конце концов всякий приходит, и я, и Вильгельм, и счастливицы сих дней.

Простите, сударыня, что я растянул письмо мое меланхолическими излияниями, от которых мог бы вас избавить. Намерение мое, взявшись за перо, единственно было облегчить свою совесть искренним признанием вины, которую я перед вами чувствую и в которой не перестаю себя упрекать.

Примите уверения в чувствах совершеннейшего к вам почтения и проч., и проч.

А. Грибоедов.

А.В. Всеволожскому

8 августа <1823>.

*Тульской губ. Ефремовского уезда
село Лакотцы.*

Любезный друг. Пишу тебе из какого-то оврага Тульской губернии, где лежит древнее господское обиталище приятеля моего Бегичева. Опоздавши выездом из Москвы, чтобы сюда перенестись, я уже предвидел, что не успею к тебе в Нижний¹; однако думал выгадать поспешностию в езде время, которое промедлил на месте. Ничуть не так. Отсюда меня не пускают. И признаюсь: здесь мне очень покойно, очень хорошо². Для нелюдима шум ярмонки менее заманчив. Ты, мой друг, легко поверишь, что во всей этой неудаче на больших дорогах я одного жалею: не свидеться с тобою по предположению, которое сердечно меня утешало. Зато, по дольшей разлуке, в Москве дружнее обнимемся. А мне туда след будет непременно, коли скоро отсюда не уберусь; близок сентябрь, какой же честный человек в осеннюю, суровую пору решится ехать в Тифлис? Коммерческие наши замыслы тоже рушились, за безденежием всей компании³. Сговоримся в Москве,

склеим как-нибудь, коли взаимная польза соединит нас, право, это хорошо, а если нет: утешимся, взаимная, добрая приязнь давно уже нас соединила, и это еще лучше. Прощай, любезный Александр; не замешкайся, будь здоров, помни об своем милом семействе, а иногда и обо мне.

Верный твой

А. Грибоедов.

P. S. Коли это письмо застанет тебя в Нижнем, потрудись велеть разведать, как деятелен обмен нынешнего года с персиянами и на какие именно статьи более требования для выпуска и привозу?

С.Н. Бегичеву

<10 июня 1824. Петербург.>

Степану Никитичу.

Брат любезный, бесценный друг мой. — Ты верно меньше всех готов был к неожиданной тайне моего отъезда, но, конечно, лучше всякого оценил его необходимость. Крепиться можно до некоторой степени, еще минута — и делаешься хуже бабы; я знал себя, и поступил как должно, помчался не оглядываясь, и вплоть до Клина каждый толчок служил мне лекарством, облегчением от бесполезной чувствительности, уныние превращал в досаду на дорогу, а потом в усталость, и пр. — На первой станции нашел я портрет Дениса Васильевича Давыдова, на второй картинку: игрока Реньяра¹ с подписью приличных стихов; какое сближение обстоятельств! Но, будь уверен, что я не улыбнулся, а подумал о человеке, которого мы все любим². Два раза снег шел на дороге, 29 и 30 мая! Я продрог, принужден был ночевать, на четвертые сутки поспел сюда; здесь я уж восемь дней гуляю; коли дома, то, верно, один другого сменяет в моей комнате, когда же со двора выхожу, то повсюду рассыпаюсь, досуг и воля. Все просят у меня манускрипта³ и

* Прошу покорно Льву этого не показывать. (Примеч. А.С. Грибоедова.)

надоедают. Шаховской, Жандр и Греч пристают, чтоб я у них жил, и Паскевич в лагерь тащит, однако расчелвериться невозможно. Те трое об тебе часто вспоминают, я обещался дать тебе знать. А вот Шмит сейчас вошел ко мне; ты не поверишь, как он с благодарностию относится об одолжениях, которые ты ему делал. С Самойловым выдаюсь. Третьего дни сестры его, графини Бобринской, было рождение; я у них пировал на даче, музыка, дамы, шампанское, и в старые годы меня бы оттуда не скоро вытащили, теперь другая пора, выдаюсь по необходимости; только не могу еще тебе сказать ничего удовлетворительного насчет моего требования. Наумов каждый день у меня бывает. Я через него знаю об отпуске моем и позволении ехать в чужие края, все это давно уже послано к Ермолову, и здесь готов дубликат; хочу, завтра на корабль сяду. Друг сердечный, разреши от данного мною обещания. Свидеться на короткое время — значит только снова растравить горькое чувство расставания. Впрочем знай, что для меня, во всяком случае, что скажешь, то и святое дело. — Павлов, Мадатов и еще одно лицо всех их поважнее гораздо чином (с Трубецким получишь отгадку) — уморительные люди; я сколько нагляделся смешного, и сколько низостей...

Теперь об важных людях кстати: Василий Сергеевич Ланской — министр внутренних дел, цензура от него зависит, мне по старому знакомству, вероятно, окажется благоприятен. Александр Семенович тоже⁴. Частию это зависит от гр. Милорадовича; на днях он меня угощал обедом в Екатерингофе. Вчера я нашел у Паскевича великого князя Николая Павловича; это до цензуры не касается, но чтоб дать понятие, где бываю и кого вижу.

С Трубецким буду писать тебе вторично и много. Анну Ивановну поцелуй за меня, и Софью Петровну, и Андрея Барышникова, и прочим всем кланяйся.

Пиши: в Военно-счетную Экспедицию, Андрею Андреевичу Жандру; он уже доставит мне. Чепягов здесь; одним глазом ослеп, и другой у него чуть держится, каждый день ждет, что вовсе зрения лишится.

Никита, брат Александра Всеволодского, Александр, брат Володи Одоевского, журналист Булгарин, Мухановы и сотни других лиц — все у меня перед глазами. Прощай, голова вихрем идет. С горячностью тебя обнимаю, душевный, милый, несравненный друг.

10-го июня. Петербург. Живу я у Демута⁵, но адрес к Жандру.

Ужо еду в Царское⁶.

С.Н. БЕГИЧЕВУ

<Июнь 1824. Петербург.>

Душа, друг и брат. — Слава богу, нашел случай мимо почты писать к тебе. Чебышев взялся доставить. Он подговаривал меня вместе прокатиться в Москву, и признаюсь, соблазнительно очень, да сборы его слишком скоры, я не поспел, или, лучше сказать, не могу в эту минуту оторваться от побрякушек авторского самолюбия. Надеюсь, жду, урезаваю, меняю дело на вздор, так что во многих местах моей драматической картины, яркие краски совсем пополовели, сержусь и восстанавливаю стертые, так что, кажется, работе конца не будет; ... * будет же, добьюсь до чего-нибудь; терпение есть азбука всех прочих наук; посмотрим: что бог даст. Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли решишься: он так несовершенен, так нечист; представь себе, что я с лишком восемьдесят стихов — или, лучше сказать, рифм переменял, теперь гладко, как стекло. Кроме того, на дороге мне пришлось в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечкою над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда, и в этом виде читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гречу и Булгарину, Колосовой, Караты-

* Так в первопечатном тексте.

гину, дай счесть — 8 чтений. Нет, обчелся — двенадцать; третьего дня обед был у Столыпина, и опять чтение, и еще слово дал на три в разных закоулках. Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет. Шаховской решительно признает себя побежденным (на этот раз). Замечанием Вильгорского я тоже воспользовался. Но наконец мне так надоело все одно и то же, что во многих местах импровизирую, да, это несколько раз случалось, потом я сам себя ловил, но другие не домекались. — *Voilà ce qui s'appelle sacrifier à l'intérêt du moment.** — Ты, бесценный друг мой, насквозь знаешь своего Александра, подивись гвоздю, который он вбил себе в голову, мелочной задаче, вовсе несообразной с ненасытностью души, с пламенной страстью к новым вымыслам, к новым познаниям, к перемене места и занятий, к людям и делам необыкновенным. И смею ли здесь думать и говорить об этом? Могут ли прилежать к чему-нибудь вышнему? Как притом, с какой стати, сказать людям, что грошовые их одобрения, ничтожная славишка в их кругу не могут меня утешить? Ах! прилична ли спесь тому, кто хлопочет из дурацких рукоплесканий!!

Перебью себя, эта выходка не впору, будет впору, когда отсюда вырвусь. Теперь стану продолжать, как начал, кратко и складно, и опять об кулисах, и опять об актрисах. Колосова, по личностям с одним из членов комитета, еще не заключила нового условия и при мне не выходила на сцену, но у себя читала мне несколько Мольера и Мариво. Прекрасное дарование, иногда заметно, что копия, но местами забывается и всякого заставит забыть. Природа свое взяла, пальма в комедии принадлежит ей неотъемлемо. Разумеется, что она, в свою очередь, пленилась моим чтением; не знаю, искренно ли? Может быть, и это восклицания из Мариво. — Но гениальная душа, дарование чудное, теперь еще грубое, само себе безотчетное, дай бог ему напитаться великими образцами, это Каратыгин; он часто у меня бывает, и как всякая сильная черта в словах и в мыс-

* Вот что называется приносить жертвы ради интересов минуты (*фр.*).

лях, в чтении и в разговоре его поражает! Я ему читал в плохом французском переводе 5 акт и еще несколько мест из “Ромео и Юлии” Шекспира; он было с ума сошел, просит, в ногах валяется, чтоб перевести, коли поленюсь, так хоть последний акт, а прочие Жандру дать, который впрочем несколько меня не прилежнее. Я бы с ним готов вместе трудиться, но не думаю, чтоб эти литературные товарищества могли произвести что-нибудь в целом хорошее; притом же я стану переводить с подлинника, а он с дурного списка, сладить трудно, перекраивать Шекспира дерзко, да и я бы гораздо охотнее написал собственную трагедию, и лишь бы отсюда вон, напишу непременно.

Однако заметь, что я поглупел здесь: три страницы написал, а главное, об чем с первой строки хотел и теперь хочу наведаться, улетело на воздух за бесконечными толками о чтении и представлении, об шутах и шутовстве.

Что ты сам, мой друг? Как провел время у Барышниковых? Ты мне об этом скромничаешь, об Анне Ивановне¹ говоришь только, что на днях будет матерью, что я и без тебя знаю, а какова она? терпеливо ли ждет роковой минуты? Боже оборони, не страдает ли по-прежнему? не боится ли? Может быть, теперь уже все решилось? Пиши мне тотчас. Да скажи ей, моему милому другу, что если монашеские, жаркие желания и обеты доходят до господ бога, так никому в свете легче не рожать. Я враг крикливого пола, но две женщины не выходят у меня из головы: твоя жена и моя сестра; я не разлучаю их ни в воспоминаниях, ни в молитвах. Да еще скажи ей, коли нам вчетвером с Софьей Петровной бывало весело, так, конечно, во сто раз будет веселее, когда дитя ее станет переходить с рук на руки, от матери к отцу, а от отца (потому что не умеет быть нежным с детьми) тотчас ко мне. Постой, однако, и пишу, и боюсь; лучше ничего не говори ей, до поры, до времени, а только кланяйся и поцелуй, а также и Софии Петровне дружеские объятия и поклон низжайший.

Прощай. Хотел бы еще писать тебе о Катенине и об его “Андромахе”, я лучшие места списал для тебя. Но каким оно

дурным слогом в ухо бьет, кроме 4-го акта, конца 5-го и 3-го. И как третий акт превосходен, несмотря на дурной слог! Впрочем, я дурное замечаю тебе для того только, что в печати это скорее всего заметят; на сцене оно скрадется хорошим чтением; вообще как бы мало это стоило выправить и сгладить, и не давать поводу к придиркам. Славный человек, ум превосходный, высокое дарованье, пламенная душа, и все это гибнет втуне. Прощай, пожалуйста отпусти, не могу отвязаться, болтаю как 60-летняя старуха. Пуквила² не мог еще достать, запрещен; есть он у Столыпина и Дашкова, но, разумеется, они не продадут. Коли увидишь, сестру Машу³, дай ей мое письмо, пусть начитается досыта, а потом разорви на клочки. Я ничего об моих не знаю, в Москве ли они, в деревне ли? Дмитрия⁴, красоту мою, расцелуй так, чтобы еще более зарделись пухлые щечки. Александру Васильевну тоже, Дениса и Льва⁵ и весь освященный собор. Верстовскому напомни обо мне, и пожми за меня руку. Представь, что я только сейчас вспомнил об "Маврах"; бегу в цензуру.

НВ. 1000 руб. я не получал, а нужда смертная, но похвали меня, приехал сюда ровно с тысячью рублями, три беленькие 25-рублевые и несколько синих ведутся, живу в трактире⁶, сперва обедал каждый день в клубе, а теперь чаще всего дома. Прощай, прощай, прощай.

П.А. Вяземскому

21 июля <1824>. Петербург.

Любезнейший князь, на мою комедию¹ не надейтесь, ей нет пропуска; хорошо, что я к этому готов был, и следовательно, судьба лишнего ропота от меня не услышит, впрочем, любопытство многих увидеть ее на сцене или в печати, или услышать в чтенье послужило мне в пользу, я несколько дней сряду оживился новою отеческою заботливостью, переделал развязку, и теперь кажется вся вещь совершеннее, потом уже пустил ее в ход, вы ее на днях получите.

Как у вас там на Серпуховских полях?² А здесь мертвая скука, да что? не вы ли во всей Руси почуяли тлетворный, кладбищенский воздух? А поветрие отсюда.

Я еще дней на семь буду в Москву и, конечно, загляну к вам в Остафьево, где на свободе потолкуем. — Благодарю вас за письма к Н.М. Карамзину, стыдно было бы уехать из России, не видавши человека, который ей наиболее чести приносит своими трудами, я посвятил ему целый день в Царском Селе³ и на днях еще раз поеду на поклон, только далеко и пыльно. Тургеневу переслал ваше письмо, а не видал: потому что лицо у меня несколько времени вспухло и не допускало выходить из дому, он тоже на даче и далеко живет; однако перемена в министерстве, кажется, не повредила его службе, по крайней мере так относятся те, которым до этого никакого дела нет, в Английском клубе здесь, как в Москве, ремесло одно и то же: знать все обо всех, кроме того, что дома делается.

Шаховской занят перекройкой "Бахчисарайского фонтана" в 3 действиях с хорами и балетом, он сохранил множество стихов Пушкина, и все вместе представляется в виде какого-то чудного поэтического салата⁴.

Гнедича я видел, несмотря что у него и галстук повязан экзастром⁵, в мыслях и словах и поступи что-то надутое, но кажется, что он гораздо толковее многих здесь.

Крылов (с которым я много беседовал и читал ему) слушал все выпуча глаза, похваливал и вряд ли что понял. Спит и ест непомерно. О, наши поэты! Из таких тучных тел родятся такие мелкие мысли! Например: что поэзия должна иметь б ю т⁶, что к голове прекрасной женщины не можно приставить птичьего туловища и пр. — Нет! можно, почтенный Иван Андреевич, из этого может выйти прекрасная идеальная природа гораздо выше нами видимой, слышали ли вы об грифоне индо-бастрианского происхождения, посмотрите на него в обломках Персеполя, в поэме Фердусия. — А!

Я еще не был вместе с Севериным и, может быть, не встречу. Мой паспорт давно отправлен к Ермолову.

Погода пасмурная, сыро, холодно, я на всех зол, все глупы, один Греч умен, принес мне Домбровского “Institutiones Linguae Slavicae” и Клапротову “Азию Полиглотту”, я от сплина из поэтов перешел в лингвисты, на время, разумеется, покуда отсюда вырвусь.

Прощайте, любезный сподвижник, не хочу более пугать вас угрюмым слогом. Мочи нет тошно.

Ваш слуга Г.

NB. Очень хорошо сделали, что приписали параграф для показания Jullien, я вам очень благодарен, особенно коли не удастся мне более побывать в Москве... Это послужит вместо литературного паспорта⁷.

П.А. Вяземскому

11 июля <1824>. Петербург.

Любезный князь Петр Андреевич, одним письмом вы меня до сих пор вспомнили и обрадовали. Нельзя ли еще одним? Адрес мой: в Военно-счетную экспедицию, его высокоблагородию Андрею Андреевичу Жандру, для передачи А.С. Грибоедову.

Эти строчки доставит вам Сосницкий. Примите его в число тех, кого любите. Коли сами в городе, согласите его сыграть Вольтера, роль, в которой он необыкновенно хорош (во втором акте)¹. Вся портретная истина сохранена в точности. Это одушевленная бронза того бюста, что в Эрмитаже². Я бы желал не столько остроты (которой, впрочем, эта комедия не изобилует), но чтобы картина неизбежной дряхлости и потухшего гения местами прояснялась памятью о протекшей жизни, громкой, деятельной, разнообразной. Кто век прожил с большим блеском? И как неровна судьба, так сам был неровен: решительно действовал на умы современников, вел их, куда хотел, но иногда, светильник робкий, блудящий огонек, не смеет назвать себя; то опять ярко сверкает реформатор бичом сатиры; гонимый и гонитель, друг царей и враг их. Три поколения

сменились перед глазами знаменитого человека; в виду их всю жизнь провел в борьбе с суевением — богословским, политическим, школьным и светским, наконец, ратовал с обманом в разных его видах. И не обманчива ли самая та цель, для которой подвизался? Какое благо? — колебание умов ни в чем не твердых??. Теперь, на краю гроба, среди обожателей, их фимиамы, их плесков... А где прежние сподвижники, в юности пылавшие также алчностью славы, ума, опасностей и торжеств? И где прежние противуборники? — отцы, деды тех, которые нынче его окружают???

Этого нет в комедии, но есть прозаическое сходство: удивление при встрече с любовницею после 60 лет разлуки; самодовольствие Вольтера, что он первый познакомил французов с англичанами, первый был вызван и увенчан в театре; анекдот с перстнем, кофейная острота и проч. мелочь. Как бы то ни было, Сосницкий чрезвычайно хорош и добавляет автора. Не знаю, как вы его найдете?

Прощайте, меня перерываю.

NB. Пишите же ко мне. Вот я не ленюсь. А кабы теперь был в Москве, сыграл бы в деревне у вас роль старухи-маркиши, Вольтеровой любовницы.

С.Н. Бегичеву

31 августа <1824>. Стрельна.

Брат любезный. Не еду к тебе и не пишу тебе, совесть мучит. Слушай. Узнавши о твоей новорожденной, первое мое движение было к тебе лететь, поздравить и обнять крепко-накрепко мать, отца и весь дом; право, ходя по комнате, я уже у вас был, нянчил ребенка, шалил с кормилицею, но проклятый недочет в прогонах все испортил, взять было неоткуда. Лев и Солнце¹ давно уже покоятся в ломбарде, а Чебышеву задолжать — сохрани боже! Я от него сюда бежал, в Стрельну; представь себе, что он вздумал ко мне приписаться в самые нежные друзья, преследовал меня экстазами по улицам и театрам и наконец переехал

в три номера Демутова трактира, и все три — возле моей комнаты: два по сторонам и один антресоли; каково же встречать везде Чебышева! По бокам Чебышев! над головой Чебышев! Я, не говоря ему ни слова, велел увязать чемоданы, сел в коляску, покатился вдоль поморья и пристал у Одоевского, будто на перепутии; много верхом езжу, катаюсь по морю; дни прекрасны, жизнь свободная.

Не сердись, мой истинный друг, где бы я ни затерялся, первый ты на уме и на языке. Нет у меня ни жены, ни дочери. Душою принадлежу тебе одному. Прощай.

Верный друг

А. Г.

Ф.В. Булгарину

<Начало октября 1824. Петербург.>

Милостивый государь Фаддей Венедиктович.

Тон и содержание этого письма покажутся вам странны, что же делать?! — Вы сами этому причиною. Я долго думал, не решался, наконец принял твердое намерение объявить вам истину; *il vaut mieux tard, que jamais**. Признаюсь, мне самому жаль: потому что с первого дня нашего знакомства вы мне оказали столько ласковостей; хорошее мнение обо мне я в вас почитаю искренним. Но, несмотря на все это, не могу долее продолжать нашего знакомства. Лично не имею против вас ничего; знаю, что намерение ваше было чисто, когда вы меня, под именем Талантина, хвалили печатно и, конечно, не думали тем оскорбить¹. Но мои правила, правила благопристойности, и собственно к себе уважение не позволяют мне быть предметом похвалы незаслуженной или, во всяком случае, слишком предускоренной. Вы меня хвалили как автора, а я именно как автор ничего еще не произвел истинно изящного. Не думайте, чтобы какая-нибудь внешность, мнения

* Лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

других людей меня побудили к прерванию с вами знакомства. Верьте, что для меня моя совесть важнее чужих пересудов; и смешно бы было мне дорожить мнением людей, когда всемерно от них удаляюсь. Я просто в несогласии сам с собою: сближаясь с вами более и более, трудно самому увериться, что ваши похвалы были мне не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкладываю ли я еще горсточку ладана!!

Расстанемся. — Я бегать от вас не буду, но коли где встретимся: то без приязни и без вражды. Мы друг друга более не знаем. Вы, верно, поймете, что, поступая, как я теперь, не сгоряча, а по весьма долгом размышлении, не могу уже ни шагу назад отступить. Конечно, и вас чувство благородной гордости не допустит опять сойтись с человеком, который от вас отказывается. Гречу объясню это пространнее... а может быть, и нет, как случится. Прощайте. Я об вас всегда буду хороших мыслей, даже почитаю долгом отзываться об вас с благодарностию. Вы обо мне думайте, как хотите².

Милостивый государь,

ваш всепокорнейший

А. Грибоедов

Октябрь.

П.А. Катенину

17 октября <1824. Петербург.>

Любезный друг. Положим, что я уже извинился, как следует, и ты мне простил 5-тилетнее молчание. А. А.¹ доскажет тебе остальное. Жаль, что не могу попасть к тебе в Кострому, а так давно собираюсь! Но мне есть утешение, коли не с тобою, так о тебе беседую часто и с теми даже, с кем ты не знаком и кто тебя не стоит. На днях все как будто судьбою устроено, чтобы мне сердцем и мыслями перенестись к тебе, почтенный друг. Люди менее несправедливы на твой счет; стало, и об них можно передать тебе вести. Чаще пре-

жного произносит твое имя Андромаха, которая должна явиться в альманахе²; в Париже вышли о тебе отзывы, исполненные уважения³; в театре превозносят Каратыгина и тебе приписывают развитие его дарования. Жомины и пр. его чрезвычайно хвалит, находит только, что не должно бы ноги ставить параллельно; *car c'est donner dans le Drame**. Было бы о чем расписаться, но мелочи, главные черты Петербурга и его глупцов, тебе более, чем мне, известны. Я по крайней мере все нашел по-старому; у Шаховского прежние погрешности, только имя новое, он вообразил себе, что перешел в романтики, и с тех пор ни одна сказка, ни басня не минует его рук, всё перекраивает в пользу Дюр, Брянского и пр.: на днях, кажется, соорудил трилогию из "Медведя и Пустынника" Крылова⁴. Я у него бываю, оттого, что все другие его ругают, это в моих глазах придает ему некоторое достоинство. Жандр пробудился из усыпления, переводит "Венцеслава" необыкновенно хорошо, без рифм, и тем лучше выходит⁵. Сам не отстаю от толпы пишущих собратий. А. А. везет к тебе мои рифмы⁶, прочти, рассмейся, заметь, что не по тебе, орфографию от себя дополни, переписывал кто-то в Преображенском полку.

Мы поменялись ролями. Бывало, получу от тебя несколько строк, и куда Восток денется, не помню где, с кем, в Табризе воображу себя вдруг между прежними друзьями, опомнюсь, вздохну глубоко и предаю себя в волю божию, но я был добровольным изгнанником, а ты!... Милый, любезнейший друг, не тужи, право не о чем и не об ком. Тебе грустить не должно, все мы здесь ужаснейшая дрянь. Боже мой! когда вырвусь из этого мертвого города? — Знай однако, что я здесь на перепутьи в чужие края, попаду ли туда, не ручаюсь, но вот как располагаю собою: отсюда в Париж, потом в южную Францию, коли денег и времени достанет, захвачу несколько приморских городов, Италию и Фракийским Воспором в Черное море и к берегам Колхиды⁷. Кстати о ней, вчера храпел я у немцев⁸ при шуме, трес-

* ибо это значит вдаваться в драму. (фр.).

ке и грохоте диких ямб Грильпарцера. Давали его "Золотое руно". Главный план соображен счастливо. В первой части Медея представлена в отечестве, куда прибывают аргонаты, царь кольхов желал бы освободиться от воинственных иноземцев, прибегает к чародейству дочери, она в первый раз познала, что сверхъестественные силы даны ей на пагубу, в борьбе между долгом и любовью, которою наконец совершенно побеждается, и для прищельца забывает отца и богов своих. Чудно, что немец, и следовательно, ученый человек, не воспользовался лучше преданиями о зверских нравах древней Колхии, ни на минуту не переносится туда воображением, притом если бы повел от Арна по всем мытарствам, Медея, мужественная его сопутница, гораздо бы более возбудила к себе соучастия. Французу это невозможно, но Грильпарцер какими стеснен был условиями! Вторая часть начинается прекрасно (так ли я только помню?). Медея перед тем, как вступить в Коринф, отрекается от всех волшебств, хочет пожить беспорочно с мужем и детьми, зарывает в землю фиал с зелием, руно, жезл и покров чародейный; жаль только, что поэт заставляет ее всю свою утварь укладывать в ч е м о д а н, а не прямо в землю! Во втором акте превосходное место, когда посланный от Амфикионов требует ее изгнания из Коринфа, все прочее глупо до крайности. Автор тонет в мелочных семейственных подробностях и трагические его лица спускаются ниже самых обыкновенных людей. Актриса м-ль Оредерюнь не без дарований, но подрядилась каждому стиху давать отдельное выражение и утомляет, притом не имеет пламенной души, как наша Семенова. Сказать ли тебе два слова о Колосовой? в трагедии — обезьяна старшей своей соперницы⁹, которой средства ей однако не дались, в комедии могла бы быть превосходна, она и теперь, разумеется, лучше Валберховой и тому подобных <...>, только кривляет свое лицо непомерно, передразнивает кого-то, думаю, что Мариво; потому что пленилась ее игрою, как сама мне сказывала, собственную природу выпустила из виду, и редко на нее нападает, и как однообразна! Шаховской не признает в ней ни искры та-

ланта, я не согласен с ним, конечно, она еще не дошла и половину до той степени совершенства, до которой могла бы достигнуть. В заключение скажу тебе, что для одного Каратыгина порядочные люди собираются в русский театр, несмотря на скудность трагического репертуара. Пиши, ради бога, долго ли нам слушать, что:

Едва луч утренний нам в мраке светит ночи,
В Авлиде лишь одни отверзты наши очи¹⁰.

Прощай, мое сокровище, комнатный товарищ Одоевский сейчас воротился с бала и шумит в передней, два часа ночи; кабы А. . не завтра отправлялся, я бы не так торопился и многое бы придумал, чтобы разбить твои мысли. Еще раз прощай и полюби меня по-старому. Обнимаю тебя от души. Ей-богу! готов бы сейчас в ссылку, лишь бы этим купить тебе облегчение жестокой и незаслуженной судьбы.

Верный твой

А. Грибоедов

С.Н. Бегичеву

4 января <1825. Петербург>.

Друг и брат! Пишу тебе в пятом часу утра. Не спится. — Нынче день моего рождения, что же я? На полпути моей жизни¹, скоро буду стар и глуп, как все мои благородные современники.

Вчера я обедал со всею сволочью здешних литераторов. Не могу пожаловаться, отовсюду коленипреклонения и фимиам, но вместе с этим сытость от их дурачества, их сплетен, их мишурных талантов и мелких душишек. Не отчаивайся, друг почтенный, я еще не совсем погряз в этом трясином государстве². Скоро отправлюсь и надолго. Даже насчет любви моей будь беззаботен, я расколодел, хотя моя Людмила³ час от часу более ко мне жметя. 1 № "Сына отечества" разгадал тебе загадку. Скажу тебе коротко, как это все завязалось. Долго я жил уединен от всех, вдруг тоска

выехала на белый свет, куда, как не к Шаховскому? Там по крайней мере можно гулять смелою рукою по лебяжьему пуху милых грудей etc. В три, четыре вечера Телешова меня с ума свела, и тем легче, что в первый раз, и сама свыклась с тем чувством, от которого я в грешной моей жизни чернее угля выгорел⁴. И что для меня заманчиво было, что соперником у меня — Милорадович, глуп, хвастлив, идол Шаховского, который ему подличает. Оба скоты! Я этого *chevalier bavard*⁵ бесил ежедневно, возбуждал против себя негодование всего дома, потом стрелял каким-нибудь тряпичным подарком в Ежову, и опять мирился, и опять ссорился. Между тем Телешова до такой степени в три недели нашей симпатии успела... в танцах, что здесь не могли ей надивиться, всякий спрашивал ее, отчего такая прелестная перемена? такое совершенство? А я, одаль стоя, торжествовал; наконец у меня зашло рифмами, которые ты, вероятно, читал. Представь себе, с тех пор я остыл, реже вижу, чтоб не разочароваться. Или то меня с ног сшибло, что теперь все так открыто, завеса отдернута, сам целому городу пропечатал мою тайну, и с тех пор радость мне не в радость. — Рассмейся.

Брат. Ты меня зовешь в деревню. Коли не теперь, не нынешним летом, так верно со временем у тебя поищу прибежища, не от бурей, не от угрызающих скорбей, но решительно от пустоты душевной. Какой мир! Кем населен! И какая дурацкая его история!

Прощай, мой друг; побывай у матушки. Любовь во второй раз, вместо чужих краев, определила мне киснуть между своими финнами. В 15-м и 16-м году точно то же было. Теперь я пропустил славный случай: Жоминьи хотел со мною путешествовать. *Mais en attendant, qu'il faisait ses malles, je faisais l'amour*,** и он укатил один.

Получил ли ты мое письмо на днях? и каким образом не дошла до тебя моя и Шаховского эпистола, вскоре после наводнения? Пиши, брат, не ленись, поправь-ка черный

* болтливый рыцарь. (фр.).

** Но в ожидании, пока он займется чемоданами, я занялся любовью. (фр.).

колпак на голове, да примись за перо. Послушай: моя тысяча лежит дома за прошлый год, выручи ее, брат, в уплату 2300-т, или подождешь? Ты ведь замышляешь о расширении своих владений, так монета нужна. Дениса Васильевича⁵ обнимаю и души от моего имени. Нет, здесь нет эдакой буйной и умной головы, я это всем твержу; все они, сонливые меланхолики, не стоят выкурки из его трубки. Дмитрию, Александре Васильевне, Анне Ивановне⁶, чадам и домочадцам

многие лета.

С.Н. БЕГИЧЕВУ

<25 января. 1825. С.-Петербург.>

Здравствуй, любезный друг Степан! Не собратся бы мне к тебе писать, если бы не сидел я у Грибоедова, а всякий день было в голову непременно писать к тебе, и много; итак, еще [здравствуй].

Жандр (у А.В. Новосильцева).

Вот тебе Жандровы строки, друг и брат; он у меня нынче обедает, и я принудил его начертить тебе несколько каракулей. О себе нечего тебе сказать, живу и люблю тебя по-прежнему; что в городе делается — не знаю и знать не хочу. Сделай одолжение, напиши мне что-нибудь о вашем быту. Каков? И что он проповедует? Катенин из своего уединения бог знает какой бред сюда высылает¹. Напр., разговор Булгарина, который ты оценил по достоинству, он весь на свой счет берет как самое язвительное злоумышление против “Андромахи”. О, его и наше вообще самолюбие!

Сюда явился Павлов из Тифлиса, да жаль, глуп и ничего не знает. Прощай.

Обнимаю тебя накрепко.

Верный твой у Новосильцева

А. Г.

“Венцеслава”² велю переписать и пришлю к тебе.

П.А. КАТЕНИНУ

*<Первая половина января
—14 февраля 1825. Петербург.>*

Умнейший, любезнейший Павел Александрович! Вчера я получил твое письмо, и знаешь ли, какое оно действие произвело на меня? Я заперся на целый день, и у огонька моей печки полсутки пожил с тобою, почтенный друг. Прежние года с такою полнотою оживились в моей памяти! Давно я не проводил времени так уединенно и между тем так приятно!... Критика твоя, хотя жестокая и вовсе не справедливая, принесла мне истинное удовольствие тоном чистосердечия, которого я напрасно буду требовать от других людей: не уважая искренности их, негодуя на притворство, черт ли мне в их мнении? Ты находишь главную погрешность в плане: мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка сама не глупая предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас, грешных, был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек, разумеется, в противуречии с обществом его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих, сначала он весел, и это порок: “Шутить и век шутить, как вас на это станет!” — Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты! Его насмешки не язвительны, покуда его не взбесит, но всё-таки: “Не человек! змея!”, а после, когда вмешивается личность, “наших затронули”, предается анафеме: “Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!” Не терпит подлости: “ах! боже мой, он карбонарий”. Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший, никто не поверил, и все повторяют, голос общего недоброхотства и до него доходит, притом и нелюбовь к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, ему совершенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков. Ферзь тоже разочарована насчет своего сахара медовича. Что же может

быть полнее этого? “Сцены связаны произвольн о”. Так же, как в натуре всяких событий, мелких и важных: чем внезапнее, тем более увлекают в любопытство. Пишу для подобных себе, а я, когда по первой сцене угадываю десятую: раззеваюсь и вон бегу из театра. “Х а р а к т е р ы п о р т р е т н ы”. Да! и я, коли не имею таланта Мольера, то по крайней мере чистосердечнее его; портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии, в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика; ты волен просветить меня, и, коли лучше что выдумаешь, я позаимусь от тебя с благодарностию. Вообще я ни перед кем не тайлся и сколько раз повторяю (свидетельствуюсь Жандром, Шаховским, Гречем, Булгариным etc., etc., etc.), что тебе обязан зрелостию, объемом и даже оригинальностью моего дарования, если оно есть во мне. Одно прибавлю о характерах Мольера: “Мещанин во дворянстве”, “Мнимый больной” — портреты, и превосходные; “Скупец” — антропос собственной фабрики, и несносен.

“Д а р о в а н и я б о л е е , н е ж е л и и с к у с с т в а”. Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли ее? Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытвержденного, приобретенного потом и сидением искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы, — тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем скорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? *nugae difficiles*.* Я как живу, так и пишу свободно и свободно.

* замысловатые пустяки (лат.).

14 февраля <1825>.

Те две страницы посылаю тебе недописанные. Они уже месяц как начаты, и что я хотел прибавить, не помню, но, вероятно, о себе: итак, благодарю мою память, что она мне на сей раз изменила. Ты говоришь, что замечания твои останутся между нами. Нет, мой друг, я уже давно от всяких тайн отказался, и письмо твое на другой же день сообщил с кем только встретился: Дельвигу, между прочим, которого два раза в жизни видел, Булгарину, Муханову, Наумову, Одоевскому, Каратыгину и тогда же вечером Варваре Семеновне, Жандру и всем, кто у них на ту пору случился. Вероятно, еще многим, но кто же теперь всех их упомнит?

Брат твой¹ был у меня и очень обрадовался рассказам о тебе, как ты веселишься и танцуешь в Костроме.

Слушай, зачем ты не обратишься с просьбою прямо к государю? верно, ему давно уже известно, что ты оклеветан, и, конечно, он бы воротил тебя из ссылки. Попробуйся, сделай это для себя и для твоих искренних приятелей.

Ответ твой подлецу Р. В. Г. напечатан². Доволен ли ты? Все благомыслящие люди на твоей стороне, но издателям много труда стоило добиться позволения от министерства к напечатанию твоего картеля. Какой ты, однако, вздор пишешь Жандру о разговоре Булгарина в “Талии”³. Этот человек подкапывается под рухлую славу Лобанова, также враг Гнедичева перевода “Андромахи”⁴ (сколько я знаю, хотя бы он не хотел знать литературных подлостей и сплетен), как же ты мог это взять на свой счет! На сей раз я точно поскромничаю и письма твоего не оглашу всенародно, Гречу и Булгарину ничего не скажу из того, что было ты поручил, и... думается, ты сам видишь, как жестоко обмануло тебя мрачное твое расположение... Ты требуешь моего мнения о твоих “Сплетнях” и “Сиде”⁵. “Сплетни”, сколько я помню, не произвели на меня приятного впечатления, они не веселы, и слог не довольно натурален, хоть и есть иные стихи превосходные. В “Сиде” есть одна сцена (особенная), которая мастерски переведена, и читана мною и прочитана сто раз публично и про себя.

Это встреча Диего с Родригом, в доме Химены, не помню в конце ли 3-го или 4-го акта, ее без слез читать нельзя, вообще весь перевод приносит тебе много чести, но также попадают небрежности в слог, жесткости и ошибки против языка (для тех, кто их замечать хочет), точно такие же погрешности повредили твоему напечатанному отрывку из “Андромахи”, не в мнении беспристрастных ценителей изящного, но тех, которые давно уже каждый шаг твой оспаривают на поприще трудов и славы. — Зачем ты не даешь сыграть “Андромахи”? Семенова душою этого желает, соединение таких двух талантов, как она с Каратыгиным, не всегда случается, может быть, он в чужие края отправится, и тогда трагедии твоей опять лежать в продолжении нескольких лет.

Прощай, мой свет, пиши ко мне скорее на имя Жандра, но скорее: потому что я здесь еще недолго промедлю. А живу я точно, как ты в Кологриве, очень уединенно, редко с кем вижусь из старых моих знакомых, с большим числом из них не возобновил прежних коротких связей, вновь ни с кем не дружусь, лета не те, сердце холоднее. Прощай, обнимаю тебя от души.

Верный твой

А. Г.

NB. Сделай одолжение, решишь обратиться с просьбой прямо к государю. Кроме собственной его души, ни на чью здесь не надейся, никто за брата родного не похлопочет. Зачем ты Телешову дрянью называешь, не имея об ней никакого понятия? Как же на других пенять, когда ты так резко судишь о том, чего не знаешь?

Ф.В. Булгарину

Февраль 1825. С.-Петербург.

Любезный друг, пересмотри все, что я отметил на память¹, потому что у меня никакой нет книги о Персии. Зачем ты мне прислал вдвойне работу? Я сначала не заметил, что

это одно и то же, и писал на черном списке, потом то же принужден был перенести в белую тетрадь.

NB. При имени Александра Гривс, в Бомбее, нельзя ли приложить следующее замечание:

Семейство Гривс, дети покойного петербургского медика, получило наследство после дяди в Бомбее, с условием в нем поселиться. Там девицы Гривс славятся своею красотою и привязанностью к России и вообще известны под названием гордых петербургских красавиц. Многие знаменитые искатели домогались их руки, но не были приняты даже в число их знакомых; между тем всякий русский или хоть мельком побывавший в России находит в их доме самый ласковый и родственный прием. Здесь новый этому опыт.

Неужели ты не заметил, что Цикулин врет об английском наказании кошками?!

С.Н. Бегичеву

4 июня 1825. Киев.

Друг и брат, описывать тебе Киева нечего, потому что ты здесь бывал; другим я передал в Петербург первые мои впечатления по приезде сюда, тебя уведомляю, что я тут и через несколько дней помчусь на юг далее.— В Лавре я встретил Кологривову Д.А.: от нее узнал, что твоя сестра¹ живет в уединении недалеко от дому, где я остановился, вероятно, я ее не увижу, потому что несвятостию моего жития бурного и бестолкового не приобрел себе права быть знакомым с молчаливыми пустынножителями; у меня в наружности гораздо более светского, чем на самом деле, но кто же ее об этом уведомит? Итак, вряд ли я буду к ней допущен. Прощай покуда; перед отъездом, может быть, еще раз удастся написать к тебе. Поцелуй за меня дитя свое и Анну Ивановну.

Верный друг твой.

Пиши ко мне в Тифлис, на имя губернатора Романа Ивановича Ховена.

В.Ф. Одоевскому

10 июня 1825. Киев.

Благодарю тебя душевно за два письма, любезный друг, особенно за с е к р е т н у ю почту. С первой строки я угадал, в чем дело. Не хочу льстить тебе, я полагал, что ты, с чрезвычайно просвещенным умом, не деятелен, холоден, не довольно заботлив о вещественных нуждах друзей твоих. Я судил по моим опытам: презираю деньги, достаток, богатство и как это все называется? Потом, когда случится друг или просто хороший знакомый в стесненном положении и требует помощи, смотришь: помочь нечем. — Я, однако, на твой счет грубо ошибся и тем искреннее спешу в том признаться. Представь себе всю эту сложность обстоятельств. Письмо твое уже не застало меня в Петербурге, его распечатали Александр с Вильгельмом, уверенные, что нам с тобою от них таить нечего; сам брат твой мне это объявляет, теперь не знаю, оба ли они письма прочли или одно только? Ты скорее меня известишься об этом: спроси Александра. — Как хочешь, а я от него не скрою твоего поступка; напрасно ты взял с меня честное слово, я тебе не давал его; притом же брат Александр мой питомец, *l'enfant de mon choix*, я обязан не оставлять его в заблуждении насчет людей особенно ему близких, он же тебя более по мне знает, из моих описаний, вы слишком были молоды, когда вместе живали или виделись, и не могли составить себе решительного мнения друг о друге. Итак, извини, мой милый Владимир, коли я со всею откровенностью передам ему изящную черту твоего характера. Сам я в древнем Киеве; надышался здешним воздухом и скоро еду далее. Здесь я пожил с умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладели моим воображением; за ними едва вскользь заметил я настоящее поколение; как они мыслят и что творят — русские чиновники и польские помещики, бог их ведает. Природа великолепная; с нагорного берега Днепра на каждом шагу виды изменяются; прибавь к этому святость развалин, мрак пещер.

Как трепетно вступаешь в темноту Лавры или Софийского собора, и как душе просторно, когда потом выходишь на белый свет: зелень, тополи и виноградники, чего нет у нас! Хорошо, однако, что побывал здесь в начале июня; говорят, что зимою немногим лучше северной России. Посетителей у меня перебывало много, однако скромных, мало мешали.

Верстовского обними за меня: здесь я узнал, что отец его перебрался на житье в Москву; что же, от того лучше или хуже для музыки? Я почти уверен, что истинный художник должен быть человек безродный. Прекрасно быть опорой отцу и матери в важных случаях жизни, но внимание к их требованиям, часто мелочным и нелепым, стесняет живое, свободное, смелое дарование. Как ты об этом думаешь?

За статью в "Телеграфе"¹ приношу тебе заранее мою благодарность; только вопрос теперь, где я наткнулся на нее? Здесь не найдешь; в Крыму, где буду слоняться недели с три, того менее; в Керчи сяду на корабль и поплыву в Имеретию, отудова в горы к Ермолову, итак, прощайте, журналы, до Тифлиса. — Меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра²: там хотят познакомить с Ржевцким; притом в Любаре семейство Муравьевых устраивает мне самый приятный прием; боюсь сдать на их веру, не скоро вырвешься. — Прощай, милый мой мудрец, сердечно радуюсь твоим занятиям, не охлаждайся, они всякой жизни придают высокое значение, и даже в Москве (откуда вынеси тебя бог поскорее). Только я не разумею здесь полемических памфлетов, критик и антикритик. Виноват, хотя ты за меня подвизаешься, а мне за тебя досадно. Охота же так ревностно препираться о нескольких стихах, о их гладкости, жесткости, плоскости; между тем тебе отвечать будут и самого вынудят за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тех, которые от души желают, чтобы отечество наше оставалось в вечном младенчестве!!!

Прощай, люби меня, и пиши прямо в Тифлис на имя военного губернатора его превосходительства Романа Ивановича Ховена. Твой адрес пребеспутный: что такое ваш монастырь Георгиевский и Тверская, без означения дома, чей он?..

NB. Я сейчас перечел твое письмо, ты требуешь, чтобы Кюхельбекер поспешил новым сочинением прежде выхода в свет 4 части “Мнемозины”, но как же ему публиковать о новой книге, не исполнив своих условий с публикою насчет выхода той, за которую деньги уже заплачены? — Я уверен, что ты далее медлить не будешь.

С.Н. БЕГИЧЕВУ

9 июля <1825>. Симферополь.

Брат и друг. Я объехал часть южную и восточную полуострова¹, очень доволен моим путешествием, хотя здесь природа против Кавказа вся представляет словно в сокращении, нет таких гранитных громад, снеговых вершин Эльбруса и Казбека, ни ревущего Терека или Арагвы, душа не обмирает при виде бездонных пропастей, как там в наших краях, зато прелесть моря и иных долин, Качи, Бельбека и Касикли-Узенья и пр. ни с чем сравнить не можно. Я мои записки вел порядочно, коли не поленюсь, перепишу и перешлю тебе. Но вот беда, выехать не с чем, а жить здесь долее вчуже не для чего. Пришли, брат, на подъем. Наперед тебя уверяю, что скоро никак не могу тебе заплатить, а когда бог даст, покудова никаких способов в виду не имею. Но если тебе полторы тысячи не сделают разницы, поделись со мною. — Прощай, можешь или не можешь — все равно, но напиши мне сюда два слова непременно. Я сделал дурачество, писал тебе, чтобы до Тифлиса твои конверты меня нигде не отыскивали, а между тем ничего о тебе не знаю.

Обнимаю тебя от души. Перецелуй всех своих.

Верный твой друг.

А. Г.

С.Н. БЕГИЧЕВУ

9 сентября 1825. Симферополь.

Друг и брат. Твои 1500 р. я получил еще перед исходом прошедшего месяца. Объяснить тебе вполне благодарности не умею; без тебя мой корабль остался бы на мели, пришлось бы зимовать здесь. — Еще раз благодарю тебя, и не в последний, бог даст, свидимся, и тогда сердечное объяснение лучше всякого письма выразит тебе мое чувство. Я тотчас не писал к тебе по важной причине, ты хотел знать, что я с собою намерен делать, а я сам еще не знал, чуть было не попал в Одессу, потом подумал поселиться надолго в Соблах, неподалеку отсюда. Наконец еду к Ермолову послезавтра непременно, все уложено. Ну вот, почти три месяца я провел в Тавриде, а результат нуль. Ничего не написал¹. Не знаю, не слишком ли я от себя требую? умею ли писать? право, для меня все еще загадка. — Что у меня с избытком найдется что сказать — за это ручаюсь, отчего же я нем? Нем как гроб!!

Еще игра судьбы нестерпимая: весь век желаю где-нибудь найти уголок для уединения, и нет его для меня нигде. Приезжаю сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжилось не далее суток, потому ли, что фортепьянная репутация моей сестры известна, или чутьем открыли, что я умею играть вальсы и кадрили, ворвались ко мне, осыпали приветствиями, и маленький городок сделался мне тошнее Петербурга². Мало этого. Наехали путешественники, которые меня знают по журналам: сочинитель Фамусова и Скалозуба, следовательно, веселый человек. Тьфу, злодейство! да мне невесело, скучно, отвратительно, несносно!... И то неправда, иногда слишком ласкали мое самолюбие, знают наизусть мои рифмы, ожидают от меня, чего я может быть не в силах исполнить; таким образом, я нажил кучу новых приятелей, а время потерял, и вообще утратил силу характера, которую начинал приобретать на перекладных. Верь мне, чудесно всю жизнь свою прокататься на 4-х колесах; кровь волнуется, высокие мысли бродят

и мчат далеко за обыкновенные пределы пошлых опытов; воображение свежо, какой-то бурный огонь в душе пылает и не гаснет... Но остановки, отдыхи двухнедельные, двухмесячные для меня пагубны, задремлю либо завьюсь чужим вихрем, живу не в себе, а в тех людях, которые поминутно со мною, часто же они дураки набитые. Подожду, авось придут в равновесие мои замыслы беспредельные и ограниченные способности. Сделай одолжение, не показывая никому этого лоскутка моего пачканья; я еще не перечел, но уверен, что тут много сумасшествия.

Прошу у тебя как милостыни: не прерывай со мною переписки, чтоб я знал, где ты, потому что легко станется, что я по многом странствии прямо к тебе вернусь, и тем лучше, коли ты в деревне будешь. Адрес мой в главную квартиру генерала Ермолова.

Отчего я туда пускаюсь что-то скрепя сердце? Увидишь, что мне там несдобровать, надо мною носиться какие-то тяжелые пары Кюхельбекеровой атмосферы, те, которые его отовсюду выживали, и присунули наконец к печатному станку Греча и Булгарина. Прощай, поцелуй Анну Ивановну и ребенка и будущего на днях, когда родится.

О Чатыр-даге и южном берегу после, со временем. Прощай, мой бесценный Степан.

Володя пишет ко мне в Киев о полемической выходке за мою честь в "Телеграфе", но мне никогда этого не случилось видеть. Ты, вероятно, читал; как находишь? Да получил ли ты мое письмо еще из Петербурга о твоей тогдашней статье в мою же защиту и как ты принял мое мнение?³ Прав ли я был? Не слыхал ли чего-нибудь о Шатилове и Алябьеве? Чем кончилось их дело?⁴ Пожалуйста, в первом письме ко мне поболтай о чем-нибудь, а то скуп стал на слова.

Давыдова памфлета⁵ я не получил и нет его на почте. Ты жалуешься на журналы; стало быть, я счастлив, что с мая месяца их в глаза не видал.

Александр Одоевский будет в Москве: поручаю его твоему дружескому расположению, как самого себя. — Помнишь ли ты меня, каков я был до отъезда в Персию, та-

ков он совершенно. Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел.

Коли зимою ворочусь в Москву, и ты там будешь, так заберусь к Дмитрию⁶ в Якшино.

С.Н. БЕГИЧЕВУ

12 сентября <1825>. Феодосия.

Третьего дня я вырвался наконец из дрянного городишка, где, однако, всякое со мною случалось, и веселое и грустное. А Брест!! Литовский! вероятно, нет хуже местечка на взгляд, но и там пожилось. В несколько часов я прокатился по солнышку до Карасубазара, и еще станцию далее; справа чернелись верхи Айл и Чатыр-Дага, потом передовые холмы их заслонили в виду продолговатый Агер-мышь. Мы спустились в какую-то бесплодную ложбину, и долго тут ехали, наконец повернули круто от селения Эльбузы в горные дикие места, где дорога просечена разными извивами, густые леса, кручи, скалы, хаос ужасный, все смешано в этом искривленном направлении, спустились под вечер в роскошную Судацкую долину. Я не видал подобной, и она считается первою в полуострове по избытку виноградников, сады от Таракташа до моря на протяжении нескольких верст, веселые домики помещиков, странные верхи утесов, и к западу уединенные развалины генуэзского замка. Я ночевал у барона Боде. Публицист из Духа Журналов etc., etc.

На другой день (вчера) рано побрел к мысу, на котором разметаны Сольдайские руины. Я был один. Александра¹ отправил по колясочной дороге в Кафу. Кто хочет посещать прах и камни славных усопших, не должен брать живых с собою. Это мною несколько раз испытано. Поспешная и громкая походка, равнодушные лица и пуще всего глупые, ежедневные толки спутников часто не давали мне забыть-ся, и сближение моей жизни, последнего пришельца, с судьбою давно отшедших — для меня было потеряно. Не так в Сольдае. Мирно и почтительно взошел я на пустырь, обне-

сенный стенами и обломками башен, цеплялся по утесу, нависшему круто в море, и бережно взобрался до самой вершины, и там башня и свод уцелели. С Чатыр-Дага вид пространнее, но нет признака, чтобы там люди жилали, [чтобы] усел город, чтобы стекались в него купцы и странники изо всех частей света, чтобы, наконец, он взят был на щит рассвирепевшим неприятелем и груды камней одни бы свидетельствовали о прежней величавой его жизни. Здесь это все есть. И не приморскими видами я любовался; перебирал мысленно многое, что слышал и видел, потом вообразил себя на одной из ростральных колонн петербургской биржи. Оттуда я накануне твоего отъезда любовался разноцветностью кровель, позолотою глав церковных, красотою Невы, множеством кораблей и мачт их. И туда взойдет некогда странник (когда один столб, может быть, переживет разрушение дворцов и соборов) и посетует о прежнем блеске нашей северной столицы, наших купцов, наших царей и их прислужников. — Когда я сошел сверху к берегу, лошади были приведены с почты, и я поскакал. Скучные места, без зелени, без населения, солонец, истресканный палящим солнцем, местами полынь растет, таким образом до Козской долины, где природа щедрее и разнообразнее. То глубокие спуски в лесную чащу, дубы, осокори, дикие груши, дикий виноград, потом крутые подъемы, и с высоты виднеется море, которого синяя влага в ведреную пору всегда для глаз приятна; местами торчат обрушенные, ветхие стены италийцев, греков или готфов, судя по тому, кто какие книги читает и которым верит. Самая миловидная полоса этой части Крыма по мне, Оттузы. — Сюда я приискал поздно ночью, при лунном сиянии.

Нынче обегал весь город, чудная смесь вековых стен прежней Кафы и наших однодневных мазанок. Отчего однако воскресло имя Феодосии, едва известное из описаний древних географов и поглотило наименование Кафы, которая громка во стольких летописях европейских и восточных. На этом пепелище господствовали некогда готические нравы гетуэцев; их сменили пастыр-

ские обычаи мунгалов с примесью турецкого великолепия; за ними явились мы, всеобщие наследники, и с нами дух разрушения; ни одного здания не уцелело, ни одного участка древнего города не взрытого, не перекопанного. — Что ж? Сами указываем будущим народам, которые после нас придут, когда исчезнет русское племя, как им поступать с бренными остатками нашего бытия.

А мне между тем так скучно! так грустно! думал помочь себе, взялся за перо, но пишется нехотя, вот и кончил, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мне что-нибудь в отраду, я с некоторых пор мрачен до крайности. Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется. Тоска неизвестная! воля твоя, если это долго меня промучит, я никак не намерен вооружиться терпением; пускай оно останется добродетелью тяглого скота. Представь себе, что со мною повторилась та ипохондрия, которая выгнала меня из Грузии, но теперь в такой усиленной степени, как еще никогда не бывало. Одоевскому я не пишу об этом; он меня страстно любит и пуще моего будет несчастлив, коли узнает. Ты, мой бесценный Степан, любишь меня тоже, как только брат может любить брата, но ты меня старее, опытнее и умнее; сделай одолжение, подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди.

А.А. Бестужеву

22 ноября 1825.

Станица Екатериноградская.

Поверишь ли, любезный мой тезка, что я только нынче получил письмо твое? А доказательством, что боюсь остаться в долгу, пусть будет тебе поспешность, с которою отвечаю. Нынешний день у нас, линейских, богат происшествиями, сюда прибыл Алексей Петрович¹; кругом меня свисты, висты, бредни и пр.: не самая благоприятная пора, чтобы собраться с мыслями, но откладывать до завтра не

хочу, кто знает, где мы завтра будем, и скоро ли наживешь здесь хоть сутки спокойствия? Досугу не имею ни на секунду, окружен шумным сонмищем, даже сплю не один, в моей комнате гнездится Мазарович с латинским молитвенником и с дипломатическими замыслами; одно спасение — это из постели на лошадь и в поле. Кавказская степь ниоткудова, от Тамани до Каспийского моря, не представляется так величественно, как здесь; не свожу глаз с нее; при ясной, солнечной погоде туда, за снежные вершины, в глубь этих ущелий погружаюсь воображением и не выхожу из забвения, покудова облака или мрак вечерний не скроют совершенно чудесного, единственного вида; тогда только возвращаюсь домой к друзьям и скоморохам. — Климат необыкновенный! На Малке я начал что-то поэтическое, по крайней мере самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остыл, но при первой благоприятной перемене снова завьюсь в эфир.² — Что ты пишешь? скажи мне; одно знаю, что оргии Юсупова срисовал мастерскою кистию³, сделай одолжение, вклей в повесть, нарочно составь для них какую-нибудь рамку. Я это еще не раз перечитаю себе и другим порядочным людям в утешение. Эдакий старый, придворный подлец!! Оржицкий передал ли тебе о нашей встрече в Крыму?⁴ Вспоминали о тебе и о Рылееве, которого обними за меня искренно, по-республикански. Зовут меня, прощай. Не пеняй, что мало, не пеняй, что толку немного, но ей-ей! я сегодня в вихрях ужасных.

Р. С. Любезнейший Александр, не поленись, напиши мне еще раз и побольше, что в голову взойдет; не поверишь, каким веселым расположением духа я тебе нынче обязан, а со мною это редко случается. Поклонись Булгарину. Ни “Пчелы”, ни “Северного Архива”, ни “Сына Отечества” не могу достать, — какие мы здесь безграмотные! Мой адрес: Начальнику Кавказского корпусного штаба генерал-майору Вельяминову, не забудь, а то письмо твое опять прокочует месяцев шесть.

В.К. Кюхельбекеру

27 ноября 1825.

Станица Екатериноградская.

Душа моя Вильгельм. Спешу уведомить тебя о моем житье, покудова не народился новый месяц, а с ним и новые приключения; еще несколько дней и, кажется, пуцусь с Алексеем Петровичем в Чечню; если там скоро утишатся военные смуты, перейдем в Дагестан, а потом возвращусь к вам на Север. — Здесь многие или, лучше сказать, все о тебе вспоминают: Вельяминов, с которым я до сих пор слонялся по верхней Кабарде, Коцебу 2-ой, Цебриков, Талызин, Устимович, Павлов etc., etc., и даже старик наш¹, несмотря на прежнюю вашу ссору, расспрашивал о тебе с боольшим участием. Аттестат вышлетя к тебе на днях. — Мазарович непременно бы наградил тебя длинною эпистолиею, да, по счастью, надумывается для важных депеш к Несельроду и комп.; мы живем в одной комнате, я у него под носом то курю, то стреляю; впрочем, скоро расстанемся, я в горы, а он через, обратно в Тифлис. — Ты был в родах в тот раз, как приписал мне строчки две в письме Одоевского, что же произвел? Пришли прочесть, дай мне быть восприемником, несмотря, что мы в разлуке.

Меня слишком лениво посещает вдохновение, теперь о том и помышлять нечего, развлечение беспрестанное; Бегичев в последнем письме утешает меня законом упругости, что пружина на время сжатая, коль скоро исчезнет препятствие, с бóльшим порывом отпрянет и на свободе сильнее будет действовать, а я полагаю, что у меня дарование вроде мельничного колеса, и коли дать ему волю, так оно вздор замелет; право, милый мой Вильгельм, не знаю, с кем я умом поделился, но на мою долю осталось немного. Помогите тебе бог, будь меня достойнее во мнении друзей и недругов. Кстати о достоинстве: какой наш старик чудесный, не смотря на все об нем кривые толки; вот уже несколько дней, как я пристал к нему вроде тени; но ты не поверишь, как он занимателен, сколько свежих

мыслей, глубокого познания людей всякого разбора, остроты рассыпаются полными горстями, ругатель безжалостный, но патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова. По долговременной отлучке я ему еще лучше узнал цену. Это не помешает мне когда-нибудь с ним рассориться, но уважения моего он ни в каком случае утратить не может.

Дела здешние были довольно плохи, и теперь на горизонте едва проясняется. Кабарду Вельяминов усмирил, одним ударом свалил двух столпов вольного, благородного народа. Надолго ли это подействует? Но вот как происходило. Кучук Джанхотов в здешнем феодализме самый значительный владелец, от Чечни до Абазехов никто не коснется ни табунов его, ни подвластных ему ясырей, и нами поддержан, сам тоже считается из преданных русским. Сын его, любимец Алексея Петровича, был при посольстве в Персии, но, не разделяя любви отца к России, в последнем вторжении закубанцев был на их стороне, и вообще храбрейший из всех молодых князей, первый стрелок и наездник и на все готовый, лишь бы кабардинские девушки воспевали его подвиги по аулам. Велено его схватить и арестовать. Он сам явился по приглашению в Нальчикскую крепость, в сопровождении отца и других князей. Имя его Джамбулат, в сокращении по-черкесски Джамбот. Я стоял у окна, когда они въезжали в крепость, старик Кучук, обвитый чалмою, в знак того, что посетил святые места Мекку и Медину, другие не столько знатные владельцы ехали поодаль, впереди уздени и рабы пешие. Джамбот в великолепном убранстве, цветной тишлай сверх панциря, кинжал, шашка, богатые седло и за плечами лук с колчаном. Спешились, вошли в приемную, тут объявлена им воля главнокомандующего. Здесь арест не то, что у нас, не скоро даст себя лишиться оружия человек, который в нем всю честь полагает. Джамбот решительно отказался повиноваться. Отец убеждал его не губить себя и всех, но он был непреклонен; начались переговоры; старик и некоторые с ним пришли к Вельяминову с просьбою

не употреблять насилия против несчастного смельчака, но уступить в сем случае было бы несогласно с пользою правительства. Солдатам велено окружить ту комнату, где засел ослушник; с ним был друг его Канагат Касаев; при малейшем покушении к побегу отдан был приказ, чтобы стрелять. Я, зная это, заслонил собою окно, в которое старик отец мог бы всё видеть, что происходило в другом доме, где был сын его. Вдруг раздался выстрел. Кучук вздрогнул и поднял глаза к небу. Я оглянулся. Выстрелил Джамбот, из окна, которое вышиб ногою, потом высунул руку с кинжалом, чтобы отклонить окружающих, выставил голову и грудь, но в ту минуту ружейный выстрел и штык прямо в шею повергли его на землю, вслед за этим еще несколько пуль не дали ему долго бороться со смертию. Товарищ его прыгнул за ним, но среди двора также был встречен в упор несколькими выстрелами, пал на колена, но они были раздроблены, оперся на левую руку и правую успел еще взвести курок пистолета, дал промах и тут же лишился жизни.

Прощай, мой друг; мне так мешали, что не дали порядочно досказать этой кровавой сцены; вот уже месяц, как она происходила, но у меня из головы не выходит. Мне было жаль не тех, которые так славно пали, но старца отца. Впрочем, он остался неподвижен и до сих пор не видно, чтобы смерть сына на него сильнее подействовала, чем на меня. Прощай еще раз. Кланяйся Гречу и Булгарину.

С.Н. БЕГИЧЕВУ

7 декабря 1825.

Станица Екатериноградская.

На убедительные твои утешения и советы надобно бы мне отвечать не словами, а делами, дражайший мой Степан. Ты совершенно прав, но этого для меня не довольно, ибо, кроме голоса здравого рассудка, есть во мне какой-то внутренний распорядитель, наклоняет меня ко мрачности,

скуке, и теперь я тот же, что в Феодосии, не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положение незавидно. — Ты говоришь мне о таланте; надобно бы вместе с тем иметь всегда охоту им пользоваться, но те промежутки, когда чувствуешь себя пустейшим головою и сердцем, чем прикажешь их наполнить? Люди не часы; кто всегда похож на себя и где найдется книга без противуречий? Чтобы больше не иовничать, пускаюсь в Чечню, Алексей Петрович не хотел, но я сам ему навязался. — Теперь это меня несколько занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением, действие конгрегов¹, будем вешать и прощать и плюем на историю. Насчет Алексея Петровича объявляю тебе, что он умнее и своеобразнее, чем когда-либо. Удовольствие быть с ним покупаю смертельною скукою во время виста, уйти некуда, все стеснены в одной комнате; но потом за ужином и после до глубокой ночи разговорчив, оригинален и необыкновенно приятен. Нынче, с тех пор как мы вместе, я еще более дивлюсь его сложению телесному и нравственному. Беспреданно сидит и не знает почечуя, окружен глупцами и не глупеет.

Нужна оговорка: Вельяминов, его начальник штаба, чрезвычайно неглупый человек, твердых правил, прекраснейших сведений etc. Но он не был при нем все время, что я находился в России, почти 3 года. С этим я в нынешний приезд в короткое время сблизился более, чем прежде. Глаз на глаз, судьба завела меня с ним на Малку и оттуда к разным укреплениям новой линии; всё вместе и всё одни, я этому случаю благодарен за прекраснейшее открытие достойного человека. Что говорит об нем Якубович? Коли ругает, так врет. Вообще многое, что ты слышал от меня прежде, я нынче переверил, во многом я сам ошибался. Например насчет Давыдова, мне казалось, что Ермолов не довольно настаивал о его определении сюда в дивизионные. Теперь имею неоспоримые доказательства, что он несколько раз настоятельно этого требовал, получал одни и те же отказы. Зная и Давыдова, и здешние дела,

нахожу, что это немаловажный промах правительства. Сталь был бескорыстен, а кроме того дурак. Лисаневич храбрый человек, но опрометчив, умер геройски, жил без толку. Горчаков карточный генерал, Шульгин и не более. Здесь нужен военный человек, решительный и умный, не только исполнитель, чужих предначертаний, сам творец своего поведения, недремлющий наблюдатель всего, что угрожает порядку и спокойствию от Усть-Лабы до Андреевской. Загляни на карту и суди о важности этого назначения. Давыдов здесь во многом поправил бы ошибки самого Алексея Петровича, который притом не может быть сам повсюду. Эта краска рыцарства, какою судьба отгенила характер нашего приятеля, привязала бы к нему кабардинцев. Я теперь лично знаю многих князей и узденей. Двух при мне застрелили, других заключили в колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьего дня набрел за рекою: висит, и ветер его медленно качает. Но действовать страхом и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы с знаменами победителей. Посмотрим, чем кончится поход против чеченцев; их взволновал не столько имам, пророк недавно вдохновенный, как покойный Греков, способный человек, но грабитель. Войска точно мало, но хороших начальников вовсе нет. С успехами в Чечне сопряжена тишина здесь между кабардинцев, и закубанцы не посмеют так часто вторгаться в наши границы, как прошлою осенью. Имя Ермолова еще ужасает; дай бог, чтобы это очарование не разрушилось. В Чечню! в Чечню! Здесь война особенного рода: главное затруднение — в дебрях и ущельях отыскать неприятеля; отыскавши, истребить его ничего не значит.

Прощай, я завлекся тем, что перед глазами, все это нескладно, но ты добавишь собственным размышлением. Целуй Анну Ивановну и Дмитрия. Мне бы хотелось из похода, т. е. месяца через два, прямо к вам воротиться, а впрочем что бог на душу положит. Пиши в главную квартиру на имя Алексея Петровича.

А.А. Жандру и В.С. Миклашевич

12 декабря 1825.

Станица Екатериноградская.

Андрей любезнейший, я только нынче получил почту твою от 19-го октября, а когда моя пойдет и через кого доставится в Георгиевск — не знаю, но досуг есть, и пишу. Философия твоя чуть было меня не прослезилась, милый друг мой. “К чему ведет нас эта жизнь?” Оглянись, с тобою умнейшая, исполненная чувства и верная сопутница в этой жизни, и как разнообразна и весела, когда не сердится. У тебя я, я и я, а наш Александр Одоевский? И когда мы не вместе, есть о ком думать. *Avec se cortège d'amis on ne s'ennuie pas trop соеиг,** в том и счастье, чтобы сердце не оставалось пусто. Да хотя бы у нас только и назначения было, чтобы тебе ко мне писать, а мне любоваться твоєю эпистолиею, так есть за что благодарить бога. Как ты решил? Все равно, а я нынче весь день был занят твоими портретами. Вижу, что правда, и огорчительная, насчет Катенина и Кандида. Смерть государя¹ причиною, что мы здесь запраздновали, и ни с места. Мне уже тошно становится, никакого толку. Мазарович с утра морит меня изломанным французским языком, снег петербургский, солнца давно нет, скучно в поле, дома еще скучнее, не дают призадуматься, все это вроде арабесков, как об них говорит Алексей Петрович, что у человека из задницы дуб растет, с которого он зубами желуди хватает. Глупо.

Для развлечения бываю по вечерам в азиатской дружеской беседе Мирза-Джана, а у него певец, Алаиер, мурлычит татарские эклоги; коли поход в Чечню не состоится, то я долее не выдержу; как ни люблю Алексея Петровича, но по совести сказать, на что я ему надобен? Вот вам, например, я точно необходим, теперь сам вижу, испытал, что такое разлука, тянет обратно, уверен, что встретят меня с тою же горячностью, с которою провожали, а быть кому-нибудь в утешение куда приятно!!

* С такой свитой друзей мое сердце не скучает (*фр.*).

Сделай милость, объяви мне искренно, или вы, лучше, скажите мне, милый друг Варвара Семеновна, отчего наш Александр так страстно отзывается мне о В.Н. Т...* Ночью сидит у ней, и оттудова ко мне пишет, когда уже все дети спать улеглись... Не давайте ему слишком увлекаться этой дружбою, я по себе знаю, как оно бывает опасно. Но может быть, я гадкими своими сомнениями оскорблю и ее, и Александра. Виноват, мне простительно в других предполагать несколько той слабости, которая испортила мне полжизни. Точно это вздор, она его гораздо старше, ни с чем не сообразно, и вы утаите эту статью от нашего друга, кстати, он теперь в Москве, по возвращении, ради бога, ему не показывайте. Не хочу от вас скрывать моих пятен, а то бы одним махом уничтожить всю эту подлость. Прощайте, милые мои, бесценные существа. Какое у вас движение в Петербурге!!² — А здесь... Подождем. Варвара Семеновна, понуждайте нашего ленивца, чтобы не отставал от Одоевского, я перед вами на колена становлюсь. Пишите к дальнему другу и родственнику вашего избрания. Сто раз благодарю вас, что нянчите Вильгельма³, чур не заглядываться, тотчас треснетя головою об пол. На днях прибыл сюда фельдъегерь Экунин и привез мне письмо из Театральной школы, стало быть, как я ни далек от нее, а все ближе вас, вы, верно, с нею не бываете в таких коротких сношениях. Шаховской таки сосватал сестру за полицейского Юпитера⁴, черт с ними со всеми. Скажите мне два слова об Аристофане, Фонтане⁵, Колосовой, Каратыгине, Григорьеве. Правда, я было позабыл, что не те времена.

От ужаса вся стынет кровь,
Лишь плачет тихая любовь.

На чей счет Булгарин нынче ветошничает, с кем в войне? Прощай, брат Андрей, когда-нибудь напишу тебе умнее, а ты все-таки отвечай. Коли вы Вариньки не согнали, так

* Фамилия тщательно зачеркнута.

поцелуй ее от меня, между тем мой Сашка⁶ почтительно вам кланяется.

Продолжение впрямь твоя ли рука?

Николаю I

15 февраля 1826 г. <С.-Петербург.>

Всемиловейший государь!

По неосновательному подозрению, силою величайшей несправедливости, я был вырван от друзей, от начальника, мною любимого, из крепости Грозной на Сундже, чрез три тысячи верст в самую суровую стужу притащен сюда на перекладных, здесь посажен под крепкий караул, потом был позван к генералу Левашову¹. Он обошелся со мною вежливо, я с ним совершенно откровенно, от него отправлен с обещанием скорого освобождения. Между тем дни проходят, а я заперт. Государь! Я не знаю за собою никакой вины. В проезд мой из Кавказа сюда я тщательно скрывал мое имя, чтобы слух о печальной моей участи не достиг до моей матери, которая могла бы от того ума лишиться. Но ежели продлится мое заточение, то, конечно, и от нее не укроется. Ваше императорское величество сами питаете благоговейнейшее чувство к вашей августейшей родительнице...

Благоволите даровать мне свободу, которой лишиться я моим поведением никогда не заслуживал, или послать меня пред Тайный Комитет лицом к лицу с моими обвинителями, чтобы я мог обличить их во лжи и клевете.

Всемиловейший государь!

Вашего императорского величества
верноподданный Александр Грибоедов.

Ф.В. Булгарину

<Гауптвахта Главного штаба.>
17 февраля <1826>.

1

С дозволения инквизиции.

Друзья мои Греч или Булгарин, кто из вас в типографии¹? Пришлите мне газет каких-нибудь и журналов, и нет ли у вас "Чайльд-Гарольда"²? Меня здесь заперли, и я погибаю от скуки и невинности. Чу ур! Молчать.

Грибоедов.

Das Papier in's Feuer*.

Фадей, мой друг, познакомься с капитаном здешним Жуковским³, nous sommes camarades comme cochons**, может быть удастся тебе и ко мне проникнуть. Я писал к государю, ничего не отвечает⁴.

2

<Вскоре после 17 февраля.>

Сто тысяч раз благодарю, что потешил заключенного; а то я сидел только и проклинал моих гонителей. Сделай одолжение, не пугайся. Бояться людей — значит баловать их. — Пришли мне Пушкина "Стихотворения"¹ на одни сутки. Как бы я желал тебя видеть!!!

3

Дай, брат, пожалуйста, длинных академических газет да еще каких-нибудь журналов — я тотчас пришлю назад.

Верный твой друг.

4

<Вскоре после 25 февраля.>

Сделай одолжение, достань у Греча или у кого-нибудь "Атлас к Анахарсису"¹ или какую-нибудь карту Греции да новых журналов пришли. О, правосудие!!

* Бумагу в огонь. (нем.).

** мы с ним закадычные друзья (фр.).

5

<Конец февраля – начало марта.>

“Атлас к Анахарсису”. Вчера я говорил Жуковскому, что ты у него был; он у меня спрашивал, видел ли ты меня? – Нет¹. Коли захочешь, он доставит тебе случай у меня побывать.

6

<После 16 марта.>

Любезный друг. С нами чудные происшествия. Караул приставлен строжайший, причина неизвестная. Между тем, я комитетом оправдан начисто, как стекло. Ивановский, благороднейший человек, в крепости говорил мне самому и всякому гласно, что я немедленно буду освобожден¹. Притом обхождение со мною, как его, так и прочих, было совсем не то, которое имеют с подсудимыми. Казалось, все кончено. Съезди к Ивановскому, он тебя очень любит и уважает, он член Вольного общества любителей словесности и много во мне принимал участия. Расскажи ему мое положение и наведайся, чего мне ожидать. У меня желчь так скопляется, что боюсь слечь или с курка спрыгнуть. Да не будь трус, напиши мне, я записку твою сожгу, или передай сведения Жандру, а тот перескажет Алексееву, а Алексеев найдет способ мне сообщить. Vale*.

7

19 марта.

Любезный друг. Одолжи меня 150 рублями, а коли у тебя нет, то извести о моем голодном положении Жандра или Петра Николаевича Чебышева. В случае, что меня отправят куда-нибудь подальше, я чрез подателя этой же записки передам тебе мой алмазный крест, а ты его по боку.

Прощай.

* Привет (лат.).

8

<19 марта.>

Любезный друг, очень, очень благодарен тебе за присылку денег. Сделай одолжение, достань мне “Тавриду” Боброва¹, да ежели нельзя на подержание, то купи мне “Le Calcul Differentiel” de Francoeur”, по-французски или по-русски².

9

<21 марта.>

Очень хорош и заботлив ты, Калибан Венедиктович! присылаешь ко мне Муханова, а не мог мне дать знать об отправлении в ночь фельдъегеря; таким образом, заготовленные мои письма остались в столе и будут лежать по твоей милости. Где ты вчера, моя душа, набрался необыкновенного вдохновения?¹ Эй, берегись. Галича² получил; насчет шейного платка успокой Семена, которому прошу засвидетельствовать мое почтение.

10

<18 апреля.>

Христос воскрес¹, любезный друг. Жуковский просил меня достать ему точно такое же парадное издание Крылова, как то, которое ты мне прислал². Купи у Слёнина. Vous entendez bien, que je ne peux pas lui refuser un petit présent de ce genre*. Да пришли, брат, газет. Друг мой, когда мы свидимся!!!

NB. Крылова он нынче же должен подарить в именины какой-то ему любезной дамочки.

11

<После 18 апреля.>

Благодарю тебя за четвероногие “Апологи”¹; на днях дочитываю Degerando, коли еще нет продолжения, то дос-

* Вы, конечно, понимаете, что я не могу отказать ему в маленьком подарке такого рода. (фр.).

тань мне старое издание, которое мне 15 лет тому назад подарил профессор Буле, оно доведено до Фихте и Шеллинга². Также "Анахарсиса" скоро кончу и попрошу на место его Шубертовы календарики³. Кажется, что мне воли еще долго не видать, и вероятно, буду отправлен с фельдъегерем⁴, в таком случае, я матушке дам знать о деньгах, которыми ты меня одолжил.

Н.А. Муханову
(Перевод с французского)

<Апрель-май 1826.>

1

Я совершенно лишен книг¹. Пришлите мне 3 первых тома Карамзина². И нет ли у вас "Статистики" Арсеньева³? Что вы слушали достоверного? Я вам послал надежного человека, пишите, не боясь быть скомпрометированным.

А. Г.

2

(Перевод с французского)

<Апрель-май.>

Так как я нехорошо себя чувствую, то вылазка на сегодняшнюю ночь очень сомнительна. Может быть — завтра. — Пришлите мне книг. Дружески обнимаю.

Г.

3

(Перевод с французского)

<Июнь.>

Дело в том, что я себя плохо чувствую. Боже, какой климат! Попросите Хомякова сейчас же зайти ко мне. Если же я, сделав усилие, приду к вам, то это будет не раньше полудня. До свидания.

Грибоедов.

С.И. АЛЕКСЕЕВУ

3 июня <1826>. Петербург.

Почтеннейший друг и тюремный товарищ, Степан Ларионович. Мы когда-то вместе молились усердно нашему создателю и в заключении в чистой вере находили себе неотъемлемую отраду. Теперь одни в вашем семействе за меня помолитесь, поблагодарите бога за мое освобождение и еще за многое; 2-го числа нынешнего месяца я выпущен, завтра или на днях получу отправление. Податель этого письма мне искренний приятель, Александр Алексеевич Муханов, он знает подробно все, что обо мне знать можно. Сделай одолжение, почтеннейший друг, полюби его, а мне бы очень хотелось быть на его месте и перенестись в Хороль¹, мы бы многое вспомнили вместе, теперь я в таком волнении, что ничего порядочно не умею ни сказать, ни написать. В краткости толку мало, а распространяться некогда. Надеюсь, что я уже ознакомлен в почтенном твоём семействе, верно, они примут во мне участие, друг любезнейший и благородный, верь, что я по гроб буду помнить твою заботливость обо мне, сам я одушевлен одною заботою, тебе она известна, я к судьбе несчастного Одоевского не охладел в долговременном заточении и чувствую, надеюсь и верую, что бог мне будет помощник.

Прощай, милый, бесценный Степан Ларионович, засвидетельствуй мое искреннее почтение твоей супруге, она извинит мне это короткое обхождение без чинов, с нами не чинились в штабе², так и мы поступаем. Коли удостоишь меня письмом, то в Москву под Новинским в собственный дом. С горячностью обнимаю тебя. Это письмо первое, но не последнее.

Искренний друг душою преданный

А. Грибоедов.

В.С. Миклашевич

<6 июня 1826. Петербург.>

Милый друг Варвара Семеновна. Я знаю, коли вам не написать, так вы будете ужасно беспокоиться. Дело вот в чем: я не могу сна одолеть, так и клонит, сил нет домой воротиться, велел себе постель стлать, между тем хозяйничаю, чай пью, все это у Булгарина¹, которого самого дома нет. Скажу вам о государе мое простодушное мнение: он, вопервых, был необыкновенно с нами умен и милостив, ловок до чрезвычайности, а говорит так мастерски, как я, кроме А.П. Ермолова, еще никого не слыхивал. Нас представили в 3-м часу на Елагином острове, оттуда Муравьев, который меня и туда привез в своей карете (университетский мой товарищ, не выдавшийся со мной уже 16 лет), завез к Жуковской матери на Крестовой, где я и обедал.

Прощайте, пишу и сплю.

Извозчику прикажите дать 2 руб. 60 копеек + 20 коп. на водку.

А.А. Добринскому
(Перевод с французского)

9 ноября <1826>. Тифлис.

Любезный товарищ по заключению. Не думайте, что я о вас позабыл. Вы до сих пор не имели от меня никаких известий единственно по неимению верной okazji для посылки вам хоть нескольких строк. Сразу по прибытии моем в Тифлис я говорил о вас с главнокомандующим¹, и он принял ходатайство мое о вас самым удовлетворительным образом. Затем, когда Паскевич перед своим отбытием в Елизаветполь поручил мне от его имени похлопотать перед Алексеем Петровичем за Шереметева, который разделяет вашу печальную участь, я снова получил ответ, что он не находит никаких затруднений для того, чтобы сделать представление кому следует о переводе вас обоих

в один из полков, назначенных для действий против неприятеля. Еще недавно, когда я сопровождал его до Сертичали, он вновь мне повторил, заверяя, что я могу быть совершенно покоен на ваш счет, что он не предвидит больших препятствий к тому, чтобы переменить вам полк, ни со стороны начальника главного штаба, ни даже со стороны его величества, чье намерение состоит в том, чтобы те, кто, как вы, лишь частично были замешаны, могли бы воспользоваться нынешней войной, чтобы полностью и с честью снять с себя временную опалу. Милый друг, будьте уверены, что во мне вы имеете человека, который всем сердцем готов служить тем, кого он любит. Ваше несчастье, столь мало вами заслуженное, наше совместное пребывание в бедственном узилище, плачевное состояние, в котором вы меня там нашли, наконец, еще столько разных оснований всегда присутствуют в мыслях моих, — оснований слишком важных, чтобы я когда-либо мог о вас забыть. Мы много говорили о вас с Бельфором, который недавно сообщил мне о вас последние новости. Сейчас же, как только генерал Ермолов вернется, я пристану к нему с вашим делом, насколько мне бог даст жара и красноречия, и немедленно дам вам знать о последних решениях, которые он примет. Прошу вас, доверьтесь моей счастливой звезде. В первый же раз, когда вы возьметесь за перо, чтобы писать мне, сообщите, чем вы занимаетесь. Не позволяйте скоропреходящему несчастью сломить вас. У Михаила Грекова есть собрание книг, читайте, размышляйте и разумным употреблением часов досуга приготовляйтесь хорошо послужить отечеству. Когда характер достойного человека проходит через горнило тяжелейших испытаний, он от этого только лучше становится — поверьте, так говорит вам человек, который знает это по собственному опыту. Прощайте, мысленно тысячу раз вас приветствую.

Привет от меня всем знакомым в вашем гарнизоне. Будьте терпеливы, милый друг, и помните
вашего усерднейшего

А. Грибоедова.

Я недостаточно римлянин насчет имен и отчеств, милый друг, и если я искажил ваше на конверте, сообщите мне, и укажите, как полагается его писать.

С.Н. БЕГИЧЕВУ

9 декабря 1826. <Тифлис.>

Милый друг мой! Плохое мое житье здесь. На войну не попал: потому что и Алексей Петрович туда не попал. А теперь другого рода война. Два старшие генерала ссорятся, с подчиненных перья летят¹. С Алексеем Петровичем у меня род прохладения прежней дружбы. Денис Васильевич² этого не знает; я не намерен вообще давать это замечать, и ты держи про себя. Но старик наш человек прошедшего века. Несмотря на все превосходство, данное ему от природы, подвержен страстям, соперник ему глаза колет, а отделаться от него он не может и не умеет. Упустил случай выставить себя с выгодной стороны в глазах соотечественников, слишком уважал неприятеля, который этого не стоил. Вообще война с персиянами самая несчастная, медленная и безотвязная. Погодим и посмотрим.

Я на досуге кое-что пишу.³ Жаль, что не в силах распространиться тебе о себе и о моих созданиях. Сейчас из обеда, а завтра Давыдов возвращается⁴. — Я принял твой совет: перестал умничать; достал себе молоденькую девочку, со всеми выдаюсь, слушаю всякий вздор, и нахожу, что это очень хорошо. Как-нибудь дотяну до смерти, а там увидим, больше ли толку, тифлисского и петербургского. Тебя не браню за упорное молчание, угадываю причины; однако, коли в Москве будешь, схвати удобный случай и напиши. Мазаровичева получила нежные представления от сестры своей Зыбиной или Зубковой в пользу Дурнова, и намерена передать их моим. Что об этом знаешь? Конечно или вновь завязалось?⁵

Буду ли я когда-нибудь независим от людей? Зависимость от семейства, другая от службы, третья от цели в

жизни, которую себе назначил, и, может статься, наперекор судьбы. Поэзия!! Люблю ее без памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконец, что слава? По словам Пушкина...

Лишь яркая заплата
На ветхом рубище певца⁶.

Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов? Все-таки Шереметев у нас затмил бы Омира, скот, но вельможа и крез. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов. Холод до костей проникает, равнодушие к людям с дарованием; но всех равнодушнее наш Сардар⁷; я думаю даже, что он их ненавидит. *Vous en sera**. Если ты будешь иметь случай достать что-нибудь новое, пришли мне в рукописи. Не знаешь ли что-нибудь о судьбе Андромахи⁸? напиши мне. Я в ней так же ошибся, как и в Алексее Петровиче. Когда-нибудь и, может быть, скоро, свидимся... Ты удивишься, когда узнаешь, как мелки люди. Вспомни наш разговор в Екатерининском⁹. Теперь выкинь себе все это из головы. Читай Плутарха, и будь доволен тем, что было в древности. Ныне эти характеры более не повторяются. — Когда будешь в Москве, попроси Чадаева и Каверина, чтобы прислали мне трагедию Пушкина "Борис Годунов"¹⁰.

Прощай, целую Анну Ивановну и мою невесту¹¹. Тебя, мой милый, люблю с каждым годом и месяцем более и более.— Но что проку. Мы не вместе. И жалеть надобно меня. Ты не один.

Заставь Ермолова Петра Николаевича возвратить мне мой манускрипт "Горя от ума". Дмитрия и Александру Васильевну обнимаю. В переписке ли ты с Андреем? Он от меня ни строчки не имеет. Невозможно¹².

* Посмотрим, что будет (*фр.*).

А.В. Всеволожскому

19 марта 1827. Тифлис.

Я давно собирался писать к тебе, любезнейший друг Александр Всеволодович. Но здесь пронеслись слухи, что будто ты был позван в Астрахань¹, и так тайно! так страшно!!.. Впрочем в душе моей я так же был за тебя уверен, как некогда ты за меня², наперед предугадывал, что с тобою ничего очень важного и неприятного не приключится, зная тихую твою семейную жизнь, дела хозяйственные и несколько не политические, выбор друзей и книг самый безвредный. — Другое, что мне помешало напомнить тебе о себе, это собственно наши здесь глухие и громкие дела, приготовления к походу, жажда побед, и между тем ждем и не двигаемся, толки робких подчиненных: что почта, то новый начальник, а покудова остаемся при старом³. Теперь рад случаю, комиссионер твой здесь, ему вручу мою грамоту, смотри и ты не пренебреги мною, отзовись строчкой!

Кстати о делах человеческих, персидская твоя торговля пошла на ветер, как все мирское. Теперь война, и мы претерпели поражение, не дравшись: торговля, мечты о богатом прибытке, все исчезло. Nettier мне пишет, что он по этому случаю находится в самых трудных обстоятельствах, потерял время, ничего не нажил и даже прожился. Позволь мне быть за него ходатаем, любезный друг. Я твердо уверен в чувстве справедливости, которое не допустит тебя бросить человека потому только, что нужда в нем миновалась. И теперь повторяю тебе сказанное мною 4 года тому назад: нельзя найти в торговых оборотах, особенно для Персии, усерднейшего и более исполнительного комиссионера⁴. Судьба не дала тебе им воспользоваться, но он когда-нибудь и впредь может пригодиться. Между тем он, как говорит, истратил с тех пор, как в делах с тобою, собственных денег 15 000 р.; и три с половиною года, в которые ничего не приобрел. Подумай о нем, о человеке, живущем только от трудов своих и прилежания: настаивать я не буду, ты верно, сам не захочешь быть ничьим разорителем.

Одно препятствие может встретиться — в ненадежности твоих денежных способов на эту пору, может быть. Но тогда он будет довольствоваться письменным твоим обязательством, с придачею чего-нибудь в наличности. Сделай одолжение, не оставь этого без внимания. Поговори с братом⁵, которому я дружески кланяюсь. Он, конечно, против этого ничего иметь не будет. Когда и как ты намерен обеспечить Nettier за понесенные им убытки, потрудись меня уведомить. Я этого ожидаю от твоей любви и уважения, которые сам к тебе чувствую искренно и бесконечно.

Может и то случиться, что старание мое лишнее, ты имел время с ним окончить: потому что немало времени прошло с тех пор, как Nettier писал ко мне. Тем лучше.

Прощай, милый мой друг. Ребров мне сказывал, что София Ивановна отправилась в Москву, следовательно, туда передай ей мое почтение. Прощай.

Душою преданный тебе

А. Г.

Благодарю тебя, что позаботился обо мне истинно дружеским участием в бытность твою в Петербурге, в начале 1826 года⁶.

Ф.В. Булгарину

16 апреля 1827. Тифлис.

Любезный друг Фадей Венедиктович. Прежде всего просьба, чтобы не забыть, а потом уже благодарность за дружеское твое внимание к скитальцу в восточных краях. Пришли мне, пожалуйста, статистическое описание, самое подробнейшее, сделанное по лучшей, новейшей системе, какого-нибудь округа южной Франции, или Германии, или Италии (а именно Тосканской области, коли есть, как края наиболее возделанного и благоустроенного), на каком хочешь языке, а адресуй в канцелярию главноуправляющего¹ на мое имя. Очень меня обяжешь, я бы извлек из этого таблицу не столь многосложную, но по крайней

мере порядочную, которую бы разослал нашим окружным начальникам, с кадрами, которые им надлежит наполнить. А то с этим невежественным чиновным народом век ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будут. При Алексее Петровиче у меня много досуга было, и если я не много наслужил, так вдоволь начитался. Авось теперь с божиею помощью употреблю это в пользу.

Стихи Жандра в 1-м № я нигде не мог отыскать, ты не прислал мне, а другие — к “Музе”, я, еще не зная, чьи они, читал здесь вслух у Ховена и уверен был, что это произведение человека с большим дарованием.² Поощрай, прищипывай его. А я надеюсь, что воротясь из похода, как-нибудь его сюда выпишу. Не могу довольно отблагодарить тебя за приятное твое письмо и за присылку журналов. Желал бы иметь целого “Годунова”. Повеса Лев Пушкин здесь, но не имел ко мне достаточного внимания и не привез мне братнина манускрипта. За то я его принял неприятельски, велел принести пистолеты и во все время, что он у меня сидел, стрелял в дверь моей комнаты, пробил ее насквозь сверху до низу, и Льва с пальбой отпустил в полк на юнкерство. В первой сцене “Бориса” мне нравится Пимен-старец, а юноша Григорий говорит, как сам автор, вовсе не языком тех времен.³

Не ожидай от меня стихов, горцы, персияне, турки, дела управления, огромная переписка нынешнего моего начальника⁴ поглощают все мое внимание. Не надолго, разумеется, кончится кампания, и я откланяюсь. В обыкновенные времена никуда не гоюсь: и не моя вина; люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затмевается, и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща.

Разведай у Петерса, моего портного, и Жандра попроси, что он пятый месяц не шлет мне платье, получивши деньги 600 р. от матушки. Скажи ему по-французски, что он свинья. — 1-я глава твоей “Сиротки” так с натуры списана, что (прости, душа моя) невольно подумаешь, что ты сам когда-нибудь валялся с кудлашкой.⁵ Тьфу, пропасть! как это смешно, и жалко, и справедливо. Я несколько раз

заставал моего Александра,⁶ когда он это читал вслух своим приятелям. — Многие просят, чтобы ты непременно продолжал и окончил эту повесть.

Länchen meiner liebenswürdiger Freundin und Tante⁷ meinen besten Gruss.*

Прощай, кланяйся друзьям и помни о добром приятеле, который тебя душевно любит.

А. Г.

П.Н. АХВЕРДОВОЙ
(Перевод с французского)

28 июля 1827, перед рассветом.

Нахичевань.

Любезнейшая и почтеннейшая Прасковья Николаевна. Я провожу бессонную ночь, ожидал, пока перепишут мои служебные бумаги после чего я должен разбудить генерала¹, чтобы он их подписал. Неправда ли, все это очень весело для человека, который дорожит своей независимостью? Скажите мне, как покончить со всеми этими дрязгами? На несчастье еще можно подумать, что неприятеля точно подкупили, чтобы он как можно меньше нас тревожил. До сих пор один-единственный раз позабавился, побеспокоив арьергард. Господи боже, ну и генералы тут у нас! Можно подумать, что они нарочно созданы для того чтобы все больше и больше укреплять во мне отвращение, которое питаю я к чинам и высоким званиям. Муравьев сегодня утром ходил в рекогносцировку крепости Аббас-Абад. Я был слишком занят, чтобы следом за ним сесть в седло. Но так как я из всей компании лучше всех устроен в отношении помещения, и из окон моих великолепно можно обозревать всю местность, я часто поднимал голову от своих бумаг, чтобы, направить подзорную трубу в то место, где происходило дело. Я видел, как неприятельская кавалерия скакала во

* Леночке, моей любезной приятельнице, и Танте — наилучший привет (нем.).

всех направлениях и переправлялась через Аракс, чтобы отрезать Муравьева и две сотни его казаков. Он удачно выбрался из этого дела, никакой серьезной схватки не произошло, и он к нам вернулся цел и невредим, хотя и не успев ничего разведать из того, что хотел видеть. Главнокомандующий к нему имеет большое уважение и доверие, но какой-то бес тут мешается, и у них часто происходят серьезные ссоры, один кричит, другой дуется, а я тут нахожусь, чтобы играть глупейшую роль примирителя, не получая ни малейшей благодарности ни от кого. Это между нами. Скажите хоть вы мне спасибо за вашего зятя². Впрочем, я вам не ручаюсь, что в один прекрасный день они не рассорятся навсегда, и это меня иногда приводит в меланхолию. Не говорите ему об этом ничего в ваших письмах и не рассказывайте об этом даже его супруге. Действительно, генерал иногда бывает очень несговорчив, а характер вашего зятя тоже нельзя назвать уживчивым.

Получили ли вы ответ от Этье? У нас уже четыре недели как нет почты, и мы не знаем ничего, что происходит за пределами нашего сегодняшнего горизонта. Удушающая жара. 47⁰ по Реомюру, скверная пища, что для меня не представляет важности, ни книг, ни фортепьяно. Точно до смерти. Спокойной ночи, нежнейший поцелуй от меня Дашеньке и маленькой Соне Орбелиани. Я совсем засыпаю, и, однако, более часа еще пройдет, пока я смогу лечь в постель. Черкните мне дружески странички две о том, что делается у вас в Тифлисе, буду вам очень признателен, и вспоминайте иногда того, кто вам так искренне предан уже столько лет. Окна в комнате разбитые, ветер ужасный, поминутно свечи задувает, и я стоя пишу в какой-то стенной впадине. Передайте от меня целый акафист приветствий и поклонов Надежде Афанасьевне³, Анне Андреевне⁴, Софье Федоровне, Марии Ивановне⁵, Катерине Акакиевне⁶ и всем моим знакомым принцессам.

С беспредельным почтением

ваш усердный слуга

А. Гривоедов

П.Н. АХВЕРДОВОЙ
(Перевод с французского)

3 июля 1827.

Главная квартира под стенами Аббас-Абада.

Благоволите заметить, любезнейшая и достойнейшая Прасковья Николаевна, что на меня временами находит, что я пишу письмо за письмом, и то же самое в отношении визитов, когда я где-нибудь на месте. Вот для вас уже № 2. Пишу вам на открытом воздухе, под прекрасным небом Персии, дует адский ветер пыль страшнейшая, и что хуже всего, уже смеркается, вполнину не видно, но я не хочу отказываться от удовольствия написать вам несколько строк.

В прошлый раз, когда я запечатывал письмо к вам, было уже половина 4-го утра. Я велел оседлать мою лошадь и поехал к Аббас-Абаду, к стенам которого были посланы 50 казаков, чтобы тревожить гарнизон или вернее кавалерию, которая находится в крепости, и завлечь ее в засаду*, где поставлены были главные силы нашей кавалерии. Я присоединился к нашему небольшому отряду но весь маневр не удался по нелюбезности противника, который не пожелал дать себя провести. Несколько охотников явилось погарцевать вокруг нас, но слишком далеко от того места, где их ждали. Мы отделались несколькими пулями, которые просвистали над нашими головами, не задев никого; так продолжалось до 10 часов утра, когда главнокомандующий приказал произвести серьезную рекогносцировку силами 2 уланских, 2 казачьих и 1 драгунского полка с 22 орудиями легкой артиллерии. Я поместился на расстоянии выстрела от одной из сторон крепости, откуда было видно, как проходили наши войска, как если бы я

* Ваш зять¹ провел там бессонную ночь, обманувшись в своих ожиданиях сверх всякого описания. Генерал² сказал ему, что если бы сражение завязалось, он тотчас бы представил его к генеральскому чину, но это не вернуло ему хорошего настроения. (Примеч. А. С. Гривоедова.)

смотрел из самого центра крепости. Долго палили из пушек с обеих сторон. Зрелище было красивое, довольно ничтожное, думаю, в отношении военного успеха но великолепное для глаз, а мне большего и не надо, поскольку я тут нахожусь только для собственного развлечения. В этот самый момент генерал Бенкендорф пустил 2000 кавалеристов вплавь через Аракс, они его мигом перешли, и неприятель был вытеснен со всех высот по ту сторону реки. Я хотел бы, чтобы вы как художница, видели бы все это, и в особенности живописную долину, где происходила эта сцена. Со всех сторон у нас тут гряды гор, самые причудливые, какие только могла создать природа, между прочими так называемая Помпеева скала, которая высится, как ствол дерева, разбитого и обугленного молнией, но только гигантских размеров; это в сторону нашей Карабагской границы. Среди лабиринта холмов, различных возвышенностей и целых горных цепей, самой своеобразной формы, — цветущая долина, заботливо возделанная, которую орошает Аракс, и к северу снежная вершина Арабата. Я уже переходил вброд знаменитую реку, чье историческое имя столько говорит воображению.

Третьего дня мы стали лагерем около Аббас-Абада, вчера открыли траншею, и сегодня ночью я последую за генералом, чтобы посмотреть, что там происходит. Этим утром наше общество чуть было не лишилось Влангали, из-за семи злосчастных ядер, которые прогрохотали над его палаткой, или верней над всей главной квартирой, где и упали в разных местах, не убив никого. Все это вносит развлечение в мою жизнь, я начинаю до некоторой степени находить в этом вкус; это лучше, чем плесневеть в городах.

Прощайте. Что сказать вам о вашем зяте? Невозможно лучше его исполнять свой долг, согласно тому, как он понимает свою службу, — и быть более непонятым своим начальником, который, впрочем, отличнейший человек, если не считать его манер. Не говорите об этом ничего г-же Муравьевой³. Может статься, с успехами в действиях

против неприятеля отношения между друзьями наладятся, и тогда я первый вам об этом сообщу.

Поклоны мои всей вашей семье, Чавчавадзе и госпоже Кастелло.

И.Ф. ПАСКЕВИЧУ
(Перевод с французского)

Аббас-Абад, 26 июля 1827.

Генерал. Моя миссия закончена, т. е. мои переговоры с принцем¹ были бесконечны, и я решил уехать. Я был принят как нельзя лучше, никогда в Персии и в мирное время не оказывали столько любезностей при приеме чужестранца, каким бы званием он ни был облечен. До такой степени, что 22-го обер-церемониймейстер явился с огромной свитой и поднес мне фирман с поздравлениями от принца по поводу именин ее величества императрицы-матери². Сверх того сласти и комплименты с утра до вечера каждый день. Я буду иметь честь сообщить вам подробности в особом рапорте, если в этом имеется надобность³.

Сообщите два слова, чтобы мне знать, что вы прикажете относительно Мирзы-Сале. Разрешаете ли вы мне его привезти? 1) Персы хотят непременно перемирия на 10 месяцев. 2) Принц, принужденный наконец сознаться, что нападение было с его стороны и что император имеет право требовать от него жертв, говорит, что он готов на все, лишь бы только это не было сделано совершенно бесплодно, как это было после Гюлистанского мира, когда уступки нескольких провинций были для него только поводом для огорчений, оскорблений и т. д., и т. д.⁴ Он готов отправиться сам принести свои извинения его величеству государю императору и согласиться на все условия, которые столь великий повелитель пожелает ему предъявить, но по крайней мере тогда он постарается убедиться раз навсегда в его благорасположении и покровительстве. В случае, если он не сможет поехать лично, он отправит

вместо себя своего старшего сына Эмира-Заде. Он просит вас сообщить его просьбу в Петербург. Вот предложения, которые я получил, равно как и письмо по этому поводу. Я вел переговоры о перемирии до потери голоса, вот, может быть, почему мне это так плохо удалось. Впрочем, нужно раньше знать, как вы решите по поводу Мирзы-Сале, который милейший малый на свете.

Прощайте, ваше превосходительство. Я засыпаю, я был очень болен в Кара-Зиадине, и думные дьяки его высочества собирались для совещания вокруг моей постели. Каковы ваши приказания? Я не думаю, чтобы было нужно прекращать переговоры в данное время.

Дозвольте мне привезти к вам Мирзу-Сале. Имеется еще много очень интересных вещей сообщить вам. В данную минуту я в восторге, что нахожусь среди своих и чувствую себя близко от вас.

Мой низкий поклон генералам гр. Сухтелену и Бенкендорфу и Обрескову.

Примите уверение в моем уважении и искренней привязанности, которую питает к вам, генерал, ваш глубоко преданный и усердный слуга

Алекс. Грибоедов.

Я провел всю ночь в походе, мои мысли неясны, поэтому я пишу еще хуже, чем обыкновенно.

Командиру отдельного Кавказского корпуса
генералу от инфантерии, генералу-адъютанту
и кавалеру Паскевичу от иностранной коллегии
надворного советника Грибоедова

Донесение

30 июля 1827. Лагерь при селении Карабабы.
20-го числа июля я, по приказанию вашего высокопревосходительства, отправился из крепости Аббас-Абад в персидский лагерь, куда в тот же день прибыл перед вечером;

7-мь часов езды скорой, расстояние около 49 верст от Аракса до опустелой деревни Каразиадин, где я должен был ждать, когда позовет меня к себе Аббас-Мирза. Скучно разбросанные палатки не означали присутствия многочисленного войска. Вечером прибыл ко мне Мирза-Измаил с приветствиями от Шахзады, который на ту пору прохладился в горах, и только на другой день намерен был спуститься к Каразиадину, или в Чорскую долину (так называется целый округ из 12-ти деревень). К моей палатке поставлен караул почетный, разумеется, чтоб иметь надо мною надзор; но все условия вежливости были соблюдены, даже до излишества. 21-го <июля>, поутру, подошва гор к югу, со стороны Хоя, запестрела вооруженными конными и сарбазами, — и вскоре был разбит лагерь на большом протяжении.

В час пополудни за мною прибыл наиб Эмика-Агаси от Аббас-Мирзы, к которому я отправился с толпою народа; при мне же были Мирза-Измаил и Мирза-Сале. Я был допущен к аудиенции тотчас, без предварительных церемоний. Аббас-Мирза один был в обширной палатке; со мною взошли несколько человек из его приближенных.

После первых приветствий и вопросов о вашем здоровье, обо мне собственно, он начал мне вспоминать о прежнем моем пребывании в Тавризе и проч. Потом долго и горько жаловался на генерала Ермолова, Мазаровича, Севаримидзева, как на главных, по его мнению, зачинщиков нынешней войны. Я ему отвечал, что неудовольствия были обоюдны, по случаю спора о границах, но с нашей стороны никогда бы не вызвали военных действий, если бы сам Шахзада не вторгнулся в наши области.

“Моих и шаха послов не допускали до государя, писем не доставляли в Петербург, — сколько я их показывал князю Меншикову, мне обратно присланных, даже не распечатанных, сколько теперь у меня их сохраняется, в том же виде, для оправдания моего перед государем вашим”.

Я ему напомнил о двукратном приезде в Россию Абуль-Гассан-хана, о Мамед-Гассан-Хане-Афшаре, о Мирза-Сале,

бывших в Петербурге, чрез которых всегда можно было представить императорскому двору жалобы, если бы они основаны были на справедливости. Наконец, князь Меншиков для того был прислан в Персию от самого государя, чтобы устранить поспешно и навсегда возникшие тогда несогласия, впрочем, когда кто лежит болен целый год, не отыскивают уже первых причин его болезни, а стараются ухаживать ее, — так и с настоящею войною.

Разговор в этом смысле продолжался более часу. Я вынужден был сказать, что не имею поручения разбирать то, что предшествовало войне, что это не мое дело...

“Так все вы говорите: не мое дело, — но разве нет суда на этом свете!”

“Ваше высочество сами поставили себя судьей в собственном деле и предпочли решить его оружием. Не отнимая у вас ни благоразумия, ни храбрости, ни силы, замечу одно только: кто первый начинает войну, никогда не может сказать, чем она кончится”.

“Правда”, — отвечал он.

Я продолжал: “Прошлого года персидские войска внезапно и довольно далеко проникли в наши владения по сю сторону Кавказа. Нынче мы, пройдя Эриванскую и Нахичеванскую области, стали на Араксе, овладели Аббас-Абадом, откуда я прислан...”

“Овладели! взяли! Вам сдал Аббас-Абад зять мой, трус, — он женщина, хуже женщины”.

“Сделайте то, что мы сделали, против какой-либо крепости, и она сдастся вашему высочеству”.

“Нет, вы умрете на стене, ни один живой не останется; мои не умели этого сделать, иначе вам никогда бы не овладеть Аббас-Абадом”.

“Как бы то ни было, при настоящем положении дел уже три раза, как генерал получал от вас предложения о мире, и ни одно из ваших сообщений не сходствует с условиями, мимо которых с нашей стороны не приступят ни к каким переговорам. Такова есть воля государя. Чтобы на этот счет не было более недоразумений, я сюда прислан.

При том должен объявить вашему высочеству, что посланные ваши, если явятся с предложениями другого рода, несогласными с нашими, или для прений о том, кто первый был причиною войны, — они не только не получат удовлетворительного ответа, но главноначальствующий не признает себя даже вправе их выслушивать. Условия же, если ваше высочество расположены их выслушать, я сейчас буду иметь честь изложить вам, — в этом именно состоит мое поручение”.

“Послушаем, — сказал он; — но разве должно непременно трактовать, наступая на горло, и нельзя рассуждать о том, что было прежде?”

Тут он опять начал распространяться о безуспешных прежних его усилиях жить с нами в мире, под сению благорасположения к нему российского императора. Обвинения с жаром против пограничных начальников, не щадя и своих сардара и брата его; потом неистощимые уверения в преданности императору — всё это быстро следовало одно за другим. Я из некоторых слов мог, однако, заметить, что личный характер государя императора сильно действует на него, как отпечаток твердости и постоянства в предприятиях; так, он отзывался, по свидетельству ли англичан, или по другим до него дошедшим сведениям, но повторил не раз, что он знает о решительных свойствах великого императора, это свидетельствуют все сыны и братья европейских царей и послы, приезжавшие поздравлять его со вступлением на престол. То же заметил я потом и в прочих лицах, с которыми имел дело в персидском лагере; они рассказывают множество анекдотов, — иные справедливые, большею частью вымышленные, но представляющие российского государя в каком-то могущественном виде и страшном для его неприятелей. Я воспользовался этим, чтобы обратить внимание Шахзады на неприличность прошлогодних поступков в Персии против кн. Меншикова.

“Как, с такими понятиями о могуществе нашего государя, вы решились оскорбить его в лице посланника его

величества, которого задержали против самых священных прав, признанных всеми государствами? Теперь, кроме убытков, нами понесенных при вашем впадении в наши области, кроме нарушений границ, оскорблена личность самого императора, — а у нас честь государя есть честь народная!”

При этих словах он как будто поражен был какою-то мыслью и так непринужденно, громко и красноречиво раскаивался в своем поступке, что мне самому ничего не оставалось к этому прибавить. Предоставляю вашему высокопревосходительству судить, насколько это раскаяние смиренно, по известному уже вам характеру персиян.

После того он всех выслал; остались: он, я и мой переводчик; но за занавесью выказывался человек, в котором я опять узнал Алая-Хана. Аббас-Мирза наконец решился выслушать условия, говоря, однако, что он уже их знает от Мирзы-Сале.

Переводчик мой пространно объяснил ему, чего требует наше правительство; но по данным ему от меня наставлениям, ни разу не уклонялся от должной учтивости и уважения к тому, с кем говорил, всячески щадя его самолюбие. Шахзада несколько раз покушался его прервать, но я с покорностью просил его быть терпеливее, иначе мое поручение останется недовершенным. Когда всё с нашей стороны было объяснено, он едва не вскочил с места.

“Так вот ваши условия. Вы их предписываете шаху иранскому как своему подданному! Уступка двух областей, дань деньгами! Но когда вы слышали, чтобы шах персидский сделался подданным другого государя? Он сам раздал короны. Персия еще не погибла”.

“И Персия имела свои дни счастья и славы; но я осмелюсь напомнить вашему высочеству о Гуссейн-Шахе-Софии, который лишился престола, побежденный авганцами. Предоставляю собственному просвещенному уму вашему судить, насколько русские сильнее авганцев”¹.

“Кто же хвалит за это шаха Гуссейна? он поступил подло, — разве и нам следовать его примеру?”

“Я вам назову великого человека и государя, Наполеона, который внес войну в русские пределы и заплатил за это утратою престола”.

“И был истинный герой: он защищался до самой крайности. Но вы, как всемирные завоеватели, всё хотите захватить, — требуете областей, денег и не принимаете никаких отговорок”.

“При окончании каждой войны, несправедливо начатой с нами, мы отдаляем наши пределы и вместе с тем неприятеля, который бы отважился переступить их. Вот отчего в настоящем требуется уступка областей Эриванской и Нахичеванской. Деньги — также род оружия, без которого нельзя вести войну. Это не торг, ваше высочество, даже не вознаграждение за претерпленные убытки: требуя денег, мы лишаем неприятеля способов вредить нам на долгое время”.

Не скрою от вашего высокопревосходительства, что эти слова показались очень неприятными Аббас-Мирзе. Может быть, я и несколько перешел за черту данного мне поручения; но смею вас уверить, что этим не только ничего не испорчено, но при будущих переговорах уполномоченные его императорского величества избавлены будут от труда исчислять персиянам итоги военных издержек, которые они оценивают, по-своему, довольно дешево, ибо армия их во время войны, даже в собственном краю, кормится, сколько можно, даром, на счет поселян беззащитных.

Аббас-Мирза подозвал меня как можно ближе и почти на ухо начал меня расспрашивать о степени власти, от государя вам вверенной, — можете ли вы от себя убавить некоторую часть своих требований; что есть два рода главнокомандующих: одни на все уполномоченные, другие с правами ограниченными, — какова, наконец, власть генерала Паскевича?

“Большая, — отвечал я, — но чем она более, тем более ответственность”.

Потом я объяснил ему, что у нас одна господствующая воля — самого государя императора, от которой никто ук-

лониться не может, в какую бы власть облечен ни был; условия будущего мира начертаны по воле государя, и исполнитель — главнокомандующий и проч. Это завлекло меня в сравнение с Персиею, где единовластие в государстве нарушается по прихоти частных владетелей и разномыслием людей, имеющих голос в совете шахском, даже исступлением пустынного, который из Кербелаи является с возмутительными проповедями и вовлекает государство в войну бедственную. Аббас-Мирза часто оборачивался к занавеске, за которой сидел Алаяр-Хан, и сказал мне:

“У вас тоже не одна воля: в Петербурге одно говорят, Ермолов — другое; у нас был муштайд для мусульман, вы тоже, для возбуждения против нас армян, выписали в Эчмеадзин христианского калифа Нерсеса” и др.

После многих отступлений мы опять обратились к условиям будущего мира.

“Итак, генерал Паскевич не может или не хочет сделать никакой отмены в объявленных вами предложениях? Мы заключим перемирие; это он может; тем временем я сам к нему прибуду в лагерь, скажу ему, чтобы он указал мне путь к императору, — сам отправлюсь в Петербург, или пошлю моего старшего сына, он наследник мой, как я — шахский. Будем целовать руку великого государя, престол его, — мы его оскорбили, будем просить прощения, он сам во всем властен, но великодушен; захочет областей, денег — и деньги, и весь Адзербидзам, и самого себя отдам ему в жертву; но чистосердечным сим поступком приобрету приязнь и покровительство российского императора”.

Эту идею он развивал мне с различными изменениями, и при каждом разе я напоминал ему, что ваше высокопревосходительство не вправе, в нынешних обстоятельствах, дать ему или Эмир-Заде пропуск в С.-Петербург; что это намерение гораздо удобнее было исполнить прошлого года, во время коронации императора; Шахзада предпочел тогда схватиться за оружие; и я не могу скрыть, что государь разгневан именно и лично самим Аббас-Мирзою.

Он снова говорил, что знает, чувствует это, — готов исправить вину свою, снискать утраченное им благоволение государя, эти уверения он повторял до бесконечности.

“Скажите, г. Грибоедов, вы жили в Тавризе, — чего я ни делал, чтобы с вами остаться в дружбе? чем можете укорить меня, каким проступком против трактата?”

Я привел ему на память рассеяние возмутительных фирманов в Дагестане, на которые в свое время жаловался генерал Ермолов.

“Видели ли вы их? где они? Это нелепости, вымышленные моими врагами — Ермоловым и Мазаровичем, так как и уши и носы убитых на Кавказе русских, которые будто бы привезены были лезгинами ко мне в Тавриз. Когда же это было? Вы свидетель, что это ложь; между тем император Александр выговаривал это Мамед-Гуссейну-Хану в Петербурге; такими клеветами возбуждали против меня покойного вашего императора и так же умели лишить меня благосклонности его преемника. С кн. Меншиковым можно было иметь дело — умный и не коварный человек; но он всегда отговаривался, что не имеет власти делать мне иных предложений, кроме тех, которые мне уже объявлены были генералом Ермоловым. Теперь, если мы вам отдадим области, заплатим требуемую сумму, что приобретем в замену? Новые предлоги к будущим распрям, которые со временем созреют и произведут опять войну. При заключении прежнего мира мы отказались в пользу вашу от обширнейших провинций, на всё согласились, что от нас хотели, — англичане тому свидетели; и что же приобрели, кроме новых притязаний с вашей стороны, обид нестерпимых! Мир во сто раз хуже войны! Нынче посланные мои принимаются ласковее генералом Паскевичем, сообщения его со мною вежливее, чем во время так называемого мира; я перечесть не могу всех оскорблений, мною претерпленных в течение десяти лет. Нет! Я или сын мой — мы непременно должны ехать к императору...” и проч.

Я опять представлял ему невозможность вашему высокопревосходительству допустить сие; об этом и в обыкновенное время приличие требует писать предварительно в Петербург и просить на то соизволения его императорского величества. Он начал рассчитывать, как скоро может прибыть ответ из Петербурга; требовал от меня ручательства, что государь допустит его к себе; просил меня стараться об этом дружески и усердно при вашем высокопревосходительстве, а вас самих — ходатайствовать за него в С.-Петербурге, — в то самое время, как я неоднократно изъявлял ему мое сомнение о том, возможно ли такие предложения делать и принимать в военное время. Способ трактовать — исключительно свойственный персиянам, которые разговор о деле государственном внезапно обращают в дружескую гаремную беседу и поручают хлопотать в их пользу чиновнику воюющей с ними державы, как доброму их приятелю. Все это, — я заметил самому Шахзаде, — довольно бесполезно. Начались и продолжались толки о перемирии на то время, как пошлетса донесение в С.-Петербург и получится желаемый ответ, т. е. от 4-х до 5-ти недель. Я не признал за нужное оспаривать далее надежд Аббас-Мирзы, не подкрепляя их, впрочем, ни малейшим уверением, и занялся условиями перемирия как дела, для нас полезного. Предложение о том было с его стороны. Он хотел, чтобы мы отступили к Карабагу, а он — в Тавриз; Нахичеванскую область очистить и считать нейтральною, кроме Аббас-Абада, которого гарнизон он на себя брал продовольствовать. Во многом мы были согласны; я иное отвергал, — ни в чем не условились, и я просил дать мне несколько часов досуга, чтобы обдумать и написать ему проект перемирия.

“Нет! сейчас решить, я не хочу вашего письма. Ради бога, не пишите, — вы потом не отступитесь ни от одного слова”.

Кончилось, однако, на том, что я у себя обделаю и потом представлю ему условия для временного прекращения военных действий. Приветствия полились рекою, похва-

лы, лесть, более или менее сносные. Аббас-Мирза спрашивал, часто ли обо мне навещают его окружающие? кто из них был у меня? чтобы утром явились ко мне, не оставляли меня скучать. В этом тумане я откланялся. Шесть часов продолжался разговор наш. Перед вечером я прибыл к себе.

Ночью я написал проект перемирия по данному наставлению мне от вашего высокопревосходительства. Потом заставил его перевести. Случай казался удобным привести к окончанию это дело: Аббас-Мирза сам подал тому первый повод. Притом я, в трехлетнее мое пребывание в Тавризе, никогда не видел его в таком расположении духа, с такою готовностью на всякого рода соглашения, в такой горячности раскаяния. Впоследствии, однако, подтвердились наблюдения, не одним мною сделанные, что у персиян слова с делами в вечном между собою раздоре.

22-го <июля>. Рано поутру я сверил подлинник с переводом бумаги, которую намерен был отправить к Аббас-Мирзе. Меня посетил Мирза-Мехмед-Али-Мустафа и проговорил целое утро. Дело шло о невыгодном положении Шахзады, отца его и вообще всей Персии в отношении к нам. Я изумлялся тому, что слышал: персидское высокомерие исчезло совершенно. Между прочим, я высказал Мирзе-Мехмед-Али то, что не договорил накануне самому Шахзаде, по той причине, что мы ни минуты вдвоем не оставались, о будущей незавидной судьбе его: когда весь Азербейжан будет в руках наших, — какое лицо представит он из себя между братьями, лишась удела ему от шаха пожалованного и этим лишением обязанный сам себе, своей опрометчивости, все бедствия, которые потом постигнут Персию, если война продолжится, припишут ему же, — и это, конечно, не только не утвердит его наследственного права, но может отдалить его от престола.

Мирза-Мехмед-Али во всем соглашался и передал мои слова Аббас-Мирзе, потому что он сам мне потом говорил об этом.

Бумагу мою я к нему отправил и должен был в тот же день вторично к нему явиться; но, вместо того, почувствовал в себе сильный жар во всем теле, боль головную и слег в постель со всеми признаками горячки, — действие губительного климата. Ртуть в полдень, возвысившись до 40 градусов теплоты, в предшествующей ночи понизилась до 8-ми от точки замерзания.

В этот же день я получил от Шахзады особенного рода лестный знак внимания, который дает верное понятие о персидском искательстве и до чего они желают вкрасться в нашу приязнь, при настоящем положении их дел. Главный церемониймейстер Махмед-Гуссейн-Хан, с многочисленною прислугою и с подносами всяких сластей, вручил мне поздравительный фирман, за печатью Аббас-Мирзы, по случаю дня ангела ее величества вдовствующей государыни императрицы. И в самое мирное время нельзя быть внимательнее. Причина же, я полагаю, Мирза-Сале, — мы накануне вспоминали с ним о торжестве в Петергофе, при котором он однажды находился.

23-го <июля> я чувствовал облегчение, но не мог еще встать с постели. Ко мне прибыл Мирза-Измаил с проектом перемирия, сочиненного под сказанием Шахзады и уже одобренного шахом, который на два ферсанга сблизился с Чурсом. Курьеры к нему и от него скакали беспрестанно.

С персидской стороны требовалось, чтобы мы, кроме Аббас-Абада, оставили Нахичеванскую область, также Эчмеадзин, в котором для охранения храма божия быть двум приставам: их и нашему, а войскам не находиться ни русским, ни персидским. Прения продолжались с утра. В 3 часа пополудни Мирза-Мехмед-Али прибыл и возобновил их, — продержали меня до глубокой ночи; на многое согласились; статья их об оставлении нами Эчмеадзина и Нахичеванской области была вычеркнута. Со всем тем, ничего не кончено.

24-го <июля> я еще был слаб; но, видя бесполезность переговоров, отдаляющих дело от истинной цели, я просил отпуска. Опять прибыли ко мне Мирза-Мехмед-Али-

Мустафа, Мирза-Измаил и Мирза-Сале, — и я в течение целого дня должен был выдерживать диалектику XIII столетия. Возвращались к предложениям, в которых накануне условились. Главное разногласие состояло в том, что с персидской стороны требовалось перемирие на 10 месяцев. Мирза-Мехмед-Али откровенно мне объявил, что это необходимо для отдаления из Хоя шаха, двора его и войска, от которых обнищала вся провинция. Я ему дал почувствовать, что эти причины уважительны только для их пользы; но в настоящее время, когда мы одержали некоторую поверхность, кажется, можно беспристрастно соблюсти и нам свои выгоды.

Наконец, видя, что рассуждения о перемирии были только предлогом для продержания меня в их лагере, я объявил, что мы не имеем нужды в прекращении военных действий; первая мысль об этом принадлежит Шахзаде. Я представил ему условия, на которых оно с нашей стороны может быть допущено, — вольны принять их, или нет. Но мой Аббас-Мирзе усердный совет: для успокоения края, особы шаха в преклонности лет его и для собственной безопасности своей принять просто мир, который даруется ему на известных условиях. Говорили очень долго; я, наконец, подействовал на воображение персидских чиновников тем, что мы, когда пойдем далее и завладеем Азербейжаном, то, обеспечив независимость этой обширной области, со стороны Персии на десять ферсангов никому не позволим селиться близ границы, — сама провинция прокормит 20 тысяч милиции, образованной из народа, известного духом неудовольствия против нынешнего своего правительства; нам стоит только поддержать ее в сем расположении, и, таким образом, мы навсегда прекратим наши политические сношения с Персиею как с народом, не соблюдающим трактатов, — мы так же будем мало знать их, как авганцев и проч. отдаленные государства в глубине Азии.

“Этот план у нас, — говорил я, — очень известен, и полагается весьма сбыточным; но к исполнению его присту-

пят в такой крайности, когда вы, упорствуя, продлите войну, вами самими начатую. Скажите его высочеству, что лучше принять условия, покуда их делают". Это и многое другое предлагал я вроде размышления, более нежели угрозы.

С вечера и на другой день с рассветом я повторял настоятельно требование мое об отпуске. 25-го <июля>, поутру, за мной прибыл Гаджи-Мажуд-Ага, чтобы проводить меня к Шахзаде. При нем находились два его брата, Али-Нага-Мирза Казбинский, Мехмед-Касум-Мирза Урумийский и Эсиф-ед-даулет Алаяр-хан, также несколько других, в числе которых, как мне потом сказали, был и Гассан-хан, брат сардаря Эриванского, но я не узнал его. Он, во все время пребывания моего в лагере, сильно говорил против всякого с нами сближения, ездил к шаху и просил денег и войска для защиты Эриванской области.

Я полагал, что наши условия при последней аудиенции, при стольких значащих свидетелях, или торжественно будут отвергнуты, или станут рассуждать о них, — вышло ни то, ни другое. Тон Шахзады был самый униженный: он извинялся, что чиновники его столько беспокоили меня делами; сказал, что все мои мысли о нем, о будущем его положении ему известны. Но не это его озабочивает, а проступок против государя, утрата его доверенности, и просил перемирия на десять месяцев. Мирза-Мехмед-Али донес ему, что я не доверяю их чистосердечию, Алаяр-хан этому чрезвычайно удивился. Но я поспешил объяснить ему, что прошлого года также решались послать к императору Эмир-Заде и вместо того войска их напали на наши границы; несколько сорванных голов у наших фуражиров возбуждали надежды их до крайней дерзости, — характер народа известен. Нет причины думать, чтобы нынче поступили искренне: и тогда русский главноначальствующий, потеряв время и остановясь среди успехов нашего оружия, какое оправдание представит государю императору в том, что так противуречит настоящему отношению между собою двух воюющих армий? Десятимесячное пе-

ремирие — тот же мир, а предполагаемая выгода заключается в темной надежде, что сам Шахзада или сын его отправится в Петербург, — но там подпишет ли он все статьи мира, согласно с пользою России, или, что гораздо вероятнее, будет стараться об уменьшении наших требований?

"Нет! — сказал с жаром Аббас-Мирза, — мы всё подпишем, если император лично мне или моему сыну объявит свою волю и уверит нас в будущем его покровительстве. Я сына моего сейчас представлю генералу Паскевичу в залог, и еще двое из моих братьев к нему отправятся в лагерь..." и проч., и проч.

Потом опирался на продолжительное перемирие, им некогда заключенное с генералом Торماسовым. Спрашивал моего совета и надеюсь ли я, что государь дозволит ему или сыну его прибыть к высочайшему двору. Такое униженное, убедительное настаивание отняло у меня возможность отвечать ему коротко и резко. Я более всего отговаривался неведением, сомнением и старательно избегал, чтоб слова мои не утвердили в нем какой-либо надежды по сему предмету. Совет же подал ему чистосердечный, — представлял ему разорение, которому подвергаются его подданные, бережно говоря о неустойстве их нерегулярного войска; сравнивал характеры двух народов: персиян — смелых при счастии, но теряющих бодрость и даже подчиненность при продолжительных неудачах, — с другой стороны указывал на наших, которые во всех обстоятельствах одинаковы, повинуются и умирают. Наконец, с возможною учтивостью доказывал, что лучше разом принести жертву необходимости, нежели длить время и, с тем вместе, претерпеть гораздо важнейшие потери. Это не помогло; Шахзада не отступал от любимой своей мысли — самому или через сына прибегнуть к великодушью государя императора.

Сим заключается все то, что идет к делу; посторонних разговоров было много, ибо Шахзада продержал меня еще долее, нежели в первый раз. Я заметил, между прочим, что

переход к нам Мехти-Кули-Хана много озаботил персиян насчет доверия, которое это происшествие внушает всякому, кто пожелает поискать российского покровительства. Аббас-Мирза сказал мне, между прочим:

“Самым опасным оружием генерала Паскевича я почитаю то человеколюбие и справедливость, которые он оказывает мусульманам своим и нашим. Мы все знаем, как он вел себя против кочевых племен от Эривани до Нахичевани, — солдаты никого не обижали и он всех принимал дружелюбно. Этот способ приобрести доверие в чужом народе и мне известен, — жаль, что я один это понимаю во всей Персии; так я действовал против турок, так и в Карабахе, и прошлого года. С другой стороны, Гассан-Хан усердствовал вам, сколько мог, и ожесточил против себя всю Грузию. Генерал Ермолов, как новый Чингисхан, отомстил бы мне опустошением несчастных областей, велел бы умерщвлять всякого, кто ни попадетсЯ, — и тогда, об эту пору, у меня две трети Азербайджана стали бы в ружье, не требуя от казны ни жалованья, ни прокормленья”.

Я отвечал ему, что генерал Ермолов так же, как нынешний главноначальствующий, наблюдал пользу государства; можно одной и той же цели домогаться разными путями.

О сражении 5-го июля² он говорит очень откровенно: отдает вашему высокопревосходительству справедливость, что вы искусно маневрируете, — и он видел себя почти взятого в обход вашею пехотою, когда не полагал даже, что она переправится через Аракс³; если бы знал, что пойдут на него со всеми силами, то не уклонился бы от сражения, но послал бы до 5000 конницы, которая, выше переплыв через реку, очутилась бы у нас в тылу и напала на наш обоз. Об Елисаветполе, об Асландузе рассказывал мне с такою же искренностью, или, может быть, взял на себя говорить мне только приятное и то, что может польстить нашему патриотическому самолюбию.

Был третий час пополудни, как я от него вышел, получа письмо на имя вашего высокопревосходительства.

Мирза-Мехмед-Али угощал меня обедом против их обыкновения, ибо они обедают с захождением солнца. Потом потчевал меня в своей палатке Мехмед-Гуссейн-Хан, Эшик-Агаси. Внимание, приветливость и лесть рсточали передо мною с избытком. Я бывал у них, живал с ними в мирное время в приязни и никогда не видел подобного приема ни себе, ни другому чужестранцу, хотя бы знатнейшему чиновнику союзной с нами державы.

Чурский лагерь обширен, но палатки персидские требуют большого помещения; я полагаю, что у них тут от 7-ми до 8-ми тысяч войска, в том числе 4 баталиона сарбазов неполные, — я видел 10 пушек. Долина не обширная; при въезде в нее влево ущелье ведет к Гергерам, — его охраняют Гассан-Хан с курдами, вправо на Марандской дороге — Али-Нага-Мирза, между ею и Хойскою — лагерь Аббас-Мирзы. Возвращаясь от Каразиадина до первой воды — 1 1/2 часа; откудова до высоты, определяющей границу Чурса, где также вода, — 3 часа; оттудова — 2 1/2 часа езды до Аракса, верстах в 4-х выше Аббас-Абада.

Я оставил персидский лагерь с ободрительным впечатлением, что неприятель войны не хочет, что она ему тягостна и страшна; от повторенных неудач все духом упали, все недовольны. В день моего прибытия, от появления 10-ти конвойных казаков пикеты повсюду разбежались, едва могли собрать их. Сарбазы, которые у меня стояли в карауле, жалуются, что их не кормят, — Керим-Бек-Султан их просто изъяснялся, что начальники у них глупцы и они с ними пропадут. Несколько раз, несмотря на крепкий присмотр, конные подъезжали и спрашивали моего переводчика: “Скоро ли мир? зачем мы их тревожим?” — и что война им ужасно надоела. Гаджи-Махсуд-Ага, присланный ко мне от Аббас-Мирзы, чтобы наведаться о моем здоровье, когда я ему сказал, что мы в нем уважаем человека, который служил при кн. Цицианове, обрадовался, и тотчас предложил готовность свою служить нам, и много рассказывал о недостатках и неустройстве в их войске. Этот человек может нам быть полезен; притом он не

бежал, а с позволения генерала Ермолова удалился в Персию и ныне находится адъютантом при Аббас-Мирзе. Я поручил нашему Аббас-Кули вступить в разговор с курдами (не эриванскими), которые на обратном пути были у меня в конвое. Они тайно просили его, чтобы русский главноначальствующий написал доброе слово их хану, и они тотчас перейдут все к нам. Таков дух войска. О расположении управляющих государством ваше высокопревосходительство можете заключить из объяснения со мною Аббас-Мирзы: "Все обмануты в своих ожиданиях. Наши, где только встретятся, разбиты, и не испытывают щедрости шаха, который теперь так же мало склонен рассыпать казну, как и в прежнее время". Мирза-Мехмед-Али нешуточно уверял меня, что шахское войско наводит гораздо более трепета жителям, нежели наше. 12 000 кальваров хлеба наложено подати на Хойскую провинцию под видом покупки. Шах насильно велел брать по туману кальвар⁴, тогда как он продает по 5-ти между народом.

Из униженного тона, с которым говорили со мною Аббас-Мирза и его чиновники, очевидно, что они не ослепляются насчет сравнительного положения их сил с нашими. Но ожидать невозможно, чтобы они сейчас купили мир ценою предлагаемых им условий, и для этого нужна решительность; длить время в переговорах более им свойственно. В совете шахском преобладающие ныне голоса Алаяр-Хана и сардаря с братом; они еще твердо стоят против мира и имеют на то личные свои побудительные причины: первый поддерживает прежнее свое мнение и боится, что дело дойдет до расплаты за ту войну, которой он главнейший возбудитель; сардарь и брат его, с уступкою нам Эриванской области, лишаются значительного источника их богатства. Тогда только, когда падет Эривань и персияне увидят себя угрожаемыми в столице Азербейжана, если какое-нибудь непредвидимое обстоятельство не возбудит в них прежней дерзости, можно, кажется, ожидать заключения мира на условиях, которые мы ныне им предлагаем.

Стороною я, однако, узнал, что они готовятся к покушению на Аббас-Абад. Вероятно, что начальники не захотят долго держать в бездействии войска (которых, по разным слухам, у них 65 тысяч, и можно наверное полагать до 45 тысяч), потому что они тогда непременно разбегутся, не видя случая к грабежу и испытывал всякого рода недостатки.

Надворный советник

Грибоедов.

Графу И.Ф. Паскевичу-Эриванскому

С.-Петербург. 16 марта 1828 г.

A mon Comte, deux mots* . Мой благодетель. Поздравляю вас и себя. Все, что вы для меня желали, сбылось в полной мере. Я получил от Нессельроде уведомление, что государю угодно меня пожаловать 4000 черв., Анною с бриллиантами и чином статского советника¹. — А вы!!! — Граф Эриванский и с миллионом. Конечно, вы честь принесли началу нынешнего царствования. Но воля ваша, награда необыкновенная. Это отзывается Рымникским и тем временем, когда всякий русский подвиг умели выставить в настоящем блеске. Нынче нет Державина лиры, но дух Екатерины царит над столицею севера. Надеюсь, что черные мысли навсегда от вас отступят. Государь благоволит вам, как только можно, право, в разговоре с ним я забыл расстояние, которое отделяет повелителя седьмой части нашей планеты от дипломатического курьера; он с семейным участием об вас расспрашивал. Государыня тоже. Вот добра! Чудо! О Сашеньке, об вашей жене², и об вас так милостиво и так подробно разведывала, что сердце радовалось. Великий князь тоже, вчера я представлялся его высочеству³ и представьте мое удивление, он так же об вас говорит, как бы я отзывался, знает вас насквозь, дорожит

* Моему графу два слова (*фр.*).

вами много, долго обо всем любопытствовал и несколько раз повторял: "J'espère qu'Iv. Fed. ne doute pas de mon attachement et comme nous l'aimons tous sincèrement"*.

Скажите Осипу Федоровичу⁴, что если он хочет перейти совершенно в дипломаты, без военного мундира, то место его готово, иначе какого рода он только желает получить назначение, ему не откажут. Его высочество изволил к вам писать об этом и обещал мне показать, что именно. Вы знаете, что одна эстафета перехвачена под Екатериноградом. Очень может быть, что и письмо это там же в воду кануло. Всего не упишешь; при первом случае не забуду ни одной запятой, ни полслова из моей поездки и прибытия сюда. А теперь голова кругом идет, я сделался важен, ваше сиятельство вдали, а я обращаюсь в атмосфере всяких великолепий.

Как Александр Христофорович мне об вас говорил, о вашей кампании, о вашем мире, о славе, о делах ваших; ей-богу, как патриот и как истинный ваш ценитель. И заметьте, что все ваши отношения с его братом ему совершенно известны, и холодность и причины. Воля ваша, Иван Федорович, а вы с Бенкендорфами будьте хороши, тем более, что вы точно их любите, да бог знает как все умели сделать навыворот с Константином Христофоровичем, который благороднейший рыцарь в свете. Вам известно, как я к этому человеку привязан. Судите мое положение, мы с ним ужинали в карантине. Что ж, я от него узнал, будто вы публично радовались его отъезду. Кто ему эту чепуху перенес, конечно, кто-нибудь и при нем обращался вроде подлеца Курганова. К счастью, что когда я что-нибудь говорю, то мне должно верить, и нетрудно мне было его убедить, что ему перенесли вздор, клевету, недостойную ни вас, ни его. Он уже здесь, нынче к нему съезжу.

Нессельроде о вас говорит с отличным уважением. Да просто все. Царь хорош, так и все православие гремит

* Я надеюсь, что Ив. Фед. не сомневается в моей привязанности и в том, как мы все искренно его любим (фр.).

многие лета. Некогда, тороплюсь. А прогос. Вчера мне медальку прислали за персидскую войну, для меня это во 100 раз дороже Анны. Vive l'Empereur* и вы, мой бесценный благодетель, кабы я стал вас много благодарить, то было бы глупо. Вы меня и без слов поймете. Верный ваш

А. Грибоедов.

Bachilof vient de sortir de chez moi et vous fait dire mille jolies choses**.

Какий Фединька⁵ красавчик! Да что за вздор говорит! Об Аббас-Мирзе etc., etc. Славный мальчик!

Андроников повергается к стопам вашим. С ума сошел, на веревке не сдержишь, с тех пор как удостоился видеть государя и поручик гвардии.

Чевкин у меня сейчас был и свидетельствует вам свое почтение и усердно поздравляет. Как же ваше сиятельство мне говорили, что он верно будет вами доволен, а он говорит, что даже ни к чему не был представлен. Он редактор и Указа, и Рескрипта, и всего, что до вас касается.

Графу И.Ф. Паскевичу-Эриванскому

<Конец марта – начало апреля 1828. Петербург.>

Почтеннейший, истинный мой благодетель граф Иван Федорович. Вашему сиятельству я обязан всем уважением и теми приятностями, которые мне здесь ежедневно оказывают. Но от вас также я слег в постель, болен, замучен обедами, отравляюсь, пью за здоровье графа Эриванского, а я опшиваюсь.

Сухазанет принял меня в руки с самого приезда. Я был приглашен к обеду во дворец. Там мы в первый раз встретились, и с тех пор он от меня не отстает, либо у него, либо у Белосельских, либо у Лавалей. Третьего дня я у него

* Да здравствует император (фр.).

** Башилов только что вышел от меня и шлет вам тысячу приветствий (фр.).

обедал с Чернышевым, который с большим участием об вас расспрашивал. Еще когда-то Левашев, тоже все об вас, а при дворе просто все. Кн. Василий Долгорукий, между прочим, уверяет меня, что испрашивал ленту Беклемишеву, он в письме к К. Волконскому прибавил, что этот человек давний ваш друг: и потому разом и уважили представление. Я думаю, жлет, как всякий благородный, придворный человек. Но какое дело? Это означает меру их понятия о благоволении к вам государя императора. — Депре-радович, Опперман, граф Петр Ал. Толстой, Кутузов, наконец, все те, у которых я бываю, при мне любят вас очень горячо. Нет! без шуток, эти четыре человека, кажется, точно так думают, как говорят. Вчера был большой обед у старого моего и вашего знакомого сенатора Чилищева, где тоже много нашлось у вас друзей, и провозглашали вашу славу открытым ртом. Впрочем, аллилуиа и хвалебным вам песням конца нет. Когда будет досуг, опишу вам, что и дорогою я встречал те же восклицания вам в похваление и добрым людям на услышание. Довольны ли вы?

Но вот и пятна на солнышке. Множество толков о том, что ваш характер совсем изменился, что у вас от величия голова завертелась, и вы уже никого не находите себе равного, и все человечество и подчиненных трактуете как тварь. Это хоть не прямо, а косвенно до меня доходило, но здесь бездна гостиных и кабинетов, где это хором повторяется. Я все-таки опираюсь на известную природную вашу порывчивость, ссылаюсь в том на стародавних ваших приятелей, которые всегда знали вас вспылчивым человеком. Et dans mon plaidoyer, je m'efforce à faire entendre, que grand comme vous êtes de pouvoir et de réputation, Vous êtes bien loin d'avoir adopté les vices d'un parvenu*.

Не сетуйте на это, почтеннейший мой благодетель. В особе самого государя я, благодаря бога, нашел такое не-

* И в своей защитительной речи я силюсь дать понять, что, возвеличившись во власти и в славе, вы очень далеки от того, чтобы усвоить себе пороки выскочки (фр.).

притворное, лестное расположение в вашу пользу, что с эту твердую опору вы еще далеко пойдете. В усердии вашем, в способностях, в благородстве души вашей он уверен, и просто он говорил мне об вас так умно, так живо и справедливо, как никто, даже с каким-то дружественным пристрастием. Заметьте, что его величеству известны все ваши недоразумения с Красовским¹, с Сипягиным и просто со всеми. К счастью, я нашел в особе моего государя такое быстрое понятие, кроме других качеств, что пол-слова достаточно в разговоре с ним, он уже наперед все постигает. Таким образом, я вполне мог и могу пользоваться получасом, который он не всякому уделить может. О перемене вашего характера тоже дело шло и о причинах этого. Я сказал, что ответственность ваша была чрезмерная, что вы находились в обстоятельствах самых затруднительных, обстоятельно изложил ваше положение после Ушаганского дела и как оно истинно происходило, это насчет Красовского, также о продовольствии и что, несмотря на все попечения Сипягина, вы по ту сторону гор рисковали остаться без куска хлеба. Но что ваши неудовольствия на Сипягина давно уже миновались. Enfin, ai-je ajouté, V. M. sait bien, qu'après la souveraineté il n'y a rien de tel, comme les devoirs d'un commandant en chef etc., etc.*. Всего не упишешь, но государь, отпуская меня, сказал, что он очень доволен, что побыл со мною наедине. Это на днях было. А я рад душевно, что, кроме правды, ничего лишнего у меня не вырвалось, в обыкновенном положении души это со мною иначе и быть не может. Но тут легко можно было завлечься, чтобы себя, либо свое дело, либо другого выставить в лучшем свете. Ей-богу! как вас любит царь ваш! Понимаю теперь, что вы должны каждое слово его принимать за Евангелие, особенно теперь, бывши осыпаны его милостями.

* Наконец, прибавил я, ваше величество хорошо знаете, что после верховной власти ничего нет более ответственного, как обязанности главнокомандующего (фр.).

Я еще буду писать вам. Теперь отрывают. Я все утро пробыл с Родофиником, а потом с Нессельродом. И Нессельрод хлопочет о перемене нравственной, которая с вами произошла. Намеднишь гр. Дибич говорил, что он точно таков же был, как вы, взявши на себя огромную обузу и в самых критических обстоятельствах.

Радуюсь, что кое-что успел сделать для Аббас-Кули и Шаумбурга. Меня опять турят в Персию, чуть было не послали с ратификациею, но я извинился физической немощию.

Сделайте одолжение, ваше сиятельство, дайте Льва и Солнца Чевкину, гр. Кушелеву и Бухгольцу. Вам это ничего не стоит, а они вам навек будут благодарны. Прикажите об этом Амбургеру.

Получу я на минуту заезжал к Сологубовым². Какая хорошенькая невеста у Обрескова! Чудо! Это гораздо важнее его лент и Амбасадорства³. Прощайте. Душевно вас обнимаю и с чувством полного уважения и преданности честь имею пребыть вашего сиятельства всепокорнейший слуга А. Грибоедов.

А.И. Одоевскому
(Черновое)

<Начало июня 1828>. Петербург.

Брат Александр. Подкрепи тебя бог. Я сюда прибыл на самое короткое время, прожил гораздо долее, чем полагал, но все-таки менее трех месяцев. Государь наградил меня щедро за мою службу. Бедный друг и брат! Зачем ты так несчастлив! Теперь ты бы порадовался, если бы видел меня гораздо в лучшем положении, нежели прежде, но я тебя знаю, ты не останешься равнодушным, при получении этих строк, и там вдали, в горе и в разлуке с ближними.

Осмелюсь ли предложить утешение в нынешней судьбе твоей! Но есть оно для людей с умом и чувством. И в

страдании заслуженном можно сделаться страдальцем почтенным. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимая от внешней. Утвердиться размышлением в правилах неизменных и сделаться в узах и в заточении лучшим, нежели на самой свободе. Вот подвиг, который тебе предстоит. Но кому я это говорю? Я оставил тебя прежде твоей экзальтации в 1825 году. Она была мгновенна, и ты, верно, теперь тот же мой кроткий, умный и прекрасный Александр, каким был в Стрельно и в Коломне в доме Погодина. Помнишь, мой друг, во время наводнения, как ты плыл и тонул, чтобы добраться до меня и меня спасти¹.

Кто тебя завлек в эту гибель!!* Ты был хотя моложе, но основательнее прочих. Не тебе бы к ним примешаться, а им у тебя ума и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе определила, довольно об этом.

Слышу, что снисхождением высшего начальства тебе и товарищам твоим дозволится читать книги. Сейчас еду покупать тебе всякой всячины, реестр приложуazole.

Ф.В. Булгарину

12 июня <1828>. Москва.

Любезнейший друг Фадей Венедиктович. Чем далее от Петербурга, тем более важности приобретает мое павлинское звание.¹ — Здесь я несколькими часами промедлил долее, чем рассчитывал. Но ты можешь посудить, до какой степени это извинительно в обществе с матерью и с миленькими полукузинками; *jolies comme des anges***, и этот дом родимый, в котором я вечно, как на станции!!! Проеду переночую, исчезну!!! *Une <...> existence****.

* Зачеркнуто: "В этот сумасбродный заговор! кто тебя погубил!!"

** хорошенькие как ангелы. — (фр.).

*** Проклятое существование (в подлиннике более резкое выражение). — (фр.).

Скажи Ордынскому², что я был здесь опечален чрезвычайно, именно на его счет. Похвиснев, которого я полагал сделать предстателем у Вельяминова за его братьев, умер. И жаль, собственно, за этого молодого человека и за братьев нашего приятеля. Но в Туле думаю найти истинного ко мне дружески расположенного Алексея Александровича, брата Вельяминова, а коли нет, то буду писать к нему.

Сходи к пикуло человеку³. Он у меня ускромил месяц жалования. Но со мною нет полномочия, письма государева к тому государю, к которому я еду. Подстрекни, чтобы скорее прислали, иначе как же я явлюсь к моему назначению. Я слишком облагодетельствован моим государем, чтобы осмелиться в чем-либо ему не усердствовать. Его именем мне объявлено, чтобы я скорее ехал, я уже на пути, но в том не моя вина коли не снабдили меня всем нужным для скорейшего исполнения высочайшей воли. Здесь я слышу стороною вещи от тудова, которые по-нуждают меня торопиться. Приторопи же и ты мое азиатское начальство, его превосходительство пикуло <...> дерукуло.

На первый случай пришли мне Иордена "Атлас всеобщий" и карту войны, непременно и скорее, а антиквитетами и отвлеченностями⁴ повремени. Новейшее сочинение о коммерции, о ведении консульских книг, двойную или десятичную бухгалтерию тоже пришли, и руководство мне и моему Амбургеру.

Вот, мой друг, письмо ко мне моей сестры.⁵ Рассуди, если можно, спишись с ней и помоги. Адрес ее: Марья Сергеевна Дурновой, Тульской губернии, в город Чернь. Но я совершенно оставляю это на твой произвол, как другу, обо мне искренно попечительному.

Скажи Александру Всеволодскому, что Одоевский требует от матушки уплаты долгу = 5 000 рублей. Может ли он уплатить ему за матушку (которой он сам должен тридцать четыре тысячи)? — Она совестлива, больна и безденежна, Александр меня любит и честен. Поговори ему, и понудь его непременно сделать мне приятное.

Прощай. Ты дал мне волю докучать тебе моими делами. Терпи и одолжай меня, это не первая твоя дружеская услуга тому, кто тебя ценить умеет.

Андрея⁶, нашего благородного, славного и почтенного малого, Андрея обними за меня. Звонят здесь без милосердия. Оглушили, коляска готова. Прощай на долгую разлуку. Леночке и Танте поклон.

Матушка посылает тебе мое свидетельство о дворянстве, узнай в герольдии наконец, какого цвету дурацкий мой герб, нарисуй и пришли мне со всеми онёрами.

Ф.В. Булгарину

27 июня 1828. Ставрополь.

Любезнейшая Пчела. Вчера я сюда прибыл с мухами, с жаром, с пылью. Пустил бы я на свое место какого-нибудь франта, охотника до почетных назначений, dandy петербургского Bonds-street — Невского проспекта, чтобы заставить его душою полюбить умеренность в желаниях и неизвестность.

Здесь меня задерживает приготовление конвоя. Как добрый патриот, радуюсь взятию Анапы¹. С этим известием был я встречен тотчас при въезде. Нельзя довольно за это благодарить бога тому, кто дорожит безопасностью здешнего края. В последнее время закубанцы сделались дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладели несколькими постами, сожгли Незлобную, обременили себя пленными и добычею. Наши, пошедшие к ним наперерез с 1000 конными и с 4 орудиями, по обыкновению, оттянули, не успели. Пехота* вздумала действовать отдельно, растянулась длиною цепью, тогда как донской полковник Родионов предлагал, соединившись, тот-

* 39-го Егерского полка майор Казачковский, который думал фрунтом ударить на черкесскую конницу и сам тяжело ранен. (Примеч. А.С. Грибоедова.)

час напасть на неприятеля, утомленного быстрым походом. Горцы расположены были табором в виду, но, заметив несовокупность наших движений, тотчас бросились в шашки, не дали ни разу выстрелить орудию, бывшему при пехотном отряде, взяли его и перерубили всех, которые при нем были, опрокинули его вверх колесами и поспешили против конного нашего отряда. Родионов удержал их четырьмя орудиями, потом хотел напасть на них со всеми казаками линейскими и донскими, но не был подкреплен, ударил на них только с горстью донцов своих и заплатил жизнью за великодушную смелость. Ему шашкою отхватили ногу, потом пулею прострелили шею, он свалился с лошади и был изрублен. Однако, отпор этот заставил закубанцев бежать от Горячих вод, которыми они угрожали нападением. Я знал лично Родионова, жаль его, отличный офицер, исполинского роста и храбрый. Тело его привезли на Воды. Посетители сложились, чтобы сделать ему приличные похороны, и провожали его, как изгавителя, до могилы.

Теперь, после падения Анапы, все переменялось, разбои и грабительства утихли, и тепловодцы, как их здесь называют, могут спокойно пить воду и чай. Генерал Эммануель отправился в Анапу, чтобы принять присягу от тамошних князей. На дороге с той стороны Кубани толпами к нему выходили навстречу все горские народы с покорностью и подданством.

Опять повторяю, что выгоды от взятия Анапы неисчислимы. Бесит меня только этот пехотный майор, который не соединился с Родионовым и [был] причиною его безвременной смерти. Он 20-й крымской дивизии. Нашего кавказского корпуса штаб-офицер никогда бы этой глупости не сделал. Впрочем, в семье не без урода. В 825 году я был свидетелем глупости Булгакова, который также пропустил закубанцев и к нам и от нас.

Прощай. Лошади готовы.

Коли к моему приезду гр. Эриванский возьмет Карс, то это не мало послужит в пользу моего посольства. Здесь

я уже к его услугам, все меня приветствуют с необычайною переменою его характера. Говорят, что он со всеми ласков, добр, внимателен, и бездну добра делает частного и общего. А у нас чиновники — народ добрый, собачья натура, все забыли прошедшее, полюбили его и стали перед ним на задние лапки. Но жребий людей всегда один и тот же. О дурном его нраве все прокричали в Петербурге и, верно, умолчат о перемене: потому что она в его пользу. Прощай еще раз, любезный друг. Пришли мне от Винтера стекла три, четыре, от карманных часов, которые я у него купил. Я забыл запастись ими, а стекло в дороге расшиблось, и я принужден руководствоваться светилками небесными.

<30 июня 1828. Владикавказ.>

Ура! Любезнейший друг. Мои желания и предчувствия сбылись. Карс взят штурмом². Читай реляцию и проповедай ее всенародно. Это столько чести приносит войску и генералу, что нельзя русскому сердцу не прыгать от радости. У нас здесь все от славы с ума сходят.

Верный друг твой

А. Г.

Порадуй от меня этим его превосходительство Константина Константиновича Родофиникина. Я оттого не доношу ему официально, что не имею места, где бы прислониться с пером и бумагой для чистописания, а служба требует наблюдения различных форм благоприличия, несовместных с дорожною ездою.

А.К. АМБУРГЕРУ
(Перевод с французского)

Тифлис. 18 июля 1828.

Любезный Амбургер. Я сам еще не знаю, какого рода служебные обязанности я на вас возложу: по всему, что я слышу, ваши дела идут как нельзя лучше, о чем я уже сообщу.

шил в министерство: “Боюсь безвременным предписанием помешать его действиям, по всем дошедшим до меня слухам, весьма успешным и соразмерным его испытанным способностям и усердию”¹. — Не найдя в канцелярии генерала² никаких предыдущих бумаг, касающихся наших последних сношений с Тавризом и Тегераном, я поспешил отправиться за ними в Карс. Но представьте мою неудачу. Мне доставили лошадей, которые не шли, что вынудило меня вернуться назад с третьей отсюда почтовой станции. И вот я вновь укладываю свои чемоданы, чтобы их навьючить на лошадей,— в ожидании верительных грамот, подписанных императором у Сатунова на Дунае, а также верительного письма для вас, которое было послано мне сюда. Я поручил теперь их перевести, и по приезде своем в Персию я отправлю ноту шахскому министерству о признании вас генеральным консулом на всем протяжении его государства. Жалованье ваше и вашего секретаря Иванова находится у меня. Что касается последнего, то убедите его от моего имени устроить так, чтобы вы были им довольны. Это для него единственный путь преуспевать по службе. Если я вам сейчас не посылаю денег, то это потому, что у меня нет никакой уверенности в том, что они безошибочно дойдут к вам.

Ахалкалаки, 25 июля.

Я приехал сюда после бесконечных объездов, ибо всякое сообщение с Карсом было прервано, и главнокомандующий в это время двинулся к Ахалкалакам, которые и взял приступом, форт Гартвис тоже был взят третьего дня. Мы захватили множество пушек, знамен и пленных. Я говорил с Мирзой-Джафаром, его полномочия подтверждены, но у него их недостаточно для того, чтобы принять ратифицированный договор с нашей стороны. И даже есть разница в редакции копии трактата, которой он снабжен. Но я посоветовал графу пренебречь этой стороной дела. Гораздо же более существенным является

ся то обстоятельство, что Аббасом-Мирзой не передано его делегату Мирзе-Джафару полномочий, равными которым снабжены наши уполномоченные. Я сам привезу наш ратифицированный трактат Аббасу-Мирзе. В ожидании этого его уполномоченный сообщил мне редакцию своей копии трактата.

Тифлис, 7 августа.

Вы не поверите, какая путаница вышла с моими делами. Я сижу здесь и ничего не делаю. Мои вещи, без которых я не могу обойтись в дороге, были направлены дурными распоряжениями комиссионеров в Астрахань; другие остались в Георгиевске, куда я уже послал летучку. Это прямо разорение, так как я плачу за все вдвое. Дружески поздравьте меня. Я жених, но вернусь за женой не ранее зимы. Если она вполнину любит меня, как я ее, то, конечно, она сделает меня счастливым. При свидании я расскажу вам, как все это произошло. Фелькерзам мне сообщил, что вы недовольны вашим назначением. Но почему же? Если это из-за маленького жалованья, то я уже поставил это на вид графу, и он все нам устроит. Я в этом деле исходил из соображения, что, составляя независимое от него ведомство, я все же должен обратиться к нему, потому что вы действовали под его управлением и он был временно вашим начальником. Если вы недовольны значением вашего места, то вы неправы, так как оно очень влиятельное, и вы, конечно, поймете, любезный друг, что не мне вас разочаровывать в недостатках службы, и это было бы неблагоприятно с моей стороны, на что, само собой разумеется, я не способен. Вы уже уверенный в делах *ipso facto*, и так будет всегда. Работайте и верьте, что я оценю это более, как если бы это касалось моей собственной репутации, которой я, впрочем, не придаю значения в дипломатии. Только случай заставил меня вступить на этот путь.

P.S. Напишите Абул-Гассан-хану или кому другому относительно вещей, которые скоро придут в Гилань.

П.Н. АХВЕРДОВОЙ
(Перевод с французского)

29 июля <1828>. Гумры.

Любезнейшая и дражайшая Прасковья Николаевна. Представьте себе мою досаду! Идем на Ахалкалаки, с Карсом сообщения больше нет, я следую за общим потоком, и в сотый раз уже, думаю, должен бросить весь свой багаж. Как все это затруднительно, сколько лишних расходов! И для чего вся эта гонка? Скажите Нине¹, что так не будет долго продолжаться; вскоре, самое большее через два года, я заживу отшельником в Циондалах². Курьер мой все не появляется, и где и когда он меня сыщет? Я укрылся в палатке, дует сильнейший ветер, всех нас, думаю, унесет. Мы с Мальцевым загнали нескольких лошадей, из тех, что я купил в Тифлисе. И зачем только мы так спешили! Добрейший друг мой!

П.Н. АХВЕРДОВОЙ
(Перевод с французского)

<Середина августа 1828.>

Любезный друг. Вы меня видели в начале моего припадка. Это был один из самых сильных и продолжался до сегодняшнего утра. Прибель дал мне лекарство, которое не подействовало. Так как невероятно, чтобы Нина¹ долго верила тому, что я ей наговорил относительно моего исчезновения, то прошу вас, скажите ей, что, конечно, мне было худо, но что теперь много лучше, хотя я не могу еще выйти из комнаты. И поцелуйте ее нежнее.

А.К. АМБУРГЕРУ
(Перевод с французского)

<Середина августа 1828. Тифлис.>

Из газет вы узнаете о наших победах. Теперь во власти государя почти все крепости на Дунае, и уже осаждена Варна. После взятия Анапы с этой стороны фронта граф взял штурмом Карс, Ахалкалаки и Гартвис, думаю, что и Ахалцых сдастся не позже четырех дней¹. Вам нет надобности усиленно это распространять среди персиян, так как слухи об этом давно уже до них дошли.

Моя инструкция по отношению к нашим соседям очень проста. У меня достаточно полномочий, чтобы быть полезным Аббасу-Мирзе в одном из важнейших обстоятельств его жизни². Я знаю от самого государя императора, что он склонился к этому из чистого великодушия; если же до сих пор ко мне плохо относились здесь, то причиной тому мое требование соблюдения трактата; в противном случае я возьму обратно свои верительные грамоты без шума и скандала, и им ничего более не останется, как свистеть. Вы видели, что последовало за отъездом Рибоьера из Константинополя. Император Николай обладает энергией, какой не имели его предшественники, и приятно быть министром государя, который умеет заставить уважать достоинство своих посланников.

Кстати, устройте так, мой друг, чтобы всюду меня принимали наиболее приличествующим мне образом. Мой чин невелик, но моему месту соответствует ранг тайного советника, фактически превосходительства. И потому по его сторону Кавказа везде меня принимали, как мне подобает: полицейские власти, исправники, окружные начальники и на каждую станцию высылался для меня многочисленный кавалерийский эскорт. У меня здесь есть почетный караул, наравне с Сипягиным, так же было и в лагере Паскевича; так как я здесь всем равен, то мне пишут не иначе как "отношениями", и нет у меня начальства, кро-

ме императора и вице-канцера³. Смею надеяться, что в Персии не менее, чем здесь, сделают все, что следует по характеру моих полномочий. Вы знаете, что на Востоке внешность делает все.

Я видел, и его жена приезжала познакомиться с моей хорошенькой невестой⁴.

До свидания. Весь ваш

А. Г.

У меня письмо Толстого, адресованное вам с деньгами на уплату за вашу коляску.

Бутурлин переложил на вас 200 червонцев, что он мне должен, но это глупости, я напишу ему, чтобы он мне сам их заплатил.

Перед моим отъездом из лагеря Паскевич послал самую лестную рекомендацию вице-канцлеру относительно вашей службы, я со своей стороны сделал то же. Надеюсь, что это будет иметь в виду впоследствии.

Я пошлю вам из Эривани еще одного курьера. Нельзя ли Аббас-Мирзу заставить заплатить скорее 8-й курур, он себе ужасно повредит, коли промешкает, и я ему не могу быть в спасение. Я нарочно остановлюсь в Эривани. А то он подумает, что, как новый приезжий от государя, я могу сделать ему уступку. Вообще представьте ему, что мне даже неприлично к нему прибыть, покуда не исполнена основная статья мира. Иначе мы возвратимся к прениям декарганским. Этот последний курур из наличных не то, что другая статья, как, например, размен пленных или имуществ переселенцев. Без этого все, что сделано, как будто не существовало, ни мира, ни ратификации, и прежняя уплата 7-го курура ни во что вменится. Вот слова императора, из депеши вице-канцлера от 19-го июня: "Коли будут персияне прибегать к новым изворотам, то оставить их, покуда военные обстоятельства позволяют мне опять к ним обратиться".

Ф.В. Булгарину

24 июля 1828.

Биваки при Казанче, на турецкой границе.

Любезный друг, пишу к тебе под открытым небом и благодарность водит моим пером, иначе никак бы не принялся за эту работу после трудного дневного перехода. Очень, очень знаю, как дела мои должны тебе докучать. Покупать, заказывать, отсылать!!!

Я тебя из Владикавказа уведомил о взятии Карса. С тех пор прибыл в Тифлис. Чума, которая начала свирепствовать в действующем отряде, задержала меня на месте; от Паскевича ни слова, и я пустился к нему наудачу. В душевной долине, где протекают Храм и Алгетла, лошади мои стали; далее, поднимаясь к Шулаверам, никак нельзя было понудить их идти в гору; я в реке ночевал; рассердясь, побросал экипажи, воротился в Тифлис, накупил себе верховых и вьючных лошадей, с тем, чтобы тотчас пуститься снова в путь, а с поста казачьего отправил депешу к графу, чтобы он мне дал способы к нему пробраться; уведомил его обо всем, о чем мне крайне нужно иметь от него сведения, если уже нельзя нам соединиться, и между тем просил его удержать до моего приезда Мирзу-Джафара, о котором я слышал, что к нему послан из Табриза. Это было 16-го. В этот день я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевои, второй том Леночки¹, все на нее глядел, задумался, сердце забилось, не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную, выходя из стола, я взял ее за руку и сказал ей: *Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire**. Она меня послушалась, как и всегда, верно, думала, что я ее усажу за фортепьяно, вышло не то, дом ее матери возле, мы туда уклонились, вошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыханье занялось, я не по-

* Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать вам. — (фр.).

мню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери Прасковье Николаевне Ахвердовой, нас благословили, я повис у нее на губах во всю ночь и весь день, отправил курьера к ее отцу в Эривань с письмами от нас обоих и от родных. Между тем выюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу, на вторую ночь я без памяти от всего, что со мною случилось, пустился опять в отряд, не оглядываясь назад. На дороге получил письмо летучее от Паскевича, которым он меня уведомляет, что намерен сделать движение под Ахалкалаки. На самой крутизне Безобдала гроза сильнейшая продержала нас всю ночь, мы промокли до костей. В Гумрах я нашел, что уже сообщение с главным отрядом прервано, граф оставил Карский пашалык и в тылу у него образовались толпы турецких партизанов, в самый день моего прихода была жаркая стычка у Басова Черноморского полка в горах за Арпачаем. Под Гумрами я наткнулся на отрядец из 2-х рот Козловского, 2-х 7-го Карабинерного и 100 человек выздоровевших, — все это назначено на усиление главного корпуса, но не знало, куда идти, я их тотчас взял всех под команду, 4-х проводников из татар, сам с ними и с казаками впереди, и вот уже второй день веду их под Ахалкалаки, всякую минуту ожидаем нападения, коли в целости доведу, дай бог. Мальцев в восхищении, воображает себе, что он воюет.

В Гумрах же нагнал меня ответ от князя Чавчавадзева отца, из Эривани, он благословляет меня и Нину и радуется нашей любви. — Хорошо ли я сделал? Спроси милую мою Варвару Семеновну и Андрея². Но не говори Родофиникину, он вообразит себе, что любовь заглушит во мне чувство других моих обязанностей. Вздор. Я буду вдвое старательнее, за себя и за нее.

Потружусь за царя, чтобы было чем детей кормить.

<Начало сентября 1828, Тифлис.>

Строфы XIII, XIV, XV.

Промежуток 1 1/2 месяца.³

Дорогой мой Фадей. Я по возвращении из действующего отряда сюда, в Тифлис, 6-го августа занемог жестокою лихорадкою. К 22-му получил облегчение, Нина не отходила от моей постели, и я на ней женился. Но в самый день свадьбы, под венцом уже, опять посетил меня пароксизм, и с тех пор нет отдыха, я так исхудал, пожелтел и ослабел, что, думаю, капли крови здоровой во мне не осталось.

Еще раз благодарю за все твои хлопоты. Не бойся, я не введу тебя в ответственность за мои долги. Вместе с сим, или вскоре после, ты получишь от дяди Мальцева 15 000 рублей и, следовательно, до 1-го января со всеми расквитаешься.

Изредка до меня доходит “Сын Отечества” и “Северный Архив”, “Северная Пчела” довольно регулярно. Но отчего же прочих журналов ты мне не присылаешь? А об иностранных и в помине нет. Сделай одолжение, позаботься об этом. Прощай. Прими поцелуй от меня и от жены.

Гр. К.В. Нессельроде. ДЕПЕША
(Перевод с французского)

20-го октября 1828 г.

Возврат моей тифлисской лихорадки помешал мне совершить путешествие с желаемой быстротой; я очень недавно добрался до Тавриза.

Полковник Ренненкамф, почти окончив съемку со стороны малого Арарата, осведомлялся у меня, когда придет Мирза-Масуд для окончания сообща дела разграничения. Я отправил из Нахичевани отношение к персид-

* В подлиннике проставлено две строчки точек.

скому комиссару; потом, встретив его при переправе через Араке, я лично просил его поспешить к месту назначения. Теперь я слышал, что оба комиссара пришли к соглашению и немедленно отправятся на пограничную линию в Талыш.

По ту сторону Аракса я был принят с большим почетом так же, как в Тавризе. Но всего более понравилась мне та добрая память, которую оставили наши войска в сельском народе. Войско михмандара, присланное ко мне от имени шаха, раздражало крестьян своими притеснениями и грубым обращением; бедные люди громко упрекали этих солдат в их несходстве с русскими, которые и справедливы, и ласковы, так что народ очень был бы рад их возвращению.

На другой день, 7-го сего месяца, Аббас-Мирза поспешил дать мне свидание. Он сдержал слово, данное им в письме из Хамадана, приехать в Тавриз, как скоро я туда буду. Болезнь моя была причиною, что он предупредил меня здесь несколькими днями. Он принял меня, так как и членов миссии, которых я ему представил; и вся беседа его состояла в уверениях преданности августейшей особе нашего государя, портрет которого украшал грудь его.

9-го числа я вручил ему ратификацию трактата, которую он принял стоя, окруженный всеми сановниками своего двора и при громе пушек; затем последовали те же уверения, что накануне, и еще с большею напыщенностью.

С тех пор нисколько не ослабло внимание принца ко мне; он рад бы видеть меня каждый день, и по несколько раз в день, если б болезнь не помешала мне следовать его частым приглашениям. Но, несмотря на всю эту предупредительность, как только речь заходит о делах, начинаются затруднения. Одно освобождение наших пленных подданных причиняет мне неизменные заботы; даже содействие правительства почти недостаточно для того, чтобы отнять их у их настоящих владельцев. Только случайным образом удастся мне открыть место их несправедливого заключения, и только тогда мое вмешательство имеет успех.

Уплата 8 курура еще очень далека от осуществления, и дело это представляет неразрешимые затруднения:

а) Правда, что 300 т. туманов уже выплачены нашим властям в Хое, за исключением около 2 т., но и эти не замедлят доставить.

б) Остальные 100 т. туманов, несмотря на положительные обещания, выраженные Макдональду, выплатить их, шах вовсе не ставит на счет и даже формально отказался от уплаты¹. Таким образом, поручительство английского посланника — одна мечта. Едва ли его правительство возьмет на себя эту уплату в угоду шаха. В таком случае, Макдональд, как честный человек, принужден будет своим состоянием покрыть сумму подписанного им векселя, который в моих руках. Вопрос в том: хватит ли на это его состояния?

в) У нас в залоге алмазы, обеспечивающие остальные 100 т. туманов.

Целые дни проходят в выслушивании самых нелепых предложений, все насчет этого дела, то самого шаха, то министров его, между тем как в моей власти только настаивать на одном и том же и отвергать одно за другим все предложения. Когда я сюда прибыл, то воспользовались моим званием полномочного министра, чтобы склонить меня к полной уступке 200 т. туманов по причине очень простой: что нет уже ни гроша лишнего. Я отвечал Аббас-Мирзе шутя, что я уполномочен вытребовать у него полную и немедленную уплату его долга без всякого права делать снисхождения. “Если вы так настаиваете на этом, — сказал он мне, — как же вы поступите с 9 и 10 курурами, которые обещали мне простить вполне, если я исполню прочие условия?” Но это обещание просто выдумка его, потому что главнокомандующий никогда не мнил его этим. Я ему отвечал, что не буду тревожить его по двум другим курурам, предоставляя себе требовать их от шаха, когда подойдет срок, и даже теперь я поступил бы не иначе, если бы находящаяся у нас в закладе провинция не была удельною землею его высочества, так что я поставлен в печальную необходимость докучать ему.

“Точно вы не знаете, — говорил он мне, — что шах и слышать не хочет об этих деньгах и что оба курура падут на мою ответственность”. Я возражал, что не обязан знать, какие у него домашние расчеты с отцом, что шах подписал и ратифицировал договор, а мое дело блюсти за исполнением его, и проч.

Впрочем, верно то, что страна до крайности обеднела и отягощена налогами; так что, когда подлежащий подать народ не мог уже ничего доставить сборщикам доходов, Аббас-Мирза отдал нам в заклад все свои драгоценности; его двор, его жены отдали даже бриллиантовые пуговицы со своих платьев. Словом, крайность выше всякого описания. Но как ответственность моя слишком велика, к тому же я узнал о существовании 31 т. туманов, недавно силою добытых в Мараге и у Шагагов; также о том, что золотые вещи, ценою в 15—20 т. туманов, находятся в закладе у английского посланника, так как он поручился за персидское правительство в его доме нашему, то по всему этому я объявил, что не приму никакого соглашения для сообщения его вашему сиятельству, покуда не будут доставлены в Хой еще 50 т. туманов, и прибавил, что, в случае упорного отказа, я уеду в Тегеран, оставив дела *statu quo*, т. е. за нами останутся полученные из Хойского комитета 300 т. туманов; область Хойская по-прежнему будет занята нашими войсками², а залогом будут служить алмазы в 130 т. туманов, хранящиеся в цитадели за печатями как русской, так и английской миссий.

Вот, ваше сиятельство, положение этого нескончаемого дела о деньгах. Мой категорический ответ произвел свое действие. 50 т. туманов золотом и серебром будут немедленно доставлены в Хой. Для пополнения суммы Аббас-Мирза велел расплавить в слитки превосходные золотые канделябры и разные вещи из гарема, одна работа которых стоит столько же, сколько самый металл; это распоряжение явно доказывает безденежье шаха. Кроме того, я настоял на выдаче одному из английских офицеров, а именно майору Гарту, документа, в силу которого он впра-

ве наложить контрибуцию на какой угодно азербейджанский округ, чтобы добыть остальные 50 т. туманов. Я полагаю, что это будет исполнено не сегодня, так завтра. Я не хотел употребить кого-либо из наших для этого дела, чтоб не возбудить ненависти в стране, в которой мы проживаем. Надо было выбрать между персиянином и англичанином, и, разумеется, выбор пал на последнего, так как ничто не побуждает меня доверять персиянину.

После уплаты 400 т. туманов мы оставим у себя в закладе алмазы за остающиеся 100 т. туманов, а Хой может быть очищен согласно с разрешением вашего сиятельства. Однако я замечу, что если и несправедливо удерживать двойной залог (провинцию и алмазы) без всякого о том договора, особенно за недоданную только пятую часть долга, то, с другой стороны, я не предвижу выкупа вещей Аббас-Мирзой, так как он положительно не имеет денег; разве мы согласимся вместо денег принять на ту же сумму хлопчатой бумаги, шелку и драгоценных вещей; и не то пусть интендантство Кавказского Отдельного корпуса вышлет сюда комиссионеров для закупки скота, лошадей, хлеба и пр. На последнюю меру его сиятельство главнокомандующий гр. Паскевич-Эриванский уже изволил однажды дать свое согласие, отчего я снова ее предлагаю; вместе с тем умоляю ваше сиятельство дозволить ее и нынче.

Извините, граф, что я так распространился об этом предмете; но я опасаюсь ответственности, в которую так легко попасть, когда дело идет о деньгах и когда нельзя ожидать ни откровенности, ни податливости от тех людей, с которыми мне приходится иметь дело. Примите и т. д.

К.В. Нессельроде
(Перевод с французского)

Господин граф,
осмеливаюсь беспокоить ваше сиятельство по поводу, который очень важен для меня и моих подчиненных. Мы

живем здесь в таких ужасных условиях, что все от этого болеет. Если вашему сиятельству было бы угодно разрешить мне взять некоторую сумму денег от персидского платежа, то я смог бы купить поблизости две или три хибарки, которые я бы переделал на европейский лад, пусть они не будут элегантными, но по крайней мере пригодными для жилья. Для этого мне потребны всего лишь 3000 туманов, а если сверх того я располагал бы еще 7000 туманов, то впоследствии я бы смог поступить таким же образом и в Тегеране.

Любой английский офицер живет в гораздо лучших условиях, чем я. Я уже издержал 900 дукатов на ремонт и меблировку комнат, которые я занимаю.

В случае, если получение наличных денег от персидского правительства представится слишком затруднительным, я с радостью соглашусь получить эквивалент указанной суммы строительными материалами и выставлю счет только за ремонтные работы и жалованье рабочим. Все это позволит достичь цели, то есть получить возможность жить в более или менее пристойных условиях.

Мой дом переполнен; кроме моих людей, в нем живут пленники, которых мне удалось отыскать, и их родственники, приехавшие за ними. Все они люди бедные, и у них нет другой возможности найти крышу над головой, кроме как в помещении миссии. До настоящего времени все мои люди, исключая меня и генерального консула, то есть секретари, переводчики и 10 казаков, которых я взял с собой, вынуждены квартировать в хибарах, из которых были выселены их владельцы, что, разумеется, не способствует поддержанию хорошего отношения к нам со стороны местных жителей. Однако во всем этом нельзя винить Аббаса-Мирзу, так как в его дворце царит полное запустение; жалость берет, когда видишь, в каких условиях живут его пять не то шесть сыновей, которых я недавно посетил.

Не смея больше задерживать вашего внимания на сем предмете, я буду ждать ответа, который соблагово-

лит дать ваше сиятельство. Осмелюсь лишь только обратить внимание на то, что от решения вашего сиятельства в значительной мере зависит здоровье всех членов миссии.

Господин граф,
примите уверения в глубочайшем и совершенном почтении и преданности. Вашего сиятельства нижайший и всепокорнейший слуга

Александр Грибоедов.

№ 86

Тавриз, 23 октября 1828.

П.М. Сахно-Устимовичу

Тавриз, 30 октября 1828 г.

Почтеннейший мой Петр Максимович. Ваше письмо меня чрезмерно порадовало, слава богу, хоть один из тех людей, которые мною искренно любимы и уважаемы, доволен своею судьбою. Но для этого мало стечения счастливых обстоятельств и даже истинных заслуг, надобно еще иметь характер сказать себе: вот это мне надобно, вот цель, дойду и успокоюсь. Судя по вашим словам, вы стали на эту точку и ничего более не хотите, а как я еще далек от конца моих желаний! Или лучше сказать, чего желаю! Nescio! Как тошно в этой Персии, с этими Джафарханами, или, как моя жена их называет, Чепарханы. — По ключкам выманиваю от них следующую нам уплату. Как у нас мало знают обращение в делах с этим народом! Родофиникин только что не плачет, зачем я до сих пор не в Тегеране. Напротив, я слишком рано сюда прибыл; по переписке из Тифлиса я бы лучше, скорее с ними кончил, уrojал бы им, даже разрывом; издали все страшнее. А теперь они меня почитают залогом будущей своей безопасности с нашей стороны. Гр. желал, чтобы нашим зимовать

в Хоях, и это завлекло меня в самое трудное положение — согласить наши денежные требования с дальнейшим удерживанием их провинции. Кажется, однако, что я довольно успешно в этом оборотился, и войска будут зимовать в Хоях, и деньги получим. Вы знаете, что по получении 400 т. мы должны выступать, а за остальные 100 т. удержим... [алмазы?] в залог. 50 т. сверх 300 я уже заставил послать в Хои, теперь насчет других 50 отдалил нарочно срок, т. е. через 20 дней от 26 октября. Это, по-видимому, величайшее снисхождение с моей стороны. Но с тем условием, что если сумма сия к означенному сроку не уплатится, то Хои не опорожняются. Вам слишком известна неустойка персидская, любезный друг, и вы можете наверно угадать, что они по крайней мере 10-тью днями позже выполнят свою обязанность, тогда мы будем иметь 400 т. чистыми деньгами и Хои все-таки не будут очищены по праву. Постарайтесь это объяснить Ф.С. Хомякову, я надеюсь, что он не обидится, зачем не ему пишу об этом, как бы и следовало, но ведь это все равно, коли я вас прошу ему показать.

Помилуйте, однако: какие вы все чудные, начиная с моего благодетеля графа¹. Никто мне не пишет о его награждении, о получении им Андреевской ленты, и если бы я не нашел этого ночью в каком-то лоскутке “Северной пчелы”, то так бы и осталось. Не хочу же ему более ни слова приписывать. А вот вы что сделайте, милый мой Петр Максимович, да непременно. Наденьте лучший мундир, облекитесь в ваши регалии и с торжественным видом принесите графу усерднейшее поздравление от лица всего персидского посольства, и жены моей включительно. Пожалуйста, сделайте.

Прощайте, любезнейший прежний сотрудник и сострадалец. Помните меня и пожалейте иногда о преданном сердечно вам

А. Грибоедов.

Ф.В. Булгарину

<Конец ноября 1828. Тавриз.>

Напечатай, любезный друг Фадей, это блестящее описание, которое очень удачно вылилось из-под пера товарища моей политической ссылки.¹

Дело в том, что нас, кроме праздников, здесь точно боятся и уважают. $\frac{4}{5}$ следующих нам денег взяли, редко пишется от меня требование здешнему правительству, чтобы не было исполнено. Теперь еду в Тегеран, куда и шах в скором времени возвращается. Коли все еще меня будут ругать приятели, *pos amis les ennemis*,* то объяви им, что я на них плюю². Ты в своих письмах крепко настаиваешь, чтобы я Аббас-Мирзу подвиг на войну против турков. Любезный друг, знаешь ли ты, имею ли я на то разрешение. Удивляюсь, что тот, кто лучше тебя это знает, говорит, что я мог бы это сделать. Коль служишь, то прежде всего следуй буквально ниспосылаемым свыше инструкциям, а если вместе с тем можно пожить и для газет, и то хорошо. Я, брат, из своей головы готов изобретать всякие наступательные планы, но не исполнять, покуда мне же, наоборот, не предпишут поступать так, а не иначе. Поцелуй Леночку и Танте³.

Верный твой

А. Грибоедов.

К.К. Родофиникину

<Начало декабря 1828. Тавриз.>

Милостивый государь

Константин Константинович,

отъезд мой в Тегеран был отсрочен по случаю отсутствия самого шаха из столицы. Теперь хочу прибыть туда несколькими днями прежде его. Но не думаю, что там будет

* наши друзья-враги. — (фр.).

обильное поприще для дипломатической деятельности: потому что он и его министерство спят во сладком успокоении и все дела с Россией, с Турцией и с Англией поручены Аббас-Мирзе.

Здесь все мое внимание было поглощено выручкой денег. 400 т. по условию уплачены, и о собирании 100 т. остальных хлопоты большие. Не знаю, удастся ли мне преклонить скупого Фетали-шаха к уплате этой суммы и к тому, чтобы он выручил сына из крайнего затруднения. Наследный принц беден до чрезвычайности. Впрочем, мы имеем для обеспечения драгоценные камни.

Другое обстоятельство так же не давало мне здесь покою ни днем, ни ночью, и эта чаша меня минует в Тегеране, отдаленном от места происшествий. По трактату, все перешедшие к нам из Азербейжана, ханы и простолюдины, в течение 5 лет пользуются доходами от своих имений, здесь ими оставленных, и имеют право продавать их. Вы можете себе представить, сколько ежедневных просьб я по сему предмету получаю, сколько упомянутых ходатайств, нот и переговоров. Одних выселенцев из армян к нам перешло до 8 т. семейств, и я теперь их общий стряпчий и должен иметь хождение по их делам, за их дома, сады, мельницы!! Многое мне уже удалось сделать и привести в исполнение. Но правительство здешнее всегда имеет способы воспретить под рукою покупку оставленных имений, и какие меры могу взять я против таких ухищрений! Я не для того распространяюсь о сем предмете, почтеннейший Константин Константинович, чтобы выказать перед вами многочисленность дел самых запутанных, от которых бы стал в пень человек гораздо меня опытнейший. Но прошу вашего совета и мнения вашего превосходительства, которое для меня необходимо. Вот что именно: могу ли я представить его сиятельству г. вице-канцлеру¹, по возвращении моем из Тегерана, когда те же случаи повторяются, и с большею еще запутанностью, чтобы он меня уполномочил на покупку всех таковых имений?? — Тогда правительство здешнее уведомилось бы, что

распоряжение сими имуществами отходит от него не на 5 лет, а навсегда, и разрешало бы своим подданным покупке оных. Разумеется, что я бы сделался владельцем всех кебелé (купчих) только pro forma и в отношении к настоящим хозяевам оставался бы тем же, чем и теперь, т. е. охранителем их достояния. Кажется, что я уже однажды писал вам об этом вскользь. Теперь прошу вашего ответа по сему обстоятельству, когда узнаете мнение графа Карла Васильевича. Если же вы полагаете, что такая мера противна духу трактата, то скажите ясно.

Еще одно дело, в котором прошу и ожидаю вашего действия. Хочет ли государь император или нет прибытия в С.-Петербург Аббас-Мирзы. Во всяком случае, надлежит его пригласить, на каковой предмет я ожидаю предписания от министерства. Явно не допускать его значит хотеть, чтобы он охолодел к нам совершенно. Но если желают от него избавиться, пускай все-таки вице-канцлер предпишет мне пригласить наследного принца. Я это разрешение продержу до удобного времени, когда усмотрю, что он по каким-либо обстоятельствам не может пуститься в путь, и тогда ошеломлю его самым дружественным приглашением о прибытии в С.-Петербург или в иное место, где государь будет находиться, и чтобы он сделал это в наискорейшем времени. Он смутится, отзовется невозможностью, а когда время пройдет и ему можно будет, тогда опять нам нельзя, по каким-нибудь самым благовидным причинам. Но раз пригласили, и он уже сам виноват, что не воспользовался. Впрочем, истинное мое мнение, несмотря на то, что доношу его сиятельству (там один тон, а в партикулярном письме другой): 1) допустить государю, чтобы Аббас-Мирза к нему прибыл. 2) Велеть ему драться с турками, коли война продолжится². 3) Обещать торжественно, что мы его возведем на престол, ибо это нам ничего не стоит, упражнение войску в мирное время, на чужом содержании, а власть наша в сем государстве Азии сделалась преобладающею пред влиянием всякой другой державы.

Прибавлю к этому, что Аббас-Мирза такого нерешительного и изменчивого свойства, что теперь он страшно желает ехать, а через два месяца бог знает что на него подействует.

Прощайте, ваше превосходительство. Кабы вы были на моем месте, вы бы здесь много наделали. Нас боятся и уважают. Только поддержите меня. Если же пренебрежете мною, как блаженной памяти Мазаровичем, то мое пребывание в Персии сделается бесполезным.

С искренним почтением и неограниченной преданностью

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

Тавриз, декабря 1828.

В.С. МИКЛАШЕВИЧ

<17 сентября – 3 декабря 1828.>

17 сентября 1828. Эчмиадзин.

Друг мой, Варвара Семеновна. Жена моя, по обыкновению, смотрит мне в глаза, мешает писать, знает, что пишу к женщине, и ревнует. — Не пеняйте же на долгое мое молчание, милый друг; видите ли, в какую для меня необыкновенную эпоху я его прерываю. Женат, путешествую с огромным караваном, 110 лошадей и мулов, ночуем под шатрами на высотах гор, где холод зимний, Нинуша моя не жалуется, всем довольна, игрива, весела; для переменны бывают нам блестящие встречи, конница во весь опор несется, пылит, спешивается и поздравляет нас с счастливым прибытием туда, где бы вовсе быть не хотелось. Нынче нас принял весь клир монастырский в Эчмиадзине, с крестами, иконами, хоругвями, пением, курением etc.; и здесь, под сводами этой древней обители, первое мое помышление об вас и об Андрее¹. Помиритеесь с моею ленью.

“Как это все случилось! Где я, что и с кем!! будем век жить, не умрем никогда”. Слышите? Это жена мне сейчас сказала ни к чему — доказательство, что ей шестнадцатый год. Но мне простительно ли, после стольких опытов, стольких размышлений, вновь бросаться в новую жизнь, предаваться на произвол случайностей, и все далее от успокоения души и рассудка. А независимость! которой я такой был страстный любитель, исчезла, может быть навсегда, и как ни мило и утешительно делить все с прекрасным, воздушным созданием, но это теперь так светло и отрадно, а впереди как темно! неопределенно!! Всегда ли так будет!! Бросьте вашего Трапёра² и Куперову “Prairie”, мой роман живой у вас перед глазами и во сто крат занимательнее; главное в нем лицо — друг ваш, неизменный в своих чувствах, но в быту, в роде жизни, в различных похождениях не похожий на себя прежнего, на прошлогоднего, на вчерашнего даже; с каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чем не думал, не гадал.

3 декабря <1828>. Тавриз.

Как я себя виню, что не послал вам написанных этих строчек три месяца назад. Вы бы не сердились на меня, а теперь, верно, разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться; Андрей, ты помоги мне умиловить нашего общего друга. Хорошо, что вы меня насквозь знаете и не много надобно слов, чтобы согреть в вас опять те же чувства, ту же любовь, которую от вас, моих милых нежных друзей, я испытал в течение стольких лет, и как нежно и бескорыстно!

Верно, сами догадаетесь, неоцененная Варвара Семеновна, что я пишу к вам не в обыкновенном положении души. Слезы градом льются.

Неужли я для того рожден, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность (и мнимую притом), за невнимание, эгоизм от тех, за которых бы охотно жизнь отдал. — Александр наш³ что должен обо мне думать! И это кроткое, тихое создание, которое теперь отдалось мне на всю мою волю, без ропота разделяет мою ссылку и стра-

дает самую мучительною беременностью, кто знает: может быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по так называемым делам, на короткое время, но после время продлится, обстоятельства завлекут, забудусь, не стану писать, что проку, что чувства мои во мне неизменны, когда видимые поступки тому противоречат. Кто поверит!!! Александр мне в эту минуту душу раздирает. Сейчас пишу к Паскевичу; коли он и теперь ему не поможет, провались все его отличия, слава и гром побед, все это не стоит избавления от гибели одного несчастного, и кого!!! Боже мой! пути Твои неисследимы!

Сказать ли вам теперь о моем быту? Не занимательно ни для кого, — я только чрезвычайно занят. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки с турками. Внимаю контрибуцию, довольно успешно. Друзей не имею никого и не хочу, должны прежде всего бояться России и исполнять то, что велит государь Николай Павлович, и я уверяю вас, что в этом поступаю лучше, чем те, которые затеяли бы действовать мягко и втираться в персидскую будущую дружбу. Всем я грозен кажусь, и меня прозвали с а х т и р, *soeur dur**4. К нам перешло до 8 т. армянских семейств, и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя, однако охраняю их достояние и даже доходы; все кое-как делается по моему слову. Наконец, после тревожного дня, вечером уединяюсь в свой гарем; там у меня и сестра и жена и дочь, все в одном милом личике; рассказываю, натверживаю ей о тех, кого она еще не знает и должна со временем страстно полюбить; вы понимаете, что в наших разговорах имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? В *Malmaison*, в Эрмитаже, тотчас при входе, направо, есть богородица в виде пастушки *Murillo*, — вот она. Прощайте, неоцененный друг мой, Варвара Семеновна! Не сердитесь, не разлюбите верною вам — А. Г.

* жестокое сердце (*фр.*).

Отзовитесь словечком. Андрей, обними Чебышева за меня, коли он не в Америке. Друг и брат, напиши ко мне поскорее.

И.Ф. ПАСКЕВИЧУ

<3 декабря 1828. Тавриз.>

Почтеннейший мой покровитель
граф Иван Федорович.

Как вы могли хотя одну минуту подумать, что я упускаю из виду мою должность и не даю вам знать о моих действиях. Замедление могло только произойти от продолжительных и бесконечных моих переговоров или от курьеров, которых, вероятно, задерживают в карантинах. Я всякую мелочь касательно моих дел довожу до вашего сведения, и по очень простой причине, что у меня нет других дел, кроме тех, которые до вас касаются. Для большего вашего удовлетворения пересылаю вам мою депешу к Нессельроде под открытою печатью, и всегда буду это делать, кроме таких случаев, которые ни под каким видом уже не могут для вас быть занимательны. Например: о переводчиках, и канцелярских издержках, о подарках, о суммах на постройку квартир и всякий вздор; до сих пор я только об этом писал мимо вас, потому что это касается департамента азиатских дел, и слава богу, что эта чаша вас миновала, у вас довольно таковой дряги в нашей канцелярии.

Что вы думаете о наших европейских делах? Я не совсем разделяю вашей мысли, чтобы англичане вздумали нам открыто враждовать. У них своих домашних запутанностей много. Глупый министр *Wellington*, долг необъятный, Ирландия и Португалия в виду. Одно только меня смущает, читанное мною в "*Courcier*", который, как вам известно, журнал министерский, где именно сказано, что Россия отказалась от трактата трех держав и преследует собственно свои завоевательные виды. Коли зимою

не будет мира¹, то я полагаю, что Австрия выставит на границе огромную военную силу и принудит нас сделать то же в отношении к ней. Но хотя это и введет нас в излишние издержки, но тем всё и кончится.

Вот вам депеша Булгарина об вас, можете себе представить, как это радуется:

“Граф Паскевич-Эриванский вознесся на высочайшую степень любви народной. Можно ныне смело сказать, что он, победив турок, победил и своих завистников. Общий голос в его пользу. Генералитет высший, генерал-адъютанты, офицеры, дворянство, чиновники, литераторы, купцы, солдаты и простой народ повторяют хором одно и то же: “молодец, хват Эриванский! Вот русский генерал! Это суворовские замашки! Воскрес Суворов! Дай ему армию, то, верно, взял бы Царьград!” и т. п.

Повсюду пьют за здоровье Эриванского: портреты его у всех. Я еще не помню, чтобы который-нибудь из русских генералов дожил до такой славы. Энтузиазм к нему простирается до невероятной степени. В столице против него нет ни одного голоса. Даже реляции его ужасно как нравятся: они хотя и грешат иногда против грамматики, но идут прямо к сердцу. Рассказ понятный, живой, с душой, с чувством.

Недавно на молебствии за его победы один генерал сказал за новость, что Эриванскому дал и Андрея². — Он взял Андрея, возразил некто, и все повторили: по-суворовски. Одним словом, герой нынешней войны, наш Ахилл-Паскевич-Эриванский. Честь ему и слава! Вот уже с 1827 он гремит победами³.

А я прибавлю — с 1826. Впрочем, посылаю вам листочек в оригинале. Я для того списал, что рука его нечеткая. Тут же, коли полюбопытствуете, найдете много вредных толков на мой счет г. Родофиникина, моего почтенного начальника, на которого я плюю. Свинья и только.

Расшевелите наше сонное министерство иностранных и престранных дел. Напишите, ваше сиятельство, прямо к государю ваше мнение насчет Аббас-Мирзы, что хорошо бы его вооружить против турков. Я без особого подтверждения начальства не могу на себя это взять. В 1821 году я это очень успешно произвел в действие и получил головомойку от Нессельроде, хотя Ермолов вполне одобрил меня. Так и теперь может случиться. Вы похвалите, а черти меня расклюют.

Да и Аббас-Мирза мне не поверит, покуда я не объявлю ему категорически воли государя императора. Как вы думаете о поездке моего принца⁴ в Петербург? Я в моей депеше к Нессельроде пишу несколько в духе нашего министерства⁵. Но вот мое истинное мнение:

1) Допустить его [к] государю императору в Петербург.

2) Велеть ему драться с турками.

3) Обещать торжественно, что мы возведем его на престол, ибо это нам ничего не стоит, упражнение войску в мирное время, издержки пусть его будут, а влияние наше к Азии сделается преобладающим, пред всякою другою державою.

4) Куруров не уступать ни под каким видом⁶.

Слава богу (не приписываю моему умению, но страху, который нагнали на всех успехи нашего оружия), я поставил себя здесь на такую ногу, что меня боятся и уважают. Дружбы ни с кем не имею и не хочу ее, уважение к России и к ее требованиям, вот мне что нужно. Собственные Аббас-Мирзы подданные и окружающие ищут моего покровительства, воображая себе, что коли я ему что велю, то он непременно должен сделать. Это хотя и не совсем так, потому что он старый плут, многое обещает, а мало исполняет; но пускай думают более о моем влиянии, чем есть на деле. Теперь стоит только министерству меня поддержать, а если иначе, si on me donne des dégoûts, adieu l'ambition et tout за qui s'en suit, cela n'est pas ma passion dominante. Zinondali et la Kakhetie valent encore mieux, quoique je n'ai

rien au monde qu'une perspective d'avancement et une modique pension qui m'en reviendrait avec le temps*.

Кому от чужих, а мне от своих, представьте себе, что я вместо поздравления получил от матушки самое язвительное письмо. Только, пожалуйста, неоцененный благодетель, держите это про себя и не доверяйте даже никому в вашем семействе. Мне нужно было вам это сказать, сердцу легче.

Поздравляю вас с полком вашего имени⁸. Кажется, что вы должны быть довольны этим живым монументом.

Засим следует три просьбы: 1) Осмеливаюсь вашему сиятельству напомнить о моей бумаге № 44 сентября 8-го о моем переводчике Шах-Назарове⁹. 2) При мне находится для рассылки и для разных поручений дворянин Саломон Кабулов, которого я с собою взял по предварительному сношению с Сипягиным. Не знаю, как и когда доносил вам об этом покойный военный губернатор¹⁰, сделайте мне одолжение причислить его куда-нибудь, и чтобы он считался в откомандировке при мне. Аттестаты его посылаю к Устимовичу. 3) Примите в ваше покровительство надворного советника Челяева, который некогда был прокурором в Тифлисе, потом при Сипягине. Он меня об этом не просит, но еще в бытность мою в Тифлисе он очень желал быть лично известным вашему сиятельству¹¹. Все его знают за самого благонамеренного и расторопного человека, сведущего в законах, и, наконец, грузина, каких я мало встречал, с европейским образованием и нравственностью. Притом простите слабости человеческой. Нина тоже обращается к вам с просьбою об нем и, не смея прямо это сделать, стоит возле меня и заставляет меня всеусердно о том при вас стараться. Мне самому смешно, когда вспомню свой собственный стих из "Торя от ума":

* если мне доставят неприятности, прощай честолюбие и все, что с ним связано, ведь это не главная моя страсть. Цинандали и Кахетия⁷ большего стоят, хотя у меня ничего нет, кроме надежд на повышение и на скромную пенсию, которую я со временем мог бы получить (фр.).

Как станешь представлять к крестичку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку.

Вчера давал мне вечер с штуками и беглербек¹², где провозглашали славу вашу во все четыре угла обеденной комнаты. Мать его говорит, что каждый день в молитвах своих вас поминает, для того, что такой великий человек почтил в ней вдову гиланского Гедаст-хана. Вот что значит подарить 5 т. червонцев.

Работа орденов остановилась, потому что золотых дел мастера все к нам перешли в Урдабад. Я уже писал к генералу Мерлини, чтобы на время выслать сюда двоих, уведомляя его, что вместе с тем доношу вашему сиятельству. Оконченная для вас звезда очень великолепна, и пошлетя с тем вместе особый чиновник в Тифлис при фирмане шаха и с поздравлением по случаю побед ваших.

Прилагаю здесь несколько строк для тифлисских газет, коли вы одобрите.

Прощайте, ваше сиятельство, расцелуйте вашу жену и детей милых, жаль, что они мало меня знают, Остаюсь вам по гроб преданный

А. Грибоедов.

Я, право, не знаю, как мне быть с моим жалованием, не для собственных издержек, а для экстраординарных по службе. Теперь дышу только двумя тысячами маكدональдовских, которые вы мне дали в Ахалкалаках, и из них уже тысяча прожита, а своих ни копейки!!

Главное

Благодетель мой бесценный. Теперь без дальних предисловий, просто бросаюсь к вам в ноги, и если бы с вами был вместе, сделал бы это, и осыпал бы руки ваши слезами. Вспомните о ночи в Тюркменчае перед моим отъездом. Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского. Вспомните, на какую высокую степень поставил вас господь бог. Конечно, вы это заслужили, но кто вам дал способы для таких заслуг? Тот самый, для которого избав-

ление одного несчастного от гибели гораздо важнее грома побед, штурмов и всей нашей человеческой тревоги. Дочь ваша едва вышла из колыбели, уже государь почтил ее самым внимательным отличием, Федю тоже, того гляди, сделают камер-юнкером. Может ли вам государь отказать в помиловании двоюродного брата вашей жены, когда двадцатилетний преступник уже довольно понес страданий за свою вину, вам близкий родственник, а вы первая нынче опора царя и отечества. Сделайте это добро единственное, и оно вам зачтется у бога неизгладимыми чертами небесной его милости и покрова. У его престола нет Дибичей и Чернышевых, которые бы могли затмить цену высокого, христианского, благочестивого подвига. Я видал, как вы усердно богу молитесь, тысячу раз видал, как вы добро делаете. Граф Иван Федорович, не пренебрегите этими строками. Спасите страдальца¹³.

Н.А. ГРИБОЕДОВОЙ

9-е письмо.

Сочельник. 24 декабря 1828. Казбин.

Душенька. Завтра мы отправляемся в Тейран, до которого отсюда четыре дни езды. Вчера я к тебе писал с нашим одним подданным, но потом расчел, что он не доедет до тебя прежде двенадцати дней, также к тебе Macdonald, вы вместе получите мои конверты. Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя — и тоска исчезала, теперь, чем далее от тебя, тем хуже. Потерпим еще несколько, ангел мой, и будем молиться богу, чтобы нам после того никогда более не разлучаться.

Пленные здесь меня с ума свели. Одних не выдают, другие сами не хотят возвратиться. Для них я здесь даром прожил, и совершенно даром.

Дом у нас великолепный и холодный, каминов нет, и от мангалов у наших у всех головы переболели.

Вчера меня угощал здешний визир, Мирза Неби, брат его женился на дочери здешнего Шахзады, и свадебный пир продолжается четырнадцать дней, на огромном дворе несколько комнат, в которых угощение, лакомства, ужин, весь двор покрыт обширнейшим полотняным навесом вроде палатки и богато освещен, в середине театр, разные представления, как те, которые мы с тобою видели в Табризе, кругом гостей человек до пятисот, сам молодой ко мне являлся в богатом убранстве. Однако, душка, свадьба наша была веселее, хотя ты не шахзадинская дочь, и я не знатный человек. Помнишь, друг мой неоцененный, как я за тебя сватался, без посредников, тут не было третьего. Помнишь, как я тебя в первый раз поцеловал, скоро и искренно мы с тобою сошлись, и навеки. Помнишь первый вечер, как маменька твоя и бабушка и Прасковья Николаевна сидели на крыльце, а мы с тобою в глубине окошка, как я тебя прижимал, а ты, душка, раскраснелась, я учил тебя как надобно целоваться крепче и крепче. А как я потом воротился из лагеря, заболел и ты у меня бывала. Душка!..

Когда я к тебе ворочусь! Знаешь, как мне за тебя страшно, все мне кажется, что опять с тобою то же случится, как за две недели перед моим отъездом. Только и надежды, что на Дереджану, она чутко спит по ночам и от тебя не будет отходить. Поцелуй ее, душка, и Филиппу и Захарию скажи, что я их по твоему письму благодарю. Коли ты будешь ими довольна, то я буду уметь и их сделать довольными.

Давеча я осматривал здешний город, богатые мечети, базар, караван-сарай, но всё в развалинах, как вообще здешнее государство. На будущий год, вероятно, мы эти места вместе будем проезжать, и тогда все мне покажется в лучшем виде.

Прощай, Ниночка, ангельчик мой. Теперь 9 часов вечера, ты, верно, спать ложишься, а у меня уже пятая ночь,

как вовсе бессонница. Доктор говорит — от кофею. А я думаю — совсем от другой причины. Двор, в котором свадьбу справляют, недалек от моей спальни, поют, шумят, и мне не только не противно, а даже кстати, по крайней мере не чувствую себя совсем одиноким. Прощай, бесценный друг мой, еще раз, поклонись Агалобеку, Монтису и прочим. Целую тебя в губки, в грудь, ручки, ножки и всю тебя от головы до ног. Грустно.

Весь твой

А. Гр.

Поклонись Ваценке, я к нему вчера писал, приехал ли Андрей Карлович, *dis-lui que je lui en veux un peu, c'est à dire amicalement, il est resté trop longtemps dehors, et cela dans un temps où sa présence à Tauris est de la plus grande urgence**. Впрочем, *je lui en veux*, покуда его нет, а коли воротился, так и дело в шляпе. Завтра Рождество, поздравляю тебя, миленькая моя, душка. Я виноват (сам виноват и телом), что ты большой этот праздник проводишь так скучно, в Тифлисе ты бы веселилась. Прощай, мои все тебе кланяются.

Коли будешь иметь оказию к папеньке и в Тифлис к бабушке и маменьке, пошли им всем поклон от меня, и Катиньке и Давыдчику, я скоро сам буду ко всем писать.

Дж. Макдональду

<Около 24 января 1829.>

Мой дорогой господин Макдональд, прежде всего прошу вас передать г-же Макдональд, до какой степени я обязан ей за ее доброе и милое отношение к моей жене. — С тех пор, как мне стало известно, что они часто видятся, я совершенно успокоился, да и письма моей

* скажи ему, что я на него немного сердит, т. е. по-дружески: он слишком долго отсутствовал, — и в такое время, когда его присутствие в Тавризе крайне важно (*фр.*).

жены свидетельствуют, что она все сильнее привязывается к этому столь же просвещенному, сколь и снисходительному другу, ибо Нина, а точнее, ее возраст и незнание света нуждается в большой снисходительности.

Я получил только что донесение от гр. Паскевича, в котором он известил меня о том, что император наградил Кемпбелла орденом св. Анны 2-го класса, как и всех других членов английской миссии, и удивлен, что мне это неизвестно; кроме того, он пишет мне, что снова просил министерство ходатайствовать от имени нашего правительства перед его величеством королем Англии об утверждении награды, которой вас удостоил государь император. Со своей стороны, я писал об этом дважды и полагаю, что результат последует незамедлительно.

Не сообщите ли вы мне рекомендации гр. Нессельроде относительно сэра Г. Уиллока¹. Он пишет, что мне следует установить с ним столь же добрые отношения, как с его предшественником полковником Макдональдом, то есть с вами, о котором он отозвался с похвалой, напоминающей панегирик человеку, которого нет в живых. То ли его ввел в заблуждение ложный слух, то ли какие-то перемены в вашей судьбе, о которых мы узнаем позднее; но меня это сильно занимает. — Напишите, что вам об этом известно. Вице-канцлер сообщает мне подробности относительно лорда Хейтсбери, который уже удостоился милостивого внимания его величества государя императора; он добавляет также, что Англия пытается выступить посредником, дабы восстановить мир между двумя державами, находящимися в состоянии войны², подобно тому как она действовала во время нашей войны с Персией, и что никогда у нас не было с Великобританией более искренних и дружественных отношений. — Вы можете себе представить, как это меня радует, ибо если я лично и не был до сих пор близко знаком с большим числом ваших соотечественников, то я принадлежу к тем, кто почитает вашу нацию превыше всего.

Поскольку вы всегда проявляли ко мне интерес, мой дорогой полковник, я расскажу вам в нескольких словах о

моем путешествии и прибытии сюда. Прежде всего был нестерпимый холод, я скакал то галопом, то рысью, то во весь опор от одной станции к другой, мой мехмандар Мехмет-Хан-Афсхар дружески заметил мне, что это не принято в Иране, где послу великого монарха надлежит сохранять важность и степенность, даже если он умирает от холода. Здесь мне устроили великолепный истинбаль³. На другой день мне нанес визит Абул-Хассан-хан со всякого рода хержератом⁴ от имени шаха. — На третий день монарх дал нам торжественную и пышную аудиенцию, впрочем, мне нет надобности вам об этом писать, ибо вы были участником всех этих представлений раньше меня. — На следующий день после приема при дворе я начал наносить ответные визиты, и это еще продолжается, притом что погода стоит ужасная, снег идет каждый божий день, а на улицах омерзительно грязно. — Сегодня я получил от имени его величества список лиц, которые должны пригласить меня на обед, что в пять раз больше того, что мне нужно для хорошего пищеварения. — Во всяком случае, я весьма доволен таким отношением к себе.

Через неделю я рассчитываю покинуть столицу, ничего из своих вещей мне до весны получить не удастся, ибо Гилянская дорога непроходима. Так же обстоит дело с дарами⁵ — я оставляю здесь Мальцева и Мирзу-Неримана.

Передайте еще раз мой почтительный поклон г-же Макдональд и сердечный привет Кормаку. Я немного недоволен Монтейтом за его — совместно с Кастелла — направленный против меня проект⁶, найденный в бумагах покойного, о чем я недавно получил донесение, все это я изложу ему по возвращении в Тавриз.

Соблаговолите принять уверение в моем уважении и преданности и т. д., и т. д.

А. Грибоедов.

КОММЕНТАРИИ

Настоящее издание включает в себя все художественные (дошедшие до нас) произведения Грибоедова (в том числе наброски и планы их), его публицистику, путевые дневники и все его письма, известные к настоящему времени; в особый раздел вошли произведения, грибоедовское авторство которых весьма вероятно. Таким образом, за пределами издания остались только маргиналии и заметки Грибоедова по поводу прочитанных книг и его деловые бумаги и записки. Тексты всех произведений проверены по автографам, авторитетным спискам, а в случае их отсутствия или недоступности — по первым публикациям. Орфография и пунктуация грибоедовских сочинений приведены в соответствие с современными нормами, при сохранении отчасти авторского своеобразия, когда оно отражает особенности произношения.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР* – Архив внешней политики России.
- ПСС* – Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова. Под редакцией и с примечаниями Н.К. Пиксанова, т. 1–3. СПб.–Пг., 1911–1917. Академическая библиотека русских писателей, вып. 9.
- АКАК* – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. 7. Тифлис, 1878.
- Воспоминания* – А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.
- ГБЛ* – Рукописный отдел Государственной библиотеки имени В.И. Ленина.
- ГИМ* – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- ГПБ* – Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина.
- КС* – Кавказский сборник, т. 30. Тифлис, 1910.
- ЛН* – Литературное наследство.
- ЛГТБ* – Ленинградская государственная театральная библиотека.
- ОЛРС* – Общество любителей российской словесности.
- ПД* – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
- Письма к Бегичеву* – Письма Карамзина к А.Ф. Малиновскому и письма Грибоедова к С.Н. Бегичеву. Издание ОЛРС при имп. Московском университете. М., 1860.
- Попова* – П о п о в а О.И. А.С. Грибоедов в Персии. 1818–1823. М., 1932.
- РА* – Журнал “Русский архив”.
- РЛ* – Журнал “Русская литература”.
- РС* – Журнал “Русская старина”.
- ЦГАЛИ* – Центральный Государственный архив литературы и искусства.
- ЦГАОР* – Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства.
- ЦГИА Армянской ССР* – Центральный государственный исторический архив Армянской ССР.
- ЦГИА Грузинской ССР* – Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.
- ГЦТМ* – Государственный Центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина.

Черновая тетрадь – Смирнов Д. Черновая тетрадь Грибоедова. – Русское слово, 1859, № 4, 5.

Шляпкин – Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова. Под редакцией И.А. Шляпкина, т. 1–2. СПб., 1889.

Шостакович – Ш о с т а к о в и ч С.В. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. М., 1960.

КОМЕДИИ. ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ

ГОРЕ ОТ УМА

ПСС, т. 2. 7–10 явления первого действия и третье действие комедии – в альм. “Русская Талия” (СПб., 1825); первое издание – М., 1833, второе – СПб., 1839 (в обоих случаях с большими цензурными искажениями и пропусками).

Существует несколько легендарных свидетельств мемуаристов о раннем замысле комедии: университетского товарища драматурга, В.В. Шнейдера, который якобы слышал еще в начале 1812 года чтение “начатков “Горя от ума” (см.: *Воспоминания*, с. 338), кавказского попутчика 1819 года Д.О. Бебутова (“Он мне читал много своих стихов, в том числе, между прочим, и из “Горя от ума”, которое тогда еще у него было в проекте” – см.: там же, с. 343), а также С.Н. Бегичева: “...известно мне, что план этой комедии был у него сделан в Петербурге 1816 года и даже написаны были несколько сцен; но, не знаю, в Персии или в Грузии, Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторые действующие лица, а между прочим, жену Фамусова, сантиментальную модницу и аристократку московскую (тогда еще поддельная чувствительность была несколько в ходу у московских дам), и вместе с этим выкинуты и написанные уже сцены” (там же, с. 26). Два первых свидетельства можно отнести за счет обычных ошибок мемуаристов, “запоминающих” в кратковременном и случайном своем общении со знаменитым современником именно то, что принесло ему общеизвестную славу. Что же касается хорошо осведомленного С.Н. Бегичева, то, судя по его высказыванию, он принимал за план “Горя от ума” какое-то другое произведение писателя, возможно, замысел, вылившийся в ближайшее время в комедию “Студент” (см с. 197 наст. изд.). Во всяком случае, все эти свидетельства противоречат собственному признанию Грибоедова: “Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во

мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его” (см. с. 482 наст. изд.). Следовательно, первоначальный замысел, приведший к “Горю от ума”, вовсе не был комедийным. Житейским зерном такого замысла могло быть впечатление от посещения Москвы в 1818 году, о чем Грибоедов писал Бегичеву 18 сентября (см. с. 570–572 наст. изд.). “Будучи в Персии в 1820 году, — вспоминал Булгарин со слов драматурга, — Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что осталось в нем милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план “Горя от ума” и сочиняет несколько сцен первого акта” (*Воспоминания*, с. 342). Это свидетельство подтверждается и уточняется письмом к неизвестной, написанным им в Тавризе 17 ноября 1820 года (см. с. 599 наст. изд.). Первые два действия комедии были написаны им в Тифлисе, куда он попадает в конце 1821 года. Кюхельбекер, в то время бывший там же, вспоминал: “Грибоедов писал “Горе от ума” почти при мне, по крайней мере мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано” (*Воспоминания*, с. 401). О первом впечатлении от комедии при московской встрече с другом (март 1823 г.) позже рассказывал С.Н. Бегичев: “Из комедии его “Горе от ума” написаны были только два действия. Он прочел мне их, на первый акт я сделал ему некоторые замечания, он спорил, и даже показалось мне, что принял это нехорошо. На другой день приехал я к нему рано и застал его только что вставшим с постели: он не одетый сидел против растопленной печи и бросал в нее свой первый акт лист по листу. Я закричал: “Послушай, что ты делаешь?!” — “Я обдумал, — отвечал он, — ты вчера говорил мне правду, но не беспокойся: все уже готово в моей голове”. И через неделю первый акт уже был написан” (*Воспоминания*, с. 27–28). Уточнить это свидетельство помогает автограф ранней редакции комедии. Из него действительно вырваны несколько листов, на которых был записан первоначальный вариант 2–4-й сцен первого действия. Текст этот до некоторой степени можно восстановить по оставшимся корешкам вырванных листов, сохранивших части стихотворных строк. Заигрывание Фамусова с Лизой и его подозрения насчет Софьи с Молчалиным были пер-

воначально изображены более откровенно, что, вероятно, и смутило Бегичева. Между прочим, даже в переработанном виде впоследствии эти сцены раздражали многих критиков своим “неприличием” и служили предлогом для цензурных придиорок к комедии.

Свежие московские впечатления позволили Грибоедову развернуть некоторые картины, лишь отдаленно намеченные в Тифлисе. Так, на место риторического монолога Чацкого во втором действии “Вы правы, что в Москве всему печать...” встал знаменитый монолог “А судьи кто?..”. В то же время московская жизнь мешала сосредоточиться для творческой работы. 3-е и 4-е действия комедии были написаны осенью 1823 года в тульском имении Бегичева, в селе Дмитревском (то же Локотцы) Ефремовского уезда. Уже в декабре 1823 года Пушкин запрашивал из Одессы Вяземского: “Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чудаева...” Очевидно, чтобы пресечь подобные слухи, Грибоедов несколько изменяет фамилию главного героя (первоначально Чадский — вероятно, от “чад”, ср. в его монологе 3-го действия: “Ну вот и день прошел, и с ним // Все призраки, весь чад и дым // Надежд, которые мне душу наполняли”). Уже в московской редакции произведение получило и окончательное название, более комедийное, чем вначале (было: “Горе уму”).

Рукопись комедии (Музейный автограф) была оставлена в Москве Бегичеву, когда в июне 1824 года Грибоедов переехал в Петербург, имея главной целью напечатать комедию и провести ее на сцену. Впоследствии с этого автографа был снят список И.П. Бехтевым, близким другом Бегичева (см.: *ПСС*, т. 2, с. 230–231). Уже в дороге Грибоедову пришла мысль об изменении концовки пьесы (см. с. 609 наст. изд.): первоначально Софья не была невольной свидетельницей заигрывания Молчалина с Лизой, и ее окончательная отповедь Чацкому звучала не полуоправданием, а благородным неодобрением (“Не лицемерила и права я кругом...”). В процессе публичных чтений текст пьесы непрерывно совершенствуется, и стих комедии обретает в конечном счете ту энергию, раскованность и выразительность, которые являются яркими приметами грибоедовского стиля. С другой стороны, предвидя цензурные затруднения, Грибоедов смягчает особо острые политические намеки: “Нет? нынче худо для дворов” (в окончательной редакции: “Нет! нынче свет уж не таков”), “Да, был нам черный год, не послужило впрок” (“Дома новы, а предрассудки стары”), “Что за правительство путем бы взяться надо” (“Что радикальные потребны тут лекарства”) и т. п. “Когда

Грибоедов приехал в Петербург и в уме своем переделал свою комедию, — вспоминал А.А. Жандр, — он написал такие ужасные брешьны (bouillon — фр. черновик. — С. Ф.), что разобрать было невозможно. Видя, что гениальнейшее создание чуть не гибнет, я у него выпросил его полулисты. Он их отдал с совершенною беспечностью. У меня была под руками целая канцелярия; она списала “Горе от ума” и обогатилась, потому что требовали множество списков. Главный список, поправленный рукою самого Грибоедова, находится у меня” (*Воспоминания*, с. 248).

Важнейшие приметы Жандровского (“главного”) списка: он тщательно выправлен автором, который настойчиво устранял малейшие описки переписчика; в частности, Грибоедов вписал своей рукой некоторые пропущенные копиистом слова и целые строки (в двух-трех случаях, однако, ошибки Грибоедовым не были замечены). В списке была продолжена работа по совершенствованию текста; на месте зачеркнутых появились новые варианты многих строк. Два же листа списка были драматургом заменены другими, на которых им самим записаны новые редакции двух монологов (рассказ Софьи о своем “сне” и последний монолог Чацкого). Приведенный выше рассказ Жандра не совсем точен (возможно, беллетризован мемуаристом, Д. А. Смирновым): множество списков могло быть изготовлено в канцелярии лишь после окончания работы Грибоедова над главным списком: среди огромного количества списков комедии, дошедших до наших дней (около тысячи), мы не знаем таких, которые бы сохранили нижний слой текста Жандровского списка, соответствовавший, очевидно, грибоедовским “брешням” (да и копирование последних было, несомненно, возможно лишь при помощи самого автора, который в этом случае мог работать только с одним переписчиком). Оставляя Жандру “главный” (правленный) список, Грибоедов, безусловно, изготовил для себя, как и при отъезде из Москвы, рукописный экземпляр комедии, который, по всей вероятности, находился у него и в Тегеране в день гибели (возвратив вдове писателя оставшиеся после гибели Грибоедова книги и личные вещи, персидское правительство ни ей, ни официальным представителям не возвратило ни одного листка из архива погибшего дипломата, а ведь там наверняка находились не только документы, но и творческие рукописи).

Изучение дошедших до нас списков позволяет с большой уверенностью заключить, что поощрять распространение их драматург стал лишь с октября 1824 года, когда для него стало ясно, что в пол-

ном виде комедия не будет пропущена в печать. В истории новой русской литературы комедия “Горе от ума” (в этом отношении сравниться с ней могут лишь произведения вольнолюбивой лирики — прежде всего стихи Пушкина) имела особую читательскую судьбу: с ней знакомились преимущественно в рукописном виде, причем процесс изготовления списков не был остановлен и появлением пьесы в печати. Он прекратился лишь с выходом в 1862 году текста комедии без цензурных купюр.

Бытующие до сих пор представления о том, что Грибоедов не считал в 1824 году работу над “Горем от ума” завершённой и продолжал ее чуть ли не до самой смерти, не имеют под собой никаких достоверных оснований. В 1828 году писатель отчетливо выразил свою авторскую волю относительно текста комедии: отправляясь из Петербурга в свою последнюю поездку в Персию, он оставил список “Горя от ума” Булгарину с собственноручной пометой на титульном листе: “Горе” мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828”. Надпись эта не была просто этикетной: она давала Булгарину печатать текст, тот текст, который данный список сохранил, идентичный тексту Жандровского списка (1824), за исключением мелких разночтений, которые можно объяснить ошибками переписчика, автором не замеченными или не сочтенными важными. Никаких существенных редакционных изменений в текст Грибоедов не внес, тем самым фактически подтверждая, что творческая работа над произведением была им завершена три с половиной года назад. Это необходимо особо подчеркнуть потому, что и после 1913 года, когда во втором томе академического издания Полного собрания сочинений Грибоедова был опубликован текст “Горя от ума”, основанный на Жандровском (прошедшем тщательную авторизацию) списке, появилось несколько изданий, где была сделана попытка пересмотреть научно обоснованные Н.К. Писановым принципы установления окончательной (дефинитивной) редакции произведения. Аргументация при этом была разной. В.Л. Бурцев решил уточнить пунктуацию и орфографию текста, а заодно ввел ряд ремарок, отсутствующих у Грибоедова, и перестановок слов в строках в угоду кажущейся легкости чтения (Гр и б о е д о в. Горе от ума, под ред. В.Л. Бурцева. Париж, 1919). П.П. Гнедич исходил из практики театральной традиции, в соответствии с которой он не только расставил знаки препинания, но и редактировал текст, нарушая авторскую волю, заявленную в Жандровском и Булгаринском списках (см.: Гр и б о е д о в А.С. Горе от ума. Редакция театрально-

го текста и примечания П.П. Гнедича. Пг., 1919). Е.А. Ляцкий считал, что ранняя редакция (по Музейному автографу) комедии представляла “наиболее полное идеологическое выражение замысла”, которое при доработке показалось автору опасным “с цензурной точки зрения” (Грибоедов А.С. *Горе от ума*. Редакция Е.А. Ляцкого. Стокгольм, 1920); это привело в стокгольмском издании к контаминации ранней и окончательной редакций пьесы в бесперспективной попытке отгадать все случаи грибоедовской автоцензуры. И, наконец, И.К. Ениколопов опубликовал текст, исправив его по дописановским публикациям, а также по неавторизованному, заведомо во многих случаях испорченному списку, сохранившемуся в его семье (см.: *Горе от ума*. Комедия в четырех действиях А.С. Грибоедова. Подготовил И.К. Ениколопов. Тбилиси, 1978). Все эти случаи подтверждают то обстоятельство, что, несмотря на декларации редакторов дать “новый”, “более достоверный” текст “Горя от ума”, ничего собственно нового они все же не сообщают (все их “новации”, которые можно найти во множестве неавторизованных списков, являются несостоятельными с точки зрения научной текстологии).

Прижизненная публикация отрывков из пьесы в альманахе “Русская Талия” (вышел в свет 15 декабря 1824 г.), хотя и сильно искаженных цензурным вмешательством, имела тем не менее огромное общественное и литературное значение. Бурная полемика по поводу пьесы, разразившаяся на страницах всех основных журналов того времени, побуждала столичных и провинциальных читателей обзавестись полными списками комедии Грибоедова. Сам драматург, впрочем, был не удовлетворен критической перепалкой по поводу его произведения (см. с. 628 наст. изд.). Принципиальная оценка “Горя от ума” шла из декабристских кругов. В альманахе “Полярная звезда на 1825 год” А. Бестужев пророчески заявил: “Будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее среди первых творений народных”. Значение комедии “Горе от ума” в истории русской литературы наиболее точно определил В.Г. Белинский в “Статьях о Пушкине”: вместе с романом в стихах “Евгений Онегин” она “положила прочное основание новой русской литературе... она, как произведение сильного таланта, глубокого и самостоятельного ума, была первой русскою комедиею, в которой нет ничего подражательного, нет ложных мотивов и неестественных красок, но в которой и целое, и подробности, и сюжет, и характеры, и страсти, и действия, и мнения, и язык — все насквозь проникнуто глубокою истинною русскою действительности”.

Первая постановка на сцене комедии готовилась в 1825 году воспитанниками Театральной школы в Петербурге, под руководством Грибоедова (*Воспоминания*, с. 106), но в день представления, 18 мая 1825 года, спектакль был отменен по распоряжению военного генерал-губернатора Петербурга М.А. Милорадовича. В 1827 году пьеса была поставлена в Эривани (по преданию, в присутствии автора) офицерами Кавказского корпуса. На профессиональной столичной сцене комедия сначала появилась в отрывках: 2 декабря 1829 года в составе интермедии-дивертисмента “Сцена позади сцены” (7–10-е явления первого действия), 5 февраля 1830 года — “Московский бал, или III-е действие из комедии “Горе от ума”, 16 мая — четвертое действие. Только 26 января 1831 года, в бенефис Я.Г. Брянского, “Горе от ума” было поставлено в Петербурге целиком, в Москве премьера состоялась 27 ноября того же года. Но еще долгое время после этого представление комедии на провинциальной сцене допускалось только по специальному разрешению местных властей.

- С. 42. *Большие часы*. — Ср.: “Стенные часы с флейтами в большой моде” (Московский телеграф, 1825, ч. 2, Прибавления, с. 87). Ср. ниже реплику Фамусова: “То флейта слышится, то будто фортепьяно”.
- С. 43. *...амур проклятый...* — амур, амурь — в просторечии волокитство, любовные шашни.
Ну что бы ставни им отнять... — Ставни в московских особняках закрывали окна изнутри комнат.
...будет гонка... — т. е. наказание.
- С. 44. *Зелье* — в просторечии так говорили о неутомонных детях.
- С. 48. *Кузнецкий мост* — улица в Москве, где было много французских лавок (в том числе “бисквитных”, т. е. кондитерских).
- С. 49. *Берем же побродяг, и в дом и по билетам...* — Имеются в виду приходящие учителя-иностранцы, с которыми расплачивались за уроки квитанциями (билетами).
- С. 50. *...дал чин ассессора...* — коллежский ассессор, чин восьмого класса; получение этого чина давало право на потомственное дворянство.

- С. 52. *Где чудеса, там мало складу...* — измененная цитата из баллады Жуковского “Светлана”.
- С. 55. *...на кислых... водах...* — кавказские минеральные воды.
- С. 57. *...верст больше седьмисот промчался...* — т. е. Чацкий приехал в Москву из Петербурга.
- С. 58. *...с мадамой за пикетом...* — за карточной игрой.
- С. 59. *Английского клуба...* — привилегированного дворянского клуба, в 1813—1830 гг. размещался на Большой Дмитровке в доме Муравьева.
- ...трое из бульварных лиц...* — посетители Тверского и Пречистенского бульваров — модного места прогулок.
- Ученый комитет* — при министерстве просвещения; занимался предварительным рассмотрением учебных книг и пособий.
- И дым отечества нам сладок и приятен!..* — слегка измененная цитата из стихотворения Державина “Арфа” (1798).
- Всё фрейлиной Екатерины Первой?..* — язвительный намек на почтенный возраст “девушки” (не о ней ли вспоминает чуть выше Лиза: “забыла волосы чернить” и пр.).
- С. 60. *...под великим штрафом...* — намек на указ 1757 г., согласно которому, “кто примет себе учителя без аттестата — подвергать штрафу 100 рублей”.
- Ментор* — наставник Телемаха, сына Одиссея (здесь — гувернер).
- ...по праздникам приходским...* — день святого, которому посвящена церковь данного прихода.
- С. 61. *...нынче любят бессловесных...* — игра слов: молчаливый, “бессловесная тварь”.
- С. 64. *...что за комиссия...* — здесь: экое затруднение, хлопоты.
- С. 65. *Календарь* — адрес-календарь; свод гражданских и военных штатов.
- Камергер* — старший придворный чин (к парадному мундиру которого полагался золотой ключ).

- С. 67. *Блажить* — упрямиться.
- С. 68. *Ездил цугом...* — в карете, запряженной друг за другом несколькими парами лошадей.
- Тупей* — старинная прическа.
- Куртаг* — приемный день при дворе.
- С. 69. *Карбонари*, карбонарий — член тайного революционного общества в Италии; здесь — вообще бунтовщик, вольнодумец.
- С. 74. *Деловой* — искусный в приказных делах.
- С. 75. *За третье августа...* — 3 августа 1813 г. никаких военных действий не велось по случаю Плесвицкого перемирия, но в этот день в Праге состоялось свидание Александра I с австрийским императором Францем II, которое было ознаменовано множеством наград.
- С бантом, на шею* — ордена более низких и высших достоинств.
- Вакансии как раз открыты...* — в армии производство в следующий чин (начиная с капитана) производилось не только по выслуге лет, но и при наличии незанятых должностей.
- С. 76. *Дистанции огромного размера...* — в данном случае имеются в виду огромные московские расстояния (дистанция — расстояние между различными воинскими частями от фронта).
- С. 77. *Сталбовые* — потомственные дворяне старинных родов.
- Канцлер* — высший гражданский чин (1-го класса).
- С. 78. *Фрунт* — фронт, воинский строй шеренгами.
- Сенат* — в начале XIX в. высший орган суда и надзора.
- Тафта* — легкая шелковая материя.
- Пожар способствовал ей много к украшенью...* — намек на пожар 1812 г., после которого Москва быстро отстраивалась.
- С. 79. *Времен Очаковских и покоренья Крыма...* — Очаков был взят русскими войсками в 1788 г., Крым присоединен в 1783 г.

- Клиент* — в Древнем Риме человек, зависимый от патрона; здесь имеются в виду “лизоблюды-иностранцы”.
- С. 80. *Фура* — длинная крытая повозка, обычно для перевозки клади.
- Должник* — в грибоедовское время так назывался кредитор.
- Зефиры и Амуры* — здесь: персонажи кордебалета.
- С. 81. *Гвардионцы* — офицеры вновь образованных гвардейских полков, имевшие перед армейскими преимущество в один чин (в старой гвардии — в два чина).
- С. 84. *Желал бы с ним убиться... — Для компании?* — По воспоминанию Вяземского, именно он предложил разделить этот стих на две реплики, отдав вторую (в ней есть оттенок просторечия) служанке. Подобное исправление имеется в Музейном автографе. Свидетельство Вяземского помогает окончательно решить один частный, но чрезвычайно запутанный вопрос текстологии грибоедовской комедии. До сих пор одним из спорных мест в публикации ее текста является реплика в 7-м явлении первого действия: “Но мудрено из них двоих (языков. — С. Ф.) скроить один, как ваш”. В Музейном автографе реплика эта принадлежит Софье, в Жандровском и Булгаринском списках — передана Лизе. По-видимому, ввод Лизы в беседу Софьи и Чацкого в одном случае (по подсказке Вяземского) вызвал аналогичную ситуацию в первом действии по той же причине (М.С. Щепкин считал, что “слово “скроить” принадлежит горничной с Кузнецкого моста”).
- С. 85. *Ирритация* — возбуждение, беспокойство.
- С. 86. *Потанцевать под фортепьяно...* — т. е. вечер (хотя и с гостями “разного разбора”) был достаточно скромным. Однако в театральной традиции обычно изображается пышный бал. Между тем в комедии постоянны намеки на стесненные материальные обстоятельства важного Фамусова, потому он так и торопится сбыть с рук дочь провинциальному полковнику Скалозубу.

- С. 87. *Хохол закрутит* — пустит сплетню.
- С. 91. *Хрипун* — в грибоедовское время “хрип” обозначал особую манеру разговора у некоторых офицеров: “...какое-то хвастовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хрипlostью голоса” (Вяземский П.А. Полн. собр. соч., т. 8, с. 139–140). Ср. чуть позже у Пушкина в “Домике в Коломне” (1830): “Вы хрипуну... Иль хрип ваш приумолк”. Такое именно значение подтверждают и следующие определения: “удавленный”, “фагот”.
- С. 93. *Превращения* — здесь иронически: переворот, революция (калька с французского).
- С. 99. *...числюсь по Архивам...* — т. е. по Московскому архиву старых бумаг.
- С. 104. *Комендант* — полицмейстер.
- С. 105. *Дуэт а-мольный* — a-moll (ля минор) — минорная тональность; комический эффект в данном случае усиливается упоминанием о дуэте, который “твердится” в одиночестве.
- С. 106. *Ты обер или штаб...* — Обер-офицеры — младшие (до капитана), штаб-офицеры — старшие (от майора до полковника).
- С. 107. *Зизи, Мими, Катись* (в четвертом действии — *Попов*) — уменьшительные, “детские” имена от Зинаида, Мария, Екатерина, Платон.
- С. 108. *Эшарп* — шарф (от фр. echarpe).
- Барежевый* — т. е. из прозрачной материи.
- Тюрлюрлю* — род накидки (в парижском жаргоне также — общедоступная девица).
- С. 109. *Камер-юнкер* — младшее придворное звание.
- С. 112. *Переносить* — доносить.
- С. 115. *Гренадерский* — отборный полк пехоты (куда отбирались служить особо рослые солдаты и офицеры).

Мушкетерский — пехотный полк, вооруженный крупнокалиберными фитильными ружьями (мушкетами).

Его высочества полк. — Шефом полка был один из великих князей.

Выпушка — кант, обшивка по шву.

Вист — карточная игра.

- С. 121. *В горах изранен...* — т. е. на Кавказе, где тогда велись военные действия.

Фармазоны — искаж. “франкмасоны”, члены тайных религиозных обществ.

- С. 122. *Переменял закон...* — здесь: переменял вероисповедание.

- С. 125. *Ланкарточное обучение* — т. е. ланкастерское обучение (по системе английского педагога Ланкастера), где наиболее способные ученики выступали помощниками учителя; ланкастерское обучение в России было введено с 1816 г., его пропагандистами нередко были деятели тайных обществ.

Педагогический институт был открыт при университете в 1804 г.; в 1821 г. был возбужден процесс против четырех профессоров института, обвиненных в вольномыслии.

- С. 128. *Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем...* — имеется в виду фрак.

- С. 130. *Антресоли* — “половинный этаж, устраиваемый для хозяйственных целей в высоких комнатах”.

Жилье — этаж.

Швейцарская ложа — каморка для швейцара.

- С. 133. *Фарсы* — здесь: шутки, розыгрыши.

- С. 134. *Опека* — надзор, учреждаемый правительством над лицом или именем.

- С. 135. *Камеры* — т. е. парламент, палата представителей.

- С. 137. *“А! non лашьяр ми, но, но, но”* — “Не покинь меня, нет, нет, нет” — ария из оперы Галуппи “Покинутая Дидона”.

Отрывок, взгляд и нечто — обычные жанры журнальной прозы того времени; ср., например, “Нечто о поэте и поэзии” и “Отрывок из писем русского офицера о Финляндии” К.Н. Батюшкова, “Взгляд на истинное достоинство писателя” В.В. Измайлова и т. п.

В Камчатку сослан был, вернулся алеутом... — В этом портрете современники узнавали Ф. И. Толстого, по прозвищу “Американец”, известного карточного игрока, бретера — человека, жизнь которого была богата приключениями, впрочем, сильно приукрашенными в его талантливых рассказах (см. о нем: Петрик и В. А., Суетов Л.А. К истории одного прозвища (Ф.И. Толстой “Американец”). — *РЛ*, 1987, № 2, с. 99–103).

- С. 139. *Клоц* — в переводе с немецкого — дубина.

Реверси — карточная игра.

- С. 142. *Якобинец* — член Якобинского клуба — наиболее радикальной политической организации во время французской революции XVIII века; здесь: вообще вольнодумец, смутьян.

- С. 152. *В работу вас, на поселенье вас...* — По указу 1765–1767 гг. помещикам было дано право ссылать непокорных крестьян на каторгу; право это, отмененное в 1804 г., было вновь восстановлено в 1822 г.

- С. 154. *Что станет говорить княгиня Марья Алексевна...* — Фраза эта в устах Фамусова имела, возможно, вполне конкретный смысл: вспомним, что единственная княгиня, которая прибыла на “бал” в его дом, — это Тугоуховская.

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ

СПб., 1815 (отд. изд.) (ценз. разрешение 18 июня 1815 г.). Комедия была написана в том же году, как об этом свидетельствовали наиболее осведомленные современники, и прежде всего Бегичев: “По заключении мира (с французами. — С. Ф.) он приехал в отпуск в Петербург (в 1815 г. — С. Ф.). ...Я служил тогда в гвардии, и мы жили с ним вместе, 19-ти лет (Бегичев здесь на год ошибается. — С. Ф.) написал он в одном действии, в стихах, комедию “Молодые супруги” (*Воспо-*

минания, с. 25). Это подтверждается воспоминаниями Р.М. Зотова: “Еще до отъезда Грибоедова на Кавказ видел я его часто у князя Шаховского, по заказу которого он переделал французскую комедию “*Secret du ménage*” и назвал ее “Молодые супруги” (Зотов Р. Театральные воспоминания. СПб., 1860, с. 83). Издатель журнала “Северный Меркурий” (1831, № 23, с. 94) заметил, что Грибоедов писал “Молодых супругов” “ленивый, сонный и притом на срок”. Комедия Грибоедова является вольной переделкой пьесы (в трех актах, в стихах) французского писателя Крезе де Лессера (1807), которую французский историк театра оценивает как шедевр, как лучший образец жанра легкой комедии и отмечает общепризнанный успех представления ее на сцене Комеди Франсез, во многом обеспеченный игрой актрисы Марс в главной роли (Lintilhac E. Histoire Générale du Théâtre en France, t. 5. Paris, 1910, p. 213–219). Пьеса довольно точно, хотя и прозой, уже переводилась на русский язык А.Г. Волковым. Грибоедов же стянул все действие в один акт, заменив одну женскую роль (роль кузины) мужской, изменил имена героев и отчасти русифицировал бытовые зарисовки в монологах (особенно удачно — в монологе Ариста “Притом и не видать в тебе талантов тех...”, под пером Грибоедова получившем сатирическую направленность). В пьесу был включен романс Эльмиры, музыку к которому, возможно, написал сам драматург. Премьера “Молодых супругов” состоялась на сцене петербургского театра 29 сентября 1815 года и прошла успешно, несмотря на то, что знаменитая Е. Семенова (Эльмира) — трагическая актриса по своему амплуа — “пела романс очень, очень неудачно, хотя и с аккомпанементом фортепьяно” (свидетельство А.В. Каратыгина). Комедия оставалась в репертуаре театра в течение более десятка лет, ею на русской сцене был открыт жанр легкой, или светской, комедии, в конце 1810 — начале 1820-х годов пережившей свой бурный, хотя и кратковременный расцвет. Не случайно пьеса Грибоедова была высоко оценена современной критикой: в кружке “Зеленая лампа” (“...имеет очень много достоинства по простому, естественному ходу, хорошему тону и многим истинно комическим сценам”. — См. в кн.: Декабристы и их время. М., 1928, с. 25); А. Бестужев увидел по первой пьесе в драматурге “большое дарование для театра”, еще не подозревая в нем будущего автора “Горя от ума” (Полярная звезда на 1823 год, с. 25); О. Сомов писал: “Небольшая комедия... отличается в русском переводе чистотой разговорного языка и прекрасным, свободным стихосложением” (Северная пчела, 1828, № 81). Положительной была

по общему тону и рецензия М.Н. Загоскина на пьесу, хотя здесь было отмечено несколько неудачных стихов и добавлено: “Такие, граф, стихи // Против поэзии суть тяжкие грехи” (Северный наблюдатель, 1817, № 15, с. 55), что вызвало резкий ответ Грибоедова — стихотворение “Лубочный театр” (см. с. 427 наст. изд.).

В советское время “Молодые супруги” ставились на сцене в 1945 году (см.: Вечерняя Москва, 1945, 24 августа), а также — на телевидении в 1970 году.

- С. 135. *Сердаликов* — от “сердолик” — поделочный минерал, разновидность халцедона. Сердоликовым ониксом называют разновидности агата, состоящие из чередующихся слоев ярко-красной и молочно-белой окраски (ср.: “А он краснел, белел...”).
- С. 162. *Эмблемой приняты // Не розыны... а маковы цветы...* — т. е. не любовь, а покой, скука (из мака приготавливались сонные капли).
- С. 181. *Ковы* (устар.) — вредные замыслы, коварство.

СТУДЕНТ

В отрывках: Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета, вып. 2. СПб., 1860; полностью: *Шляпкин*, т. 2; Список ПД, на титуле: “Студент. Комедия в трех действиях, сочинение А. Грибоедова и П. Катенина (1817)” — последняя цифра исправлена (первоначально было 8), что позволяет предположительно датировать изготовление списка 1818 годом. В сюжете пьесы пародийно использованы материалы, опубликованные в журнале П.А. Корсакова “Русский пустынный” (1817), например: “Студент... сделался жителем петербургской Коломны. 30 рублей деньгами и два рекомендательных письма составляли все его имущество. Латинские наставления словоохотливого Сенеки научили его презирать первые, но потаенное самолюбие ободряло его надежды на силу последних. Подобно древнему Цезарю, мечтал он прийти, увидеть, победить. Кроме того, сделал он следующую посылку: если Август мог открыть гений Вергилия в конюшне, если гений Горация без всяких рекомендательных писем нашел себе Мецената, почему бы и новейшему гению не найти для себя новейших Меценатов?.. Особливо когда убедительные эпистолы — провозвестни-

ки личных достоинств — предваряют их несомненное действие. Так думал львовский студент, приехавший с попутчиками в Петрову столицу; так подумали бы многие на его месте” (№ 11; см. также “Опыт светского словаря. Артист” — № 10; “Письма провинциального студента” — № 25). С другой стороны, Беневольский напоминает героя комедии того же Корсакова “Тетушка Маремьяна” (1814): “По сказкам знакомых его, Нарцис Романович есть Еруслан своего околodka... он нанизу родился, вскормлен и воспитан. Может быть, в нем есть и странности, но Москва его исправит. Сверх того, отец его мне старинный приятель, и я имею важные причины стараться ускорить с этим браком” (рукопись в ЛГТБ). Нарцис Романович в комедии Корсакова, подобно Беневольскому, неудачливый поэт, но в отличие от него — почитатель высокой поэзии. Эти текстовые совпадения позволяют считать, что авторы пьесы “Студент” знали, что псевдоним “Беневольский”, которым была подписана одна рецензия в журнале “Северный наблюдатель”, принадлежала именно Корсакову. В стихах героя комедии пародировались произведения поэтов-арзамасцев, а Корсаков в это время был близок к ним, о чем свидетельствовали и появившиеся в журнале письма за подписью “Азий Непоседов. Арзамас” (№ 5 и № 15), и дружеские отношения, завязавшиеся между Корсаковым и Батюшковым (см.: Б а т ю ш к о в К.Н. Сочинения, т. III. СПб., 1886, с. 499), и изменение оценок журнала со стороны “Арзамаса”: если во вступительной речи 22 апреля 1817 года М.Ф. Орлов бранил “Пустынника с пустой головой”, то позже в протоколе данного заседания помечено рукою автора: “Из всех журналов сей последний лучше иных. Я от критики сей отказываюсь” (Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933, с. 204—208). С другой стороны, будучи помощником члена по репертуарной части петербургских театров (А.А. Шаховского), Корсаков опубликовал в журнале несколько язвительных выпадов против своего патрона. Исходя из вышеприведенных данных, можно считать ошибочным высказанное в критической литературе мнение о том, что в Беневольском авторы пьесы метили в М.Н. Загоскина, который будто бы под псевдонимом “Беневольский” напечатал в “Северном наблюдателе” хвалебную рецензию на собственную комедию (см.: М е щ е р я к о в В.П. А.С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие. Л., 1983, с. 41—51).

Работа над “Студентом” (судя по некоторым пародируемым в пьесе материалам) могла быть начата не ранее июля 1817 года, значит, Катенин не мог принимать активного участия на первом эта-

пе: с середины июля (см.: ЛН, т. 16—18, с. 635) он находился в загородном лагере, откуда в составе сводного полка гвардии 5 августа выступил в поход, в Москву, где находился до середины 1818 года, когда Грибоедов, в свою очередь, покинул Петербург, выехав на Восток. Следовательно, соавторство Катенина заключалось, по всей вероятности, лишь в окончательной редакции пьесы, — может быть, с целью провести ее в печать или на сцену (Корсакову пьеса была известна: явные переклички с ней имеются в его повести “Тень и свет”, — Маяк, 1814, ч. 14). Во всяком случае, болезненно самолюбивый и мнительный Катенин, познакомившись позже с “Торем от ума”, никогда впоследствии не обнаруживал “своей доли” в этом произведении, а между тем в характерах комедии “Студент” исследователи справедливо обнаруживали первые очерки героев “Торя от ума”. Очевидно, именно к “Студенту” относится позднейшее свидетельство С.Н. Бегичева относительно раннего “плана” “Торя от ума” (см. с. 725 наст. изд.).

На сцене комедия ставилась единственный раз — в Александринском театре 1 мая 1904 года (см. отрицательные рецензии на эту постановку в газетах “Русь”, № 140, и “Биржевые ведомости”, № 234).

- С. 200. “*Эльмира и Вольнис*” — роман французской писательницы Жанлис.
 “*Бедная молочница*” — возможно, намек на повесть Карамзина “Бедная Лиза”.
- С. 201. *Нинона* — Нинон де Ланкло, известная красавица во Франции XVIII в.
- С. 208. “*Я сын волжских берегов*” — неточная цитата из стихотворения В.Л. Пушкина “К жителям Нижнего Новгорода”.
- С. 215. *Сюлли* — Максимилиан де Бетюн, французский государственный деятель.
- С. 216. *Виотия* (Беотия) — область в Средней Греции, преимущественно с сельским населением.
- С. 217. *Сын Филиппов* — Александр Македонский.
- С. 220. *Сердце имеет свою память...* — Ср. в стихотворении Батюшкова “Мой гений”: “О память сердца, ты сильнее // Рассудка памяти печальной”.

- С. 222. *Илья Муромец* — здесь: герой одноименной поэмы Карамзина.
- С. 238. *Бостон, крепс* — карточные игры.
- С. 242. *Законы вас осуждают...* и т. д. — Ср. в “Острове Борнгольм” Карамзина: “Законы осуждают // Предмет моей любви... // Какой закон святее // Твоих врожденных чувств?”
- С. 247. *Прохоров* — вероятно, намек на владельца театральной типографии Похорского.
- С. 266. “*О Лары и Пенаты!*” и т. д. — пародия на стихотворение Батюшкова “Мои Пенаты”.
- С. 267. “*О, всемогущее вино!*”, “*И стукнем в чашу чашей*” — цитаты из стихотворений Жуковского “Певец во стане русских воинов”, “К Батюшкову” (см. также с. 402 наст. изд.).
- С. 288. “*Vive Henri quatre*” — песня из пьесы французского драматурга Ш. Колле “Выезд на охоту Генриха IV” (1764); была популярна в послевоенной Франции (см. “Письма из Парижа” К.Ф. Рыльева, 20 сентября 1815), вывезена оттуда в Россию русскими офицерами (см. об этом в повести А.С. Пушкина “Метель”).
- ...певцов своей печали... — намек на стихотворение Пушкина “Певец”.

ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ
“СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА”

Сын отечества, 1817, № 48, под названием “Отрывок из комедии”. Написаны в августе того же года (см. об этом в письмах к Бегичеву от 4 сентября и к Катенину от 19 октября 1817 г. — с. 562, 563 наст. изд.). Отдельным изданием пьеса вышла в 1818 году с предисловием Шаховского: “Желая сочинить новую комедию для бенефиса г-жи Валберховой... я выбрал такое содержание пьесы, в котором бы могла она показать разнообразность игры своей, и старался сколько можно связать простою интригою эпизодические явления. Времени до назначенного дня оставалось мало, и, боясь не сдержать моего обещания, я просил А.С. Грибоедова и Н.И. Хмельниц-

кого помочь мне: они, по приязни своей ко мне, согласились, и первый написал все начало второго действия до ухода Феклы (в публикации Грибоедова своих сцен — Мавры. — С. Ф.) Савишны; а второй в третьем действии сцену, в которой Бирюлькин экзаменует Наташу”. В отдельном издании пьесы сцены, написанные Грибоедовым, подверглись некоторой правке (возможно, Шаховским). Премьера состоялась в Петербурге 24 января 1818 года. Пьеса вызвала несколько рецензий, отчасти недоброжелательных. Так, один из критиков писал: “Слог общественного, благородного обращения у нас имеет еще мало примеров, а стихи, каковы, например, следующие, не могут образовать его: “Он страшный грубиян // И до обеда глуп, после обеда пьян...”, “Нет, матушка, она // Без ваших вычуров, предобрая...”, “Будет гонка вам”. Возразят, может быть, что сии выражения натуральны и приличны представленным лицам, но натуральное всегда ли бывает благородно и выражения, приличные в конюшне гусарского полка, могут быть пристойны пред просвещенною публикою?” (Сын отечества, ч. 63, № 5, с. 213, подпись “Z” (В. Соц); там же, с. 213—218, положительная рецензия на пьесу, за подписью “N. N.”). На протяжении всего XIX века комедия оставалась в репертуаре русских театров (см.: Бабочка, 1829, № 86, с. 342—344; Отечественные записки, 1849, т. 67, отд. 8, с. 321; С.-Петербургские ведомости, 1857, № 113); ставилась пьеса и в советское время (Театральный курьер, 1918, № 18; Театр, 1963, № 2, с. 117). Перечитывая старые журналы в крепости, 9 августа 1833 года В. Кюхельбекер заметил в “Дневнике”: “С наслаждением прочел я несколько явлений из комедии “Своя семья”, написанных Грибоедовым; в этом отрывке виден будущий творец “Горя от ума”. На вечере памяти Грибоедова, посвященном его 75-летию, в Артистическом кружке А.Н. Островский читал эти сцены из комедии.

- С. 307. *Секунд-майор* — младший штаб-офицерский чин в русской армии до установления в 1797 г. чина подполковника.
- С. 308. *Шемизетка* — женская блузка, кофточка.
- Святая* — пасхальное воскресенье и первая неделя после него.
- С. 309. *Золовка* — сестра мужа.
- С. 314. *Серпянка* — неплотная льняная ткань грубой работы.

ПРИТВОРНАЯ НЕВЕРНОСТЬ

СПб., 1818 (отд. изд.) (ценз. разрешение 7 февраля 1818 г.). Начало работы над пьесой относится к концу 1817 года (см. в письме к Катенину от 19 октября 1817 г. — с. 563 наст. изд.); о доле участия А.А. Жандра в создании пьесы см. в письме к Бегичеву от 15 апреля 1818 г. (с. 565 наст. изд.); написанное Жандром в наст. изд. печатается петитом. Пьеса является вольным переводом пьесы французского драматурга Н.—Т. Барта *“Les fausses infidélités”* (1768); о ней как о “маленьком шедевре” отзывался Лагарп в своем популярном в грибоедовские времена труде *“Лицей, или Курс литературы”* (t. 7. Paris, 1813, p. 44). (До Грибоедова пьеса на русский язык была переведена прозой и издана в Петербурге в 1772 г.) Грибоедов русифицировал в комедии имена героев, усилил сатирическую трактовку “старого франга” Блестова, придал лиризм монологам Рославлева. Пьеса Грибоедова и Жандра вызвала ряд сочувственных журнальных откликов, среди них особенно интересен был следующий: “Переводчики “Притворной неверности”, по примеру некоторых других новейших писателей, дали почти всем действующим лицам своим имена русские, заимствованные от собственных имен русских родов, рек и пр. (напр., Рославлев, Ленский и т. п.). По нашему мнению, они весьма хорошо поступили в сем случае... Мы пойдем еще дальше и спросим: почему нельзя на театре, по древнему отличительному русскому обычаю, называть людей по имени и отчеству? Донны это было в обыкновении в одних фарсах: для чего не вывести того же в благородной комедии? — это не так трудно: стоит отличному писателю показать в том пример” (Сын отечества, 1818, ч. 49, № 19, с. 263). Впервые это пожелание было исполнено, по сути дела, в “Горе от ума” (в комедии “Своя семья” употребление имен и отчеств носило пока еще фарсовый оттенок). Что касается фамилий Рославлева, Ленского, то они впоследствии были перенесены в произведения других писателей — Пушкина и Загоскина, например.

Премьера “Притворной неверности” в Петербурге состоялась 11 февраля 1818 года, в Москве (во время пребывания там Грибоедова) — 3 сентября того же года. О популярности пьесы сказано в комедии Н.И. Хмельницкого “Нерешительный” (1819), героини которой вспоминали:

- Да, он со мной играл “Притворную неверность”
- И ясно доказал... чувствительность свою.
- А мы играли с ним при вас “Свою семью”.

В 1894 году пьеса была в репертуаре Александринского театра (см.: Ежегодник имп. театров, 1894—1895. СПб., 1896, с. 22; Северный вестник, 1894, № 10).

- С. 338. *Макао, бостон* — карточные игры.
- С. 345. ...поет из *“Жоконда”*... — “Жоконд, или Искатель приключений” — опера Н. Изуара, на русский язык переведена П. Корсаковым (1815).

ПРОБА ИНТЕРМЕДИИ

Русский вестник, 1873, № 9. Авторизованный список — ЛГТБ. Первоначальное название: “Бенефис, или Проба интермедии”. На списке помечено: “Соч. А. С. Г.”, “Позволяется, № 15, 16 февраля 1818. Секретарь Соц”, “Представлена в первый раз в Санкт-Петербурге на Большом театре ноября 10 дня 1819 года. В пользу актера г. Брянского”. Авторизация списка выразилась в замене фамилии Бемольской — Диезиной в списке “Действующих лиц” и в передаче нескольких реплик иным актерам, для того чтобы все из них приняли примерно равное участие в пьесе.

КТО БРАТ, КТО СЕСТРА, ИЛИ ОБМАН ЗА ОБМАНОМ

Отрывки — Русский вестник, 1873, № 9; полностью: ПСС, 1889, т. 2. Авторизованный список (с правкой Вяземского и Грибоедова; первоначальное название пьесы было “Кто брат, кто сестра, или Обман, один из тысячи”) — ГБЛ, театральные списки — ЛГТБ. Петербургские театральные списки автором не просматривались, иначе бы он заметил ряд искажений, обесмысливающих текст; с другой стороны, петербургские списки содержат несколько переработанную редакцию пьесы (сокращены некоторые монологи, куплеты Вяземского отчасти заменены грибоедовскими стихами). В наст. изд. пьеса печатается в петербургской редакции с исправлением очевидных ошибок по авторизованному списку.

Пьеса написана в конце 1823 года. Музыка А.Н. Верстовского. Об обстоятельствах работы над водевилем рассказал позже Вяземский: “В первой половине двадцатых годов... директор московского театра Ф.Ф. Кокошкин, с которым находился я в приятельских

отношениях, просил меня написать что-нибудь для бенефиса Львов-Синецкой... Я ему отвечал, что не признаю в себе никаких драматических способностей, но готов ссудить начинкою куплетов пьесу, которую другой возьмется сострять.

Перед самым тем временем познакомился я в Москве с Грибоедовым, уже автором знаменитой комедии. Я сообщил ему желание Кокоскина и предложил взяться вдвоем за это дело. Он охотно согласился. Мы условились в некоторых основных началах. Он брал на себя всю прозу, расположение сцен, разговоры и проч. Я брал — всю стихотворную часть, т. е. все, что должно быть пропето. Грибоедову принадлежит только один куплет: “Любит обновы // Мальчик Эрот” и проч.” (*Воспоминания*, с. 81). Рассказ Вяземского не вполне точен. Сохранился составленный им самим пронумерованный перечень куплетов пьесы, им сочиненных (*ЦГАЛИ*), в котором незаполненными остались несколько номеров, которые впоследствии были, очевидно, написаны Грибоедовым. Но и этим не ограничивалось участие Грибоедова в стихотворной части пьесы. Водевиль был сыгран на московской сцене (впервые 24 января 1824 г.) и с некоторыми переделками на петербургской (премьера 1 сентября того же года). В Москве в главной женской роли Львова-Синецкая не пела. В Петербурге роль Юлии исполняла актриса Монруа, для которой нужно было создать вокальную партию, что Грибоедов и сделал: использовав музыку куплетов Рославлева-старшего, написал стихи “Стократ счастлив, кто разум свой...” и “Любви туман и сумасбродство...” (см.: Верстовский А.Н. Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом. Текст А. Грибоедова и П. Вяземского. М.—Л., 1949, с. 22). И наконец, в 1-м явлении в петербургской редакции Грибоедовым были несколько переделаны первые шесть строк куплетов “Жизнь скучным трактом мне казалась...”, переданные пану Чижевскому (в Москве эти куплеты исполнял Рославлев-младший).

Рецензия на московскую постановку пьесы появилась в журнале “Вестник Европы” (1824, № 1): “...г-н Верстовский сочетал блестящим талантом музыку свою с водевилем, не имеющим ни качеств, ни преимуществ”. Водевиль послужил поводом к “эпиграмматической войне” (см. с. 753 наст. изд.).

С. 375. *С будущими* — почтовый термин: запись в подорожную одного будущего спутника. Незаполненная подорожная называлась открытым листом.

С. 376. *На вольных* — т. е. на вольнонаемных лошадях.

С. 411. *...навстречу... графу...* — т. е. навстречу Рославлеву-старшему. Первоначально он был обозначен как князь и камергер. Из-за опасений цензурных придирок высокий титул был вычеркнут и остался, не замеченный, лишь здесь. Была приглушена острота некоторых реплик и монологов. 7 января 1824 г. Вяземский писал А.И. Тургеневу: “...я жду водевиль из театральной цензуры; что, если найдется кое-что непозволительного, то пускай вымарают, а не задерживают и присылают то, что может быть сказано и петь, не оскорбляя бога, царя и ослиных ушей и того, и другого, и третьего, и четвертого, и пятого” (*Воспоминания*, с. 359).

СТИХОТВОРЕНИЯ

От Аполлона

Сын отечества, 1815, ч. XXV, № 45 (подписано: “NN”), в составе редакционного отклика на споры вокруг комедии Шаховского “Урок кокеткам, или Липецкие воды” (1815): “Наслышавшись об этой комедии очень много, я хотел было... порядочно разобрать ее... и начал: “Сия комедия...” Вдруг раздался за мной громкий, грозный голос: “Здравия желаю!”... Распечатываю пакет и нахожу следующий приказ”, — далее идет текст стихотворения. Принадлежность его Грибоедову была удостоверена Бегичевым (см. об этом: Исторический вестник, 1909, апрель, с. 160).

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТР

Отрывок — Северная пчела, 1837, № 131; полностью — Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета, вып. 2. Автограф — ПД. Стихотворение направлено против Загоскина, автора рецензии на комедию “Молодые супруги” (см. с. 738 наст. изд.); “дурными стихами” в рецензии объявлены были следующие: “Где нет взаимности, рождается *остуда*”, “Ах! убегая раз она домашней *сени*, // Тобюю занята гораздо будет *меней*”, “В те дни, что для меня так памяты, так *сладки*”, “Что, ежели Арист пришел бы сей *порой*”, “Внезапно кротость та *пожертвована вздору*”, “То лучше отложи все ковы, в долгий ящик”, “К приманкам *светскости* не столько хладно-

кровна”, “Отчаянно брюзглив и недоверчив стал”. Вполне очевидно, что примеры эти взяты наобум и многие подчеркнутые слова обычны для литературной практики тех лет. Об обстоятельствах написания “фацеции” Грибоедов писал Катенину 19 октября 1817 года (см. с. 563 наст. изд.). Стихотворение написано в форме прибауток балаганного зазывалы или же раешного деда, дававшего пояснения к любочным картинкам.

С. 428. *Тороватый* — щедрый.

Князь Фольгин и князь Блёткин — персонажи пьесы Загоскина “Комедия против комедии, или Урок волокитам” (1815).

Богатонов — герой одноименной комедии Загоскина (1817), сходный с Транжириным — героем комедии Шаховского “Полубарские затеи, или Домашний театр”.

“*Проказник*” — комедия Загоскина, которой он дебютировал (без успеха) на петербургской сцене (1815).

Буйный сосед — Буянов, герой ироикомической поэмы В.Л. Пушкина “Опасный сосед” (1811).

С. 429. “*Наблюдатель*” и “*Сын отечества*” — имеется в виду полемика между Ювеналом Прямосудовым (псевдоним В.И. Соца в “Сыне отечества”) и Ювеналом Беневольским (псевдоним П.А. Корсакова в “Северном наблюдателе”) по поводу пьесы Загоскина “Господин Богатонов, или Провинциал в столице”.

Кальянчи

Сын отечества, 1838, № 1. Текст этот сохранялся и в *Черновой тетради*. Здесь, возможно, отражено происшествие, о котором в 1820 году из Тавриза сообщил А. А. Вельяминову С. И. Мазарович: “Двое бродяг вывели на здешний базар мальчика-грузина Татия, похищенного ими. Я представил здешнему правительству о беззаконности... Служащий при миссии по моему приказанию силою извлек из шахзадинского (т. е. Аббас-Мирзы. — С. Ф.) дворца маленького несчастливца, которого я ныне с караваном отправляю в Карабах” (Заря Востока, 1949, № 154, 7 августа). В стихотворении “Памяти Грибоедова” (1829) Кюхельбекер к строке “Певца, воспевшего Иран” сделал следующее примечание: “Относится к прелестной поэме “Пут-

ник” или “Странник”, вроде “Чайлд-Гарольда” (но без надменности и мизантропии Байрона), в которой он изобразил Персию...” (Кюхельбекер В.К. Избранные произведения в двух томах. М.—Л., 1967, т. 1, с. 631). Тема странника намечена также в стихотворениях “Освобожденный” и “Восток”.

С. 429. *Кальянчи* — мальчик, подающий кальян.

Эйсед, Джиний (джинн) — духи восточной мифологии.

С. 430. *Ширазский лист* — табак.

Дервиш — нищий, отшельник.

Рамена (устар.) — плечи.

Джейран — газель.

Иора — река в Кахетии (в первопечатном тексте ошибочно — Риони, т. е. река в Имеретии, вдали от тех мест, о которых рассказывает мальчик).

Сосуд ценинный (в первопечатном тексте ошибочно: цененый) — сделанный из фарфора (фаянса) или покрытый эмалью.

С. 431. *Ага* — господин, хозяин.

Зелье — порох.

С. 432. *Бодец* — шпора.

Вепрь — кабан.

Картвела — древнее название Грузии.

Восток

Стихотворение впервые опубликовано: Библиотека для чтения. 1836. Т. 14, подп.: “А. Грибоедов” (в оглавлении помета: “Покойного А.С. Грибоедова”). По жанру это лиро-эпическое произведение. Эпический зачин тотчас же перебивается взволнованным голосом “лирического героя” (“Что замолкли?” и пр.). Напевность стихотворения, заданная чередующимися пяти- и четырехстопными хорейскими строками (отступление от избранной метрики в ст. 23 и 53) и поддержанная народно-поэтическими постоянными эпитетами, предвещает фольклорные мотивы, организующие централь-

ную часть стихотворения по моделям волшеббно-сказочной топики. Волшебная сказка обычно начинается с отъезда в дальний путь, итогом которого является “иное царство”, подсолнечное царство живой воды, прекрасных садов и лугов, вечной весны, щедрого изобилия (см.: П р о п В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 37–67). Но это всегда опасный для героя мир, где его ждет заключенная в тереме невеста, царевна. По сказочному сюжету добрый молодец должен пройти испытание и воцариться в “тридевятом царстве” или же с обретенной женой бежать из него, преодолев погоню. Такого исхода в стихотворении Грибоедова нет: “иное царство” здесь “земля неправославная”, противопоставленная “святой Руси”, отторжение от которой для героя губительно. Грибоедов подчеркивает исчезновение из самой памяти людской зашельца, отпавшего от родины, семьи, веры – позабывшего “святую Русь”. Лиро-эпический характер грибоедовского произведения, где воплощена тема странника, позволяет высказать предположение, что стихотворение “Восток” (как и “Кальянчи”, и “Там, где вьется Алазань...”) представляет собой фрагмент поэмы Грибоедова, о которой вспоминал Кюхельбекер. По самому содержанию своему “Восток” связан с грибоедовскими размышлениями о судьбе соотечественников, занесенных на чужбину. Особенно остро эта проблема волновала его в 1818–1819 гг., когда он, во многом на свой страх и риск, добился выполнения одной из статей Пюлистанского договора 1813 г., до тех пор замороженной: вывода на родину русских солдат, попавших в плен к персам или дезертировавших из России, служивших в “русском батальоне” Аббас-Мирзы в Тавризе. См., например, запись в путевом дневнике от 6.9.1819. Можно предположить, что отражением собственного творческого опыта стали и опубликованные в фельетоне “Литературные призраки” рассуждения Талантина (Грибоедова): “Чтобы совершенно постичь дух русского языка, надобно читать священные и духовные книги, древние летописи, собирать народные песни и поговорки... знать совершенно историю и географию своего отечества. Это *первое и необходимое* условие. <...> Восток, неисчерпаемый источник для освежения пиитического воображения, тем занимательнее для русских, что мы имели с древних времен сношения с жителями оного” (Литературные листки. 1824. № 16. С. 106). В таком восприятии Востока зрелым Грибоедовым уже вполне преодолевалось противопоставление Востока и Руси как двух несовместимых миров, запечатленное в стихотворении “Восток” – фрагменте поэмы “Странник”

(“Путник”), которая, видимо, потому и не была сохранена Г-вым, кроме некоторых ее отрывков.

ЮНОСТЬ ВЕЩЕГО

Черновая тетрадь. О времени написания и о замысле Бегичев свидетельствовал, вспоминая о приезде Грибоедова в Москву летом 1823 года: “Из планов будущих своих сочинений, которые он мне передавал, припоминаю я только один. Для открытия нового театра в Москве, осенью 1823 года, располагал он написать в стихах пролог в двух актах, под названием “Юность вещего”. При поднятии занавеса юноша-рыбак Ломоносов спит на берегу Ледовитого моря и видит обаятельный сон, сначала разные волшебные явления, потом муз. которые призывают его, и наконец весь Олимп во всем его величии. Он просыпается в каком-то очаровании; сон этот не выходит из его памяти, преследует его и в море, и на необитаемом острове, куда с прочими рыбаками отправляется он за рыбным промыслом. Душа его получила жажду познания чего-то высшего, им неведомого, и он убегает из отеческого дома. При открытии занавеса во втором акте Ломоносов в Москве, стоит на Красной площади” (*Воспоминания*, с. 29). Сюжет ненаписанного пролога Бегичеву запомнить было легко, поскольку в нем довольно точно передавалась канва избитой официальной легенды о Ломоносове. Ср., например: “Ломоносов, водимый от нежного младенчества чудесными путями жизни, сын рыбака, рожденный там, где природа цепенеет от стужи большую половину года, показал, что климат не имеет пагубного влияния на развитие дарований” (Сочинения и переводы студентов имп. Харьковского университета. Харьков, 1820, с. 26). Этим объясняется и разительное совпадение плана грибоедовского пролога с ранней пьесой Н.А. Некрасова “Юность Ломоносова” (см.: Н е к р а с о в Н.А. Полн. собр. соч., т. 6. Л., 1983). Д.А. Смирнов, впервые опубликовавший “Юность вещего”, отмечал: “Отрывок этот существует в “Черновой” в двух экземплярах: вчерне (в начале тетради) и перебеленный (в самом конце его)”. Это указание заставляет предположить, что, отказавшись от замысла двухактной пьесы, Грибоедов обработал написанный им текст и перебелил его в качестве законченного стихотворения. В конце чернового текста имелся конспективный план первого акта пролога:

“Океан, пустынный остров. Любопытство юноши.
Скорбь отца. Вновь отъезд.

Нелюбовь.

Соловцы. Неведомый муж, богомолец. Весть о вечерних странах. Возвращение домой. Побег. Тот же таинственный спутник”.

Давид

Мнемозина, 1824, № 1 (подпись: “А. Г.”). Автографы — ЦГАЛИ (один с правкой Кюхельбекера — см. письмо к М.С. Грибоедовой; другой — в альбоме В.И. Ланской, помеченный датой “17 декабря 1823 года”). Переложение 151-го псалма Давида, который появился в греческой версии Библии. К теме этого псалма неоднократно обращались русские поэты XVIII—XIX веков, в 1820-е годы — Ф. Глинка (“Победа”, 1820), Катенин (в стихотворении “Мир поэта”, 1822), Кюхельбекер (в поэме “Давид”, 1826—1829). В отличие от всех поэтов и в отступление от библейского текста, Грибоедов акцентировал отчужденные отношения между героем и его братьями (ср. в тексте псалма: “Мал бех в братии моей, и юнший в дому отца моего... Братия моя добри и велицы; и не благоволи в них господь. Изыдох в сретенье иноплеменнику...”). Архаизированное по языку, стихотворение вызвало саркастический отклик А.Ф. Воейкова (Новости литературы, 1824, кн. 8, с. 23) и уничижительный — в сатире А.И. Писарева “Певец на биваках у подошвы Парнаса” (“Давиду перевод его // Страшен Голиафа”).

С. 435. *Псалтырь* — музыкальный инструмент у древних иудеев.

“КРЫЛАМИ ПОРХАЯ, СТРЕЛАМИ ЗВЕНЯ”

Оберточный листок, 1860, № 2. Автограф — ГЦТМ (листок из альбома А.Н. Верстовского). Стихотворение предназначалось для явл. 17 или 18 оперы-водевиля “Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом” (в замену, в одном случае, куплетов “Любит обманы...”), но не было туда включено, так как Верстовский не написал к нему музыки.

РОМАНС

Московский телеграф, 1831, № 11. Автограф — ГЦТМ. Написан для 22-го явления той же пьесы, но впоследствии заменен романсом “Неужли никогда в ней кровь...”, более подходящим к музыке Верстовского, уже написанной к тому времени.

Эпиграммы

Первая была опубликована (без последних двух строк) в составе статьи Кс. Полевого, предвещающей второе издание “Горя от ума” (СПб., 1839), вторая — в “Вестнике Ленинградского университета”, № 14, Серия истории, языка и литературы, вып. 3. Л., 1957. Печатается по спискам (рукою Вяземского) ЦГАЛИ. 7 июня 1824 года Пушкин писал Вяземскому из Одессы: “Пришли мне эпиграмму Грибоедова”. Направлены против М.А. Дмитриева и А.И. Писарева, сотрудничавших в журнале “Вестник Европы”. Сохранились ответы на эпиграмму “И сочиняют — врут” Дмитриева:

Мы — дети, может быть, незлобием сердец,
Когда шадим тебя, репейник Геликона,
А может быть, мы наконец
И дети Аполлона, —

и Писарева:

О Грибус! В пасквиле презлом, хотя не тонком,
Ты в дети произвел меня дурным стихом;
Ну что ж? В кругу людей останусь я ребенком,
А ты в кругу людей останешься скотом.

Другие стихотворения Вяземского, Дмитриева, Писарева, относящиеся к этой “эпиграмматической войне”, см. в кн.: Русская эпиграмма второй половины XVIII — начала XX в. Л., 1975, с. 281—282, 356—357, 365—368.

С. 437. *Фаусту вложил // Он первый умысел разоратный...* — Предание о докторе Фаусте как изобретателе книгопечатания основано на отождествлении его с печатником XV в. Иоганном Фустом.

ОТРЫВОК ИЗ ГЕТЕ

Полярная звезда на 1825 год. Вопреки названию (“Отрывок”), стихотворение представляет собою вполне законченное произведение, по-своему интерпретирующее тему “Пролога в театре” из трагедии Гете “Фауст”: “Грибоедов, с одной стороны, отбрасывает последние четыре реплики Пролога, отходящие от сатирической

темы; с другой стороны, он широко развертывает сатирическое обозрение Директора, превращая его в сатиру на современное общество, каким оно является в театральных креслах, переосмысленную в духе обличительных монологов Чацкого... Грибоедов удлинил отрывок (монолог Директора. — С. Ф.) на одну треть (вместо восемнадцати стихов — двадцать четыре). Ряд мотивов сатирического характера он вставил от себя... Другие места... он развил и видоизменил по-своему, везде придавая желчный характер сатире, у Гете — довольно безобидной. Так, он превратил наивного читателя рецензий в придирчивого рецензента (Гете: “И, что все-го хуже, многие приходят после чтения газет...”), кокетливым зрителям приписал коварные умыслы (Гете: “Дамы показывают себя и свои наряды и без жалованья участвуют в представлении...”), мирных картежников сделал опасными шулерами (Гете: “Этот после спектакля надеется на картежную игру...”). Так Гете становится похож на Грибоедова, политического оппозиционера и общественника, пишущего сатиру на светское общество” (Ж и р м у н с к и й В.М. Гете в русской литературе. Л., 1981, с. 119–120). Заканчивая свой “отрывок” защитой высоких принципов поэзии (у Гете Поэт в конце концов соглашается с Директором и Весельчаком), Грибоедов переосмысляет весь “Пролог в театре”. Одновременно с Грибоедовым к теме “Пролога в театре” обратился Пушкин в стихотворении “Разговор книгопродавца с поэтом”, напечатанном в 1825 году в качестве предисловия к первой главе “Евгения Онегина” (см.: Ф е с е н к о Ю.П. Пушкин и Грибоедов. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1980. Л., 1983, с. 103–106), и А.А. Шишков (Одесский альманах на 1831 год, с. 310–319). “Отрывок из Гете” вызвал несколько сочувственных откликов в журналах того времени. Он перекликается с наброском предисловия к “Горю от ума” (см. с. 482 наст. изд.).

ТЕЛЕШОВОЙ

Сын отечества, 1825, ч. ХСІХ, № 1. Об обстоятельствах написания этого стихотворения см. в письме к Бегичеву от 4 января 1825 года, с. 620 наст. изд. Балерина Е.А. Телешова исполняла роль волшебницы, очаровывающей героя, в балете “Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника” (либретто А.Н. Глушковского, музыка Фр. Шольца), поставленном на петербургской сцене 8 декабря 1824 года. В описании танца Грибоедов перефразирует строфу XX первой главы “Евгения Онегина”, посвященную Е.И. Ис-

томиной.— строфа эта (без ведома автора) была опубликована в журнале “Литературные листки”, 1824, № 4, с. 148–149.

С. 443. *Эдем* — к этому слову при первой публикации стихотворения дано следующее примечание редактора: “Эдем Зороастров, жилище Пери, воображаемых восточными народами существ, которых парси и даже мусульманы представляют себе в цветах радуги и бальзамических испарениях роз и ясминов”.

С. 444. *Эльфы* — духи в германской мифологии.

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЕ

Северная пчела, 1826, № 143, 30 ноября, с заголовком “Дележ добычи”, с пропуском девятой строфы и примечанием издателя, где, в частности, сообщается, что стихотворение “написано во время похода противу горцев, в октябре 1825 года, в становище близ каменного моста на реке Малке”. Автограф — П.Д. Вероятно, об этом стихотворении Грибоедов упоминал в письме к Бестужеву от 22 ноября 1825 г. (см. с. 635 наст. изд.). По сообщению Е.Г. Вейденбаума, здесь описано действительное происшествие — нападение черкесов на станицу Солдатскую 29 сентября 1825 года и поход генерала Вельяминова против них: “Из Константиногорска (Пятигорск. — С. Ф.) Вельяминов выехал 4 октября, в сопровождении Грибоедова, и в тот же день прибыл на р. Малку, в укрепление Каменный Мост... Разного рода распоряжения задержали Вельяминова на Малке около девяти дней. Здесь набросал Грибоедов свое стихотворение” (ИСС, т. 1, с. 282). “Хищники на Чегеме” оказали влияние на стихотворение А. Бестужева “Слава нам! Смерть врагу! (Песнь обреченных на смерть горцев)” и П. Ободовского “Песнь горных греков” (Северная пчела, 1828, № 82, 10 июля).

С. 446. *Удени* — в Кабарде высшее сословие.

Кадия — духовный судья у мусульман.

Буза — хмельной напиток.

“По духу времени и вкусу...”

Исторический вестник, 1909, № 3. Известны многочисленные списки в различных архивах, варьирующие текст. В альбоме 1843 года Е.П. Ростопчиной это стихотворение сохранилось в сочетании с

другим четверостишием — “Ему не свято ничего...”. Оно было широко распространено в списках конца 1810 — начала 1820-х годов в качестве эпиграммы на А. Н. Голицына и приписывалось Пушкину (см.: Новый мир, 1938, № 4, с. 278). Время написания стихотворения определяется заключением Грибоедова на гауптвахте Главного штаба по делу декабристов (11 февраля — 2 июня 1826 г.).

- С. 447. *Потянули к Иисусу* — т. е. на допрос (см. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии, т. 2).

А. О <ДОЕВСКОМУ>

Черновая тетрадь. Посвящено поэту-декабристу А.И. Одоевскому. Написано после июля 1826 года, когда стал известен приговор декабристам.

<ОСВОБОЖДЕННЫЙ>

Черновая тетрадь. Впоследствии две строфы печатались часто как отдельные стихотворения. Однако тематически обе строфы близки между собой. Их последовательность могла быть невольно нарушена первым публикатором, Д.А. Смирновым, ввиду беспорядка, в котором были переплетены оставленные Грибоедовым Бегичеву летом 1828 года черновые бумаги (см. об этом вступ. статью). В принятой последовательности строф стихотворение обладает внутренней стройностью и выдерживает традиционный в начале XIX века план стихотворения на “восточную тему”. Заглавие стихотворения, возможно, дано также Смирновым.

- С. 447. *Там, где вьется Алазань...* — Возможно, здесь речь идет о посещении Цинандали, имения Чавчавадзе.

- С. 448. *Будто сладостно-душистой...* — При первой публикации эта строка была напечатана неверно: “Будто сладостно-душистый”, что нарушало смысл.

Но где друг... — воспоминание о Кюхельбекере, с которым Грибоедов дружески сошелся на Кавказе в 1821—1822 гг.

Домовой

Черновая тетрадь. Отрывок незаконченного стихотворения.

ПРОСТИ, ОТЕЧЕСТВО!

Черновая тетрадь. Черновой автограф — ГПБ. Оставшееся неперебеленным, стихотворение тем не менее представляется законченным, что подчеркивается строгим строфическим построением, причем сама строфа, составленная из сочетания нерифмованных и рифмующихся в строгом порядке строк (итоговая строфа рифмуется целиком), оттеняет медитативный характер произведения (ср. использование того же ритмического принципа в стихотворении Кюхельбекера “Разуверение”, 1821). См. другую точку зрения на этот счет в заметках М.В. Строганова и В.С. Баевского (РЛ, 1978, № 2, с. 108—110, и 1980, № 2, с. 126—130). Время создания стихотворения неизвестно. Судя по его содержанию, оно скорее всего написано в сентябре 1828 года, когда Грибоедов в последний раз покидал родину. О его тяжелых предчувствиях в это время свидетельствуют многие мемуаристы (известно, что назначение полномочным министром в Персию свершилось против его воли, перечеркнув желание отдалиться наконец поэзии, которую он любил “без памяти, страстно”).

Душа

Стихотворение впервые опубликовано: Библиотеке для чтения 1835. Т. 8. Отд. 1. С. 160, подпись: “Грибоедов”. В стихотворении Г., возможно, вступал в соперничество с Пушкиным. Описывая свое пребывание в Тифлисе в мае 1829 г., Пушкин заметил в “Путешествии в Арзрум”: “Голос песен грузинских приятен: мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство. Вот вам она:

„Душа, недавно рожденная в раю! Душа, созданная для моего счастья! от тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

От тебя, весна цветущая, от тебя, луна двунедельная, от тебя, ангел мой хранитель, от тебя ожидаю жизни.

Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою. Не хочу обладать миром; хочу твоего взора, от тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освеженная росой! Избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! от тебя ожидаю жизни” (VIII, 457—458. — В Беловом автографе “Путешествия в Арзрум” эти строки записаны на отдельном листке, позже основного текста).

Установлено, что Пушкин цитирует (в своей обработке) “Весеннюю песню” Димитрия Туманишвили (умер в 1821 г.). Именно мелодию этой песни имел в виду М.И. Глинка, касаясь в своих мемуарах событий весны 1828 г.: “Провел около целого дня с Грибоедовым (автором „Горе от ума“). Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую потом А.С. Пушкин написал романс „Не пой, волшебница, при мне...”” (*Восп.*, с. 364). Грибоедов читал первую редакцию этого стихотворения после 3 июня и до своего отъезда из Петербурга 6.6.1828, о чем свидетельствует его помета в пушкинском автографе (см.: *Иезуитова Р.В.* “Не пой, красавица, при мне” // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. Л., 1974. С. 125–126). Вероятно, текст Пушкина его не удовлетворил, и тогда он создал свою интерпретацию грузинской песни. Это, конечно, тоже не перевод, но вполне явственное развитие темы, почерпнутой из первых трех строф грузинской песни. Только в следующих строфах у Дм. Туманишвили отчетливо проступит адресат: юная красавица, пробудившая страсть поэта. Грибоедов же переосмысливает ситуацию, словно дает слово самой душе, рожденной в раю. В его интерпретации это душа Поэта. Стихотворение интерпретирует тему грузинской песни в духе платоновского учения о бессмертной, вечно движущейся душе (см. его диалог “Федр”): “Небесные места никто еще из здешних поэтов не воспевает и не воспоет никогда, как следует. Объясняется это <...> тем, что эти места занимает бесцветная, бесформенная и неосязаемая сущность, в сущности своей существующая, зримая только для одного кормчего души – разума. Так как божественное размышление всякой души, поскольку она заботится воспринять надлежащее, питается умом и чистым знанием, душа, увидев с течением времени, сущее, бывает довольна этим и, созерцая истину, питается ею и предается радости, пока круговращательное движение не перенесет ее на то место, откуда она вышла. Во время этого круговращения душа созерцает самое справедливое, созерцает здравомыслие, созерцает знание, не то знание, которому присуще рождение, и не то, которое изменяется при изменении того, что мы называем знанием теперь существующего, но то знание, которое существует как действительно существующее. Узрев также и все прочее, действительно существующее, и напитавшись им, душа опять погружается во внутреннюю область неба и возвращается домой” (Творения Платона. Т.5. Пг., 1922. С.125).

СТАТЬИ

Письмо из Бреста Литовского
к издателю <“Вестника Европы”>

Вестник Европы, 1814, ч. 76, № 15, с примечанием издателя (В.В. Измайлова): “Из уважения к его чувству мы ничего почти не переправляли ни в стихах, ни в прозе. Впрочем, нельзя читателям требовать от Марсовых детей того, что мы требуем от детей Аполлоновых в условиях их искусства”. <Каченовский> Михаил Трофимович – профессор Московского университета; в первопечатном тексте фамилия была заменена многогочием, снабженным следующим примечанием издателя: “Мы выпустили здесь нечто, не хотев оскорбить одного собрата нашего, журналиста”.

- С. 456. *Подзоры* – оборка, кружевная кайма, идущая по краю чего-либо.
Лядушка – гусарская сумка.
- С. 459. *Полубоярские затеи* – намек на театральные увлечения в провинции, высмеянные в комедии Шаховского “Полубоярские затеи, или Домашний театр” (1808).
- С. 460. *Посылаю вам 1000 рублей для бедных.* – Отчет В.В. Измайлова о раздаче пожертвования “благотворительного господина Грибоедова” был помещен в “Вестнике Европы” (1814, ч. 77, № 18).

О КАВАЛЕРИЙСКИХ РЕЗЕРВАХ

Вестник Европы, 1814, ч. 78, № 22. Письмо к издателю журнала, сопровождающее статью, см. с. 453 наст. изд.

О РАЗБОРЕ ВОЛЬНОГО ПЕРЕВОДА БЮРГЕРОВОЙ БАЛЛАДЫ “ЛЕНОРА”

Сын отечества, 1816, ч. 32, № 30. Отклик на придирчивую критику баллады Катенина “Ольга” (1816), написанную Н.И. Гнедичем (Сын отечества, 1816, ч. 31, № 27. Без подписи, но с пометой: “СПб. губернии деревня Тентелева”). Катенин издал вольный перевод баллады Бюргера “Ленора” вслед за Жуковским (“Людмила. Русская баллада”, 1808). Полемика Грибоедова с Гнедичем была воспринята “арзамасскими литераторами” как продолжение нападок “рыцарей Беседы” (т. е. “Беседы любителей русского слова”, 1811–1816) на

новую поэзию, на Жуковского. Между тем позиции и Гнедича, и Грибоедова в литературной борьбе того времени достаточно самостоятельны и не выражают мнений двух противоборствующих сторон: “Беседы” и “Арзамаса”. Гнедич, высоко оценивая поэзию Жуковского, корил его за то, что он дал дурной пример для подражания романтической музе. Грибоедов сравнивает две баллады с позиций народности, обличая неосновательную пристрастность критика. Исторически их спор закончился победой Грибоедова. В 1833 году в статье о стихотворениях Катенина А.С. Пушкин скажет: “Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Бюргеровой “Леноры”. Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем “Манфреде” сделал из “Фауста”: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это почувствовал и вздумал показать “Ленору” в энергической красоте ее первобытного создания; он написал “Ольгу”. Но сия простота и даже грубость выражений, сия “сволочь”, заменившая “воздушную цепь теней”, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым”. В 1831 году Жуковский вновь примется за перевод “Леноры”, стремясь на этот раз воссоздать “дух и формы своего образца”.

- С. 466. *Одни только красоты поэзии могли до сих пор извинить...* — цитата из пьесы М.Н. Загоскина “Комедия против комедии, или Урок волокитам” (1815), которая явилась откликом на “Урок кокеткам, или Липецкие воды” Шаховского, где в лице “балладника” Фиалкина был высмеян Жуковский. Загоскин попытался смягчить этот личностный выпад, истолковывая его как насмешку над эпигонами Жуковского.
- С. 467. *Налой* — род пюпитра в центре церкви.
- С. 468. *“Nous avons tout changé...”* — цитата из комедии Мольера “Лекарь поневоле”.
- С. 469. *Пращ* — древнее ручное боевое оружие для метания камней.
- С. 470. *Тентелева деревня* — “на 4-ой версте Петергофской дороги. К ней причислено Митрофаниевское кладбище” (Греч А. Весь Петербург в кармане. СПб., 1851, с. 515).

- С. 475. *Хотя и не варяго-росски, но истинно немного плоски...* — перефразировка строк из сатиры Батюшкова “Видение на берегах Леты: “Стихи их хоть немного жестки, // Но истинно славяно-росски”, направленных здесь против поэтов “Беседы любителей русского слова”.

Письмо к издателю <“Сына Отечества”>
из Тифлиса от 21 января (1819 г.)

Сын отечества, 1819, ч. 52, № 10.

- С. 478. *Вот уже полгода, как я расстался с Петербургом...* — Грибоедов выехал из Петербурга в конце августа 1818 г., 21 октября он прибыл в Тифлис.

По словам Ломоносова... — неточная цитата из “Оды на день восшествия на Всероссийский престол... Елисаветы Петровны 1747 года” о России: “И вдруг довольства исчисляет, / Возлегли локтем на Кавказ”.

Ястреба, потомки Прометеева тезателя... — Ср. в Путевых заметках (с. 386 наст. изд.).

Между важными известиями... — В том же номере “Русского инвалида”, где была напечатана вызвавшая возражение Грибоедова корреспонденция, были помещены заметки о процессе Бастида и Жоссена, убивших прокурора Фуальдеса (в Родезе, в 1817 г.), и о назначении Верлинга доктором к сосланному Наполеону.

- С. 480. *...виртембергские переселенцы...* — немцы-колониисты, члены религиозно-мистических общин, поверившие апокалипсическим предсказаниям Юнга-Штиллинга и отправившиеся в 1817–1818 гг. на Кавказ строить “Новый Иерусалим”.

<Заметка по поводу комедии “Горе от ума”>

Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. под редакцией А.Н. Веселовского. СПб., 1875. Печ. по черновому автографу, хранившемуся в Московском обществе любителей российской словесности (см.: Исторический вестник, 1909, № 3, с. 1034–1035). Вероятно, набросок предисловия к предполагаемому в конце 1824 года изданию комедии.

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ПЕТЕРБУРГСКОГО НАВОДНЕНИЯ

Черновая тетрадь. Посвящено петербургскому наводнению 7 ноября 1824 года, одному из самых бедственных (уровень воды в Неве тогда поднялся более чем на три метра).

С. 483. ...*три раза выпалили с крепости...* — “В половине 8-го часа вода в реке Неве пришла в совершенную прибыль 3 фута 6 дюймов (107 см. — С. Ф.). ...Когда вода сверх обыкновенной возвышается до сей меры, тогда делается три пушечные выстрела и поднимаются на шпицах днем флаги, а ночью фонари” (С.-Петербургские ведомости, 1824, № 94, 21 ноября).

Коломна — название петербургской окраины на левом берегу Невы. Низменный, перерезанный несколькими речками и каналами, район этот особенно сильно пострадал во время наводнения.

Это было на Торговой, в доме В.В. Погодина... — ныне ул. Союза печатников, д. 5.

Приспешная — комната для слуг.

Гобахта — караульная будка.

С. 484. *Офицерская ул.* — ныне ул. Декабристов.

Английский пр. — ныне пр. Маклина.

...*одна <калека>*... — в первопечатном тексте последнее слово осталось неразобранным; в данном случае восстанавливается по смыслу.

Столыпину... — Фамилия восстановлена по “Указателю жилищ и зданий в С.-Петербурге”. Издал Самуил Аллер. СПб., 1824, с. 395. О смерти А.А. Столыпина Грибоедов сообщал Бегичеву 18 мая 1825 г.

Исакиевский и Троицкий — два плашкоутных (наплавных) моста через Неву, первый — от Сенатской площади на Васильевский остров, второй от ворот Летнего сада на Петербургскую сторону.

Мещанская ул. — ныне ул. Плеханова.

С. 485. *Дом графини Бобринской* — современный адрес: Красная ул., д. 60.

Большая Галерная ул. — ныне ул. Красная.

Матисовы (в первопечатном тексте ошибочно “Матиловы”) *тони* — рыбацкий стан на Матисовом острове (омываемом Невой, Мойкой и Пряжкой).

С. 486. *Ивановская гавань* — на Васильевском острове.

Галерная гавань — на Галерном острове (в устье Фонтанки).

Сальные бунны — продовольственные склады на островке, отделенном с юга от Матисова острова Сальнобуянским каналом (ныне засыпан).

Екатерингофский пр. — ныне пр. Римского-Корсакова.

Английская набережная — ныне наб. Красного Флота.

ХАРАКТЕР МОЕГО ДЯДИ

РА, 1874, № 6, по не дошедшей до нас рукописи, с указанием, что “характеристика набросана начерно Грибоедовым в позднейшие годы”. В заметке рассказывается об А.Ф. Грибоедове, который, по преданию, послужил прототипом Звездова (“Студент”) и Фамусова (“Горе от ума”).

ЗАГОРОДНАЯ ПОЕЗДКА

Впервые опубликовано: Северная пчела. 1826. 26 июля. № 76, без подписи. Статья написана летом 1826 г., когда после освобождения из-под ареста 4 июня Грибоедов жил на даче Булгарина на Выборгской стороне “Загородная поездка” перекликается с очерком Булгарина “Поездка в Парголово, 21 июня”, напечатанным в той же “Северной пчеле” годом раньше (см.: СП. 1825. 27 июня. № 77), повторяя план и последовательность описаний булгаринского очерка (заства, церковь, озеро, возвышенности, песни и пляски крестьян, путешествия верхом на местных лошадах), но дает все это в иной тональности, являясь как бы скептическим комментарием к распространенному жанру путевых картин, описывавших преимущественно увиденные “красоты” В статье Булгарина дается больше сведений по истории Парголово и его заселения, о занятиях жителей,

но содержится и идиллическое изображение парголовской природы, которой любитесь автор. “Здесь северная природа является во всей своей красе. Холмы облечены душистою муравою и усеяны прекрасными возмужалыми деревьями всех родов. Каждый холм, каждая долина открывают вашим взорам разнообразные виды: с одной стороны цепь гор, оканчивающая горизонт, с другой — лесистый берег Финского залива и вдаль, в тумане, противоположный его берег; прямо перед вами белеется обширная столица, блестят золотые куполы и шпицы”. Вместо этого у Грибоедова постоянно подчеркивается убожество северной природы: “Природа с великим усилием в болоте насадила печальные ели; жители их выжигают. Дымный запах, бледное небо, скрипучий песок — всё это не располагает странников к приятным впечатлениям”. В очерке Булгарина описывается превосходный вид, открывающийся с горы Парнас: “За лесами и долинами блестящая в солнечных лучах столица составляет последний предел картины”. Грибоедов замечает не без иронии: “Так рассказывают, но мы ничего не видали. <...> Всё было подернуто сизыми парами; и вот одно ожидание рушилось, как идея поэта часто тускнеет при неудачном исполнении”. В.Н. Орлов отметил, что “вопрос о народе начинает особенно тревожить Грибоедова сразу же после поражения декабристов”. Не случайно он поставлен в написанной в это время “Загородной поездке”. “Не подлежит сомнению, что выраженная в этой статье мысль о пропасти, разделяющей народ и даже передовые круги дворянства, из которых вышли декабристы, приобрела для Грибоедова особую остроту и особое значение в свете неудавшегося безнародного восстания”. (Орлов Вл. Грибоедов. М., 1952. С. 141;). Ю.В. Манн находит в “Загородной поездке” характерные для предромантической и романтической литературы оппозиции: “1) историческое (прошлое) как оппозиция современному (сегодняшнему), 2) народное (сельское, нецивилизованное) как оппозиция светскому (городскому, цивилизованному)”. В “Загородной поездке” “путешествие из города в деревню означало путешествие из настоящего в прошлое. <...> Таким образом, смыкаются обе оппозиции” (Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 310, 311, 312).

С. 490. Ахтуба, Бузан — левые рукава Волги.

...по словам Шардена... — В труде “Путешествие в Персию” (1811) рассказывается о разорении города Фируз-Абата (Ферах-Абад) в 1669 г., в правление шаха Аббаса.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Русское слово, 1859, № 4, 5, в составе *Черновой тетради* Грибоедова, оставленной им перед последней поездкой в Персию, в сентябре 1828 года, С.Н. Бегичеву. Фактически это были отдельные листки с разнообразными грибоедовскими записями 1818—1828 годов. Впоследствии Бегичев переплел все это, не вполне исправно соблюдая последовательность записей. Сама тетрадь до нас не дошла, погибла при пожаре имения первого публикатора, дальнего родственника Грибоедова, Д.А. Смирнова. Он попытался систематизировать материал тетради, но делал это не всегда корректно. Собственно путевые записи занимают в *Черновой* основное место, велись они Грибоедовым с разной степенью подробности. Намечая конспект дорожных впечатлений, Грибоедов обычно предполагал вернуться к нему впоследствии, но не сумел этого сделать. В некоторых случаях более подробные параллельные сведения мы обнаруживаем в письмах Грибоедова, которые могут служить дополнением к его путевым запискам и позволяют датировать отдельные из них.

Моздок—Тифлис <13—22 октября 1818>

Записи датируются на основании письма к Мазаровичу от 12 октября 1818 года (см. с. 572 наст. изд.) (“нынче” здесь, вероятно, указание на следующий день; вполне очевидно, что караван из Моздока отбыл с утра, а письмо к Мазаровичу было написано накануне).

- 1 А.П. Ермолов.
- 2 См. с. 494 наст. изд.
- 3 Ныне г. Орджоникидзе.
- 4 Редут Джераховский.
- 5 В Верхнем Ларсе.
- 6 Дарьяльская крепость (Кумания — в описании Плиния Старшего).
- 7 Казбекский завал, образовавшийся в октябре 1817 г.
- 8 Церковь Цминда Самеба (Святой Троицы) XIV в.
- 9 Сторожевая башня у околицы села Сиони.
- 10 Военный пост, около которого сходятся четыре ущелья — Хевское, Трусовское, Ухатское и Байдарское.

- ¹¹ Ананурский карантин описан Грибоедовым годом позже (см. с. 530 наст. изд.).

ТИФЛИС—ТЕГЕРАН <29 января — 9 марта 1819>

- ¹ Можно предполагать, что 29 января 1819 г., перед самым отъездом из Тифлиса, Грибоедов начал писать письмо к Бегичеву, чтобы отправить его с оказией (в этот день в Россию отправлялся О.И. Мазарович — см. с. 498 наст. изд.). Однако письмо оказалось недописанным, так как времени оказалось мало и необходимо было написать еще матушке “два слова” (см. там же). Таким образом, это неотосланное письмо стало началом путевых записок от Тифлиса до Тегерана, первоначально прописанных подробно в качестве большого письма-дневника, обращенного к другу. Следует к записям того же первого дня присоединить два абзаца (“Ты мне пеняешь...” — до “...как мне горько бывает...”), которые при первой публикации (и вслед за ней в собраниях сочинений Грибоедова) помещали в конце записи от 10—13 февраля, но которые по смыслу примыкают к началу письма к Бегичеву из Тифлиса (записаны были эти два абзаца на отдельном листе — см.: Русское слово, 1859, № 4, с. 35).
- ² А.А. Шаховской, далее упоминаются героини его комедии “Урок кокеткам, или Липецкие воды” (1815).
- ³ На дуэли с Якубовичем 23 октября 1818 г.
- ⁴ Е.И. Ежова.
- ⁵ Возможно, речь идет о поэме Грибоедова “Странник”, не дошедшей до нас (см. с. 749 наст. изд.).
- ⁶ См. с. 493 наст. изд.
- ⁷ А.П. Ермолов.
- ⁸ См. “Письмо к издателю” Грибоедова (с. 478 наст. изд.).
- ⁹ Т. е. архитектор (по имени известного архитектора А. Бетанкура).
- ¹⁰ Династия шахов Персии (1502—1736).
- ¹¹ Ш.Ф. Мелик-Бегляров.
- ¹² “Достопамятности Петербурга” П. П. Свинына, к 1819 г. напечатаны тремя выпусками (1816, 1817, 1818).
- ¹³ А.А. Шаховского.

- ¹⁴ Древняя столица Персии.
- ¹⁵ Имеется в виду баллада Т. Грея “Бард” (см.: Стихотворения Грея, с английского языка переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым. М., 1803, с. 46).
- ¹⁶ Т. е. в Кавалерийских резервах.
- ¹⁷ В Богасе (см.: Еникиолопов И.К. Путевые записки Грибоедова. Тифлис, 1932, с. 21).
- ¹⁸ Иронически вспоминаются баллады Жуковского (ср. с. 742 наст. изд.).
- ¹⁹ В одной из библейских книг (Книга Товита, IV,1;V,5) рассказывается о хождении Товия в город Раги Мидийские за серебром; Грибоедов ошибочно отождествляет этот город с Раей (Ragesom), развалины которого находились близ Тегерана (см. с. 520 наст. изд.).
- ²⁰ Казбек.
- ²¹ Правитель края.
- ²² Скороход.
- ²³ Солдаты регулярной армии.
- ²⁴ См. примеч. к комедии “Студент”, с. 741 наст. изд.
- ²⁵ Церемониймейстер.
- ²⁶ Мусульманский праздник, бывающий дважды в году.
- ²⁷ Пряность.
- ²⁸ Жаровня.
- ²⁹ Господин.
- ³⁰ Областной начальник.
- ³¹ Управляющий делами наследника персидского престола.
- ³² Принц крови, здесь — Аббас-Мирза.
- ³³ “Журнал для милых” Н. Макарова (1804); обложка журнала была зеленого цвета (Грибоедов называет журнал “розовым”, имея в виду приторность его содержания).
- ³⁴ Мирза-Бюзрюк.
- ³⁵ Точнее, на Кизиль-озени.
- ³⁶ Древний город с развалинами мечети XV в., построенной шахом Худа-Бенде (у Грибоедова Кодабенде).

- 37 Казвин, древняя столица Персии.
 38 Первый министр, Мирза-Шефи.
 39 Первый день нового года, 9–10 марта.
 40 Амлих, слуга Грибоедова.
 41 Английский гимн.
 42 Фет-Али-шах.

ТЕГЕРАН—СУЛТАНЕЯ <8–28 июля 1819>

Здесь описывается переезд шаха из столицы в летнюю резиденцию, о чем Грибоедов позже вспоминал в письме к Катенину (февраль 1820 г.) (см. с. 587 наст. изд.). Этот дневник Д.А. Смирновым был опубликован, по его замечанию, “не целиком, а выдержками”.

- 1 Седер-азам — Мирза-Шефи.
 2 Али — двоюродный брат Магомета, четвертый калиф, основатель шиитской секты.
 3 Риза — седьмой имам (высшее духовное лицо) в шиитской секте; гробница этого святого находилась неподалеку от Султаниея.
 4 О бунте Грибоедов упоминал в заметке “О Гилани” (1827): “В бытность мою в Султаниея в 1819 году жители Рязь (Решта) взбунтовались против правителя их, шахского внука Хосров-Хана. Он был смнен. Послан туда шахский сын Риза-Мирза, который заставил вздыхать о своем предшественнике” (ПСС, т. 3, с. 250).
 5 Аббас-Мирза.

РАССКАЗ ВАГИНА. 10 июля <1819>

Вагин — один из русских, попавших в плен в Персию и возвращенных Грибоедовым на родину. Он упомянут в письме к Мазаровичу 11 сентября 1819 года (см. с. 576 наст. изд.).

МИАНА—ТАВРИЗ <17–30 августа 1819>

- 1 Селение, в котором позднее, 10 февраля 1828 г., был подписан мирный договор с Персией.
 2 Картина во дворце (см.: Огородников. Страна солнца. СПб., 1881, с. 188).

- 3 Речь идет о солдатах “русского батальона” в Персии (из числа пленных и беглецов), которые, в соответствии с Гюлистанским договором 1813 г., пожелали вернуться на родину в результате энергичной агитации Грибоедова. (См.: Берже А. Самсон Яковлев Макинцев и русские беглецы в Персии. — РС, 1867, № 3, с. 304–340.)

ТАВРИЗ—ГАРГАРЫ <4–7 сентября 1819>

Эти короткие записи о выводе русских солдат из Тавриза до последнего селения собственно персидских в то время владений дополняются письмами (рапортами, которые, к сожалению, не все сохранились) к Мазаровичу 6 сентября — 6 октября 1819 года. А.П. Ермолов писал Мазаровичу 11 ноября 1819 г.: “Секретарь миссии Грибоедов подробно объяснил мне, каких стоило нам затруднений возвратить в отечество взятых в плен беглых солдат наших... При сем случае приятно мне заметить попечение Грибоедова о возвратившихся солдатах, и не могу отказать ему справедливой похвалы в исполнении возложенного вами на него поручения, где благородным поведением своим вызвал неблаговоление Аббас-Мирзы и даже грубость, в которых не менее благородно остановил его, дав ему уразуметь достоинство русского чиновника” (РС, 1874, октябрь, с. 229–230).

АНАНУРСКИЙ КАРАНТИН. 29-го ноября <1819>

В карантине Грибоедов вместе с кн. Д.О. Бебутовым задержался, возвращаясь в Тифлис из Чечни от Ермолова, которому докладывал о выводе русских солдат из Персии (см.: Воспоминания, с. 343).

ТИФЛИС—ТАВРИЗ <10 января — февраль 1820>

Дневник этот опубликован Д.А. Смирновым в выдержках (его пересказ отдельных замечаний напечатан здесь петитом).

- 1 Далее, отчеркнутые в Черновой тетради чертой, идут заметки, основанные, возможно, на устном рассказе какого-то спутника о “делах минувших”.
 2 Омар-хан был разбит соединенными силами русских и грузин 7 ноября 1800 г.; смертельно раненный, он умер 10 марта 1801 г.
 3 По преданию, просветитель Армении св. Георгий (IV в.) имел видение на месте избиения царем Тиридатом трех дев и на этом

месте построил храм, названный Эчмиадзин (т. е. по-армянски Сошествие Единородного).

- 4 Перечень фамилий, вторгающихся в путевые записи, обычно трактуется как помета на память, кому необходимо написать письма. В любом случае особо интересно, кто скрывается за криптонимами А. О. (это не может быть Александр Одоевский, с которым Грибоедов познакомится лишь в 1824 г.) и П*. Н., — может быть, за одним из них скрывается та женщина, которой Грибоедов пишет письмо в Тавризе ночью 17 ноября 1820 г. (см. с. 599 наст. изд.).
- 5 В Тавриз Грибоедов прибыл, вероятно, 1 февраля, так как в дневнике 1820 г. Т. Этье, жившего там, сохранилась следующая запись: “2 февраля у доктора Делафосс познакомился с Александром Грибоедовым — секретарем русской миссии в Персии, молодым человеком, исполненным любезности и таланта” (ЛН, т. 19—21, с. 147; перевод с фр.).

Отдельные заметки

- 1 Мирза-Бюзрюк.
2 Аббас-Мирза.

Крым <24 июня — 12 июля 1825>

Грибоедов путешествовал по Крыму с 18 июня по 15 сентября 1825 года. С 18 по 24 июня он проживал в Симферополе. Отчасти его крымские впечатления, не отраженные крымским дневником, описаны в письмах к Бегичеву от 9 июля, 9 и 12 сентября 1825 года.

- 1 *Дача Перовского* — ныне Пионерское.
2 *Алень* — ныне Родниково.
3 *Чавка* — ныне Сорокино.
4 Пещера *Кизил-Коба* (Красная пещера), ныне ход пещеры, ведущий к подземному потоку, называется Грибоедовским.
5 *Каймак* — густые сливки с пенками.
6 См. русское издание книги Палласа “Топографическое описание Таврической области” (СПб., 1795).
7 *Корбек* — ныне с. Изобильное.
8 *Акмечеть* — старое название Симферополя.
9 *Козлов* (Гёзлеве) — ныне Евпатория.

- 10 *Кучук-Ламбат*, поместье А.М. Бороздина, — ныне Кипарисное.
11 *Партенит* — ныне Фрунзенское.
12 С галереи дачи Олизара и Артеке.
13 *Гаспринский мыс* — Ай-Тодор.
14 *Дереккой* — ныне Ущельное.
15 *Аутка* — ныне Чехово.
16 Водопад Учан-СУ.
17 *Урьянда* — Ореанда.
18 *Хуреис* — Кореиз.
19 *Мускор* — Мисхор.
20 *Коурме* — татарское кушанье.
21 *Кучук-Кой* — ныне Бекетово.
22 *Муравьев* — имеется ввиду “Путешествие по Тавриде” И.М. Муравьева-Апостола (СПб., 1823).
23 *Кадикой* — ныне Пригородное.
24 Муравьев-Апостол принимал Аю-Даг за древний Криуметопон.
25 Грибоедов думал написать трагедию о кн. Владимире.
26 *Александр* Грибов.
27–28 *Дуванкой* — ныне Верхне-Садовое.
29 *Татаркой* — ныне Машино.
30 *Мавзолеей грузинки* — жены хана Керим-Гирея (с ней связана легенда, отчасти отразившаяся в поэме Пушкина “Бахчисарайский фонтан”).
31 *Милые хозяйки* — Е.И. Офрен (и ее дочь?).
32 *Саблы* — имение Бороздина, вероятно, здесь Грибоедов встречался с Н. Н. Оржицким, о чем упоминал в письме к А. А. Бестужеву в ноябре 1825 г. (см. с. 635 наст. изд.); в августе 1825 г. здесь гостил А. Мицкевич.
33 *Город* — Симферополь.

Эриванский поход <12 мая — 1 июля 1827>

Отчасти дневниковые записи дополняются письмами к П. Н. Ахвердовой того же времени (см. с. 657 наст. изд.).

- 1 *Генерал* — И.Ф. Паскевич.

- ² *Салгирская долина* — в Крыму (см. с. 534 наст. изд.).
- ³ *Крестовский остров* — в Петербурге.
- ⁴ *Главнокомандующий* — И.Ф. Паскевич.
- ⁵ *Лори* — в X в. главный город местности, потом крепость.
- ⁶ *Мавзолей Монтрезора* — во время Эриванской экспедиции 1804 г. здесь героически погиб майор Монтрезор с командой в 100 человек, посланной за провиантом.
- ⁷ *Прокламация садакцам и миллинцам* — обращение к наиболее сильным курдским племенам о сотрудничестве с Россией; по всей вероятности, составлялась Грибоедовым, который был последовательным проводником мирных отношений с местными племенами, что вылилось в подготовленную им записку от 27 июня 1827 г. “О мирных сделках с разными племенами Эриванской области на походе из Эчмиадзина в Нахичевань, направленную Паскевичем в министерство иностранных дел (см.: *Шостакович*, с. 110–113). Вероятно, именно о составлении этой записки упоминает Грибоедов в письме к П.Н. Ахвердовой 28 июня 1828 г. (см. с. 657 наст. изд.). Ряд фактов сотрудничества с местным населением отмечается несколько ниже Грибоедовым в его дневниковых записях.
- ⁸ Речь идет о взятии в декабре 1803 г. кн. Цициановым крепости Ганджа (переименованной им в 1804 г. в Елизаветполь в честь императрицы Елизаветы Алексеевны); среди развалин Ганджи сохранился мавзолей, в котором, по преданию, похоронен поэт Низами (XII в.).
- ⁹ *Иавер* — майор в персидской армии.

ПИСЬМА

В настоящем издании впервые собраны все письма Грибоедова, дошедшие до нас. В их числе и официальные — некоторые из них (относящиеся к концу 1828 г.) лишь подписаны Грибоедовым, а составлялись сотрудниками русской миссии в Персии. Но и в этом случае они имеют, несомненно, важное биографическое значение и выражают точку зрения Грибоедова, раскрывают круг его забот на посту полномочного министра. За пределами издания, с другой сторо-

ны, остались те письма, которые составлялись Грибоедовым для С.И. Мазаровича (1818–1821) и И.Ф. Паскевича (1827–1828), — ряд из них сохранился в грибоедовских автографах; исчерпывающая публикация такого рода документов, очевидно, будет задачей нового академического издания Полного собрания сочинений Грибоедова. Не включается в наше издание и письмо к В.Ф. Вяземской (см. *ЛН*, т. 47–48, с. 230), так как оно на самом деле написано А.Ф. Грибоедовым — дядей писателя. Письма здесь печатаются в хронологическом порядке; исключения сделаны для мелких записок, которые в ряде случаев объединены в единые группы по адресатам.

И.Д. ЩЕРБАТОВУ. <1808>.

Воспоминания. Автограф — *ЦГВИА*, копия — *ГЦТМ*. Записка могла быть написана в первой половине 1808 года, так как 4 июня этого же года Буринский умер. Родственник Грибоедова, В. И. Лыкошин, обучавшийся с ним в университете в 1805–1808 годах, вспоминал: “Мы поручены были родственному надзору его матери, добрейшей Анастасии Федоровне, у которой большею частью проводили праздничные дни <...>. Тогда же приходили на лекции кн. Иван Дмитриевич Щербатов и двоюродные его братья Михаил и Петр Чаадаевы с гвернером-англичанином, князя Алексей и Александр Лобановы, два брата Ефимовичи (Ефимовские) и другие” (*Воспоминания*, с. 34).

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 9 НОЯБРЯ 1816.

Письма к Бегичеву, Автограф — *ГИМ*.

- ¹ Совр. адрес — канал Грибоедова, 104/25.
- ² Намек на мать, Н.Ф. Грибоедову.
- ³ Мешанский клуб, основанный немцем Шустером в 1772 г. (совр. адрес — Адмиралтейский пр., 10).
- ⁴ А.С. Кологривов.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 5 ДЕКАБРЯ 1816.

Письма к Бегичеву. Автограф — *ГИМ*.

- ¹ Д.Н. Бегичев.
- ² Иркутский гусарский полк, в котором служил и Грибоедов до перевода его в Кавалерийские резервы.

С. Н. БЕГИЧЕВУ. 4 СЕНТЯБРЯ 1817.

Письма к Бегичеву. Автограф — ГИМ.

- 1 В начале августа на празднества в Москву отправились два сводных (пехотный и кавалерийский) полка, а с ними кавалергард Бегичев и преображенец П.А. Катенин.
- 2 Вторая почтовая станция от С.-Петербурга.
- 3 Кондитерская на углу Дворцовой площади и Невского пр.
- 4 Д.Н. Бегичев.
- 5 Известная петербургская гадалка Ш.Ф. Кирхгоф.
- 6 Сцены из пьесы “Своя семья, или Замужняя невеста” (см. с. 305 наст. изд.).
- 7 Вероятно, Н.М. Муравьев, принявший в 1817 г. С.Н. Бегичева в тайное общество.

П.А. КАТЕНИНУ. 19 ОКТЯБРЯ <1817>.

Сборник, изданный студентами С.-Петербургского университета, 1860, вып. 2, с. 240–243.

- 1 Отклик на комедию “Молодые супруги” в журнале “Северный наблюдатель” (см. с. 738 наст. изд.).
- 2 Стихотворение “Лубочный театр” (см. с. 427 наст. изд.).
- 3 “Пустодомы” (премьера 10 октября 1819).
- 4 А.А. Жандр.
- 5 Перевод поэмы Т. Тассо “Освобожденный Иерусалим” (издан в 1818–1819 гг.).
- 6 Отрывок из трагедии Расина был напечатан в переводе Жандр в журнале “Северный наблюдатель” (1817, № 4); здесь, в частности, читаем: “Все разбежались, все рассыпались вкруг, // Как громом по полю разгнанные гояда”.
- 7 См. с. 16–17 наст. изд.
- 8 Комедия “Притворная неверность” (см. с. 318 наст. изд.).
- 9 Фактически пять сцен (комедии “Своя семья, или Замужняя невеста”) (см. с. 305 наст. изд.).
- 10 Далее в письме идет текст “Лубочного театра”.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 15 АПРЕЛЯ 1818.

Библиографические записки, 1859, т. 2, № 7, с. 193–195. Автограф — ГБЛ.

- 1 Предполагают, что назначение в персидскую миссию было своеобразной ссылкой Грибоедова за участие в дуэли Завадовского с Шереметьевым 12 ноября 1817 г.
- 2 К.В. Нессельроде.
- 3 17 июня 1818 г. Грибоедов был назначен секретарем миссии и произведен в чин титулярного советника.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 30 АВГУСТА <1818>.

Письма к Бегичеву, с. 9–10. Автограф — ГИМ, с пометой Бегичева “№ 1. Получено сентября 4-го 1818 года”.

- 1 Александр Невский скончался в 1263 г. в Городце Волжском, возвращаясь из Золотой Орды.
- 2 “Сын отечества”.
- 3 Репертуарные афишки петербургских театров.
- 4 Новый балет ставился в день именин Александра I, в 1818 г. состоялась премьера балета Дидло “Калиф Багдадский, или Приключения молодости Гаруна Аль-Рашида”.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 5 СЕНТЯБРЯ <1818>.

Письма к Бегичеву, с. 10–12. Автограф — ГИМ, с пометой Бегичева “№ 2. Получено сентября 13-го 1818-го”.

- 1 П.Н. Чебышев.
- 2 Д.Н. Бегичев.
- 3 Памятник Минину и Пожарскому (работы И.П. Мартоса) был открыт 20 февраля 1818 г.
- 4 Пьеса шла в московском театре 3 сентября 1818 г.
- 5 Е.С. Семенова — Мельпомена (т. е. трагическая актриса, в отличие от ее сестры, Н.С. Семеновой, — комической актрисы).
- 6 И.А. Гагарин.
- 7 Опера Д. Штейбельта (шла 4 сентября 1818 г.).
- 8 Вероятно, А.И. Колечицкая (см. след. письмо), которая позже вспоминала: “...помню, в один день она (мать Грибоедова. — С. Ф.)

позвала меня обедать, и я нашла у нее большое общество. Вдруг входит молодой человек в очках, которого мне трудно было узнать как Александра Грибоедова, товарища нашей юности" (*Воспоминания*, с. 39).

- 9 М.С. Грибоедова.
10 В.С. Миклашевич.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 9 СЕНТЯБРЯ 1818.

Письма к Бегичеву.

- 1 А.С. Кологривов.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 18 СЕНТЯБРЯ 1818.

Письма к Бегичеву. Автограф — ГИМ, с пометой Бегичева "№ 4-ой. Получ. октября 4-го".

- 1 Грибоедов пробыл в Москве со 2 по 10 сентября.
2 Здесь можно увидеть зерно замысла "Горя от ума".
3 Журнал "Российский музей" (1815).
4 Том "Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России" И.И. Голикова; сохранились выписки Грибоедова из него (см.: ПСС, т. 3).

МАЗАРОВИЧУ. 12 ОКТЯБРЯ <1818>.

Попова. Автограф — ГИМ. Об адресате см.: Дое т j а н И. А.С. Грибоедов и доктор из Пераста С.И. Мазарович. — В кн.: Прилози прочавану српско-руских књижевних веза. Нови сад, 1980, с. 137–154.

- 1 А.П. Ермолов; о нем же ниже — *господин проконсул Иберии*.
2 Котырев.
3 Цитата из "Буколик" Вергилия.
4 Подпись в письме по-персидски.

Я.Н. Толстому и Н.В. Всеволожскому. 27 января <1819>.

Акад., т. 3. Список ГПБ.

- 1 А.П. Ермолов.
2 Намек на дуэль с А.И. Якубовичем 23 октября 1818 г., во время которой Грибоедов был ранен в ладонь левой руки.

- 3 Возможно, здесь содержится намек на ту женщину, о которой Грибоедов вспоминал позже в письме к С.Н. Бегичеву от 4 января 1825 г.

С.И. МАЗАРОВИЧУ. 6 СЕНТЯБРЯ 1819.

Попова. Автограф — ГИМ, с пометой Мазаровича: "Получено 8 сентября 1819 г."

- 1 Персидский чиновник, прикомандированный к дипломату, — Махмед-Али-бек.
2 Селение близ Тавриза.
3 Указ.
4 Золотая страна (легендарная страна на американском континенте).
5 Ш.Ф. Мелик-Бегляров.
6 Персидская мера расстояния, равная 5 верстам.
7 Местечко, лежащее между Тавризом и Мирандом (см. о нем в "Путевых заметках", с. 529 наст. изд.).
8 Наследный принц Аббас-Мирза.
9 Хан Миранды.

С.И. МАЗАРОВИЧУ. 11–13 СЕНТЯБРЯ 1819.

Попова. Автограф — ГИМ, с пометой Мазаровича: "Получено 18 сентября 1819 г."

- 1 Гонец.
2 Город, до 1828 г. принадлежавший Персии.
3 См. в Путевых заметках, с. 530 наст. изд.
4 Фетали-шах.
5 Наследник престола Аббас-Мирза.
6 Погонщики.
7 *Туман, таман* — персидская монета, равная 5 русским руб. серебром.
8 Резкая речь, которою 1 января 1814 г. Наполеон распустил законодательный корпус.
9 Ханство, находившееся, по Гюлистанскому трактату 1813 г., под русским владычеством.
10 Запись рассказа Вагина см. в Путевых заметках, с. 524 наст. изд.

- 11 Скала Илин-даг близ Нахичевани, см. о ней в Путевых заметках, с. 555 наст. изд.
- 12 См. об этом в Путевых заметках, с. 530 наст. изд.
- 13 Капитан.
- 14 Ш.Ф. Мелик-Бегляров.

С.И. Мазаровичу. 6 октября 1819.

Попова. Автограф — ГИМ, с пометой Мазаровича: "Получено 16 октября 1816".

- 1 М.И. Пономарев.
- 2 Т. е. персов.

П.А. Катенину. Февраль 1820.

А.С. Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858.

- 1 См. с. 520 наст. изд. и примеч.
- 2 Дворец шаха близ Тегерана.
- 3 Мусульманский пост.
- 4 Словарь.
- 5 Трагедия Катенина, начата в 1809 г., напечатана в 1827 г.
- 6 А.А. Шаховской.
- 7 Е.И. Ежова.
- 8 Система древнегреческих легенд о происхождении богов. Вероятно, речь идет о славословиях Шаховскому, причем Грибоедов иронически называет Чепегова "прозорливым".
- 9 *Гейнзиус и Гревюс* — голландские купцы, упоминаемые в "Деяниях Петра Великого, мудрого преобразователя России" И.И. Голикова.
- 10 Слуга Грибоедова Амлик.

А.И. Рыхлевскому. Февраль 1820.

Попова. Автограф — ГИМ, с пометой Рыхлевского: "4 мая отвечал из Тифлиса".

- 1 Ниций, упоминаемый в "Одиссее".
- 2 А.П. Ермолов.

Н.А. Каховскому. 3 мая 1820.

Сборник *ОЛРС* на 1891 год. Автограф — ГИМ.

- 1 Намек на "чистых" и "нечистых" животных в Ноевом ковчеге.
- 2 Управляющий делами наследника престола.
- 3 А.П. Ермолов.
- 4 Р.И. Ховен, А.А. и И.А. Вельяминовы.

Н.А. Каховскому. 25 июня 1820.

Сборник *ОЛРС* на 1891 год. Автограф — ГИМ.

- 1 Р.И. Ховен, А.П. Ермолов.
- 2 Титул Великих Моголов Индии.

А.И. Рыхлевскому. 25 июня 1820.

Попова, с. 76–81 (здесь же фототипия). Автограф — ГИМ.

- 1 По преданию, Диоген ходил днем с фонарем в поисках честного человека.
- 2 А.П. Ермолов.
- 3 С.И. Мазарович.

Н. А. Каховскому. 19 октября 1820.

Сборник *ОЛРС* на 1891 год. Автограф — ГИМ.

- 1 Слуга Грибоедова Амлик.
- 2 А.А. Вельяминов.

А.И. Рыхлевскому. 24 октября 1820.

ЛН, т. 47–48. Копия — ГЦТМ.

А.И. Рыхлевскому. 3 ноября 1820.

ЛН, т. 47–48. Копия — ГЦТМ.

- 1 Вероятно, имеется в виду А. П. Ермолов.

Неизвестной. 17 ноября 1820.

Москвитянин, 1856, т. 3, № 12. Копия — ГБЛ. Адресатом письма, возможно, была женщина, о которой Грибоедов вспоминал в письме к

Бегичеву от 4 января 1825 г. Во всяком случае, предположение, что это письмо адресовано А.А. Шаховскому (назывались также и другие возможные адресаты: П.А. Катенин, П.И. Могилевский), противоречит содержанию послания (см. особенно конец первого абзаца).

- ¹ О “пророческом сне”, во время которого Грибоедову явилась мысль о комедии “Горе от ума”, упоминает также в своих воспоминаниях Ф. В. Булгарин (см. с. 726 наст. изд.).

Неизвестному (Ермолову А.П.). <Ноябрь 1820>.

Москвитянин, 1856, т. 3, № 12. На обороте предыдущего.

Н.А. Каховскому. 27 декабря <1820>.

Сборник *ОЛРС* на 1891 год. Автограф *ГИМ*.

- ¹ Ш.Ф. Мелик-Бегляров.
- ² Здесь в подлиннике по-персидски написано “Сепарта-башид” — “будьте поручены” (может быть, фраза осталась недописанной).
- ³ Р.И. Ховен.

В.К. Кюхельбекеру. <1 октября 1822 — конец января 1823>.

РС, 1874, № 5. Автограф — в частном собрании И.С. Зильберштейна.

- ¹ В.К. Кюхельбекер уехал из Тифлиса в мае 1822 г., после дуэли с родственником А.П. Ермолова Н.Н. Похвисневым.
- ² Упоминаемые в Коране духи, пытавшиеся овладеть планетой Венера (по-арабски Зухра — ее название далее записано Грибоедовым).
- ³ Царь лапифов, привязанный богами к вечно вращающемуся огненному колесу за посягательство на Геру (супругу Зевса) (греч. миф.).
- ⁴ Первые сцены “Горя от ума” были сочинены в Тифлисе и читались автором Кюхельбекеру (см. с. 726 наст. изд.).
- ⁵ *Мошенник В. Е. Севинис* (Севинье), разоблаченный Грибоедовым и выдворенный из России за мошенничество (см.: *Воспоминания*, с. 52, 55).
- ⁶ Об одном из путешествий сохранились сведения в книге Лайола “Путешествие по России, Крыму, Кавказу и Грузии” (Лондон, 1825): “Лайол и Грибоедов выехали из Тифлиса в Кахе-

тию 22 июня 1822 года. Побывав сперва в Мухравани — штаб-квартире Грузинского гренадерского полка, где командиром был друг Грибоедова — П.Н. Ермолов, путники затем, переправившись через Иори, приехали в Гомбори... После подробного ознакомления с Телави и ночевки в Энисели Грибоедов и Лайол прибыли в Кварели. Ночевали в старинном доме Чавчавадзе. 26 июня направились дальше по Алазанской долине к развалинам древней крепости Греми. Следующий день был посвящен осмотру крепости и монастыря Алаверды, для чего путникам пришлось переехать р. Алазань. Затем Грибоедов и Лайол возвратились в Тифлис” (Еникиелопов И.К. Грибоедов и Восток, изд. 2. Ереван, 1974, с. 51–52). В октябре того же года Грибоедов сопровождал по Кахетии другого англичанина — Клендса.

Ю.К. Глинке. 26 января 1828.

РС, 1875, № 7. Автограф — *ГИМ*.

- ¹ В.К. Кюхельбекер, незадолго до того он был уволен со службы при главноуправляющем Ермолове за участие в дуэли.
- ² В ноябре 1822 г. Катенин был сослан в свою костромскую деревню за “неприличный поступок” в театре (фактической причиной была его политическая неблагонадежность).

А.В. Всеволожскому. 8 августа <1823>.

Шляпки, т. 1.

- ¹ Т. е. на Нижегородскую ярмарку.
- ² Грибоедов в те дни был занят работой над двумя последними действиями “Горя от ума”.
- ³ Имеется в виду коммерческий проект по торговле с Персией.

С.Н. Бегичеву. <10 июня 1824>.

Письма к Бегичеву. Автограф — *ГИМ*.

- ¹ Имеется в виду комедия Реньяра “Игрок”, ставившаяся в то время на сцене и очень популярная.
- ² Л.В. Давыдов.
- ³ Комедия “Горе от ума”.

- ⁴ А.С. Шишков.
⁵ Известная гостиница в Петербурге на Мойке, рядом с Невским проспектом.
⁶ Для встречи с Карамзиным (см. с. 613 наст. изд.).

С.Н. БЕГИЧЕВУ. <Июнь 1824>.

ПСС, т. 3.

- ¹ А.И. Бегичева.
² Русский перевод — “Жизнь Али-Паши Янинского”. Соч. Пукевилля, в 3-х ч. М., 1822—1824.
³ М.С. Грибоедова.
⁴ Д.Н. Бегичев.
⁵ Д.В. и Л.В. Давыдовы.
⁶ Демутов трактир (гостиница).

П.А. Вяземскому. 21 июня <1824>.

Литературная газета, 1945, № 3. Автограф — ЦГАЛИ.

- ¹ Комедия “Горе от ума”.
² Т. е. в имении Вяземских Остафьево.
³ 10 июня 1824 г. (см. с. 609 наст. изд.).
⁴ “Керим-Гирей, крымский хан”, романтическая трилогия в пяти действиях. Впервые представлена в Петербурге 28 сентября 1825 г.
⁵ Гнедич в то время был занят переводом “Илиады”.
⁶ Вит (фр.) — цель.
⁷ Речь идет о записке Вяземского к французскому журналисту М.-А. Жюльену, рекомендующего Грибоедова, который в то время собирался во Францию (поездка эта не состоялась) (см.: ЛН, т. 47—48, с. 238—239).

П.А. Вяземскому. 11 июля <1824>.

Остафьевский архив, т. 5, вып. 2.

- ¹ В пьесе А.А. Шаховского “Ты и Вы. Вольтерово послание, или Шестьдесят лет антракта. Анекдотическая комедия в двух дей-

ствиях, с интермедией, представляющей Сен-Жерменскую ярмарку”. Впервые поставлена в Петербурге 23 января 1824 г.

- ² Скульптурный портрет Вольтера работы Ж.-А. Гудона.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 31 АВГУСТА <1824>.

Письма к Бегичеву. Автограф — ГИМ.

- ¹ Персидский орден, пожалованный Грибоедову в 1822 г.

Ф.В. Булгарину. <Начало октября 1824>.

РС, 1874, № 7. Автограф — ПД, с пометой Булгарина: “Грибоедов в минуту сумасшествия”.

- ¹ Письмо было вызвано фельетоном Булгарина “Литературные призраки” (Литературные листки, 1824, ч. 3, № 16), герой которого Талантин (в котором было легко угадать Грибоедова) был противопоставлен карикатурно изображенным петербургским литераторам (здесь был затронут дельвиговский круг).
² Вскоре, однако, Грибоедов примирился с Булгариним.

П.А. Катенину. 17 октября <1824>.

Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858.

- ¹ А.А. Катенин.
² Сцены из трагедии П. А. Катенина “Андромаха” печатались в альманахе “Русская Талия” (вышедшем в свет в конце 1824 г.).
³ В парижском журнале “Mercure de XIX-e siècle”, 1824, т. 6, № 77 была помещена статья Н.И. Бахтина (под подписью “J. N.”), приятеля Катенина, содержащая лестный отзыв о нем; см. также примеч. к письму Катенину (первая половина января — 14 февраля 1825 г.), с. 785 наст. изд.
⁴ Шуточный намек на плодовитость Шаховского, готового к переделке для сцены любого популярного произведения. Возможно, здесь также имелся в виду водевиль Шаховского (переделка из Мартиньяка) “Притчи, или Эзоп у Ксанфа”, представленный впервые 3 ноября 1824 г.
⁵ Вольный перевод трагедии Ж. Ротру, один из первых опытов в русской драматической поэзии белого шестистопного ямба (первый акт напечатан в альманахе “Русская Талия”).

- 6 Имеется в виду список "Горя от ума".
 7 Заграничная поездка Грибоедова не состоялась.
 8 На спектакле немецкой труппы.
 9 Т. е. Е. Семеновой.
 10 Цитата из "Ифигении в Авлиде" Расина в переводе М. Лобанова.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 4 января <1825>.

Письма к Бегичеву. Автограф — ГИМ с пометой Бегичева: "825-го. С.-Петерб."

- 1 Фраза эта трактуется как косвенное указание на 1790 г. как год рождения Грибоедова (ср. в Библии: "Срок нашей жизни 70 лет"), но в грибоедовское время нередко и тридцать лет считались половинным сроком человеческой жизни.
 2 "Трясинано государство" — цитата из басни Крылова "Лягушки, просящие царя".
 3 Е.А. Телешова; стихотворение, ей посвященное, см. с. 443 наст. изд.
 4 Здесь содержится намек (понятный Бегичеву) о женщине, глубокое чувство к которой Грибоедов пережил ранее и имя которой остается нам неизвестным. Возможно, именно ей написано письмо из Тавриза 17 ноября 1820 г. (см. с. 599 наст. изд.).
 5 Д.В. Давыдов.
 6 Д.Н., А.В. и А.И. Бегичевы.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. <25 января 1825>.

Письма к Бегичеву. Автограф — ГЦТМ.

- 1 См. след. письмо.
 2 Трагедию Жандра (см. с. 617 наст. изд.).

П.А. КАТЕНИНУ. <Первая половина января — 14 февраля 1825>.

Всемирный труд, 1868, кн. 2. Фототипия — ПСС, т. 3, с. 168—169. Автограф — ГЦТМ. Письмо от 14 февраля — Шляткин, т. 1, автограф — ГПБ.

- 1 А.А. Катенин.
 2 На статью Бахтина о Катенине в парижском журнале (см. с. 783 наст. изд.), там же (№ 82) появилось "письмо к издате-

лю" кн. В.Ф. Гагарина (Р. В. Г.) с резкой характеристикой Катенина. Ответ на это письмо был напечатан Н.И. Бахтиным там же, а также Катениным в "Сыне отечества" (1825, ч. 99, с. 333—335).

- 3 "Междудействие, или Разговор в театре о драматическом искусстве" в альманахе "Русская Талия".
 4 Отрывки из трагедии "Андромаха" Расина в переводе Гнедича напечатаны в "Сыне отечества" (1820, № 41, с. 31—38).
 5 "Сплетни", комедия Катенина, переделка из Грессе, 1821; "Сид", перевод из Корнеля, 1822 (ср. в "Евгении Онегине": "Там наш Катенин воскресил // Корнеля облик величавый").

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 18 мая 1825.

Письма к Бегичеву. Автограф — ГИМ.

- 1 Против статьи М.А. Дмитриева в "Вестнике Европы", 1825, ч. 140, № 6, с резким отзывом о "Горе от ума" была направлена не дошедшая до нас антикритика Бегичева (см. также письмо от 9 сентября 1825 г., с. 631 наст. изд.).
 2 Люк-Клапье *Vovenaar* — известный французский критик и моралист.
 3 В.К. Кюхельбекер.
 4 Представление комедии в театральной школе в последний момент было запрещено гр. Милорадовичем.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 4 июня 1825.

Письма к Бегичеву. Автограф — ГИМ.

- 1 Монахиня Смарагда.

В.Ф. ОДОЕВСКОМУ. 10 июня 1825.

РА, 1864, вып. 7—8. Автограф — ГПБ.

- 1 "Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии "Горе от ума" (Московский телеграф, 1825, ч. 3, № 10, Приложение; подпись: "У. У.").
 2 Эта июньская ярмарка была назначена местом свидания П.И. Пестеля с представителями польского тайного общества.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 9 ИЮЛЯ <1825>.

*Черновая тетрадь; РЛ, 1968, № 3. Автограф — ПД.*¹ См. с. 30—31 наст. изд.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 9 СЕНТЯБРЯ 1825.

Письма к Бегичеву. Автограф — ГИМ.

- ¹ Грибоедов обдумывал трагедию о кн. Владимире, принявшем крещение в Крыму, в Херсонесе (Корсуни).
- ² О пребывании Грибоедова в Симферополе см.: *Воспоминания*, с. 389—390.
- ³ См. с. 513 наст. изд.
- ⁴ Сослуживцы Грибоедова по Иркутскому полку, Шатилов и Алябьев (известный композитор), были осуждены за убийство помещика Времева и высланы в 1827 г. в Сибирь (см.: *Исторический вестник*, 1905, апрель).
- ⁵ “Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона” (М., 1825).
- ⁶ Д.Н. Бегичев.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 12 СЕНТЯБРЯ <1825>.

*Письма к Бегичеву. Автограф — ГИМ, с пометой Бегичева: “825-го”. Фототипия — ПСС, т. 3, с. 176—177.*¹ А. Грибов, слуга Грибоедова.

А.А. БЕСТУЖЕВУ. 22 НОЯБРЯ 1825.

РС, 1889, № 2, Автограф — ПД.

- ¹ А.П. Ермолов.
- ² Стихотворение “Хищники на Чегеме” (см. с. 444 наст. изд.).
- ³ “*Оргии*” Н.Б. Юсупова, московского вельможи, которому посвящено стихотворение Пушкина “К вельможе”, были описаны, вероятно, в недошедшем до нас письме Бестужева, упоминаемом в начале.
- ⁴ Встреча произошла в Гурзуфе, на вилле Г. Олизара (там же присутствовали А. Мицкевич и Г. Ржевусский).

В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ. 27 НОЯБРЯ 1825.

РС, 1889, № 2. Автограф — ПД.

¹ А. П. Ермолов.

С.Н. БЕГИЧЕВУ. 7 ДЕКАБРЯ 1825.

*Письма к Бегичеву. Автограф — ГИМ, с пометой Бегичева: “825-го”.*¹ Зажигательные артиллерийские снаряды, названные так по имени английского изобретателя Уильяма Конгрева (1772—1828).

А.А. ЖАНДРУ и В.С. МИКЛАШЕВИЧ. 12 ДЕКАБРЯ 1825.

Шляпки, т. 1. Автограф — ГЦТМ.

- ¹ Александр I умер 19 ноября 1825 г. в Таганроге.
- ² Грибоедов намекает здесь на обстоятельства междуцарствия, возможно, предполагает активные действия тайного общества.
- ³ В.К. Кюхельбекер.
- ⁴ Речь идет о связи гр. Милорадовича с Е.А. Телешовой, родственницей Шаховского.
- ⁵ Т. е. о Шаховском (называются две его пьесы — “Аристофан, или Представление всадников” и “Керим-Гирей, крымский хан”).
- ⁶ А. Грибов.

НИКОЛАЮ I. 15 ФЕВРАЛЯ 1826.

Литературный вестник, 1903, № 2, с. 2. Факсимильное воспроизведение в составе всего следственного дела Грибоедова в кн.: Щегелев П.Е. Грибоедов и декабристы. СПб., 1905, и *Акад.*, т. 3. Автограф — ЦГАОР, с пометами А.А. Ивановского: “№ 662”, “19 февраля 1826” и И.И. Дибича: “Объявить, что этим тоном не пишут государю и что он будет допрошен”.

¹ Письмо написано с гауптвахты Главного штаба, где Грибоедов был под арестом по делу декабристов. Первый допрос Грибоедова был снят 11 февраля 1826 г. генерал-адъютантом В.В. Левашевым.

Записки Ф.В. Булгарину с гауптвахты Главного штаба.

РС, 1874, № 6. Фототипически воспроизведены записки № 1, 2 и 5 в кн.: Сб. снимков с автографов русских деятелей 1801—1825. СПб., 1873, с. 23. Автографы — ПД.

1. 17 февраля 1826.

- ¹ Типография находилась рядом с Главным штабом, в доме Косиковского, на углу Невского пр. и Б. Морской ул. (ныне ул. Герцена).
- ² Поэма Байрона "Путешествие Чайльд-Гарольда".
- ³ Об обстоятельствах "дружбы" с М.П. Жуковским см.: *Воспоминания*, с. 134—135.
- ⁴ См. предыдущее письмо.

2. Вскоре после 17 февраля.

- ¹ Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826.

4. Вскоре после 25 февраля.

На обороте записки Булгарина к Грибоедову: "Любезный друг! береги свое здоровье, не мучайся и не терзайся напрасно. Ты невинен, следственно, будешь освобожден в самом скорейшем времени, и одна только печальная церемония могла удержать течение дел. Почтеннейший Михайла Петрович расскажет тебе, что твое освобождение — вещь верная..." "Печальная церемония", упоминаемая здесь, — приготовление к погребению в Петропавловском соборе тела Александра I, которое состоялось 6 марта. 25 февраля, после допроса Грибоедова Следственным комитетом, была вынесена резолюция об освобождении Грибоедова из-под ареста, на что, однако, последовала резолюция Николая I: "Коллежского асессора Грибоедова оставить пока у дежурного генерала". О ходе следствия над Грибоедовым см. в кн.: Фомичев С.А. Грибоедов в Петербурге. Л., 1982, с. 11—146.

- ¹ Книга французского археолога Ж.-Ж. Бартеlemi (русские переводы: 1804—1809 и 1803—1819).

5. <Конец февраля — начало марта>.

- ¹ Видимо, Грибоедов здесь намечает официально приемлемую версию событий.

6. После 16 марта.

- ¹ 16 марта Грибоедов был вызван в крепость на беседу с А.Х. Бенкендорфом (вероятно, для уточнения показаний на допросе в комитете 15 марта), обратив в Главный штаб Грибоедова сопроводившим секретарь комитета А.А. Ивановский. 19 марта Булгарин пишет Ивановскому записку с просьбой встретиться.

8. 19 марта.

- ¹ Таврида, или Мой летний день в таврическом Херсонисе. Николаев, 1798.
- ² "Дифференциальное исчисление" Франкера (М., 1824; пер. Д. Перевошикова).

9. 21 марта.

- ¹ Вероятно, Грибоедов имеет в виду напечатанный в "Северной пчеле" (1825, 20 марта) восточный аполог Булгарина "Человек и мысль" о некоем турецком мудреце Абдалле, испытавшем несправедливые гонения, но в конечном счете освобожденном из заключения.
- ² Опыт науки изящного. СПб., 1825.

10. 18 апреля.

- ¹ Пасха в 1826 г. падала на 18 апреля.
- ² Басни Ивана Крылова в семи частях, новое, исправленное и пополненное издание, с портретом автора и картинами. СПб., 1825. Изд. Ив. Сленина.

11. После 18 апреля.

- ¹ Дмитриев И.И. Апологи в четверостишиях, выбранные преимущественно из Мольво. М., 1825.
- ² Degeando. Histoire comparée des systemes de philosophie. Paris, 1804 (2-е изд. — 1823).
- ³ "Санктпетербургский карманный месяцеслов на лето от Р. Х. 1812 (и след.), с присовокуплением любопытных астрономических и исторических статей, соч. г. Шубертом".
- ⁴ Несмотря на благоприятное мнение комитета о Грибоедове, он был оставлен под арестом по личному распоряжению царя до получения сведений о нем с Кавказа от направ-

ленного туда полковника Ф.Ф. Бартоломея (Грибоедов об этом знать не мог и терялся в догадках о причинах задержки с освобождением).

Записки Н.А. Муханову.

ПСС, т. 3, с. 152–153. Автографы – ГИМ. Датировка: К р а с н о в П.С. О трех записках Грибоедова. – *РЛ*, 1972, № 2, с. 185–187.

1. <Апрель–май 1826>.

¹ В феврале – апреле 1826 г. книгами Грибоедова регулярно снабжал Булгарин, переписка с которым по какой-то причине оборвалась.

² История Государства Российского. СПб., 1818.

³ Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818–1819.

2. Апрель–май.

¹ А.А. Жандр вспоминал, что в дни ареста Грибоедов, пользуясь попустительством караульных, приходил к нему на квартиру: “...ужинал или пил чай и играл на фортепьяно... Он возвращался от меня в свою конуру или поздно ночью, или на рассвете” (*Воспоминания*, с. 219).

3. <Июнь 1826>.

¹ 20 июня 1826 г. Н. А. Муханов писал брату: “Грибоедов не едет в Москву, потому что был в простуде все это время, страдал от флюса, и потом, не кончил еще совершенно дела свои здесь” (*ГИМ*, ф. 34, № 117, л. 86).

С.И. Алексееву. 3 июня <1826>.

Звенья, т. 1. Автограф – ГИМ.

¹ Уездный город в Полтавской губернии, близ которого было имение Алексеевых.

² Т. е. на гауптвахте Главного штаба.

В.С. Миклашевич. <6 июня 1826>.

Звенья, т. 1. Автограф – ГИМ.

¹ На даче Булгарина на Выборгской стороне.

А.А. Добринскому, 9 ноября <1826>.

ПСС, т. 3. Автограф – ГПБ.

¹ А.П. Ермолов.

С.Н. Бегичеву. 9 декабря 1826.

Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ.

¹ В августе 1826 г., в связи с началом русско-персидской войны, в Грузию был направлен И.Ф. Паскевич, вскоре (в марте 1827) сменивший А.П. Ермолова как Главноначальствующего в Грузии и командира Кавказского корпуса.

² Д.В. Давыдов.

³ Вероятно, трагедию “Грузинская ночь”.

⁴ Давыдов уезжал в Москву.

⁵ Речь идет о сватовстве А. М. Дурново к сестре Грибоедова; письмо А.М. Дурново к Грибоедову от 25 мая 1828 г. см.: *РС*, 1874, № 6.

⁶ Цитата из “Разговора книгопродавца с поэтом”.

⁷ А.П. Ермолов.

⁸ Т. е. П.А. Катенина (автора “Андромахи”).

⁹ Вспоминается о встрече с Бегичевым летом 1826 г. (проездом на Украину и в Крым).

¹⁰ Целиком “Борис Годунов” напечатан в 1831 г.

¹¹ Малолетняя дочь Бегичевых.

¹² А.А. Жандр после ареста в конце 1825 г. оставался под подозрением, и писать ему было невозможно.

А.В. Всеволожскому. 19 марта 1827.

Труды Иркутского гос. ун-та, т. 16, вып. 3. 1956.

¹ В Астрахани находились рыбные промыслы Всеволожского.

² Имеется в виду арест Грибоедова по делу декабристов.

³ См. примеч. к письму Бегичева от 9 декабря 1826 г.

⁴ См. записки к Т. Этье 1821–1823 гг.

⁵ Н.В. Всеволожский.

⁶ Во время ареста Грибоедова.

Ф.В. Булгарину. 16 АПРЕЛЯ 1827.

РС, 1874, № 6, Автограф — ПД.

- 1 А.П. Ермолов.
- 2 Стихи Жандра без подписи были напечатаны в "Северной пчеле", 1827, № 2 ("Минуты жизни") и № 8 ("К моей музе").
- 3 Сцена "В Чудовом монастыре" была напечатана в "Московском вестнике" (1827, № 1).
- 4 И.Ф. Паскевич.
- 5 Первая глава романа Булгарина "Иван Выжигин", под названием "Сиротка, или Картина человечества во вкусе фламандской школы", напечатана в "Северном архиве" (1827, ч. 25, № 11).
- 6 Александр Грибов.
- 7 Е.И. Булгарина и Е.И. Видеман.

П.Н. Ахвердовой. 28 июня 1827.

РА, 1881, II. Автограф — ГПБ.

- 1 И.Ф. Паскевич.
- 2 Незадолго до того Н.Н. Муравьев женился на Софье Федоровне, падчерице П.Н. Ахвердовой.
- 3 Н.А. Юдина.
- 4 А.А. Ахвердова.
- 5 М.И. Орбелиани.
- 6 Е.А. Снаксарева.

П.Н. Ахвердовой. 3 июля 1827.

РА, 1881, II. Автограф — ГПБ.

- 1 Н.Н. Муравьев.
- 2 И.Ф. Паскевич.
- 3 С.Ф. Муравьева.

И.Ф. Паскевичу. 26 июля 1827.

Дела и дни, кн. 2. 1921, с. 59—62.

- 1 Аббас-Мирза.

- 2 Мария Федоровна.
- 3 От 30 июля 1827 г. (см. с. 662 наст. изд.).
- 4 По Гюлистанскому трактату 1813 г. России от Персии перешли Карабагское, Гайжицкое, Шехинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, Тальшинское ханства, Дагестан, Грузия, Имеретия, Гурия, Мингрелия и Абхазия.

И.Ф. Паскевичу. 30 июля 1827.

РС, 1873, № 6, с. 800—813. Официальная копия — ЦГИА Грузинской ССР, здесь же черновик письма Паскевича к Нессельроде, написанный Грибоедовской рукой, где излагается просьба Паскевича довести данный рапорт до сведения императора.

- 1 В борьбе с афганцами персы потеряли Исфаган, в 1729 г. прекратилась династия Софиев.
- 2 Сражение под Аббас-Абадом.
- 3 Брод на Араксе, при котором 19 октября 1812 г. был разбит 30-тысячный корпус Аббас-Мирзы.
- 4 Персидская мера емкости (халвар-шаги — 18 пудов 5 фунтов).

И.Ф. Паскевичу. 16 МАРТА 1828.

Дела и дни, кн. 2. 1921, с. 62—64.

- 1 Грибоедов прибыл в Петербург (12 марта 1828 г.) вестником Туркманчайского мира с Персией. Высокие награды и большие денежные премии участникам кампании объяснялись прежде всего тем, что это была первая военная победа в царствование Николая I.
- 2 А.И. Паскевич и Е.А. Паскевич.
- 3 О.Ф. Паскевич.
- 4 Вел. кн. Михаил Павлович.
- 5 Ф.С. Хомяков.

И.Ф. Паскевичу. <Конец марта — начало апреля 1828>.

Дела и дни, кн. 2. 1921, с. 64—67.

- 1 При Ушагани 17 августа 1827 г. генерал Красовский сначала потерпел неудачу; Паскевич был вынужден идти к нему на выручку.
- 2 Н.Л. Соллогуб.

- ³ А.М. Обресков был посланником от императора на Туркманчайских переговорах.

А.И. Одоевскому. <Начало июня 1828>.

Москвитянин, 1856, № 12. Черновой автограф — ГПБ. Письмо это могло готовиться к отправке только через III Отделение, чем объясняется его верноподданнический тон, должный внушить властям мысль о случайном участии Одоевского в декабристском восстании.

- ¹ Фраза эта, вероятно, — своеобразный шифр: Одоевский не спасал Грибоедова во время наводнения 7 ноября 1824, Грибоедов намекает, что не оставит друга в несчастье, приложит все усилия для его спасения. См. об Одоевском в письме к Паскевичу от 3 декабря 1828 г. — с. 795 наст. изд.

Ф.В. Булгарину. 12 июня <1828>.

РС, 1874, № 6. Автограф — ПД.

- ¹ Звание министра-резидента в Персии.
- ² Братья Ф.В. и К.В. *Ордынские* — члены общества “Военных друзей”, декабристы, были сосланы в Сибирь.
- ³ К.К. Родофиникин.
- ⁴ Вероятно, к Булгарину была просьба купить для Грибоедова книги по истории и философским вопросам.
- ⁵ Письмо это (с припиской М.А. Дурново) напечатано в РС, 1828, № 6, с. 297–298.
- ⁶ А.А. Жандр.

Ф.В. Булгарину. 27 июня 1828.

РС, 1874, № 6. Автограф — ПД.

- ¹ 12 июня 1828 г.
- ² 23 июня 1828 г.

А.К. Амбургеру. 18 июля — 25 июля — 7 августа 1828.

ПСС, т. 3. Автограф — ГПБ.

- ¹ Цитата написана по-русски.

- ² 26 июля 1828 г.

- ³ И.Ф. Паскевич.

П.Н. Ахвердовой. 29 июля <1828>.

РА, 1881, II, Автограф — ГПБ.

- ¹ Н.А. Чавчавадзе; 16 июля 1828 г. Грибоедов сделал ей предложение.
- ² Родовое имение Чавчавадзе.

П.Н. Ахвердовой. <СЕРЕДИНА АВГУСТА 1828>.

РА, 1881, II, Автограф — ГПБ. Датировано в ПСС, т. 3, с. 356.

- ¹ Н.А. Чавчавадзе.

А.К. Амбургеру. <СЕРЕДИНА АВГУСТА 1828>.

Нива, 1893, № 35. Автограф — ГИМ.

- ¹ Ахалцых пал 15 августа 1828 г.
- ² Имеется в виду поддержка Аббас-Мирзы в его праве наследовать престол после смерти шаха.
- ³ К.В. Нессельроде.
- ⁴ Н.А. Чавчавадзе.

Ф.В. Булгарину. 24 июля — <НАЧАЛО СЕНТЯБРЯ 1828>.

РС, 1874, № 6. Автограф — ПД.

- ¹ Е.И. Булгарина.
- ² В.С. Миклашевич и А.А. Жандр.
- ³ Шутливое подражание “Евгению Онегину”.

К.В. Нессельроде. 20 октября 1828.

РС, 1874, № 12.

- ¹ Фетали-шах; уклонился от выплаты 8-го курура, возложив ее на Аббас-Мирзу.
- ² Провинция Хой, занятая русскими войсками до окончания выплаты 8-го курура.

К.В. Нессельроде. 23 октября 1828.

РС, 1874, № 12. Неудача под Шумлою заставила отложить ход кампании до весны.

П.М. Сахно-Устимовичу. 30 октября 1828.

Правда, 1888, № 32. Автограф — ГБЛ.

¹ И. Ф. Паскевич.

Ф.В.Булгарину. <Конец ноября 1828>.

РС, 1874, № 6. Автограф — ПД.

¹ Корреспонденция И.С. Мальцева, посвященная празднику в Тавризе 26 ноября 1828 г. по случаю взятия русскими войсками крепости Варны, напечатана в "Северной пчеле", 1829, № 5.

² Т. е. Родофиникин и Нессельроде.

³ Е.И. Булгарина и Е.И. Видеман.

К.К. Родофиникину. <Начало декабря 1828>.

ПСС, т. 3. Автограф — ЦГИА Грузинской ССР (с пометой: "№ 9. Получено 2 января 1829").

¹ К.В. Нессельроде.

² Позиция министерства по поводу приезда Аббас-Мирзы в Петербург была противоположна грибоедовской: вступление Персии в войну на стороне России оценивалось здесь как нежелательный повод к конфликту с Англией.

В.С. Миклашевич. <17 сентября — 3 декабря 1828>.

Беседы в ОЛРС, вып. 2. М., 1868. Автограф — ГЦТМ.

¹ А.А. Жандр.

² Герой романов Купера, в том числе и романа "Прерии" (1827).

³ А.И. Одоевский (см. письмо к Паскевичу, написанное в тот же день, с. 715 наст. изд.).

⁴ Начало этого абзаца включено буквально в анонимную записку, распространявшуюся в Петербурге в начале 1829 г. (вероят-

но, по инициативе Ф.В. Булгарина) с целью противодействовать мнению Родофиникина о нерадивости Грибоедова в Персии (см.: *Воспоминания*, с. 290—291).

И.Ф. Паскевичу. <3 декабря 1828>.

Русский вестник, 1894, № 3.

¹ С Турцией.

² Андреевскую ленту.

³ Это письмо Булгарина к Грибоедову от 28 сентября 1828 г. (см.: *Русский вестник*, 1894, № 3, с. 199).

⁴ Аббас-Мирза.

⁵ От 30 ноября 1828 г.

⁶ Между тем в "Проекте инструкции ***, посылаемому в Персию", составленном Грибоедовым по распоряжению министерства иностранных дел (он еще не знал, что в Персию пошлют именно его), предполагалась возможность простить 9-й и 10-й куруры в зависимости от "дружественных поступков" Аббас-Мирзы по отношению к России и "точнейшего исполнения" Туркманчайского договора (см.: ПСС, т. 3, с. 273). После гибели Грибоедова эти куруры были сначала отсрочены на 5 лет, а потом и вообще не востребованы.

⁷ Т. е. родовое поместье жены, где Грибоедов предполагал жить, выйдя в отставку.

⁸ В сентябре 1828 г. Паскевич был назначен шефом Ширванского пехотного полка.

⁹ См. в письме Паскевичу.

¹⁰ Н.М. Сипягин.

¹¹ Благодаря ходатайству Грибоедова Чиляев был восстановлен на службе.

¹² Губернатор Тавриза Фет-Али-Хан.

¹³ Только в 1836 г., при помощи Паскевича, А. Одоевский был переведен из Иркутской в Тобольскую губернию, а потом определен рядовым в Нижегородский драгунский полк на Кавказе.

Н.А. Грибоедовой. 24 декабря 1828.

Шляпкин, т. 1, с. 332–334 (здесь же фототипия письма). Автограф — ЦГАЛИ. Это единственное дошедшее до нас письмо Грибоедова к жене, 9 декабря они виделись в последний раз. Н. А. Грибоедова после отъезда Грибоедова в Тегеран осталась в Тавризе. Остальные письма, отправленные жене в Тавриз, до нас не дошли (вероятно, сгорели при пожаре дома Грибоедовой в Тифлисе — см.: *Шляпкин*, т. 1, с. III), если не считать надписи на французском языке, выгравированной на крышке чернильницы, посланной в подарок: “Пиши мне чаще, мой ангел Нина. Весь твой А. Г. 15 января 1829 года. Тегеран” (хранится в Литературном музее Грузии).

Дж. Макдональду. <Около 24 января 1829>.

Slavic review, v. 30, № 1. March, 1971. См. также: Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 31, вып. 5.1972 (здесь же уточнение датировки).

- ¹ Г. Уиллок, принадлежавший (в отличие от Дж. Макдональда-Кембелла) к русофобской партии английской миссии в Персии, проездом в Петербург в 1828 г. выдавал себя за английского посланника.
- ² Имеется в виду Русско-турецкая война.
- ³ Прием.
- ⁴ Подарками.
- ⁵ Дары российского двора шаху.
- ⁶ Возможно, здесь имеется в виду противодействие англичан проекту Российской Закавказской компании, составленному Грибоедовым совместно с П.Д. Завилейским.

С. Фомичев

Александр Сергеевич Грибоедов

ПЬЕСЫ СТИХОТВОРЕНИЯ

Художественный редактор М. Суворова

Компьютерная верстка Л. Кузьминова

Корректор Л. Царская

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Интернет / Home page: www.eksmo.ru
E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 14.11.2007.
Формат 84x108¹/₃₂ Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 42,0.
Тираж 5000 экз. Заказ № 5576.

ISBN 978-5-699-25332-6

9 785699 253326 >

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

